

Мечть Ронана
Амулет

ΔΚΕΥΜC
Будди

Мечть Ронана
Амулет

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

ΔΚΕΥΜC
Будди

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

JAMES
BIBBY

Ronan's Revenge

Shapestone

ДЖЕЙМС БИББИ

Месть Ронана

Амулет

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44
Б59

Серия основана в 1999 году

James Bibby
RONAN'S REVENGE
1998
SHAPESTONE
1999

Перевод с английского
М. Кондратьева («Мечь Ронана»), Т. Замиловой («Амулет»)

Серийное оформление А. Кудрявцева

Печатается с разрешения автора и Peake Associates c/o Toymania LLC.

Подписано в печать 4.12.03. Формат 84×108^{1/32}.
Усл. печ. л. 43,68. Тираж 7000 экз. Заказ № 441.

Бибби Д.

Б59 Мечь Ронана. Амулет: Фантаст. романы: Пер. с англ. / Д. Бибби. —
М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. — 602,
[6] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-022726-4 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9577-1136-5 (ЗАО НПП «Ермак»)

Вы можете поверить в существование фэнтези, являющей собой
«гремучий коктейль» из приключений Конана-варвара и озорного
«аспировского» юмора?

Нет?

Значит, вы попросту еще не читали сериал Джеймса Бибби «Ронан-варвар»!

Перед вами — исторически смешные похождения мужественного до
неприличия Ронана и развеселой компании его союзников: пьяницы и
недоучки-мага, воительницы, владеющей борделем, и верного боевого... ОСЛА!

А еще Джеймс Бибби написал уморительный «Амулет» — «перевод с
тарабарского», как он сам его характеризует. Терри Прэтчетт и Роберт
Асприн — подвиньтесь!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44

© James Bibby, 1998, 1999
© Перевод. М. Кондратьев, 2003
© Перевод. Т. Замилова, 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2004

Местъ Ронана

Прежде всего стоит заметить, что традиция мифотворчества и сказительства, согласно эльфийскому фольклору, прослеживается аж до самого сотворения мира.

Если верить Прародимцу Отцу Всех Эльфов, то когда он во время своих скитаний по небесной сфере случайно на Среднеземье наткнулся, кругом там были сплошь голые, бесплодные скалы, лишенные всяких живых существ. Так что он там ненадолго остановился — помухлевал и похимичил, посредством мощной космической магии создавая реки и животных, деревья и растения. Множество самых разных видов сотворил Прародимец — пятнадцать суток он этим занимался.

А когда закончил, то мутным от усталости взором оглядел мир и увидел, что он хорош. И вернулся Прародимец в свой дом на небесах, где жила его жена Нетрендити. Но гневно Нетрендити к нему обратилась, говоря: «Ты где шлялся, наскудник? Обед давно остыл!»

И тогда поведал Прародимец супруге своей обо всем, что за пятнадцать суток сотворил, об ароматной траве и могучих деревьях, о косяках рыб в полноводных реках и стадах оленей в бескрайних лесах, о троллях и драконах, об эльфах, людях и гномах. А когда он закончил, Нетрендити с укором на него посмотрела и усмехнулась презрительно, говоря: «И ты думаешь, я в это поверю? Да ты опять со своими алкашами в кабаке сидел!»

Так-то вот стал Прародимец известен как Отец Всех Сказителей, а заодно получил еще несколько прозваний, коими наградила его гневная Нетрендити, прежде чем швырнуть ему прямо в божественную физиономию весь его небесный обед...

«Розовая Книга Улай»

Надо сказать, что книга «Месть Ронана» следует данной классической традиции сказительства. По сути, мифов тут столько, что с похмельюги плюнуть некуда...

ПРОЛОГ

...однако отцом Среднеземской Генетики обычно считается Мартель Святой, монах из Илекса, который в 1027 году сформулировал Теорию Генетического Наследования. Следует, правда, заметить, что, стесненный безбедным и до предела невинным воспитанием, он последовательно сформулировал три разные теории. Первая Теория Мартеля гласила, что индивид наследует пятьдесят процентов своего генетического состава от матери, а еще пятьдесят процентов — от капустного кочана, рядом с которым его нашли. Вторая Теория Мартеля гласила, что последние пятьдесят процентов на самом деле наследуются индивидом от аиста, который его принес. Только после предельно близкого знакомства с монашкой из Святой Сестринской Общины Плотского Просвещения — одной из ветвей секты Гедонистов Седьмого Дня — Мартель сформулировал свою Третью Теорию и на сей раз верно все изложил. Однако он также обнаружил, что сексом заниматься куда приятней, чем кучей всяких дерьмовых экспериментов с дрозофилами, и забросил генетику ради полного погружения в радости плоти. В возрасте двадцати семи лет, полуслепой, седовласый и горбатый, Мартель скончался.

Среднеземская энциклопедия*

Взрыв был сравнительно легким, однако подземный лабораторный комплекс он потряс не хуже небольшого землетрясения. Нафталин, директор гномского научно-исследовательского центра в Тарараме, ухватился за край стола и закрыл глаза, когда шквальный поток воздуха закружил по кабинету ворох всевозможных бумаг и принялся хлестать Нафталина по физиономии его же собственной заплетенной в косички бородой. От налетевших из сводчатого прохода клубов пыли ученый закашлялся, а когда шум взрыва затих, он услышал топот бегущих ног и яростные гномские ругательства.

* Все цитаты из Среднеземской энциклопедии даются без разрешения издателя, просто автор уперся как козел, дай ему то, дай ему это, а на нас наезжать нечего, мы тут правда ни при чем.

«Опять двадцать пять, — мысленно посетовал Нафталин. — Тролли-лаборанты, чтоб их клятами обложило! Вечно портят!» И в очередной раз он задумался о том, как же все-таки тяжело быть ученым в мире, где почти все считают науку какой-то странной и дремучей разновидностью магии. В результате даже мало-мальски приличного персонала не получается подобрать.

Наконец, качая головой, Нафталин извлек свои упитанные тела из кресла и по голому каменному проходу, прорубленному в скале под горой, потопал к месту событий. Другие гномы беспокойно сновали туда-сюда, но Нафталин, соответственно своему высокому посту, отказывался паниковать. Он спокойно шагал по коридору, оставляя следы в осевшей пыли, пока не подошел к сводчатому проходу, ведущему в главную Алхимическую научно-исследовательскую лабораторию. Небольшая толпа нервно переговаривающихся гномов расступилась, чтобы его пропустить.

Внутри облако пыли и дыма уже начинало рассеиваться. Пол был завален обломками деревянных скамей и столов, битое стекло пробирок и колб хрустело под ногами. Пара ошалелых и окровавленных гномских научных сотрудников замерла у двери, а в центре помещения на каменном полу неподвижно лежала пара троллей-лаборантов, их белые халаты были порваны и заляпаны зеленой кровью. В дальнем углу лаборатории, рядом с зияющей дырой в твердокаменной стене, валялась чешуйчатая когтистая лапа — последний зримый остаток того нерадивого тролля, который нечаянно вызвал взрыв.

Жестом приказав оставшимся в проходе гномам помочь раненым, Нафталин осторожно пробрался к пролому в стене и с мрачным видом зафутболил оторванную тролльскую лапу в просторную пещеру, что теперь образовалась в стене лаборатории. В очередной раз директор принялся корить себя за то, что взял на работу таких безмозглых дебилов, как тролли, но если по правде, особого выбора у него не имелось. Уровень научных исследований за последние годы резко возрос, и гномские правители требовали от Нафталина все болес бы-

стрых и качественных результатов. Он просто не мог найти достаточно число соплеменников для заполнения всех необходимых вакансий.

Нафталин вздохнул и рассеянно скинул несколько клочков дымящегося тролльского мяса с крышки лабораторной аптечки, прикрепленной к стене рядом с дырой. «Н-да, с троллями теперь придется распрощаться», — подумал директор. Все верно, они были дешёвы, многочисленны и энергичны, однако в тролльское представление о тонком научном исследовании намертво въелась привычка колошматить по всякой всячине большими дубинами, и в лабораториях, где в числе прочего работали с селитрой и тринитротолуолом, они долго не жили. К несчастью, при этом гибли и сами лаборатории.

Бедой была в том, что из представителей других растолковых лаборантов вообще не получалось. Эльфы попросту отказывались работать под землей. Орки выглядели многообещающе, поскольку казались энергичными и жадными до учебы, однако Нафталин вскоре выяснил, что максимум через трое суток они неизменно крали все лучшее лабораторное оборудование и мастрячили сложные перегонные кубы, необходимые для стремительного и крупномасштабного производства этилового спирта. Полученный спирт затем распивался на лабораторных пирушках, куда более разрушительных и опасных для жизни, нежели посиделки лаборантов из тролльской расы, с энтузиазмом изучающих нитроглицерин. А люди! Эти без конца били баклуши, по поводу и без повода препирались, прикидывались больными, кланчили прибавку к зарплате, зудели про сокращенный рабочий день и дополнительные выходные, а когда все-таки показывались в лаборатории, то откровенно плевали на всю работу и целыми днями гоняли чай.

Возможно, Нафталину просто следовало вернуться к использованию рабского труда, но тут он сильно сомневался. Рабы часто бывали угрюмы и возмущены, им нельзя было доверять. Несколько месяцев тому назад один раб внезапно схватил чашечку Петри с кислотой и швырнул ее в лицо На-

фталину. К счастью, это был диэтиламид лизергиновой кислоты, и о каком-то серьезном вреде речь идти не могла, однако часть вещества все же попала в рот Нафталину, и следующие трое суток он провел взаперти в собственной ванной, вопя от страха при виде целого ряда ужасающе ярких галлюцинаций. Нет, к рабам возвращаться не стоило — особенно если Отдел Генетики за последние месяцы что-нибудь в этом плане изобрел. Аминазин и Азалептин, два брата, которые им заведовали, в последнее время лукаво намекали на всевозможные прорывы в сфере евгеники и генетической технологии. Пожалуй, стоило бы сходить и посмотреть, что они там готовят.

Помедлив только затем, чтобы обменяться несколькими сочувственными репликами с разочарованным Пластилином из Отдела Вивисекции (который торопливо притопал туда в надежде заполучить для своих экспериментов каких-нибудь серьезно раненных троллей), Нафталин вышел из разгромленной лаборатории и зашагал по коридору, ведущему к Отделу Генетики. Это новейшее научно-исследовательское подразделение размещалось в системе пещер, которая зарывалась в сердце горы глубже и дальше всех прочих. Нафталин очень редко отваживался туда заходить. Во-первых, как традиционалист, он не особенно доверял новомодным понятиям о генах, хромосомах и тому подобной ерундистике, а во-вторых, Аминазин и Азалептин достаточно ясно дали ему понять, что не хотят, чтобы кто-то лишний раз мешал им работать.

Такое желание, разумеется, не было так уж необычно. Традиционный гномский метод исследования заключался в том, чтобы позволять ученым бесцельно мухлевать и химичить, удовлетворяя свое любопытство, а если они набредали на что-то полезное, особенно в сфере золотодобычи, то честь им и хвала. Однако недавно акцент был смещен, и Нафталина это слегка тревожило.

Взять, к примеру, тринитротолуол, или ТНТ. Гномам уже давно было известно про его взрывчатые свойства, и Нафталин

сам проделал с ним несколько небезынтесных экспериментов. Например, привязывал пару орков к целой куче этого дела, а потом взрывал — просто чтобы посмотреть, что получится. Как оказалось, это был прекрасный способ декорировать лабораторный потолок любопытными орнаментами из оркских внутренностей. В конце концов Нафталин решил, что данный химикат может быть полезен для подрыва крупных участков скалы, когда срочно требуется добраться до скрытой в ее глубине золотой жилы, но если не считать горного дела, он какого-то зримого применения не имеет. Однако теперь сверху ему спустили указание заняться исследованием потенциала ТНТ как возможного оружия войны. Смех, да и только! Интересно, какими методами предполагалось убедить врагов сесть на целую кучу опасной взрывчатки, пока ты будешь ее взрывать? Директор раздраженно покачал головой. Бсда с этим начальством заключалась в том, что оно элементарно научным мышлением не обладало.

И так теперь происходило во всех отделах. Нежданно-негаданно начальство стали интересоваться исключительно конечные результаты — и чем скорей, тем лучше. Все верно, ученым обещали большой приток инвестиций, но до Нафталина вскоре дошли слухи, что львиная доля этих инвестиций будет направлена на нужды генетического исследования. Нет, ему определенно пришла пора подробно выяснить, что там Аминазин с Азалептином готовят.

Подойдя к солидной металлической двери, которая надежно запечатывала вход в отдел, Нафталин отпер ее запасным ключом и распахнул. Немедленно в уши ему ударила какофония стонов, воплей и завываний, а его ноздри подверглись атаке тухлой вони экскрементов из клеток для экспериментальных животных. Большая часть лабиринта пещер, где располагался Отдел Генетики, была превращена в загон для содержания тех несчастных существ, которые стали объектами экспериментов по селективному разведению или магическому внедрению мутаций, обеспеченному новой наукой магенетикой*.

* Информацию о магенетике и других диковинах Среднеземья смотрите в Приложении Первом.

Надежно заперев за собой тяжелую дверь, Нафталин осторожно пошел вперед. Мерцающие факелы очерчивали стены каменного коридора, но через проходы по обеим сторонам было видно, что в лабораториях пусто и темно. Похоже, сейчас тут никто не работал. Впереди ответвлялись два боковых коридора, и там открытые лабораторные проходы сменялись крепкими металлическими дверями клеток для экспериментальных животных. Вонь уже стала почти невыносимой, а шум измученных неволей существ не прерывался ни на секунду. Сглотнув комок в горле, Нафталин с опаской двинулся дальше. Нервничать тут было от чего.

Поначалу эксперименты двух братьев казались достаточно безвредными. Хотя раз-другой Нафталину пришлось сделать им выговор за легкомысленное, едва ли не вызывающее поведение. К примеру, однажды они успешно скрестили илекскую *нимзу* — маленькое свиноподобное существо — с *грыздюком* Ередических гор — гигантским диким кабаном.

Получившееся в результате животное было достаточно безобидным, однако Нафталину пришлось вмешаться и настоять на том, чтобы братья звали его *грымзой*, ибо название, предложенное Азалептином, было, мягко выражаясь, неприличным и вызвало у Нафталина серьезные сомнения на предмет пригодности данного ученого для столь ответственного научного поста. В последние годы, однако, весь акцент их экспериментов резко сместился, и братья произвели на свет множество странных и пугающих гибридов. Некоторые их творения были просто ужасны. А потом еще и эти *кобраты* появились...

Тут Нафталин помедлил и сунул палец за воротник, который вдруг показался ему слишком тугим. Внезапно лицо его взмокло от пота. *Кобраты* были выведены из *ленкатов*, хитрых и свирепых хищников Лазурных гор, однако с подмешанным туда наудачу немалым количеством оркской крови и толикой сидорской кобры.

Результатом стало плотоядное животное с гладкой, лоснящейся шерстью и бритвенно-острыми ядовитыми зубами.

Под два метра в длину, оно ходило на задних лапах, обладало убийственной быстротой и поразительной смекалкой. И Аминазин с Азалептином уже семь таких чудищ выкормили!

Насколько эти твари были умны и опасны, наглядно продемонстрировал тот факт, что, даже заключенные в крепкие клетки с надежными замками, они дважды сумели оттуда выбраться. И всякий раз *кобраты* зверски убивали и пожирали весь дежурный персонал Отдела Генетики. Тут Нафталин аж передернулся. У него перед глазами по-прежнему стояли жутко изувеченные тела — вернее, то, что от них осталось. Причем после второго инцидента им так и не удалось найти никаких следов Пурина, дежурного сотрудника, а также двух его сыновей, Аденина и Гуанина. Порой Нафталин задумывался, одному ли ему казалось подозрительным, что и Аминазин, и Азалептин, которые вообще-то практически не покидали лабораторию, тогда оба раза отсутствовали.

Двигаясь чуть ли не на цыпочках, Нафталин следовал по коридору, пока тот изгибался вправо, медленно опускаясь в самое сердце горы. Стенные факелы здесь попадались реже, и коридор стал темнее, а затем резко пошел влево и внезапно закончился. Единственный факел мерцал в канделябре в самом конце стены, освещая массивную металлическую дверь по правой стороне коридора — надежно запертую дверь в пятнадцать сантиметров толщиной, снабженную крепкими засовами. Дверь эта обеспечивала единственный доступ в особо тщательно охраняемый загон с *кобратами*.

Почти не дыша, директор прокрался к двери и с предельной осторожностью отодвинул крышку глазка. Затем он опасно придвинулся к блестящему металлу и заглянул в загон. Несколько секунд он стоял там без движения, после чего охнул и отпрянул. Загон был пуст! «Клянусь бородой Палина! — лихорадочно подумал Нафталин. — Не могли же они в третий раз вырваться!» Он снова приставил глаз к отверстию, отчаянно надеясь, что где-то чего-то недоглядел, но тут за спиной у него вдруг вспыхнул свет, и директор снова отпрянул от

двери. Резко развернувшись, он привалился спиной к холодному металлу, сердце его бешено колотилось от страха.

По другую сторону коридора открылась меньшая по размеру дверь, и к ее косяку небрежно прислонился гном, чья фигура обрисовывалась светом горящей внутри свечи. За его спиной Нафталин разглядел небольшой столик, будто бы сплошь выложенный тускло поблескивающими золотыми слитками.

— Вас что-то интересует? — холодно протянул гном.

— Аминазин! — с облегчением выдохнул Нафталин и оперся о стену, пытаясь взять себя в руки. Другой гном молчал и лишь задумчиво гладил свою черную бороду.

— *Кобраты!* — продолжил Нафталин. — Их нет в загоне!

— Нет, — согласился Аминазин.

— Но почему? Где они?

— Все вышли. Есть тут у нас один... клиент, очень в них заинтересованный. Он вообще нашей работой заинтересовался, но *кобратами* особенно. Мы послали ему одного на пробу. Он был в таком восторге, что и шестерых остальных попросил. Очень был благодарен... — Тут Аминазин оглянулся на выложенный золотом стол, и на губах у него заиграла улыбочка. — Откровенно говоря, так благодарен, — продолжил он, — что даже и говорить неловко. И он наши дальнейшие исследования финансировать пожелал. У нас много чего запланировано.

— Почему же мне никто не сказал?

— Клиент был очень озабочен секретностью.

— Но... но ведь эти твари сущие убийцы! Жуть как смертоносны! Мы не можем подобные существа в мир выпускать!

Другой гном пожал плечами.

— Мы просто их сделали, — безразличным тоном отозвался он. — Только и всего. Клиент пусть сам думает. Это уже не наша проблема.

— А зачем они заказчику?

— Понятия не имею, — ответил Аминазин. — Но я вам вот что скажу. Кто ему теперь дорогу перейдет, тому я не позавидую.

Затем генетик с язвительной усмешкой сделал шаг назад и намеренно захлопнул дверь перед носом у начальника.

С немалой опаской на лице и большим ведром свежей воды в руке Фециант, председатель совета корпорации «Оркоубойные мечи», прошел по залитому раскаленным солнцем внутреннему двору своей загородной резиденции и остановился у снабженной тяжелыми засовами двери кладовки, тыльной стороной ладони вытирая со лба обильный пот. Изнутри донесся смутный шорох, а затем шипение, от которого по спине у председателя побежали мурашки. Положив руку на верхний засов, он помедлил и нервно сглотнул. «Ну, давай же, — мысленно подбодрил он сам себя. — Ты единственный человек во всем Среднеземье, который может не бояться этой твари...»

Наконец председатель отодвинул все засовы и распахнул дверь. Свет залил каменную клетку без окон. При виде высокого, гибкого существа, которое, балансируя на задних лапах, пристально на него глядело, Фециант снова ощутил незнакомый холодок страха. Темная маслянистая шерсть блестела на свету, а самый кончик длинного змеистого хвоста мотался из стороны в сторону, пока зверь, чуть склонив голову набок, с интересом за ним наблюдал. Его красные глаза горели огнем, однако смертоносные когти полутора десятка сантиметров в длину оставались спрятаны под густой шерстью, а бритвенно-острые клыки не показывались.

Фециант поставил ведро свежей воды на пол и взял пустое, которое валялось у двери. Затем он огляделся. Если не считать нескольких дочиста обглоданных костей, что торчали из рассыпанной по полу соломы, то никаких признаков старого алкаша, которого он двумя днями раньше сюда привел, не наблюдалось. Фециант внутренне содрогнулся. Аминазин был прав! *Кобрат* до ужаса смертоносен! Впрочем, как и обещал гном, теперь он считал Фецианта своим хозяином и был генетически запрограммирован на то, чтобы ему повиноваться, даже отдать за него жизнь. Тем не менее в присутствии

этой твари председатель чувствовал себя настолько уязвимым, что это даже его пугало.

Кобрат нагнулся и деликатно понюхал воду, а затем выпрямился и снова уставился на Фецианта. Глаза его чуть потемнели, становясь кроваво-красными.

— Хозззяин! — прошипел он. — Кккорм!

— Корм ты должен сам себе раздобыть, — ответил ему председатель. — Сегодня вечером я тебя выпущу. Но ты должен выследить для меня одного человека.

Кобрат возбужденно зашипел. В страхе Фециант наблюдал, как из-под шерсти на передних лапах чудовища выскальзывают кончики кошмарных когтей.

— Он живет на северо-западе, в отеле у побережья, — продолжил Фециант. — Он там почетный гость.

— Госссть!

— Найди его и убей.

— Ссссссссс!

Пасть *кобрата* раскрылась, и когда он возбужденно зашипел, перед Фециантом засверкали ряды бритвенно-острых клыков. Струя жаркого дыхания твари обдала его, тошнотворно-удушливая от запаха крови старого алкаша...

Председатель торопливо попятился, а затем крепко захлопнул дверь и трясущимися руками задвинул на место все тяжелые засовы. Некоторое время он стоял спиной к двери, тяжело дыша и силясь справиться с паникой, которая вдруг почти его одолела. За долгие годы руководства корпорацией «Оркоубойные мечи» Фецианту приходилось участвовать во множестве убийств, но всегда через чье-то посредничество. Столь близкое соприкосновение с мучительной насильственной смертью оказалось малоприятным для него опытом, и он уже предвкушал тот момент, когда эта жуткая тварь получит образ своего врага и окажется далеко отсюда.

Тяжко вздыхая, Фециант прошел по внутреннему двору обратно к массивной каменной цитадели. Человек он был занятый, и *кобрат* был не единственным убийцей, с которым ему в тот день требовалось повидаться.

Фецианту всегда нравилось описывать свою карьеру как классический случай того, что называется «из грязи в князи», хотя о его происхождении люди мало что знали. Он заявлял, что родом он из восточных варваров и что в возрасте десяти лет он сбежал из дома, когда его патологически жестокий отец чуть ли не до смерти избил его за то, что он принес домой хомячка. На самом же деле родители Фецианта были очень добрыми и весьма просвещенными для варваров людьми, а его отец всего лишь шлепнул его за то, что он принес домой хомячка. Но только после того, как Фециант скормил его кошке. Однако Фецианта с раннего детства притягивали власть и богатство. В действительности он презирал своих родителей, которые были простыми земледельцами и никогда не сетовали на свою судьбу.

Где он провел последующие годы, история умалчивает, но в конце концов, в возрасте тринадцати лет, Фециант выплыл в городе Маремане и вскоре уже успешно торговал там сельскохозяйственной продукцией, хотя ходили слухи, что товар этот был ворованный. Как все обстояло на самом деле, история опять-таки умалчивает, однако к пятнадцати годам Фециант сделался купцом, зарабатывая себе на жизнь способами более законными, хотя вряд ли более честными. Именно в эту пору он обнаружил, что за деньги почета и уважения не купишь. Другие купцы смотрели на Фецианта сверху вниз, с плохо скрываемым презрением посмеиваясь над его грубыми манерами и невежественными, варварскими замашками.

Поворотным стал тот день, когда Фециант впервые побывал на обеде Купеческой гильдии. Тогда он также впервые оказался в приличном ресторане, где люди за столиками почему-то все время выкликали его имя. Фециант все свирепел и свирепел, но лишь устроив неприятную сцену, он выяснил, что они таким образом всего-навсего пытаются привлечь внимание обслуживающего персонала. Другие купцы нашли это очень забавным, и Фециант сделался объектом откровенных насмешек. Именно тогда его погоня за властью и богатством,

до той поры всего лишь азартное приключение, превратилась в навязчивую идею.

Несколько месяцев спустя ему было предложено место в совете директоров корпорации «Оркоубойные мечи», давно учрежденной, но финансово неустойчивой семейной компании, которая хваталась за любые новые идеи в отчаянной попытке избежать банкротства. Первым шагом Фецианта в новом качестве стало включение в состав совета своего помощника и единственного друга, пухлого и предельно двуличного восемнадцатилетнего парня по имени Холдей. В течение шести месяцев они ввели в совет еще четверых финансовых вундеркиндов, с каждым из которых у них были три общие черты. Они были молоды, обладали деловой хваткой и оставались абсолютно безжалостны в стремлении завоевать славу и богатство. Прежние члены совета, жалкие старики, обремененные вышедшими из моды понятиями о чести и справедливой игре, постепенно были отстранены от работы и выставлены за дверь, после чего шестеро молодых людей твердо намерились превратить свой сравнительно небольшой бизнес в подлинную историю успеха.

Пока их бизнес рос, росла их власть, а с ней и амбиции. Они стремительно расширялись из своего опорного пункта в Маремане, одолевали и поглощали других производителей оружия в других странах, пока наконец не создали фактическую монополию по всему Среднеземью. Взятки и коррупция всегда были неотъемлемой частью их стратегии, но теперь они уже подкупали не таможенных чиновников или торговый персонал конкурентов, а советников и политиков, а порой и целые правительства.

Они давно поняли, что поскольку «Оркоубойная» торговала исключительно оружием, то реальное увеличение товарооборота им гарантировала только хорошая война. Продолжительные периоды мира всегда приводили к тревожному сокращению размера их прибыли, так что когда Фециант, к тому времени новый председатель совета, предположил, что с финансовой точки зрения довольно рискованно будет ждать,

пока разразится очередная война, когда у них есть возможность самим таковую организовать, остальные пятеро без малейших раздумий с этим согласились.

Они потратили массу времени и денег на то, чему предполагалось стать крупнейшим воснным конфликтом современности. Центральными в их стратегии были две фигуры: воин-колдун Некрос и могущественный маг Антракс. Однако стоило им запустить процесс, как на их пути невесть оттуда возник молодой воин по имени Ронан. Этот зеленый выскочка вынудил Антракса изменить свои намерения и убил Некроса. Тогда члены совета понадеялись на содействие Шикары, невероятно могущественной, но чрезвычайно непостоянной колдуньи. К ужасу своему, они вскоре обнаружили, что управлять Шикарой им не под силу. Она взяла кропотливо собранные ими армии и повела их по дороге смерти и разрушения. Воинство Шикары волной скверны прокатилось по самому сердцу Среднеземья, прежде чем было разбито в битве с тем же самым Ронаном и его союзниками, когда Шикара приняла смерть от руки воительницы Тусоны, закадычной подружки Ронана*.

Узнав о роли во всех этих событиях совета директоров корпорации «Оркоубойные мечи», Ронан поклялся отомстить. Он к тому времени уже заимел кое-каких могущественных друзей, и члены совета поняли, что оказались в настоящей опасности. Пережив малоприятный опыт общения с Шикарой и наглядно убедившись в собственной смертности и уязвимости, они решили ненадолго залечь на дно и укрылись в своих личных резиденциях. Но это было два месяца тому назад, и с тех пор ничего трагического не случилось.

Тем временем председатель совета дал команду провести в связи с Ронаном ряд исчерпывающих исследований. Отдел кадров корпорации «Оркоубойные мечи» работал с утра до ночи, и вскоре эксперты в военном деле, психологии и магии передали начальству свои отчеты. Данные оказались тревож-

* Все эти подвиги описаны в книгах «Ронан-варвар» и «Спасение Ронана».

ными. Из них выходило, что воин этот был своего рода жалким мечтателем, верящим в Добро и Зло. От него нельзя было отделаться ни взятками, ни угрозами, ни любыми другими традиционными методами «Оркоубойной», ибо он так же твердо верил в Порядочность. У него имелась масса могущественных друзей и союзников, среди которых были волшебники весьма необычных способностей, причем один из них — маг Антракс — был прекрасно осведомлен о деятельности и методах совета. Далее отчеты выдавали девяносто процентную вероятность того, что в ближайшее время Ронан, если дать ему волю, убьет по меньшей мере одного из шести членов совета, и наиболее вероятной его мишенью являлся сам председатель.

Однако Фециант не испытывал ни малейшего желания давать волю столь нравственному, а главное, столь опасному мечтателю, как Ронан. Твердо веря в тот принцип, что лучшая оборона — это атака, он уже составил свои планы, и подосланный к Ронану первый *кобрат* должен был стать всего лишь первой ласточкой...

Председатель помедлил на верхней площадке широкой каменной лестницы, ведущей к крепкой деревянной двери цитадели, и оглянулся через плечо. Отсюда, поверх высокой стены, ему были видны многие акры виноградников на южных землях, что покато спускались к Маремме, обширному болотистому устью рски Браннан. Еще дальше далекой золотистой искоркой в полуденном солнце сверкало Гацкое море.

Повернувшись обратно, Фециант распахнул надежную дубовую дверь и вошел в прохладную тень выложенной каменными плитами прихожей. Несмотря на запредельные наружные температуры дальнего юга, метровые стены цитадели всегда гарантировали приятную прохладу внутри. Не успел Фециант закрыть за собой дверь, как Волкодав, его секретарь-телохранитель, вскочил со скамьи и склонился в почти-тельном, хотя и несколько неуклюжем поклоне.

— Господин! — гулко прогудел он. — Прибыл представитель Гильдии, и у меня есть новые донесения от наших агентов...

И Волкодав замахал зажатой в огромной ручище пачкой пергаментов. Этот громила, сильный и могучий, был в то же время, как ни странно, довольно сообразительным. Исполняя секретарские обязанности, он был незаменим в минуту опасности, когда мог неспринужденно убивать как мечом, так и голыми руками. Фециант также обнаружил, что Волкодав просто бесценен в тех ситуациях, когда кого-то срочно требуется в чем-либо убедить. У него прекрасно получалось ломать всякие вещи и пугать народ. В свободное время, просто для разнообразия, секретарь занимался тем, что собирал всякие пугающие вещи и обламывал народ.

Фециант щелкнул пальцами.

— Говори, — приказал он.

— Ронан с Тусоной по-прежнему в отеле.

— Отлично! Сегодня вечером выпускаем первого *кобрата*.

Еще что-то срочное?

— Агенты проинформировали нас, что захват компании по производству щитов, ранее принадлежавшей братьям Факин, завершен.

— Превосходно! «Факин-Щит» мне не помешает. Все?

— Гм... Не совсем. Судя по всему, после Шикариного бесчинства в Бехане и Сидоре уровень продаж товаров «Оркоубойной» в этих странах возрос на... — Волкодав выхватил из пачки пергамент и сверился с ним. — Гм... На восемьдесят семь процентов за последние две недели. Однако уровень продаж в западном Идуине резко упал, и главным образом из-за активной деятельности новой компании.

— Не страшно. — Фециант пренебрежительно махнул рукой. — Купить их или напугать?

— Могут быть сложности. Компания называется ЗАО «Тарлторг». Торгует подержанным оружием, а руководит ею тот мелкий алкаш, который вечно с Ронаном шастает...

Фециант вздохнул и указательными пальцами аккуратно потер глаза. Этот Ронан и его вшивые дружки уже совсем доставать его начинали.

— А, ладно... — досадливо пробормотал он. — Вопрос решен. С меня уже хватит. Как только остальные *кобраты* сюда доберутся, мы их направим в нужную сторону. А прямо сейчас давай сюда представителя Гильдии Киллеров.

Затем Фециант, с грохотом захлопнув за собой дверь, прошел в кабинет. Оказавшись в обшитой дубовыми панелями комнате, он задержался у единственного окна. Прodelанное в наружной стене цитадели, оно выходило на восток и давало роскошный вид на Фециантово поместье, которое тянулось аж до далекой извилистой ленточки — трассы Забадай-Мареман.

«Просто невыносимо, — подумал председатель, — Надо же, из-за какого-то сопливого благодетеля человечества я рискую все потерять!»

Дверь кабинета открылась, и худощавый человечек украдкой туда проскользнул. Одет он был в традиционный серебристо-черный наряд Гильдии Киллеров и порядком напоминал крысу с примесью крови *ленката*. Когда Фециант к нему повернулся, человечек отвесил ему едва заметный поклон, как равный равному.

— Чем Гильдия может вам служить? — спросил он голосом холодным и невыразительным как ледяная равнина.

— Я хочу, чтобы кое-кто загнулся, — прошипел Фециант. — Хочу, чтобы это было сделано быстро и безошибочно. Хочу быть уверен, что этот человек мертв, как если бы я собственными руками ему голову отрезал...

Киллер внимательно следил за потенциальным работодателем.

— Это будет сделано... О ком идет речь?

— О воине по имени Ронан.

— Ронан? — Киллер перевел дыхание. — Да, противник достойный. Думаю, это задание лучше всего Крюгеру поручить.

Впервые за долгое время Фециант громко расхохотался, а затем сел и развалился в кресле, сцепив руки за головой.

— Крюгеру? — протянул он. — Превосходно! Знаете, мне этого несчастного, придурковатого воина уже почти жаль...

ГЛАВА 1

Динама, городок к юго-востоку от Убалтая, что в северном Идуине, первоначально был центром района богатых сельскохозяйственных угодий и управлялся кучкой праздных, дегенеративных дворян, так называемым Советом Динамы. Однако в году 994-м угнетенные крепостные из окрестных поместий подняли бунт и захватили власть, но, не сумев между собой договориться, создали сразу несколько органов управления, и стал тогда район Динамы известен как Страна Советов...

Розовая Книга Улай

Когда Тарл бок о бок с ослом Котиком вышли из городских ворот Динамы, он почувствовал, что дух его воспаряет точно гриф в восходящем потоке. Шагая по пыльной дороге, что вилась на северо-запад к Убалтаю, он думал о том, что еще никогда в жизни ему не было так приятно откуда-то сваливать. Тарл в последний раз оглянулся через плечо на хрупкие каменные стены и грациозные башни маленького городка. «Ну и дыра, — подумал он. — Клятское местечко».

Хотя следовало признать, что с деловой точки зрения путешествие проходило вполне успешно. Тарл завязал кое-какие контакты, взял в аренду отдел в местном супермаркете и нашел очень честного парнишку из местных, чтобы присматривать за этим отделом и продавать оружие. Теперь у ЗАО «Тарлторг» появилась еще одна точка розничной торговли. Нет, убивали Тарла как раз местные развлечения. Точнее — полное их отсутствие. Несмотря на невероятную живописность Динамы, там царила отчаянная скукота. Так тоскливо Тарлу не было с тех самых пор, как однажды в Орквиле он провел четверо суток в одной камере со Свидетелем Имбецила, который все это время пытался обратить его в свою веру.

Судя по всему, в прошлом жители Динамы имели массу проблем с пьяными туристами, а посему пуританский городской совет издал закон, запрещающий употребление алкоголя

внутри городских стен. Согласно этому закону пребывание в состоянии алкогольного опьянения считалось преступным и наказывалось лишением свободы. А поскольку Тарл считал преступным пребывать в состоянии трезвости, они с Динамой не очень поладили, и только благодаря Котику он избежал ареста, когда его застукал Главный Пьяноискатель. Очень неплохо было иметь другом осла, который благодаря могущественному волшебнику теперь обладал не только потрясающе изворотливым умом, но и даром речи.

Это была его первая ночь в городке. Тарл как раз улегся вздремнуть в подворотне, положив под голову винный бурдюк, когда туда притопал Пьяноискатель, внимательно к нему пригляделся, понюхал воздух, а потом принялся возмущенно орать. Но Котик вовремя вмешался и за какую-то минуту убедил ответственного работника в том, что раз он с низкорослым бурым ослом разговаривает, то сам наверняка пьян как *варт*. Пьяноискатель вначале запротестовал, объясняя, что он этого дела ни грамма не принимал, но Котик резонно указал на то, что потеря памяти как раз и представляет собой симптом самого что ни на есть свинячьего опьянения, а стало быть, его долгом как Главного Пьяноискателя является арестовать самое себя и сдать куда следует. Тогда обалделый страж правопорядка по кривой побрел к городскому исправительному дому, Котик, безопасности ради, погнал полусонного Тарла за городские ворота.

Когда его лишали любимого времяпрепровождения, Тарл обычно отправлялся в какой-нибудь ночной клуб и искал удачи на танцплощадке. Как ни странно, у женщин он имел куда больший успех, чем другие лысеющие и потрепанные шибздики, хотя Котик не раз замечал, что его приятеля неизменно привлекают женщины особого сорта. Все они были в точности как его излюбленные ночные клубы — шумные, потные и с парой здоровенных вышибал у фасада. Однако два месяца тому назад Тарл встретил Гебраль, девушку из Мертвых Ребят — группы молодых волшебников, гонимых остальными жителями города Ай'Эля и по такому поводу нашедших себе прибе-

жище в заброшенном пакгаузе на территории газового завода. Наивная, но при этом обладавшая мудростью завзятой обитательницы городского дна и вдобавок такой магической способностью, какой Тарл еще ни у кого не встречал, Гебраль разглядела в глубине его души скрытую там доброту, и они полюбили друг друга.

После гибели колдуньи Шикары в битве при Беломорканале Гебраль вместе с остальными Мертвыми Ребятами вернулась в Ай'Эль и попыталась наладить мирное сосуществование с местными жителями, которые до той поры нещадно их преследовали. А Тарл, заполучив в свои руки почти все оружие, которое ранее принадлежало погибшим или потерпевшим поражение в битве, провел последние два месяца, курсируя по большим и малым городам южного Сидора и западного Идуина и организуя точки по торговле подержанным оружием. Хотя верность всегда была чем-то, почти ему недоступным, Тарл твердо был настроен Гебраль не изменять. А посему прогулки по девочкам отпадали.

Так что оставались азартные игры. После долгих распросов Тарлу удалось прознать о какой-то картежной школе, но когда он в конце концов ее разыскал, этой школой оказалась задняя комната в галантерейной лавке, где одна пожилая дама учила девять других пожилых дам играть в канасту. Тарл провел худший вечер в своей жизни, в течение которого с ним то и дело заигрывала пара милейших восьмидесятилеток. К тому же он потерял пять бронзовых *таблов*, ибо дряхлые обольстительницы отчаянно мухлевали. Нет, что касалось Тарла, то ему, чем торчать в этой Динаме, куда забавней было бы стоять в самом центре пустыни и смотреть, как там кактус растет.

Но теперь он наконец-то оттуда свалил! Торговая точка была организована, первоначальный взнос сделан, а партия оружия прибыла. Теперь он мог позволить себе выходные. Его ожидали несколько чудных деньков с Ронаном и Тусонной в их отеле, а дальше должно было последовать долгое и сладостное пребывание с Гебралью в Ай'Эле. Итак, чувствуя,

как солнце греет его костлявые плечи под тонким кожаным жилетом, Тарл радостно шагал по пыльной дороге, а Котик сосредоточенно семенял рядом.

Дорога некоторое время вилась по бесплодным холмам, после чего стала полого спускаться вниз, мерцая на жаре. Тыльной стороной ладони Тарл вытер вспотевший лоб, а затем отвинтил колпачок своей фляги и быстро ее осушил. Он как раз пытался решить, каким станет его первый в этот вечер коктейль, выбирая между «эльфийским пенисом» и «физди-пильским дайкири», когда рядом что-то внезапно громыхнуло и поток горячего воздуха швырнул его на землю.

Несколько мгновений Тарл просто лежал в пыли на обочине, обалдело мотая головой и стараясь ее прояснить, а потом вдруг сообразил, что прямо перед ним, устремив в его сторону пустой взор, плавает образ лица Гебали.

— Геб! — выдохнул Тарл.

— Тарл! — встревоженно начал образ. — Внимательно меня выслушай. Тут все пошло наперекосяк! Фактически за одну ночь город снова против нас обратился. С нами все в порядке, но нас опять загнали в пакгауз, а толпой манипулируют колдуны. Я не могу покинуть друзей. Акция хорошо спланирована, и я чувствую за всем этим руку совета «Оркоубойной». Предупреди Ронана и Тусону, что совет опять взялся за свое. Вы все можете оказаться в опасности. Побейте до них доберись!

А затем образ исчез, и Тарл обнаружил, что таращится в циничные глаза низкорослого бурого осла.

— Ну ты и мудака, — пробормотал Котик. — Твои друзья в опасности, а ты решил на обочине дороги прикорнуть. Редкостный эгоизм.

Злобно огрызнувшись, Тарл ухватился за потрепанные ослиные уши и принял вертикальное положение.

— Ну-ну, морковная отрыжка, нам лучше двигаться. Воющим четвероногим слова не давали.

И они бок о бок засеменяли по дороге, пока та виляла на запад, по склонам пологих холмов направляясь к укромным

отелям и виллам, что располагались вдоль убалтайского побережья.

Ронан лежал как труп, пока палящий зной вгрызался ему в спину, и раздумывал о перспективах, которые перед ним открывались. Их, собственно говоря, имелось всего две, но выбор был очень труден. Или еще поваляться на солнце, или пройти чуть дальше по пляжу и присоединиться к купающейся в море Тусоне. Эх, мудреное это дело. Все решения, решения... Ронан перекатился на спину и сел, прикрывая глаза от слепящего идуинского солнца и вглядываясь в океан. Краем глаза он заметил как бы ярко-красную вспышку, когда по раскаленному песку в тень от скалы стремительно проскочила *запахундрия*.

Тусона плыла на спине, руки ее ленивой мельницей крутились в теплой воде. Она уже находилась на полпути к коралловому рифу. Впрочем, увидев, что Ронан за ней наблюдает, она перевернулась на живот и легким, стремительным кролем поплыла к берегу. На мелководье она поднялась и медленно побрела к пляжу. Тусона купалась голая, и теперь все литые мышцы ее прекрасного тела плавно ходили под кожей, наглядно демонстрируя выгоды многолетней воинской тренировки. За два месяца в убалтайском климате она покрылась шоколадным загаром, а ее короткие волосы выгорели почти до белизны.

Ронан со счастливой улыбкой на лице за ней наблюдал. Уже перевалило за полдень, а значит, для них настало время вернуться в тень бара в патио отеля и посмотреть, чего бы там повкусней выпить-закусить. Дальше должен последовать час-другой уединения в спальне. Последние несколько недель они жадно насыщались едой, выпивкой и сексом, всю экспериментируя с рецептами, коктейлями и позами. Ронан о таком даже и не мечтал. От одних мыслей о предстоящем наслаждении приятное тепло разлилось у него внутри. Он уже познал радости «отвертки», «сидорской козы» и «идуинского стоячка». Каких только, оказывается, сексуальных поз не существовало!

Добравшись до Ронана, Тусона ухмыльнулась, а затем провела рукой по волосам и брызнула ему в лицо морской водой. Пара капелек попала прямо в открытый рот, и слабый привкус соли тут же напомнил Ронану о жажде.

— Вода просто чудо, — объявила Тусона, протягивая руку к своему кожаному лифчику. — Надо бы тебе еще искупнуться.

Ронан с сомнением покачал головой. В целом обожая погружение в сине-зеленое море, впечатлительным ребенком он прочитал слишком много книжек о морских чудовищах и теперь проводил в воде максимум десять минут, прежде чем проникался твердой уверенностью в том, что нечто предельно жуткое вот-вот схватит его за причинное место и утянет вниз, в мрачные глубины. Поднявшись с песка, Ронан принялся натягивать пляжные шорты с кричащим узором, купленные им на Убалтайском рынке.

— Жажду я себе прекрасно и на берегу зарабатываю, — отозвался он. — Давай-ка к бару поближе. Умираю, выпить хочу.

— Я тоже. Сегодня, пожалуй, лучше пойдет «южный поцелуй».

— Это когда я встаю...

— Ну-ну, дурачок, это всего лишь коктейль.

— Какая жалость.

— Кстати, о выпивке... Тарл не говорил, когда вернется?

— Надеюсь, что сегодня, если все будет нормально. А что?

Тусона вздохнула и с серьезным лицом на него посмотрела.

— А то, что очень скоро, мой милый, придется всех вместе собрать. Тарла, Гебраль, Мертвых Ребят, быть может, даже Антракса. Пора нам приниматься за совет корпорации «Оркоубойные мечи». Не можем же мы вечно здесь торчать.

— Ты все про этих жалких стариков. — Ронан пренебрежительно махнул рукой. — Ну, они и подождать могут. Нам пока еще не о чем беспокоиться.

И с этим прискорбно неточным предсказанием он развернулся и пошел через пальмовую рощицу к полускрытому за ней блокаменному зданию отеля.

Директор «Убалтай-Паласа» — первого идуинского пляжного отеля — был немало возмущен. Последние полчаса он провел в отчаянных попытках утихомирить бригаду уборщиц, поднявшую бунт после того, как их попросили прибрать за группой туристов варварского происхождения, которые все как один настояли на том, чтобы держать у себя в спальнях своих коней. И теперь, уже предвкушая вкусный сэндвич и чашечку чая у себя в кабинете, директор вдруг обнаружил, что в конторе отеля никого нет. Совсем никого.

Он оглядел прохладный, выложенный мраморными плитами вестибюль, ожидая, что портье вот-вот выскочит из-за одного из горшков с крупными, кустистыми растениями, что стояли вдоль белокаменных стен, однако никакого движения так и не последовало. «Вот так всегда, — подумал директор. — Вечно этот персонал невесть где болтается». Хотя, учитывая то, как с работниками отеля в последнее время обращались, ничего удивительного тут не было. Привыкшие к услугам рабов, варвары решили, что персонал здесь одноразовый, так что всякий раз, как им становилось скучно, они смеха ради убивали официанта. Это чуть было не вызвало ответную вспышку, и директору пришлось в очередной раз вбивать в головы подчиненных, особенно новеньких, что клиентуру, невзирая на всю тяжесть провокации, ни в коем случае мочить нельзя.

Нет, все-таки тяжело руководить шикарным отелем в мире, где большинство людей под роскошью понимало возможность жить в разных помещениях со свиньями. От этих северных варваров больше неприятностей, чем дохода. Взять хотя бы их отношение к воде. Если ее было много, они думали, что в ней надо купаться. Если ее было мало, они решали, что ее надо пить — из-за этого ужас что творилось в туалетах. Если ее было ни то ни се, в ней, по их понятиям, надо было топить людей. Или в нее следовало мочиться. А порой — и то и другое. Бассейн отеля, к примеру, они, клят знаст, во что превратили. Директор устало покачал головой. Таких постояльцев у

него не случилось со времен одного inferнального съезда магов и волшебников тремя годам раньше, а про тот съезд ему до сих пор кошмары снились. Верхний этаж отеля восстановить так и не удалось. Кроме того, никто не смог вернуть прежний облик заместителю директора, которого маги превратили в рыжего кота. Впрочем, теперь он хотя бы мышей ловил...

Директор взглянул на стол в конторе. Ему показалось, что кто-то оставил на отполированной деревянной столешнице розовый шланг. Негодуя бормоча от такой неряшливости, директор зашагал по мраморному полу к столу, но затем внезапно остановился. Из-за стола высовывалась нога — причем удивительно похожая на ногу портье...

И тут он вдруг понял. Теперь стало заметно, что «шланг» влажно поблескивает, пятная столешницу знакомой алой влагой. Охнув от неожиданности, директор осторожно подошел и заглянул за стол. На полу оказалась еще целая куча красной дряни, вываленная туда из вспоротого брюха мертвого портье. Директор в ужасе попятился, а затем развернулся, собираясь бежать за подмогой, но тут ему на глаза попались еще три выпотрошенных трупа, сваленные на кушетку в алькове под лестницей, что вела на второй этаж. Судя по кричащим нарядам, это — постояльцы, но такие истерзанные и заляпанные кровью, что их было почти не узнать. Директор застыл как вкопанный, тупо глаза на них, а потом дверь, ведущая в ресторан, раскрылась и оттуда чинно выступило какое-то странное существо.

Под два метра ростом, оно сутулилось и передвигалось на задних лапах. Темная сальная шерсть покрывала его с головы до пят, а позади ходил из стороны в сторону длинный извилистый хвост. Пара холодных красных глаз уставилась на директора из глубоких впадин по обеим бокам короткой морды. Голова твари резко дернулась, когда она будто бы понюхала воздух, после чего широкая пасть раскрылась в сухой усмешке, а из-за рядов бритвенно-острых зубов выскочил зеленый чешуйчатый язык.

— Госссть? — вопросительно прошипело существо, а затем медленно пошло на директора.

Тот повернулся и бросился бежать, но не пробежал он и трех шагов, как его схватили сзади и резко оторвали от земли. Держа директора одной когтистой лапой, существо, похоже, внимательно его изучало. Несчастный с ужасом увидел, что свалывшаяся шерсть вокруг пасти твари и ниже мокрая от крови.

— Госссть? — невнятно переспросило существо. Его шепелявый голос явно принадлежал рептилии. Директор почему-то подумал, что так мог бы разговаривать сильно пьяный крокодил, и не будь он так напуган, он нашел бы это комичным. Но затем тварь протянула другую лапу и зловещими когтями провела по его животу, отчего директор дико завопил.

Ронан с Тусоной рука об руку поднялись по лестнице и вошли в дверь отеля. Они были так поглощены друг другом, что только на полпути через вестибюль их внимание привлекло негромкое шипение. Тогда они резко развернулись и увидели, что у конторки портье стоит какое-то странное существо. Одной лапой оно держало перед собой директора отеля, и хотя внутренности мужчины уже превратились в наружность и красным занавесом свисали из его живота, было очевидно, что он все еще жив. Грудь его мучительными рывками вздымалась и опадала, а одна заляпанная кровью рука слабо и безрезультатно скребла мохнатое горло его мучителя.

Существо внимательно к ним пригляделось и будто бы даже улыбнулось.

— Гос-с-сть! — прошипело оно. — Гос-с-сть! — Затем жуткая тварь ухватила директора за руку и пошире раскрыла пасть. Ронан с Тусоной в ужасе наблюдали, как пара длинных клыков словно на шарнирах выдвигается вниз из-за ряда зубов и нежно, почти с любовью, кусает руку. Несколько секунд вроде бы ничего не происходило, а затем плоть вокруг двух проколов начала стремительно багроветь, и рука набухла чуть ли не вдвое против своего первоначального размера. Ди-

ректор судорожно задержался и забился, изо рта его вырвался мучительный вой. Казалось, целую вечность он дрыгался точно марионетка, а потом все мышцы его тела сжались в последней конвульсии, и он обмяк подобно куску мяса на крюке. Несколько секунд существо, склонив голову набок, с любопытством на него глазело, словно по-прежнему ожидало, что он станет вырываться, после чего небрежно отшвырнуло его в сторону, и мертвый директор безжизненной грудой осел на полу.

Ронан нервно сглотнул. Каким бы ни был этот яд, он действовал с убийственной быстротой. А затем воин вдруг понял, что существо перевело свой взгляд на него.

— Госссть! — опять прошипело оно и, не сводя красных глаз с них обоих, целеустремленно к ним направилось. Ронан и Тусоной осторожно попятились, правые руки их машинально потянулись к мечам, и только тут до них дошел весь ужас ситуации. Они переглянулись, и каждый увидел в глазах другого отчаянную панику.

Пляжный стиль жизни заставил их позабыть одну из прописных истин воинского кодекса, и теперь они оказались самым позорным и прискорбным образом безоружны.

ГЛАВА 2

*Из множества произрастающих в западных землях прене-приятных растений самым гнусным, безусловно, является **браннанский краптовник**. Этот полуразумный плотоядный кустарник имеет подвижные усики, на конце каждого из которых находятся конические листья в форме рта, по краям усеянные острыми шипами. Этими усиками браннанский краптовник тянется к любому движущемуся живому существу, какое только оказывается в пределах его досягаемости, в попытке вырвать кусочки его плоти, и хотя листья с шипами совсем маленькие, их укусы могут быть весьма болезненными. Еще более опасна кора этого кустарника, которая источает столь ядовитый сок, что один лишь контакт ее с человеческой кожей через считанные секунды приводит к смерти. **Браннанский краптовник** часто используют в качестве изгороди богатые землевладельцы, желающие обеспечить себе некоторое уединение, и это единственный среднземский организм, кожа которого определенно опасней его зубов...*

Максон Меньший, «Vita Horribilorum»

Тарл бежал всего лишь тридцать минут, но, судя по тупой боли в ногах и немилосердным коликам в боку, это с таким же успехом могло длиться трое суток. Как ему обычно нравилось признаваться, самой интенсивной физической тренировкой была для него пробежка глазами по длинному меню в ресторане. Тарл всегда говорил, что вздумай боги предназначить его к физическим упражнениям, они бы снабдили его хоть какими-то мышцами, а раз они этого не сделали, то и нечего ему этой ерундой заниматься. Теперь же, когда натруженные легкие готовы были лопнуть в его груди, он сильно сожалел о своей неподготовленности. Но остановиться он не осмеливался. После сеанса связи с Гесбралью у него возникло странное убеждение, что Ронан и Тусона находятся в жуткой опасности, и он испытывал отчаянное стремление добраться до них и предупредить. А посему Тарл упорно игнорировал настойчивый голосок у себя в затылке, который снова и сно-

ва предлагал сесть на обочину дороги и отдышаться, и продолжал трусить бок о бок с Котиком.

Впрочем, теперь уже было недалеко. Дорога вилась вниз по холму к гостиничному комплексу, полускрытому в пальмовой роще, а дальше в тепловой дымке смутно поблескивал океан. Здесь воздух казался чуть попрохладней, а задувавший с моря ветерок давал хоть какое-то облегчение от палящего солнца. По обе стороны от дороги высокие изгороди из браннанского кантовника скрывали от посторонних взглядов роскошные белокаменные виллы, что представляли собой летние резиденции богатых и знаменитых личностей Идуина: лучших гладиаторов Калазея, таких как Нуддо Болтливый и Зинид Чемпион, эстрадных звезд типа Децела Сопливого, Губина Гнома и Мумия Тролля, а также популярных актеров вроде Брюса Волоса, Мела Гибкого и Вика Сухорукого. Где-то за особенно толстой изгородью слева располагался шикарный особняк, принадлежащий Джеку сыну Никола, чрезвычайно буйному актеру, который не так давно задавал самые крутые в Среднеземье вечеринки, а справа из-за деревьев выглядывала розовая крыша виллы Рока сына Хада.

Тарл позволил пологому склону донести его до подножия холма, а там остановился. Проселок уходил вправо, исчезая за пальмами, а впереди лежал сводчатый проход и мощеная дорога к гостиничному комплексу «Убалтай-Паласа». Наклонившись вперед, Тарл уперся ладонями в колени, свесил голову и какое-то время старался отдышаться, а потом громко рыгнул.

Осел грустно на него глянул и покачал головой.

— Видал я месячной давности трупы куда в лучшем состоянии, чем ты, приятель, — пробормотал он, прежде чем направиться к воротам.

Тарл не затруднил себя ответом. Он был слишком занят восстановлением дыхания. Затем его охватило какое-то странное чувство, и он поднял голову. Нигде не было ни души, ничто не двигалось, не слышалось никаких звуков веселья отдыхающих. Тарл слышал только хриплый скрежет собствен-

ного дыхания и презрительное фырканье Котика. А больше — ничего. Даже птицы почему-то затихли.

Не на шутку озадаченный, он глянул туда, где чуть слева от ворот низкорослый осел обнюхивал грудку тряпья. Тарл открыл было рот для саркастического замечания, но слова замерли у него на губах. Затем он дотащился до осла и встал с ним рядом, в ужасе глаза на страшную находку.

Груда тряпья оказалась привратником, опытным воином из Новоляя, которого Тарл по пути к Динаме уже встречал. По крайней мере Тарл предположил, что это привратник. Удостовериться в этом оказалось довольно затруднительно. Тело и заляпанная кровью одежда казались знакомыми, а вот что касалось лица, то по нему судить было невозможно. По сути, там вообще никакого лица не осталось. Что-то очень крупное, мощное и голодное начисто его привратнику отгрызло.

Обычно при встрече с внезапной угрозой воинская выучка Ронана срабатывала сама собой, и он интуитивно выбирал самую предпочтительную линию поведения из целого ряда возможных. На сей раз, однако, вариантов оставалось немного. Безоружный, лицом к лицу с существом массивным, но ловким и подвижным, зубов у которого, похоже, больше, чем у целого съезда дантистов, и которое явно намеревалось превратить их с Тусоной в порцию бефстроганова, Ронан сумел разродиться одним-единственным планом действий. Сматывать отсюда на клят, и по-быстрому!

Схватив Тусону за руку, Ронан рывком распахнул дверь в стене позади себя и быстро ее туда заволок. Затем он наглухо захлопнул дверь, заложил на место засов и повернулся, намереваясь бежать дальше. Однако тут ему пришлось столкнуться с тем фактом, что он запер их обоих в кабинете без окон, где имелся большой стол, мягкое кресло, несколько горшков с растениями, низкий журнальный столик, но где решительно не доставало других дверей.

— Ох ты клят, — только и вымолвил он.

Когда звучный удар по двери чуть не сорвал ее с петель, Тусона торопливо огляделась, но выхода не было. Ронан виновато посмотрел на свою возлюбленную.

— Мы в ловушке, — добавил он.

— Похоже на то.

— Как думаешь, сколько дверь продержится?

Трах!

— Секунды три.

— Значит, выпить не успеем.

— Это точно. — Тусона быстро прошла к столу и приподняла его за край. — Помоги-ка мне сдвинуть эту ерунду. Если мы его туда...

ТРАХ!

Дверь слетела с петель, и существо чинно вошло внутрь. Несколько мгновений оно медлило, переводя взгляд с Ронана на Тусону и обратно. При этом тварь угрожающе шипела, а кровь, которой была заляпана густая шерсть на ее груди, наполняла комнату назойливым запахом. Затем сверкающие красные глаза сосредоточились на Ронане, и существо изобразило на окровавленной морде мрачную усмешку, очень похожую на готовый захлопнуться капкан.

— Убей гос-с-стя! — прошипело оно и радостно кивнуло, словно соглашаясь само с собой, что это будет удачный ход.

Готовясь к атаке, Ронан опустился в особый полуприсед, используемый воинами для рукопашных поединков, но секунду спустя выяснилось, что он совершенно не готов к той скорости, с какой двигалось существо. Оно словно бы расплылось в смутное пятно, и Ронан даже моргнуть не успел, а кривые когти передней лапы твари уже сомкнулись вокруг его шеи. Затем его так резко и мощно толкнули назад, что он со всего маху ударился головой об стену и чуть не потерял сознание. Ронан стал слабо отбиваться и царапать жуткую голову, что плыла у него перед глазами, но все его удары безвредно скользили по густой сальной шерсти, и ему лишь оставалось с нарастающим ужасом наблюдать, как страшная

пасть раскрывается и два ядовитых клыка твари плавно выезжают вперед, словно на шарнирах.

Визжа от ярости, Тусона сбоку бросилась на зловредное существо, но то, даже не повернув головы, так отмахнулось мощной лапой, что воительница отлетела в другой конец комнаты к заваленному бумагами столу и соскользнула на пол в жутком ворохе канцелярских принадлежностей. Какое-то мгновение существо глядело на ошеломленную Тусону, водя длинным хвостом из стороны в сторону. Затем оно удовлетворенно вздохнуло, и красные глаза зловеще засверкали, когда тварь снова обратила внимание на Ронана, ухватило его за правую руку и широко раскрыло пасть.

За то краткое время, что ушло у Тарла с Котиком на стремительное преодоление последних нескольких сотен метров по дороге к отелю, они обнаружили восемь постояльцев, причем все они как один были мертвее мертвого и явно пребывали в досадном заблуждении, что внутренности в этом сезоне модно носить снаружи. У лестницы, ведущей в контору отеля, путники нашли ноги девятого, торчащие из кустов, что росли вокруг плавательного бассейна. Тарл нервно сглотнул и бросил тревожный взгляд на низкорослого осла.

— Да что тут за клятня? — прошептал он, но прежде чем Котик смог ответить, тишину вдребезги разбил громкий и неистовый вопль из отеля.

— Это Тусона! — рявкнул Котик.

Вместе они бросились вверх по лестнице, затем проскочили в дверь и остановились в прохладе вестибюля. Место это, однако, на первый взгляд скорее напоминало подсобное помещение оркской мясной лавки, ибо повсюду были разбросаны человеческие трупы. Единственные признаки жизни маячили впереди справа, где через выломанную дверь Тарлу с Котиком удалось разглядеть, что высокое мохнатое существо, похожее на двуногого *ленката*, приперло Ронана к стенке и, похоже, вознамерилось руку ему откусить.

Одновременно с хриплым проклятием Тарл испустил магический разряд, но в спешке и панике перепутал слова, так что вместо молнии в странное существо полетела небольшая булочка с сахарной глазурью, она безвредно отскочила от его загривка. Тварь быстро оглянулась, но особой угрозы в безоружном шибздике и потрепанном осле, похоже, не узрела, а посему снова повернулась к Ронану.

И тут с яростным ревом, гулко прокатившимся по вестибюлю, Котик опустил голову и ринулся вперед. Когда существо опять оскалило клыки и собралось погрузить их в руку Ронана, осел ворвался в дверь и хватанул зубами подергивающийся хвост. Раздался громкий щелчок, как будто захлопнулась мышеловка. Тварь взвыла от боли, и Ронану едва удалось выдернуть руку, когда тварь невольно сомкнула челюсти. А потом красные глаза запылали как расплавленный металл, и существо с рычанием отмахнулось свободной лапой, однако низкорослый осел, по-прежнему сжимая зубами сальную шерсть на хвосте и бешено мотая мордой из стороны в сторону, успел пригнуться, так что смертоносные когти пронеслись в считанных сантиметрах над его прижатыми ушами. Тогда существо опять зарычало и ударило задней лапой. На сей раз удар вышел точным, и Котик, вылетев обратно в дверь, со всего маху врезался в Тарла. Тот, сбитый с ног, головой вписался в конторку. Раздался звук, как будто поленом ударили по бревну, и Тарл мешком осел на пол.

Мотая ошалелой головой, Тусона подняла ее в тот самый момент, когда Котик, точно катапультированный, вылетал из комнаты. Ее левая нога пульсировала болью, и Тусона почувствовала, как по бедру течет кровь. Опустив глаза, она увидела, что нога оказалась проткнута штырем для насаживания бумаг. Почти полуметровый стержень торчал из внутренней поверхности бедра в считанных сантиметрах над коленом, и кровь постепенно пропитывала толстую пачку счетов-фактур, зажатую между ногой и круглым деревянным основанием штыря. Одной рукой придерживая бедро, Тусона ухватила штырь за основание и рванула.

Существо уже переключило свое внимание обратно на Ронана, и воин почти парализованно таращился на два ядовитых клыка, что гипнотически зависли в считанных сантиметрах от его лица, когда болезненный вскрик Тусоны опять вернул его в чувство. Ронан смутно расслышал, как она выкикает его по имени, и вдруг понял, что она что-то ему швырнула. Выбросив левую руку в сторону, он поймал канцелярский штыр за деревянное основание и тем же самым движением всадил его в мохнатую глотку, сплошь заляпанную кровью. Существо зашипело от боли, и горячий плевок слетел с чешуйчатых губ в лицо Ронану. Счета-фактуры торчали под массивной нижней челюстью будто какие-то нелепые самодельные брыжи. Несколько секунд тварь недоверчиво глазела на воина, а затем с трудом раскрыла пасть, наглухо захлопнувшуюся от могучего удара Ронана, и ему стало видно, что покрытый кровью металлический стержень, пронзив зеленый язык, вошел твари в самое нёбо.

А затем медленно, почти неощутимо, лапа, которая держала Ронана за горло, ослабила хватку и стала соскальзывать вниз по его груди. Острые когти твари оставляли за собой полоску из четырех параллельных царапин. Красные глаза постепенно теряли свой блеск, точно угли затухающего костра. Наконец огромная голова поникла, и существо безжизненно осело на пол.

Ронан какое-то время тупо на него глазел, а потом ткнул ногой. Существо не шевельнулось, и тогда Ронан перевел взгляд туда, где Тусона с мертвенно-бледным лицом сидела спиной к стене, монотонно изрыгая проклятия и обматывая чью-то чистую белую рубашку вокруг кровоточащего бедра. Затем он выглянул за дверь, где на беломраморном полу у конторки неподвижной грудой валялся Тарл, рядом осел мучительно собирав себя по кускам, ядовито бормоча что-то про мудаков, которые в разгар отчаянной схватки швыряются во врагов пирожными, после чего преспокойно ложатся прикорнуть. Тогда Ронан снова опустил взгляд на кошмарное существо, а затем поднял дрожащую руку, внимательно

ее изучил, прежде чем устало соскользнуть по стене и сесть на пол.

— Могло быть и хуже, — пробормотал он себе под нос. — По крайней мере сюда только один такой забрел.

Часом позже, молчаливые и удрученные, друзья вернулись в вестибюль после напряженных поисков по всему отелю и его окрестностям. Всего они обнаружили двадцать три трупа, как персонала, так и постояльцев. Выжить удалось только заместителю директора, который, свернувшись калачиком, спал в бельевом шкафу. Они оставили его удовлетворенно мурлыкать на кухне рядом с блюдечком молока, а сами, решив, что им потребуется что-то покрепче, направились в бар.

Ронан осторожно переступил через останки директора и бросил косой взгляд на мохнатое тело, покоившееся в кабинете. К его облегчению, тело по-прежнему было мертво, хотя после событий последних шести месяцев он ничуть бы не удивился, если бы клятская тварь встала и снова на него накинулась. В дальнем конце безмолвного коридора он распахнул дверь и подержал ее, дожидаясь, пока все остальные проковыляют мимо него в прохладную, тенистую роскошь коктейль-бара «Укокос». «Подходящее название, — подумал Ронан. — На вид мы теперь совсем как сборщики *укокосов*».

Тусона дохромала до мягкого кресла и осела в него, тогда как осел просеменил к обтянутой мешковиной кушетке у распахнутых дверей патио и со вздохом взобрался на пухлые подушки, после чего положил голову на валик и пустым взором уставился вверх пальм на мерцающий океан. Тарл устало проковылял за стойку и принялся изучать мириады бутылок и всевозможных флакончиков. Ронан, позволив двери хлопнуться, принялся мечом, который он обнаружил возле мертвого привратника и счел нужным позаимствовать, угрюмо отрубать листья большого комнатного растения в углу.

Возясь за стойкой бара, Тарл чувствовал, как его настроение постепенно поднимается. Старая магия знакомых запахов и названий начинала действовать. К тому времени, как он

выстроил перед собой на стойке шесть требуемых бутылок и нашел в шкафчике под раковиной седьмую, он уже был почти как новенький. Да, на затылке у него вздулась шишка размером с *укокос*, а в висках пульсировала боль, но примерно с такой же болью Тарл столько раз просыпался по утрам, что теперь принимал ее почти как должное. Он взглянул на трех своих друзей. Они выглядели не счастливей людей, которые только-только очнулись от чудесного эротического сновидения и обнаружили, что в действительности они привязаны к столбам на арене Калазея и что какой-то гад как раз выпустил туда *ленкатов*. Ничего-ничего, он знал, как это исправить.

Стянув с верхней полки большой шейкер, Тарл принялся на глазок наливать туда жидкости из разных бутылок. Затем он потряс шейкер так энергично, как только позволяла его больная голова, после чего отвинтил крышку и разлил получившуюся грязно-пурпурную смесь в три высоких бокала и одну чистую пепельницу.

— Порядок, граждане, — провозгласил он. — Сейчас все ваши болячки будут излечены. Разбирайте лекарство.

Остальные приплелись к стойке со слабым энтузиазмом молодых орков по пути к ежегодному купанию. Тарл выставил два бокала вперед, пристроил пепельницу на полу перед Котиком, а затем повыше поднял свой бокал.

— Утром выпил — день свободен! — нараспев произнес он слова старинного оркского тоста, после чего энергично залудил коктейль, и остальные с неохотой последовали его примеру.

Несколько секунд никакой реакции не было. Позднее Тусона решила, что так вышло потому, что коктейль мгновенно заглушил все вкусовые ощущения, прежде чем они смогли хоть что-то такое почувствовать. Затем Ронан резко выдохнул — Тарл мог бы поклясться, что мимо него тут же пронеслась струя раскаленного воздуха — и бешено закашлялся. Тусона непременно похлопала бы его по спине, сумей она толком его разглядеть, но глаза ее почему-то собрались в кучку, а кроме того, она была слишком занята своим горлом,

которое словно бы вдруг кто-то поджег. В целом впечатление было такое, как будто ты пьешь расплавленный свинец и при этом тебя методично колотят по затылку большой киянкой.

— Клят, Тарл! — только и сумела выдохнуть она. — Что это за клятская бормотень?

— Малость забористо? — ухмыльнулся Тарл, опять с энтузиазмом тряся шейкер. — Этот рецепт я нашел, когда работал в орквильском клубе «Голубой Бальрог». «Крутоверт» называется. Сидорский бренди дает ему крепость. Специальная дрянь с острова Венериче привносит горчинку. Тролльское розовое шампанское немного вспенивает, а жидкость для чистки раковин добавляет определенную изюминку. Когда у орков плохое настроение или страшный бодун, они используют его для поднятия тонуса.

Тусона уже собиралась заметить, что такие изюминки она в дерьме видала и что вместо того, чтобы поднимать тонус, это зелье дает тебе прямо под дых и сшибает на землю, но тут вдруг, к удивлению своему, поняла, что состояние ее необъяснимым образом улучшилось. Эффект киянки пропал, а жжение уменьшилось, оставляя лишь приятный жар в животе, как будто там поселился небольшой, но очень довольный дракончик. Она искоса глянула на Ронана, на лице у которого застыло изумленное выражение — примерно как у воина, внезапно атакованного невесть кем откуда-то изнутри. Впрочем, буквально на глазах напряжение уходило из его мышц, и он заметно расслаблялся. Наконец по лицу его медленно расползлась улыбка, и он испустил мощный вздох облегчения.

— Уже думал, тут мне и конец, — пробормотал он.

Тусона кивнула и погладила его по щеке.

— Никогда такой твари не видела, — вернулась она к предыдущему разговору. — Как думаешь, откуда она?

— Не знаю, — пробормотал Ронан, качая головой.

— А я знаю, — вмешался Тарл, разливая из шейкера по бокалам какую-то вязкую зелень. — Гебраль говорит, совет «Оркоубойной» опять за свое взялся. — Эффектно вытряхнув последние капли из шейкера в свой бокал, он взглянул на

Тусону. — Ты сказала, у тебя было ощущение, будто эта тварь специально за Ронаном охотилась. Тогда это точно должны быть они. Кто бы еще позаботился такую первоклассную машину убийства к нему подослать? Ведь если бы не Ронан, они бы сейчас уже половиной всего Среднеземья владели. Нам следовало чего-то такого ожидать. Я хочу сказать, вряд ли они собирались сму за все хорошее отправить коробку шоколадных конфет и приглашение на званый ужин. Логично?

Тусона кивнула.

— Логично, — согласилась она. — Надо бы нам поскорей с этими старперами разделаться.

— Клятская правда! — согласился Ронан. Затем он взял свой бокал и с сомнением изучил новый коктейль. Зеленая гадость давала легкие изумрудные пары и выглядела никак не безвредней стрихнина. Тем не менее отказ от Тарловой стряпни выглядел бы в тот день немного малодушным, так что Ронан зажмурился и опорожнил бокал. Впрочем, второй коктейль оказался куда мягче первого, и он испустил вздох облегчения.

— И что ты теперь намерен делать? — через плечо поинтересовался Тарл. Закончив со вторым коктейлем, он уже занимался следующим, яростно кромсая фрукты, обнаруженные им в холодном буфете под стойкой.

— Да ничего особенного. Просто их убить. Только я еще не знаю, как именно.

— Пусть Тарл им пару-другую коктейлей смешает, — предложил осел. Пристроив пепельницу между передними ногами, он развалился на полу.

— Я так прикидываю, хорошо бы домой в Вельбуг направиться, — неуверенно проговорила Тусона. — Надо с Антраксом переговорить. Он раньше был в контакте с «Оркоубойной», и магической силы у него больше, чем у любого другого в тех краях. Уж он-то наверняка знает, как до совета добраться.

— Верно мыслишь. Можем завтра на рассвете отправиться. А потом, если мы... — Тут Ронан внезапно умолк, когда у него внутри словно бы взбурлил небольшой вулканчик. Не-

сколько секунд ему казалось, будто по всему животу разливается раскаленная докрасна лава, и он ничуть бы не удивился, если бы изо рта у него повалил густой дым. Судя по изумленному выражению на лице Тусоны и тому, как ее брови вдруг исчезли где-то на затылке, она испытывала те же неповторимые ощущения.

— Красотища, правда? — ухмыльнулся Тарл. — Я его в «Пьяной студентке» на Разнудяй-Бульваре отрыл. Там он называется «Замедленное действие».

— Название подходящее, — выдохнул Ронан. — О многом говорит. — Он осторожно втянул воздух в ненадолго забуксовавшие легкие, а затем стал с опаской наблюдать, как Тарл разливает из большого стеклянного кувшина третий коктейль. Этот был буровато-желтый, полный маленьких фруктовых ломтиков.

— А это что за зверь?

— «Вчерашний завтрак». Изобретен Скорпионом Джо, барменом «Старой заставы» на Сенной площади в Гоблинвиле. Виски, арак, содовая, побольше фруктов, а сверху чуть-чуть «желтого *браннадина*».

— Хорошо бы, — пробормотала Тусона, бросая на Ронана взгляд типа «вот мы и влипли». Затем они взяли бокалы и потянули в себя адское зелье, но, к их обоюдному удивлению, коктейль оказался легким, прохладным и совершенно изумительным.

— Клят! — воскликнул Ронан. — А ты свое дело знаешь! Этот просто классный!

— Учитесь, ребята, пока я жив, — посоветовал Тарл.

— С этим родиться надо, — отозвалась Тусона.

Тарл улыбнулся и снова принялся изучать обширную коллекцию бутылок за стойкой.

— Раз мы завтра в очередной ваш клятский поход выступаем, — сказал он, — я полагаю, сегодня надо бы хорошую отвальную устроить. Так-так, а тут у нас что?

Медленно и аккуратно вытащив большую бутылку из-за батареи других, Тарл уставился на нее с таким почтением, с

каким эльф обычно изучает пакет отборной травки с острова Венериче. Тяжелая полупрозрачная бутылка была сделана не из стекла, а из фигурного кварца. На толстом горлышке имелась выцветшая черная этикетка, на которой можно было разглядеть несколько значков уродливого оркского шрифта, а внутри медленно плескалась густая темная жидкость.

— Ну и ну! — с энтузиазмом воскликнул Тарл. — Вы только гляньте! Бутылка «Блин санцедара»! Двадцатилетней выдержки! И почти полная!

— Блин чего?

— «Санцедара». «Блин санцедара». В переводе это что-то вроде «твоему желудку кранты». Это оркский ликер, сброженный из... гм, я лучше не буду говорить вам, из чего он сброжен, потому что тогда вы до него даже десятиметровым *штыкарем** не дотронетесь. Но если я вам просто его налью, то это единственный способ живыми на небесах побывать.

Ронан с подозрением глянул на бутылку:

— Ты точно уверен, что живыми?

— Точно, — ответил Тарл. — Хотя завтра утром вам наверняка смерти захочется. — Протянув руку к длинной узкой полке над стойкой, он взял оттуда три изяшных стаканчика. — Я уже целую вечность этого дела не пивал, — продолжил он затем, аккуратно отмеряя три порции. — С тех самых пор, как однажды посидел в орквильском «Бочонке», что на 16-й линии. Ох и нажрался же я тогда. Просто до неприличия. Если честно, все ботинки себе в тот раз обоссал.

— Ничего неприличного. Все мы после этого дела плохо целимся.

— Нет, ты не понимаешь. Ботинок на мне не было. Я их снял и на специальную полку над стойкой поставил. — Тарл покачал головой и улыбнулся светлому воспоминанию, после чего наклонился и плеснул немного ликера в ослиную пе-

* Длинная остроконечная палка, которую хранят в караульных помещениях у главных ворот идуинских городов и используют с безопасной высоты городских стен, тычками прогоняя оттуда всяких нежелательных элементов вроде прокаженных, разносчиков чумы и торговых агентов.

пельницу. Несколько секунд он с любовью наблюдал, как Котик лакает спиртное, а затем выпрямился и торжественно поднял стаканчик.

— «Кагалом кляту забухер», как орки говорят. В примерном переводе — «чтоб тебе в жизни не протрезветь».

Ронан с Тусоной тоже подняли стаканчики и неуверенно переглянулись.

— Послушай, — начала Тусона. — Мы немного выпьем и расслабимся. Но перебирать не будем, ага? Ведь нам завтра рано вставать и в дорогу. Ладно?

— Ладно, — согласился Тарл, после чего все они от души друг другу заулыбались, чокнулись и дружно хлопнули по стаканчику.

На другой день, где-то около часа, непривычно тихие и до смерти измочаленные, друзья двинулись в путь. Впереди медленно семенил низкорослый осел. Свешивая уши на морду, он отчаянно и безуспешно пытался спрятать от яркого солнца жутко налитые кровью глаза. Дальше брел Тарл с бледным лицом, трясущимися руками и тупой головной болью. Впрочем, для него эти симптомы означали всего-навсего приход очередного дня. Еще дальше, почти зажмурив глаза и крепко прижимая руку ко лбу, в котором словно бы молот колошматил по наковальне, плелся Ронан. Его черная кожа сделалась нездорового серого цвета, и хотя денек был не жарче обычного, на лице у него выступил обильный пот. Скорбную процессию завершала мертвенно-бледная Тусона, чьи растрепанные волосы паклей прилипли к черепу, а живот то и дело опять угрожал поднять бунт.

Они мучительно волоклись по жаркой и пыльной дороге, и в голове у каждого металась одна-единственная мысль: «Больше никогда... нет-нет, клянусь... больше никогда...» Позади остался склеп, который некогда был отелом, полным счастливых отпускников, а ныне — некрополь выпотрошенных, гниющих трупов — наглядных доказательств силы и свире-

пости того жуткого порождения самых черных помыслов, каким был *кобрат*.

К вечеру следующего дня заместитель директора отеля увлеченно преследовал мышь по подлеску, когда шуршание в окрестных кустах выдало ему первое предупреждение о близкой опасности. Он тут же замер, наострил уши и стал прислушиваться, шаря янтарными глазами по сторонам. Шерсть у него на загривке встала дыбом. Несколько секунд он держал стойку, а затем громко зашипел и мигом взобрался на высокую пальму.

Безопасно устроившись на ветке метрах в пятнадцати от земли, замдиректора немигающими глазами смотрел, как шестерка мощных мохнатых убийц неслышно выбралась из кустов и стремительно проскочила через входную дверь отеля. Он терпеливо ожидал, и когда они в конце концов опять появились в поле зрения, замдиректора изрыгнул из себя несколько кошачьих угроз, но опасливо, негромко, так чтобы его не услышали. Дальше он, по-прежнему не слезая с ветки, стал наблюдать за тем, как шесть убийственных тварей общаривают окрестности, напряженно приносясь. Через некоторое время они, похоже, нашли, что искали, после чего волчьей стаей понеслись по пыльной дороге вверх по холму. Когда замдиректора увидел, что они отваливают, он еще раз мяукнул, но уже с вызовом. Но только через очень долгое время после их исчезновения он осмелился спуститься с пальмы и снова начать нервно рыскать по территории, которая отныне безраздельно принадлежала ему одному.

ГЛАВА 3

Тяжкой в те времена была доля юмориста, выступающего с эстрадными номерами. Хуже всего в оркских пьяных берлогах приходилось. Если ты справлялся по-настоящему блестяще, тебя в живых оставляли. Да, такие дела. Но гномские ночные клубы были немногим лучше. Я несколько раз бывал там с гастрольными турне. Каждое такое турне у нас называлось «последней гастролью артиста»...

Горемычная жизнь Тарабука Дряхлого

— Знаете, кто меня больше всего раздражает? Я вам скажу. Немертвяки, вот кто. Вечно слоняются по округе, ноют и причитают. Так и хочется им сказать — да что вам, покойникам, не живется? Есть у меня друг, Билли его зовут. Так он, значит, призрак. И всю дорогу жалуется, что у него свободного времени нет, потому что детишки то и дело всякую всячину хотят, сестры без конца его вызывают, а у него ведь еще и теща на горбу... Так я ему говорю — тебе надо в призрачный профсоюз обратиться!

Тут Тарабук Дряхлый против обыкновения сделал паузу и подождал смеха, но, как он и ожидал, смеха не последовало. Никто даже не прыснул. Тогда, по-прежнему невозмутимый, он поволокся дальше.

— Есть у него братец Ральф — тоже призрак. Так однажды вечером мы с ним в таверне сидели, и какой-то дебошир Ральфу в бакенбарды вцепился. Да так, что начисто оторвал. Я у хозяина спрашиваю: «Как же их теперь обратно приделать?» А он мне: «Даже не знаю. Я бы лично не взялся. Опасное это занятие — нечистой силе баки вкручивать».

Тарабук жизнерадостно улыбнулся и с интересом оглядел просторную пещеру, где располагался гномский ночной клуб «Золотая жила», а многие ряды суровых гномских физиономий ответили ему ледяными взорами. На галерке кто-то кашлянул, и звук этот, отразившись от резных каменных стен, только подчеркнул тишину. Тарабук понял, что безнадежно

проваливается. Впрочем, ничего другого он и не ожидал. В гномских клубах ему выступать уже доводилось. Из этих гномов легче было все зубы вытянуть, нежели смех, но по крайней мере они хорошо платили и отсюда можно живым выбраться.

— Похоже, у вас тут тоже с призраками проблемы. Администратор этого славного заведения мне сказал, что дух Денция, древнего короля эльфов, недавно на гигиену местных сортиров жаловался. Ничего, ребята, вы не единственные, кого эта тревожная тень Денция беспокоит.

Тарабук сделал паузу. Это был один из его лучших приколов, и тут даже от гномов он ожидал хоть какой-то реакции, однако его опять встретила стена молчания. Он нервно прищурился, стараясь приглядеться к залу в мутном свете двух факелов, что дымно оплывали в креплениях по обе стороны от небольшой каменной сцены. Станным образом у него создалось впечатление, что на сей раз он ни в чем не виноват. Не считая молодого гнома в первом ряду, который с серьезным видом на него глазел и даже делал какие-то заметки в блокноте, юмориста попросту никто не слушал. Несколько сот научных сотрудников сидели за круглыми столиками, сжимали в руках пснные кружки пива «мордой об стол» и якобы праздновали День Основания, хотя по масштабам веселья скорее можно было подумать, что это похороны. Гномы кучковались двумя группами, от души глотая эль и время от времени мрачно посматривая на членов другой группы. Насколько Тарабук понял, здесь назревали неприятности. Пожалуй, самое время было отсюда сматывать.

— Ладно, ребята, публика вы просто замечательная, но хватит вам от моего тупоумия страдать. Представление закрывается. Спасибо, что слушали. Тарабук Дряхлый вам доброй ночи желает!

Со своего почетного места среди публики Нафталин наблюдал, как пожилой юморист шаркает прочь со сцены, однако мысли его были далеко, и он не воспринял ни единого слова из всей комической репризы. Затем Нафталин рассеян-

но захлопал, и скучковавшаяся вокруг него группа последовала его примеру. Эти вялые и краткие аплодисменты стали, пожалуй, лучшим приемом, какого Тарабук Дряхлый когда-либо удостоивался (и были впоследствии описаны в его прискорбно неточной биографии как бурные и продолжительные, переходящие в овацию). Когда хлопки стихли, Нафталин бросил взгляд в другую половину зала на враждебную группу ученых, скучковавшихся вокруг своего лидера Аминазина, и озабоченно нахмурился.

Директор был крайне озабочен — и не без причины. После его малоприятного визита в Отдел Генетики пару недель тому назад стали ходить слухи о том, что высокое начальство в их родном городе Миртесене под Ледяными горами на дальнем севере собирается освободить его от обязанностей главы научно-исследовательского центра в Тарараме и передать их Аминазину из Генетики. Другие слухи предполагали, что у Аминазина есть претензии на лидерство и что после смещения Нафталина он рассчитывает превратить научно-исследовательский институт в независимое предприятие, фактически в собственную вотчину. Так или иначе, все обитатели Тарарамы раскололись на две взаимно подозрительные и весьма неустойчивые группы поддержки, причем, насколько мог судить Нафталин, самым тревожным здесь было то, что число его сторонников за последние несколько дней заметно уменьшилось. Один за другим ученые бросали его, выстраиваясь за Аминазином. Поначалу директора поддерживало подавляющее большинство, но сегодня в «Золотой жиле» вокруг его противника уже собралось почти столько же гномов, и противник этот теперь сидел за столиком в дальнем конце зала, самодовольно потягивая эль.

Нафталин тайком начал считать. За исключением Азалептина, брата Аминазина, все научные сотрудники Тарарамы собрались здесь, в «Золотой жиле», чтобы отпраздновать очередную годовщину основания их исследовательского центра Кельвином, сыном Цельсина и отцом науки преципитинфелицитологии. Теперь, когда гнусный комедиант закончил,

поднялся гул разговоров, гномы толклись у длинной каменной стойки в задней части зала, заказывая выпивку, или подходили к соседним столикам, чтобы поболтать с друзьями и коллегами. Все это несколько затрудняло подсчет, и тем не менее Нафталин был совершенно уверен, что не ошибся. Результат оказался крайне прискорбным. Похоже, на данный момент у него было большинство всего в четыре голоса. Учитывая Азалептина, оставалось три. Стоит теперь всего-навсего паре его сторонников персеить в другой лагерь, у него уже не будет большинства, и если Аминазин в полном согласии с их законами бросит ему вызов, в Тарараме появится новый директор.

Сжимая пивную кружку так крепко, что любое живое существо на ее месте тут же бы задохлось, Нафталин злобно уставился на своего врага. Так, словно он это почувствовал, Аминазин тоже обратил на него глаза. Несколько секунд генетик просто смотрел, а затем на губах у него заиграла подлая улыбочка. Поднявшись, он отвесил в сторону Нафталина поклон, издевательски низкий и искренний, после чего круто развернулся и зашагал прочь из пещеры.

Гнев переполнил Нафталина, и он вскочил на ноги. Эль выплеснулся из кружки на гладкую каменную столешницу, однако, ослепленный красным туманом ярости, он этого даже не заметил. Да как Аминазин смеет так с ним обращаться? Как он вообще смеет? Нафталин все еще директор и намерен в этом качестве оставаться! Он последует за Аминазином и открыто бросит ему вызов, а не станет втихомолку вынашивать планы и плести интриги. Они сегодня же поставят вопрос на голосование! Подобной решительности будет вполне достаточно, чтобы продемонстрировать, что он может положиться на оставшихся у него сторонников, и Аминазин еще многие месяцы не осмелится снова с ним потягаться. Он ему покажет!

С грохотом опустив кружку на стол, Нафталин устремился сквозь толпу вслед за Аминазином. В высоком коридоре снаружи никаких его следов не оказалось, однако Нафталин

знал, что его враг мог вернуться только в свой драгоценный Отдел Генетики, а потому, повернув налево, поспешил к лестнице, что вела вниз к лабораториям. Другие гномы, члены низших каст, занимавшиеся в жилых помещениях своими делами, низко и почтительно кланялись, когда директор мимо них проносился, но Нафталин в спешке никакого внимания на них не обращал.

Добравшись до главного коридора, он зашагал мимо гладких колонн из черного камня, что тянулись там по обе стороны аж до самого высокого потолка. В северном конце коридора широкая и обшарпанная мраморная лестница вела вниз от причудливого сводчатого прохода, устремляясь непосредственно к научно-исследовательским уровням в самом сердце горы Тор-Тарарам. Через каждые несколько метров на гладко обтесанных стенах лестницы были закреплены оплывающие факелы, и пламя их колебалось от тока воздуха. Здесь уже никто по дороге не попадался, и шаги директора зловеще отзывались позади.

У подножия лестницы он вошел в Главную Аудиторию, просторную пещеру с высоким потолком, полную стульев и скамей. По обе стороны сводчатые проходы вели в более старые отделы: Алхимию, Физику, а также Машины и Механизмы слева, Некромантию, Медикаменты и Биологию справа. Проход прямо впереди вел в самый новейший отдел — Генетику.

Возбужденно бормоча себе под нос, директор уверенно шагал вперед, пока не добрался до крепкой железной двери, единственному входу в отдел. Отперев ее, он пошел дальше по коридору, осматривая темные и безмолвные лаборатории на предмет двух братьев, но нигде не было ни души.

Подойдя к первой же из солидных металлических дверей, которыми были снабжены клетки для экспериментальных животных, он не на шутку удивился, найдя ее настежь распахнутой. В клетке было пусто, голый каменный пол внутри на славу отдраили, и Нафталин вдруг сообразил, что на сей раз здесь не слышно привычной звериной разноголосицы. Не

висела здесь и жуткая вонь экскрементов. Осталась лишь тишина, которую нарушали его собственные шаги, да слабый запах плесени, прилипший к камню как пропадающее воспоминание.

Директор направился дальше по медленно опускающемуся коридору, однако все клетки, мимо которых он проходил, были пусты, а все комнаты безлюдны. Если бы не редкие факслы, мерцающие в вырезанных прямо в скале канделябрах, создалось бы впечатление, будто сотрудники этого отдела много недель назад закрыли его и покинули.

Озадаченный Нафталин почувствовал, что его странным образом надули. Аминазин с Азалептином не стали бы так запросто сворачивать свои исследования. Но и в другое помещение они перебраться не могли — по крайней мере без его ведома. Или могли? Что же они предприняли?

Внезапно недоумение сменилось твердой уверенностью в том, что здесь творится что-то по-настоящему скверное. У последнего поворота налево Нафталин перешел на неловкий бег и резко затормозил в самом конце коридора рядом с пятнадцатисантиметровой толщины дверью по правую руку, которая вела в старую клетку с *кобратами*. Дверь была раскрыта, а клетка, подобно всем остальным, пуста.

Развернувшись обратно, директор сделал пару быстрых шагов по коридору к двери по другой стороне, но расположенный за ней кабинет Аминазина оказался совершенно пуст. Там не осталось не то что стола или стула, но даже клочка бумаги. Кабинет превратился просто-напросто в голую прямоугольную пещеру, и только следы на толстом ковре пыли показывали, что здесь вообще кто-то бывал.

Вконец озадаченный, Нафталин медленно покачал головой, а затем помедлил и прислушался. Он услышал далекое ритмичное гудение, низкий, почти неслышный звук, который при желании можно было даже почувствовать. Казалось, он исходит из-за стены справа, так что директор, приложив ухо к холодному камню, прислушался еще напряженной. Теперь он лучше разобрал глухую пульсацию. Подобный шум

могла бы производить гигантская пчела, замурованная в глухой каменной клетке. Стоя с прижатым к камню левым ухом, Нафталин рассеянно глазел в самый конец коридора. И тут он вдруг понял, что там виднеется тонкая вертикальная линия, слишком прямая, чтобы счесть ее трещиной в скале. Заинтригованный, Нафталин выпрямился и подошел взглянуть поближе.

К своему окончательному изумлению, он понял, что глядит на контуры двери. Эта дверь была чуть-чуть приоткрыта, иначе она составляла бы одно целое с косяком и была бы практически неразличима. И в самом деле, в свой прошлый приход сюда он ее не заметил.

Но что она тут делала? Нафталин видел планы Отдела Генетики, когда его еще только строили, и за этой стеной никаких помещений оборудовать не предполагалось! Да, в недрах горы было немало естественных пещер, пока еще недоступных и неизученных, однако их нельзя было утилизировать без разрешения директора. Или можно?

Нафталин опасливо протянул руку — и при одном его прикосновении дверь плавно и беззвучно растворилась. Хотя и сработанная из твердого камня сантиметров тридцати в толщину, она была так славно сбалансирована и висела на таких превосходных петлях, что открывалась без малейших усилий. За ней находился прямой каменный коридор метров двадцати в длину с деревянными дверями по обеим сторонам и металлической дверью в самом конце. Здесь не было заметно никаких факелов, однако зловещий голубоватый свет, казалось, сочился из самой скалы, придавая ей металлический глянец.

Почти убежденный в том, что видит сон, Нафталин стал нервно прокрадываться по коридору. Первая дверь направо была приоткрыта, и за ней находилась еще одна пустынная лаборатория, полная, однако, сверкающего оборудования. Мраморные столешницы загромождали булькающие колбы и реторты, вокруг которых были разложены испещренные рунами бумаги и раскрытые блокноты. Раковины были завалены грязными чашками Петри и пробирками, а в воздухе ви-

сел резкий аммиачный запах, характерный для активно действующей лаборатории. Зато дверь, что располагалась по другую сторону коридора, оказалась плотно прикрыта. Нафталин ухватился за ручку и прислушался. Пульсирующее гудение здесь было еще слышнее, и даже казалось, что оно идет именно отсюда. Еще мгновение директор медлил, а затем, переведя дыхание, толчком распахнул дверь.

Расположенное за ней помещение оказалось совершенно пустым, если не считать единственной массивной машины, водруженной на каменный постамент в самом его центре. Машина громко гудела, а стальной стержень, что тянулся от нее к задней стене, поблсскивал в мутном свете, крутясь так быстро, что глаз не мог за ним уследить. Два солидных медных провода в гномскую руку толщиной, прикрепленные к металлическим прутьям на верху машины, тянулись под потолком, исчезая в воздуховодах, проделанных в правой стене.

Вся эта штукавина сильно смахивала на увеличенный вариант машины, которую двумя годами раньше собрал и продемонстрировал Электрин из Отдела Физики. Всего в локоть длиной, та машина производила ощутимое количество загадочной силы, которую Электрин весьма нескромно назвал «электриком». Они провели с этой силой несколько небольших экспериментов и выяснили, что если подсоединить провода к орку и врубить машину, то волосы у орка вставали дыбом и он начинал с воплями прыгать по камере. Если же машину врубали на полные обороты, слышался громкий треск, пахло паленым, орк вопил, как будто его топором кромсали, а из ушей у него валил дым. Это уже казалось немного опасным, и Нафталин распорядился прекратить эксперименты. Теперь ему стало жутко при одной мысли об ущербе, который могла причинить эта здоровенная дура на постаменте.

Он еще немного понаблюдал за работой машины, вопреки самому себе ею очарованный. Воздух в комнате казался немного туманным и словно бы легонько покалывал кожу. Внезапно директор вздрогнул, как будто очнувшись от гипноза, после чего покрепче захлопнул дверь и встал в коридо-

ре, охваченный гневом и дурными предчувствиями. Выходит, Аминазин с Азалептином уже многие годы втайне свою линию гнут! Без помощи и ведома остального персонала своего отдела они это расширение Генетики построить бы не смогли! Как же они смеют так его авторитет подрывать? Этому безобразию надо немедленно положить конец! Погодите, он еще до них доберется!

Ярость его уже дошла до точки кипения, и Нафталин быстро зашагал по коридору. Он злобно толкнул следующую дверь налево, но она оказалась заперта, и после нескольких раздраженных пинков директор попробовал дверь напротив. Эта легко распахнулась, и его взору открылась ярко освещенная и поразительно опрятная лаборатория. Как и первая, она была безлюдна, однако вместо верстаков, заваленных пробирками и ретортами, здесь располагались сияющие металлические столы для анатомирования, большие белокаменные раковины и ряд за рядом острых, поблескивающих под ярким светом инструментов: ножей и скальпелей, пил и пинцетов, а также других любопытной формы приспособлений, о назначении которых Нафталин мог только догадываться. В воздухе висел отчетливый запах формалина, тяжелый и удушливый, почти маскирующий другой запах, очень знакомый, который директор поначалу не распознал. Затем взгляд его задержался на инструменте, что лежал на краю раковины рядом с дверью. Это было тончайшее двухсантиметровое лезвие с изящной продолговатой ручкой в локоть длиной, которое явно предполагалось куда-то вставлять... А затем в мозгу у Нафталина что-то щелкнуло, и он распознал сладковатый запах. Пахло здесь свежeproлитой кровью.

Нафталин сделал два быстрых шага назад и резко захлопнул дверь. Некоторое время он просто стоял с закрытыми глазами, держась за ручку и стараясь наладить дыхание. Что же здесь такое творилось? Наконец, помотав головой, он повернулся и решительно зашагал по коридору. Последняя пара деревянных дверей по обе стороны оказалась закрыта, зато массивная дверь из черного железа в самом конце легко распах-

нулась. Дальше коридор тянулся всего метра три, заканчиваясь еще одной такой же дверью, но когда Нафталин положил руку на задвижку этой последней, первая захлопнулась у него за спиной с грохотом боевого топора, разрубающего оркский шлем. Директор вздрогнул и тревожно оглянулся, после чего распахнул вторую дверь и прошел дальше. Там он замер как вкопанный и вылупил глаза, так потрясенный открывшимся ему пейзажем, что даже не заметил, как и вторая дверь наглухо за ним захлопнулась.

Нафталин стоял в огромной подземной пещере, но судя по тому, что он там видел, он вполне мог находиться на открытом воздухе. Потолок пещеры был где-то очень высоко, скрытый ярким рассеянным светом, что сиял из какого-то незримого источника, создавая впечатление облачного летнего дня. Директор стоял на мягкой, сочной траве, а метрах в пятидесяти от него от одного края пещеры до другого расстилалась роскошная зеленая роща. На ветках радостно пели птицы, в траве лениво жужжали насекомые, мимо проплывали бабочки, а перед самой стеной деревьев журчал ручеек.

Не в силах поверить своим глазам, Нафталин сделал еще пару нерешительных шагов в этот подземный парк, а потом нагнулся, выдернул травинку, потер ее между пальцев и понюхал. Это был не мираж: он ясно чуял запах, а на пальцах смятая травинка оставила пятна зеленого хлорофилла. Тут что-то ракетой вылетело из высокой травы слева и проскочило у него под ногами так стремительно, что показалось директору просто смутным пятном. Скрывшись в кустах по правую руку, оно оставило позади себя небольшое облачко пыли. От неожиданности он отскочил назад, и странный, какой-то бестелесный смех раздался у него за спиной.

Резко развернувшись, Нафталин обнаружил, что Аминазин с Азалептином наблюдают за ним из безопасного укрытия небольшой герметичной кабинки, вырубленной в скале в нескольких метрах справа от двери. От пещеры братьев отделяло окно с толстым стеклом, а смех Аминазина, что поряд-

ком сбивало директора с толку, исходил из небольшого рупора метрах в двух над окном.

— Не пугайтесь наших *пауток*. — Голос Аминазина загудел как пустая бочка. — От них вам вреда не будет.

— Ваших кого?

— *Пауток*. Боюсь, это одна из наших ранних неудач. Дикие браннанские нелетные утки плюс немного арахнид.

Нафталин отскочил в сторону, когда мимо него метнулось еще одно смутное пятно. Он успел различить какие-то перья, но затем тварь исчезла.

— А почему одна из неудач? — сам того не желая, поинтересовался директор.

— Ну, как вы знаете, дикие нелетные утки у гурманов в большом почете. Ножи в высшей степени деликатесны, а вот грудка жесткая и жилистая. Поэтому мы вывели уток с восемью лапками. Рассчитывали на них целое состояние сделать.

— И что у вас не вышло? Вкус не тот?

— Честно говоря, не знаю, — хмурясь, отозвался Аминазин. — Мы так до сих пор ни одной и не поймали.

Он погрузился в молчание, задумчиво глядя на Нафталина сквозь толстое стекло и вороша темную бороду. Директор отвернулся и постарался взять себя в руки. Он знал, что ему следует расспросить братьев по поводу всех этих тайных работ, что он должен подтвердить свое начальственное положение и потребовать объяснений от пары гномов, которые, как ни крути, оставались его подчиненными, но он был слишком потрясен случившимся, чтобы мыслить здраво. Нафталин также чувствовал себя странным образом уязвимым. Аминазин и Азалептин с жадным интересом за ним наблюдали, словно он был каким-то подопытным существом в стеклянной банке...

Тут Нафталин вздрогнул. Аналогия показалась ему слишком точной. Вряд ли братья обустроили этот большой подземный заповедник только потому, что им не хватало чудного местечка для пикника. Вся эта затея была каким-то гигантс-

ким экспериментом, и он оказался в самой его гуще! Директор оглянулся на плотную стену деревьев. Судя по шумам, что доносились из подлеска, это место было густо заселено различными животными формами. Кто мог знать, каких жутких чудищ уже успели сотворить генетики? И что, если здесь свободно гуляет *кобрат*?

Внезапно Нафталин почувствовал, как паника буквально его захлестывает. Он повернулся и побежал к двери, но вдруг обнаружил, что с этой стороны на ее гладкой металлической поверхности нет никакой ручки. Дверь была заперта крепко-накрепко, и директор оказался в ловушке. Последовала слепящая вспышка прозрения, и он понял, что Аминазин заманил его сюда, оставив потайную дверь приоткрытой, так чтобы он смог ее найти. Они хотели его сюда заполучить — и вовсе не за тем, чтобы пару-другую деревьев ему продемонстрировать. Он был в страшной опасности, и ему необходимо было срочно отсюда выбираться!

Нафталин лихорадочно огляделся, выискивая какой-нибудь другой выход. Доступа в смотровую кабинку отсюда не было, второй двери тоже не наблюдалось, но теперь, присмотревшись повнимательней, справа он различил деревянный мосток через ручей и тропку, убегающую от него к деревьям. Директор решительно зашагал туда по газону, прекрасно сознавая, что две пары заинтересованных глаз наблюдают за ним сзади. Шагая, он подавлял в себе сильнейшее желание обратиться в недостойное, паническое бегство.

— Однако я совсем забыл о хороших манерах, — прогудел из рупора голос Аминазина. — Позвольте пригласить вас в Виварий, управляемую среду обитания, сконструированную Отделом Генетики, хотя, следует признаться, без вашего ведома и дозволения. Данная среда была создана с целью изучения взаимодействия выведенных нами существ как друг с другом, так и с такими автохтонными формами жизни, как вы, уважаемый директор.

Упорно его игнорируя, Нафталин добрался до мостка и остановился. Ну конечно! Ручей непременно должен был где-

то из пещеры вытекать! Возможно, там даже грузный ученый сумеет протиснуться! Он уже собирался направиться вниз по течению, но тут какой-то необычайно пушистый зверек выскочил из подлеска и запрыгал в его сторону. Зверек смахивал на кролика, который очень давно не ходил к парикмахеру.

— А вот и одно из наших достижений, — загудел Аминазин. — Мы его называли *кролионом*.

С трудом удержавшись от того, чтобы повернуться к кабинке и показать ее обитателям средний палец, Нафталин нагнулся и протянул руку к очаровательному существу. Деликатно раздувая ноздри, *кролион* обратил на ученого темные доверчивые глаза и уже потянулся было обнюхать его пальцы, когда Нафталин вдруг сообразил, что над ним нависла громадная, грозная тень. Он круто развернулся — и едва не лишился чувств при виде чудовищной рептилии, что незаметно подобралась к нему из леса.

Стоя на массивных задних лапах, она была фактически вдвое его выше. Мощные мышцы перекатывались под бесшерстой чешуйчатой кожей сероватого оттенка, а ороговевший гребень сбегал по спине твари до длинного, сужающегося к кончику хвоста, которым она медленно водила из стороны в сторону. Черные бусинки глаз блестели над широким разрезом пасти, полной частогокола жутких, загнутых внутрь зубов, а пара слабых и явно рудиментарных передних конечностей с острыми коготками лапала воздух, словно ей не терпелось добраться до ученого. Чудище очень напоминало гигантскую ящерицу, которая много лет регулярно упражнялась в поднятии тяжестей.

Рот Нафталина раскрылся, но ни звука оттуда не вышло. Он хотел побежать, но в мышцах его вдруг словно бы не осталось силы, а в легких — воздуха. Ноги дрожали, угрожая окончательно подогнуться, а дыхание выходило короткими, паническими выдохами. Парализованный директор тарасился на зависшие в каком-то метре от него страшные зубы и чувствовал, как в глотке у него поднимается полупереваренная кислота.

Тварь фыркнула, обдавая Нафталина волной жаркого, смрадного воздуха, и он, беспомощно смиряясь с судьбой, закрыл глаза, ибо чудовищная пасть раскрылась еще шире. А потом он чуть не повалился навзничь, когда здоровенный липкий язык со всего маху лизнул ему лицо. Снова распахнув глаза, директор изумленно смотрел, как гигантская тварь чуть ли не с любовью на него таращится. Затем она вытянула шею и склонила голову набок, недвусмысленно намекая на то, что неплохо бы ей шейку почесать. Из далекого рупора пещеру огласил печальный вздох.

— Боюсь, еще одна наша неудача, — прогудел Аминазин. — Это — *гигуана*. Когда мы ее выводили, мы надеелись получить хищника еще более смертоносного, чем *кобрат*. К несчастью, убивать людей она не желает, зато все время стремится их ласкать. Одно разочарованис.

Нафталин недоверчиво взглянул на *гигуану*, а затем без особой решимости протянул руку и принялся чесать сухую, грубую кожу у нее на горле. Гигантская рептилия аж зажмурилась от восторга и стала издавать басовое, но вполне узнаваемое мурлыканье.

В этот самый момент прелестный *кролион* у ног Нафталина вытянул шею, раскрыл свой маленький ротик и погрузил пару миниатюрных, но убийственно острых клыков в икру ученого.

— Ай! — вскричал Нафталин, ибо укус оказался болезненным. Но это было только начало. Считанные секунды спустя из зоны укуса стала распространяться мучительная боль. Ощущение было такое, будто ногу до отказа накачали расплавленным металлом, и директор отчаянно завопил.

— Вас предупреждали, что *кролион* — одно из наших достижений, — заметил из безопасного укрытия наблюдательной кабинки Аминазин. — Это кролик с небольшой добавкой скорпиона, чтобы сделать его смертельно ядовитым. Теперь вас ждет весьма неприятная кончина.

— Ужасная, — согласился сидящий рядом с ним Азалептин. — Просто ужасная.

Два генетика спокойно стояли и с интересом наблюдали за тем, что происходило в те несколько минут, за которые Нафталин в страшных мучениях испустил дух, а затем, когда предсмертные корчи директора наконец прекратились, а страдальческие вопли затихли, Аминазин повернулся к брату.

— Сообщи всем сотрудникам, что наш обожаемый шеф погиб в результате несчастного случая, — приказал он. — Нам срочно требуется избрать нового директора.

Он снова повернулся к окну и стал жадно наблюдать за группой генетически видоизмененных тварей, что собрались вокруг все еще чуть подергивающегося трупа директора и уже начали разрывать его на дрожащие клочки парного мяса. Азалепптин ухмыльнулся:

— А когда они выберут тебя?

— Тогда мы сможем приступить к серьезной работе. Передай нашим покровителям, что мы практически готовы к осуществлению первого рейда. Настала пора выяснить, на что способны наши питомцы.

В зале заседаний совета директоров корпорации «Оркоубойные мечи», в их штаб-квартире в городе Маремане, совет собрался впервые за последние несколько недель. Фециант, председатель, сидел во главе стола и внимательно разглядывал пятерых мужчин, которых с определенной натяжкой можно было назвать его друзьями. Сорок лет назад, когда все только начиналось, они были тощими и голодными, но годы круто с ними обошлись. Сам-то Фециант держал себя в форме: они с Волкодавом регулярно посещали тренажерный зал, и его мышечный тонус был совсем не так плох. Но что случилось с остальными!

Слева от него сидели Скороед и Зарванец, темноволосые южане из Идуина. Скороед всю жизнь был упитанным, однако в последнее время Зарванец обскакал его в толщине. Волосы их, с недавних пор тронутые сединой, всегда были прямыми и сальными, а у Скороеда к тому же — длинными и неопрятными. Физиономии у обоих оставались круглыми как тарелки, но Зарванец умудрился отрастить столько двойных

подбородков, что их теперь приходилось прятать под всклокоченной бородой.

Напротив них сидели братья Шекель и Шнобель. Родом они были из Галкифера, и когда Фециант только-только с ними познакомился, головы их украшали роскошные гривы светлых волос. Теперь они почти облысели, оставшись лишь с тонкой каймой грубой седины по краям черепов, и тоже заметно прибавили в весе. Откровенно говоря, Шнобель так прибавил, что ему теперь специальное кресло требовалось. Сегодня даже малейшее усилие заставляло его пыхтеть и задыхаться. Братья так и не сумели привыкнуть к жаркому южному климату, отчего их одежда вечно была смята и заляпана потом.

Напротив Фецианта за овальным столом сидел Холдей, его заместитель. У этого приземистого мужчины были свинячьи глазки и слюнявый, вечно раскрытый рот. Он тоже практически облысел, однако пытался скрывать этот факт, отрачивая длинные боковые пряди и зачесывая их на розовый, шелушащийся чсрп. Многие годы Холдей был правой рукой Фецианта, но несколько недель тому назад резко переменился, когда колдунья Шикара прочла его похотливые мысли и в отместку устроила ему жуткую ментальную экзекуцию. С тех пор он совсем скис.

Фециант еще раз оглядел пятерых своих сподвижников. Теперь он их слишком хорошо знал. Ему известны были все их симпатии и антипатии, все страхи, тревоги и пороки. Фециант знал о тяге Шекеля и Шнобеля к редчайшим наркотикам и о необычных сексуальных аппетитах Холдея. Он знал, какую боль Скороед любит терпеть от своих молодых любовниц и какую боль Зарванец обожает причинять некоторым самым бедным и отчаянным гладиаторам Маремана. Он мог читать их мысли как свои собственные и теперь ясно видел, что на каждой туповатой физиономии написано одно и то же: «Пожалуй, мы рано запаниковали...»

— Итак, господа, — начал он, — рад, что мы снова вместе. Судя по всему, вам теперь кажется, что наше столь поспеш-

ное бегство было несколько опрометчивым. Однако должен вас заверить, что наша оценка той ситуации была абсолютно точной.

Он умолк, когда дверь зала заседаний раскрылась, и туда, бормоча и фыркая себе под нос, забрела сморщенная старая ведьма. Члены совета не обращали на нее внимания, пока она громко шаркала к булькающему на очаге котлу.

— Если бы Ронан и его подружка Тусона сразу же выступили против нас, мы оказались бы в серьезной опасности, — продолжил Фециант. — У них тогда была целая армия и поддержка нескольких могущественных волшебников. Однако наших врагов временно отвлекли радости убалтайского побережья, и их союзники рассеялись. Но их мысли снова обратятся к возмездию. А мы достаточно уязвимы...

Тут он встал и вытащил из-под стола квадратную деревянную коробку.

— В последние несколько недель, — продолжил председатель, — я даром времени не терял. Я связался с двумя разными организациями. Одна из них — Гильдия Киллеров. Другая — племя гномов, живущее далеко на севере. Уже несколько лет я проявлял интерес к их научным исследованиям. Они добились удивительных достижений в новой науке генетике и создали несколько замечательных существ. Сейчас, глазами одного из их ученых, вы кое-что увидите...

Продолжая говорить, Фециант натянул пару крепких кожаных перчаток. Затем он открыл деревянную коробку, и помещение мгновенно наполнил жуткий смрад гниющей плоти. Пятеро членов совета с трудом удержались от рвоты, когда председатель сунул руки в коробку и с омерзением на тощей физиономии достал оттуда отрубленную голову гнома. Безглазая, сплошь заляпанная кровью, она уже лишилась большей части своей плоти. Самая макушка была аккуратно отрублена, так что оттуда выпирал мозг.

Он отдал голову ведьме, которая сперва закудаhtала от восторга, а затем подняла ее повыше, проверещала какие-то маловразумительные слова и швырнула ее в котел. Язык пла-

мени мгновенно вырвался из кипящего зелья и прочертил длинную дугу по комнате, прежде чем вонзиться в белую стену. В помещении потемнело, когда стена вдруг засветилась ярко-оранжевым, после чего внезапно ожила, изображая на своей поверхности движущуюся картинку столь реалистичную, что присутствующим показалось, будто они сквозь пролом в стене наблюдают за событиями, происходящими в соседней комнате.

Там была научно-исследовательская лаборатория, оборудованная, судя по всему, в подземной пещере. Гномские научные сотрудники и тролли-лаборанты деловито ходили от одного лабораторного стола к другому. Шестеро мужчин ясно слышали, как звенят пробирки и как кто-то гудит себе под нос.

— Это последнее, что увидел Пурин, прежний хозяин головы, — сказал им Фециант. — Теперь смотрите.

В дверь лаборатории ворвался молодой гном, на лице у него застыл откровенный ужас.

— *Кобраты* вырвались! — завопил он. На мгновение показалось, будто ведьмина магия дала сбой и картинка застыла — так неподвижны вдруг сделались сотрудники лаборатории. Затем в дверном проходе выросла фигура — высокое, гибкое существо с темной шерстью, которое с кошачьей грацией передвигалось на задних лапах, пока его длинный хвост елозил позади. Голова твари повернулась вправо-влево, пока она изучала съжившихся от страха обитателей лаборатории, и в глазах ее вспыхнул хищный огонь. Затем страшная пасть раскрылась, и ряды бритвенно-острых зубов засверкали в убийственной ухмылке.

— Сссссс, — зашипела тварь. — Кккорм!

Несколько шагов она протопала в каком-то полуприседе, словно готовая вот-вот прыгнуть, а через дверной проход тем временем проникли еще три таких же чудища. На мгновение все четверо застыли, глаза их метались по комнате, словно бы выискивая мишень, а хвосты дергались из стороны в сторону. Наконец они буквально взорвались движением, двигаясь так

стремительно, что глаз едва мог за ними уследить. Пятеро членов совета отпрянули к спинкам кресел, когда первый *кобрат* бросился на Пурина. Им явственно показалось, что он сейчас вырвется к ним из стены. Изображение ненадолго исчезло, когда глаза Пурина рефлекторно захлопнулись, и зал заседаний наполнился злобным рычанием вперемешку с мучительными воплями. Затем глаза гнома, должно быть, снова раскрылись, ибо всю стену внезапно заполнила ухмыляющаяся морда *кобрата*. Когтистая лапа потянулась запрокинуть гному голову, а кошмарные зубы скрылись из вида, метнувшись к незащитному горлу, и вопли тут же стали вдвое громче. Рядом другого гнома прижал к полу второй *кобрат*, руки-ноги несчастного тщетно дергались, пока тварь нагибалась к его животу, вырывала внутренности и начинала жадно кормиться. А потом вопли умолкли и изображение пропало...

Свет в зале заседаний снова вспыхнул, и Фециант, оглядев пять бледных, потрясенных физиономий, удовлетворенно улыбнулся.

— Теперь все, Картленд, — объявил он, и ведьма, бормоча что-то невнятное, зашаркала прочь из комнаты. Пятеро мужчин уставились на своего вожака, физиономии их блестели от пота.

— Итак, господа, — обратился он к ним, — это *кобраты*. Безусловно, более смертоносных существ вам еще видеть не доводилось. Всего их семь штук. Рад вам сообщить, что вся эта семерка теперь принадлежит нам.

Председатель откинулся на спинку кресла и ухмыльнулся себе под нос, увидев, как ужаснуло его сподвижников это заявление.

— Но ведь... они опасны! Клятски опасны! — выдохнул Холдей, и остальные хором с ним согласились.

— Да, опасны, — ответил Фециант. — Но не для нас. Они запрограммированы на повиновение тому единственному, кого они считают своим хозяином. Поскольку я, гм... разделался с их предыдущим хозяином, незначительным, бросовым гномом по имени Аденин, то теперь они считают таковым меня. —

Он холодно улыбнулся и для вящей убедительности ткнул указательным пальцем в столешницу. — Мы должны по-быстрому разобраться с этим благонамеренным воином и его друзьями. Они опасны и могут представлять угрозу нашей жизни, особенно при поддержке сидорской армии или таких могущественных волшебников, как Антракс. Рано или поздно они станут искать мести, а я со своей стороны желаю, чтобы моя голова крепко сидела у меня на плечах.

Уже сейчас первый *кобрат* должен добраться до Убалтая. Одного-единственного зверя может оказаться достаточно, чтобы расправиться с этим назойливым воином и его друзьями. Если же нет, за первым *кобратом* последуют остальные. А кроме того, есть еще и мой контракт с Гильдией Киллеров...

В нескольких кратких фразах Фециант обрисовал задуманный план и уже предпринятые шаги. Не успел он договорить, как пятеро его сподвижников восхищенно заулыбались. Им стало очевидно, что на сей раз ошибки быть не может. Ронан и его друзья оказались в самом сердце стремительно захлопывающейся металлической ловушки, и вскоре их жизням предстояло угаснуть с той же неизбежностью, что и свече, которую в ведро с холодной водой сунули.

ГЛАВА 4

Илекская равнина, что в северном Сидоре, являет собой район богатых сельскохозяйственных угодий, каковой славится своей превосходной продукцией, и в особенности крупным, сладким на вкус фруктом, известным как «гафна» (по-эльфийски — «рай»). Ныне широко культивируемый, этот восхитительный краснокожий фрукт первоначально произрастал исключительно в Сидоре, и в своей книге «Откуда мы есть пошли?» Вельбугский Мудрец даже выдвинул такую теорию, что первыми людьми в Сидоре были члены кочевого племени гафнаедов...

Среднеземская энциклопедия

Дождь лил уже час и переставать не собирался. Он барабанил по крыше с упорством алкоголика, пытающегося попасть в давным-давно закрытый каба́к. Толстые ячменные колосья на окрестных полях грустно поникали под напором непогоды, а мощные струи воды размывали почву, превращая бегущую поблизости дорогу в топкое болото.

— По-моему, он слабеет, — с надеждой заметил Тарл.

Дождь, понятное дело, тут же удвоил свои усилия. Далеко на востоке сверкнула молния, за ней вскоре последовал угрожающий раскат грома, и перед дверью амбара вдруг словно бы опустили водяную завесу.

— Так ты говоришь, ты странствующий прорицатель? — с сомнением переспросил фермер.

— Да, но я сейчас без работы.

— Ты ее потерял? Что ж, ничего удивительного. А что случилось?

— Непредвиденные обстоятельства.

— Понятно. — Фермер повернулся туда, где Ронан с Тусоной уже развесили мокрые плащи на стенных яслях и теперь открывали свои рюкзаки. — А вы, значит, его телохранители?

— Ага, — отозвался Ронан. — Без нас ему бы совсем крышка. Подумать только, сколько народу он за эти годы нагрел.

— Охотно верю. Ну что ж, милости прошу у меня в амбаре переночевать. Крыша здесь крепкая, так что вам будет тепло и сухо. — Тут фермер взглянул на Котика и с сомнением покачал головой. — Только я не уверен, стоит ли вашему ослу здесь оставаться. Особенно если он на моего похож. Тому я бы точно не позволил.

— А что такое? — осведомился Тарл.

— Да потом кучу зерна пришлось бы выбрасывать. Грязная тварь.

— Насчет Котика не беспокойтесь. Он у нас дрессированный. Все будет тип-топ.

Фермер еще раз взглянул на низкорослого осла, который что-то такое вынюхивал между тюками сена и задней стеной. Внезапно осел замер, явно заприметив что-то в сене, а затем сделал резкий бросок. Его зубы неистово клацнули, послышался громкий писк, после чего осел выбрался из сена и присеменил к остальным. Из пасти у него свисала здоровенная крыса. Остановившись перед фермером, четвероногое как-то странно на него глянуло, а потом всосало крысу точно макароны и принялось увлеченно жевать.

Мужчина побелел.

— Так вы его Котиком зовете? — воскликнул он. — Бедный засранец! Ничего странного, что у него мозги набекрень! Вам бы его кому-нибудь показать. Как же они там называются? Ну, которые разных тварей от всякой дури лечат...

— Наркологи?

— Знаете, вам бы тоже кому-нибудь такому показаться, — буркнул фермер. — Боги мои, ну и времена настали, — добавил он, устало качая головой, а затем, накинув на голову капюшон, вышел под дождь, бормоча что-то про старые добрые деньки, когда у тебя в амбаре нормальные путники ночевали.

Тарл смотрел, как фермер хлюпает прочь по дороге. Ливень вскоре скрыл его из вида, и Тарл снова повернулся к остальным. Тусона, сменив повязку на раненом бедре, расстелила перед собой плащ-палатку и разложила на ней оружие. Там были три меча, четыре ножа, эльфийский лук, кол-

чан со стрелами, крошечный арбалетик, который она звала *арбой*, а также кожаная сумочка с миниатюрными стрелами к этому арбалетику. Внимательно все осматривая, проверяя оружие на предмет остроты, она наткнулась на нож, чье лезвие никак не соответствовало ее стандартам, после чего достала из своего рюкзака оселок и принялась его точить. Ронан тем временем расчистил на каменном полу амбара широкий круг и взялся соорудить там небольшой костерок. Котик, закончив с первой крысой, снова присеменил к стене амбара и стал вынюхивать следующую. Тарл сел на мешок, морщась от боли в натертых ногах, и втянул в себя воздух. Амбар буквально благоухал свежим зерном и сеном, тут было очень даже уютно. Тогда, вытащив из своего рюкзака новый бурдюк с вином, Тарл сломал восковую пробку и славно к нему приложился. Дешевая красная бормотуха заскользила вниз по его горлу примерно как дикобраз по кактусу.

— Боги мои! — Он принялся отчаянно отплевываться. — Правду сказать, я попросил у них забористого винца, но это как будто и впрямь из какого-то старого забора сварганили!

Скорчив гримасу, Тарл тыльной стороной ладони вытер рот и предложил бурдюк остальным. Ронан даже не повернул к нему головы, а лишь мрачно ею помотал. Тусона тоже отмахнулась.

— Не сегодня, — пробормотала она. — Я еще от прошлого раза не очухалась.

Тарл сделал еще глоток и окончательно расслабился, чувствуя, как знакомое тепло разливается в животе. Затем, подтянув к себе рюкзак, он принялся вытаскивать оттуда свои запасы провизии.

— Вот что, ребята, — радостно начал он. — Вы все эти дни готовили. Теперь моя очередь.

Тусона тут же подняла взгляд.

— Да нам не тяжело, — неуверенно возразила она. — Ты лучше просто посиди...

— Не-ет, — уперся Тарл. — Я серьезно. Моя очередь.

Повисла внезапная тишина.

— Тогда я, пожалуй, немного вина выпью, — наконец выговорила Тусона, после чего Тарл с радостной улыбкой швырнул ей бурдюк и собрался в своем неподражаемом и весьма неаппетитном стиле готовить еду.

Когда они, мрачные и похмельные, пятью днями раньше покидали гостиничный комплекс, Тарл рассчитывал, что их путешествие обратно в Вельбуг станет неторопливым и ослабленным. Он уже с энтузиазмом планировал остановки в нескольких городах по пути, где они непременно опробуют всевозможные улады. Однако Ронан с Тусоной не на шутку спешили и были настроены путешествовать как можно быстрее и незаметнее — на случай, если совет «Оркоубойной» еще какие-либо приятные сюрпризы для них припас.

Они вкратце обсудили возможность путешествия вверх по реке Урлоне до Ближнего Абассала, чтобы дальше направиться на север через Бехан, однако отбросили этот вариант по трем соображениям. Во-первых, они рассчитывали быстрее передвигаться пешком, во-вторых, ходили слухи о жуткой и совершенно опустошительной вспышке Серой Чумы в Дальнем Абассале, а в-третьих, Тусона заявила, что пусть лучше ее протащат через целое озеро кипящей свиной мочи, чем она еще хоть раз ступит в Бехан. Посему они решили пройти по изобильным пахотным землям на северном берегу Урлоны, обогнуть Аканскую пустыню, а затем направиться на север через Илсскую равнину к Великой реке Лено.

Они остановились в Убалтае, чтобы Тусона смогла забрать свой оркоубойный меч марки ГТО*, который переделывал под ее руку оружейник, после чего провели час в «Матросской тишине» на Гаванской улице, наблюдая за давкой и сутолокой портовой зоны и дожидаясь сумерек. Как только стемнело, они прошли к набережной, по-тихому спустились к воде, позаимствовали оставленное без присмотра гребное суденышко и неслышно заскользили по темным, бархатным водам устья, оставляя огни большого города у себя за спиной.

* ГТО — Готовый Труп Орка.

На северном берегу кучковалось несколько строений, в одном из которых находилась контора коннонаемной компании ЛДПР («Лошади Для Путешествий и Развлечений»), и там, привязанный к ограде снаружи, их ожидал лохматый пони. Затем Ронан с Тусоной пустились в дорогу в темпе, который, не будь у них теперь пони, очень скоро оставил бы Тарла далеко позади.

Четверо суток держалась ясная погода, и солнце сияло в небе, пока они путешествовали по виноградникам и оливковым рощам южного Сидора. Однако, проснувшись на пятое утро, они обнаружили, что небо сплошь затянули густые низкие облака. Пока они продвигались на север, оставляя слева от себя Хромовые горы, облака постепенно темнели, и к тому моменту, как они прибыли к торговому посту на южной оконечности Илекской равнины, небо уже почти почернело. Торговый пост, ветхое каменное здание с пьяно привалившейся к нему сбоку деревянной конюшней, имел при себе контору ЛДПР, так что Ронан с Тусоной, чувствуя себя теперь в достаточной безопасности, чтобы путешествовать чуть медленней, решили оставить там пони. Если верить невзрачной деревянной вывеске снаружи, там также находился «последний винный магазин на ближайшие сорок миль», а посему Тарл вышел оттуда, отягощенный двумя полными бурдюками. Потом стал накрапывать мелкий дождик, а к тому времени, как они добрались до плодородных сельскохозяйственных угодий Илекской равнины, хляби небесные разверзлись уже не на шутку. Опытный в подобных делах Ронан лишь отмахнулся от предсказания Тарла, что это всего-навсего кратковременные осадки, и они решили искать убежища на первой же ферме, какая им только попадется. Вот так и вышло, что Ронан с Тусоной сидели теперь на тюках сена в большом каменном амбаре, Котик непринужденно валялся рядом, и все они с благоговейным ужасом наблюдали за кулинарными потугами Тарла.

У Тарла имелось два основных метода приготовления пищи на бивачном костре: нещадно варить продукты в дешевом

красном вине и нещадно жарить продукты в дешевом красном вине. В настоящее время он решил заняться первым из перечисленного, так что, постругав всю купленную на торговом посту провизию в виде овощей и сушеного мяса на крошечные кусочки, он покидал ее в походный котелок, залил изрядным количеством красного вина, бросил туда под видом зелени какой-то мусор (пахла эта «зелень» почему-то затхлой мочой) и стал греть над костром, пока смрадное варево яростно не забурлило. Из прошлого опыта Тарл хорошо знал, что если ты вот так вот пихаешь все подряд в котелок и варишь, то к тому времени, как мясо приготовится, из овощей неизменно получается каша, но его это особенно не беспокоило. Клят с ними, с овощами, считал он, еда есть еда, а кроме того, ему так больше нравилось. Овощи даже пережевывать не приходилось.

Тусона с ужасом наблюдала, как Тарл чешет в подмышке, вытирает руку о сплошь заляпанные грязью штаны, а потом сует палец в варево и пробует его на вкус. Когда на лице его выразилось некоторое беспокойство, Тусона повернулась к Ронану.

— Я что-то уже не голодна, — прошептала она.

— Не волнуйся. Кушанья Тарла на вкус всегда лучше, чем с виду.

— Даже если на вкус оно как коровья лепешка, оно все равно будет куда лучше, чем с виду.

— Да, надо признать, сегодня он сам себя превзошел.

— Никуда вы не денетесь, — вмешался Котик. — Придется вам эту дрянь есть. Иначе он несколько суток дуться будет. Но ничего страшного с вами не случится. Тарл к этому делу серьезно подходит. Если по рецепту требуется дерьмо, он всегда берет свежее.

Понятия не имея о столь оживленном обсуждении его кулинарных талантов, Тарл добавил в кипящее варево еще немного вина и во второй раз его попробовал. Затем, радостно кивая самому себе, он снял котелок с огня и принялся разливать варево по мискам. Звуки, которые при этом разда-

лись, навели Тусону на мысль о том, что ее упоминание о коровьей лепешке было как нельзя более уместным. С гордой улыбкой на лице Тарл торжественно раздал миски.

— Вот, — сказал он. — Это называется «тушеное мясо с овощами», приготовленное в горшочке по специальному рецепту.

У Тусоны было совсем иное мнение насчет того, как это называется. Несколько секунд она с опаской смотрела на свою порцию, а потом зажмурилась, перевела дыхание и сунула себе в рот целую ложку тошнотворной отравы. К ее вящему удивлению, эта отравка сразу ее не убила. Да, следовало признать, что мясо обладало всеми вкусовыми достоинствами старых ботинок, но если наплевать на подозрительно короткие и курчавые черные волоски, которые временами попадались в вареве, оно было почти съедобным. Почти, но все же не совсем.

— Ну как? — с лучезарной улыбкой осведомился Тарл.

— Ты кого-то клятски счастливой женой сделаешь, — пробурчал Ронан, пытаясь определить, не сломал ли он зуб об один из кусков трижды клятского мяса.

— В смысле?

— Ты еще для Гебрали не готовил?

— Было как-то раз.

— Так вот почему она в Ай'Эле осталась!

— Эй, вам что, мое деликатесное блюдо не нравится?

Ронан открыл было рот, собираясь дать предельно честную, откровенную и подробную оценку варева, но вдруг почувал между зубов жесткий волосок и сделал паузу, чтобы его удалить. Тусона поспешно вмешалась.

— Блюдо просто замечательное, — объявила она. — Особенно учитывая, где мы находимся и как быстро ты его приготовил. — «А также, — добавила она про себя, — учитывая, какая ты бездарная пародия на повара и что кулинарных способностей у тебя как у вонючей крысы, а внимания к гигиене даже меньше».

До глубины души тронутый, Тарл заулыбался.

— Спасибо, — поблагодарил он.

— На здоровье, — отозвалась Тусона и вдруг заметила, как Ронан на нее пялится. У него был вид человека, абсолютно убежденного в том, что его возлюбленная минуту назад безнадежно свихнулась. Тогда она поспешила сменить тему:

— А как там Гебраль? Ведь ты прошлой ночью с ней разговаривал.

— Нормально. За эти пять дней ничего не изменилось. Толпа горожан Ай'Эля по-прежнему держит Мертвых Ребят в осаде, но никакой опасности нет. У Геб столько Силы, что она осаждающим не по зубам, и они начинают это понимать. Не будь она так мягкосердечна, она бы уже сейчас могла их отвадить, но она все говорит, что они не виноваты, что на них заклинание Контроля лежит. Короче, не хочет она никому вредить, пока ее по-настоящему не припрет. Тем не менее она прикидывает, что через несколько дней ей удастся оттуда ускользнуть и к нам присоединиться. Она не хочет, чтобы мы без нее за «Оркоубойную» принимались.

— Ее Сила нам бы очень не помешала. С этими старперами ухо остро держи. — Тут Тусона ненадолго умолкла и, склонив голову набок, задумчиво взглянула на Тарла. — А знаешь, — продолжила она затем, — с твоим послужным списком и установкой на верность мне очень странно, что Гебраль тебя хоть на минуту от себя отпускает. Должно быть, ты у нее в страшном доверии.

По лицу Тарла расплзлась смущенная улыбка. Желая ее скрыть, он опять от души приложился к винному бурдюку.

— Геб очень мне доверяет, — выдохнул он, когда откашлялся. — Больше, чем я сам себе доверяю.

Лежащий у их ног осел, явно наслаждаясь разговором, лениво приоткрыл глаз.

— Да уж, доверяет, — фыркнул он. — Слышал я, как они прощались. Чуть весь обед обратно не выложил.

— Да ладно тебе, — забормотал сконфуженный Тарл.

— Ах, милый, ах, любимая... Тьфу! А знаете, что этот мудака потом выкинул?

— Слушай, Котик, ты не заткнешься?

— Нет, знаете, что этот несчастный мудозвон потом отмочил?

— Клят, Котик, я тебе все уши...

— А что он отмочил? — дружно гаркнули Ронан с Тусоной.

— Попросил ее заклятие Супружеской Верности на него наложить, только и всего. И она наложила.

Тарл вдруг понял, что все трое смотрят на него с дурацкими ухмылками на довольных физиономиях. Тогда он напряженно уставился на свою миску.

— Заклятие Супружеской Верности? — рассмеялся Ронан. — И как оно работает?

— Тебя не касается! — буркнул Тарл, сделавшись цвета перезревшей *гафны*.

— Ну-ну, друзьям-то Расскажи, — попросила Тусона, с трудом стараясь сохранить серьезное лицо. — Нам интересно.

— Не хочу я об этом!

— Зато мы хотим. Тебе вообще перестают другие люди нравиться или у тебя просто не...

— Если тебе так интересно, — рявкнул Тарл, — то мне бывает очень больно всякий раз, когда у меня... когда это самое... ну, короче, когда эта ерунда... — Тут он заскрипел зубами, не в силах найти подходящие слова, и лишь безнадежно махнул рукой.

— То есть, — сформулировала за него Тусона, — тебе больно всякий раз, когда у тебя член встает?

Тарл с несчастным видом кивнул:

— Если только я при этом о Геб не думаю. Зверская боль. Ты просто не представляешь.

— Еще бы. Как я, интересно, смогла бы это представить? — отозвалась Тусона. Она посмотрела, как Тарл сидит там, буквально корчась от смущения, и не на шутку его пожалела. Но затем она опустила взгляд на застывшее дерьмо у себя в миске, на эту состряпанную Тарлом возмутительную пародию на еду, и ощутила во рту гнусный привкус, будто прожевала ментоловую жвачку, которая перед этим долго в луже затхлой мочи валялась. Тут же вся ее симпатия к Тарлу волшебным

образом испарилась. Что, в самом деле, за клятство такое? Она устала и промокла, ее ранское бедро пульсировало болью, а ее ни за клят собачий заставили целую ложку патентованного дерьма проглотить! Тусона опустила взгляд на Котика. Заметив в ее глазах озорной блеск, низкорослый осел подмигнул.

— Между прочим, ничего странного, что Тарлу пришлось к такому средству прибегнуть, — невинным тоном заметил он. — Я хочу сказать, женщины так на него и кидаются. Причем клят знает почему. Какая роскошная девушка к нему в «Последнем грамме» клеилась, еще когда мы в Забадае торчали! Помнишь ее, Тарл?

— Клят, еще как! Просто не поверите, что она мне посулила...

— А как насчет Серены? — перебила Тусона. — Помнишь тогда в Вельбуге? Ох и горячснькос же она тебе приготовила!

— Какая дсвушка! — вздохнул Тарл, и вид у него при этом стал немного мечтательный.

— А помнишь, как ты с ней познакомился? Она в такой короткой юбочке была, все тебе улыбалась и эдак бедрами поводила...

— Как я мог забыть? Она была... ой! Она... ай!

Тарл внезапно скорчил жуткую гримасу и стал неловко хвататься за свои интимные органы, а Ронан, поначалу несколько озадаченный разговором, решил тоже подключиться.

— А помнишь, как она тебя в том наряде ждала? — ухмыльнулся он.

— Ох! Нет, даже думать об этом не хочу! Ой!

— А как тебе рожки и овечья шкура? А черные резиновые сапожки? А как у нее на попке пушистый хвостик болтался?

— Ай! Ой! Клят, как больно! Уй!

— А по плечам светлые волосы свисали...

— Вв! Мм! Ух-х!

— И ты рассказывал, что такой сладенькой попки еще никогда не кусал!

— Ай! Ой! Клят! Гады! Подонки! А-ай!

Тарл внезапно вскочил, согнулся почти вдвое и, отчаянно хватаясь за ноющее причинное место, доковылял до двери. Затем, стеная от боли, он исчез под дождем. Тусоне стало немного неловко, ибо реакция Тарла оказалась куда острее, чем она ожидала, зато Котик с Ронаном радостно хихикали.

— Ох, как славно, — выдавил из себя осел. — Никогда от этого зрелища не устану.

— А что, такое уже бывало? — спросил Ронан.

— Конечно. Почти всякий раз, как мимо красивая девушка проходила. Ну Тарл и мудака!

— Надеюсь, с ним все в порядке, — пробормотала Тусона. — Вряд ли ему стоит одному там разгуливать, когда нами так «Оркоубойная» заинтересовалась.

— Не беспокойся, — успокоил осел. — Я пойду за ним пригляжу.

Он встал и просеменил к двери, а затем, распластав уши по шее и пригнув голову, выскочил вслед за Тарлом в предвечерний сумрак. Тусона посмотрела, как он исчезает под дождем, после чего, порывшись в рюкзаке, достала оттуда буханку свежего хлеба и немного сыра. Разделив провизию пополам, она отдала половину Ронану. Затем они удобно расселись в теплом сене, щедро рассыпанном по полу, и принялись жадно поглощать пищу, стремясь успеть до возвращения Тарла.

— Ты правда думаешь, что совету за нами уследить не слабо? — с полным ртом пробормотал Ронан. — Мы клятски быстро передвигались.

— Нет, не думаю. Я просто хотела от Котика избавиться, чтобы он про нашу трапезу Тарлу не разболтал. Эти двое друг друга стоят. Котик бы растрезвонил, а Тарл бы потом дулся.

— Так ты считаешь, мы в безопасности?

— Какая тут может быть безопасность, когда Тарл еду готовит? Хотя, если серьезно, я именно так считаю. А ты нет? Сам же говоришь — передвигались мы быстро. Кроме того, особых следов за собой не оставили, так что вряд ли кто-то сможет прикинуть, куда мы путь держим. По-моему, все в порядке. Честно говоря, сильно сомневаюсь, что в радиусе

пятидесяти миль у нас враги есть. Я это нутром чую, а оно меня редко подводит.

Ронан улыбнулся и совсем размяк в теплом сене. Он по опыту знал, что на нутро Тусоны можно было железно положиться. До сих пор подобные ее предсказания отличались стопроцентной точностью. Было крайне прискорбно, что она выбрала именно этот день и час, чтобы стопроцентно ошибиться.

Магистр-киллер Крюгер был из тех, кто сразу рождается для своей будущей профессии. Его отец, торговец шелком и бархатом из Ближнего Абассала, надеялся, что сын унаследует семейный бизнес, однако довольно скоро стало очевидно, что таланты его отпрыска лежат совершенно в иной сфере.

Едва научившись ходить, юный Крюгер вовсю топал по дому, выискивая насекомых, чтобы на них наступить. Поначалу это казалось безвредной шалостью (если вам только не случилось родиться насекомым), однако со временем он перешел к более сложным проектам и начал экспериментировать, бросая муравьев в паутины и отрывая крылышки мухам. Вскоре у всех окрестных пауков осталось совсем мало лап, а если у какой-то из домашних мух возникало желание посмотреть, что там за такой интересный кусок дерьма в саду, ей приходилось туда идти.

Озабоченные столь очевидной склонностью к насилию и взволнованные тем, как юный Крюгер, сжимая и разжимая кулачки, сидит у окна и смотрит на соседскую кошку, родители купили ему золотую рыбку в надежде на то, что это научит его любить и уважать животных. Малыш битых два часа сидел и смотрел, как предполагаемый объект его нежной привязанности плавает в аквариуме, но стоило только его матери выйти из комнаты, как он вытащил рыбку из воды и раскатал маминой скалкой. Лежа той ночью в кроватке с насквозь пропитанной слезами подушкой и отметинами отцовского ремня на ягодицах, Крюгер пришел к заключению, что в дальнейшем ему, пожалуй, не повредит немного скрытности.

Несколько недель спустя в аквариуме появилась другая золотая рыбка. Крюгер опять сидел и наблюдал, но когда его родители вышли из комнаты, он ничего такого не сделал, а только продолжал наблюдать. Он хорошо усвоил первый урок. Только через несколько дней, когда они с мамой ходили по магазинам, его любимое существо довольно загадочным образом загнулось. К ужасу его матери и тайному восторгу Крюгера, когда они пришли домой, рыбка плавала в аквариуме кверху брюхом. Родители посчитали это несчастным случаем, но после того, как еще три золотые рыбки, два котенка, пара хомячков и щеночек встретили необъяснимый конец, причем Крюгера всякий раз при этом не было дома, у них возникли смутные подозрения. А когда его отец прокрался наверх в детскую и застукал Крюгера за подмешиванием толченого стекла в обед для их нового щеночка, эти подозрения резко переросли в уверенность. Крюгер провел еще одну болезненную ночь, рыдая в подушку, а поток домашних животных внезапно прекратился.

Вскоре после этого Крюгер пошел в школу. Поначалу, хотя он упорно не желал не только заводить друзей, но и просто общаться с другими учениками, никаких эксцессов не случалось. Но затем, вскоре после того инцидента, когда несколько одноклассников гонялись за Крюгером, обзывая его обидными кличками и забрасывая камнями, началась целая серия загадочных недугов и несчастий. Два одноклассника скончались, а еще девять надолго слегли. Его классная руководительница, мучимая смутными подозрениями, навестила родителей Крюгера, и тот провел третью ночь с мокрой подушкой и ноющей задницей. Трое суток спустя учительницу нашли мертвой у себя дома. Доктор сказал, что такой смертью обычно умирают люди, которые случайно наглотались толченого стекла.

Через час после этих новостей родители Крюгера упаковали все его пожитки, доставили его до Гильдии Киллеров и сдали туда в качестве ученика-контрактника. Вернувшись домой, они дружно испустили вздох облегчения, от всего серд-

ца радуясь тому, что сумели избавиться от смертоубийственного отпрыска, прежде чем он переключил свое внимание на них. Они рано радовались. К несчастью, когда они тем же вечером решили отпраздновать свое чудесное избавление от грязного выродка, они выбрали бутылку сидорского бренди, которую этот самый выродок неделю тому назад аккуратно и незаметно отравил крысиным ядом. В результате юный Крюгер, сам того не ведая, стал сиротой.

Его новый дом, штаб-квартира Гильдии Киллеров Ближнего Абассала, служил также домом четверем магистрам-киллерам, восьми братьям-киллерам, девяти стажерам и пятнадцати ученикам, но несмотря на тот факт, что теперь он жил среди своих сверстников и единомышленников, Крюгер все равно смотрел на них с подозрением и держался особняком. Первые несколько недель он был просто чудом послушания, проявляя почтительную вежливость к старшим и с необыкновенным прилежанием выполняя различные задания. Но в один прекрасный день, после того как достопочтенный брат Душегуб несправедливо выбрал его и вздул за чужую проделку, старые привычки взяли свое, и Крюгер решил осуществить месть.

Однако на сей раз он встретил достойного противника. Его наставники старались бдительно распознавать подобные позы, ибо практически за всеми учениками Гильдии Киллеров водилась тайная страстишка по-тихому убивать себе подобных. Так что попыток юных учеников прикончить своих товарищей или учителей там уже ожидали. По сути, такие попытки даже считались необходимыми, и личный наставник Крюгера брат Душегуб так тревожился за ангелочка, которого вверили его попечению, что решил немного ускорить дело, наказав юного ученика за проступок, которого тот не совершал. Когда тем же вечером брат Душегуб обнаружил в своей тарелке массу толченого стекла, это стало радостным событием для всей Гильдии за исключением самого Крюгера, который провел еще одну мучительную ночь, рыдая в подушку.

Наставники юного киллера сочли, что он, так сказать, доказал свою профпригодность. На следующее утро его отвел в сторонку Тим Дырокол, один из магистров-киллеров, и Крюгер удостоился часового инструктажа на предмет истории, законов и верований Гильдии. Ему было особо указано на то, что попытка убить члена столь закрытой и сплоченной организации — не слишком удачная мысль, если только он сам хочет остаться в живых. Затем ему изложили Первый Закон Гильдии Киллеров: «Ни один киллер не вправе убить, попытаться убить или преднамеренно вызвать смерть другого члена Гильдии». Его также предупредили, что нарушение любого из десяти законов Гильдии повлечет за собой немедленное исключение. Ему обрисовали все преимущества членства в Гильдии, не последним из которых было получение немалых денег за хитрые и загадочные убийства себе подобных. Очевидно, любой из высших чинов делал себе на этом целое состояние. Разумеется, приканчивать себе подобных можно было и вне Гильдии, но власти, как правило, косо смотрели на подобные убийства, расценивая их как преступления, и дело обычно заканчивалось вежливым приглашением на одну из публичных казней, причем в качестве жертвы, а не качестве палача.

Крюгер опять усвоил урок. Начиная с того дня он целиком погрузился в жизнь Гильдии, и вскоре всем стало очевидно, что у него редкий талант. Первое свое официальное убийство он осуществил в четырнадцать лет, используя яд собственного изобретения, чтобы устранить излишне ревностного сборщика налогов, который не на шутку досаждал купцам Жлобиуса. По мере того как шли годы и множились убийства, Крюгер постепенно поднимался по служебной лестнице и в конце концов, в беспрецедентном возрасте двадцати лет, сделался магистром-киллером. Слава его все росла, пока при одном лишь упоминании его имени даже нахрабрейшие из воинов начинали печалиться.

Так что, когда несколько лет спустя председатель совета директоров корпорации «Оркоубойные мечи» заключил с Гиль-

дией Киллеров Открытый Контракт на Ронана, именно Крюгер оказался наиболее очевидной фигурой для выполнения столь сложного и рискованного задания. Фециант передал Гильдии исчерпывающее досье на требуемый объект, и Крюгер несколько дней внимательно его изучал. Он уже слышал о Ронане, и тот факт, что он близко сошелся с Тусоной из Вельбуга, сильно все затруднял. Впрочем, согласно досье, председатель принял меры, чтобы в нужное время резко побудить их к действию, и теперь, по догадке Крюгера, они вместе с парой друзей направлялись из Убалтая в Вельбуг для встречи с магом Антраксом. Передвигались они тайком, но быстро.

Крюгер хорошенько обо всем этом поразмыслил. Вверх по реке они не поплывут, решил он. Слишком медленно. К Дальнему Абассалу, опасаясь чумы, они приближаться не станут. Через Хромовые горы они не пойдут, потому что торопятся, а значит, обойдут их с востока. Таким образом, район поиска сужался до пяти-шести миль в поперечнике. К несчастью, это был район садов, виноградников и оливковых рощ, и даже человек пятьдесят могли пройти там незамеченными. Однако если дальше они направятся к Илекской равнине, то там скрыться будет практически невозможно...

Несколькими неделями раньше оркское воинство Шикары черной волной прокатилось по изобильным пахотным землям Сидора, сжигая, вытаптывая и уничтожая посевы. В результате после него остался след выжженной земли шириной в полмили. Эта полоса сельской местности была так выровнена и опустошена, что по ней, не привлекая внимания, даже блоха бы не проскочила. Таким образом, если бы Крюгер примерно в миле друг от друга расставил там наблюдателей, никто не смог бы пробраться мимо них незамеченным. Ему потребовалось бы по меньшей мере шесть человек, но раз уж на то пошло, для выполнения задания, связанного с ликвидацией таких прославленных воинов, как Ронан и Тусона, ему в любом случае пришлось бы затребовать тех же самых шесть киллеров. Ведь именно Ронан несколько месяцев назад убил

в Вельбуге магистра-киллера Карфа. По сути, если задуматься, еще разумнее было бы восемь подручных...

Вот так и вышло, что Крюгер притаился в чудом уцелевшем стоге сена на северном краю полосы выжженной земли, оставленной оркским воинством, а еще восемь киллеров расположились в миле друг от друга дальше к востоку. Крюгер предупредил остальных, что они вполне могут проторчать там несколько дней в ожидании мишени, которая очень даже может так и не объявиться. Уже не в первый раз он проводил почти неделю в такой вот засаде, обходясь без сна и едва осмеливаясь вытянуть ноги и немного передохнуть под покровом ночи. Тренировка киллеров подготовила его к этому испытанию, которое вообще-то являлось всего лишь составной частью ремесла, но уж больно оно было утомительным и монотонным. Сперва оглядывать землю к востоку, затем смотреть, нет ли в небе дымового знака (именно такой сигнальный метод предпочитала использовать Гильдия), затем давать глазам немного отдохнуть, затем опять все по новой, и опять, и опять... Тем не менее все это требовалось проделывать, а посему Крюгер, как и остальные члены его отряда, словно труп лежал в стогу сена, не обращая внимания на застывшие мышцы, которым страстно хотелось хоть разок сократиться, и даже не подозревал о том, насколько точной оказалась его прикидка. Дело заключалось в том, что Ронан и его друзья провели ночь в амбаре в считанных милях к югу оттуда, а в настоящий момент направлялись прямо к ним.

Шагая вперед под ярким дневным солнцем, Ронан с Тусоной почти не испытывали вины за то, как они вчера вечером поиздевались над Тарлом. А Тарл, судя по его прямой как шомпол спине, требованию, чтобы они шли в десяти метрах позади него, и упорному невниманию ко всем их попыткам восстановить дружеские отношения, по-прежнему дулся как сто клятв.

Когда низкорослый осел в конце концов привел его обратно в амбар, выяснилось, что мокрый до нитки Тарл жутко

на них обозлился. Он холодно проигнорировал извинения Тусоны и не обратил ни малейшего внимания на торжественные заверения Ронана о том, в каком они на самом деле восторге от его кушанья. Решительно прошагав мимо них, Тарл сорвал с себя всю одежду, завернулся в дурно пахнущую тряпку, которую он почему-то называл одеялом, прилег в углу за сеном и уснул.

Обычно, просыпаясь наутро, Тарл обнаруживал себя в лучшем, более милостивом расположении духа, однако тут, проснувшись наутро, он обнаружил себя в небольшой луже собственного варева. По крайней мере его физиономия точно там находилась. Ронану с Тусоной пришлось сознаться в том, что вчера вечером, пока его не было, они по-тихому опорожнили в углу свои миски, а когда он прилег там поспать, то, мокрый до нитки, ничего такого не заметил. Вариво и в горячем виде было приличной гадостью, но холодное как лед оно просто невообразимо воняло, а к тому же имело такую удачную консистенцию, что намертво прилипало подобно какой-то смрадной пивке. Тарл совсем измучился и страшно расстроился, причем не только из-за того, что друзья не оценили его кулинарных талантов. У него было явственное чувство, что когда Ронан сравнивал вкус его кушанья с испорченным дерьмом *ленката*, он вовсе его не оскорблял, а всего лишь был убийственно точен. Так что Тарл в гневном расстройстве шагнул вперед, и Котик ничуть не улучшал ситуацию, отпуская дурацкие шуточки про «срань-кебабы» и «подгуляш», а также временами нарочито громким голосом именуя Тарла «какашеваром».

Они все еще путешествовали по району богатых сельскохозяйственных угодий, топая по дорогам, выходящим меж высоких хлебов или густых оливковых рощ, когда Котик принялся излагать «Повесть о том, как Тарл обед для Гебали готовил». Тарл, чувствуя себя в высшей степени неловко и не желая выслушивать подлый донос, прибавил шаг. А Ронан с Тусоной так увлеченно слушали ослиные рассказы, что, напротив, сбавили ход. Таким образом, когда они внезапно выш-

ли к широкой полосе выжженной земли, что тянулась с востока на запад подобно зияющей ране, Тарл топал по ровной дороге метрах в пятидесяти впереди остальных, бросаясь в глаза любому возможному наблюдателю почище паука в белой эмалированной ванне.

— Тарл! — громко зашипел Ронан. — Ты хоть пригнись! Тебя же за десятки миль видно!

Но либо Тарл его не услышал, либо просто был не в настроении выслушивать разных безмозглых качков, чьи клятские приказы совершенно его не кляли. Так или иначе, прямой как палка, он продолжал маршировать дальше.

— Вот мурак! — возмутился Ронан. — Мы всю дорогу таились, а он эдакой жердью по чистому полю топает!

— Да брось, — махнула рукой Тусона. — Вокруг нас сейчас на пятьдесят миль никаких врагов нет. Тарл, конечно, редкая дубина, но тут просто некому его засечь.

Ронан медленно кивнул и заулыбался. К несчастью, он и ведать не ведал, что у Тусоны на этой неделе с предсказаниями не иначе как беда творилась.

Киллер-ученик Марвуд внезапно проснулся и туманным взором обвел окрестности, силясь припомнить, кто он такой и где находится. Боги, боги, да ведь он, похоже, заснул! Подлец Крюгер убьет его, если узнает! Марвуд виновато потер глаза и стал было садиться, но вдруг застыл. Он ясно услышал голоса — точнее, голос. Поблизости кто-то возмущенно бубнил себе под нос. Осторожно отодвинув несколько опаленных огнем соломинок на краю стога сена, где он прятался, Марвуд выглянул наружу.

Какой-то вшивый шибздик театрально топал по голой, выжженной земле метрах в пятидесяти от стога, а за ним еще метров через пятьдесят следовали три другие фигуры: здоровенный чернокожий воин, невысокая воительница и лохматый низкорослый осел. Прямо на глазах у потрясенного Марвуда осел оглядел почерневшую, усеянную пеплом землю и

громко обратился к ушедшему вперед шибздику, спрашивая, не вздумал ли тот на сей раз сельскую местность приготовить.

Марвуд поспешно пригнулся, сердце его забилося где-то во рту. Говорящий осел? Семь цветов дерьма, да ведь это они! Объект и его спутники! Второй такой компашки по Неверному Сидору бродить не могло! Скрытый сеном, Марвуд лежал, не осмеливаясь даже пошевелиться. Только когда все шаги затихли и он обрел полную уверенность, что его никто не увидит, он рискнул выбраться из укрытия.

Трясущимися руками выковыряв из рюкзака пачку растопки, Марвуд приготовился послать дымовой знак, который сообщил бы другим киллерам о том, что объект замечен и что операция может переходить в следующую фазу. И ведь именно он, Марвуд, его засек! Наконец-то он все как надо сделал! А теперь, поклялся он себе, он как следует разожжет костер. И тогда другие ученики заткнутся со своими шуточками про спецсигнал Марвуда, густой столб черного дыма, который обычно за десять миль видать и который означает: «Клят, ребята, я тут ненароком всю клятскую степь запалил!» На сей раз он будет ох как осторожен.

Крюгер и порадовался, и удивился, за приметив тонкую струйку дыма, что тянулась в небо в паре миль к востоку. Он лежал, внимательно наблюдая и пытаясь прочесть сигнал, но струйка вдруг оборвалась. Примерно через минуту вверх выплыла пара клубов, затем пошла постоянная струйка, затем несколько клубов погуще и почерней, после чего там появился толстенный серый столб.

«Оч-чень хорошо, — подумал Крюгер. — Согласно этому сообщению, могильщик с тремя помидорами только что доплыл до бухты в ночном горшке. Либо там клят знает что творится, либо это Марвуд приметил объект и теперь в своем неподражаемом стиле пытается дать нам об этом знать».

Он встал и потянулся, разминая затекшие мышцы, а затем покачал головой, когда от далекого столба дыма по небу поплыли густые черные тучи. «Похоже, еще одному пшенич-

ному полю клятец, — подумал он. — Этот Марвуд у меня достукается. Террорист, да и только. Впрочем, это безобразие по крайней мере никак на дымовой знак не тянет, а значит, объект ни о чем не догадается. Теперь надо какое-то время следом идти, а потом, когда они заночуют, обогнать их и впереди засаду устроить. Утром все будет тип-топ. Дальше на севере всюду ровная степь, так что мы их легко врасплох застанем. Думаю, отравленные стрелы в упор. Хотя там посмотрим. Несчастные ублюдки и понять не успеют, что их клятануло. Таких мудаков порой даже жалко бывает...»

И с ухмылкой на физиономии, ничуть не более сочувственной, чем браннанский крокодил, подбирающийся к своему очередному завтраку, Крюгер с хрустом раздавил пробежавшего мимо жучка, после чего поспешил на встречу с остальной частью своего убойного отряда.

Тот Тарл, который на следующее утро топал бок о бок с Ронаном, был куда более счастливой, жизнерадостной и привлекательной версией того жалкого придурка, который весь предыдущий день дулся как последний клят. Содержимое второго винного бурдюка очень поспособствовало тому, чтобы пролить благотворное масло на бурные воды, когда они тем вечером остановились для ночевки. Несколько изрядных глотков и солидный кусок дикой утки, поджаренной на костре Тусоной, сделали свое дело. Тарл искренне извинился за то, что был такой занозой в заднице, и остальные тоже извинились, хотя и куда менее искренне, за то, что до упора достали его заклятием Супружеской Верности.

После целой ночи приятной дремы под звездами они позавтракали и, пригреваемые теплым утренним солнышком, пустились в дорогу. Через час они покинули район обработанных земель и пошли по открытой степи, сплошь усеянной дикими цветочками. Далеко на северо-западе виднелся гребень невысоких холмов, за которым таился город Илекс, но вокруг земля была гладкой и ровной, а козья тропка, по которой они следовали, стрелой тянулась точно на север. Вокруг

цветков деловито жужжали насекомые, в небе радостно пели степные жаворонки, а из травы временами слышался скорбный крик *недоутки*. Тарл, чувствуя теплое солнышко на спине и ароматный ветерок на физиономии, вдруг понял, что к горлу у него так и подступает песня.

— Ля-ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля! — завопил он, пробуя голос, и жаворонки, чувствуя серьезную конкуренцию, похоже, решили повременить со своими песнями и посмотреть, что им предложит соперник.

Ронан вздрогнул. Он знал, что у Тарла имеется превосходный баритон и абсолютный слух — но лишь в безумных фантазиях самого Тарла. В реальном мире, однако, голос его звучал как рев похмельной коровы, которую к тому же вовремя не подоили.

— Послушай, — спросил Ронан у Тусоны, — ты сейчас ничего такого не слышала? Какие-то странные звуки...

— Есть одна эльфийская песенка, — радостно перебил Тарл. — Она очень точно отражает мое настроение в такое вот утро, когда солнышко в небе и в воздухе цветочками пахнет. Она примерно вот так звучит.

Он откашлялся с шумом, какой производит блюющий орк, после чего затянул песню, и вся степь огласилась диким ревом.

Э бетиль халь эбенилен
Замели мене ментилен...

— Ну ты, пылеглот! — вмешался Котик. — Ты же знаешь, что мы в эльфийском ни бум-бум. Мог бы понятнее излагать.

— Ладно, ладно, я буду переводить. Слова там примерно такие...

Я в старом и добром Порт-Реле
Невинную девушку встретил.
Потом я вернулся в Мальвенис
И долго лечил там свой...

— Боги мои, Тарл! — перебил Ронан. — Ты каких-нибудь приличных песен не знаешь?

— Я не виноват, — отозвался Тарл. — Это все эльфы. Они слова сочиняли. А я вольно перевожу.

— Очень уж вольно, — пробормотал Ронан, и Тарл отвернулся, скрывая ухмылку. Вскоре он снова затянул песню:

Я встретил даму в Физ-Дипиле
И мы друг друга полюбили.
Помнят Чуч-Хевен, Порт-Ред и Мальвенис,
Как эта дама трепала мне...

— Тсс! — прошипел Котик, и Тарл уже собрался было выпалить гневную тираду по поводу немзыкальных филистеров, которые без конца его пересбивают, не давая до настоящих шедевров добраться, но тут он вдруг понял, что Котик застыл на месте и напряженно вглядывается в даль.

— Я людей чую, — прошептал осел.

Остальные проследили за его взглядом, но ничего существенного не узрели. Нигде никто не двигался, не считая насекомых, неустанно жужжащих вокруг цветов, да еще пары коз, что мирно паслись в полумиле от них. Впереди лежала совершенно гладкая равнина, где не было ни кустика, за которым мог бы спрятаться человек. Трава же, пусть и высокая, не скрыла бы даже дистрофичного хоббита.

— Где? — прошептал Ронан.

Ноздри осла раздувались, пока он пытался проанализировать плывущие к нему на легком северном ветерке запахи.

— Может, метрах в пятидесяти. Минимум человек пять-шесть. А может, и больше.

Ронан опять оглядел ровную землю впереди. Там негде было спрятаться даже мыши, не говоря уж о шести взрослых мужчинах, если только они подлинными мастерами камуфляжа не были...

— Слушай, Тусона, помнишь, мы вчера дым видели? — прошептал Ронан. — Это не мог быть киллерский дымовой знак?

Тусона медленно кивнула. Затем взгляд ее сосредоточился на какой-то точке чуть слева от тропы.

— Смотри, — прошипела она. — Вон там, у той кучки саркофил. Видишь?

Ронан посмотрел и увидел, что она имела в виду. Небольшой клинышек дерна чуть задирался вверх подобно уголку старого половика. Так могло получиться, если кто-то вырезал квадрат дерна, а потом не совсем аккуратно уложил его на место.

— Это засада, — выдохнул он. — Там ямы киллеров! Нам тоже надо капкан устроить!

— Ага. Тарл, как там насчет магии?

— Пару-тройку огненных шаров я сварганить сумею, — последовал нервный ответ.

— Отлично. — Тусона помедлила и потихоньку вытащила из-за плеча лук. — Они будут ориентироваться по звуку, так что нам лучше двигаться. Я прикрою тыл. Тарл, ты гони дальше свою порнографию. Но будь готов действовать.

Они снова двинулись дальше — Тарл в середине, Котик справа от него, а Ронан слева, с мечом в одной руке и ножом в другой. Позади с приложенной к луку стрелой шла Тусона.

Руки у Тарла тут же зачесались. Взглянув на свои дрожащие пальцы, он увидел знакомые световые точки, что роились вокруг ладоней и стремительно носились вверх-вниз по предплечьям. Тогда он перевел дыхание и зарядил еще одну эльфийскую частушку. Страх придавал его голосу какой-то странный тембр, отчего исполнение сделалось несколько зловещим.

Паскудная ведьма в Сидоре
Сулила мне золота море,
Хрипела: «Бери, не балуй,
Дай только потрогать твой...»

Самый конец частушки заглушили леденящие кровь вопли, и повсюду вокруг них из-под земли начали выскакивать лучники в черных одеждах.

Крюгер очень серьезно готовился. Он прикинул, что объект воспользуется козьей тропкой, ибо человеческой природе свой-

ственно держаться тропы. Место, выбранное им для засады, было таким ровным, что никто бы даже не подумал, что там могут спрятаться люди. В то же самое время трава там была достаточно высока, чтобы скрыть края крышек из дерна, аккуратно прилаженных к девяти ямам, которые они вырыли перед рассветом. Всем девяти киллерам оставалось только сидеть в ямах, внимательно прислушиваться и ждать прибытия объекта.

Прошло всего три часа, и Крюгеру стало слышно, как объект приближается. До этого он прислушивался очень внимательно, ожидая услышать негромкие шаги и, если повезет, гул тихих разговоров, но, к его удивлению, кто-то пел, да еще таким, с позволения сказать, голосом, который вполне могли слышать в Илексе. Последовала краткая пауза, когда пение и шаги затихли, и Крюгер стал лихорадочно прикидывать, не могло ли что-то их выдать, однако затем тот же самый голос опять взялся за свое. Главарь киллеров выждал, пока не почувствовал уверенность в том, что их жертвы находятся в центре круга из девяти ям, после чего как можно громче проорал сигнал к атаке и рванулся наверх. А там, к ужасу своему, обнаружил, что жертвы вовсе не стоят столбами от шока и изумления, а находятся в движении, да еще в каком...

Тусона вскинула лук еще раньше, чем замер вопль главаря киллеров, и когда он сам выскочил из ямы у них в тылу, она выбрала его первой мишенью. Не успел Крюгер выпрямиться, как стрела уже пронзила ему глотку, и он мешком дерьма осел обратно в яму. Второй киллер у них в тылу сумел приладить стрелу к луку и уже натягивал его, когда вторая стрела Тусоны вошла ему в сердце. Руки убийцы обвисли, его стрела под углом воткнулась в самый край ямы и стала точно гномон на солнечных часах, пока сам он валился навзничь.

Ронан тоже начал действовать чуть ли не раньше, чем обзавелся мишенью. Двое киллеров выросли из-под земли справа от путников, в темпе прилаживая к лукам отравленные стрелы с темными наконечниками. Брошенный Ронаном нож

довольно непристойно вошел прямо в рот старшему из лучников, а молодой и менее опытный заверещал от страха, увидев, как жуткий черный воин с грохотом к нему понесся, и как попало выпустил стрелу. Она безобидно просвистела мимо, и панический вопль киллера оказался резко прерван, когда огромный палаш вошел ему в основание шеи и прорубил диагональную тропу чуть ли не до бедра.

Тарл, временно парализованный страхом, заколебался, когда перед ним тоже выросли два киллера, однако вид пары нацеленных на него стрел чудесным образом подействовал на его мозги, и они вдруг заработали как полагается. С диким воплем Тарл выбросил вперед обе руки. Два красных огненных шара стремительными болидами вылетели из его пальцев, запущенные небольшим количеством Силы и колоссальным объемом страха, и с глухим стуком долбанули неудачливых лучников, обратив обоих мужчин в жуткую мешанину из воплей, корчей и языков пламени.

Обделенная вниманием людей пара киллеров слева нацелила свои луки на Ронана. Они готовы были спустить тетиву, но тут вдруг поняли, что бросившийся к ним потрепанный низкорослый осел может обернуться серьезной проблемой. А потом Котик уже прыгнул на первого, его бритвенно-острые зубы сомкнулись как стальные клинки. Второй лучник вздрогнул от изумления, услышав ужасающий вопль своего напарника, и его стрела безобидно усвистала куда-то ввысь. После того как он повернулся и посмотрел, его нижняя челюсть громко стукнулась о грудь, ибо у его собрата-киллера на месте лица осталась лишь рваная кровавая маска. Тогда он приладил к луку другую стрелу и прицелился в inferнального осла, благодарный богам за то, что они дали ему достаточно времени для меткого выстрела, прежде чем эта нечистая тварь своими убийственными зубами до него доберется. Но едва он натянул тетиву, как третья стрела Тусоны, вонзившись ему в спину, пробила сердце, так что киллер загнулся раньше, чем успел почувствовать боль.

Ронан выдернул меч из разрубленного трупа у себя под ногами и покрутил головой в поисках очередной мишени, но тщетно. Он видел пятерку мертвых киллеров и еще пару тех, что корчились в огне и дыму, издавая гнусный запах горелого мяса, который явственно напомнил Ронану тот день, когда Тарл готовил шашлык. Еще один пока еще живой киллер катался по земле рядом с Котиком и орал, прижимая ладони к лицу, но прямо на глазах у Ронана Тусона подошла к несчастному и ударом ножа его добила.

Всадив меч в землю, Ронан тыльной стороной ладони вытер вспотевший лоб. «А ведь еще бы чук-чук — и полный гек, — подумал он. — Если бы Котик запах не почуял, мы бы прямо в засаду притопали. Я бы сейчас как подушечка для булавок был». Он посмотрел туда, где Тарл с ужасом и отвращением наблюдал за корчащимися в огне телами, и уже собрался было выкрикнуть что-нибудь ободряющее, но тут его внимание привлекла Тусона. Прижимая к губам палец, она давала ему знак молчать, а когда он вопросительно на нее глянул, она указала на участок земли неподалеку и одними губами что-то произнесла. Ронан проследил за ее пальцем и понял, что она указывает на тот самый клинышек дерна, что чуть задирался вверх подобно уголку старого половика. Земля вокруг него была нетронутой, и Ронан сообразил, что Тусона хочет ему сказать. В этой яме все еще должен был прятаться киллер!

Выватив меч, Ронан резко развернулся, почти ожидая, что из-под земли вот-вот выскочит еще десяток убийц, но ничего такого не случилось. Тогда он осторожно подошел к остальным. Тусона с приложенной к луку стрелой стояла в ожидании, а осел продвигался вперед, ноздри его слегка раздувались.

— Я так прикидываю, в этой норе должен еще один остаться, — уголком рта прошептал Котик. — И либо он после бритья лосьоном «о-де-писсуар» пользуется, либо просто в штаны наплавил.

Тарл, чье лицо от переживаний сделалось цвета лежалого пепла, тоже к ним присоединился, и они вчетвером встали

над потайной ямой. Теперь, в непосредственной близости, они ясно видели края вырезанного и уложенного на место прямоугольника дерна.

— Эй, мы знаем, что ты тут! — наконец крикнула Тусона.

— Не-е, меня тут нет, — донесся глухой ответ.

— А где же ты тогда?

— Я... гм... Клят, я, кажется, себя выдал!

— Учти, мы славно вооружены, так что руки в гору и вылезай.

— Большое спасибо, но мне и здесь неплохо.

— Если не вылезешь, я сейчас в крышку этой норы меч всажу, — пригрозил Ронан.

— Нет, не надо.

— Это еще почему?

— Ведь вы же меня ненароком убить можете. — Незримо-го киллера явно до глубины души возмутил такой вариант.

— И что с того?

— Ну, это будет типа нехорошо, разве нет?

Последовала краткая пауза.

— По-моему, с этим парнем особых проблем не будет, — с ухмылкой прошептала Тусона остальным и снова повесила свой лук за плечо.

— А еще это будет типа насовсем, — продолжал размышлять голос. — И как пить дать очень больно.

— Боги мои, да ведь ты киллер, разве нет? — возмутился Ронан. — Смерть — твоя фамилия!

— На самом деле моя фамилия Марвуд. Только прошу вас, никому ни о чем не рассказывайте, а то другие киллеры мне такую баню устроят!

— Мы сами тебе ее устроим!

— Да за что же?

— Все, Марвуд, утомил. Вечно ты там торчать не сможешь, а если у тебя в руках сейчас нет оружия, мы тебе ничего не сделаем.

— Вы уверены?

— Да.

— Обещаете?

— Да. — Последовала очень долгая пауза.

— Побожиться можете?

— **КЛЯТ, МАРВУД, А НУ ВЫЛАЗЬ ИЗ ЭТОЙ КЛЯТСКОЙ НОРЫ, ПОКА Я ТЕБЯ НЕ УГРОХАЛ!**

Тут земля у них под ногами стала вздыматься, и они немного отступили, когда нескладная долговая фигура без особого желания вылезла из ямы и встала на ее краю, моргая от яркого солнца и сконфуженно разводя руками. Синие глаза парня тревожно вглядывались в них из-под длинных ресниц. К его чуть ли не болезненно-бледному лицу прилипли частички почвы. Длинные черные волосы свисали до плеч, а на макушке, точно экстравагантная шляпа, сварганенная очередным безнадежным придурком из топ-модельеров, балансировал прямоугольник дерна. Одет парень был в серебристо-черную униформу Гильдии Киллеров, однако ее привычный пугающий эффект несколько смягчался большим пацификом у него на шее, а также тем, что обут он был не в черные кожаные ботинки, какие обычно предпочитали киллеры, а в открытые сандалии. Примерно так мог бы выглядеть хиппи, нарядившийся для Хэллоуина.

— Привет, Марвуд, — радостно сказала Тусона, а затем тон ее резко изменился, и под носом у парня вдруг угрожающе завис меч. — Ну что, киллер, славно вы тут с засадой постарались? — прорычала она.

— Послушайте, я тут ни при чем! — Со всех сторон окруженный, Марвуд тем не менее каким-то чудом сумел создать впечатление, будто он пятится сразу от всех четверых. — В смысле, это старина Крюгер все спланировал, — продолжил он. — Когда меня назначили в отряд, выбора у меня уже не было. Вы просто не поверите, на что эти парни из Гильдии бывают способны, если кто-то им прекословить вздумает!

— Очень даже поверим, — отозвался Тарл. — Но ведь ты один из них. Ты — киллер.

— Нет, я не киллер! Я никого не убивал! Я всего лишь ученик, да и им я не хотел быть, но у меня выбора не было.

— Как так? — спросил Тарл.

— Ну, вообще-то я на факультете социологии Мазафакского университета учился, но там было не слишком весело, учеба очень вечеринкам мешала, так что я оттуда вылетел.

Тарл кивнул. Это ему было очень даже понятно.

— Но мой предок — тяжелый зануда, он страшно озлился и сказал, что больше платить мне стипендию не намерен. А потом через одного своего приятеля, distinguished магистра Гильдии Киллеров Ближнего Абассала, устроил мне это самое ученичество. А когда я сказал, что лучше подохну, мой предок сказал, что на здоровье, дескать, именно такой выбор он мне и предлагает. Типа если я в Гильдию Киллеров не вступлю, он этих самых киллеров за мной пошлет. Вот я и вступил.

— Ладно-ладно, — вмешалась Тусона, опять покачивая мечом у него под носом. — Тут мы немного от темы уклонились.

Марвуд слегка отпрянул, и прямоугольник дерна скользнул вниз по его лицу. Он поймал его и принялся нервно мять в ладонях.

— А тема у нас вот такая, — продолжила Тусона. — Мы хотим знать, почему девять киллеров нас в засаде поджидали.

— Это из-за него, — сказал Марвуд, большим пальцем указывая на Ронана. — Вот на этого вашего друга есть Открытый Контракт. Крюгер сказал, что мы... что мы должны...

Тут он в замешательстве умолк и принялся нервно водить глазами с Ронана на Тусону и обратно. Они тоже не сводили с него напряженных взглядов.

— Открытый Контракт? — в ужасе переспросила Тусона.

— Ну да. Послушайте, мне правда очень жаль, — пробормотал Марвуд и с несчастным видом уселся обратно в свою яму.

Тусона повернулась к Ронану, подняла руку и погладила его по щеке. Он тоже поднял здоровенную ручищу и поворошил ей волосы.

— Только без лишних споров, — прошептала Тусона. — Мы пойдем вместе и будем драться. — Ронан раскрыл было рот, чтобы возразить, но она тут же прихлопнула его ладонью. — Я серьезно, — добавила она, и Ронан, несколько секунд внимательно поглядев ей в глаза, покорно кивнул.

Тарл смотрел на них, ничего не понимая.

— А в чем дело? — спросил он. — Что стряслось?

— Открытый Контракт... — сухо ответил Ронан.

— Что это?

— Смертный приговор.

— Что?

— Расскажи ему, — велела Марвуду Тусона, а затем, взяв Ронана за руку, увела его в сторонку. Тарл присел на корточки перед подневольным киллером, и Котик тоже пристроился рядом. Тут Марвуд вдруг с неудобством осознал, что таких ледяных глаз, как у этого осла, он еще ни разу в жизни не видел. Они были еще хуже, чем у Крюгера.

— Так что это еще за Открытый Контракт? — спросил Тарл.

— Ну, это контракт, который Гильдия берется выполнить независимо от затрат и количества киллеров, которые на это потребуются. Раз заключенная, сделка необратима, даже если заказчик умирает или меняет свое решение. Такой контракт стоит целое состояние, вот почему это только шестой случай в истории.

— А что случилось с пятью предыдущими объектами?

— Все они умерли.

— А мы не можем откупиться от Гильдии или как-то ее отпугнуть? То есть ведь мы только что восьмерых ваших парней прикончили. Почему бы остальным хорошенько не задуматься?

— Нет-нет, эти люди преданы своему делу! Они просто будут приходить за его жизнью, пока наконец ее не возьмут.

— Клят! Получается, мы должны всех киллеров в Среднеземье угрохать?

— Пожалуй, что так.

- А сколько их всего?
- Порядка пяти сотен.
- Ого.
- И еще больше тысячи учеников.
- Гм.

Тарл задумчиво поджал губы, когда вся серьезность положения до него дошла, и взглянул туда, где Ронан с Тусоной стояли в обнимку. Внезапно он с ужасом понял, что они, по сути дела, прощаются. Их любовный роман вдруг превратился в бесцельный и безнадежный акт самоубийства.

— Да можем же мы что-нибудь сделать! — взъярился он, однако Марвуд пессимистично покачал головой:

— Гильдию невозможно остановить. Мы гордимся своим...

Марвуд вдруг осекся, когда осел оскалил два ряда до жути острых зубов, неаппетитно заляпанных свежей кровью.

— То есть я хотел сказать, это они гордятся своим профессионализмом, — более дипломатично продолжил он затем. — Если киллер берется за работу, он ее до конца доводит. Нет никого в Среднеземье, кого он не мог бы выбрать своим объектом — не считая, разумеется, другого киллера. И это становится делом чести. Лично я этого не понимаю. Занимайся любовью, а не войной — я так прикидываю. Не в том, конечно, смысле, что надо с каждым встречным обниматься. Слишком много всяких мудаков по округе шастает. Всех любить обломается. Но я хочу сказать — дайте миру шанс...

Тут Марвуд опять осекся. Тарл глазел на него как дракон на полтонны лучшего антрацита, и он забеспокоился, что Тарл мог неправильно понять его идеи мира и любви.

- Э-э... — начал он.
- Что ты сейчас сказал? — спросил Тарл.
- Я сказал «э-э».
- Нет. До этого.

— Ну, я говорил про мир и любовь, но только в общем и целом. Я вовсе не имел в виду, что мы с вами непременно должны...

— Нет, еще раньше! Что-то насчет того, что один киллер не может стать объектом для другого.

— А-а! Ну да! Все верно, это самый главный закон Гильдии. Ни один киллер не вправе убить, попытаться убить или преднамеренно вызвать смерть другого члена Гильдии.

— Значит, если Ронан станет киллером, его не тронут?

— Ну да. Только это не так просто. Сперва нужно поступить туда в качестве ученика, затем провести многие годы, изучая ремесла, практикуясь с ядами и оружием, помогая составлять планы и заговоры. Дальше нужно выполнить первое убийство. И наконец, нужно сдать экзамены, письменный и устный.

— А другие способы есть?

— Вообще-то нет. Хотя...

— Что?

— Вообще-то я и впрямь что-то такое слышал... — Марвуд задумчиво поглядел на Ронана. — Ваш друг, похоже, квалифицированный воин. Я слышал, что далеко на севере, в Гутенморгском университете, есть аспирантура. За один год там можно стать магистром ОК, но для этого необходимо быть опытным воином.

— Магистром ОК?

— Общей киллерологии. Если он окончит курс и сдаст экзамены, он станет полноценным, дипломированным киллером и членом Гильдии.

— А когда занятия начинаются?

— Семестр уже идет. Но там смогут принять опоздавшего, особенно если у него будет письменная рекомендация, подписанная и запечатанная знаменитым магистром-киллером, самим Крюгером.

— Кем-кем?

— Вон тем парнем, который там со стрелой в глотке лежит. Мы вполне могли бы за него это письмо написать. — Марвуд сделал паузу, и улыбка медленно расплылась по его лицу. — Я мог бы подпись подделать, а что касается печати, то вон у него на пальце кольцо.

Тарл некоторое время обо всем этом поразмышлял, но особых изъяснов не нашел. Им, конечно, придется сделать Ронану новые документы, ибо если его киллерские наставники узнают, кто он такой, они просто-напросто условия контракта выполнят. Во всех прочих отношениях план казался очень разумным. Что касалось самого Тарла, то, насколько он понимал, один год в университетском кампусе наверняка дал бы ему возможность выяснить, насколько правдивы слухи про этих студентов. Он столько всего слышал про пьянство, наркотики и вечеринки, что уже не на шутку завидовал...

— По-моему, звучит неплохо, — наконец заключил Тарл, и осел наградил его таким взглядом, каким орк обычно награждает того, кто предлагает не идти сегодня вечером в кабак, а остаться дома, выпить чашечку чаю и пораньше лечь спать.

— Ты что, серьезно предлагаешь, — недоверчиво осведомился он, — чтобы мы целый год в Гутенморге провели? Да ведь это такой дальний север, что тамошние алкаши выпивку льдом согревают!

— Если это единственный способ спасти Ронана, то да. Послушай, они возвращаются. Давай их обрадуем.

Ронан с Тусоной к ним направлялись, и на лицах у них было написано, что они приняли бесповоротное решение и теперь твердо намерены отстаивать его в любых возможных спорах. Тарл открыл было рот, собираясь сообщить им хорошие новости, но Ронан повелительно поднял руку и заговорил первым:

— Я решил, что эта засада в принципе ничего не меняет. Я по-прежнему намерен с советом «Оркоубойной» разобраться. Они заинтересованы только во мне, а вы с Котиком в их планах не фигурируете, и в опасности вы будете только рядом со мной. Поэтому я хочу, чтобы вы вернулись в Ай'Эль или Убалтай.

— А ты? — спросил Тарл у Тусоны.

— Я иду с Ронаном.

— Но ведь вы оба в итоге погибнете.

— Мы все в итоге погибнем. Да и какой у нас выбор?

Тарл рассказал какой. Когда он закончил, они оживленно переглянулись. В глазах у них появился проблеск надежды. Затем Тусона повернулась к Марвуду:

— Ты в этом уверен?

Марвуд кивнул.

— Но какие у нас основания тебе доверять? — с сомнением продолжила Тусона.

Марвуд оглядел разбросанные вокруг киллерские трупы.

— Могу привести восемь хороших оснований, — ответил он. — Да и к тому же я не хочу всю жизнь людей убивать. Меня эта Гильдия уже до упора заклятала. Если Ронан станет киллером, он сможет сделать меня своим официальным учеником, и тогда они больше не будут мне мозги пачкать. И если он потом прикажет мне отправляться домой и весь остаток жизни славно веселиться, моим долгом как ученика Гильдии будет в точности исполнить его приказание.

— То есть ты хочешь, чтобы мы тебя с собой взяли? — недоверчиво спросила Тусона. Марвуд опять кивнул, причем весьма энергично, и она с сомнением стала его разглядывать. В лице у парня была какая-то честность, ему хотелось верить.

— Ладно, — пробормотала Тусона, а затем нагнулась, так что их лица оказались в какой-то дюжине сантиметров друг от друга, и похлопала по рукояти своего меча. — Но предупреждаю, — процедила она, — если ты нас предашь, я тебе печень в ухо засуну, а глаз на жопу натяну.

Марвуд нервно сглотнул. Этот звук наверняка слышали в Илексе. Тусона похлопала его по щеке и выпрямилась. Затем они с Ронаном стали уничтожать все признаки засады: собрали трупы, свалили их в так удачно приготовленные ямы и прикрыли дерном. Марвуд некоторое время за ними наблюдал, дивясь впечатляющей игре их мышц и той легкости, с какой они таскали тела. Затем он перевел внимание на Тарла с Котиком, которые препирались на предмет того, не стоит

ли Тарлу проявить дружеские чувства и отрубить руку одному из трупов, чтобы осел славно поужинал.

Марвуд еще раз нервно сглотнул, и на сей раз этот звук наверняка услышали в Убалтае. Внезапно у него возникло пренеприятное чувство, будто он вывалился из раскаленной кастрюли и прямоком в ревущую печь угодил...

Тридцатью минутами позже ни один случайный наблюдатель уже не заметил бы никаких следов засады, и они снова двинулись в путь. Ронан с Тусоной взяли стремительный темп, и Тарл прилагал отчаянные усилия, чтобы за ними поспеть. При этом он с удивлением и толикой стыда наблюдал, насколько непринужденно ведет себя Марвуд. Длинные ноги парня с удивительной легкостью мерили землю, а разношенные сандалии громко при этом шлепали.

Через пару часов они пересекли трассу Илекс — Дальний Абассал, и земля покато пошла вверх. Впереди к северу показалась гряда невысоких гор. Растительность менялась, и трава медленно уступала место низкорослым кустикам вереска и дрока. Тарл теперь тащился метрах в пятидесяти позади, и осел сбавил ход, чтобы составить ему компанию. Ноги у Тарла уже были содраны и покрыты волдырями, все мышцы болели, однако остановиться он не предлагал. У него было неловкое чувство надвигающейся опасности, которое все нарастало, и знакомые световые точки засочились из кончиков его пальцев.

Они топали дальше, пока гряда не стала возвышаться прямо перед ними, образуя узкий скалистый гребень, что отделял Илекскую равнину от Великой реки Лено. Позади, далеко на юго-востоке, маячили снежные пики Хромовых гор. В нескольких милях слева виднелась задумчивая громада Тор-Иста, высочайшей вершины гребня, и на самом се пике путники смогли различить знаменитую Статую Часового. Склон гребня был местами крутым, а порой и отвесным, однако прямо перед путниками подъем был достаточно пологим, и дорога постепенно тянулась к вершине.

По мере подъема Тарлу все больше становилось не по себе, пока наконец чувство неловкости не сменилось полной убежденностью в том, что опасность уже на носу. Едва волоча усталые ноги, он перешел на нетвердый бег и вскоре, несколько раз чуть не навернувшись на коварной каменистой осыпи, все же догнал остальных.

— Сколько еще идти? — выдохнул он затем.

— До самой Великой реки Лено, — отвечал Ронан. — Ничего, нам бы только через Тор-Истский Гребень перевалить, а дальше все время под гору будет. — Тут он взглянул на радужные искорки, что сыпались из пальцев Тарла на каменистую тропу. — Ого, — пробормотал он. — Что, опасность?

— У меня опять это чувство, — удрученно начал Тарл, но затем осекся и в страхе указал куда-то вдаль. — На вершине этого гребня кто-то есть! — завопил он. Тут же голубоватый светящийся шарик вылетел из кончика его указательного пальца и стремительно понесся вверх по склону.

Уставившись вслед шарiku, остальные тоже увидели возникшую там на фоне неба фигуру. Похоже, тот человек им махал, но когда в его сторону понесся голубой тарловский шарик, он отчаянно взвыл и пригнулся.

— По-моему, это Познер! — выдохнула Тусона. — А я думала, он сейчас в Вельбуге «Драконьей лапой» заведует. Какого клята он туда залез?

— Наверно, хочет, чтобы ему тут один мудак своими шарами башку оторвал! — рявкнул Ронан. Бросив разгневанный взор на Тарла, он запрыгал вверх по склону, и Тусона помчалась за ним.

Тарл посмотрел на Котика, затем на Марвуда, но те почему-то отводили глаза.

— Ну ладно, запаниковал я, запаниковал, — смущенно пробормотал он. — Но я все равно прикидываю, что нам беда грозит. — С этими словами он отвернулся и последовал за двумя воинами вверх по склону, а Котик с Марвудом, сияясь не рассмеяться, тоже туда направились.

На верху гребня Ронан с Тусоной помогали загадочной фигуре подняться. Это действительно оказался Познер. К счастью, огненный шар пролетел мимо него, но он все равно был в жутком состоянии. Мрачное лицо пожилого мужчины было перепачкано грязью и усеяно синяками, а всегда аккуратно уложенные маслянистые волосы в беспорядке торчали по сторонам. На Познере по-прежнему оставался его роскошный костюм, однако смокинг и белая рубашка были испачканы и разорваны, лакированные ботинки сплошь облеплены грязью, а изящный отложной воротник распахнулся на шее точно пьяная летучая мышь-альбиноска.

— Ох, госпожа! — не переставал причитать он. — Ох, госпожа!

— Ну-ну, успокойся, — велела ему Тусона. — Ты теперь в безопасности. Скажи мне, что случилось.

— Ох, госпожа! Четыре дня тому назад все пошло наперекосяк! Вдруг стали ходить слухи, будто вы оказались замешаны во взятках, коррупции и измене, а потом, однажды ночью, «Ля-Трах-дю-Эбан» сожгли дотла.

— Это был наш главный конкурент, — объяснила Тусона Ронану. — Клятски стильный публичный дом, но все же не ровня «Лапе». Интересно, кто его спалил.

— По слухам, это сделал большой чернокожий воин, — поспешил сообщить Познер. — Все подумали, что это наверняка Ронан! А потом тот же самый воин убил Антракса!

— Антракс убит? — выдохнула Тусона. — Клят! Как это случилось?

— Толком не знаю. Был какой-то взрыв. Он тогда как раз в одной из комнат с Такумой занимался.

— Бедняга, — пробормотал Ронан. — Зато о своих последних минутах он как пить дать не пожалел.

— Ох, госпожа! Народ в Вельбуге думает, что за всем этим стоите вы с Ронаном. Вчера разгневанная толпа ворвалась в «Лапу» и подчистую ее разгромила. Я едва спасся. А Городской Совет издал приказ об аресте вас обоих! Если вы только

войдете в Вельбуг, они вас сразу в тюрьму посадят. Но только если толпа сначала вас не линчует!

Ронан ожесточенно выругался.

— Мы знаем, кто за всем этим стоит, — прокрипел он зубами. — Клятский совет «Оркоубойной»! Ладно, они еще поплачут, когда я до них доберусь!

Тусона положила руку ему на плечо.

— Спасибо, что поспешил нас предупредить, — сказала она Познеру. — Меня только одно озадачивает. Как ты узнал, где нас найти?

— Антракс перед смертью успел мне сказать. Он сам думал пойти. Он велел, чтобы я еще об одном вас предупредил. Сказал, что их там еще шесть и что они ни перед чем не остановятся, пока вас не убьют.

— Кого там еще шесть?

— Ах, госпожа, я толком не разобрал. По-моему, он сказал — шесть *кобратов*.

— *Кобратов*? Это еще что за клят?

— А это такие чудесные машины убийства вроде той, что чуть нас в «Убалтай-Паласе» не угрохала, — ответил Тарл, который постоянно оглядывал лежащую позади них Илекскую равнину. Остальные с удивлением к нему повернулись.

— Почему ты так думаешь? — поинтересовался Ронан.

— Я не просто думаю, — отозвался Тарл. — Я знаю. Вон, смотрите.

Они проследили за его указующим перстом и заметили вдалеке знакомые гибкие силуэты, что стремительно неслись по дороге в том месте, где они всего час назад прошли.

— Клят! — воскликнул Ронан. — Бежим!

Но ему не стоило тратить время на команды. Все остальные и так уже бежали со всех ног, спасаясь от жутких тварей.

Не успели они в лихорадочном броске покрыть и пару миль вниз по северному склону Тор-Истского Гребня, как ноги Тарла стали совсем сдавать. Остальные уже убежали далеко вперед, однако, увидев, как Тарл начинает спотыкаться,

все, кроме Познера, остановились его подождать. Осел мрачно рывкнул Тарлу предложение забраться ему на горб, после чего стремительно засеменял вперед. Ронан с Тусоной задали быстрый темп, и хотя Котик был маловат, Тарл собой особой ноши не представлял, так что им легко удавалось держаться позади. Марвуд также вполне способен был поддерживать темп, а вот тучный Познер к таким нагрузкам не привык, и все они вскоре снова его догнали.

— Еще... всего... пол... мили! — выдохнул Познер, когда они пристроились ему в хвост.

— Куда мы теперь? — заорал Тарл.

— К реке... — донесся еле слышный ответ. — Атгул... перевозчик... там лодка... нас ждет!

— Тогда мы лучше побежим вперед и предупредим его, чтобы приготовился! — предложил Тарл, и после одобрительного кивка Ронана Котик стартовал как хороший стайер на финишной прямой.

Вскоре дорога нырнула в рощу, змеясь сквозь подлесок столь густой, что там им пришлось бежать цепочкой. Трольская колючка и *падлярышник* цепко хватали их за ноги. Вдобавок им без конца приходилось нырять, уворачиваясь от свисающих побегов *фесты*. Тарл с Котиком уже скрылись где-то впереди, но Ронан, Тусона и Марвуд оставались с измотанным Познером, постоянно его ободряя. Они уже слышали настигающий их отдаленный шум, что-то вроде возбужденного рева рептилий. Примерно такой шум могла бы производить стая аллигаторов, которым вдруг вздумалось бы поиграть в гончих псов.

Тусона на бегу повернула голову и крикнула Ронану, который замыкал цепочку:

— Мы скоро будем на поляне, а там и до реки недалеко. Когда доберемся до берега, я хочу несколько стрел пустить. Если я пару этих тварей уложу, тогда мы...

БУММ! Виском вписавшись в низкую ветку, Тусона рухнула на землю так, как будто перед этим десять лучших тарловских коктейлей разом употребила. С застывшим от ужаса

лицом Познер остановился над ней, но Ронан толкнул его дальше, а затем нагнулся, подобрал обмякшее тело подруги и закинул его за плечо.

— Вперед! — заорал он, и Познер послушно заковылял вслед за Марвудом, а Ронан стал держаться позади. Словно бы целую вечность они тащились по дороге, и даже Ронан почувствовал, как мышцы его ног ноют от напряжения. Наконец они внезапно вырвались из роши на поляну. Дальше земля покато шла вниз к широкой неторопливой реке, и Ронан смог разглядеть лодку перевозчика, вытасченную на берег метрах в четырехстах впереди. Котик с Тарлом уже почти до нее добрались, и Ронан расслышал пронизанный паникой голос Тарла, пока тот выкрикивал Атгулу лихорадочные инструкции, веля ему спускать клятскую лодку обратно в реку.

Шум бешено мчащихся *кобратов* все приближался. Тусона мертвым грузом лежала у Ронана на плечах, и Марвуд легко его опережал. Ронану казалось, что он ползет как улитка. Однако сам он легко опережал Познера, чье свистящее дыхание и багровое лицо ясно показывали, что пожилой мужчина уже почти на последнем издыхании. Несмотря на это, Ронан поначалу не сомневался, что они легко успеют вовремя добраться до лодки, но когда позади них раздался хор леденящих кровь завываний, он отважился быстро оглянуться и увидел, что шесть *кобратов* уже вырвались из леса и стремительно несутся за ними.

— Беги, Познер! Ради всего святого беги! — закричал Ронан, удваивая усилия. Он чувствовал, как паника поднимается в нем, грозя затопить, ибо с бесчувственной Тусоной на руках никаких шансов против смертоносных преследователей у него не оставалось. Мысль о собственной смерти, даже столь мучительной, особого страха для Ронана в себе не таила, а вот понимание, что Тусона при этом тоже погибнет, до смерти пугало его, одновременно словно бы приделывая крылья к его ногам, так что он буквально летел вниз по склону.

Он видел, как лодка соскальзывает обратно в реку, а Атгул придерживает ее за корму. Тарл с Котиком уже забрались

на борт, но затем Тарл опять спрыгнул на берег и вытянул руку в сторону Ронана. Световые точки, что роились вокруг его ладоней, издали казались смутным облачком. Наконец огненный шар вырвался из его пальцев и с шипением понесся вверх по склону. Ронан отважился бросить еще один быстрый взгляд назад и с ужасом увидел, что передний *кобрат* с легкостью увернулся от шара. Эта тварь была уже всего лишь в нескольких шагах от вконец обессилевшего Познера, и после пары легких, стремительных скачков, кровожадно шипя, она бросилась и всеми четырьмя лапами ударила его в спину. Дико вскрикнув от ужаса, Познер упал ничком, после чего три других *кобрата* тоже бросились в свалку, и стала видна лишь корчащаяся масса темной сальной шерсти да еще смертоносные когти, под ударами которых билось и кричало что-то красное.

Ронан опустил голову и побежал так, как никогда раньше не бегал. До лодки ему оставалось всего пятьдесят метров, однако две жуткие твари не стали бросаться на Познера, и первая из них была уже так близко, что Ронан слышал ее свистящее дыхание. Впереди него Марвуд почти добрался до лодки, а Тарл залез обратно к Котику и Атулу, который уже уперся веслом в берег, готовый вытолкнуть их на открытую воду. Осталось сорок метров, затем тридцать, но, судя по ужасу на лицах тех, что наблюдали из лодки, Ронан понял, что ему эти метры не одолеть. Он снова решил быстро оглянуться — и обнаружил, что смотрит прямо в горящие красные глаза *кобрата*, который был всего в паре метров позади. В приливе отчаяния Ронан понял, что у него уже нет времени обнажить оружие — тем более что правой рукой он придерживал Тусону. Глаза твари злобно сверкнули, а пасть раскрылась в кровожадной усмешке, пока она готовилась к броску на беззащитную добычу, но тут вдруг что-то серсбристое сверкнуло мимо уха Ронана, чтобы по рукоять вонзиться в густую шерсть на горле *кобрата*.

Ронан снова обратил взгляд вперед и увидел, что Марвуд еще не успел распрямиться после убийственного броска. В

голове у Ронана мелькнула мысль, что либо это клятски счастливая случайность, либо этот парень метает ножи так, как больше никто во всем Среднеземье. Затем он уже перекидывал Тусону через корму лодки и прыгал следом, а Марвуд оказался бок о бок с ним. Столкнувшись, они повалились на разные борта, пока Атгул напрягал свои широкие плечи, выталкивая лодку в свинцовые воды Великой реки Лено. Затем, торопливо усевшись на скамью меж двух уключин, перевозчик с привычной легкостью сунул в каждую по веслу и мощно погреб к середине реки, где сильное течение стремительно понесло их к далекому морю.

Позади, на берегу, первый *кобрат* добрался до водной кромки. При виде того, как враг уходит из пределов его досягаемости, жуткий зверь запрокинул голову и издал леденящий душу вой. Считанные минуты спустя к нему присоединились четыре его сородича, из чьих окровавленных морд в небо также полетели кошмарные завывания. А затем все пятеро размеренными скачками пустились бежать вдоль берега, преследуя теперь уже далекую лодку с таким самозабвенным устремлением настичь и убить своего врага, что даже сам Крюгер, будь он все еще жив, наверняка бы это одобрил.

ГЛАВА 5

В последние годы на рынок поступает немало низкосортного оружия, однако самыми дешевыми, несомненно, являются товары браннанской компании «МерЗоПак». Созданная пять лет назад тремя гномами-предпринимателями Мерином, Зорином и Пакином исключительно для производства «доступного вооружения», эта компания одарила Среднеземье такой гнусной и захудалой продукцией, какой мы еще никогда не встречали».

К примеру, МерЗоПаковский Щит (который производится из дешевого сплава и трескается, если на него сесть) обеспечивает максимум пять минут защиты от фанерного меча, однако любое другое оружие сразу же его прорубает. А МерЗоПаковский Нагрудник, изготовленный из материала, выкрашенного под серебро и подозрительно похожего на картон, под сильным дождем очень быстро размокает и распадается.

В целом наши тесты показывают, что эта компания целиком заслуживает своей ужасающей репутации. Так что имейте в виду: худшую кучу дерьма, чем МерЗоПаковское Оружие, купить сложно...

Журнал для воинов «Щит-Парад»

Во втором своем метафизическом трактате «Куда мы идем?» Вельбугский Мудрец указывает на то, что у всех разумных рас имеются собственные представления о загробной жизни и что они в точности соответствуют двум основным мотивам: рай для тех, кто был в этой жизни хорошим, честным и доблестным, и ад для остальных*. Подробности этих верований у разных рас могут варьироваться.

Гномы, к примеру, верят, что ад — это такая бескрайняя травянистая равнина, где злых гномов на всю вечность привязывают к земле демонические эльфоподобные духи, после

* В книге «Клят забей!» Мудрец приходит к заключению: раз мы до клята знаем про то, зачем мы здесь и куда идем, то вполне можем просто наслаждаться прогулкой, а далее заверяет тех, кто всерьез хочет насладиться таковой, что «Драконья лапа» в Вельбуге — лучшее место в Среднеземье, где можно этим заняться.

чего туда слетаются маленькие чирикающие птички, начиная мало-помалу выдергивать им бороды себе на гнезда. Орки, с другой стороны, верят, что ад — это такой огромный дом из множества крошечных комнатенок, где трусливых орков заставляют сидеть в обтянутых ситцем креслах с изысканными салфетками на коленях. При этом их бесконечно пичкают чашками чая, безалкогольными напитками и домашними кексами злые духи в обличье маленьких седовласых старушенций, которые также непрерывно болтают с ними о погоде и вязании на спицах.

Эта оркская версия ада поразительно близка к хоббитскому представлению о рае как о месте непрерывных разговоров и бесконечного употребления разных кушаний, которые обычно включают в себя сладкие булочки и мороженое. Хоббитский ад, однако, представляет собой место, где множество бесцеремонных верзил без конца отпускают дурацкие шуточки про мохнатые ноги и пухлые задницы, а также постоянно насмеваются над такими совершенно естественными хоббитскими именами, как Дильдо и Клито. Это во многом объясняет тот факт, почему люди в последнее время почти не видят хоббитов...

Фециант твердо придерживался того мнения, что ад — это другие люди. Если точнее, в его представлении это была целая вереница всевозможных ведьм, колдунов и волшебников, которых корпорация «Оркоубойные мечи» в последние несколько лет нанимала на работу ради их магических способностей. С самого начала все члены совета были единодушны во мнении, что применение магии является жизненно важным, если они намерены достичь желаемого уровня власти и влияния на окружающих. Поскольку никто из них даже мельчайшей крупницей магической Силы не обладал, было очевидно, что им необходимо нанимать соответствующих работников. Вскоре, однако, стало очевидно, что от магов мужского пола пользы куда меньше, чем неприятностей. Крайне эгоистичные, они склонны свысока поглядывать на всех, Силой не обладающих, и ими было очень тяжело управлять. Фециант

неизменно обнаруживал, что весьма затруднительно подвергнуть дисциплинарному взысканию работника, который скуки ради может тебя запросто в жабу превратить. В связи с этим для повседневного обслуживания своей империи они пользовались колдовством ведьм, а когда требовалось что-то посильнее, подключали внештатных магов.

К несчастью, по мере того, как они год за годом нанимали множество всевозможных ведьм, они постепенно открыли для себя три основных закона колдовства:

1. Магическая способность прямо пропорциональна возрасту и опыту ведьмы.
2. Магическая способность прямо пропорциональна степени безобразия и сварливости ведьмы.
3. Магическая способность обратно пропорциональна вмещаемости ведьмы.

Другими словами, если вам требуется мощное колдовство, вам придется нанять предельно дряхлую и невообразимо уродливую ведьму, которая вдобавок будет совсем полоумной. А совету порой требовалось очень мощное колдовство...

Фециант снова припомнил худших из ведьм, и пальцы его стали выбивать барабанную дробь на отполированной столешнице. Взять хоть ту жуткую старую стерву по имени Регина, у которой был пунтик по поводу гелиотропа, и в результате решительно все в здании «Оркоубойной» сделалось тошнотворного светло-лилового цвета, включая персонал. Или ту сморщенную старую каргу по имени Агдамия. Мало того, что рожа у нее была как гнилая черносливина, так она к тому же швыряла огненные шары в тех, кто неправильно ее имя произносил. К несчастью, поскольку мозги у нее были совсем набекрень, она всегда имела очень смутное представление, кто она на самом деле такая или даже что она на самом деле такое. В результате даже сам Фециант едва сумел избежать того, чтобы его разнесли на мелкие кусочки, когда назвал эту идиотку ее настоящим именем, тогда как она в тот день свято

верила, что она стоячая вешалка по имени Клавдия. Или взять ту ужасающе властную психопатку со странной прической, которая, похоже, была убеждена, что члены совета на нее работают, и всячески ими помыкала. Перед тем как приняться за свою работу, она всякий раз визгливо их отчитывала и выкрикивала пару-тройку приказов. Имя ее совершенно вылетело у Фецианта из головы, зато он четко помнил, что ее придурковатого мужа звали Тэтчер.

Впрочем, когда в число их сотрудников вошла Шикара, эти проблемы очень скоро пропали. Как, собственно, и сами ведьмы. У Шикары была скверная привычка взрывать кого-нибудь от досады или просто от скуки, а поскольку она терпеть не могла даже тени соперничества, то несчастные старые ведьмы, чьи магические способности не шли ни в какое сравнение с Силой Шикары, гибли одна за другой. За какую-то пару недель «Оркоубойной» пришлось сменить девятерых сотрудниц, после чего запас старых ведьм в округе практически истощился. Вынужденная худо-бедно поддерживать функционирование своей коммуникационной сети, корпорация дошла до того, что стала брать на работу молодых ведьм, неопытных и миловидных.

Но затем, после гибели Шикары, они поместили в журнале «Чародейка» объявление о приеме на работу и провели собеседование с несколькими достойными кандидатками. Ведьма Картленда Варварская показалась им наилучшим выбором, так как она была стара и уродлива, но при этом казалась вполне вменяемой. К несчастью, как теперь начал понимать Фециант, так только казалось.

Для начала она без конца сама с собой разговаривала. Безусловно, все ведьмы в той или иной степени этим страдали. Но Картленда порой очень резко с собой разговаривала, а как-то раз затеяла бурный спор, после чего по-детски надулась и, судя по всему, на три часа объявила себе бойкот. Еще у нее был весьма нестандартный личный дух. Фециант уже привык, что ведьмам в этом качестве служат кошки, собаки, вороны и тому подобное, но Картленда оказалась первой, чьим

личным духом был кочан капусты. Кочан этот, судя по всему, звался Джоном и якобы помогал ей с наиболее заковыристыми заклинаниями. Но последней каплей для Фецианта стал отказ Картленды выполнять любые его команды, если только он при этом не звал ее «душечкой».

Откинувшись на спинку кресла, он стал наблюдать, как Картленда мухлюет с котлом. Временами старая карга что-то бормотала капустному кочану, который покоился рядом на стуле. В последнее время Фециант пришел к тому заключению, что процветание корпорации слишком уж стало зависеть от магии, и это было одной из причин, почему его так вдохновляли те семимильные шаги на ниве науки, которые делали темные гномы. Аминазин уже говорил ему о возможности создания широкой сети мгновенной коммуникации, которая будет быстрой, надежной, а главное — никак не зависящей от магии. Как раз сегодня гном обещал сообщить совету новые данные по данному предмету, а потому Фециант поставил в ведерко со льдом бутылку лучшего тролльского шампанского. Он отчаянно надеялся, что у них будет что отпраздновать.

Назначая в тот день собрание совета, председатель также надеялся объявить о смерти того докучного воина по имени Ронан. *Кобраты* уже должны были загнать Ронана и его друзей в киллерскую ловушку. К несчастью, Гильдия доложила, что потеряла контакт с отрядом Крюгера, и Фециант уже начинал немного беспокоиться. «Что, если Ронан куда-то свернул, а *кобраты* на Крюгера наткнулись? — размышлял он. — Ведь не так сложно узнать, что этих тварей именно я выпустил. Если они всю эту компанию порешили, тогда вся остальная Гильдия наверняка захочет мне отомстить!» От этой мысли по спине у Фецианта поползли неприятные мурашки, и он подумал, что неплохо бы пропустить бокальчик-другой тролльского шампанского прямо сейчас, не дожидаясь остальных.

— Картленда, ты шампанское не откроешь?

— Отвяжись!

Фециант вздрогнул и злобно взглянул на старую каргу. Нет, не мог он больше ее терпеть.

— Хорошо, Картленда. Тогда ты свободна. Не думаю, что ты нам сегодня понадобишься.

— Ах ты шалунишка, паскудник старый! — отозвалась ведьма. Затем голос ее упал до еле слышного бормотания, когда она сняла с крючка на стене большую ложку и принялась помешивать гнусное варево, что застывало у нее в котле. Фециант нервно сглотнул и заскрипел зубами, но твердо решил исполнить задуманное.

— Гм... выйди, пожалуйста, из зала заседаний... душечка.

Картленда оскалилась в ухмылке, за пятьдесят шагов от которой мигом свернулось бы молоко, и зашаркала к двери. Проходя мимо Фецианта, она еще раз ухмыльнулась, теперь уже с откровенной игривостью, и вместе с волной тошнотворно-смадного дыхания послала ему воздушный поцелуй. Затем дверь за ней захлопнулась, и Фециант трясущимися как осиновый лист руками ухватился за бутылку шампанского. После недолгих усилий пробка грохнула в потолок, и пенная струя едва не испоганила Фецианту брюки немыслимо дорогого костюма. Он быстро налил немного в бокал и поднес его к губам, но тут без всякого шума или объявления войны перед ним вдруг возник гном. Фециант так отчаянно вздрогнул, что умудрился обмочить себе шампанским весь пах.

— Извините, если я вас напугал, — спокойно сказал Азалептин.

— Каким таким клятом... то есть как... как вы?..

— Как я у вас в зале заседаний без всякой ведьминой магии оказался?

Фециант молча кивнул, после чего откинулся на спинку кресла и осторожно глотнул прямо из бутылки.

— Очень просто. Отдел Физики наконец-то усовершенствовал передатчик материи, над которым они вместе с Некромантией, а также с Машинами и Механизмами работали. Мы можем мгновенно переправляться в любую желаемую точку Среднеземья, используя при этом весьма низкосортную

магию. Но хватит об этом. Мой брат желает поставить вас в известность о том, что события развиваются в точном соответствии с нашими планами. Его избрали новым директором научно-исследовательского центра, и не далее как сегодня мы запускаем нашу Расширенную Программу Изысканий.

— Хорошо. Замечательно. Великолепно! Это вы, гм, про всякие там ваши ерундовины, да?

— Я про испытание различных изобретений, устройств и магнетических продуктов в полевых условиях, а также сбор различных подходящих объектов для экспериментов и исследований. — Тут Азалептин сделал паузу и мрачно усмехнулся. — Так что если у вас есть друзья в городах или деревнях между Северными и Ледяными горами, я бы посоветовал им поскорее отсюда уехать.

Тут вдруг началось какое-то странное пиканье, и над головой гнома замигал крошечный красный огонек.

— Так-так, мне пора, — сказал он. — Через неделю мы снова доложим о наших успехах. Да, и мой брат просил меня вам сказать, что он приглашает весь совет «Оркоубойной» посетить нас в ближайшие...

Пиканье прекратилось, и Азалептин внезапно исчез. Фециант изумленно уставился на то место, где он только что стоял, а затем очень аккуратно налил себе еще бокал шампанского и постарался сдерживать вскипающий восторг. Чего только эти гномы не придумают! Да ведь в нужных руках устройство, которое может тебя мгновенно за сотни миль закинуть, это же просто клад! Целое состояние! Пожалуй, пора «Оркоубойной» немного профиль расширить. Скажем, включить в себя транспортное агентство «Оркоубойные неограниченные перевозки». А как насчет турфирмы «Оркоубойный беспредел»? Да, возможности открывались просто фантастические. Он уже видел рекламные плакаты...

Со счастливой улыбкой на губах Фециант подошел к шкафу, достал оттуда вторую бутылку шампанского и сунул ее в ведро со льдом. У него возникло определенное ощущение, что другие члены совета тоже захотят это отпраздновать.

* * *

Теперь, когда Аминазина избрали директором, прежде за-
конспирированный Отдел Магнетики был открыт для всеоб-
щего обозрения, и у всех сотрудников Научно-Исследователь-
ского Центра появилась возможность изумленно поглазеть на
чудеса Вивария и почтить память Нафталина на месте его ге-
роической кончины. Ученых заранее предупредили, что там
живут опасные существа. Кроме того, распространялось много
слухов о том, какую отвагу и верность долгу проявлял На-
фталин, когда ходил туда без особой заботы о личной безо-
пасности, дабы способствовать проведению важнейших ис-
следований. Аминазин уже решил, что теперь, когда старый
дурак загнулся, не помешало бы убедить всех в том, что он
знал о новой авантюре и всячески ее одобрял. Среди гномов
царило общее восхищение теми семимильными шагами, ка-
кими двигались магнетики, и когда Аминазин объявил на-
бор добровольцев для «научных экспедиций», отбоя от же-
лающих просто не было. И вот внутри просторной магнети-
ческой аудитории уже полным ходом шли приготовления
к первой экспедиции. Множество научных сотрудников от-
чаянно силились влезть в самые что ни на есть диковинные
доспехи. Едва сдерживая восторг, гномы внимательно разгля-
дывали странные шлемы, на пробу размахивали устрашаю-
щими боевыми топорами, а некоторые даже позволяли себе
улыбнуться.

У гномов, в отличие от большинства других рас, нет от-
дельной воинской касты. Когда среди них раздается призыв
взяться за оружие, откликаются все. Должно быть, тут что-то
в крови: дайте гномскому ученому или ювелиру боевой топор,
укажите ему врага — и он будет счастливей орка на пивовар-
не. Разными там доспехами гномы обычно не озадачиваются.
Железный шлем, кольчуга — вот, пожалуй, и все. Однако у
Аминазина имелись на этот счет свои соображения, а потому
он заранее приобрел две сотни комплектов соответствующих
пластинчатых доспехов. Причем вовсе не какого-то дешевого
хлама. Имея в кармане деньги «Оркоубойной», он мог позво-

лить себе купить лучшую амуницию, изготовленную компанией «Вальдар».

Все доспехи были черны как смоль, с кучками острых шипов на каждом наручнике, наголеннике и набедреннике. Из каждого наколенника и налокотника торчал единственный длинный шип, превращая колени и локти в потенциально смертоносное оружие. Нагрудник был разукрашен кроваво-красными рунами смерти, и все же самой жуткой частью комплекта безусловно являлся шлем. Он был отлит в форме дьявольской головы со слюнявым подбородком, клыкастой пастью и большими остроконечными ушами. Хотя ни один из гномов не был выше полутора метров, в этих доспехах они казались племенем демонических монстров из самых глубин преисподней.

Аминазин с удовлетворением их оглядел. Вышло даже лучше, чем он рассчитывал! Имея в запасе еще несколько сюрпризов, подготовленных Алхимией и Некромантией, они должны были устроить по-настоящему грандиозный спектакль...

Привлекая вниманис своих подчиненных, Аминазин хлопал по твердому камню лекторской трибуны, однако в том возбужденном гуле, что висел в аудитории, его никто не слышал. Тогда он попробовал откашляться, затем крикнул, затем крикнул погромче, но все было без толку. Только когда он в бешенстве схватил боевой топор и рубанул им по трибуне, высекая целый дождь каменных брызг, ему наконец-то удалось привлечь к себе внимание.

— Итак, вы получили все инструкции, — начал Аминазин. — Восемь поисковых групп отправляются в восемь разных мест назначения. В каждой группе есть научные сотрудники из разных отделов, которые будут тестировать различные устройства и экспериментальных животных на коренном населении упомянутых мест. Все остальные будут действовать как солдаты, и их целью будет вселить страх и отчаяние в упомянутое население, а также захватить часть его в плен и взять с собой для проведения дальнейших исследований в лабораториях. Выданные вам доспехи как раз и предназначены

для того, чтобы вселять страх в наших подопечных, равно как и некоторые эффекты, подготовленные алхимиками. Однако будет также весьма полезно, если во время боя вы нарушите привычное гномское молчание и станете как можно громче орать. Самым благоприятным будет что-то вроде устрашающего боевого клича.

— Может, лучше нас было орками нарядить? — крикнул кто-то с галерки. Аминазин гневно туда взглянул, пытаясь определить дерзкого балагура, но теперь, когда все с ног до головы облачились в доспехи, это было нереально. Тем не менее он почти не сомневался, что это Фенамин.

Вечно от него дурацкие шуточки исходили. У этого молодого гнома уже стала складываться репутация безответственного насмешника, и Аминазин подумал, что надо бы по прибытии на него дисциплинарное взыскание наложить.

— Мне остается только пожелать вам удачи. Пусть ваши топоры будут остры, и пусть ваши враги трепещут! — закончил он, используя традиционное гномское выражение.

Тут же массивные каменные двери в левой стене распахнулись. За ними лежал Передаточный зал, просторное помещение с восемью металлическими кабинками цилиндрической формы в одном конце. Каждая кабинка была метра два в высоту, и спереди у нее имелась толстая стальная дверца с панелью управления, сплошь усеянной рычагами, циферблатами и переключателями. У всех кабинок возились сотрудники Отделов Физики и Некромантии, трогая рычаги и проверяя показания на циферблатах. Когда закованные в доспехи гномы стали выстраиваться в восемь колонн к дверям кабинок, сотрудники принялись шелкать переключателями. Тут же вспыхнули лампочки, и от кабинок стало исходить пульсирующее гудение.

Стоящий в хвосте одной из колонн Фенамин вытянул шею, пытаясь разглядеть передаточные машины, однако он был маловат даже для гнома, и ничего особенного за плотными рядами черных металлических шлемов ему разглядеть не удалось. Тогда он повернулся к своему соседу по колонне:

— Классная штука эта вальдарская амуниция, как думаешь?

Другой гном в ответ что-то прорычал, но из-под шлема ничего членораздельного не вышло. Фенамин, не особенно этим смущаясь, продолжал:

— Я такой везучий, что мне в этом Махоне наверняка единственный орк с гигантским консервным ножом вместо меча попадется.

Последовал еще один глухой рык.

— Тогда я узнаю, каково в таких случаях бычкам в томате бывает...

Второй гном испустил что-то вроде стона и злобно глянул на Фенамина. Тот радостно ухмыльнулся в ответ, но тут же понял, что внутри толстого устрашающего шлема это пустая трата времени. Никто все равно не мог разобрать, хмуришься ты или смеешься. По сути, второй гном наверняка даже не знал, с кем он общается. Тогда Фенамин поднял закованный в железную рукавицу кулак и резко стукнул по шлему соседа.

— Ну как? — заботливо поинтересовался он. — Внезапный металлический звон в ушах? Как пить дать, головняная боль.

Второй гном угрожающе поднял свой топор.

— Если хочешь от нее избавиться, надо кислотные таблетки глотать...

Гном застонал и замахнулся топором, но Фенамин был спасен от серьезной вмятины на шлеме, ибо в тот самый момент Аминазин выкрикнул приказ к началу переправки, и в зале снова поднялся возбужденный гул.

Первый гном в каждой колонне шагнул вперед, открыл дверцу кабинки и вошел внутрь. Все остальные, вытягивая шеи, тревожно наблюдали, как научные сотрудники шелкают переключателями. Наконец над каждой кабинкой вспыхнул зеленый огонек. Затем все дверцы распахнулись, и настороженные гномы разом охнули, отчасти от удивления, отчасти от облегчения, ибо все кабинки были теперь пусты.

Следующий гном в каждой колонне шагнул вперед и вошел в передатчик, а затем следующий, пока менее чем за пять

минут свыше двухсот гномов не оказались мгновенно и успешно переправлены в места их назначения в десятках миль отсюда. В самое ближайшее время ни в чем не повинных и ничего не подозревающих жителей восьми далеко отстоящих друг от друга населенных пунктов ждало предельно грубое пробуждение.

Ежась от холода на самом верху сторожевой башни, Чес Угрюмый нерадостно вглядывался в дрейфующий морской туман. Громадные валы этой гадости уже два часа непрерывно накатывали на берег, окутывая шаткие опоры башни точно сырое и холодное одеяло, и единственными признаками небольшой рыбацкой деревушки, которые Чес все еще мог разглядеть, теперь оставались лишь несколько тоскливых дымовых труб, что торчали под разными углами подобно соломинкам, как попало воткнутым в сахарную вату. Чес тяжело вздохнул. Его ревматическое колено болело, глаза ныли, с кончиков усов постоянно капала влага, холодок пробирал его до костей. Затем пальцы его крепко вцепились в поручень, когда легкий ветерок заставил башню угрожающе покачнуться. Тихо, но яростно Чес выругался. Уже не в первый раз он посетовал на свою импульсивную, опрометчивую натуру.

Впрочем, тут была совсем не его вина. В сравнении со средним человеком Чес был невероятно спокоен и сдержан. Однако в сравнении с другими жителями их деревушки под названием Дер он определенно мог показаться маньяком, ибо за долгие годы его соседям удалось превратить лень и праздность в настоящее искусство. Сотни лет назад, когда предки Чеса были простыми кочевниками, Махон представлял собой клятски опасное место. Необходимость борьбы за существование с такими опасными тварями, как *алаксли*, *ленкаты* и *мегоцери*, означала, что охотничьи отряды нередко оказывались полностью уничтожены. В результате выживать и передавать дальше свои гены удавалось исключительно ленивым раздолбаям — тем, кто только груши околачивал, а на охоту не ходил либо из-за невозможности вовремя проснуться, либо

потому что еще в раннем детстве клят на нсе положил. В самом крайнем случае — тем, кто все-таки на нсе пошел, но шагов через пятьдесят нашел себе чудесную мягкую кочку и прикорнул там на солнышке. Так гены лености стали доминантными. В любом другом месте такое племя просто умерло бы от голода, однако жителям Дера повезло. Они обустроились на западном побережье Махона, где теплые течения устремлялись на север по узкому проливу между материком и островом Пофигин. Там была лучшая в мире рыбалка. Селянам только и приходилось, что дрейфовать в своих лодках, волоча за собой крючки с приманкой, и к тому времени, как прсобладающий ссверо-западный ветер прибывал их обратно к берегу, рыбы у них бывало неспворот, а кроме того, им неизменно удавалось славно вздремнуть.

Поскольку никто не потрудился придумать ему хоть какое-то название, люди звали свое поселение просто Деревней, а со времнем Деревня сократилась до Дера, зачем, в самом деле, в муках выговаривать целых три слога, когда вполне можно одним обойтись? Сотни лет жизнь в Дере никак не менялась. Селяне старались побольше спать, ловили сколько надо рыбы и продавали засэжим торговцам на редкость скверно сработанные горшки. Дерские гончарные изделия очень высоко ценились аристократией таких богатых городов, как Порт-Ред. Аристократия эта, обремененная отсутствием вкуса и колоссальными претензиями, считала их вовсе не ленивой халтурой, а шедеврами подлинного примитивизма.

Несмотря на доминантные гены лености, временами в Дере рождались такие жертвы атавизма, как Чес. Все остальное племя, когда вообще разувало глаза, непременно смотрело на него с подозрением. Еще с самого раннего возраста Чес вечно хотел что-то делать, а когда он решал что-то сделать, не проходило и нескольких месяцев, как он за это брался. Взять, к примеру, историю с этими морскими разбойниками, *вагинами*. Когда слухи об их набегах на деревни южного побережья впервые дошли до Дера, именно Чес без конца всех доставал, чтобы они что-нибудь такое предпри-

няли. Тогда деревенские мужчины, стоически преодолевая лень, собрались и построили сторожевую башню. Свалив три дерева и притащив на место стволы, они наотрез отказались пускаться во все тяжкие и валить четвертое, так что у башни получилось всего три опоры, причем очень кривые и тонкие, ибо селяне предпочитали валить такие деревья, которые потом было легче всего тащить. Поначалу они вообще хотели двумя опорами обойтись, но башня все время падала, да и Чес опять их доставал, а посему они решили все же добавить третью. Однако Чес и тут не уговорился. Он все зудел, что кто-то должен в этой ерундовине сидеть и сторожить. «Ну, — сказало остальное племя, — раз тебе так загорелось, ты и сторожи. Там сырость и такой колотун, что он тебе живо башку остудит. А мы лучше приляжем у огонька и прекрасно без таких радостей обойдемся».

Вот так и получилось, что Чес, мало-помалу костенея от холода, сидел в десяти метрах над уровнем моря и наблюдал за накатывающим на берег туманом. Своих рук он уже почти не чувствовал. Изрыгнув глухое проклятие, Чес принялся неловко нащупывать поручень, когда сторожевая башня снова качнулась. Свежий ветерок с моря понемногу начинал расчищать утренний туман, однако вместе с этим он заставлял башню покачиваться так, как будто она ночью чего-то перебрала. Чеса уже не на шутку тошнило. Он крепко вцепился в поручень, закрыл глаза и отчаянно сосредоточился на том, чтобы удержать свою последнюю трапезу на месте. А под ним, на маленькой деревенской площади, незаметные в стелющемся тумане, внезапно одна за другой материализовались восемнадцать демонических черных фигур...

Внимательно оглядев семнадцать своих подчиненных, Азалептин с трудом подавил трепет. В зловещих черных доспехах, окутанные остатками утреннего тумана, они казались племенем злобных демонов. «Интересно будет посмотреть, какой эффект они на спящих селян окажут», — подумал.

мал Азалептин. Затем он молча дал команду, и гномы стали незаметно растекаться по деревушке, двигаясь по узким и грязным дорожкам, что вились вокруг грубых покосившихся хижин.

Дер был выбран организаторами научной экспедиции как то место, где легко будет захватить пленников и где они смогут провести несколько интересных экспериментов с новым взрывчатым веществом под названием «укокорох», изготовленным из серы, селитры и *укокосового* масла. У каждого гнома имелась с собой аккуратная бомбочка с часовым механизмом, сработанным в Отделе Машин и Механизмов. Их следовало разместить в хижинах и, если с часовыми механизмами все будет в порядке, взорвать одновременно. Далсе следовало пронаблюдать за тем эффектом, который это окажет на хижины и их обитателей.

Азалептин осмотрелся в поисках подходящей мишени для своей бомбы, и взгляд его остановился на сторожевой башне. Идеально! Он прошел вперед и стал привязывать бомбу к одной из длинных опор, однако из-под черного шлема ему почти не было видно, что и как он делает. Его пальцы сами собой возились с деликатным часовым механизмом, и пот выступил у Азалептина на лбу, когда он понял, что чуть было не установил механизм на ноль, что привело бы к немедленному взрыву. Негромко выругавшись, он отступил на шаг и огляделся. Никого из селян вокруг по-прежнему видно не было, так что ученый отстегнул застсжку своего дьявольского шлема и сташил его с головы. Затем он опять подступил к опоре, готовый как следует установить часовой механизм.

Наверху в сторожевой башне Чес по-прежнему стоически пытался удержать в себе остатки позднего ужина, но теперь ветерок усилился, и вся бандура раскачивалась непрерывно. Понимая, что вот-вот проиграет бой, Чес открыл глаза, подался вперед и перегнулся через поручень. К его изумлению, внизу, у одной из опор, какой-то черный и блестящий демон

с чем-то по-тихому химичил. В ужасе Чес наблюдал, как демон отступает от опоры и снимает голову. Он так этому удивился, что чуть было не забыл вытошниться.

Чуть было. Но все-таки не забыл.

Теперь, когда Азалептин снял шлем, он все прекрасно видел, и буквально через пару секунд часовой механизм был установлен. Он как раз собирался снова отступить назад и полюбоваться на свою работу, но тут в нескольких метрах над ним вдруг раздалась жуткая отрыжка, а затем поток чего-то горячего, липкого и предельно вонючего ударил ему точно в затылок и стал растекаться под доспехами. Несколько мгновений Азалептин стоял столбом, неспособный поверить, что какой-то гад вот так запросто на него наблевал, а липкая дрянь тем временем всю просачивалась под нагрудник и даже начала стекать по ноге. Наконец, подняв глаза, он увидел обращенную к нему с верхушки башни физиономию. На физиономии ясно читалась дикая смесь страха и изумления. Тогда, ухватившись за опору, Азалептин что было силы ее потряс, надеясь скинуть гнусного преступника на землю. Но тут ему на глаза попался циферблат часового механизма. Ученый понял, что до взрыва остались считанные секунды.

Подхватив шлем, он развернулся и торопливо захлопал прочь. Но тут от кислой вони блевотины и пакостного ощущения мнушихся под правой пяткой комковатых кусочков его тоже заштормило. Тогда Азалептин помедлил и нагнулся, уверенный, что его сейчас вырвет. И как раз тут всего за две-три секунды дружно рванули все бомбы. Семнадцать хижин обратились в желтые огненные шары, а восемнадцатая бомба напрочь испарила одну опору сторожевой башни и разорвала на куски вторую. Какое-то мгновение башня балансировала на единственной оставшейся опоре, а затем с громким треском вся десятиметровая бандура повалилась на землю.

Азалептин медленно выбрался из зарослей *надлярышника*, куда его зашвырнуло взрывом, и в благоговейном ужасе огляделся. Бомбы с *укокорохом*, как и их часовые механизмы, оказались куда эффективней, чем он ожидал, и жалкие останки семнадцати хижин вовсю пылали, распространяя по округе тяжелый черный дым, в котором ясно чувствовался запах горящего *укокосового* масла. Прямо на глазах у ученого немногие селяне, кому повезло пережить взрывы, стали в полном шоке выкарабкиваться из-под обломков. Большинство из них при виде закованных в дьявольские доспехи гномов пали на колени, и их тут же взяли в плен. Трое мужчин обнажили мечи, но все они так ошалели от случившегося, что считанные секунды спустя стали легкой добычей бритвенно-острых гномских топоров.

Азалептин с удовлетворением за всем этим наблюдал. Они захватили с собой для проверки немало других устройств, но теперь вряд ли был смысл их применять, ибо от деревни и ее обитателей мало что осталось. Тогда Азалептин дал сигнал общей готовности к переправке обратно в Научно-Исследовательский Центр.

«Аминазин просто ахнет, — подумал ученый, усаживаясь на каменный кнехт у причала. Затем он снова учуял ароматный дым, что плыл от горящих хижин. — Эх, — сказал он себе, — как славно мы тут все *укокорохом* расклятали».

Чес очень скверно навернулся со сторожевой башни. Хотя могло быть и хуже. Он бы как пить дать сильно расшибся при приземлении, если бы ему не случилось нырнуть в большую навозную кучу. Поначалу, пока Чес сидел там по шею в дымящемся навозе, окруженный обломками сторожевой башни, его мозг просто отказывался функционировать. А тем временем перед ним разворачивалась прямо-таки сцена из преисподней. Орава темных демонов, похоже, сперва подорвала все деревенские хижины, а теперь мочила оставшихся в живых! Что ж, у Чеса всегда была репутация человека действия. И теперь, похоже, как раз наступил его час...

Но если он хотел забрать пару-тройку этих демонов с собой, ему надо было торопиться! Ибо они вдруг начали один за другим исчезать, мгновенно растворяясь в утреннем воздухе, пока их не осталось всего пять или шесть. Ухватившись за меч, Чес поднялся, выкрикнул боевой клич, но тут же наступил на что-то отвратительно склизкое и во второй раз исчез в дымящихся недрах навозной кучи.

Потом Чес довольно долго разыскивал свой меч в той зловонной трясине, куда они оба погрузились. К тому времени, как он его нашел и извлек из навозной кучи, все до единого демоны уже исчезли. Хотя Чес долго расхаживал по деревне, снова и снова выкрикивая боевой клич, размахивая мечом и разбрасывая повсюду кусочки дерьма, все было без толку. В округе не осталось ни демонов, ни уцелевших селян. Все они будто бы и впрямь растворились в дымном воздухе с *укокосовым* запахом, и компанию Чесу составляли только обугленные и окровавленные трупы.

Примерно то же самое творилось в семи других местах назначения по Махону и Калидору. Черные демонические фигуры вдруг возникали из ниоткуда. Они приносили с собой взрывы и огонь, жгли и убивали, а потом исчезали прямо на глазах у охваченных ужасом и недоумением защитников. Кое-где они также притащили с собой гнусных, отвратительных существ, каких еще никто никогда не видывал, и хотя небольшие группки храбрых и решительных граждан пытались дать им отпор, этим демонам ничего не могло повредить, ибо они были закованы в темные, жуткие доспехи, и люди в ужасе разбегались кто куда.

Впрочем, не все демонические фигуры оказались сосредоточены на смерти и разрушении. В Гутенморге, где сорок таких фигур материализовались в самом центре города, до смерти перепуганный продавец газет прятался под прилавком своего киоска, пока по всей округе рвались огненные шары и вспыхивали целые здания, когда он вдруг заметил, как к нему

решительно шагает один из демонов. Распластавшись на полу, торговец прикрыл голову руками и стал умолять всех известных и неизвестных ему богов его спасти. Когда он, однако, отважился бросить быстрый взгляд вверх, то заметил, что демон, наклонившись над прилавком, внимательно на него смотрит. Продавец уже раскрыл было рот, чтобы завопить, но тут демон заговорил.

— Простите, — вежливо начал он, — нет ли у вас, случайно, последнего номера журнала «Досуг в «Морге»? Того, где рекламу местных театров и ночных клубов дают?

Трясущейся рукой продавец указал на требуемый товар.

— Ага. Чудесно. Большое спасибо, — забормотал демон, после чего стащил с необычно короткопалой ладони металлическую рукавицу и взял журнал с прилавка. Продавец в полном замешательстве на него уставился.

— А зачем вам «Досуг в «Морге»? — спросил он.

— Просто приличия ради, — ответил Фенамин. — Помоему, я тут единственный, кто еще никого не убил.

Стащив вторую металлическую рукавицу, он вытряс оттуда несколько монеток, бросил пару штук скорчившемуся перед ним продавцу и принялся листать страницы с рекламой, пока не нашел нужную.

— Ага, вот он, — удовлетворенно пробормотал он. — Клуб «Кошелек или жизнь». Моськин переулок, дом 19. — Тут он снова опустил взгляд на продавца. — Э-э, а вы мне, случайно, не скажете, где тут Моськин переулок?

Владелец киоска со страхом выглянул из-под прилавка, мысленно дивясь тому, какие нынче любезные демоны пошли.

— Что? Ах да... Это по Собачьей улице, вон туда, — ответил он, тыкая пальцем.

— Большое спасибо.

Продавец уже собирался было пробормотать в ответ, что, мол, не стоит, но тут над головой демона вдруг замигал красный огонек. А затем демон просто исчез, растворился в воз-

духе, и владелец киоска облегченно обмяк на полу, благодаря богов за такую милость.

Однако большинству из тех, кто тем утром столкнулся с демонами, повезло куда меньше. Очень многие были ранены или убиты, другие же оказались похищены. Множество разного имущества оказалось сожжено, похищено или уничтожено. Так началось царство террора, который в северном Среднеземье никогда не забудут и который навеки очернил гномов в глазах других рас...

ГЛАВА 6

Подавляющее большинство орков напрочь не понимают, что люди имеют в виду под словом «подруга». Друг для орка — это тот, с кем ты проводишь несколько недель в пьяном загуле, и женский род здесь совершенно неуместен. Женщина никогда с тобой не пьянствует, а только сидит дома и рождает детей. К сожалению, следует признать, что поразительное множество подруг из человеческой расы, становясь женами, обнаруживают, что их мужья целиком и полностью разделяют эту прискорбную точку зрения...

Моррис Лысый, «Наблюдение за орками»

Атгул поднял весла на борт, и его лодка проскользила последние несколько метров, прежде чем мягко воткнуться в полоску гальки у северного берега Великой реки Лено. Ронан осторожно вылез и взялся за нос лодки, а все остальные стали высаживаться, пока там не остался один Атгул. Тогда Ронан отпустил нос, и с невеселыми словами прощания Атгул развернул лодку, пускаясь в долгое и трудное путешествие назад к Вельбугу.

Ронан немного постоял, наблюдая, однако ночь оказалась темной и безлунной, и небольшая лодка очень скоро исчезла из вида, растворившись на фоне чернильно-черных вод. Тогда Ронан повернулся и последовал за остальными. Они побрели прочь от берега, ища, где бы разбить лагерь. Тарл бросил заклинание Света, и благодаря возникшему вокруг него мутному ореолу путникам удалось найти прикрытую валунами низину, которая давала хоть какую-то защиту от разгулявшегося западного ветра.

В течение всего восьмичасового путешествия вниз по реке друзья вели себя очень тихо. Когда Тусона очнулась, Ронан рассказал ей о гибели Познера в лапах *кобратов*. Лицо ее тут же стало как камень, и с тех пор она не проронила ни единого слова — лишь скупой кивнула, когда Ронан спросил ее,

нормально ли она себя чувствует. Ронан подумал, что знает, почему Тусона так странно себя ведет, и он едва ли мог ее за это винить. Ведь это из-за Ронана она потеряла все, и Познер умер такой ужасной смертью. Должно быть, он капитально ее достал...

Когда Тусона собрала немного хвороста и принялась раскладывать костер, Ронан по-тихому перемолвился с остальными, прося ненадолго оставить их одних. У Тарла даже не было настроения отпускать по этому поводу какие-то игровые замечания — он лишь что-то пробормотал о том, что ему надо бы связаться с Гебралью, и ушел за валуны, а Котик с Марвудом за ним последовали. Тогда Ронан перевел дыхание и приготовился к тому яростному натиску, что ожидался вслед за извинениями, которые он считал своим долгом принести.

— Тусона...

— Что?

Она даже на него не взглянула, а в голосе ее было столько ненависти, что Ронан аж отшатнулся.

— Гм... мне правда очень жаль. Прости меня, пожалуйста. За все. Я знаю, что я во всем виноват. Ты должна...

Тут Тусона так резко развернулась, что он осекся. Она дикими глазами на него смотрела, и Ронан потрясенно заметил, что по лицу ее текут обильные слезы. Затем она заговорила, и голос ее был хриплым от избытка чувств.

— Не смей! Не смей брать на себя вину! Если бы не ты, я бы еще неделю тому назад в Вельбуге загнулась! Ты спас меня, Ронан, как ты не понимаешь? Теперь ты — единственное, что у меня осталось, а эти ублюдки хотят еще и тебя забрать! Клят! Ненавижу этих вонючих старперов! Как же я их ненавижу! Клят, им это так просто с рук не сойдет! Мы непременно их найдем и прикончим, клянусь! Я не хочу терять тебя, Ронан!

Внезапно она оказалась в его объятиях, стала его целовать, и Ронан почувствовал, как ее теплое тело к нему прижимается...

А минут через пять в низину с возбужденными криками прибежал Тарл.

— Ронан! Тусона! Я связался с Гебралью, и она... ох, клят! Прощу прощения! Я не знал, что вы тут... то есть... ну, это самое...

Хихикая как напроказившие школьники, Ронан с Тусоной оторвались друг от друга и торопливо поправили на себе одежду.

— Порядок, Тарл, — улыбнулась Тусона. — Мы люди взрослые.

— Клят, ребята, вы хоть когда-нибудь утомнитесь? — пожаловался Тарл, пытаясь скрыть улыбку. — Вечно вы за свое! У меня из-за вас... ох! — Он быстро сменил тему. — Послушайте, я тут с Гебралью поговорил. В Ай'Эле все малость устаканилось, и теперь она может его покинуть. Она говорит, к ним туда *вагинский* корабль приплыл, и там на борту Клайра с Камиллой. Она собирается к ним присоединиться и плыть до Чуч-Хевена, а мы завтра вечером можем там с ними встретиться. Если мы сперва поплывем с ними на юг, все, кому будет интересно, решат, что мы к Гацким островам путь держим. А потом, когда мы выйдем подальше в море, мы сможем развернуться и на север поплыть. Они высажат нас на берег в Махоне, и тогда мы этих клятских *кобратов* совсем с хвоста сбросим. Они нас уже никогда не найдут! Ну как, здорово придумано?

Тарл радостно ухмыльнулся, а затем указал на горку хвоста, аккуратно собранную Тусоной. Голубой огненный шарик вылетел из кончика его пальца, вонзился в хворост, и секунды спустя костер уже пылал веселым огнем.

— Ну что, ребята, разве плохо, когда все под контролем? — радостно спросил Тарл, после чего метнулся обратно в ночь, и они тут же услышали, как он кличет Марвуда и Котика.

Ухмыляясь себе под нос, Тусона покачала головой и нагнулась, чтобы достать из рюкзака немного хлеба и сушеного мяса. Просто удивительно было, как самая малость общения с любимым человеком могла поднять настроение. Впрочем, перспектива иметь в своей компании Гебраль способна была

не только Тарла обрадовать. На вид юная и хрупкая, эта девушка обладала такой магической Силой, какую Тусона мало у кого встречала. Именно Гебдали удалось сдержать колдунью Шикару в течение тех жизненно важных секунд в самом конце битвы при Беломорканале. А теперь, когда у них на хвосте сидели *кобраты* и Гильдия Киллеров, она была бы на редкость желанной спутницей...

Ронан тоже обшаривал свой рюкзак на предмет провизии. Тусона обратила внимание, что и его настроение существенно поднялось. Обоим было не привыкать к насильственной смерти, каждому из них уже приходилось терять друзей и товарищей. Гибель Познера не была забыта, но жизнь продолжалась, и время для возмездия в конечном счете должно было наступить.

Разжевывая ломтик сушеного мяса, Тусона сидела у костра и задумчиво смотрела в ясное ночное небо. Роскошная россыпь звезд прямо над головой составляла созвездие Агнус Комплексис, а рядом виднелась более скромная группка созвездия Кателлус Парвулус*. Поблизости было слышно, как два человека вовсю резвятся, играя в блинчики и дразня при этом своего спутника, который, будучи обременен копытами, швырять камушки в реку никак не мог. Очень скоро они этого спутника вконец достали. Последовал дикий ослиный рев и шумный всплеск, когда возмущенное четвероногое столкнуло одного из шутников в воду.

— Так что ты теперь про Марвуда думаешь? — спросил Ронан, сядя рядом. — Можем мы ему доверять?

— По-моему, да. Ведь он тогда спас тебе жизнь, а я не могу придумать ни одной причины, почему бы он это сделал, если бы его по-прежнему выполнение контракта интересовало.

— Согласен. Он может пойти с нами, если по-прежнему хочет. Думаю, это я ему точно задолжал.

* Масенький-масенький Щеночек. Клянусь, этих эльфийских астрономов надо еще в детстве из рогатки отстреливать.

С берега снова донесся стук копыт, а затем последовал удивленный крик Марвуда и второй всплеск.

— Ребята, похоже, всю выходными наслаждаются, — сказала Тусона. — А сколько отсюда до Чуч-Хевена топать, как ты прикидываешь?

— Не больше трех часов по Великой Западной дороге. Если будем передвигаться тайком — немного дольше.

— Я уже об этом подумала. Нам надо держаться подальше от *кобратов*, а они по ту сторону реки, которая почти две мили шириной. Гильдия Киллеров понятия не имеет, где мы, и скорее всего считает нас мертвыми. Если мы завтра на виду у всех войдем в Чуч-Хевен, тамошнему филиалу понадобится не меньше двадцати четырех часов, чтобы все организовать. Поскольку мы будем настороже, то любые киллеры, которые могут на что-то сподобиться, для нас не проблема.

— Так мы в открытую пойдем?

— Ага. На самом деле чем больше народу запомнят нас и увидят, как мы на *вагинском* корабле отплываем, тем лучше. Тогда все точно будут уверены, что мы на юг путь держим.

Ронан какое-то время сидел молча, вдыхая прохладный ночной воздух. Здесь они были менее чем в десяти милях от моря, и он чувствовал слабый соленый привкус западного ветерка. Из темноты теперь то и дело доносились взрывы хохота, слышались новые всплески, и весь этот инородный шум ложился на фон глубокого и непрерывного рокота Великой реки Лено. Ронан тоже поднял глаза к звездам, что были разбросаны по небу точно алмазы по черной бархатной скатерти.

Он как раз задумался о том, как же все это неопишимо красиво и романтично, когда все остальные звуки внезапно заглушил самый громкий и продолжительный бздех, какой он в своей жизни слышал. За бздехом последовали два возмущенных вопля и маниакальный рев безумно довольного осла.

— Сомневаюсь, что у нас будут какие-то трудности с тем, чтобы люди нас заметили, — прошептал он Тусоне. Затем он потянулся и взял ее за руку. Сидя бок о бок у огня, они по-

товарищески делили свой ужин и дивились холодной красоте северного ночного неба.

В глазах обычного человека Чуч-Хевен представлял собой довольно-таки уродливое и гнетущее место. Расположенный на северном берегу в устье Великой реки Лено, он оставался единственным надземным городом во всей Стране гномов, гористом районе на северо-западе Галиадора, где проживала большая часть гномской расы. Хотя Чуч-Хевен был построен людьми, его архитектура носила на себе отчетливое гномское влияние, а потому длинные и низкие строения из темного камня как можно плотнее теснились и кучковались, их вторые этажи и крыши нависали над узкими улочками, словно желая скрыть их от угрожающего простора небес.

Город окружали длинные и толстые стены, в которых было проделано трое громадных ворот: Северные, из которых древняя дорога бежала в самое сердце Страны гномов к заброшенному подземному городу Камоту; Восточные, откуда Великая Западная дорога вела аж до самого Вельбуга; и Южные, обращенные к пристаням, через которые в город прибывали все пассажиры кораблей. Ни разу эти стены не бывали проломлены, хотя однажды город пал под напором кочевого племени хохлов с самой окраины Среднеземья из-за кошмарной халатности стража Южных ворот по имени Филимон.

Подобно большинству крупных городов, Чуч-Хевен представлял собой плавильный котел для множества рас и народностей, хотя очень немногие эльфы могли выносить его болезненную тесноту и близость моря. Гномы и люди, орки и даже редкие тролли перемешивались в барах и кафе на оживленных городских улицах. Стражу городских ворот составлял народец крутой и бывалый, привыкший к странному и чужеземному, который мало что удивляло. Однако тем утром к городу по Великой Западной дороге притопаала такая компания, что все стражники тут же бросили свои дела и в полном изумлении принялись на нее глазеть.

Впереди шел паршивый шибздик, на которого вряд ли кто-то обратил бы внимание, если бы не две вещи. Во-первых, он жутким голосом ревел поразительно непристойную песню, а во-вторых, вокруг обеих его кистей крутилось по шарiku желтого пламени. Шагающий рядом с ним долговязый юнец был, судя по его серебристо-черному одеянию, киллером-учеником. Однако в отличие от всех прочих киллеров, каких стражникам доводилось видеть, этот носил открытые сандалии, длинные волосы, стянутые лентой, цветок за ухом и счастливую улыбку на лице. Кроме того, он тоже пел. Между ними семенил низкорослый бурый осел, совершенно непримечательный, если не считать того факта, что и он тоже пел, причем голос его несомненно был в этом трио самым приятным.

За ними шагали еще двое. Эти явно были воинами, но настолько разными, насколько это вообще возможно. Один был мужчиной, рослым, чернокожим и очень мускулистым. Вокруг его головы и плеч прыгала бурлящая масса змееподобных дредов, а за спиной на южный манер висел массивный меч. Другая — женщина, невысокая и гибкая, с гармоничной мускулатурой и лицом, за которое не жалко было и жизнь отдать. Ее выгоревшие до белизны волосы были подстрижены на эльфийский манер, а на изящном плече висел лук.

Начальник караула, пожилой мужчина, который немало попутешествовал, изумленно к ним пригляделся.

— Да ведь это Тусона! — пробормотал он. — Тусона из Вельбуга! А рядом с ней как пить дать Ронан!

Весть сперва разносилась от стражника к стражнику, а затем стала распространяться в толпе, что скопилась у придорожных лотков и палаток перед воротами. Агентам «Оркоубойной» в Чуч-Хевене поработать не довелось, а новости из Вельбуга сюда еще не дошли, зато городской люд до сих пор толковал про оркскую армию, что бесчинствовала в Бехане и Сидоре, а также про битву при Беломорканале.

— Тусона и Ронан! — прошептал один лоточник другому. — Говорят, каждый из них в той битве по сотне орков уложил!

— И с ними, должно быть, тот самый маг! Я слышал, его приятель обычно ослиную личину принимает! — пробормотал пожилой торговец рыбой.

— Ведь это Тусона Шикару прикончила! — сообщил остальным стражникам начальник караула. — Мне сам Род Дендрон рассказывал.

Пока пятеро путников беспечно шагали к воротам, все не спускали с них глаз. Кто-то выкрикнул поздравление, затем еще кто-то, затем остальные, после чего по толпе побежал шепоток, поначалу едва слышный. Однако этот шепоток стремительно набирал громкость, превращаясь в бурную волну одобрения, пока все до единого зеваки не стали восторженно радоваться и махать руками.

Ронан с Тусоной, совершенно обалдев от такого приема и не очень зная, как на него откликнуться, немного сбавили шаг, зато идущий впереди них Тарл вовсю улыбался и махал в ответ толпе.

— Вы что, не врубаетесь? — прошипел он через плечо. — Все обожают рассказы о героях, но редко когда получают шанс с ними увидеться! Народ уже про вас сказки рассказывает и песни распевает. Вы же суперзвезды! Так подыграйте! И наслаждайтесь этим, пока есть возможность.

Затем, словно желая продемонстрировать, как это делается, Тарл уставил оба указательных пальца в небо и выпалил куда-то за городские стены пару снежно-белых огненных шаров. Толпа взревела от восторга, а Тарл со счастливой улыбкой повел всех через Восточные ворота.

Внутри городских стен весть уже разошлась, и друзья обнаружили, что городские улицы быстро наполняются шумно радующимися людьми. Более эффектного и торжественного входа в город они бы не добились, даже если бы двадцать тысяч орков с собой притащили. Пока они шли по узким улочкам, на них буквально накатывали волны всеобщего восхищения, и целая толпа восторженных горожан сопровождала их на почтительном расстоянии.

— И что мы теперь будем делать? — спросил Ронан у Тусоны. — Я думал, мы просто войдем и по-тихому посидим в таверне, пока не придет Гсб, но все эти поклонники... я просто не знаю...

— Я тоже не знаю. — По-прежнему не на шутку озадаченная приемом, Тусона покачала головой. У себя дома, в Вельбуге, она привыкла к некоторому прсклонению перед ее героизмом, однако тут было нечто совсем иное. — Тарл, Марвуд, есть идеи?

— Тут есть только одно подходящее местечко, куда нам теперь можно двинуть, — ухмыльнулся Тарл. — Я уже как-то раз в Чуч-Хевене бывал, но только его и помню. По-моему, это где-то неподалеку.

Он повел их по узкой улочке, что бежала меж темных, мрачных домов, а толпа, по-прежнему восторгаясь и аплодируя, следовала за ними. Наконец улица вышла на рыночную площадь, и тут Тарл помедлил.

— Вот здесь! — сказал он.

На дальней стороне оживленной площади располагался один из целой сети тематических ресторанов, учрежденной несколькими годами раньше тремя самыми знаменитыми воинами, каких когда-либо знало Среднеземье: Арнольдом Черноногим, Транком Станным и Стеком Невменяемым. Украшенный всевозможными сувенирами от самых крутых бойцов в истории, ресторан «Тяжелый рок» стал популярнейшим местом для славных пирушек, а вся сеть — самой известной в мире.

Пока они пересекали площадь, проталкиваясь мимо заваленных товарами лотков и тележек, весть расходилась впереди, и отовсюду слышался восторженный шепот: «Это Тусона! Ронан! Герои Беломорканала!» Море лиц обратилось к ним, после чего в плотной толпе чудесным образом вдруг образовался проход. В самой людской гуще шум был почти оглушающим, и те, кто посмелей, тянули руки, чтобы похлопать кого-то из героев по плечу или просто коснуться. Они взошли по широкой каменной лестнице из трех пролетов, что вела в ресто-

ран «Тяжелый рок», а там Ронан, решив, что ему надо все-таки как-то ответить на оказанный прием, повернулся лицом к толпе. Как только он это сделал, все мгновенно погрузилось в молчание.

— Спасибо! — выдохнул для начала Ронан, после чего взял паузу. Толпа с нетерпением ожидала, и он вдруг, к ужасу своему, понял, что понятия не имеет, что сказать дальше. Пауза все тянулась и тянулась. Ронан стал оглядывать массу обращенных к нему лиц, и тут его охватил такой острый приступ смущения, что он чуть сознания не лишился. Тогда бдительный Тарл выступил вперед, поднял руку и послал поверх городских крыш еще один белоснежный огненный шар.

— Мы вас любим! — крикнул он. — Мы вас всех очень любим!

От ответного рева толпы едва не рухнули толстые городские стены.

Тарл радостно ухмыльнулся. «Я бы мог к этому как орк к выпивке пристраститься», — подумал он. Он уже заметил, что среди восторженной аудитории было немало хорошеньких девушек, и несколько самых прелестных вовсю ему улыбались. Но затем Тарл получил быстрое напоминание от своих половых органов, боль в которых в последнее время становилась слишком ему знакомой. Тогда, развернувшись обратно, он торопливо повел Ронана и остальных в дверь ресторана.

Стены и потолок длинного зала с низким потолком были сплошь увешаны оружием и военными сувенирами всех сортов. Там были гномские топоры, тролльские дубинки, человеческие копья и пики, а также, в специальном демонстрационном ящике над стойкой, оркский астральный меч, выкованный самим Тателем. Огонь ревел в камине по левую руку, а на выступе для дымохода красовался самый большой двуручный меч, какой им когда-либо доводилось видеть. Ресторан был почти пуст, поскольку он только-только открылся, но даже несмотря на это, аппетитный запах жареного мяса и лука висел в воздухе, отчего у них мигом слюнки потекли.

Персонал благоговейной группкой топтался у стойки, круглыми глазами разглядывая своих прославленных клиентов. Директор ресторана, судя по росту и мускулатуре, тоже в свое время был воином хоть куда, но даже ему, похоже, порядком слепил глаза свет суперзвезд. Когда он нерешительно направился их поприветствовать, Тарл лишь раз глянул ему в лицо и мгновенно оценил ситуацию.

— Послушайте, ребята, — прошептал он остальным. — Платить здесь ни за что не придется. Только дайте я сам обо всем позабочусь. Идет?

После чего, поместив куда надо самую свою широкую улыбку и заранес протянув руку для пожатия, он пошел вперед, спеша осчастливить своим вниманием охваченный благоговейным трепетом персонал.

Часом позже, после одной из самых грандиозных в своей жизни трапез на халяву, Тарл по-тихому выскользнул из ресторана, пока все остальные в непринужденных позах сидели вокруг сплошь заставленного тарелками и бокалами, заваленного объедками стола. Ронан и Тусона по-прежнему обсуждали узкопрофессиональные темы с очарованным директором, и уже в дверях Тарл услышал, как бывший воин интересуется, нет ли у Тусоны с собой ее знаменитой арбы и не была бы она так любезна презентовать ресторану «Тяжелый рок» одну из маленьких стрелок к этому шедевру оружейного искусства, чтобы они на самом почетном месте ее выставили. Тарл с радостью бы здесь остался, часами болтал бы и пил вместе со всеми, пока бы они снова не проголодались, но первый раз в жизни у него вдруг оказалось более важное занятие. Так что он договорился встретиться со своими друзьями через два часа в портовом баре «Позор Филимона», что у Южных ворот. И теперь он, не прихватив с собой даже Котика для компании, вышел на улицу.

Тарл вовсе не рассчитывал, что это дело займет у него целых два часа, но оно было для него в новинку, и он даже не очень себе представлял, с какой стороны к нему подступить-

ся. Он знал, что другие не так уж редко это проделывают, причем совершенно в открытую, и в дальнейшем этого не скрывают. Однако сам Тарл испытывал неловкость, почти стыд, и совсем не хотел, чтобы кто-то из его друзей видел, как он этим занимается. Тарл понимал, что рано или поздно они об этом узнают, и тогда ему придется как-то справляться с их реакцией, но он счел, что напрямую наблюдать за ним в процессе всего этого занятия будет для них слишком неловко. Ибо Тарл собирался взяться за дело непростое, дело, которое вызывало у него сильнейшее ощущение собственной уязвимости. Он собирался купить своей подруге цветы.

Прошло уже несколько недель с тех пор, как Тарл видел Гебраль, так сказать, во плоти, и он страшно по ней соскучился. Раньше он всегда думал, что люди, когда говорят, что скучают по своей подруге, на самом деле имеют в виду, что скучают кое по каким забавам. Его неизменно озадачивал тот факт, что данный из лучших побуждений совет (типа найди себе славную шлюшку и по-быстрому с ней потрахайся, тогда тебе сразу полегчает) всякий раз вызывал у такого народа не вполне адекватную реакцию. Однако теперь Тарл вдруг понял почему. Когда он скучал по Гебраль, скучал он по ее улыбке, по ее голосу, по тому, как она своими огромными и серьезными глазами на него смотрела — короче говоря, просто по ее присутствию. И теперь, когда всего через несколько часов ему предстояло снова с ней увидеться, Тарл почувствовал, что страшно волнуется. Его охватило почти непреодолимое желание купить Гебраль что-нибудь такое, что продемонстрирует ей, как он по ней скучал, что удивит ее и обрадует. И наклепать ему было на все, что по этому поводу скажут или подумают остальные. Кроме букета цветов, ему ничего такого в голову не пришло.

Тарл бродил по улицам, вглядываясь в ярко освещенные витрины магазинов, и надеялся на внезапный прилив вдохновения, который позволил бы ему купить какой-то не столь стеснительный подарок. Он проходил мимо булочников и мясников, торговцев рыбой и скобяными изделиями, порт-

ных и оружейников, мимо хоббитского ресторана «Памперс и Тампакс», а также гномского похоронного бюро «Гадкий Пу-тенек и компания». Остановившись у мрачной витрины последнего, Тарл невольно исполнился соответствующих мыслей, однако вскоре заметил, что еще более мрачная витрина соседней лавки полна ваз с поразительно мрачными цветами.

Отступив на пару шагов, он поднял взгляд на вывеску над витриной. Там крупными буквами было намалевано «Оркские цветоводы», а чуть ниже почти неразборчивыми белыми каракулями значилось «Букеты, венки и гирлянды. Цветочные поздравления, предупреждения и угрозы».

Тарл распахнул дверь и вошел в темную и тесную лавку. Почти все свободное место на полу там было заставлено вазами со свежесрезанными цветами и растениями. Большинство было весьма мрачных тонов, хотя некоторые, напротив, представлялись до тошноты яркими. Там имелись целые охапки крапивы и чертополоха. Тарл также узнал *ядовитый плющ*, *сонную одурь*, *волкомор*, *вонючий обсерняк* и *гигантский дырок-кол*. В некотором замешательстве он огляделся. Впервые в жизни он покупал женщине цветы, хотя однажды, помнится, он стырил для кого-то букет. Но затем, разглядывая какое-то гнусное на вид растение с неровным красновато-лиловым цветком, который порядком смахивал на сильно расквашенный нос, Тарл вдруг заметил в затененном углу лавки низенького хмурого орка. Сидя на табурете, орк с огромным сосредоточением ковырял в носу.

— Гм... у меня, значит, такое дело, — неуверенно начал Тарл. — Короче, у меня есть подруга. И мне, значит, цветы нужны.

Продавец презрительно на него глянул, а затем с неохотой вынул палец из носа и отпустил глумливый ответ:

— Мы обменом не занимаемся.

— Нет, я это к тому, что я хочу ей их купить. В подарок.

— Шутите! Зачем?

— Ну, это самое. — Тарл неопределенно развел руками. —

Она цветы любит...

- По-вашему, это повод?
- Послушайте... что вы порекомендуете?
- Новую подругу.
- Ну вот что. Мне эти клятские цветы нужны. И точка.

Орк безразлично пожал плечами, после чего грязной когтистой лапой обвел помещение, показывая, какой широкий выбор доступен. Тарл еще раз огляделся, но опять ни к какому решению не пришел. Все здесь казалось либо каким-то угрожающим, либо просто отвратительным. Тогда он попытался припомнить, какой у Гебрани любимый цвет.

- Есть у вас что-нибудь розовое?
- Только мой геморрой, но его я не продаю.

Испытывая сильное желание сунуть орка головой в одну из его ваз, Тарл попытался припомнить, какие именно цветы любит Гебраль. Ему смутно припомнилось, как она нюхает кустик пустынных роз и что-то говорит про их роскошный запах.

- Пожалуй, мне бы что-нибудь ароматное.
- Эльфийской травкой напротив торгуют.
- Да нет, это я к тому, что цветы должны пахнуть.

— А, ну тогда вот эти, наверно, подойдут, — сказал орк, выдергивая из соседней вазы букет темно-коричневых цветов. — Они зовутся *бабеофилы*, или *цыганская отрыжка*.

И он без всякого объявления войны сунул их Тарлу в лицо. Наивный Тарл сделал глубокий вдох и отпрянул, задыхаясь от жуткого смрада. Цветы пахли как ведро свежих нечистот плюс несколько тухлых яиц и носки старого ассенизатора. Помотав головой, Тарл принялся отчаянно тереть слезящиеся глаза.

Орк наблюдал за ним со смесью жалости и презрения на мрачной физиономии и что-то еле слышно при этом бубнил. А в следующее мгновение Тарл уже держал его за отворот грязной куртки, поднося к самому его носу букет жгучей крапивы, выхваченный им из ближайшей вазы.

— Ну ты, сопля засохшая! — прорычал он орку. — Мне не нужны цветы, лепестки у которых точно из оркского дерьма

сделаны! И мне не нужны цветы, которые пахнут так, будто ты их девять месяцев в своих подштанниках хранил! Я хочу, чтобы у моей подруги радость, а не рвота возникла! Человеческие женщины любят цветы, которые на вид симпатичные, типа белые, розовые, алые и вся такая дребедень. Они любят, чтобы цветы славно пахли, типа роза, жасмин и вся такая ерундистика. Намерен ты мне букет подходящих цветов продать? Если нет, я эту крапиву сейчас тебе в пасть засуну, а для другого конца чертополох подышу!

Через пару минут Тарл вышел из лавки с большим букетом тропических роз, ароматных алых цветов с очень сильным приторным запахом. Выглядели они просто прелестно, по крайней мере он на это надеялся, хотя и были завернуты в иссиня-черную бумагу, покрытую стилизованными изображениями расчлененных и окровавленных трупов. Другой у оркского цветовода не нашлось, но Тарл не слишком беспокоился. До встречи с остальными у него оставалось еще полтора часа — вполне достаточно, чтобы найти магазин, где торгуют более милой и романтической оберточной бумагой. А потом он сможет устроиться в таверне, малость выпить с друзьями и подождать прибытия Гебдали.

С песней в сердце, улыбкой на лице и приятным покалыванием в области паха Тарл побрел по узкой улочке и вскоре затерялся в толпе.

Через час, выходя через Южные ворота, он был уже совсем в ином настроении. За время хождения по магазинам Тарлу пришлось убедиться в том, что тропические розы имеют не просто сильный запах, а клятски сильный запах. По сути, все лавки и проулки, где он задерживался дольше, чем на несколько секунд, переполнялись удушливым ароматом, и окружающие начинали пристально на него глазеть. Все мужчины отпускали оскорбительные или двусмысленные замечания, а Тарл чувствовал себя слишком неловко, чтобы давать отпор. Почти все женщины ему улыбались, но с недавних пор, когда Тарлу улыбалась женщина, это означало весьма

прискорбный для него результат. Боль в половых органах совсем его замучила, и Тарл твердо решил при первой же возможности попросить Гебраль снять с него заклятие Супружеской Верности.

Остановившись на набережной перед «Позором Филимона», он поднял взгляд на вывеску, что болталась над дверью. Там изображалась девушка, чье лицо было искажено в остром приступе недовольства. Качая головой и молясь, чтобы эта картинка не предвещала реакцию Гебраль, Тарл толкнул крепкую деревянную дверь и вошел в таверну.

Внутри оказалось тепло и уютно. Народу там было немного — время не так давно перевалило за полдень, и большинство потенциальных клиентов еще работали. Тарл взял себе кружку «мордой об стол», его любимого гномского пива, и устроился за удобным столиком у окна на втором этаже, откуда открывался неплохой вид на оживленную портовую зону и Великую реку Лено.

Гавань Чуч-Хевена была огорожена двумя длинными каменными волноломами, что тянулись в устье с обеих концов пристани, загибаясь подобно концам короткой подковы и защищая корабли от речного течения и морских ветров. Тарл видел, как рыболовные суда возвращаются домой, заплывая в широкое устье на благоприятном западном ветру, а затем входя в гавань.

По другую сторону реки, милях в трех оттуда, находился мыс, который формировал южную губу устья. Тарл увидел, как там мерцают под солнцем беломраморные башни города Физ-Дипил, и вспомнил тот раз, когда он в этой же самой таверне скорешился с компанией матросов и на пару деньков перебрался туда, в город-близнец Чуч-Хевена. В Физ-Дипиле они не просыхали до тех пор, пока Тарл наконец не очнулся в подпольном фетишистском клубе под названием «Эльфийская кожа». Какой уик-энд он тогда провел! Сколько честно заработанных денег растратил! Не им, естественно, заработанных.

Внезапно его вернул в настоящее взрыв дикого смеха. Оглянувшись, Тарл обнаружил, что компания каменщиков у стойки вовсю на него глазеет и потешается. Тут он с неловкостью понял, что клятский букет цветов, лежащий перед ним на столе, опять наполнил помещение невыносимым ароматом.

— Эй, милашка, — крикнул ему один из каменщиков, здоровенный татуированный мужик, голый по пояс. — Давай я тебя угощу!

— Годится, — рассеянно отозвался Тарл, но затем его мозг, который автоматически откликнулся на последние четыре слова, неохотно зафиксировал самое начало. «Милашка? — подумал он, замечая ехидную ухмылку на лице у мужчины. — А этот парень заводится. Похоже, у меня проблемы...»

Каменщик взял со стойки кружку пива и вразвалку направился к Тарлу. Его дружки разом прыснули, когда он крикнул через плечо бармену:

— Эй, Данни, притарань-ка бокал шанди вон той чувихе у окна. И чтоб с голубой соломинкой.

Тарл мигом приклеил себе на физиономию дружелюбную улыбку, но один взгляд на злобное выражение на лице мужчины сказал ему, что так просто от него будет не отделаться. Каменщик остановился у столика, где сидел Тарл, взглянул на цветы и демонстративно понюхал воздух.

— Тут что-то хуже убалтайской шлюхи воняет, — стал издеваться он. — Это ты или твои цветочки сладкие? — Тут он протянул руку к тропическим розам, оторвал один бутон и презрительно швырнул его Тарлу в пиво.

Пару секунд Тарлу казалось, что гнев вот-вот окончательно его поглотит, и вовсе не из-за оскорбления, а из-за того, что этот вонючий мудак осмелился своими грязными лапами тронуть цветы Геб. Он осторожно убрал руки под стол, но все равно чувствовал, как предательские искры колют его пальцы. Ярость все нарастала, и Тарл понял, что если эта здоровенная бестолочь еще раз тронет цветы, он не в силах будет удержаться от ответа.

С издевкой на него глядя, мужчина задумчиво почесал свою могучую грудь. Затем он опять протянул руку и оторвал еще один бутон. Тут ярость совсем затопила Тарла, полностью гася его самоконтроль. Он был в каком-то шаге от того, чтобы вскинуть руки и зарядить огненный шар парню между глаз, когда красный туман гнева вдруг рассеялся, оставляя за собой ледяное бешенство. Тарл так и не смог понять, вдохновила его на это увиденная днем раньше Статуя Часового или что-то другое, но внезапно в голове у него четко возникли слова одного из заклинаний, которое он в свое время к Некросу Черному* применил.

Придерживая Силу, что угрожала вырваться из кончиков его пальцев, Тарл мгновенно сплавил ее в крутящийся шар ментальной энергии, сфокусировал его на развязно скалящемся каменщике и забормотал слова заклинания, поначалу едва слышно, но к концу все громче и громче.

— ...ergo recti sam vulpum habe, faeces-cerebris, — закончил он, и в воздухе аж затрещало.

— Эй, чувиха, ты чего там бормочешь? — снова стал насмехаться мужчина. — Не будь такой стыдливой. Скажи вслух.

— Это ты меня чувихой называешь? — осведомился Тарл, пренебрежительно разглядывая грудь каменщика.

Мужчина нахмурился и опустил взгляд, а потом в шоке выронил свою кружку, ибо у него вдруг откуда ни возьмись появилась пара женских грудей, очень крупных, крепких и рельефных. В ужасе он повернулся к своим оставшимся у стойки друзьям, однако настоящий взрыв диких воплей и улюлюканья, которым они его встретили, тут же заставил его резко развернуться обратно. Очень по-женски каменщик скрестил руки на груди, пытаясь скрыть свой срам.

— Классные буфера, — одобрил Тарл и тут же об этом пожалел, ибо на мгновение ему показалось, что мужчина сейчас схватит его за горло и задушит.

— Слушай, приятель, — быстро прошипел он, когда пара гневных рук потянулась к его шее. — Я тебе эти сиськи дал, и

* См. книгу «Ронан-варвар».

я могу их снова убрать. Ты ведь уже понял, что я крутой маг, ага? Так что прямо сейчас клятуй к своим корешам у стойки, а не то я уберу тебе один нужный орган, и твое превращение из мужчины в женщину завершится. Усек?

Каменщик озадаченно на него уставился. Примерно такое выражение бывает на физиономии у орка, который ввалился в кабак за считанные секунды до закрытия, но лишь затем, чтобы увидеть, как ставни над стойкой с грохотом опускаются. Правая рука здоровилы потянулась задумчиво потереть щетину на подбородке. Затем он снова оглядел свою замечательную новую грудь и почти с неохотой прикрыл ладонью правый буфер.

— Ну вот и поладили, — вымолвил Тарл, отчаянно стараясь не ухмыльнуться. — А насчет цветов больше никаких хитроジョых замечаний, ага?

Мужчина как-то рассеянно кивнул, пока его ладонь продолжала свое неторопливое обследование. Когда пальцы прошли по соску, он чуть не подпрыгнул.

— Ого, — хрипло выдохнул каменщик.

— Эй, приятель, давай-ка я все назад верну... — начал было Тарл, но тут же умолк, ибо соски у мужчины заметно возбуждались, а на свою новую грудь он уже смотрел чуть ли не с восхищением. Сделав явное усилие, он оторвал глаза от пары роскошных буферов и посмотрел на Тарла. Лицо его покраснело, а дыхание участилось.

— Мм... послушай, а ты минут десять не подождешь? — пробормотал каменщик. Затем он повернулся, быстро прошел в другой конец бара и исчез за дверью в туалет. Тарл с жутким интересом наблюдал за тем, как он уходит. Он по-прежнему глазел на дверь, когда в его мысли вдруг ворвался знакомый голос.

— Клят, ты уже и тут нахимичил, — с негодованием произнес этот голос, и Тарл, повернув голову к лестнице, увидел только что поднявшегося по ней Котика. За ним топали Роман, Тусона и Марвуд. Улыбаясь, Тарл откинулся на спинку стула, и его окатила приятная волна облегчения. Прожив це-

лую жизнь на собственном попечении, он только сейчас понял, как он в последнее время стал от своих друзей зависеть. Даже слушать циничный ослиный нудеж было ему теперь странным образом приятно и успокоительно.

Котик присеменил к столу, понюхал букет тропических роз и отчаянно чихнул. Из глаз у него тут же потекли слезы.

— Я же вам говорил, — пробормотал он своим спутникам. — Этот жалкий мудака цветы для своей подруги покупал! Теперь вы мне все по бифштексу должны.

Ронан с Тусоной последовали за ослом, а Марвуд направился к стойке. Как по волшебству притихшие каменщики, заметив серебристо-черный киллерский наряд, почтительно перед ним расступились.

— А кто был тот парень с парой памел*? — спросила Тусона, присаживаясь.

В нескольких тщательно подобранных выражениях Тарл объяснил, что случилось, и они славно посмеялись, когда он описал реакцию каменщика.

— Так или иначе, я скоро обратное заклинание сделаю, — закончил он. — Тогда у него тяжесть с груди спадет...

Все недовольно заворчали, но затем, когда Марвуд вернулся от стойки с восемью пенными кружками на подносе (и большой миской для Котика), опять завязалась оживленная болтовня. Тарл рассказал им про свой последний визит в Чуч-Хевен, про ночные клубы и таверны, которые он тут обнаружил.

— Если хотите, когда Геб с остальными сюда прибудет, я бы вам некоторые из них показал, — предложил он. — Отплыть мы всегда успеем.

Марвуд с радостью согласился, но Ронан и Тусона с сомнением переглянулись.

— Не уверен, — пробормотал Ронан. — Мне тут как-то не по себе. Пока мы сюда из «Тяжелого рока» топали, у меня два киллера на хвосте сидели. Похоже, они в команде работают.

* Памелы — большие, искусственные на вид груди (вельбугский жаргон).

— В самом деле? — В голосе Марвуда явственно прозвучала озабоченность. — А я никого не заметил. Хотя они этого, наверно, и добивались. Это плохой знак.

— А как думаешь, когда они за дело примутся? — спросила Тусона.

— Скоро, — ответил Марвуд. — Может быть, через несколько часов.

— Тогда еще ничего, — вздохнула Тусона. — Будем здесь торчать, пока *вагинский* корабль не прибудет, а потом сразу отчалим.

— Долго нам ждать не придется, — вмешался Тарл. — Вон, смотрите.

Все они проследили за его взглядом и увидели, как знакомой формы судно скользит вверх по реке под стенами Физ-Дипила. Хотя оно было еще в двух милях от причала и казалось всего лишь пятнышком, безошибочно угадывались изящные обводы *вагинского* корабля.

— Ну вот, — сказал Ронан, — нам как раз осталось еще по кружке залудить. Того же самого?

— Ага, — хором отозвались Тусона, Марвуд и Котик.

— А мне бы минералочки, — выдал Тарл, с тоской глаза на далекий корабль, где сейчас была Гебраль.

Потрясенная тишина тянулась, должно быть, добрых полминуты, а когда Тарл отвел взгляд от гавани, то обнаружил, что на него с изумлением и недоверием смотрят четыре пары испуганных глаз.

— Да ладно, ладно, — забормотал он. — Это я так. Мне тоже пива.

Ронан подался вперед и пощупал Тарлу лоб, проверяя, нет ли у него лихорадки.

— Знаешь, больше так не делай, — сказал он. — К концу света я еще не готов.

Грустно качая головой, он взял поднос и направился к стойке, а Тарл опять повернулся к окну. Глухой к скабресным замечаниям остальных, он наблюдал за далеким кораблем, пока тот до безумия неторопливо тащился к причалу.

Через полчаса все пятеро стояли в конце деревянного пирса, который метров на пятьдесят выдавался от набережной. Марвуд с Тусоной повернулись лицом к берегу и сняли с плеч луки, высматривая любой намек на попытку Гильдии Киллеров отнять жизнь Ронана. Ронан с Котиком спокойно ожидали *вагинский* корабль, тогда как Тарл в приступе нетерпения непрерывно топтался и подпрыгивал.

Вскоре до них донесся далекий смех. Поначалу смеялась лишь пара человек, но затем все больше и больше. Смех доносился от рыбаков, чинивших сети на западном волноломе. Бросив свою работу, они пихали друг друга локтями и указывали на какой-то незаметный с пирса участок реки, спрятанный за каменной громадой волнолома. Смех был подхвачен рыбаками на кораблях, стоящих на якоре у входа в бухту, а затем, когда *вагинский* корабль пронесся вокруг конечности волнолома и повернул к причалу, заржала уже вся гавань. Даже Ронан с Тусоной не удержались и прыснули, а Котик просто сел и заревел от восторга.

Забавляло всех вовсе не то, как *вагинская* команда управляла своей галерой, ибо делала она это просто блестяще. Веселье вызывал также и не тот факт, что команда эта состояла из одних женщин, ибо все были наслышаны о подвигах Клайры и ее подруг в битве при Беломорканале. Дело заключалось в самом корабле, ибо характерная драконья голова на его носу, символ *вагинских* морских разбойников, вселявший страх в обитателей всего западного побережья, подверглась замене. Причем заменило ее отнюдь не изображение какого-нибудь свирепого и страшного зверя, а резная голова маленького пушистого грызуна с глазами навывкате, торчащими вперед зубами и решительно несуразной ухмылкой.

Торопливо перекраивая ухмылки на дружелюбное радушие, Ронан с Тусоной замахали руками, приветствуя Клайру и ее команду. Рядом с ними Тарл прыгал козлом, отчаянно пытаясь разглядеть Гебраль. На секунду ему подумалось, что она могла не прибыть, и лицо его тут же упало как свинцовое

грузило, но затем он увидел ее хрупкую фигурку на корме в окружении рослых *вагинок* и испустил приветственный вопль, который наверняка услышали в Физ-Дипиле.

Несмотря на потеху, местные рыбаки одобрительно закивали при виде того, как парус галеры свернулся в самый нужный момент, после чего она скользнула к краю пирса и почти без всякого толчка там остановилась. Тарл спрыгнул на низкую палубу и обнял Гебраль еще раньше, чем корабль закончил свое движение, а Клайра выбралась на деревянный настил пирса и подошла поздороваться с Ронаном и остальными.

— Привет, — сказала она, хватая Ронана за кисть и обмениваясь с ним воинским рукопожатием. — Гебраль сказала, что вас подбросить не помешает.

— Точно!

— Тогда особо не мешкайте. Давайте на борт.

Ронан внимательно изучил лицо Клайры. Она улыбалась, но явно была напряжена. Все ее жесты выглядели скованными и неловкими, она старательно игнорировала ближайших рыбаков, которые все еще тыкали пальцами в забавную фигуру на носу корабля и шумно потешались. Ронану страшно хотелось ее об этом расспросить, но он чувствовал, что эта тема желанной не будет.

— Как там Мартин?

При упоминании о главном *вагинском* герое битвы при Беломорканале Клайра густо покраснела.

— Плохо. Очень плохо. Мы рассчитывали пожениться, но если он еще хоть к одной дурацкой идее этого *пиллюка* — Дина прислушается, клянусь, свадьбе не бывать!

В ярости она бросила косой взгляд на пушистую фигуру на носу галеры, и в этот самый момент кто-то из рыбаков ей крикнул:

— Эй, милашка! Это что там у тебя спереди такое?

Клайра его проигнорировала, но на лице у нее выразился такой откровенный гнев, что Ронан даже шаг назад сделал.

— А я скажу тебе, что это, — проревел рыбака, и его дружки ухмыльнулись. — Это же просто...

— Хомяк это! — проревела Клайра. — Клятский хомяк, понятно? Имеется в виду, что он должен быть милым и дружелюбным, как и наша команда, но первому же, кто еще хоть слово про него вякнет, я лично язык отрежу! Усекли?

Она агрессивно подалась вперед и уставилась на рыбака, словно вызывая его на ответную реплику, а затем, так ее и не дождавшись, спрыгнула обратно на палубу.

— Плавание было так себе, — пробормотала она Ронану. — А что там такое с...

— Эй, смотрите! — вмешался Марвуд. — А вот и наши приятели!

Все повернулись и увидели, что компания из двадцати мужчин в киллерской униформе высыпала из Южных ворот и вовсю несется по набережной к пирсу.

— Не нравится мне это дело, — пробормотала Тусона. — У них у всех луки. Давайте-ка двигаться, и в темпе!

— Так быстро мы отчалить не успеем, — предупредила Клайра. — Вы сможете их задержать?

— Попробуем! — отозвалась Тусона. — Эх, клят! Ронан, Марвуд, давайте на борт! Держитесь за планширем, иначе они нас просто расстреляют!

Она быстро присела за кнехтом и уже прилаживала к луку стрелу, когда с палубы галеры донесся тихий голос Гебали.

— Ничего, — сказала она. — Я о них позабочусь.

Тусона бросила быстрый взгляд на бледное, серьезное лицо беспризорного вида девушки, обрамленное темно-каштановыми кудрями, а затем посмотрела на Тарла, который все еще крепко обнимал свою подругу.

— Давай, действуй, — гордо ухмыльнулся он Гебали. — Используй то заклинание, про которое я тебе рассказывал. Самое мое первое.

— Нет, Тарл, я не могу! Тут дело серьезное!

— Давай, давай. Никого не ранит, зато будет очень забавно!

— Клят с ним, да сделайте же что-нибудь! — вмешалась Тусона. — Они уже почти до нас добрались!

И действительно, киллеры уже достигли пирса и теперь бежали по деревянному настилу. Гебраль взглянула на них и прошептала несколько слов. Впечатление было такое, словно двадцать человек на полном ходу вбежали в болото. Они вдруг так замедлились, что фактически поползли, как-то странно волоча ноги, а на их лицах расплзлось смешанное со страхом удивление.

— Что ты с ними такое сделала? — поинтересовалась Тусона.

— Это самос заклинание я к стражнику у ворот Дур-Имара применил, — рассмеялся Тарл. — Только у Геб оно куда лучше получается. Вызывает, так сказать, мгновенное разжижение кишечника, а также полную потерю контроля над сфинктером.

— Ах ты, паршивец! Так ты хочешь сказать, они обоссались? Все до единого?

Тарл кивнул и гордо прижал к себе Гебраль, а Тусона опять стала глазеть в сторону пирса, где двадцать удрученных киллеров теперь стояли неловкой группкой, держась сзади за штаны и смущенно пересматриваясь. Поблизости несколько рыбаков громогласно возмущались, одной рукой зажимая себе носы, а другой отчаянно размахивая в тщетной попытке развеять клятски невыносимую вонищу.

Несколько секунд Тусона с недоверчивой улыбкой за ними понаблюдала, после чего спрыгнула на галеру и встала рядом с Ронаном, который уже упирался вслвом в край пирса.

— Ну как, рада, что она теперь с нами? — рассмеялся он, а затем, напрягая мышцы, мощно оттолкнул их от пирса. По громкой команде Клайры все *вагинки* дружно налегли на весла, и галера по изящной дуге устремилась прочь из гавани в мощное течение Великой реки Лено.

Тусона взяла Ронана под руку, и они стали осматривать корабль. На веслах сидели восемнадцать гребчих, со многими из которых она познакомилась во время прошлого плавания

на *вагинском* судне. Неподалеку Тарл стыдливо рассказывал Гебдали, что купил ей громадный букет роскошных цветов, но потом позорно забыл его в кабаке, а рядом с ними Котик излагал Марвуду что-то совершенно уморительное, поскольку бывший киллер оглушительно хохотал. На корме в традиционной позиции *вагинского* вожака, держась за рулевое весло, стояла Клайра.

— Гебраль сказала, что вы сперва хотите на юг направить-ся, — крикнула она. — А потом, когда нас с земли видно не будет, на север повернуть. Все по-прежнему?

— Ага, — отозвалась Тусона. — Нам нужно хорошенько следы замести.

Клайра поняливо кивнула, и Тусона взглянула ей за спину на стремительно отдаляющуюся гавань. Там происходили довольно интересные события. Рыбаки окружили группу зловонных киллеров и деловито выбрасывали их в воду, видимо, рассчитывая таким образом существенно улучшить их запах. В очередной раз ухмыльнувшись, Тусона повернулась к Ронану и прислонила голову к его плечу.

— Опять все тип-топ, любимый, — прошептала она.

Они стояли бок о бок, а галера тем временем стремительно выскальзывала из устья и поворачивала на юг в широкий пролив между материком и островом Д'Убак. Пока они неслись к открытым водам Белого моря, солнце постепенно садилось к далекому горизонту, и в конце концов все западное небо сделалось цвета свежепролитой крови.

В старом амбаре в нескольких милях к востоку от Физ-Дипила пятеро *кобратов* нашли себе кров на ночь.

Несмотря на проливной дождь, который зарядил вскоре после заката, они уютно свернулись в теплом сене. И желудки у них, благодаря местному фермеру, обеспечившему им сытный ужин, были полные. Получилось так в основном потому, что и сам этот мужчина при жизни был очень полным...

Кобраты по-прежнему были к югу от Великой рски Лено, но они отнюдь не потеряли след своего врага. Хотя они уже

выяснили, что им куда проще преследовать его по запаху, *кобраты* были специфически выведены гномскими магенетиками с одной уникальной способностью — шестым чувством, подобным ментальному комплексу, стрелка которого всегда указывала в сторону их мишени. Так что когда добыча уплыла от них на лодке вниз по течению, они направились следом, инстинктивно понимая, что идут в нужном направлении.

Вскоре после прибытия в амбар *кобраты* почуяли, что мишень начинает двигаться к югу, и это движение продолжалось в течение ночи. Однако теперь вожак стаи поднял морду от расколотой бедренной кости, которую он обглаживал, и осторожно поводил ею из стороны в сторону. Закрыв глаза, он ловил ощущение. Мишень снова изменила курс, и теперь она двигалась на север...

Смертоносная тварь открыла глаза и опять принялась за остатки фермерской бедренной кости. Спешить было некуда. В какую бы сторону их добыча ни побежала, *кобраты* будут об этом знать. Рано или поздно они ее настигнут; и тогда она загнется в их грозных когтях. Ничто не могло заставить их уклониться от намеченной цели — ни голод и холод, ни широкие реки и заснеженные перевалы. Ибо это преследование было заложено в генах каждого *кобрата*. Повинуясь воле хозяина, он обречен был гнаться за врагом, пока либо враг, либо сам *кобрат* не падал бездыханным на землю...

ГЛАВА 7

Жители таких городов, как Гутенморг, столь же цивилизованны, что и в других крупных населенных пунктах по всему Среднеземью, однако сельская местность Махона — дело совсем иное. Изоляция и родственные браки произвели в результате крестьянское население, колеблющееся от особых умственно отсталых до совершенно безумных.

К примеру, когда мы прибыли в одну махонскую деревушку, нас встретила группа людей, совершенно убежденных в том, что мы демоны. Пытаясь нас отпугнуть, они стали швыряться в нас курами. А когда мы представились и попросили, чтобы нам дали поговорить с деревенскими старейшинами, они нас в небольшую дубовую рожицу отвели...

«Примерная Хроника Махона»

Пока вагинская галера плыла на север сквозь ночь, погода медленно, но верно портилась, так что поутру они уже пробились сквозь дикий шторм. Сильнейший юго-западный ветер всю терзал парус, с немыслимой скоростью неся корабль по волнам. Проливной дождь налетал плотными завесами, и вся палуба постоянно была омыта водой. Остаться сухим не было никакой возможности, однако Ронан и другие пассажиры скрючились за планширем по левому борту, где непогода хоть самую малость обходила их стороной, и молча страдали.

Ронану казалось, он никогда еще не был таким мокрым и холодным. Вся его одежда пропиталась влагой и буквально примерзла к коже. От жуткой дрожи он перешел к тупой немоте, которая охватила все его конечности, так что он уже не чувствовал пальцев ни рук, ни ног. Ронан лежал и с восхищением смотрел на Клайру. Двумя часами раньше сменив Фьону, она безостановочно сражалась с рулевым веслом, отчаянно билась за то, чтобы корабль не сдуло с курса. Никакой защиты от стихии у нее не было, и даже завернутая в толстый плащ, она быстро вымокла до нитки. Темные волосы Клайры

развевались на ветру и били ее по плечам, а лицо ее вытянулось и побелело от холода. Восемь других членов команды цепочкой выстроились от нее по центру галеры, образуя линию связи с Камиллой, вперёдсмотрящей. Та, стоя за резным хомяком на носу, вглядывалась в лежащий впереди мрак и высматривала скрытые отмели и рифы.

С трудом поднявшись на ноги, Ронан по кривой проковылял к Клайре, пока корабль отчаянно подпрыгивал и нырял.

— Тебе помочь? — крикнул он, но ветер тут же подхватил его слова и швырнул куда-то далеко-далеко, так что ему пришлось повторить, но уже в полную глотку.

Клайра устало кивнула, и Ронан всем своим весом приналег на рулевое весло.

— Может, нам поплыть к земле и там на якоре отстояться? — крикнул он.

— Нет, — ответила Клайра, и хотя она орала во всю мочь в каком-то метре от него, Ронан едва ее слышал. — Шторм уже немного стихает. Через час мы из него выйдем.

Ронан оперся о рулевое весло и вгляделся во мрак. Пока дождь яростно по нему хлестал, а ветер швырял по его плечам мокрые дреды, он не мог не задуматься о том, что Клайра большая оптимистка. Однако она была капитаном корабля, и море составляло ее конек. Как тренированный и дисциплинированный воин, Ронан не считал себя вправе с ней спорить, так что он просто сосредоточился на том, чтобы помочь ей удерживать судно на верном курсе.

Чуть позже стало очевидно, что Клайра была права. Ветер заметно стих. Дождь постепенно слабел, а потом и вовсе перестал. Видимость медленно улучшалась, и облака посветлели. Один за другим съезжившиеся на палубе пассажиры мучительно принялись приводить себя в вертикальное положение. Они потягивались, колотили себя в грудь и топали ногами в отчаянных попытках согреться.

Теперь, когда ветер улегся, Клайра могла ясно слышать любые предупреждения от Фьоны, которая сменила Камилу на позиции вперёдсмотрящей, и необходимость передавать их

от вагинки к вагинке по всему кораблю пропала, так что остальные члены команды были поставлены вычерпывать воду, доставать из водонепроницаемых шкафчиков в середине корабля сухую одежду, проверять бочонки с пресной водой на предмет повреждения, а также выполнять мириады других заданий. Две женщины принялись распаковывать кухонные принадлежности и раскладывать сухую древесину в квадратном, выложенном плоскими камнями очаге, что был устроен в специальной дыре в палубе на полпути от мачты до кормы. Обычно разводить в открытом море огонь бывало сложно и опасно, однако со способностями Гебали все вышло куда как проще. Все наблюдали, как она бормочет несколько слов, после чего небольшая горка поленьев в очаге загорелась ровным и сильным пламенем. Над очагом тут же пристроили треножник, с которого свисал кухонный котел.

Тарл притаился туда и присел поближе к огню. Он зверски дрожал, а зубы его так стучали, что он едва мог говорить и в основном издавал лишь громкую дробь.

— П-почему бы нам к-костер п-побольше не з-запалить? — с трудом сумел вымолвить он. — С-согреться же н-нужно!

Сидящий неподалеку осел буквально уничтожил его презрительным взглядом.

— Тебе хоть клят на голове теши! — пробормотал он. — Огромный костер на борту деревянного судна! Какой светлый ум! А если тебе немного воды понадобится, ты, надо полагать, предложишь дырку в днище пробить.

Тарл сердито нахмурился и открыл было рот для ответа, но в этот момент солнечный свет пробился сквозь облака, мгновенно обращая угрожающий свинец моря в мерцающее, искрящееся золото. Хотя воздух оставался холодным, все ощутили на спинах солнечное тепло и дружно повернулись лицом к долгожданному светилу, кожей впитывая его лучи.

Держа одну руку на рулевом весле, Ронан скинул насквозь пропитавшийся водой плащ и отжал мокрую рубашку, наслаждаясь тем, как солнце проникает в его застывшие мышцы. Сырость так быстро испарялась, что от его голого торса гус-

той пар валил. Вокруг него команда Клайры занималась тем же самым. Тут Тусона, которая уже успела порыться в его рюкзаке, подошла к Ронану и протянула ему сухую рубашку.

— Вот, — улыбнулась она. — Надень. И не особо тут завидущими глазами по сторонам шарь!

Ронан ухмыльнулся и посмотрел, как там двое других мужчин из их небольшой компании. Марвуд, который так и лежал у планширя по левому борту, завернувшись в толстый непромокаемый плащ, теперь круглыми глазами разглядывал *вагинских* женщин, пока те, голые по пояс, расхаживали вокруг него по своим делам. Неподалеку от него Тарл сидел вместе с Гебралью у очага и мучительно старался не отрывать глаз от огня.

— Геб, — услышал Ронан его шепот, — мне бы... ох-х... с тобой... эх-х... про это... ух-х... дело поговорить. Ай! Про это... мм... заклинание Супружеской... кл-лят... Верности. Уй! Вот клят! Вв! Мм! Ой-й!!

Не на шутку заинтересованный, Ронан напряг слух, но ответ Гебraelи заглушила Фьона, которая все еще занимала позицию вперёдсмотрящей за резным хомяком.

— Земля! Земля по правому борту! — крикнула она.

Все тут же повернулись, чтобы лицезреть желанный вид далекой береговой линии. Они ее с самого заката не наблюдали. Скрываясь от любых посторонних глаз, способных увидеть, что *вагинская* галера в действительности плывет на север, они держались подальше в море, и теперь Галиадор предстал перед ними как далекая лиловая полоска на горизонте. Справа видны были заснеженные склоны Северных гор, чьи пики скрывали облака, от которых к востоку и северу небо еще не очистилось.

— А как далеко вам на север? — устало спросила Клайра. Она все еще цплялась за рулевос весло, и по ее виду было похоже, что она вот-вот рухнет.

— Честно говоря, не знаю, — признался Ронан. — Дальше этих гор никто из нас на север не заходил. Вообще-то нам на восток к Гутенморгу нужно.

— Но рядом с каким-то городом мы высаживаться не хотим, — добавила Тусона. — Нам бы что-нибудь потише.

— Ладно. — Клайра жестом велела Камиле принять у нее рулевое весло и принялась срывать с себя мокрую одежду. — Тогда нам лучше держаться в море и в Нехеранский залив не входить. Нехерано — достаточно оживленный порт. А обратно к земле мы тогда уже за Ахламонским мысом вернемся. Там очень тихо, и завтра на рассвете мы легко сможем вас у одной из тамошних рыбацких дересвушек посадить. А теперь, если вы не против, я часиков дватц посплю.

Ставив с себя и насквозь мокрое нижнее белье, Клайра завернулась в предложенное ей Кайтой одеяло, а затем помедлила, с тревогой и любопытством глядя на Тарла. Тот, закрыв глаза и согнувшись пополам, стонал от боли.

— С ним все в порядке? — спросила она у Тусоны.

— С ним? Да-да, с ним все хорошо. Просто ему сейчас несладко приходится, только и всего.

Ронан невольно прыснул и тут же попытался выдать это за кашель. Клайра несколько заинтригованно на него посмотрела и пожала голыми плечами. Затем она получше завернулась в одеяло, легла с подветренной стороны у планширя по правому борту и через считанные секунды заснула.

Тусона взяла Ронана за руку и воззрилась на далекие горы. Переодеться в сухое она уже успела.

— Нас ждет долгий и холодный путь до Гутенморга, — заметила она Ронану. — Клайра говорит, погода к северу от этих гор ниже среднего. Там даже снег может лежать.

— Отлично! Значит, пляжные сандалии и купальный костюм очень мне пригодятся.

— Не волнуйся, я уже с Камиллой поговорила. Они нам немного теплой одежды одолжат.

— Тогда все в порядке. Я просто пару Фьониных свитеров на себя натяну.

Тусона улыбнулась. У здорового воина ожидалось большие проблемы с тем, чтобы надеть хотя бы на голову свитер

любой вагинской женщины, но что касалось свитера малышки Фьоны, то в него он даже бицепса бы не просунул.

— Уверена, подходящий плащ мы для тебя найдем, — сказала она. — Как-нибудь перетащимся. Клайра, пожалуй, слишком мрачно на вещи смотрит. Я так прикидываю, что для снега еще слишком рано. Я даже в этом уверена. Нутром чую.

Таким образом у Тусоны получился *хет-трик* из на редкость паршивых предсказаний.

К вечеру ветер стих настолько, что команда вагинского корабля сумела установить навес, под которым они в холодную и сырую погоду спали. Солнце высушило большую часть мокрой одежды и одеял, а потому ночь у них получилась сравнительно теплая и уютная. Клайра, проснувшись на закате, снова заступила на свой пост за рулевым веслом и всю ночь уверенно вела галеру вперед. Так что когда Ронан на следующее утро проснулся, он обнаружил, что Северные горы остались далеко позади и что впереди на северо-востоке уже маячат заснеженные громады Ледяных гор.

Пока Ронан потягивался и разминал застывшие мышцы, Клайра переложила рулевое весло, разворачивая корабль к далекому берегу Махона. Хотя рассветное солнце светило на славу, она то и дело тревожно оглядывалась на массивную гряду низких черных туч, что медленно приближалась к ним с северо-запада. Ронан направился к Клайре, перешагивая через закутанные в одеяла тела все еще спящих вагинок.

— Доброе утро, — поздоровался он. — Все в порядке?

— Не нравится мне вон то изобилие, — ответила Клайра, бросая еще один взгляд на грозовые тучи. — Пожалуй, надо бы нам в темпе вас ссадить и подальше отсюда убираться.

Когда они устремились к берегу, Ронан разбудил остальных. К тому времени, как они встали и упаковали свои постельные принадлежности, вся береговая линия была уже как на ладони. На север и на юг до самого горизонта тянулись крутые утесы, однако прямо впереди они расступались, образуя небольшую песчаную бухту. В центре этой бухты

была крошечная пристань с причаленными к ней ветхими рыбацкими баркасами. Дальше виднелась кучка покосившихся хижин.

— Годится, — заключила Клайра, когда Ронан и остальные вокруг нее собрались. — Извините, что так внезапно вас ссаживаем, но на северо-западе с погодой скверные дела творятся. Если мы хотим от тех туч убежать, нам надо резко назад сниматься. Мы вас у той рыбацкой деревушки высадим. Не тревожьтесь, что селяне кому-то про вас сообщат. Они тут такие дикие и отсталые, что если вы будете с ножом и вилкой обедать, они решат, что вы с дьяволом снюхались. Идите отсюда на восток, а когда выйдете к реке, то это будет Пряшка. Следуйте по ней дальше на юго-восток и в конце концов к Гутенморгу придете. С пути не съезжайте.

Вся *вагинская* команда собралась попрощаться. Затем женщины быстро разошлись по своим местам. Клайра крикнула спустить парус и вновь, как и в Чуч-Хевене, так мастерски подвела галеру к причалу, что та едва его коснулась. Едва пассажиры спрыгнули на шаткий настил, как *вагинки* навалились на весла, и судно стремительно вышло в бухту.

Ронан немного за ним понаблюдал, а затем переключил внимание на своих спутников. Гебраль с Тарлом что-то друг другу бубнили и казались полностью друг другом поглощены. Марвуд с Котиком, которые за последние несколько дней очень сдружились, отошли в другой конец пристани и там оживленно о чем-то болтали. А Тусона, положив ладонь на рукоять меча, внимательно оглядывала деревушку. Вид у нее при этом был озадаченный.

Следуя ее примеру, Ронан пристально посмотрел на ближайшую из убогих хижин, и у него тоже возникло некоторое недоумение. Что-то здесь было не так. Вокруг царила полная неподвижность и тишина, какие обычно бывают в местах, совершенно заброшенных. Ронан принял. Несмотря на ветерок с моря, можно было различить слабый запах дыма и горелой древесины, а также еще чего-то более смутного.

Обнажив меч, он зашагал вперед. Тусона держалась рядом. Тропа от пристани взбиралась вверх по короткому песчаному склону, а затем проходила как раз между двумя передними хижинами. Пока они поднимались, привкус дыма становился все сильнее, и внезапно Ронан различил в нем другой, более смутный оттенок. Это был запах горелой, обугленной плоти.

Добравшись до верха, они осторожно прокрались между двух хижин, а там остановились и в ужасе уставились на тот вид, что перед ними открылся. Большинство других хижин, судя по всему, сгорели, но не в результате обычного пожара. Словно бы какое-то адское пламя разорвало их на куски, так что от них очень мало что осталось. Даже каменные фундаменты самых больших строений сильно растрескались. Обугленные обломки были разбросаны по небольшой деревенской площади, а в скрюченных трупах несчастных селян трудно было опознать человеческие останки.

Несмотря на свою привычку к смерти во всех ее проявлениях, Ронан почувствовал, как в горле у него поднимается тошнота. Слишком уж чудовищным было зрелище. Он почти слышал вопли охваченных огнем жителей деревушки и видел их предсмертные корчи, пока они встречали мучительный конец рядом со своими пылающими домами.

— Никому такой смерти не пожелаешь, — пробормотал он. — Кто это здесь так поработал?

— Демоны, — ответил ему хриплый, дрожащий голос. — Демоны вышли из тьмы и уничтожили нашу деревню.

Ронан повернул голову и обнаружил, что от одной из уцелевших хижин к нему приближается странная фигура. Длинная и тощая, с дикими глазами и обвисшими усами, фигура эта была с ног до головы покрыта коричневой коркой. Судя по виду и запаху, ее долго вываливали в первоклассном коровьем навозе. В трясушейся руке фигура держала помятый и зазубренный меч.

— Демоны? — переспросил Ронан. — Какие демоны?

Фигура ненадолго помедлила и задумалась.

— Ну... такие демонические, — с сомнением ответила она. — Короче, вы знаете. Такие черные, смертоносные. Да вы наверняка таких демонов знаете. Они целую кучу адского пламени с собой притащили и исчезли раньше, чем я до них добраться успел. Я все ждал, что они вернуться.

Фигура с подозрением воззрилась на Ронана, и ее безумное лицо сделалось чуть-чуть хитроватым.

— С демонами беда в том, — продолжил незнакомец, — что никогда не знаешь, в какой они личине появятся... — Затем, решительно покачивая мечом, фигура снова зашагала вперед.

Ронан осторожно попятился по маленькой площади. Тревожила его вовсе не угроза нелепого меча, а жуткий запах дерьма, от которого его еще сильнее затошнило.

— Послушайте. Меня зовут Ронан. А это Тусона. Мы воины. Мы люди, а не демоны.

— Я Чес. Чес Угрюмый, так меня здесь зовут. Вернее, звали, пока все дотла не сгорели. Значит, вы не демоны?

— Нет.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

— Надо же. Какая жалость.

Чес опустил меч, а затем бросил взгляд на Гебраль, Тарла, Марвуда и Котика, которые только-только притопали на площадь и теперь в ужасе озирались.

— А вы, ребята, не демоны?

— Нет, — ответила Гебраль.

— Я не демон, — заверил аборигена Марвуд.

— Я тоже, — добавил Тарл. — По крайней мере пока трезвый.

— И я, — не отстал от всех Котик. — Ты что, совсем мудака?

Чес изумленно уставился на осла, и радостная улыбка растеклась по его коричневой физиономии.

— Какая личина! — воскликнул он. — Просто блестяще! Клянусь, даже не ожидал! Вы, демоны, порой страшно изобретательны бываете!

И с этими словами он бросился на низкорослого осла. Меч его описал широкую дугу, готовый обрушиться на беззащитную ослиную голову. Атака вышла столь внезапной, что Ронан с Тусоной оказались застигнуты врасплох. Они лишь остолбénéло наблюдали, как меч со свистом летит вниз... и замирает в считанных сантиметрах от продолговатого черепа.

Реагируя молниеносно, Марвуд выхватил кинжал и вмешался в последнюю секунду. Его тощая фигура явно давала неверное представление о его силе, ибо он оказался способен полностью погасить мощь удара. Сперва он намертво остановил меч, а затем ловким поворотом кисти отбросил его в сторону и тем же самым движением погрузил кинжал в незащищенное горло Чеса. Дальше последовала немая сцена, и несколько секунд двигался только поток крови из перебитой сонной артерии селянина. Кровь мощным багряным водопадом била поверх руки Марвуда. Наконец Чес испустил едва слышный вздох, колени его подогнулись, и он безжизненной грудой осел на землю.

Марвуд в диком ужасе таращился на обмякший труп. Затем он отшвырнул кинжал в сторону и упал на колени. Лицо его посерело.

— Я не хотел! — вымолвил он остальным, которые с разинутыми ртами на него глазели. Примерно так пастухи могли бы глазеть на невинную, застенчивую овсчку, которая только что разорвала глотку злобному волку, нагло напавшему на стадо. — Это все тренировка. Я просто отреагировал. Я правда не хотел!

Осел вытянул морду и потыкал ею неподвижное тело, словно удостоверясь в том, что селянин мертв.

— Некоторые гуманисты сказали бы, что ты слишком остро отреагировал, — пробурчал он. — А лично я бы сказал, что клятанутый ублюдок получил свое.

После многозначительной паузы Котик мрачно оглядел четверых остальных своих приятелей.

— И еще мне интересно бы знать, — продолжил он, — что вся ваша орава тут себе думала? Какой-то псих с огромным

мечом чуть мне уши на метр не расставил, а вы все стоите тут как пугала огородные. Видал я мхи и лишайники с куда лучшей реакцией, чем у вас, банда полудурков!

Возмущенно бормоча себе под нос, осел засеменял через площадь, а Тарл с Гебралью обменялись виноватыми взглядами и поспешили за ним, без конца извиняясь. Марвуд встал, но взгляд его по-прежнему оставался прикован к труп у его ног. Наконец, с трудом оторвав от него глаза, он повернулся и слепо поплелся за остальными. Ронан с Тусоной понаблюдали, как он уходит, после чего с сомнением переглянулись.

— Он уже второй раз одному из нас жизнь спасает, — сказала Тусона. — Такой быстрой реакции я еще никогда не видела. Надеюсь, мы в нем не ошиблись.

— Нет, мы можем ему доверять, — отозвался Ронан. — Я в этом уверен. Жизнью могу поручиться.

— Между прочим, ты как раз это и делаешь...

Ронан беспечно пожал плечами, затем посмотрел в небо. Массивная гряда низких туч была уже почти над головой, и прямо у него на глазах авангард быстро затмил солнце. Мгновенно стемнело, будто кто-то задернул на небе плотные шторы, а затем к земле медленно и робко поплыло несколько первых снежинок.

— Ох-хо-хо, — вздохнул Ронан. — Не нравится мне это дело. Как думаешь, может, нам первое время поблизости хоть к какому-то укрытию держаться?

— Я так прикидываю, нам надо двигаться, — уверенно заявила Тусона. — Погода меня не тревожит. Эти облака скоро ветром раздует, а снег быстро растает. Для него еще недостаточно холодно.

Она стремительно приближалась к мировому рекорду по самым дерьмовым предсказаниям за пятидневку.

К вечеру путники прошли уже миль пятнадцать по сельской местности в глубь материка. В полдень снег перестал, и они смогли разглядеть отрог Северных гор, тянущийся к ним с юго-востока. Но теперь снег снова пошел, причем явно уд-

воив усилия, и видимость резко ухудшилась. На земле уже лежало сантиметров двадцать снежного покрова, и особенно для Марвуда в его открытых сандалиях ходьба стала совсем несладкой. Когда снегопад усилился, Ронан с Тусоной посоветовались, после чего предложили остальным поискать подходящее место для ночевки.

Через полмили они что-то такое нашли. Там оказалась небольшая, густо усеянная валунами долина. По дну ее на север бежала узенькая речушка, вдоль которой как попало росли чахлые хвойные деревья. Некоторые деревья были мертвы, и Ронан притащил стволы трех самых мелких к шести крупным валунам, расположенным в форме подковы. Отрубив ножом боковые ветки, он затем с помощью остальных водрузил стволы на валуны и перекрыл провал между ними, как это строители плотов делают. Дальше Тусона с Гебралью натянули там в качестве крыши три плащ-палатки, закрепляя их небольшими булыжниками. Ронан, Тарл и Марвуд прикатали туда еще несколько валунов, стараясь заполнить пространство между шестью первоначальными валунами и оставив лишь одну дырку в качестве дверного прохода. Затем они набросали с боков снега, чтобы совсем щелей не осталось. Снегопад уже накрывал палаточную крышу белым одеялом, и теперь у них получилось сравнительное теплое и сухое убежище, в котором все они могли удобно разместиться.

К тому времени, как они закончили, разыгрался нештучный буран и видимость упала до двух-трех метров. Тогда они по одному заползли в берлогу, и Ронан занавесил дверной проход своим плащом, перекрывая доступ холоду. Затем они прижались друг к другу, чтобы согреться, дыша на свои обветренные, замерзшие руки и ведя бессвязный разговор. Строя свое убежище, все думали, что страшно там околеют и не смогут заснуть, но уже минут через десять внутренняя температура стала довольно комфортной. Путники до смерти устали и очень скоро уже начали клевать носом. Ронан предложил, чтобы его назначили часовым, но Тусона быстро его убедила, что в такую погоду никто даже *ленката* из дома не

выгонит, и он постепенно позволил сну себя одолеть. Последним, что он, засыпая, услышал, были обращенные к ослу слова Тарла о том, что если он хоть раз в этом чудном убежище пернет, то остаток ночи снаружи проведет. Затем глаза Ронана сами собой закрылись, и он уже ничего не сознавал.

Когда Ронан проснулся, дневной свет просачивался в убежище по краям висящего взамен двери плаща. Внутри по-прежнему было тепло, однако все его мышцы немного ныли от сна в сидячем положении на твердой земле. Прислонившаяся к нему Тусона все еще спала. Рядом, свернувшись калачиком и положив голову на ослиный бок, дремала Гебраль. А вот никаких признаков Тарла и Марвуда не наблюдалось. Затем Ронан услышал доносящийся снаружи смех. Тогда он подался вперед, чтобы сдернуть плащ с дверного прохода. Тусона рядом с ним тут же зашевелилась, открыла глаза и стала потягиваться. Дневной свет хлынул внутрь, и они выглянули в мир, который оказался почти на полметра засыпан снегом.

С открытым дверным проходом смех стал громче, но Ронан по-прежнему той парочки не видел. Однако непосредственно перед убежищем снег был рыхлым и неровным, и в нем были пропаханы две длинные, широкие борозды, в которых местами проглядывала голая земля. Борозды эти сперва показались Ронану смутно знакомыми, а затем в голове у него что-то щелкнуло, и детское воспоминание встало на место. Примерно такие борозды обычно получались, когда кто-нибудь снежный ком по земле катил.

— Просто не верится! — пробормотал Ронан. Затем он освободился от одеяла, выполз наружу и встал там, озираясь.

Всюду, куда ни посмотри, лежал снег, покрывая землю плотным белым одеялом, хотя с неба он уже не падал. Единственное исключение составляла тонкая темная линия речушки, что по-прежнему струилась по дну долины. Чуть выше по склону Тарл с Марвудом возились в снегу. Налагая завершающие штрихи на пару больших снеговиков, они по-детски смеялись и хихикали.

Ронан все еще недоверчиво качал головой, когда позади него в дверном проходе появилась Тусона.

— Ты только на эту парочку посмотри! — сказал он ей, когда она встала рядом и набросила ему на плечи одеяло.

— Боги мои! — рассмеялась Тусона. — Видел бы совет «Оркоубойной» знаменитую компанию страшных убийц, которая на него ополчилась. Эти старперы ночью бы спать не смогли. От смеха.

Они стали пробираться сквозь снег вверх по холму и вскоре поняли, что только одну из двух снежных фигур можно было назвать снеговиком. Другая совершенно определенно была снежной бабой — причем бабой хоть куда.

— Эй, Марвуд! — крикнула Тусона. — Это ты кого-то из своих знакомых изобразил?

Марвуд виновато на них покосился.

— Ах, извините, — пробормотал он, явно стыдясь впечатляющего бюста снежной бабы. — Я немного увлекся.

Ронан с Тусоной добрались до снеговика, которого все еще мастерил Тарл, и, не веря своим глазам, застыли на месте.

— Тарл, паршивец, а это еще что такое? — возмутилась Тусона.

— Снеговик.

— Я вижу, что снеговик. Он явно мужского пола. Но разве нужно было его таким возбужденным лепить?

— Это у него от холода.

— А что там за два комка под этой штуковиной? — спросила Тусона.

— Снежки. Случайно туда залетели.

Тусона ухмыльнулась и быстро слепила еще один снежок, который она затем швырнула точнехонько в Тарла. Снежок разбился о его подбородок, осыпая Тарла пушистыми фрагментами. Когда он беззлобно выругался, все остальные дружно расхохотались. Тогда Тарл тоже нагнулся и прихватил хорошую пригоршню снега, после чего на склоне едва не разразилась настоящая снежная баталия. Но тут Ронан внезапно схватил Тусону за руку.

— Погодите! — воскликнул он. Последовала внезапная тишина, когда все остальные недоуменно на него уставились, а он стал внимательно смотреть в небо. Мощная гряда темных облаков снова накатывала с северо-запада. Буквально на глазах стало темнеть, и вскоре крупные снежинки лениво поплыли вниз, тяжело оседая на землю подобно разжиревшим купцам, опускающимся на любимый диван после сытного обеда из десяти блюд.

— Нам лучше двигаться дальше, — заключил Ронан. — Если снегопад будет продолжаться, надо бы нам подходящее убежище себе найти. Иначе мы тут просто до смерти околеем.

Хотя и несколько удрученные, все с этим согласились и мрачно зашагали обратно к убежищу. А оттуда, дико зевая и моргая заспанными глазами, как раз вылезли Котик с Гебraelью. Они тут же начали сворачивать лагерь, сметая снег с крыши убежища, чтобы снять плащ-палатки. Не прошло и десяти минут, как они уже упаковались и были готовы пуститься в дорогу.

Хотя снег теперь валил густой и тяжелый, казалось теплее, чем днем раньше, ибо ветер совершенно улегся. Ронан шел впереди. Сперва он проложил дорогу по склону холма, а затем направился на восток по пересеченной сельской местности. Ему не было слышно ни звука, кроме нежного хруста снега под ногами, да еще его собственного дыхания, усиленного капюшоном плаща, который он поглубже натянул себе на голову.

Через пару часов Ронан понял, что пересеченная местность превратилась в гладкую равнину. Видел он теперь не дальше, чем на несколько метров в любом направлении, ибо снегопад стал густым до невозможности и прекращаться явно не собирался. Однако земля была монотонно-ровной, и там даже мелких канавок не попадалось. Вместо того чтобы сверху наступать на снежный покров, Ронан теперь сквозь него прорывался, а остальные растянулись в цепочку позади него, пользуясь преимуществом той тропы, что пропахивали его здоровенные ножищи. Первым шел осел, на спину которому,

уберегая его от холода, друзья набросили одеяло. За ним следовал Марвуд, а дальше Тарл, Гебраль и Тусона. Уже больше часа все молчали как рыбы, сберегая дыхание для ходьбы. Каждый из них уже уяснил, что это вовсе не тот приятный, живописный снегопад, какой обычно бывает мягкой зимой в Галиадоре или Галкифере. Не был он похож и на обильные снежные осадки на одном из горнолыжных курортов неподалеку от Высокого Мануаля или Гоблинвиля, где всякий раз, как замерзнешь, ты мог заглянуть в отель и принять горячую ванну, после чего откусать вкуснейший обед и самую малость налимониться. Здесь был дикий север, где зимой снег тяжелый, климат морозный, а никаких отелей просто не существует. Им нужно было самим заботиться о себе, в темпе искать убежище — или ложиться и протягивать ноги.

Ближе к вечеру заметно похолодало. Задул морозный ветер, для которого их одежда была все равно что масло для ножа. Снег валил по-прежнему. От голода у всех сосало под ложечкой, но Ронан продолжал двигаться дальше, ибо остановиться было просто негде. Весь их мир теперь состоял из нескольких квадратных метров ровной заснеженной земли. Только его и было видно в сумятице кружащихся хлопьев. Зажатыми в отчаянно трясущихся пальцах ножами путники отхватывали куски сушеного мяса из своих припасов и прямо на ходу их жевали.

Пока день клонился к вечеру, усталость начала брать свое. Тарл с Гебралью шатались и с виду готовы были вот-вот рухнуть. Ронан отчаянно озирался, выискивая хоть самый отдаленный намек на убежище, но тщетно. Видимость стала совсем скверной. В конце концов он остановился посоветоваться с остальными и стал ждать, пока они до него доковыляют и выстроятся кружком. Тусона, как и он сам, порядком вымоталась и тяжело дышала, но все же была достаточно подготовлена, чтобы при необходимости топать еще хоть целую ночь. Низкорослый осел был насквозь мокрый и холодный, но некротимый огонь горел в его глазах, и он вообще готов был хоть целую вечность семенить вслед за Ронаном. Марвуд тоже

еще далеко не выдохся, ибо киллерская подготовка сделала его куда крепче и сильнее, чем могло показаться. Ноги его, однако, очень страдали, хотя ему и удалось поверх своих привычных сандалий обвязать их парой *вагинских* кожаных жилетов. А вот Тарл с Гебралью страшно измучились от холода и усталости. Для них прогулка очень скоро могла закончиться.

— Послушайте, — прокричал Ронан. — Нам надо найти, где укрыться. Есть идеи?

Тусона и Марвуд устало кивнули, но остальные лишь тупо на него воззрились.

— Как думаешь, где мы? — спросила Тусона.

— Не знаю. До Пряшки мы еще не добрались, а карту этого района я никогда не видел. Река может быть в двадцати метрах или в двадцати милях. Если бы я знал, что такой ранней зимой мы столько снега получим, я бы Клайру поподробнее расспросил.

— Геб, а ты со своей магией ничего сделать не можешь? — спросила Тусона.

Услышав свое имя, Гебраль вздрогнула. Затем глаза ее сосредоточились на Тусоне, и она едва заметно помотала головой. Лицо ее было еще блей окружающего пейзажа, и она неудержимо дрожала.

— Совсем ничего?

— Послушай, на каждое заклинание уйма энергии требуется, — вмешался Тарл, и все тут же принялись отчаянно напирать слух, такой неразборчивой от непрерывного стука зубов была его речь. — Геб, пожалуй, сможет прямо здесь, в снегу, приличный костер соорудить, но у нее это столько сил отнимет, что через несколько минут она до смерти замерзнет. Тогда костер погаснет, и ничего нам это не даст.

— Погоди... — пробормотала Гебраль. — Я могу... — Тут ее глаза закатились, и она безжизненно обмякла на руках у Тарла, который едва сумел ее удержать и не дать ей развалиться в снегу.

— Геб! Нет! — Отчаянный крик Тарла быстро унесся по ветру, но прежде чем он успел вымолвить еще хоть слово,

веки Гебрали затрепетали, а ее пальцы слабо вцепились в руки Тарла.

— Прости... — выдохнула она. — Я сейчас...

— Что случилось?

— Мыслепоиск... есть здание... большое... в миле к северо-востоку... больше ничего не узнать... сил нет...

И она снова обмякла на руках у Тарла, но на сей раз он уже был к этому готов.

— В миле? — резко переспросил Ронан. — Тарл, сможешь дойти?

— Если там выпивка будет.

— Тусона?

— Нет проблем.

— Марвуд?

— Всегда готов.

— Котик?

— Не-е, я лучше тут останусь и солнечную ванну приму.

«Обязательно кто-нибудь выпендрится, — подумал Ронан, стараясь не улыбнуться. — И вечно это клятское четвероногое». Подхватив Гебраль на руки, он развернулся лицом к тому, что показалось ему северо-востоком, и, бормоча молитву Крантусу, принялся пропахивать глубокие сугробы, а остальные последовали за ним. Ветер дул теперь прямо в лицо, а грубый зернистый снег зверски колот открытую кожу вокруг глаз. Но Ронан тащился дальше, хотя его ступни совсем онемели, а все мышцы ныли. Мысленно он на чем свет стоит ругал себя за то, что привел своих друзей в такое опасное место.

— Еще немного, — пробормотала Гебраль из складок своего плаща, и Ронан вздрогнул, внезапно осознав, что чуть было не заснул прямо на ходу, машинально прорываясь сквозь снег и ничего перед собой не видя. Он на секунду помедлил и оглянулся, убеждаясь, что позади по-прежнему плетутся четыре заснеженные фигуры. Затем он взял чуть на север и потащился дальше.

Хотя он уже потерял всякое представление о времени, надо полагать, примерно четверть часа спустя Ронан смутно осоз-

нал, что никакого снега перед ним больше не падает. В полном недоумении он остановился, а затем его вконец замерзшие мозги внезапно снова раскошегарились, и он понял, что газеет на каменную стену. Составленная из крупных серых кубов, она тянулась вверх по меньшей мере метров на пять, а также убегала во тьму по обе стороны. Тогда Ронан повернул налево и поплелся вдоль стены на север, преодолевая скопившиеся возле нее сугробы. Наконец он споткнулся о единственную каменную ступеньку, поднял голову и понял, что стоит перед большой двустворчатой дверью из темной сучковатой древесины, усеянной черными металлическими заклепками. Стена бесшовно сливалась с большим зданием из того же серого камня, и по обе стороны от двери два ряда забраных ставнями окон слепо таращились в ночь.

Радость буквально захлестнула Ронана. Осторожно поставив Гебраль на ноги, он подождал, пока остальные его догонят, тем временем внимательно изучая здание. Ни единого лучика света не вырывалось из щелей в оконных ставнях, и ни единого следа не было заметно на снегу перед дверью. Ронан напряженно прислушался, но ничего, кроме собственного хриплого и затрудненного дыхания, не услышал. Здание казалось совершенно заброшенным.

Первым до него добрался осел. Где-то по дороге он потерял свое одеяло и теперь трясся как в лихорадке. Шкура его сперва вымокла и растрепалась, а потом замерзла, в нее набился снег, так что теперь Котик смахивал на большого мороженого дикобраза.

— Котик! С тобой все в порядке? — тревожно спросил Ронан.

— Меня все призраки мучают, — дрожа, отозвался осел. — То и дело огромная миска с тушеным мясом является. Причем не просто огромная, а клятски огромная. Тролльского размера. Seriously тебя предупреждаю, если кто-то в этом заведении мне морковку предложит, я ему живо ногу оттяпаю.

Лицевые мышцы Ронана попытались изобразить улыбку, но тут же обнаружили, что кожа, их покрывающая, крепко-

накрепко замерзла, и бросили попытку. Наконец притащился Марвуд. Позади него Тусона помогала Тарлу, который совсем с ног валился. Тарл с Гебралью обнялись и встали, невесть как друг друга подпирая. Тогда Ронан протянул руку, чтобы погладить накрытую капюшоном голову Тусоны. Затем он потянулся себе за спину и вытащил меч, после чего, подойдя к двери, как можно громче рукоятью меча в нее забарабанил.

Они ждали довольно долго, но ничего не происходило. Не было слышно ни звука, и тишина покрывала все вокруг одеялом не менее глубоким и удушливым, чем снег. В головах у всех возникла одна и та же пугающая мысль... «Что, если это место заброшено? Что, если мы туда не попадем?» Ронан во второй раз побарабанил по двери и отступил. Опять словно бы целую вечность ничего не происходило, но когда всех уже начало охватывать ползучее отчаяние, глазок в двери открылся, и наружу просунулся лучик желтого света. Кто-то быстро их изучил, затем последовало глухое восклицание, и глазок снова закрылся. Наконец стало слышно, как внутри отпирают могучие засовы, после чего правая створка двери со скрипом растворилась, и путники ввалились внутрь.

Они оказались в просторной, выложенной каменными плитами прихожей, где не было решительно никакой мебели, если не считать грубой деревянной скамьи с высокой спинкой вдоль левой стены. Прихожая была жутко холодная, колотун там был почти такой же, что и снаружи, а единственным источником света служила свеча в руке того человека, который их впустил.

На нем был темно-зеленый балахон из грубой материи, а на ногах — простые сандалии. На вид ему было лет сорок, однако волосы его уже поседели, а на макушке была выбрита тонзура. Веяло от него какой-то усталостью. Мужчина с терпеливым участием наблюдал, как путники стряхивают со своей одежды снег и лед, а затем, когда все они опять обратили свое внимание на него, заговорил:

— Приветствую вас, достойные путники. Добро пожаловать в Монастырь Непрестанного Старания. Мы — братство

Вечного изнурительного труда, а меня зовут брат Жернов. Владеем мы очень немногим, ибо жизнь членов нашего ордена посвящена тяжелой физической работе, но то немногое, что у нас есть, мы охотно с вами разделим.

Хотя путники и нашли долгожданное убежище, настроение у них от таких речей порядком испортилось. Когда дверь только-только открылась, они было воспарили духом, и в головах у них промелькнули образы раскаленных очагов, горячей пищи и теплых, удобных постелей, однако реальность в виде мрачной прихожей и холодка от сырых каменных стен мигом опустила их с небес на землю.

— Сердечно благодарим вас, брат Жернов, — ответил Ронан. — Мы путники, направляемся к Гутенморгу, но мы сбились с пути в буране. Если бы могли найти здесь убежище, пока буран не уляжется, мы были бы у вас в неоплатном долгу. А затем, быть может, вы смогли бы указать нам дорогу.

Монах с сомнением покачал головой:

— Вряд ли я смогу указать вам дорогу, ибо уже двадцать лет я не покидал монастыря. Однако, может статься, брат Трудяга или брат Кропотливый ее знают. А теперь следуйте за мной.

Повыше подняв свечу, он открыл простую деревянную дверь в дальней стене и повел их по темному узкому коридору. Ронан шагал рядом с ним, а остальные тащились позади, напрягая последние силы, чтобы ковылять по холодному каменному полу.

— Быть может, кто-то из братьев сможет завтра нас проводить, — отважился Ронан, однако брат Жернов с сомнением поджал губы.

— Вряд ли у них будет время, — ответил он. — Ибо завтра у нас День нескончаемых многотрудных занятий и очень многое предстоит сделать. Дальше будет День непосильного напряжения, а потом День неустанных забот.

Он провел их через дверь в конце коридора, за которой оказалось что-то вроде большой трапезной. Там, если уж на то пошло, было еще мрачнее и холоднее, чем в коридоре. Ряд

простых столов на козлах тянулся по центру, а по обе стороны от них стояли крепкие деревянные скамьи. Через окна в дальней стене было видно, что буран все еще не унялся, хотя обзор сильно затрудняли высокие кучки снега на подоконниках. Ветер свистел под плохо подогнанной дверью в боковой стене помещения, задувая туда снег, который даже не таял, а просто лежал у двери подобно белому половику.

— Видите ли, — продолжил брат Жернов, подводя их к двери в дальнем конце трапезной, — тяжелый труд составляет наше призвание, так что мы переименовали дни недели более подобающим образом. Но идемте. Вы, очевидно, нуждаетесь в небольшом отдыхе.

Помедлив перед дверью, монах оглядел пятерых жутко продрогших, смертельно уставших и капитально расстроенных путников. Он мог бы поклясться, что кто-то пробормотал ему странный совет насчет того, куда ему свою морковку с помидорами сунуть, однако в этот момент на него смотрел только низкорослый бурый осел. Остальные путники, похоже, совсем потерялись в своих скорбных, пессимистических раздумьях.

— А посему, — добавил он, — может статься, совсем неплохо, что вы прибыли сюда в День легкой приборки, когда мы самую малость расслабляемся после недельных трудов. Добро пожаловать в Общую залу. — Тут брат Жернов улыбнулся и открыл дверь. Оттуда буквально хлынул яркий свет и приятное тепло. Путники с разинутыми ртами уставились на открывшуюся им внутри сцену.

Метров десять в длину, Общая зала ярко освещалась парой массивных канделябров в каждом конце. Толстые бархатные шторы наглухо закрывали окна, а каменные полы были устланы мягкими ворсистыми коврами. Мощный костер ревел в большом очаге по левой стене, а в другом конце помещения находилась массивная металлическая плита, на которой вовсю булькали горшки и шипели сковородки. Целая свинья вращалась на вертеле над огнем. Капающий с нее на пламя жир аппетитно шипел, и от запаха жарящейся свинины у пут-

ников мигом слюнки потекли. На стульях и кушетках привольно отдыхала добрая дюжина монахов, причем все они держали в руках кувшины и кружки с чем-то подозрительно похожим на пиво. В воздухе висел гул праздной беседы, а также запах трубочного табака и аромат горячего масла.

Друзья забрели в залу и остановились, смущенно оглядываясь и странным образом чувствуя себя не в своей тарелке.

— Проходите, — сказал брат Жернов. — Брат Горбатый сейчас вам кружки подогретого эля принесет. Еда примерно через полчаса подоспеет. Свинья почти поджарилась, и брат Холестерин уже овощи готовит.

Тут все они обратили внимание на жирного, радостного монаха, который стоял у плиты, проверяя температуру здоровенной, щедро политой маслом сковородки. Прямо у них на глазах он высыпал туда целое ведро нарезанных на ломтики помидоров. Масло тут же зашипело, забулькало, и восхитительный запах кроваво-красных ломтиков смешался с ароматом жарящейся свинины.

— Он, часом, не настоящий? — с кривой ухмылкой спросил Тарл.

Брат Жернов повернулся и наградил его дружелюбной улыбкой.

— О нет, — сказал он. — Брат Холестерин просто наш спец по здоровому питанию.

И тут все они внезапно почувствовали себя как дома.

Далеко к югу оттуда, на берегу реки Имар, старый перевозчик как раз отвязывал швартов своей жалкой, потрепанной лодчонки, собираясь отправиться домой и заночевать, когда какое-то потустороннее шипение буквально приковало его к месту. Резко оглянувшись, перевозчик узрел пять высоких, гибких существ, что плавно скользили к нему по склону. Их темная шерсть блестела под лучами вечернего солнца, а длинные хвосты дергались позади, пока они бежали на задних лапах — почти как люди, но гораздо быстрее. Несколько мгновений перевозчик стоял столбом, а затем первая из тва-

рей запрокинула страшную голову, и из ее пасти, которая казалась слишком уж переполнена острыми зубами, опять вырвался какой-то свистящий вой.

Дико вскрикнув от страха, перевозчик вытолкнул лодку в реку и тут же в нее бросился. Немного побарахтавшись на дне, он затем все же уселся на банку, вставил весла в ключины и отчаянно погреб вверх по реке. Руки его очень скоро заныли от чрезмерного усердия. У него за спиной существа быстро добрались до берега и, не останавливаясь, бросились в реку, но, к невероятному облегчению старика, они на него никакого внимания не обратили, а вместо этого поплыли к северному берегу. Тут же бросив грести, он, тяжело дыша, оперся о весла и стал наблюдать, как твари стремительно доплыли до берега и без труда на него выбирались. Там они на мгновение помедлили, отряхиваясь по-собачьи, и лучи закатного солнца заиграли на целой туче мелких брызг. А затем пять жутких тварей понеслись на север по гладкой равнине Галиадора к далеким пикам Северных гор. Тогда, опустив лицо на ладони, перевозчик вознес благодарственную молитву всем мыслимым богам за то, что они не сделали его той добычей, за которой эти кошмарные существа гнались.

ГЛАВА 8

Вчера на Идуинском Кубке гладиаторов, который в эти дни проходит на Мареманской арене, был день полуфиналов. В первом поединке фаворит, Рабак Южанин, выступал против Грольда Одноглазого. Схватка закончилась на удивление быстро, когда Рабак отрубил своему противнику ногу, после чего Грольд выскользнул из седла, и конь поволок его по арене. Итак, одна нога Грольда теперь на земле валяется, а вторую ему по просьбе зрителей протянуть пришлось. В другом полуфинале Саргаль из Забадая быстро одолел Франго Старшего, а затем отрубил ему голову, насадил ее на обычные садовые вилы и пронес по краю арены. Такой его жест был с невероятной теплотой встречен переполненным стадионом. А Франго теперь не иначе как голова садовая...

Газета «Южноидуинские ведомости»

Фециант понаблюдал, как победоносный гладиатор шагает по раскаленному песку Мареманской арены, а затем отвернулся от затененного окна. После ослепительного солнца снаружи в прохладной комнате с мраморным полом, которую представляла собой специальная ложа корпорации «Оркоубойные мечи», казалось чуть ли не темно.

— Серьезный боец этот Саргаль, — заметил он Волкодаву, который стоял у него под боком. — Скажи агентам — пусть попробуют его нанять. — Тут он сделал паузу и оглянулся на трех других членов совета «Оркоубойной», которые в этот раз делили с ним ложу. — Распорядись, чтобы подали кареты, — добавил он. — Нам уже пора.

Волкодав кратко кивнул и вышел за дверь, а Фециант уселся в одно из удобных кожаных кресел и мрачно воззрился на своих компаньонов. За последние годы он так привык единолично принимать все важные решения, а потом обращаться к пяти остальным лишь за формальным одобрением, что совершенно не заметил стирания в них всех тех качеств, которые в свое время привели их в совет. И вот теперь, когда его планы самым скверным образом нарушались и он искал у них помо-

щи и поддержки, им нечего было ему предложить. Чувство у Фецианта при этом было такое, будто он шел в темноте по лестнице и ошибся в подсчете ступенек. Ставишь ногу, ожидая, что там что-то есть, а там одна пустота...

Холдей и Скороед стояли бок о бок в одном конце длинного окна, тупо уставившись на арену. До Фецианта вдруг дошло, что мысленно они все еще пережевывают обезглавливание проигравшего гладиатора, смакуют всю эту бойню. Позади них Зарванец уже отбуксировал свою громоздкую тушу от окна и теперь патрулировал буфетный столик. Фециант с отвращением наблюдал, как этот жирный ублюдок набивает свою ненасытную утробу *волованами* и слобными булочками, ни на секунду не прерывая при этом обращенный в пустоту монолог по поводу обещаний и методов его последнего диетолога.

Этот пунктик с диетологами появился у Зарванца несколькими неделями раньше, когда после многомесячных поисков он наконец-то нашел специалиста, который пообещал, что он сбавит вес, никак не ограничивая приема пищи. Называлось это у него «С-диетический план». Лишь долгое время спустя выяснилось, что под буквой С имелся в виду солитер. Как впоследствии разузнал Фециант, этот шарлатан скормил Зарванцу немного полусырой свинины, так что через несколько недель в брюхе у Зарванца уже проживал взрослый, вполне дееспособный солитер, который отбирал у него дополнительные калории. К несчастью для этого диетолога, пища Зарванца была так богата холестерином и насыщенными жирами, что солитер оказался не способен ее переварить и скончался от тяжелого тромбоза артерий. Это был первый случай провала «С-диетического плана», и диетологу срочно пришлось выдумывать что-то еще. Однако он не пал духом и в темпе изобрел план под названием «Диета двадцати камней». Он убедил Зарванца проглотить двадцать крупных камушков в расчете на то, что они наполнят его ненасытное брюхо и он станет меньше есть. К несчастью, после кормежки полусырой сви-

ниной у Зарванца развилось острое пищевое отравление. И так получилось, что на своей последней консультации по поводу «Диеты двадцати камней» он неожиданно вытошнился. В результате диетолог оказался до смерти забит камнями. И поделом ему, решил тогда Фециант. Сам он уже давно и твердо уверился в том, что если у кого-то в конце профессии стоит «олог», то этот человек — полный мудозвон. Сексолог, астролог, нарколог, эколог, филолог, политолог — все эти люди были абсолютно пустой тратой времени и пространства.

Фециант как раз думал, кого бы еще добавить к этому списку, вспомнил косметолога, но тут в комнату торопливо вошел Волкодав. Вид у него был крайне озабоченный. Фециант даже пару шагов ему навстречу сделал.

— Кареты сейчас будут, господин, — пробормотал слуга. — А еще прибыл гонец с вестями от наших шпионов в Чуч-Хевене.

— И что? — поторопил его Фециант, но лишь после того, как огляделся и увидел, что их не подслушивают.

— Ронан, Тусона и двое других четыре дня тому назад вошли в город. Когда они сажались на борт *вагинского* корабля, их атаковали двадцать членов Гильдии Киллеров, но всех их какая-то подружка Ронана отвадила. У нее, если цитировать нашего человека в Гильдии, клятской магической силы больше, чем за клятский год десятью клятами обстучишь. Простите, господин, но этот наш агент был сильно взволнован. Так или иначе, Ронан сел на *вагинский* корабль и на юг поплыл.

— На юг, говоришь? Клят! Да ведь от Гацких островов, где эти *вагины* окопались, всего день пути до моего поместья! А Крюгер был в числе тех киллеров?

— Нет, господин, все они были членами Чуч-Хевенского филиала. А о Крюгере до сих пор никаких вестей. Однако на одном из двух мужчин, что пришли с Ронаном, была киллерская униформа. Но это был не Крюгер.

Фециант сел и принялся грызть костяшки пальцев. И так, Ронан сюда направлялся. Новость была, мягко говоря, тревожная. Хотя *кобраты* или Гильдия Киллеров должны были в

конечном итоге его достать, совету «Оркоубойной» от этого было бы мало радости, если бы ужасный воин к тому времени тут с ними разобрался. И что там за клятство с Крюгером? Его самого, часом, не замочили? Фсциант произнес быструю молитву любому из богов, кто его в тот момент мог слушать, прося, чтобы магистр-киллер случайно на *кобратов* не напоролся...

— Вот что, Волкодав, — пробормотал он, — думаю, будет мудро, если члены совета, так сказать, ненадолго исчезнут. Свяжись с Шекелем и Шнобелем, скажи им, что завтра в три будет собрание совета. Пожалуй, настало время воспользоваться любезным предложением Аминазина и лаборатории Темных Гномов навестить...

В Научно-Исследовательском Центре Тарарама Аминазин стремительно обнаруживал, что исполнять обязанности директора вовсе не так легко, как ему казалось. Готовя убийство Нафталина, он думал, что это положит конец всем его затруднениям, что тогда он сможет запустить массу экспериментов в интереснейших и ранее запрещенных областях исследования, что он будет способен наладить должное их продвижение, позаботиться о том, чтобы их не сковывали ограничения столь сомнительные и ненаучные, как безопасность, приличия и мораль.

К несчастью, должность директора влекла за собой нечто куда большее, чем просто надзор за исследованиями. Всякий раз, как у подчиненных возникала какая-то проблема, они тут же приходили ее решать.

В результате последние несколько дней Аминазин большую часть времени суетился без толку, пытаясь разобраться с такими ничтожными мелочами, которые он до этого, будучи всего лишь главой отдела, считал ниже своего достоинства.

Взять хоть самый последний пример. Стоило ему только подумать, что он может наконец-то провести несколько минут в лаборатории Магенетики и проверить результаты осо-

бенно интересной программы скрещивания*, как на него обрушились сразу три разные проблемы. Во-первых, из Отдела Физики жаловались, что им срочно требуется уйма медной проволоки, а Алхимия вообще отказывается им ее давать, говоря, что медная проволока на деревьях не растет и что эти физики за спиной у алхимиков вечно всякие гадости про них болтают, так что пусть не то что на медную проволоку, но даже на клят свиный от Алхимии губу не раскатывают. Во-вторых, часть лаборантов из Отдела Магнетики в ультимативной форме заявили, что они отказываются входить в Виварий до тех пор, пока там кусачих насекомых не выведут. Хотя на первый взгляд это заявление могло показаться тривиальной жалобой ничтожных нытиков и профанов, Аминазину пришлось принять его всерьез, ибо упомянутые кусачие насекомые были также результатом трудов Отдела Магнетики. Некоторые из них достигали полутора метров в длину, имели соразмерные зубы и в случае неосторожного обращения запросто могли руку отхватить.

Однако самая серьезная и тревожная жалоба поступила от делегации ученых, которые решили озвучить свое недовольство в связи с проведением экспериментов на живых и разумных существах. Поскольку научные экспедиции оказались еще успешней, чем ожидалось, клетки для экспериментальных животных были теперь полны людей, орков и даже случайных эльфов. Аминазин издал общий приказ для всех отделов, вовлеченных в приоритетные проекты, в котором потребовал всячески позаботиться о том, чтобы все эффекты воздействия их проектов на разумные существа были в полной мере изучены. Другими словами, захваченные в плен орки и люди оказались доступны для экспериментов. В глазах Аминазина и его непосредственного окружения это была логическая необходимость. Приоритетные проекты финансировались покровителями, которые были заинтересованы в использовании

* Имеется в виду программа скрещивания «золотого козла» с браннанским дойным слоном. Аминазин надеялся получить слона с золотой шерстью, но получили они вместо этого от дойного козла молока.

полученных результатов в сфере войны и производства оружия, а поскольку оружие вообще-то предполагается применять к разумным существам, имело смысл проводить эксперименты именно на таких объектах, а не на лабораторных животных. Однако поразительное число гномских ученых считали это в корне неверным и без конца жонглировали такими словечками, как «этика» и «мораль». Аминазин, который всегда полагал, что мораль — это вид вредного грибка, испытывал колоссальные сложности даже с простым пониманием их недовольства, не говоря уж о какой-то солидарности с ним.

Устало распахнув дверь своего нового кабинета, директор доплелся до стола, отмечая, что за время его отсутствия кто-то сгрузил в корзину для входящих бумаг еще одну толстую пачку документов. Он подтянул к себе самый верхний и увидел, что это запрос Отдела Медикаментов на новую кофеварку, мотивированный тем, что Машины и Механизмы забрали у них старую и наотрез отказываются возвращать. К запросу была прикреплена записка от Машин и Механизмов, где говорилось, что они вернут кофеварку, если Медикаменты возместят им тот бочонок пива, который они шесть месяцев тому назад у них позаимствовали. А в самом низу записки карандашом было накорябано, что они получают свое клятское пиво, если вернут те клятские кухонные весы, которые они два клятских года тому назад за клят да ни клята зажилили.

Качая головой, Аминазин тяжело осел в кресло. Он уже тянул на себя нижний ящикек стола, в котором у него хранилась заветная бутылочка «Блин санцедара», но тут раздался стук в дверь, и в директорский кабинет просунулась голова Азалептина.

— Ты занят? — спросил он у брата, даже не подозревая о том, насколько близка его голова к тому, чтобы в нее кварцевая резная бутылка полетела.

— Нет. Нет-нет. Вовсе нет. А что, у кого-то из ведущих научных сотрудников любимую погремушку сперли?

— Нет. Речь о наших покровителях. О совете «Оркоубойной». Они хотят как можно скорее сюда прибыть и осмотреть

лаборатории. Кроме того, они хотят здесь ненадолго остаться. Ты можешь с ними переговорить?

С тяжким вздохом Аминазин захлопнул ящичек и встал.

— Разумеется, — прорычал он, напроочь забывая о том, что сам же их и пригласил. — Почему бы и нет? Пусть также друзей и родственников с собой захватят. Зададим здесь классную вечеринку, ага? Устроим всем выходной. Нет, пусть будет целая неделя выходных. Все равно здесь никто, кроме меня, даже палец о палец ударить не желает, так какая, на клят, разница?

И с этими словами Аминазин бросился вон из кабинета, оставляя своего брата таращиться ему вслед удивленными глазами почтового голубя, который, услужливо доставив куда следует привязанный к его ноге небольшой контейнер с запиской, внезапно обнаруживает этот контейнер засунутым в не самую приятную часть своей анатомии до смерти раздосадованным адресатом.

В тот день Аминазин был не единственным рассерженным и возмущенным гномом в Тарараме. Если бы в тот день проводился конкурс на звание самого недовольного, в борьбе за второе место у него конкурентов бы не нашлось, однако первое ему как пить дать пришлось бы уступить. Ибо один гном был еще более раздосадован, чем Аминазин, и этим гномом был Фенамин. Он сочился возмущением еще с тех самых пор, как прибыл обратно из Гутенморга — и тут же предстал перед дисциплинарным комитетом по обвинению в нарушении субординации, неуважении к начальству, неповиновении приказам, а также бритье бороды. Вообще-то Фенамин ожидал, что у него возникнут определенные проблемы, ибо бритье бороды было беспрецедентным актом бунтарства с тех пор, как тремя поколениями раньше Финансин Эксцентричный своими странными поступками бросил вызов всему гномскому обществу. Однако Фенамин не с бухты-барахты такое бесчинство учинил; оно состав-

ляло часть его плана, ибо Фенамин был гномом идейным, гномом с собственной целью.

Еще с детских лет его совершенно завораживала юмористика. Самым ранним воспоминанием Фенамина была его же острота, которая заставила его родителей в полном недоумении на него смотреть, зато вызвала приступ дикого смеха у его дядюшки Вазелина. Вазелин был пухлым, смешливым гномом с длинной белой бородой, за которой таилось множество его подбородков, и все, что он говорил — а говорил он обычно не переставая, — было сплошными шутками. Всякий раз, как Вазелин прибывал с визитом, Фенамин по унылым лицам и взволнованным вздохам родителей мог понять, что дядюшку они почему-то не жалуют. Субботними вечерами Вазелин брал юного Фенамина в «Золотую жилу», и они сидели в переднем ряду, наблюдая за очередным заезжим юмористом и умирая от смеха, тогда как позади них с каменными лицами молча сидели все остальные гномы.

Вместе им удалось побывать на нескольких великих представлениях. Они видели Чарли Чокнутого, уморительно смешного человечка и самого никудышного мага на свете; Генри Непечатного, большинство шуток которого юный Фенамин не понимал, зато другие гномы после некоторых его тирад смущенно покашливали и шаркали ногами, а Вазелин ревел от смеха и чуть не вываливался из кресла. Видели они также совместное выступление Эрни Мудрого и Эрика Лысого, и Фенамину тогда показалось, что он в жизни ничего смешнее не наблюдал.

Но затем наступил тот трагический день, когда непривычно серьезный Вазелин под присмотром родителей Фенамина посадил его к себе на колени и сказал, что в «Золотую жилу» они больше не пойдут. Проблема заключалась в том, что Фенамин начал открыто заявлять своим родителям, что он уже не хочет стать ученым, как его отец, а намерен при первой же возможности бросить школу и сделаться эстрадным комиком. Столкнувшись с тем фактом, что их сын нацелился на карье-

ру еще менее, по их мнению, привлекательную, чем карьера уборщика общественных туалетов, родители Фенамина решили, что настала пора топнуть ногой и в корне истребить этот нездоровый интерес к так называемому юмору.

— Теперь про комиков-шмомиков можешь раз навсегда забыть! — заявил ему отец. — Мы живем в научно-исследовательском центре, а стало быть, ты продолжишь семейную традицию и станешь серьезным ученым.

— Но я не хочу быть ученым! — тут же заныл Фенамин. — Я науку терпеть не могу! Всякий раз, как нам на уроке что-нибудь про науку рассказывают, я чихать начинаю. У меня на нее аллергия!

— Раз ты, постреленок, знаешь, что такое аллергия, ты уже ученый, — объявил ему тогда Вазелин, но улыбка его явно была вымученной, и Фенамин смог понять, что он тоже его научной карьеры не одобряет. Однако родители были непреклонны, и когда Вазелин вскоре грустно зашаркал на выход, отец Фенамина сказал несчастному гному, что он оказывает вредное влияние на ребенка и что лучше бы он больше не приходил. Он больше и не приходил.

Восемнадцать месяцев спустя Вазелин умер, и когда Фенамин вместе со своими родителями пришел отдать ему последние почести, он взглянул на до боли знакомое лицо любимого дядюшки, лежащего в каменном гробу, и тайно дал торжественную клятву. Хотя родители не оставили ему иного выбора, кроме как стать ученым, Фенамин молча поклялся духу своего дядюшки, что в один прекрасный день он взбунтуется. В этот день он будет стоять на сцене одного из самых знаменитых комедийных клубов Среднеземья и исполнять написанную им самим юмореску.

С тех пор Фенамин окончил школу, сдал экзамены, получил диплом и удостоился должности младшего научного сотрудника Отдела Алхимии. Его отец очень этому порадовался. Однако он и ведать не ведал о том, что все эти годы его сын тайно записывал различные шутки, после чего пробовал их на ближайших знакомых или просто проговаривал в уедине-

нии своей комнаты. Постепенно из этих шуток складывалась неплохая, как он надеялся, комическая реприза. И каждую субботу, когда очередной юморист сходил со сцены «Золотой жилы» под гулкий стук собственных шагов, Фенамин сидел в первом ряду, мысленно сопоставляя только что услышанное со своим, пока еще неиспробованным, текстом.

Когда Аминазин объявил о наборе добровольцев для научных экспедиций, Фенамин записался одним из первых. Он не мог поверить своему счастью, когда его зачислили в группу, местом назначения которой был Гутенморг, тот самый город, где находился знаменитый клуб «Кошелек или жизнь», ибо он уже заранее готовился долго и упорно упрасивать кого-нибудь поменяться группами. Когда же Фенамин всего на несколько минут оказался в Гутенморге, он сумел найти адрес клуба в рекламном журнале и выяснил у продавца газет, как туда добраться. Вернувшись посредством нового передатчика материи в Тарарам, он был вне себя от радости, ибо знал, что на ближайшие дни запланировано еще несколько научных экспедиций. При определенной удаче Фенамин мог попасть в Гутенморг в один из тех любительских вечеров, которые регулярно проводились в клубе «Кошелек или жизнь». Но не успел он вернуться домой, как все его надежды рухнули.

Фенамин уже подметил, что у всех лучших исполнителей, за чьими выступлениями ему довелось наблюдать, непременно имелась своего рода торговая марка. Какой-нибудь броский костюм, дурацкая красная шляпа, очки или, быть может, сигара. Всегда это было что-то запоминающееся, что-то, что публика связывала с данным конкретным представлением. Фенамин очень долго что-то такое для себя придумывал и в конечном итоге пришел к блестящей идее сбрить бороду. Он должен был стать Фенамином, Безбородым Гномом. Вообще-то ни одному взрослому гному даже во сне не могло присниться, что он где-то появится без бороды, а значит, Фенамин таким образом сразу должен был

выделиться. Кроме того, это был прекрасный способ насолить родителям и начальству.

Предполагая, что он сможет в первую же экспедицию добраться до клуба, Фенамин побрился за полчаса до того, как ему полагалось быть в аудитории Магенетики, и тут же запаниковал, поняв, что без бороды его никуда не пустят. Однако после некоторой возни с клеем, бумагой и ватой ему удалось так ловко приладить прежнюю бороду к подбородку, что он не привлек ничьего внимания и успешно влез в свой комплект доспехов. Потом накладная борода все-таки отвалилась и соскользнула по ноге, но тогда это уже было не так важно. Впрочем, это оказалось важно по возвращении, когда Фенамина немедленно арестовали за нарушение субординации и неуважение к начальству, а он не сумел вовремя приладить бороду на место. Увидев его голый подбородок, судья наказал его по полной программе. Фенамин получил два месяца принудительных работ. Кроме того, уже в самый последний момент судья постановил, что Фенамин не вправе покидать пределов Тарарама, пока его борода не отрастет до подобающей длины, а этот процесс должен был по меньшей мере два года занять...

С глухим рычанием Фенамин в последний раз протер тряпкой пол отхожего места, а затем, по-прежнему стоя на коленях, выпрямил спину. Спина его ныла, колени горели огнем, зато мозг с вызывающей свирепостью продолжал выдумывать шутки для того самого эстрадного выступления, которое теперь было отложено на неопределенный срок. Тут мимо открытой двери туалета быстро прошагал Аминазин, лицо его было мрачнее тучи. Его брат Азалептин почтительно топал позади. «А слышали вы, ребята, про двух братьев-гномов, которые как-то в сортире утопли? — мысленно произнес Фенамин. — Ужасная смерть. Можно сказать, почили в дерьме...»

Он с трудом поднялся на ноги, а затем, почесав жалкую щетину на подбородке, ухватил ведро вместе со щеткой и потопал к двери. «Клянусь, Вазелин, я им еще покажу, — думал

Фенамин. — Этим подонкам меня не сломить. В один прекрасный день я дам это представленис. Обещаю тебе...» И со стальной решимостью гном-диссидент зашагал по мрачному каменному коридору к очередному грязному сортиру.

— Конечно, вы можете навестить наш центр. — Десятикратно увеличенное изображение лица Аминазина глазело со стены зала заседаний на шестерых членов совета «Оркоубойной». — Мы будем рады ознакомить вас с нашими новейшими достижениями. Через пару дней мы установим передатчики и мигом переправим вас прямо сюда.

— Через пару дней? — с тревогой воскликнул Фециант.

— Да. В настоящее время передатчики проходят тщательный осмотр. Они уже болсе недели были в постоянной работе.

— Гм. Ну, тогда ладно. А как там ваши, так сказать, успехи с другими вашими, так сказать, изобретениями, о которых упоминал Азалептин?

Аминазин явно не понял.

— С какими другими изобретениями?

Фециант на секунду скосил глаза туда, где Картленда бубнила себе под нос над кипящим котлом, и понизил голос.

— С немагическими средствами связи, — прошипел он.

— Работа продвигается. Вы сами все увидите, когда нас навестите. Да, вот еще что. Сколько вы намерены здесь пробыть?

— Думаю, недельку-другую, — уклончиво ответил Фециант. Затем, увидев, что физиономия Аминазина внезапно побагровела, а глаза так выпучились, что чуть не выпали из глазниц, он торопливо продолжил: — Дело в том, что «Оркоубойная» в ваши исследования крупные денежные суммы вложила. Нам, надо полагать, очень многое предстоит увидеть. Нам также необходимо как можно точнее уяснить для себя положение дел, чтобы принять серьезное, обоснованное решение по поводу того, какими суммами будут исчисляться наши дальнейшие инвестиции...

Фециант намеренно оставил этот недвусмысленный намек болтаться в воздухе подобно рыболовному крючку с приманкой и был очень доволен, по резкой перемене выражения лица на стене сделав вывод, что Аминазин этот крючок заглотил. Как только перед ним замаячила перспектива получения нового куша, вежливое равнодушие директора научно-исследовательского центра мигом сменилось грубоватым оживлением.

— Конечно-конечно, — закудаhtал он. — Так-так, посмотрим. Пожалуй, если вы нам для полной уверенности три дня дадите, мы тут все в лучшем виде организуем. Подобающие апартаменты, массу демонстраций, несколько лекций и, разумеется, банкет-другой в вашу честь. Что, если вы в четверг в четыре часа соберетесь? Чудесно. Тогда и увидимся.

Как только изображение гнома пропало со стены зала заседаний, остальные пятеро членов совета принялись оживленно переговариваться, но Фециант в этой беседе участия принимать не стал, а с головой погрузился в раздумья. Три дня были довольно долгим сроком. Он рассчитывал гораздо скорее отсюда смыться и молил богов, чтобы к тому времени не было слишком поздно. Теперь, однако, его уже не только угроза Ронана беспокоила. Кое-что, маячащее на горизонте, вызывало у Фецианта почти такой же страх.

Исподтишка он бросил еще один косой взгляд на Картленду, но на сей раз она, к его ужасу, это заметила и послала ему в ответ воздушный поцелуй. Старуха неумело налепила на себя такую жуткую массу всевозможной косметики, что теперь ее физиономия была словно бы восторженной шестилеткой со свежим набором цветных фломастеров намалевана. Новую прическу она изобразила при помощи бигуди. Фециант легко это понял, потому как четыре бигуди все еще болтались в спутанной серой массе у нее на спине. В последнее время Картленда стала носить мини-юбку, и ее тощие шишковатые ноги имели тот же цвет, плотность и прожилки, что и лучший голубой сыр.

Фециант аж передернулся. Не так давно у него появилось жуткое чувство, что старая ведьма испытывает к нему что-то вроде романтической привязанности, и при одной мысли об этом его тут же начинало тошнить. Сам еще не до конца в это веря, он вдруг обнаружил, что существует перспектива пострашней мучительной смерти в руках мстительного Ронана. Причем, судя по смеси самодовольства и похоти на кошмарной физиономии Картлснды, перспектива эта была до ужаса близка.

ГЛАВА 9

Клуб «Кошелек или жизнь» в Гутенморге! То самое место, куда приходят умирать плохие актеры. Какая жестокая публика! Тебе там живо черную метку вручают — еще даже твоего выступления не дождавшись.

Я видел, как легендарный фокусник Саламон Дерьмовый проводил там один из самых своих скверных вечеров. Публика тогда для него новый трюк изобрела: принудительное исчезновение целой веревки из цветных носовых платков в заднице дерьмового фокусника. Как сейчас вижу его лицо, когда он мучительно ковылял прочь со сцены, а последняя пара платков у него сзади болталась...

«Горемычная жизнь Тарабука Дряхлого»

Стоя на ступеньках Монастыря непрестанного старания бок о бок с Котиком, Тусона внимательно изучала махонский пейзаж. На земле все еще лежал снег, зато небо было чистое и голубое, а солнце висело низко на западе, омывая все вокруг роскошной желтизной и придавая снегу цвет густых теплых сливок. Теперь, когда погода была ясной, Тусона видела, что монастырь выстроен на краю небольшого плато и что дальше на северо-запад земля покато идет вниз к медленной извилистой речке. Брат Трудяга сказал ей, что это река Пряшка и что если она пойдет по ней на юго-восток, то до Гутенморга будет всего один день быстрой ходьбы. Тусона повернулась поблагодарить брата Жернова, который маячил позади них в дверном проходе. Хотя сами монахи шесть дней в неделю по всем правилам вкалывали и надрывали горб в самых суровых условиях, лишь по вечерам обращаясь к благословенному теплу Общей залы, путники получили превосходный уход. Комнаты для гостей были теплыми и удобными, так что они смогли на славу отдохнуть и полностью восстановить силы, целый день сидя у огня и строя планы.

Из оказанного им в Чуч-Хевене приема стало очевидно, что они составляют слишком узнаваемую группу, а потому

было решено разбиться на три пары и направиться в Гутенморг по отдельности. Утром того дня, еще перед рассветом, Ронан ушел вместе с Гебралью, которая со своими магическими способностями могла лучше всех в случае опознания ему помочь. Хотя это казалось невероятным. Еще бы — ведь Ронан отважился на ужасный, непоправимый шаг и срезал свои драгоценные дреды. Пока он мучительно превращал свой череп в блестящий черный шар, Тарл с Гебралью провели пару часов в Скриптории и появились оттуда с набором превосходных фальшивых документов на имя браннанского воителя по имени Писс де Бол, по поводу чего с Тусоной от смеха чуть плохо не сделалось. Тарл с Марвудом последовали за ними несколько часов спустя, облачившись в позаимствованные у монахов рясы. Если бы кто-то вздумал их расспрашивать, легенда была такова, что оба они — монахи из одного малоизвестного религиозного братства старых хиппи, схожего с Гедонистами Седьмого дня. Тусону, однако, по-прежнему беспокоило раненное в схватке с *кобратам* бедро, а потому она решила еще денек отдохнуть в монастыре, и осел охотно составил ей компанию.

Приятно было еще целый день душевно оттягиваться, но к вечеру она уже вовсю стремилась в дорогу и не могла дожидаться утра. Тусона видела следы четырех своих друзей, ведущие к реке, и все задумывалась, как они там, в Гутенморге. Даже хотя она твердо знала, что ничего катастрофического случиться не могло, иначе Геб или Тарл связались бы с ней по одному из своих странных магических заклинаний, она все равно беспокоилась. Ночью ей приснился мертвый Ронан — он лежал в снегу, один из *кобратов* рвал его на куски, а в голове у Тусоны при этом металось предсмертное предупреждение Антракса. «Они ни перед чем не остановятся, пока вас не убьют. Они ни перед чем не остановятся...»

Тусона энергично помотала головой, словно стараясь вытрясти оттуда тревожное предостережение. Ни одно живое существо не могло выследить их по морю, и никто не мог знать, куда они уплыли. *Кобраты* должны были остаться во многих

десятках миль отсюда. Однако невеста по какой причине Тусона была почти убеждена, что пятерка жутких тварей по-прежнему их преследует и что всем им грозит великая опасность. Вообще-то она даже могла сказать, что она это интуитивно чувствует. Оставалось надеяться, что точность у этого предсказания будет не выше, чем у четырех предыдущих...

Путешествие Ронана и Гебали в Гутенморг оказалось на редкость небогато событиями. Несколько часов они следовали вдоль Пряшки на юго-восток, и ходьба давалась легко, ибо рядом с рекой снежный покров был совсем неглубоким. Постепенно по обе стороны от них стали вздыматься подножия Северных гор, и хотя их склоны были белы от снега, в этой части широкой Долины Пряшки, похоже, снегопада вообще не было, и под ногами у них неизменно зеленела мягкая травка.

Ближе к вечеру они поняли, что приближаются к цивилизации, ибо временами им попадалась ферма или загородный дом, а вдоль берега реки теперь вилась широкая дорога. Изобилующая крутыми поворотами, дорога эта то и дело ныряла в заросли ольхи и пихтовые рощицы, густо рассыпанные по дну долины. Хотя путники способны были расслышать лишь пение птиц в кронах деревьев да непрерывный шум реки, они теперь точно знали, что город где-то неподалеку. На грязных участках им попадалось множество следов от тележных колес и человеческих ног. Кроме того, по милости более ленивых и беспечных представителей цивилизации дорога была загажена всевозможным мусором. В одном месте дорога отошла от берега реки, огибая край длинной каменистой осыпи, которая чуть ли не перегораживала долину, а когда путники взобрались на вершину этой самой осыпи, они впервые увидели перед собой Гутенморг. Расползаясь по сторонам, город заполнял собой всю долину.

Размер его Ронан совершенно ошеломил, ибо так далеко на севере он ничего крупнее большой деревни увидеть не ожидал. Однако стены Гутенморга, как он позднее выяснил,

считались самыми длинными в Среднеземье. Тем не менее даже внутри этих стен ютилось столько строений, что город казался стесненным, испытывающим явную неловкость, как будто он приобрел себе стены, которые ему жали, но так или иначе твердо намерен был терпеть все неудобства и носить проклятые штуковины из одного лишь стремления доказать всем, что он на самом деле не так уж и растолстел. За пределами стен виднелись скопления домов и хижин, которые навели на мысль о том, что город в результате все-таки не выдержал и лопнул, неряшливо рассыпая свое содержимое по всей долине до горных подножий, а также вдоль берега реки навстречу Ронану и Гебрали.

Задолго до темноты они вошли в широко распахнутые городские ворота, а там, спросив у какой-то старушки дорогу, без труда добрались до студенческого квартала, хотя Ронана несколько озадачила та смесь сомнения с подозрением, что выразилась на лице старушки при одном лишь упоминании об Университете. Они сняли себе комнаты на постоялом дворе, где, судя по всему, часто бывали студенты, а затем, после того как Гебраль быстренько запустила заклинание Просмотра, связалась с Тарлом и выяснила, что они с Марвудом вполне благополучно добрались до города, они вдвоем вышли с постоялого двора на небольшую прогулку, желая получше ознакомиться с гутенморгским кампусом.

Выстроенный на излучине реки, Университет был старейшей частью города. Первоначально здания кучковались вокруг маленькой центральной пьядцы, но за многие годы, пока Университет рос и ширился, он постепенно распространялся наружу, захватывая близлежащие территории, пока не оказался так же стиснут, как и сам город. С трех сторон его ограничивала река, а с четвертой — городские улицы и проулки, по которым его здания все же тянулись подобно щупальцам осьминога.

Факультет киллерологии они искали довольно долго. К тому времени уже наступил вечер, и в переоборудованном под научное учреждение каменном пакгаузе в узком проулке под

названием Сыромятный луг было темно и пусто. Ронан чувствовал себя неловко и чуть ли не в каждом встречном видел идущего по его следу киллера, так что они сочли за благо вернуться назад в безопасное укрытие постоянного двора.

В тамошней пивнухе гуляли в тот вечер исключительно студенты. Большая их орава так налимонилась и увлеклась кабацкой игрой в «Кроличков», что никто из них даже не заметил здоровенного бритоголового воина и тихую худощавую девушку, которые быстро проскользнули к угловому столу с парой кружек пива. Ронан с Гебралью немного там посидели, прихлебывая пиво, разговаривая о Тарле и Тусоне и внимательно следя, не проявит ли к ним кто-нибудь более чем поверхностный интерес.

Однако вечер оказался напрочь лишен событий, и никто не удостоил их никакого внимания. Тем не менее Ронан поднялся к себе в комнату, испытывая ошутимое физическое нездоровье от постоянного напряжения. Гебраль аккуратно окружила его комнату заклинанием Ненарушения границы, так что любой туда вошедший немедленно потерял бы сознание. Но Ронану все равно было никак не заснуть. Всякий раз, как он уже погружался в дрему, какой-то слабый шумок действовал ему на нервы и заставлял резко садиться на кровати. Небо на востоке уже светлело, когда ему в конце концов удалось погрузиться в тяжелый, тревожный сон.

Тарл с Марвудом добрались до Гутенморга вскоре после того, как стемнело, всего часа на два позже Ронана и Гебraelи, и мгновенно ощутили к нему симпатию. Во многих городах Среднеземья пульс жизни пропадал вместе со светом дня, когда магазины, рестораны и даже некоторые таверны закрывались, а люди проводили ночные часы за крепкими дверями своих домов. Однако в Гутенморге с его обилием студентов все было по-иному. Разгуливая по главным торговым улицам, Тарл и Марвуд с радостью обнаруживали, что город даже ночью прекрасно освещается множеством крупных факелов в металлических стальных креплениях и что во всех барах, та-

вернах и ресторанах по-прежнему полным-полно народу. Открыты были даже некоторые магазины, чьи товары высвечивались на витринах при помощи масляных лампад и свечей.

Пока они, переодетые в монашеские рясы, шагали по городу, Тарла не на шутку удивлял тот факт, что прохожие склонны были дружелюбно им улыбаться или уважительно кивать. Вообще-то он куда больше привык к тому, что люди при встрече с ним хмурились, рычали или даже чем попало в него швырялись. Однако он был достаточно благоразумен, чтобы правильно понимать причину столь непривычного уважения. Разумеется, все дело было в монашеском наряде. Тарл уже начал задумываться, не наложит ли этот наряд какие-то серьезные ограничения на то капитальное веселье, которое он в ближайшие несколько дней собирался себе устроить, когда его взгляд внезапно упал на одну вещь в витрине магазина «Братья по милостыне». Магазин этот, судя по всему, всякой религиозной атрибутикой торговал. Преимущественно — одеждой.

Подойдя поближе, Тарл с разинутым ртом на эту вещь уставился. Одежда в магазине была в основном довольно тусклая и невзрачная, хотя в одном углу стоял весьма занятный манекен, облаченный в некоторые из нарядов, предпочитаемых монашками Святой сестринской общины Плотского просвещения, — наряды эти, похоже, состояли не столько из тончайшего черного шелка, сколько из оставленных в нужных местах дырок. Однако главный предмет на витрине просто глаза колот. Это была одна из ряс, которые носили Гедонисты Седьмого дня, ярко-оранжевый балахон с характерными салатными завитками, и Тарл нашел его просто умопомрачительным. Подобный предмет одежды никоим образом не предполагал, что его носитель обладает скромностью, целомудрием или любой другой традиционной добродетелью среднего религиозного братства. Зато он очень даже предполагал, что его носитель страшно любит веселиться, причем очень шумно и очень долго.

— Ты только глянь, — благоговейным тоном прошептал он Марвуду, когда тот встал рядом с ним.

— Гм. Не кислая ерундовина.

— Хочу такую.

— Ты что, офонарел? Знаешь, сколько это стоит?

Тарл перевел внимание на скромный ценник и чуть язык от удивления не проглотил.

— Клят! — выругался он затем. — Да вся эта лавка столько не стоит! — Он еще раз недоверчиво осмотрел потрясающей расцветки наряд и заметил крошечного зеленого *алаксля*, искусно вышитого на левом нагрудном кармане, фирменный знак дизайнера Христиана Сердитого*.

Друзья потащились дальше мимо уличных лотков и баров на открытом воздухе, в которых, несмотря на позднее время и северный морозец, толпы шумных, смеющихся людей собирались, чтобы попить пивка и обменяться слухами. Едкий запах дыма от пылающих факелов смешивался с чарующим ароматом жарящихся кебабов и шашлыков. Они ненадолго остановились у одного из лотков, чтобы купить себе пару *дукакисов*, маленьких сочных кебабчиков из козлятины, завернутых в мягкую хлебную лепешку, после чего облокотились о стойку бара на открытом воздухе под названием «Зашибись» выпить по стаканчику пива и спросить дорогу. Марвуда тоже несколько удивили те враждебные взгляды, которыми было встречено упоминание об Университете, зато Тарл, кому всю жизнь приходилось подобных взглядов удостаиваться, ровным счетом ничего об этом не подумал.

Пиво, оркский напиток под названием «старые органы», чудесно легло им на грудь, и друзья решили, что в студенческом квартале, найдя постоянный двор, они первым делом продегустируют там пиво, а уж потом комнаты снимут. Затем они пошли по указанной барменом боковой улочке, и вскоре она

* Христиан Сердитый был талантливым, но очень несдержанным модельером из Илекса, благодаря которому появилось то, что ныне известно как «христианская наружность» — нечто среднее между злобной гримасой и дурацкой ужимкой.

вывела их к реке. Дальше через темные воды Пряшки был переброшен пологий пешеходный мостик. Они перебрались на другую сторону, а там Тарл вдруг замер. Марвуду показалось, что он зачем-то воздух нюхает.

— Ты что? — поинтересовался он.

— Просто вибрации проверяю, — ответил Тарл и одарил бывшего киллера широкой ухмылкой. — Хорошие кабаки особую ауру создают. Они почти что к тебе взывают. Вот я и... — Тут он осекся и задумчиво склонил голову набок. — Ага, вот тут, по-моему, что-то такое есть. Идем.

Земля от реки круто шла вверх, и темные безмолвные здания, что заполняли склон, угрожающе нависали над двумя друзьями. Окаймленная деревьями дорога тянулась вдоль берега, а боковая улочка убегала от нее вверх по холму, теряясь между строений, но Тарл повел Марвуда к узкому проулку, что уходил от набережной под углом, змеясь меж двух темных домов с закрытыми ставнями, а у подножия холма превращался в крутую лестницу. Пока они по ней поднимались, стук их шагов зловеще отражался от каменных стен. Кошки оглушительно шипели друг на друга за ветхими деревянными воротами, пока они проходили мимо, а когда Марвуд случайно пнул лежащую на земле бутылку, то шума, с которым она отлетела, оказалось вполне достаточно, чтобы весь город разбудить. Через две с лишним сотни ступенек проулок вышел на горизонталь, огибая какое-то круглое здание, которое вполне могло быть небольшим храмом, а затем влился в темную улицу, освещенную единственным факелом, закрепленным на левой ее стороне метрах в тридцати от путников. Марвуд нерешительно остановился, но Тарл без малейших колебаний повернул направо и уверенно зашагал дальше по улице, так что бывшему киллеру оставалось только за ним последовать.

Все окрестные здания были темными и безмолвными, однако где-то на отдалении слышался гул голосов. В нескольких метрах за факелом еще одна улица ответвлялась вправо, и стоило им туда повернуть, как стало ясно, что шум доносится

от ярко освещенной таверны метрах в пятидесяти оттуда. Тарл радостно ухмыльнулся.

— То, что доктор прописал, — сказал он. — Идем.

Снаружи таверны, как ни странно, никакой вывески не болталось, однако на дверь была прибита грубо размазанная доска, из которой следовало, что им предлагается войти в клуб некой Интоксик Кэти под названием «Добрый самогон». Стоило друзьям открыть дверь, как наружу полился мощный поток света, звука и тепла, а затем их поглотило бурное море смеющихся и орущих гуляк.

Таверна представляла собой один просторный зал с широкой стойкой по всей длине задней стены. С одного боку тянулась дорожка для метания копий, а в другой боковой стене имелся здоровенный каменный очаг, в котором вовсю ревел огонь. Тут и там попадались столы и стулья, но их, похоже, использовали только затем, чтобы ставить туда выпивку (столы) или самим туда вставать (столы и стулья). Марвуд сделал вдох и мигом уловил характерный аромат эльфийской травки. Он радостно ухмыльнулся. Заведение казалось просто идеальным.

Затем справа донесся очень нестройный, но вполне узнаваемый шум. Между очагом и одним концом стойки располагалось старое раздолбанное пианино, и кто-то с энтузиазмом по нему барабанил, причем настолько не в тему, что эта, так сказать, музыка запросто могла бы с Тарлом в один из его менее мелодичных дней гармонировать.

Двое друзей пробрались сквозь толпу к стойке и заказали себе по кружке «старых органов». Когда бармен потрусил налить им выпивку, Тарл вдруг сообразил, что это кентавр. Не веря своим глазам, он уставился ему вслед. До этого Тарлу лишь раз доводилось видеть представителя этой редкой, застенчивой расы, которая в основном населяла восточные равнины за Ередическими горами. Тут он понял, что компания по соседству посмеивается над его растерянностью. Там были три парня и две девушки. По их возрасту Тарл догадался, что они студенты.

— Привет, — улыбнулась ему одна из девушек, на вид лет двадцати. — И как тебе наш Выкрутас?

— Выкрутас? — переспросил Тарл. — Это бармен? Очень круто!

— Мне только странно, что кентавр такую работу делает, — вмешался Марвуд. — Не подумал бы, что он для этого подойдет.

— Поверь на слово! — откликнулась девушка. — Он самый лучший. Король коктейлей. Мастер розлива.

Один из ее приятелей, длинноволосый юнец, который деловито забивал косяк с эльфийской травкой, вдруг поднял взгляд.

— Это точно, — подтвердил он. — Вам бы на него в один из крутых вечеров посмотреть. Врубится, ведь у него две руки и четыре копыта. Наш Выкрутас может одновременно коктейли смешивать и мозги разным мудозвонам вышибать.

Он в последний раз лизнул косяк и покатал его между пальцев, прежде чем отдать девушке. Тарл подался вперед.

— *Fiat ignis*, — произнес он. Тут же голубой огонек выпрыгнул из кончика его пальца, и он дал девушке прикурить.

— Ого, — сказала она, явно под впечатлением. — Так ты на языке магии говорить умеешь?

— *Ursa in silvis defacetatet*? — отозвался Тарл, с жутким самодовольством ухмыляясь. Затем он вдруг заахал, заохал и торопливо отвернулся от смеющихся голубых глаз девушки, чтобы поговорить с автором косяка.

После этого вечер сделался несколько беспорядочным. Тарл с Марвудом примкнули к компании студентов, которые, похоже, всех в таверне знали. Кажется, было куплено страшное количество разнообразной выпивки, и Тарл так развеселился, что один раз даже всех угостил. Где-то ближе к полуночи последовал массовый исход, и все перетекли на вечеринку в соседний дом. Таким образом получилось, что примерно в два часа ночи Тарл с Марвудом, скрестив ноги и прислоняясь к стене, сидели на мягком ковре.

Марвуд забивал огромный косяк с эльфийской травкой, а Тарл завороченно за ним наблюдал, ибо занятие это

требовало колоссального количества папиросной бумаги и жуткого сосредоточения.

— Что это за клят ты мастрячишь? — осторожно поинтересовался он.

Марвуд наложил последний штрих на грандиозную коническую конструкцию и поднял ее повыше, чтобы пораженный Тарл смог получше ее рассмотреть.

— Вот это, — гордо заявил бывший киллер, — подлинные ценители «вельбугским ведьминым колпаком» называют.

— Скажи, — опять осторожно поинтересовался Тарл, — а почему подлинные ценители это «вельбугским ведьминым колпаком» называют?

Марвуд поджег толстый конец косяка и аккуратно набрал полные легкие ароматного дыма.

— А потому, — выдохнул он, когда наконец перестал кашлять, — что я его в Вельбуге изобрел и он на ведьмин колпак похож.

Марвуд сделал еще затяжку и передал косяк Тарлу, но тот даже этого не заметил. Он смотрел на компанию студентов в другом конце комнаты примерно такими же глазами, какими хоббит смотрит на целый поднос булочек с кремом. Марвуд проследил за его взглядом, но ничего необычного не узрел. Просто пятеро студентов сидели и в карты дулись...

— Ух ты! — вырвалось у Тарла. — Ух ты! Вот это да!

— Что там такое?

— Подарок богов, вот что там такое. Игра в карты. Да еще со студентами! И они эльфийской колодой играют! Нет, я точно присоединюсь.

— Да зачем тебе в карты играть?

Тут Тарл вспомнил про ярко-оранжевую рясу, увиденную им в витрине «Братьев по милостыне».

— Хочу себе очень дорогой костюм приобрести, — ответил он. — Ладно, потом увидимся, ага?

И с улыбкой *ленката*, подбирающегося к овечьему стаду, Тарл поднялся и потопал к игрокам в карты, а Марвуд опять отвалился к стене, сделал еще затяжку и стал думать о том,

кто и зачем так быстро эту клятскую комнату вокруг его головы крутит.

Солнце уже было высоко над горизонтом, когда Ронан внезапно охнул и сел в постели, обнаруживая, что заклинание Гебрали сработало просто идеально. У двери без чувств лежала горничная, а рядом с ней валялась большая стопка чистого постельного белья. С тяжким вздохом Ронан встал и кое-как умыл лицо. Он чувствовал себя усталым, несчастным и одиноким, и хотя он твердо вознамерился отправиться в Университет и выяснить, примут ли его на кафедру ОК, он также испытывал серьезные опасения в связи с тем, что ему предстояло вот так запросто голову в драконье логово сунуть.

После краткого и тревожного завтрака через силу, за время которого Ронан сказал Гебрали ровно три слова: «Что?», «Гм?» и «А?», они вместе направились к Сыромятному лугу. Хотя в ярком свете дня страха его немного улеглись, Ронан по-прежнему чувствовал себя на людных улицах до ужаса беззащитным. К тому же маскировки ради ему пришлось бросить свой массивный палаш, который он на южный манер носил за спиной, и повесить на пояс куда более легкий меч. В сравнении с прежним этот казался просто зубочисткой, и Ронану казалось, что с ним он почти безоружен. Зато теперь он не так уж и отличался от остальных студентов, что шныряли туда-сюда, и никто, похоже, особо на них не засматривался.

До факультета киллерологии они добрались без приключений, а там почти час ожидали, пока их кто-нибудь примет. Стоило им, однако, увидеться с секретарем приемной комиссии, как дела сразу пошли в гору. Ронан объяснил, что он припозднившийся кандидат на кафедру ОК, Гебраль в свою очередь немного поддала посредством заклинания Молчаливого согласия, так что через полчаса, после заполнения ряда анкет и трех быстрых собеседований, их уже пригласили в кабинет декана.

Нервы у Ронана к тому времени совсем разгулялись. Он привык к непосредственным опасностям честного боя, но этот

медленный, ползучий страх опознания был совсем другое дело, и Ронан чуть ли не с радостью ожидал того момента, когда с него наконец сорвут маску и он сможет заняться привычным, повседневным делом сражения не на жизнь, а на смерть. Впрочем, ему не следовало беспокоиться. Его маскировка вкупе с тайным и не подлежащим распознаванию заклинанием Мутотени от Гебрали сработала практически идеально, так что декан, пусть даже магистр-киллер и член Гильдии, ровным счетом ничего не заподозрил.

Декан Нибал был вообще-то очень занят, и когда Ронан с Гебралью вошли в его кабинет, он как раз увлеченно глазел в окно. При общении с этим высоким и худым мужчиной с мрачным лицом и сутулой спиной почему-то все время казалось, будто он в чем-то оправдывается. Парадную университетскую форму он предпочитал традиционному наряду киллеров, хотя воротник его черной мантии был украшен серебряной вышивкой, характерной для членов Гильдии, а его кабинет был так загроможден книгами, что там не то что сесть, но даже встать было негде.

— Да-да, входите-входите, — рассеянно пробормотал декан, когда они остановились в дверях, а затем снова перевел внимание на окно. — Вы только посмотрите! — продолжил он. — Декану Корольку все-таки не следует этого допускать! Нет, не следует!

Ронан нервно застрял перед столом, не отваживаясь двинуться дальше из страха быть узнанным, зато Гебраль ловко проскользнула через книжные завалы, встала рядом с деканом и выглянула из окна. Они были на третьем этаже, и окно выходило на аккуратный садик рядом с другим зданием, пониже и пошире. На вид оно также было намного старше, и в его красной черепичной крыше зияли четыре дыры. Три из них, судя по всему, появились там уже давно, а вот четвертая явно была проделана только что, ибо деревянные балки имели свежие разломы. Кроме того, из этой дыры сочился дымок, Гебраль видела, как люди возбужденно скачут вокруг здания и указывают пальцами.

— Это алхимический факультет, — объяснил декан. — Они там слишком много опасных экспериментов проводят. В этом году это уже третий крупный взрыв. Королек говорит, что все дело в финансах и что если они не смогут найти способ трансмутировать цветные металлы в золото, факультет придется закрыть. Пустая трата времени, как мне представляется. Они уже двадцать лет ищут и до сих пор нашли только способ трансмутировать цветные металлы в огромную дыру в крыше!

— А почему им магический факультет не поможет? — спросила Гебраль, которая за время сидения в приемной изучила университетский проспект и была немало удивлена конкурсом на это конкретное отделение.

— Он бы, может, и помог, да только нам его не найти. — Декан отвернулся от окна и уставил скорбный взор на девушку. — Вся беда в том, что декан Чуйбас и эти его маги очень уж замкнуты. Три года назад, после скандала по поводу растраты, они сделали так, что все факультетское здание попросту исчезло. Мы знаем, что оно где-то там есть, потому что в баре студенческого клуба они появляются регулярно, да еще с такими клятски самодовольными улыбочками, но разве мы можем его найти? Клята с два! Декан Апрос утверждает, что они свое здание внутри его социологического факультета спрятали, потому что его студенты то и дело загадочным образом исчезают. Но ведь мы с вами знаем, каковы эти социологи! Я хочу сказать, если бы вы года два ходили на лекции по социологии, разве вам не захотелось бы по-тихому оттуда исчезнуть?

Гебраль пожала плечами, а Ронан, который о социологии вообще никогда не слышал, но все же предположил, что это какая-то наука о комарах или пиявках, неуверенно кивнул. Декан Нибал бросил еще один кислый взгляд на крышу алхимического факультета, после чего повернулся к столу и взялся перебирать там какие-то бумаги.

— Итак, — забормотал он, — вы хотите на кафедру поступить, не так ли... э-э... — Тут его голос затих, но затем он с триумфальным восклицанием схватил с самого верха одной

из стопок документов какой-то формуляр. — Ага, вот он! Так-так, Писс, Писс, ведь это как раз вы? Ну что, Писс де Бол, вы хотите стать киллером, я правильно вас понимаю?

Тут он оторвал глаза от формуляра и с сомнением принялся изучать Гебраль. Та в ответ мило ему улыбнулась и указала на Ронана:

— Это он Писс. А я просто его знакомая.

— Да-да, конечно. Безусловно. — Декан Нибал перевел внимание на Ронана и по-доброму улыбнулся. — Итак, Писс, пожалуйста, объясните. Почему вы хотите стать киллером?

— Ну... — Тут Ронан замялся. Вообще-то ему казалось, что он должен потолковать с магистром-киллером про вос-торг убийства и все в таком духе, однако Марвуд долго его натаскивал, объясняя, как правильно на это ответить. Тогда Ронан перевел дыхание и просто принялся излагать заранее вызубренный ответ:

— Как воин, я привык к самому обычному, простому убийству и нахожу его неудовлетворительным. Я хочу изучить все многообразие способов и средств профессионального убийцы, погрузиться, так сказать, в психологию киллера, детально исследовать взаимосвязь охотника и добычи. Я хочу провести доскональное изучение всей истории киллерства и посмотреть, не смогу ли я прибавить пусть даже самую малую, но собственную крупницу к общей сумме человеческих знаний по данному предмету.

Тут Ронан умолк, отчаянно надеясь, что все правильно изложил, однако ему не стоило беспокоиться. Декан Нибал от души улыбался.

— Отлично! — сказал он. — Вы теоретик! Знаете, к нам приходит очень много людей, которым просто нужен повод, чтобы ходить и всех подряд убивать. Вы для нас просто находка. Однако вы немного опоздали. Занятия уже две недели как начались.

— Да, я очень сожалею. Я уже направлялся сюда, но тут на юге начались бесчинства Шикары. Идуинской Гвардии понадобилось как можно больше наемников, и я подумал,

что смогу внести свою лепту. Но в битве при Беломорканале меня ранило. Я только-только вылезился.

Ронану страшно неловко было лгать, и эта неловкость бросалась в глаза, однако декан ошибочно посчитал ее элементарной скромностью настоящего героя.

— Замечательно, превосходно. — Нибал улыбнулся и окинул беглым взглядом фальшивые документы Ронана. — Что ж, ваши рекомендации превосходны. Уверен, мы найдем для вас место...

Тут его перебил стук в дверь, которая затем распахнулась, прежде чем он успел ответить. На пороге стоял мальчуган годиков четырех. Его большие глаза, побродив по кабинету, с интересом задержались на Ронане, после чего снова переметнулись на декана.

— Ты занят, деда? — спросил он.

Нибал с любовью ему улыбнулся.

— Нет, Джек, эти люди уже уходят, — ответил он. — Можешь войти. — Он ласково заулыбался, когда мальчуган топтал к нему. — Мой внучек, — добавил он в качестве объяснения. — Я обещал ему, что мы вместе в столовую ходим. Как он тамошние чипсы обожает! Итак, Писс, если вы потрудитесь завтра в восемь быть в деканате, я сделаю все необходимые распоряжения.

Ронан с Гебралью тепло его поблагодарили и потихому вышли из кабинета, закрывая за собой дверь. Декан сел в кресло прямо на стопку документов и позволил обрадованному мальчугану забраться ему на колено. Он рассеянно улыбнулся своему внуку, но затем улыбка сошла с его лица, и он задумчиво взглянул на дверь, которая только что закрылась за двумя визитерами.

— Так-так, — пробормотал декан Нибал. — Очень интересно. Просто очень интересно. Вот тебе и раз. Знаешь, Джек, пусть лучше завтра утром за тобой кто-нибудь другой приглядит. А дедушке надо будет кое-какую работенку проделать...

И если бы Ронан мог видеть, каким холодным и расчетливым стало в этот момент лицо декана, он бы сто раз заду-

мался, стоит ли ему еще хоть раз где-то поблизости от факультета киллерологии появляться...

Марвуда разбудили настойчивые тычки в ребра. Очнувшись, он понял, что Тарл стоит над ним и аккуратно тычет его ногой. Отчаянно шурясь, чтобы хоть частично уберечь глаза от мучительно яркого дневного света, Марвуд кое-как огляделся. Как оказалось, он лежал привалившись к стене, а вокруг было целое море окурков, пустых бутылок и кружек, а также в стельку пьяных людей. Он начал было мотать головой, имея в виду ее прояснить, но тут же прекратил, ибо ему вдруг показалось, будто кто-то гвоздями прибил потолок к полу. Тогда Марвуд, желая избавиться от гнусного привкуса во рту, подобрал кружку пива, из которой он ночью, как ему помнилось, пил. Переведя дух, он сделал хороший глоток, но тут же все сплюнул, ибо вместе с пивом заглотил сразу четыре хабарика. Затем он с ужасом понял, что выплюнуть удалось только три.

Ненадолго зажмурившись и стараясь не обращать внимания на жуткую головную боль, Марвуд попытался прикинуть, что же такое в комнате особенно его раздражает. Что-то там изменилось. Тут его осенило, он сел и недоверчиво протер глаза. На Тарле теперь была ярко-оранжевая ряса с салатными завитками и вышитым на правом нагрудном кармане маленьким зеленым *алакслем*.

— Клят! Откуда ты это взял?

— Выиграл. Вон у него, — самодовольно ухмыльнулся Тарл и ткнул большим пальцем себе за плечо, указывая на развалившееся возле кушетки тело, которое лежало на спине и громко храпело. Тело это, облаченное в прежнюю рясу Тарла, принадлежало какому-то коротко стриженному типу с длинными бакенбардами. В одной руке стриженный по-прежнему сжимал пустую бутылку, а другая покоилась у него на груди с сигаретным окурком между пальцев. На окурке имелся столбик пепла сантиметров пяти в длину, который каким-то чудом до сих пор не упал.

— А кто он такой?

— Гедонист Седьмого дня, как я догадываюсь. По крайней мере повеселиться он точно не дурак. Он около трех ночи тоже сел в картишки поиграть, продул почти всю монету, а потом получил на редкость хорошие карты — муму из котеночков*. Кроме рясы, ему уже поставить было нечего. К несчастью для него, у меня было муму из кроличков. Но я все равно этим парнем восхищаюсь. Лично я бы сбежал, проди-набил или еще как-нибудь выкрутился, а он без единого звука поменялся со мной шмотками, открыл еще пива и попытался вон ту роскошную блондиночку уломать.

— Выходит, ты в выигрыше?

Тарл улыбнулся и вынул руку из складок рясы. В руке у него был кожаный кошелек, который только что не лопался от монет.

— За что я люблю студентов, так это за то, что они всегда учиться готовы. Вот я их и научил в «брюхо» играть. Классная игра, но только в ней всегда надо знать, что ты делаешь, а они этого не знали. Если бы они все к пяти часам не повырубались, я бы сейчас всем этим домом владел.

Марвуд попытался сосредоточиться на кричащем наряде Тарла, но его глаза никак фокуса не находили. Для их нынешнего состояния ряса была слишком ярка, так что они просто закрылись и наотрез отказались открываться. Тарл вздохнул, схватил Марвуда за плечо и грубо потряс.

— Слушай, мудила, день уже в разгаре, и нам идти надо. — Тарл подождал, пока его друг закончит стенать, а потом продолжил: — Я связался с Геб, и они с Ронаном через час с нами в одном ресторане встречаются. Не знаю, как тебе, а мне перекусить охота. — Он опять сделал паузу, и на лице у него заиграла озорная улыбка. — Пожалуй, откушал бы я улиток в чесночном масле, а еще пару-другую сырых устриц.

Ладонь Марвуда сама собой взлетела, прикрывая рот, а глаза его миготали и умоляюще уставились на Тарла.

* Все подробности об эльфийских картах смотрите в Приложении Втором.

— Немного печени и пару вареных почек...

Звук, который издал Марвуд, обычно издают гигантские лягушки с тяжелым катаром верхних дыхательных путей.

— ...и еще, пожалуй, шаверму, какой обычно у городских ворот торгуют...

Тут Тарл снова сделал паузу, глядя за тем, как бывший киллер, издавая странные утробные звуки, исчезает за дверью туалета. «Марвуд классный парнишка, — подумал он. — Но ему придется все силы напрячь, если он хочет следующие несколько недель продержаться. Нас в этом городе капитальное веселье ждет». И Тарл небрежно подбросил на ладони тугой кошелек с монетами, радостно предвкушая новую встречу с Гебралью.

Метрдотель в «Неглиже-де-Голяк» с подозрением разглядывал двух типов, которые только что вошли в двери лучшего, как считалось, ресторана Гутенморга. Примерно так обычно разглядывают пятно спермы на простыне у любимой дочки. Один из типов, лысеющий шибздик, носил рясу Гедонистов Седьмого дня на пару размеров больше, чем ему требовалось, а другой, длинный и бледный, на вид совсем больной, был одет в простую коричневую хламиду из мешочной ткани, в которой он явно поспал. Мало того, спереди на ней виднелось что-то очень похожее на блевотину. Когда они поплелись к столику у окна, метрдотель быстро вмешался.

— Слушаю вас? — спросил он голосом, которым запросто можно было кислород заморозить.

— Нам бы столик, — сообщил ему Тарл. — И не только столик. Мы еще и покушать хотим.

— Есть у вас бронь? — надменно осведомился метрдотель.

— Нету у нас брони, — заулыбался Тарл. — Но мы так проголодались, что и без нее покушать согласны.

Метрдотель уже собирался вежливо предложить им валить отсюда подобру-поздорову и больше никогда в «Неглиже-де-Голяк» не заявляться, но тут вдруг длинный устало поднял руку и быстрым жестом показал ему спрятанную в ладони

карточку. Метрдотель нервно сглотнул. Это была карточка «МуЖеКа», иссиня-черная с серебряным тиснением, но ему вовсе не требовалось читать надпись. Он и так знал, что ее обладатель — член Гильдии Киллеров. Аббревиатура «МуЖеКа» расшифровывалась как «мучительно-жестокая казнь», и карточка обычно показывалась в качестве последнего предупреждения. Мол, если не прекратишь свою клятскую болтовню, то на твою могилу скоро бешеные псы помочатся.

Минуту спустя Марвуд и Тарл уже сидели за столиком с графином красного вина от благодарного заведения на столе. Марвуд уперся локтями в стол и опустил лицо на ладони. Тарл отмахнулся от услужливо нависшего над ним официанта, налил себе большой стакан, после чего с заговорщическим видом подался вперед:

— Марвуд, ты еще тут?

Марвуд вздрогнул всем телом, а затем лицо его немного приподнялось, пальцы медленно разделились, и из-за них выглянули два воспаленных глаза. Стараясь не ухмыляться, Тарл налил стакан и ему.

— Давай, дерни. Это тебе на пользу пойдет.

Марвуд протянул дрожащую руку, схватил стакан и заглотал красное вино со всем рвением человека, всаживающего кинжал себе в живот.

— Вот и славно, — похвалил Тарл. — Теперь вот что. Когда Ронан с Гебралью сюда доберутся, мы их узнавать не станем, усек? Геб мне сказала, что на факультете киллерологии они уже побывали и что эта твоя ерунда сработала. Но на всякий пожарный они хотят убедиться, что Ронана никто не узнал. Потому мы здесь и встречаемся. Мы просто посидим и понаблюдаем, не следит ли за ними кто-нибудь, а когда они уйдут, мы снова проверим, все ли тут чисто. Когда дело до распознавания тайных киллеров дойдет, ты — наша козырная карта, и нам необходимо, чтобы ты был в нужной кондиции. Ты как себя чувствуешь? Цвет у тебя, знаешь ли, не очень забавный...

Лицо Марвуда уже поменяло колер с нездоровой бледности на сероватую желтизну и стало похоже на трехмесячной давности рисовый пудинг, а голос его, когда он заговорил, скорее напоминал чье-то громкое шарканье.

— Все будет нормально. Только никакой еды мне не давай, а вот если официант найдет десяток-другой таблеток аспирина, я бы не отказался.

Тарл улыбнулся, после чего взял меню и внимательнейшим образом стал его изучать. Наконец он заказал себе на первое жареные *дукакисы*, а на второе — большую порцию *муламмоса* — убийственно-острого блюда. Дальше он откинулся на спинку стула, лениво потягивая вино и наблюдая за прохожими на улице, тогда как Марвуд уснул, подложив под голову корзину для хлеба. Прошли три четверти часа, и Тарл как раз хорошим ломтем хлеба подбирал с тарелки остатки *муламмоса*, когда Марвуд снова проснулся. Короткий сон, судя по всему, пошел ему на пользу, ибо если он теперь и не вполне напоминал человеческое существо, по крайней мере не вызывало сомнений, что он когда-то мог таковым быть. Он поднял голову и так внушительно откашлялся, что клиенты за соседними столиками тут же скорчили рожи, отталкивая от себя тарелки. Голод у них внезапно прошел. Официант, испугавшись каких-либо неприятностей, мигом прискакал к их столику, и Марвуд ухватил его за рукав.

— Яичницу мне, — хрипло пробормотал он. Затем бывший киллер помотал головой, осыпая официанта хлебными крошками. — С беконом. И аспирин. И сосиски. И еще бекона, и грибов, и тостов побольше. И бекона. Да, и чашку чаю. Во-от такую.

— Чаю? — переспросил официант.

— Тогда стакан вина, если вы так настаиваете. Во-от такой. Только про бекон не забудьте.

Марвуд отпустил официанту рукав, развернул его к кухне передом, а к себе задом и как следует подтолкнул в нужном направлении. Затем он одарил Тарла тем, что при наличии сильного воображения можно было счесть улыбкой.

— Когда живот бунтует, — пробормотал он, — я считаю, лучше сразу ему показать, кто здесь хозяин.

— Ты меня просто поражаешь!

— И это я слышу от человека, который в три часа дня здоровенную миску *муламмоса* уплеет! Боги мои, как же твои внутренности должны тебя ненавидеть!

Марвуд уже собрался и дальше на эту тему порассуждать, но тут увидел, что лицо Тарла характерно пустеет, и понял, что в этот самый момент Гебраль связывается с ним посредством одного из своих коммуникационных заклинаний. Тарл пару раз рассеянно кивнул, словно бы с чем-то соглашаясь, после чего в глазах его опять появилась осмысленность, и он взглянул на Марвуда.

— Они уже рядом. Не забудь, на них мы ноль внимания, но держим ухо востро и следим, не будет ли за ними еще кого-то. А когда они уйдут, мы идем за ними, но далеко позади держимся.

Минуту спустя Ронан с Гебралью вошли в дверь и направились к самому дальнему столику, совершенно не замечая двух рассевшихся у окна хмырей. Тарл и Марвуд были готовы к любому развитию событий, но им не стоило беспокоиться. Никто на новых клиентов внимания не обратил, и никто за ними в ресторан не последовал. Они тихо сели за столик и что-то себе заказали, а вскоре после этого прибыл поздний завтрак Марвуда. Он с ним церемониться не стал и в темпе очистил тарелку. Дальше они с Тарлом стали добивать графин, пока официант убирал грязную посуду. Другая пара по-прежнему ела, так что Тарл с Марвудом немного поболтали и поглазели в окно.

Некоторое время спустя метрдотель опять появился и навис над их столиком, наивно надеясь, что они уже собираются уходить.

— Вам чего, любезный? — медовым голосом поинтересовался у него Тарл.

— Нет-нет, ничего, господин. Я просто подумал... гм... не желают ли господа парочку ромовых баб на десерт.

— Ну-у, с бабами мы как-нибудь вечерком разберемся. — Тарл ухмыльнулся, когда его находчивый ответ возымел действие, и метрдотель, безнадежно разведя руками в адрес съездившегося от страха официанта, удалился и оставил их в покое.

Через полчаса, после еще одного мысленного послания от Гебралы, Тарл подозвал к себе боязливого официанта и уладил дело со счетом. Они с Марвудом смотрели, как другая пара уходит, но никто из клиентов ресторана, похоже, опять на большого воина с хрупкой девушкой никакого внимания не обратил. Тогда Тарл дал им двухминутную фору и, отстегнув официанту такие чаевые, что у бедного парня брови на затылке исчезли, повел Марвуда на улицу.

— И что теперь? — спросил Марвуд. Ему уже так полегчало, что теперь он выглядел просто больным, а не два месяца тому назад усопшим.

— Мы за ними пойдем и будем пошире глаза разувать. Дальше мы к зданию Купеческой Гильдии направимся. Тусона с Котиком туда к шести притопают. У нас там с ними встреча условлена.

— А потом?

— А потом, — торжественно произнес Тарл, глядя на бледное лицо и дрожащие руки Марвуда и безуспешно стараясь спрятать ухмылку, — мы с тобой к Интоксик Катье в «Добрый самогон» стопы направим. Нам еще одна веселая ночка предстоит. Эй, с тобой все в порядке? Да что я такого сказал?..

Тусона с Котиком прекрасно провели время, добираясь до Гутенморга, и прибыли туда в середине дня. Они также маскировкой воспользовались. Тусона позаимствовала у монахов еще один наряд и теперь была закутана в объемистый черный плащ, который дал ей брат Трудоголик. Котик с виду вообще-то ничем от любого другого низкорослого бурого осла не отличался. Его всегда выдавало необычное поведение, а потому на сей счет ему были даны строжайшие инструкции. Тусона велела ему ни слова не говорить, даже в случае откоро-

венной провокации, и сказала, что если ему предложат морковку или немного сена, он должен будет не только все это съесть, но еще и страшно довольным при этом прикинуться. Если же он этих простых инструкций выполнить не сумеет, сказала она ему далее, то она отправится в магазин диетического питания, купит там месячный запас мюслей и насильно их в него затолкает. А если мюсли в него совсем не полезут, она позволит их обезжиренным йогуртом запить. Осел понятия не имел, что такое мюсли и йогурт, но логично прикинул, что это какая-то гнусная клятня, а посему твердо решил вести себя как полагается. И теперь, проследовав за Тусоной в город, он послушно дожидался у дверей кофейни, пока она неспешно пила кофе со сливками и впитывала в себя атмосферу.

Тусона всегда считала, что это один из лучших способов выяснить, что вообще-то в городе происходит. Час, проведенный в ненавязчивом выслушивании всевозможных сплетен, никогда не бывал потрачен даром. Порой удавалось подцепить лишь несколько ложных слухов, но если в городе творилось что-то серьезное, ты всегда об этом узнавал. Вот и сегодня, судя по всему, имелась одна главная тема, которую все компашки рано или поздно брались обсасывать, и темой этой был Университет.

Выбранная Тусоной небольшая кофейня у главных ворот явно находилась на приличном удалении от студенческого квартала. Ее посетителями были обычные горожане, и все они, похоже, испытывали к Университету и его обитателям благоговейный страх. Однако были тут три вещи, по поводу которых соглашались все. Во-первых, эти университетские деятели были очень странными типами, и им ни в коем случае не следовало доверять. Во-вторых, они как пить дать несли ответственность за все последние заморочки, и с этим требовалось что-то поделать. А в-третьих, если эти заморочки продолжатся, тогда всем остальным горожанам просто придется протопать к Университету и этим студиозусам под корень рога обломать.

К тому времени, как Тусона вышла из кофейни, в голове у нее созрел определенный вывод, что независимо от того, какие конкретно заморочки имелись в виду, средний горожанин напрямую связывал их с университетской публикой. Было совершенно очевидно, что горожан это клятски раздражало. Кроме того, казалось в высшей степени вероятным, что если еще что-нибудь такое случится, разгневанная толпа примарширует к Университету и всем там капитально выдаст на орехи.

Прикидывая, что же тут такое могло происходить, Тусона в сопровождении Котика направилась по маршруту, который в итоге должен был привести ее к зданию Купеческой Гильдии, где она договорилась встретиться с остальными. Уже начинало темнеть, и городские факельщики вышли на улицы, таща за собой тележки со свежими уличными факелами и заменяя сгоревшие за предыдущую ночь новыми, только что зажженными. На улицах было полно народу, и Тусона заторопилась, решив, что слишком долго просидела в кофейне и теперь может опоздать.

Однако прошло всего лишь несколько минут, прежде чем они прибыли на просторную булыжную площадь и увидели там впечатляющее здание из красного камня, где и располагалась штаб-квартира Купеческой Гильдии. Флаги с гербами трех главных купеческих фамилий Гутенморга висели над массивной двустворчатой дверью, а по широкой лестнице, что вела к обрамленному колоннами фасадом, вверх-вниз прохаживались богато одетые члены Гильдии. Некоторые, впрочем, медлили на ступеньках, собираясь в небольшие группки и обмениваясь слухами. Четыре тяжеловооруженных всадника гарцевали у подножия лестницы, отваживая нищих, проституток, страховых агентов и прочее отребье от солидных бизнесменов, пока те важно курсировали по тротуару между безопасным укрытием здания и пышной роскошью их личных карет.

Тусона пристроилась неподалеку от подножия лестницы ближе к углу здания Гильдии, откуда ей было видно, что по

всей площади происходит, и откинула капюшон своего плаща, чтобы друзья сразу ее узнали. Поначалу никто никакого внимания на нее не обращал, но довольно скоро у нее стало складываться ощущение, что за ней наблюдают. Тогда Тусона как бы невзначай огляделась и обнаружила, что один из задержавшихся на лестнице купцов всюду на нее пялится. Несколькими моложе своих сотоварищей, этот был особенно роскошно одет. Кроме того, на шее у него висела толстая золотая цепь, на пальцах красовались массивные золотые перстни, а рукоять меча была разукрашена серебром и самоцветами. С толстогубой, мясистой физиономии бизнесмена смотрели жесткие и холодные глаза. Их взгляды встретились, и мужчина ухмыльнулся. Тут Тусона вдруг поняла, что в этой одежде, с непокрытой головой, она выглядит вовсе не знаменитой воительницей, а молодой, привлекательной и, главное, совершенно свободной женщиной.

Золотоносный купец что-то шепнул своим приятелям, после чего те посмотрели в ее сторону и хрипло расхохотались. Затем Тусона с досадой поняла, что мужчина направляется в ее сторону. «Клят, — подумала она, — только этого не хватало. Если Ронан сейчас появится, он живо этого парня угрохает...»

Бизнесмен подошел к ней и отвесил глубокий поклон, который явно задумывался как эффектный, но Тусона лишь неловко поежилась. Тогда он протянул пухлую, тяжелую от золота ладонь, чтобы взять ее под руку, и его темные, гладко прилизанные волосы заблестели в свете ближайшего факела.

— Добрый вечер, миледи, — засочился любезностью купец. — Не окажете ли мне честь немного со мной прогуляться?

— Нет, спасибо, — ответила Тусона, аккуратно, но твердо освобождая свой локоть от жирной ладони, однако мужчина проигнорировал намек. Со скупой улыбкой на лоснящейся физиономии он придвинулся ближе, слегка к ней прижимаясь и источая приторный аромат дорогого масла для волос. Было в этом типе что-то до тошноты сальное, и Тусона по-

чувствовала, что выдержка вот-вот ей изменит. Ее словно бы нефтью обволакивало.

— Возможно, я все же сумею добиться вашей благосклонности. Несомненно, вы можете провести со мной час-другой — если это будет того стоить.

Он снова ухватил ее за локоть, уже настойчивей, и Тусона вдруг сообразила, что он вовсе не собирается принимать ее отказ за ответ. Тогда она уже во второй раз гневно стряхнула его руку.

— Повторяю: нет, спасибо, — твердо произнесла она, но из смеси досады с интересом на физиономии бизнесмена тут же поняла, что одних слов будет недостаточно.

— Смею думать, вы это не всерьез, — продолжил купец и хотел было опять потянуться к ее локтю, но тут что-то крепко ухватило его за руку. Опустив взгляд, он понял, что низкорослый осел со злобными красными глазами аккуратно сцепил острые зубы на пальцах его правой руки.

— Ну ты, жертва маркетинга, — сквозь сжатые зубы процедило животное. — Кончай мою подругу доставать. И клятуй отсюда по-быстрому. А то я тебе сейчас не только пальцы, но и шары оттяпаю. Совсем, клят, половой жизни лишишься.

Купец в гневном изумлении уставился на Котика.

— Тебе что, уши клятами заложило? — осведомился осел, прежде чем мужчина успел заговорить, а потом чуть-чуть сжал челюсти.

— Да! Да! Хорошо! — выдохнул бизнесмен, и осел так ослабил хватку, чтобы он сумел руку выдернуть. Мужчина попятился на несколько шагов, растирая пальцы. Сперва он волком глазел на Котика, после чего перевел взгляд на Тусону. — Грязная ведьма! — воскликнул он. — Убирайся отсюда, пока я стражу за тобой не послал! — Резко развернувшись, он торопливо зашагал вверх по лестнице к дверям здания.

Тусона облегченно вздохнула, а затем гневно повернулась к ослу.

— Я же тебе молчать велела! — прошипела она.

— Послушай, но ведь ты же не хотела прямо тут ему мозги вправлять, — резонно ответил Котик. — Тебя бы тогда узнали. Слишком уж ты заметная. А где Тусона, там всегда Ронана ищут. А так этот барыга решил, что ты просто ведьма, и нашей маскировки мы не нарушили. Никто ни о чем не догадается. Он же не станет людям рассказывать, что его осел до смерти напугал. Ему нужно имидж крутого мачо поддерживать...

Тусона хотела было заспорить с упрямым четвероногим, но тут вдруг заметила на другой стороне площади знакомое лицо. Это был Ронан, и при виде его сердце Тусоны, как всегда, сделало кульбит и куда-то воспарило. Он стоял, разговаривая с Гебралью, но лицо его было повернуто к Тусоне, и прямо у нее на глазах он едва заметно ей подмигнул. Несколько секунд спустя она заметила, как мимо него, оживленно беседуя, прошли Тарл с Марвудом. Тарла ей сложно было бы не заметить, ибо его ярко-оранжевая ряса бросалась в глаза как голая монашка в пивном баре. Они пересекли площадь и вышли на улицу с восточной ее стороны, а Ронан с Гебралью, держа дистанцию, за ними последовали.

Тусона нагнулась и почесала ослу за ушами.

— Пошли, мохнорылый, — сказала она. — Похоже, Тарл знает, куда идет. Надо думать, он здесь какое-то безопасное место нашел.

— Знаю я эти его безопасные места, — негромко пробормотал Котик. — Опять кабак какой-нибудь. — И он последовал за Тусоной, которая в бодром темпе зашагала по площади, радуясь скорой встрече с друзьями.

Фенамин закончил драить полы в последнем туалете из тех, что у него на тот день были расписаны, и устало поднялся с колен. День вышел долгий, утомительный и страшно гнетущий, и Фенамин был рад, что он уже почти завершился. Теперь можно было вернуться в «Золотую жилу» и пару-другую кружек пропустить. Тут он был почти что сам себе хозяин, ибо почти все остальные гномские ученые были заняты.

Сегодня вечером ожидалась самая крупная научная экспедиция из всех, что они до сих пор провели.

Боги, как же это было нечестно! Если бы его не арестовали, он бы опять отправился в Гутенморг, а там, в клубе «Кошелек или жизнь», сегодня как раз был любительский вечер. По плану экспедиция должна была продлиться тридцать минут, и у Фенамина была бы куча времени, чтобы добраться до клуба, встать на сцену и исполнить свой номер. Мало того, это мог быть его последний шанс, ибо Аминазин недавно обмолвился о том, что если они заполучат достаточное число пленников для научных экспериментов, то на довольно долгое время с командировками будет покончено.

Фенамин раздраженно швырнул шетку в ведро, схватил швабру и направился к двери. Коридор снаружи был пуст, ибо к этому времени всем гномам полагалось собраться в Передаточном зале, и Фенамин удрученно побрел по нему к кладовке. Но затем он помедлил. Слышался ритмичный лязг, как будто кто-то пытался как можно быстрее в полном комплекте доспехов передвигаться.

Фенамин обернулся и увидел, как из-за угла появляется кряжистая фигура. Это был Азалептин, облаченный в характерные вальдарские доспехи, со шлемом под мышкой. Очевидно, он увлекся каким-то экспериментом и начисто позабыл про время, а теперь, опаздывая, торопился в Передаточный зал. Фенамин отступил в сторону, чтобы его пропустить, и поднял руку в салюте, каким гномы обычно приветствовали начальника, экипированного для битвы. Не обратив на него ни малейшего внимания, Азалептин неуклюже протопал мимо — и Фенамин вдруг взбеленился. Одна секунда — и он почтительно стоит у стены, пропуская начальника. Другая — и его швабра уже летит по дикой дуге, чтобы обрушиться на незащищенный затылок гнома. Раздался громкий стук, и бесчувственный Азалептин с лязгом осел на пол.

Несколько секунд Фенамин, в ужасе от содеянного, тупо на него глазел, а потом протянул руку, поднял шлем Азалептина и стал его рассматривать. Подобно всем прочим шле-

мам, у этого на боку имелась клановая руна \$, а к ней Азалептин добавил свой личный номер 666, так что даже в полной экипировке его легко можно было опознать. При виде необычного значка \$666 в голове у Фснамина как по волшебству что-то щелкнуло, и план, который наверняка сидел у него в подсознании, когда он вырубал Азалептина, вдруг выпрыгнул в его лобные доли. Тогда он нагнулся и трясущимися руками принялся расстегивать ремешки, которыми крепились доспехи его начальника.

Аминазин уже весь кипел и дымился. Эта экспедиция была самой крупной из запланированных. Им предстояло испытать в полевых условиях несколько свежих изобретений — в частности, «раскидаи», новые мстательные бомбы, изобретенные Алхимией. Аминазину позарез требовались превосходные результаты для предъявления их прибывающему в скором времени совету «Оркоубойной». Требовался ему и хороший запас пленников для запланированных демонстраций. Однако не успел он закончить инструктаж, как столкнулся с фактическим бунтом. Опять пошли все эти разговоры о моральном аспекте проведения экспериментов на разумных существах, и Аминазину пришлось долго запугивать и умасливать свое войско, пока оно все-таки не перебралось в Передаточный зал, готовое выполнить его приказы. А теперь все они стояли и ждали, недовольно переговариваясь, поскольку начальник экспедиции, родной брат Аминазина, гад такой, клятски опаздывал.

Нет-нет, Аминазина это вовсе не удивляло. Когда требовался надежный замдиректора по научной работе, Азалептин был просто идеальной фигурой: всегда полон превосходных идей относительно новых направлений исследования, неизменно внимателен к малейшим деталям, фанатично предан текущим проектам. Но стоило только изъять его из лаборатории и погрузить в реальный мир — и он оказывался совершенно беспомощен. Аминазину зомби с лучшей жизненной хваткой попадались. Прямо сейчас этот Азалептин как пить

дать окопался в лаборатории и с головой ушел в эксперимент, связанный с определением зиготной повторяемости у следующего поколения панмиктических особей из подвида «черных стерв». Или он там просто интеллектуальным онанизмом занимается, грязный ублюдок...

Но тут облаченная в доспехи фигура с лязгом ворвалась в дверь, и Аминазин испустил вздох облегчения. Он постучал по лекторской трибуне, требуя внимания, и уже готов был произнести заранее им написанную вдохновляющую речугу, но тут, к вящему его удивлению, Азалептин не подошел к нему и не встал рядом, а загрохотал к началу гномских колонн. Прежде чем Аминазин успел хоть слово сказать, его брат открыл один из негромко гудящих передатчиков, забрался в кабинку и закрыл за собой дверцу. Научный сотрудник рядом с кабиной тут же щелкнул парой переключателей, гудение усилилось, а затем зеленая лампочка на верху кабинки замигала, и Азалептин отбыл.

Принимая это за сигнал к действию, четырехсотенная гномская армия начала продвигаться вперед и входить в кабинки. Стараясь привлечь внимание, Аминазин всеми подручными средствами барабанил по трибуне, но впустую. Передатчики работали так громко, что начисто его заглушали. Он вынужден был просто стоять и наблюдать за происходящим, сжимая в кулак так старательно подготовленную речь, пока последний воин не вошел в кабинку, а последняя зеленая лампочка не погасла.

Инженеры завозились с передатчиками, проверяя их и готовя к ожидавшемуся через полчаса возвращению армии, а разгневанный Аминазин поплелся прочь из зала, бормоча глухие угрозы и посулы.

— Нет, я его убью, — рычал он. — Пусть только вернется. Я клятом буду, если этого клятского братца не прикончу.

— Что же мне теперь делать? — раздался вдруг чей-то голос, и Аминазин, обернувшись, увидел ковыляющего к нему по коридору Азалептина. Замдиректора был в одном гномском нижнем белье — в майке и семейных трусах, а в глазах у

него застыло полное обалдение. Из раны на затылке все еще текла кровь. Он осел на колени, и Аминазин подбежал ему помочь. Но пока он поднимал своего ошелощенного брата на ноги, в голове у него все стучала одна мысль. Если Азалеппин здесь, кто же тогда экспедицию в Гутенморг возглавил?

Несмотря на почти непреодолимое желание побежать вслед за Ронаном и крепче его обнять, Тусона держалась чуть поодаль, следуя за ним и Гебралью по узким улочкам. Они с Котиком тенью пробирались за ними сперва по боковой улочке, затем по пешеходному мостику через реку, затем по узкому проулку, а затем вверх по, казалось бы, бесконечному ряду ступенек.

Когда они добрались до верха лестницы, Ронана с Гебралью там уже видно не было, но Котик принялся и без колебаний повернул налево. Метров через сорок еще один проулок ветвью уходил вправо, и они достигли его как раз вовремя, чтобы увидеть, как Ронан с Гебралью входят в большую таверну.

— Я же говорил, — прошептал осел.

Они прошли по улице к заднему двору таверны, где имела конюшня. Через открытую дверь было видно, как конюх чистит одного из оставленных там коней.

— Ты ведь не хочешь мне предложить, чтобы я тут подождал? — недоверчиво спросил осел.

— Пойми, нормальные ослы в таверны так просто не заходят и *мулаппос* за обе щеки там не жрут. Это маскировку разрушит.

— Ладно. Только сена я не ем.

Когда они вошли в дверь, конюх, беззубый мужичонка с нежными глазами на морщинистой физиономии, оторвал глаза от своей работы и одарил их своей широкой улыбкой.

— Привет, — сказал он, и Тусона вдруг поняла, что он с ослом здоровается. К счастью, у Котика хватило ума промолчать.

— Добрый вечер, — отозвалась она. — Вы за моим ослом не присмотрите?

— Обязательно присмотрю, — кивнул конюх. — Эй, приятель, а ведь ты не на шутку проголодался, — продолжил он затем, глядя Котику шею. — И у меня такое чувство, что за морковку или солому на ужин ты мне спасибо не скажешь. — Он сделал паузу, склонив голову набок и задумчиво глядя на осла. — По-моему, ты в своей жизни уже кое-какой толковой еды попробовал, — заключил он. — Что, если я для тебя на кухню за миской тушеного мяса схожу?

Тусона еще никогда не видела на какой-либо ослиной физиономии такую откровенную ухмылку. Было очевидно, что Котик попал в надежные руки, так что она развернулась и под дождем прошла по тихому безлюдному дворику к задней двери таверны. Изнутри слышался громкий смех и разговоры, а еще кто-то жутчайшим образом играл на вконец расстроенном пианино. Хотя Тусона никогда в жизни здесь не бывала, от сознания того, что Ронан и остальные находятся внутри, у нее вдруг возникло чувство, будто она домой вернулась. С радостным теплом на сердце она открыла дверь и вошла.

Единственное просторное помещение таверны было битком забито народом, и весь этот народ всерьез был настроен славно повеселиться. Поблизости Тарл и Марвуд беседовали с небольшой компанией студентов. Было очевидно, что они уже знакомы, поскольку один из парней предупреждал остальных, чтобы за карты они с Тарлом ни в коем случае не садились. Тарл при этом ухмылялся и старался делать невинный вид, но безуспешно. Тусона стала прикидывать, что бы обо всем этом подумала Гебраль, ибо парочка девушек откровенно с ним заигрывала.

— Скажи, Тарл, а Ланья не врет? — спросила одна. — Ты правда на магическом языке говоришь?

Тарл с показным равнодушием пожал плечами.

— Pontifex petasum comicum geratet? — выдал он.

Тусона сперва вздрогнула, а затем заметила у стойки Ронана с Гебралью и изумленно раскрыла рот. Геб с довольной улыбкой наблюдала за Тарлом и явно не ставила ему в вину флирт, но дыхание у Тусоны перехватило от того, что Ронан с парой кентавров разговаривал. Раньше она никогда этих существ не видела, а тут их было сразу двое, и к их бесподобной красоте она была не готова. У кентавра-мужчины были густые каштановые волосы и короткая борода. Его обнаженный торс был очень мускулистым, а конскую его часть покрывала роскошная темно-ореховая шкура. Мощной рукой он обнимал свою спутницу, светлые волосы которой отличались поразительной длиной и густотой. Взглянув на ее лицо, Тусона решила, что такой несравненной красоты она еще никогда не встречала. Зеленые глаза кентаврихи так и искрились. Единственный предмет ее одежды, линялый хлопчатобумажный лифчик, обтягивал грудь такой формы, при виде которой большинство обычных женщин могли бы от зависти лопнуть. Ее конское тело пегой масти было миниатюрней и стройней, чем у ее спутника. Общий эффект был ошеломляющим, и Тусона, вне себя от восхищения, всю глазела на парочку роскошных существ.

— Жаль, ты Котика с собой не прихватила, — пробормотал кто-то совсем рядом. — Они с Марвудом и с этой кентаврийской чувихой классную троечку бы сообразили.

Тусона вздохнула. Чары непоправимо разрушились.

— Свиныя ты все-таки, Тарл, — прошипела она. — Знаешь об этом?

— Стараюсь как могу.

Тусона тревожно оглянулась, но никто, похоже, за ними не следил. Когда она повернулась обратно, Тарл сунул ей стакан. В другой руке у него была бутылка «примо-бормотелло», и он тут же ей из нее налил.

— Не волнуйся, — тихо сказал он затем. — Никто здесь за нами не присматривает. Мы в полной безопасности. Тут уже привыкли, что я со всеми заговариваю, особенно если это женщины.

— С Ронаном все хорошо? Его приняли?

— Да-да. Все ништяк. Его приняли, и никто его не узнал. Если не считать нескольких киллеров в Университете, других в городе нет. И Марвуд уверяет, что как только Ронана официально зачислят на кафедру, эти университетские ребята его не тронут, даже если узнают, кто он такой. Он говорит, это будет типа бесчестно.

— А когда его зачислят?

— Завтра утром. — С радостной улыбкой на лице Тарл беспечно огляделся и сделал широкий жест винной бутылкой. — Ну ладно, с тобой я, можно сказать, познакомился. Теперь я пойду с Выкрутасом поговорю. Это вон тот кентавр. Вообще-то он тут барменом работает, но сегодня у него выходной, и он сюда с подружкой заявился. Так я и с Ронаном поболтаю. Если ты подойдешь к стойке, Геб с тобой заговорит. Тогда мы все будем официально знакомы. Вообще-то всем тут на все это наклеивать, но Геб говорит, так Ронану будет спокойней. Все здесь клятски дружелюбные, так что с кем хочешь, с тем и говори. Тебе только нужно знать, что вон тот покрашенный верзила в конце стойки — это Интоксик Катя и она в этом заведении хозяйка.

Тусона перевела туда взгляд и увидела здорового, мускулистого парня с татуированными руками. На парне был длинный белый парик и целая тонна косметики. Еще он щеголял женским платьем, туфлями на высоком каблуке и серьгами в ушах, но, несмотря на всю эту дамскую атрибутику, выглядел круче любого мачо.

— Если будешь с Катей говорить, помни, что к ней всегда надо только в женском роде обращаться. Если она услышит, что ты ее «им» назвала, она тебя отсюда выкинет и больше никогда не пустит. Усекла?

Тарл мило ей улыбнулся, а потом побрел прочь, ухмыляясь и кивая каждому встречному, само воплощение праздника. Тусона бросила быстрый взгляд на Ронана, который все еще с Выкрутасом разговаривал, а затем на Гебраль, которая внимательно слушала то, что ей кентаврийская девушка рас-

сказывала. Обе они держали в руках полупустые кружки. Поблизости Марвуд с головой ушел в разговор с компанией студентов, причем он, как и Тарл, активно винной бутылкой жестикулировал.

Тусона вздохнула и с некоторой опаской стала проталкиваться к стойке. Ночь обещала быть долгой, и у нее было чувство, что наутро она опять может о многом пожалеть.

Фенамин шагал по Собачьей улице, вглядываясь в мириады боковых ответвлений, и пытался прикинуть, которое из них Моськин переулок. Он слегка дрожал, частично от волнения, но главным образом все-таки из-за его слишком легкого для северного зимнего вечера одеяния. Он счел за благо сразу же сбросить с себя азалеппинские доспехи, поскольку это была уже третья экспедиция в Гутенморг, и любая персона в вальдарской амуниции наверняка пользовалась у горожан таким же успехом, что и бешеный *мегоцерий* с расстройством желудка.

Гном помедлил и тревожно вгляделся в еще один уличный указатель. Вообще-то он рассчитывал, что теперь у него куча времени, поскольку ему рассказывали, что передатчики настроены на какую-то там хренотень в доспехах, и если ты их снимал, вернуть тебя обратно в Тарарам уже не могли. Но он не был в этом твердо уверен и хотел на всякий случай оказаться на сцене раньше, чем истекут положенные полчаса. Фенамин не сомневался, что после такой эскапады Аминазин сотоварищи как пить дать на всю оставшуюся жизнь запрут его куда следует, и намерен был позаботиться о том, чтобы игра стоила свеч.

Ага, наконец-то! Над темной витриной мясной лавки имелся указатель, из которого явствовало, что широкая булыжная аллея справа — это и есть Моськин переулок. Скорее похожий на узкую улицу, чем на переулок, он был освещен парой оплывающих факелов, по одному в каждом конце. Примерно в середине переулка над заведением «Чик-чик — и готово»

торчал полосатый парикмахерский шест, а рядом как раз был вход в клуб «Кошелек или жизнь».

Внезапно на отдалении раздалось несколько мощных взрывов, и вечернее небо озарилось светом. «Оба-на, — подумал Фенамин. — Похоже, ребята опять за свое. Надо бы поскорей с улицы убираться».

Он нервно сглотнул. Дверь перед ним была раскрыта, и голая деревянная лестница вела в подвал под парикмахерской, где размещался клуб. Ни швейцара, ни вышибалы там не наблюдалось, однако на стену у двери было прилеплено выцветшее объявление, в котором говорилось о том, что каждую пятницу в клубе «Кошелек или жизнь» проводится любительский вечер. Гул голосов и звон бокалов плыли вверх по лестнице в густом потоке сигаретного дыма и паров скисшего пива, но никакого смеха Фенамин не слышал. Возможно, там объявили перерыв. Или еще не начинали. Или любительский вечер совсем отменили. Еще можно было предположить, что публика там просто туши свет.

Сердце Фенамина уже билось где-то во рту, а все содержимое его желудка готово было к нему присоединиться. Тем не менее он вошел в дверь и стал спускаться по лестнице, что вела его напрямик навстречу судьбе.

Минут через пять после того, как подружка Выкрутаса пожелала всем доброй ночи и вышла из таверны, раздались первые взрывы. Тусона устроилась в укромном уголке, общаясь с Ронаном и Тарлом, а Марвуд и Гебраль сидели неподалеку в компании, которая включала в себя Выкрутаса и Интоксик Катю. Взрывы были такими близкими и мощными, что всю таверну буквально затрясло, и все разговоры разом прекратились. Затем, когда грохот затих, дверь таверны распахнулась и туда ввалился какой-то парень. Из пореза у него на лбу всюю струилась кровь.

— Они опять здесь! — заорал он. — Демоны вернулись!

Тусона непонимающе уставилась на Ронана и Гебраль:

— Демоны? О чем он толкует?

— Говорят, на Гутенморг уже дважды нападали, — выкрикнул Тарл, а затем указал большим пальцем на бледного длинноволосого студента, который, пьяный в стельку, валялся в углу. — Гаудеамус мне рассказывал, что демоны в черных одеждах дважды являлись в город и кучу народу убили и похитили. Но он также уверял, что по мне целая стая красных дракончиков бегают, так что я особо не озадачился.

— Тот псих в рыбацкой деревушке тоже рассказывал, что его деревушку демоны спалили, — заметил Ронан. — Нам лучше выяснить, что здесь творится.

Вместе с Тусоной и Тарлом он протолкнулся сквозь толпу испуганных гуляк, но едва они добрались до двери, как последовала вторая серия взрывов.

— Да что тут за клятство такое? — буркнул Ронан, дергая на себя дверь и выбираясь наружу. Однако зрелище, которое он там увидел, заставило его застыть на месте.

Расположенный всего в паре сотне метров оттуда Университет, похоже, вовсю горел. Языки пламени лизали небо, и ночь была озарена ярко-красным свечением, которое каждые несколько секунд затмевали слепящие белые вспышки новых взрывов. В воздухе ясно чувствовался запах дыма, и с той стороны доносились дикие вопли.

— Вперед! — воскликнул Ронан и, обнажив меч, бросился по улице в направлении Университета. Тусона держалась у него под боком, а Марвуд, Тарл и Гебраль старались не отставать. Когда они пробежали мимо входа на конюшню, раздался стук копыт и выскочивший оттуда Котик помчался вслед за друзьями.

Улица изгибалась влево, уходя чуть в сторону от университетской заварухи, пока не влилась в более широкий бульвар, по обеим сторонам которого располагались шикарные магазины. По бульвару бежало множество до смерти перепуганных людей, готовых смести все на своем пути в отчаянной попытке убраться как можно дальше от взрывов и от того, что их вызвало. Ронан с друзьями повернули направо, еле-еле пробиваясь сквозь толпу бегущего народа. Наконец толпа эта

поредела, и они смогли опять перейти на бег, скользя на мокром от дождя булыжнике. Метров через пятьдесят проспект вывел их на небольшую площадь. Там они резко остановились и в ужасе стали наблюдать за разворачивающейся перед ними сценой.

Группа примерно из двадцати темных металлических фигур рассредоточилась по площади в окружении трупов, всевозможных обломков и клубов густого дыма. Там также находились какие-то ящики и коробки, и некоторые из фигур возились со странным, невиданным оборудованием. Сразу трое собрались рядом со сверкающей металлической трубкой, под углом уходящей вверх. Время от времени одна из фигур что-то бросала в верхний конец трубки, после чего раздавалось глухое буханье, а секунды спустя там, куда указывала трубка, следовал далекий взрыв.

Позади них, на дальней стороне площади, еще трое швыряли в витрины магазинов круглые металлические шарики и засекали время, которое требовалось на то, чтобы взрыв разворотил весь магазин. За ними уже тянулась целая череда горящих и разрушенных зданий.

В центре площади, у небольшого фонтана, еще четыре темные фигуры стояли рядом с парой больших, похожих на клетки ящиков. Прямо на глазах у Ронана и его друзей они открыли эти ящики, выпуская оттуда пару существ, которые выглядели как нечто среднее между зайцами и волками. По меньшей мере метр двадцать в длину, они обладали мощными задними лапами, но при этом имели массивные волчьи головы с сильными челюстями и бритвенно-острыми зубами. Эти твари тут же увлеченно запрыгали возле семиметровой статуи старого ректора Университета в попытке ухватить за ноги троих студентов, которые, вереща от страха, держались за голову ректора. Прежде чем Ронан и остальные успели двинуться с места, одно из существ уже вцепилось в болтающуюся сверху ногу и стащило ее обладателя на землю. Затем обе твари бросились на несчастного студента, и тот мигом исчез в неразберихе шерсти, крови и зубов. Два его сотоварища в диком ужа-

се еще пуще завывали и заверещали, но четыре черные фигуры не удостоили их ни малейшим вниманием. Они с бесстрастным интересом наблюдали за четырьмя зайцеволками, а один даже что-то в блокнот записывал.

— Кто эти мерзавцы? — прошептала Тусона.

— По крайней мере не демоны, — отозвался Марвуд. — Никогда не слышал, чтобы демоны в вальдарских доспехах разгуливали.

— Ты про их амуницию? — спросил Ронан.

— Ну да. Вы только на форму их шлемов гляньте. Это первоклассное снаряжение, зуб даю. Но для людей эта публика маловата.

— Да это же гномы! — воскликнул Тарл. — Точно! Смотрите, там почти у всех боевые топоры!

— Кроши вонючую мелкоту! — прорычал Ронан и бросился вперед, а Тусона с Марвудом буквально сели ему на пятки.

Тарл хотел было помчаться за ними, но Гебраль схватила его за руку.

— Погоди! — прошипела она. — Ты что, не чувствуешь? Воздух гудит от Силы! Нам надо придержать нашу магию, пока она не потребуется. Смотри и будь готов!

Тогда они осторожно двинулись вперед, прощупывая магические выплески подобно змеям, пробующим воздух языками, а Котик медленно семеня между ними. Тусона и Марвуд понеслись к темным фигурам рядом со статуей, а Ронан схватился с ближайшими, которые из металлической трубки пуляли. Он обрушился на них как берсерк, бешено размахивая мечом и рассчитывая тут же их порубить, несмотря ни на какие доспехи, ибо опытный и умелый воин всегда может найти шов или какое-то слабое место. Однако ничего не вышло. Воздух вокруг его меча вдруг странным образом уплотнился, и ощущение у Ронана было такое, будто он сквозь густую грязь прорубается. В результате ему лишь удалось сбить их на землю. Тусона тоже выяснила, что сильного удара ей нанести не удастся, зато накинувшемуся на зайцеволков Мар-

вуду повезло больше. Разорвав свою первую жертву, зайцеволки вознамерились стащить со статуи двух оставшихся студентов, но ему удалось схватить одного за шкирятник, резко дернуть на себя и раскроить ему горло ножом. Второй с яростным рычанием на него бросился, но Марвуд спокойно пригнулся и небрежным взмахом ножа распорол ему брюхо, так что зайцеволк приземлился на липкую массу собственных внутренностей и вскоре с воем загнулся на холодных каменных плитах.

Марвуд понаблюдал за тем, как два студента спрыгивают на землю и спасаются бегством, но затем к нему принеслись три темные фигуры, и он вынужден был отступить, ловко укрываясь за статуей. Гномы, поначалу ошарашенные неистовым напором, уже очухались и сами перешли в наступление. Ронан с Тусоной внезапно обнаружили, что вынуждены отчаянно отбиваться от целого роя крутящихся боевых топоров, и им обоим пришлось стремительно отступать, изо всех сил отмахиваясь от убийственных клинков.

Тарл, который в отчаянии за всем этим наблюдал, чуть в штаны не наделал, когда Гебраль вдруг его за руку схватила.

— Ты чувствуешь? — выдохнула она. — Поток Силы — всякий раз, как Ронан или Тусона удар наносят! Наверняка эти доспехи какой-то магической ерундой пропитаны. Я должна быстро это просечь. Охраняй нас, любимый!

С этими словами она опустилась на колени, закрыла глаза и вытянула перед собой руки, а Тарл встал над ней, готовый отбиваться от того безымянного ужаса, который должен был на них обрушиться, и чувствуя себя при этом не полезней подтирки из колючей проволоки.

Тусоне удавалось отбивать нападавших. Они не осмеливались особенно на нее давить, ибо в тылу у них подобно какому-то балетному пугалу маячил Марвуд, а его атака на зайцеволков произвела на них впечатление. Марвуд был слишком шустр, чтобы гномы более-менее успешно за ним гонялись, но игнорировать его, несмотря на свои замечательные доспехи, они тоже не могли, и вытекавшей отсюда нерешимости

тельности вполне хватало, чтобы Тусона худо-бедно от них отбивалась. А вот Ронан был окружен и испытывал серьезные трудности. Клинок его меча создавал перед ним подлинный металлический смерч, но даже несмотря на это, ему удавалось лишь отражать тяжелые удары топоров. Защищался он, как всегда, быстро и умело, однако всякий раз, как перед ним возникала брешь для ответного выпада, его удар получался таким медленным, словно его руку кто-то в свинец заковал.

Метрах в двадцати позади него Гебраль вдруг охнула и упала ничком. Ронан был слишком поглощен сражением, чтобы это заметить, зато ему явственно показалось, будто гномские доспехи словно бы лишились части своего темного блеска. Тут ему представилась еще одна микросекунда возможности, и Ронан опять сделал выпад, скорее по привычке, нежели в надежде на удачу, однако на сей раз его меч на удивление легко нырнул под занесенную руку врага, в брешь между наручником и нагрудником. Гном сперва отшатнулся, а затем с металлическим лязгом осел на каменные плиты. Он лежал там без движения, и темно-красная кровь сочилась у него из-под мышки. Его сотоварищи, ошарашенные этим неожиданным отпором, разом помедлили, но затем Ронан с победным ревом продолжил свою атаку, и они вынуждены были защищаться. Теперь удары Ронана уже ничто не сдерживало, и его меч бешено колошматил по гномским шлемам, оставляя там глубокие вмятины и почти лишая врагов сознания.

Тусона тоже перешла в атаку. Гномы не успевали парировать ее молниеносные удары, и те попадали точно в швы их доспехов. Вскоре трое врагов уже были серьезно ранены. Позади них Марвуду по-прежнему без труда удавалось держаться вне досягаемости страшных боевых топоров. Когда же представлялась возможность, он нырял вперед, с неприятным чпоком всаживая кинжал в щели для глаз в вальдарских шлемах. Еще пара гномов попыталась его атаковать, но он был для них слишком ловок, и их тяжелые топоры безвредно свистели мимо. С таким же успехом они могли пытаться срубить зудящего над ухом комара.

За всем этим с края площади наблюдал Тарл. Одна его рука покоилась на плече Гебраль, которая теперь с закрытыми глазами стояла на четвереньках. Все ее мышцы напрягались, пока она отчаянно силилась сдержать магическую силу амуниции и дать остальным возможность одолеть гномов. Это ей очень неплохо удавалось, ибо шесть закованных в доспехи фигур уже неподвижно лежали на земле, а Ронан, Тусона и Марвуд вовсю гоняли остальных по площади. Однако с боковых улиц и переулков к гномам постоянно прибывало подкрепление, и теперь их уже было более тридцати. Тут Тарл с ужасом понял, что кто-то, должно быть, освободил из клетки еще одного зайцеволка, ибо он нелепыми скачками двигался к ним по площади. Тарл бросил быстрый взгляд на Гебраль, но она была так сосредоточена на своих усилиях, что на все остальное никакого внимания не обращала, и он понял, что в дело придется вступить ему. Впрочем, для человека с его способностями особых проблем тут не ожидалось.

Тарл как раз мастрячил чудненький огненный шар, когда из проулка в двадцати метрах оттуда выбежал еще один гном. Он что-то швырнул в сторону Тарла, и прежде чем тот успел что-либо предпринять, очередной взрывчатый металлический шарик описал красивую дугу, ударился о булыжник и закатился как раз под Гебраль. Понимая, что у него в запасе лишь пара секунд, Тарл ухватился за первое же примерно подходящее заклинание.

— *Tempus ibi duce!* — выдохнул он. Должно быть, заклинание было брошено очень вовремя, поскольку серебристый шар не взорвался. Тем не менее хватка Тарла за свое заклинание была очень ненадежной, и он знал, что если он хоть на миг ее ослабит, чары нарушатся и шар тут же рванет. Он даже не мог отойти на безопасное расстояние, а потом ослабить хватку, ибо взрыв убил бы Гебраль. Так что Тарл продолжал глазеть на серебристую ерундовину, отчаянно сосредоточиваясь на удержании чар. И все это время он чувствовал, как зайцеволк все ближе и ближе к нему подбирается.

Но тут вперед выступил низкорослый бурый осел.

— Эй, клятсеныш! — крикнул он. — Потрахаться хочешь? Тогда прыгай сюда.

С голодным рычанием зайцеволк бросился на осла, и даже находясь в весьма затруднительном положении, Тарл все же умудрился пожалеть о том, что здесь не с кем об заклад побиться. Прошло всего несколько недель с тех пор, как на трибуне забадайского Калазея он наблюдал за поединком Котика с *ленкатом*, и на исход новой дуэли он рискнул бы любую сумму поставить. Краем глаза он наблюдал, как осел ныряет вбок, как его зубы наносят молниеносный удар по задней лапе зайцеволка, перерубая сухожилие. Не успела раненая тварь рухнуть на землю, как осел уже сидел на ней, в темпе разрывая ей глотку.

«Классно, Котик», — подумал Тарл и опять сосредоточил все внимание на том, чтобы удержать чары и не дать серебряному шару взорваться.

На площади шестнадцать гномов уже валялись в неловких позах, а остальные откровенно паниковали. Было очевидно, что Ронан, Тусона и Марвуд слишком для них быстры и умелы. Кроме того, гномы пребывали в таком смятении, что даже не могли наладить работу какой-либо из своих гнусных машин. Но затем, как раз когда Ронан прижал одного особенно упорного коротышку к стене и уже собрался было совсем его укоротить, над головой гнома вдруг замигал красный огонек, и секунду спустя он самым натуральным образом растворился в воздухе.

Ронан в изумлении уставился на то место, где только что находился враг, а затем повернулся и оглядел площадь. Повсюду гномы исчезали один за другим, даже мертвые и раненые. Их машины, ящики и коробки тоже исчезали. Поблизости стоящая на четвереньках Гебраль мотала головой, стараясь хоть как-то се прояснить. Немного прочухавшись, она взглянула на Тарла. А тот, словно загипнотизированный, неподвижно тарашился на что-то под ее животом. На его потном лице застыла маска отчаянного, предельного сосредоточения. Опустив взгляд, Гебраль заметила под собой серебря-

стый шарик. Тогда она, желая понять, что происходит, быстро прогнала заклинание Просмотра. Клят! Тарл окружил бомбу заклятием Задержки, но его хватка была очень слаба. Она могла в любой момент соскользнуть, и тогда этот шар взорвется!

Гебраль в темпе бросила заклинание Подачи, и шар так резко сорвался с места, словно по нему битой ударили. Ракетой пролетев через площадь, он врезался в постамент статуи ректора. Там бомба глухо рванула, и статуя медленно повалилась лицом в лужу, что, между прочим, частенько случалось и с живым ректором после очередной буйной попойки.

Тарл испустил вздох колоссального облегчения и огляделся. Ронан медленно шел к нему, держась за рану на левом плече, где самый кончик гномского топора оставил глубокий порез. Рядом с ним, негромко переговариваясь, брели Тусона и Марвуд. А вот гномы и все их оборудование бесследно исчезли. Пропали даже трупы зайцеволков, оставив за собой лишь кровавые пятна. По сути, если бы не разбросанные по площади тела студентов, горящие здания, далекие вопли и дымный воздух с запахом серы, а также взорванные витрины магазинов, могло бы даже возникнуть сомнение, были они там вообще или нет.

Тарл встал и обнял Гебраль.

— С тобой все хорошо? — спросила она, ибо лицо его было еще бледней, чем тем же утром у Марвуда.

— Да, не беспокойся, — ответил Тарл. — Все полный ништяк. — И тут он начал дрожать как осиновый лист. Дрожь эта не прекращалась до тех пор, пока друзья не привели его обратно к Интоксик Катье и не влили в него бутылку доброго бренди.

Фенамин с трудом верил в происходящее. По сути, он пребывал в полном обалдении с тех самых пор, как спустился по деревянной лестнице и принялся напряженно вглядываться в дымовую завесу, которая ограничивала видимость в клубе «Кошелек или жизнь» метров до пяти. Он ожидал, что в

таком знаменитом клубе будет соответствующее убранство, но голые кирпичные стены, липкий от пива ковер, небольшая деревянная сцена и дешевые столы со стульями придавали всему заведению атмосферу жуткого убожества, которую всепроникающий запах скисшего пива, дыма и плесени никак не стремился рассеять.

Когда Фенамин туда вошел, в просторное помещение клуба уже набилась добрая сотня народу. Большинство сидели на круглых столиках, расставленных перед сценой, а остальные составили плотную фалангу возле узкой стойки, что тянулась вдоль задней стены. Фенамин взял себе кружку пива, после чего стал наблюдать за человеком на сцене. Такого паршивого юмориста ему еще видеть не доводилось. Этот парень пытался рассказывать историю про то, как он домой из пивнухи возвращается, но жутко нервничал и без конца повторялся. К тому же, что самое скверное, история была совсем не смешная. Секунд через тридцать мимо головы горе-юмориста просвистела пара монет, за ними последовала пустая бутылка, и он почел за лучшее бросить свою историю на середине.

Хозяин и конферансье клуба, старик с пышными светлыми волосами, в белой рубашке и бабочке, поднялся на сцену и напомнил публике, как будто та сомневалась, что сегодня в клубе «Кошелек или жизнь» любительский вечер и что лучшего юмориста ждет приз в пять серебряных *таблонов*. Затем он представил следующего претендента. Фенамин протолкнулся к конферансье, назвал ему свое имя, сообщил, что он из Тор-Тарарама, после чего встал поближе к сцене и с растущим ужасом принялся наблюдать за очередными кошмарными выступлениями и их еще более кошмарным приемом.

К тому времени, как конферансье объявил, что следующим будет выступать гном из далекого Трах-Тибидоха, и призвал всех похлопать Фенолфталеину, все тело Фенамина уже превратилось в комок нервов, а мозг его разжижился до консистенции детского поноса. Но стоило ему только взобраться на сцену и оглядеть море враждебных лиц, как в ушах у него вдруг зазвенел заразительный смех Вазелина. «Вот оно, —

подумал он. — Вот то, о чем ты все эти годы мечтал. Теперь не трусь. Вперед, приятель!»

Фенамин начал со старой шутки, которую, однако, множество людей почему-то не слышали.

— Вот, сегодня я к своему аналитику ходил. (ПАУЗА.) Вышло, что я на девяносто четыре процента из воды состою. Плюс чуточка углерода.

После краткого молчания раздался небольшой всплеск смеха в передних рядах, когда немногие уловили смысл шутки. Тогда Фенамин уставился на них, уперев руки в бока, как когда-то на его глазах сам Тарабук Дряхлый делал.

— Ничего, ребята, крепитесь. Скоро лето.

Еще смешок, но куда более энергичный. Это уже было неплохо — они на него реагировали. Тогда Фенамин перешел к криминальному сюжету — для горожан это казалось самым подходящим. Получив отклик из нескольких смешков, он понял, что не ошибся.

— ...а потом я как-то ночью проснулся. Лежу себе в темноте и слышу — что-то такое по коридору шуршит. А наутро я вниз спустился, глядь — а там весь мой домашний скот пропал...

Громкий смех. Отлично! И тут вдруг до Фенамина дошло. Он стоял на сцене знаменитого клуба, представлял свой собственный номер, и публика смеялась. Он просто не мог в это поверить! На мгновение все вокруг закачалось, и Фенамин почувствовал головокружение. Тогда он торопливо отхлебнул пива из бокала.

— Прошу прощения! Чуть самое главное не забыл. — Публика с интересом на него глазела. «Ну, быстро, придумывай на ходу». — Тут, кажется, кто-то сказал, что теперь моя очередь всех угощать. Эх, чем бы вас таким угостить...

Намек на знаменитую гномскую скупость вызвал целый взрыв смеха. «Давай, ведь получается, только не молчи!»

Фенамин перешел к сюжету про орков, а потом решил продолжить выступление анекдотом про половые различия. Публика теперь каждой его шутке смеялась.

— Недавно такую новую штуку изобрели. Булимия называется. Сперва ешь клятскую гору всякой всячины, а потом все назад выкладываешь. Мы, гномы, уже много лет такое практикуем. Это у нас называется «пятнадцать кружек выпил, а потом передумал»...

Тут Фенамин стал прикидывать, не выдать ли ему свой лучший анекдот — тот, что про ткани. Штука была в высшей степени двусмысленная, но он все же ее запустил, и публика взорвалась смехом, особенно женщины. Тогда он довел дело до конца.

— Да вы только на них гляньте, на мужиков на этих. Сидят там и своим подружкам баки вкручивают: «Это он, милая, не про меня. Я вообще не понимаю, о чем тут речь!» Не верьте вы им, не верьте.

Фенамин сделал еще одну паузу и уверенно огляделся. Зал просто глаз от него не отрывал, на всех лицах были ухмылки. Даже персонал бара от своей работы отвлекся. Самое время было заканчивать.

— Ну ладно, ребята, публика вы хоть куда. Меня Фенамин зовут. Доброй ночи!

Он сошел со сцены, и весь клуб взорвался аплодисментами. Пока Фенамин в полном обалдении брел в заднюю часть зала, в ушах у него гремела овация, а чьи-то руки без конца хлопали его по спине. Он ничего вокруг себя не замечал, ибо в тумане слез, вдруг заполнивших его глаза, перед ним плавало доброе лицо Вазелина. Дядюшка улыбался ему и без конца повторял: «Отлично, парень! Ты хоть понимаешь, что ты сделал? Ты молоток!»

ГЛАВА 10

Если верить эльфийскому мифу, то когда Прародимец, Отец Всех Эльфов, создавал гномов, он сперва смастерил их из грязи, которую зачерпнул у реки, и высушил свои новые творения в тепле первобытного солнца. Но позднее, когда прошли первые жестокие ливни, вода размягчила гномов, растопила их к оркской матери, смыла на клят. Пришлось Прародимцу еще разок попытаться. На сей раз сработал он гномов из крепкой и твердой дубовой ветви, взятой от Джобуша, Дуба из Дубов. Но эти новые гномы были жесткими и деревянными, а не легкими и проворными, как эльфы или люди. Когда же осень пришла, опали у них все волосы.

— А, клят с ними, — рек тогда Прародимец. — Пожалуй, я все-таки их из плоти и крови смастерю. — И взял он кусочек мышцы от мощных своих ягодич, и из нее сварганил гномов, хотя рана много скорбных дней болела немилосердно. Потому-то эльфы и говорят, что от этих гномов вечно задница ноет...

«Розовая Книга Улай»

Настроение у Аминазина еще до начала экспедиции в Гутенморг было ниже среднего. Но теперь, когда гномы вернулись и подсчитали потери, оно у него стало такое, что хоть портрет Нафталина из его кабинета выноси. Почти все группы, посетившие Гутенморг, выполнили свою задачу вполне адекватно, однако группа, мишенью которой был Университет, свою задачу самым позорным образом провалила. Мало того, что они позволили наголову разбить себя какому-то клятскому воину с кучкой друзей, понесся потери в виде пяти убитых и девяти раненых, так один из раненых к тому же умудрился уронить «раскидай» уже здесь, по прибытии, и взрыв бомбы разорвал передатчик вместе с гномом, а также нанес тяжелые повреждения четырем соседним передатчикам, тридцати гномам и массе дорогостоящего оборудования.

Выкрикивая грязные оскорбления всем тем, кто в радиусе трех метров от него оказывался, Аминазин бурей ворвался в

свой кабинет, и когда Азалептин через полчаса нерешительно сунул туда голову, выяснилось, что больше половины содержимого очередной бутылки «Блин санцедара» уже исчезло.

— Заходи, — бросил Аминазин брату, однако Азалептин, который уже наблюдал Аминазина в таком состоянии и получал бутылкой «Блин санцедара» в глаз, счел за благо остаться на месте.

— Окончательный итог — шесть убитых и сорок три раненых, — сообщил он без особых предисловий. — А мои доспехи пустыми прибыли. Без вести пропал один Фенамин.

— Фенамин, значит? Я так и думал, что это он, мелкий засранец. — Тут Аминазин сделал паузу и немного подумал. — Ладно, клят с ним пока что. Следующие два *кобрата* через пару недель подрастут. Они им и займутся. А что там с оборудованием?

— Один передатчик уничтожен и четыре повреждены. Пятый работает очень скверно, однако при необходимости его использовать можно.

— Клят! — выругался Аминазин, протягивая руку к бутылке. Опытный Азалептин на всякий случай быстро убрал голову за дверь, но его брат всего-навсего сделал изрядный глоток вязкой жидкости, прежде чем продолжить. — Сегодня днем у нас тут совет «Оркоубойной» должен был появиться. Они все наши чудесные изобретения увидеть ожидают. Но если они нас в таком состоянии увидят, с финансовой поддержкой будет покончено. — Он сделал паузу еще для одного глотка. — Свяжись с ними и скажи, что мы их завтра переправим. Придумай какой-нибудь предлог. А потом позаботься о том, чтобы все безобразие в Передаточном зале в темпе убрали. Пусть мертвых сегодня вечером похоронят, а раненых с глаз долой уберут. И вот еще что. Азалептин?

Стоило Азалептину опять сунуть голову в кабинет, как полупустая бутылка вписалась ему точно между глаз. Ученый упал навзничь и в полубессознательном состоянии распросерся на каменном полу коридора. Шишка размером с круп-

ный золотой самородок стремительно набухла у него на лбу. Аминазин вышел за дверь и пристально посмотрел на брата.

— Если еще раз на инструктаж опоздаешь, я за тобой *кобратов* пошлю. Усек?

А затем, перешагнув через неподвижное тело, директор научно-исследовательского центра зашагал по коридору в поисках очередной бутылки «Блин санцедара».

Когда солнце вставало над Гутенморгом, город все еще бурлил от ночных событий. Сразу после исчезновения гномов озверевшая толпа собралась на рыночной площади и, решив, что за беспорядками, как всегда, стоят деятели науки, маршем двинулась к Университету. Однако вид горящих университетских зданий и раненых студентов убедил горожан в обратном. Не в силах найти себе подходящую мишень, толпа разошлась, но над городом по-прежнему висела атмосфера медленно бурлящего гнева, равно как и общая вонь дыма, пепла и серы.

Ронан, Тусона и остальные твердо ршили, что с гномами, которые стояли за этими набегами, определенно требовалось что-то делать. Однако их первым приоритетом было безопасно зарегистрировать Ронана на кафедре ОК, а посему, после встречи с друзьями за завтраком у Интоксик Кэти, он по замусоренным улицам направился напрямик к факультету киллерологии. Степень разрушения удивила и даже немного испугала Ронана, ибо в городе вряд ли осталась улица, где не было бы сожжено по меньшей мере одно здание. Он знал, что гномы с дальнего севера редко входят в контакт с эльфами и людьми, расценивая себя как высшую расу, однако столь бесцельные и безжалостные атаки казались слишком жестокими даже для них. К тому времени, как Ронан добрался до факультета, он уже твердо решил, что обязательно вправит этим гномам мозги, как только с советом «Оркоубойной» разберется.

Здание факультета не пострадало. Секретарша мило улыбнулась Ронану и попросила его присесть, сказав, что декан

Нибал его ожидает. Он несколько минут там сидел, скуки ради пролистывая свежий номер журнала «Мочи!». Наконец дверь кабинета приоткрылась, декан высунул голову наружу и близоруко глянул на раннего посетителя.

— А-а, Писс де Бол, — узнал он Ронана. — Вы записаться пришли. Прекрасно, прекрасно! Входите, дорогой друг, входите.

Декан был так любезен, что даже придержал для него дверь. Ронан вошел в кабинет и сел на стул перед столом декана. Стол был еще больше замусорен, чем днем раньше. Все бумаги на нем, казалось, только того и ждали, когда кто-то из них сделает нырок и соскользнет со стола, после чего все остальные охотно бы присоединились.

— Я так рад, что вы вернулись, — сказал у него за спиной декан, но голос его прозвучал как-то странно, и в голове у Ронана тут же вспыхнула тревожная лампочка. Он уже собирался вскочить и развернуться, но тут слабый укол в шею, как раз над яремной веной, мгновенно погрузил его в неподвижность. Ронан сидел, не рискуя повернуть головы, и только отчаянно скашивал глаза вниз и вбок, пытаясь наглядно подтвердить догадку своего испуганного разума.

Декан сочувственно положил ладонь на его левое плечо, и Ронан все-таки сумел разглядеть неподвижные пальцы другой его руки, которые прижимали к его коже тонкий остроконечный предмет.

— Да, вы правы, у вашей шеи именно *колояд*, — негромко произнес декан, и в его голосе уже не было ни малейшего намека на рассеянного и нерешительного университетского профессора. — Традиционный отравленный нож киллеров. Малейшая царапина — и ровно через пять секунд вы будете мертвы. Но ведь такого исхода вы в какой-то степени ожидали, не так ли, Ронан?

Услышав свое настоящее имя, Ронан почувствовал, как его переполняет отчаяние.

— Но я...

— Не пытайтесь и дальше притворяться. Как только я вас увидел, я сразу понял, кто вы такой. Вы слишком знамениты, приятель. Конечно, вы можете побриться и носить какую-то зубочистку вместо меча, но от выправки великого бойца вам никуда не деться. А если у меня и имелись сомнения, то после доклада о ваших ночных подвигах они окончательно развеялись.

Ронан закрыл глаза. Вот, стало быть, и приплыли. Впрочем, если он погибнет, они по крайней мере Тусону в покое оставят. Но она не на шутку озлится, когда узнает, что он им так просто позволил себя убить. Она тогда его точно найдет и совсем прикончит...

— Теперь вы, надо полагать, знаете, что на вас заключен Открытый Контракт. Я слышал, что Гильдия это задание Крюгеру поручила. Он вас нашел?

— Думаю, да. Неподалеку от Илекса на нас девять киллеров напали. Мы... мы с ними разобрались.

— Должно быть, вы необычайно талантливы. Хотя я и так это знал. — Декан сделал паузу, и Ронан напрягся, ожидая, что острое *колюда* вот-вот пронзит кожу, и прикидывая, хватит ли ему пяти секунд, чтобы схватить старого киллера и сломать ему хребет. Затем декан вздохнул, словно принял решение.

— Вы пришли сюда, потому что поняли: стать киллером — ваш единственный шанс. Другого способа отменить Открытый Контракт не существует. Вы смелый, благородный и талантливый человек. Вот почему и я решил поступить с вами благородно...

Тут, к вящему удивлению Ронана, кончик ножа отодвинулся от его шеи, а декан обошел вокруг стола и сел к нему лицом, кладя омерзительный *колюд* на стол как раз между ними. Прилив облегчения океанским валом накатил на Ронана, а непосредственно за облегчением пришла резкая вспышка гнева, однако он все же сумел удержаться от того, чтобы тут же вскочить и придушить старика.

— Если бы не ночные беспорядки, — продолжил декан, опустив взгляд на нож, — вы бы уже были мертвы. Но теперь я дарю вам жизнь. Вы хотите стать членом нашей Гильдии. Немногим это известно, однако я — один из пяти членов Правящего Совета Гильдии Киллеров. У меня есть право пожаловать вам почетную степень. Она может в эту самую минуту стать вашей, и угроза Открытого Контракта навеки исчезнет. Но я хочу, чтобы вы взамен кое-что для меня сделали.

— Что?

Декан обратил на него взгляд, и Ронан был потрясен, увидев, что глаза старого киллера полны невыплаканных слез.

— Этой ночью те негодяи опять жгли и убивали, но они также захватили с собой несколько живых пленников. Для чего им это понадобилось, мне и подумать страшно. Они забрали моего внука. Я хочу, чтобы вы мне его вернули.

Тусона вместе с остальными друзьями и кое с кем из местных держали большой военный совет в «Добром самогоне», когда Ронан туда вернулся. Марвуд первым понял смысл серебристо-черной одежды, в которую Ронан теперь был облачен. Все собрались вокруг него, горя желанием поскорее узнать, как ему удалось стать членом Гильдии, и Ронан рассказал им про внука декана.

— Между прочим, еще куча народу пропала, — заметил Тарл. — Помнишь Трагату, подружку Выкрутаса? Ну, ту кентавриху? Они и ее забрали.

— Что ж, нам и ее придется вернуть.

— Но каким таким клятом мы собираемся это сделать? — спросила Тусона. — Мы знаем, что те налетчики — гномы, но мы понятия не имеем, откуда они взялись. Раз они так запросто появляются и исчезают, они могут быть откуда угодно, хоть с другого конца Среднеземья.

— У них на шлемах были руны, — напомнил ей Ронан. — Возможно, другой гном сможет их узнать. — Он повернулся к Интоксик Катье, которая на сей раз облачилась в бежевую

двойку и соответствующую твидовую юбку. — Скажи, Катя, у тебя тут гномы бывают?

Задумчиво почесав щетину на подбородке, Катя отрицательно покачала головой.

— Не-е, — прорычала она. — У нас тут во всем Гутенморге вообще ни одного гнома.

— Прошлой ночью в клубе «Кошелек или жизнь» был гном, — вмешался один студент. — Страшно забавный. Но раньше я его никогда не видел. Он прямо откуда ни возьмись появился.

— Откуда ни возьмись, говоришь? — с интересом переспросил Ронан. — А где он теперь?

— Не знаю. Когда я уходил, он, пьяный в стельку, в углу валялся и что-то себе под нос напевал.

Ронан обвел взглядом остальных.

— Я так прикидываю, с него мы и начнем, — сказал он. — Итак, как нам до этого клуба «Кошелек или жизнь» добраться?

Проснувшись, Фенамин обнаружил, что он валяется под столом на таком липком от пива ковре, что от него теперь надо было долго отклеиваться. В голове у него жутко стучало и колотило, а в желудке были такие ощущения, будто кто-то непонятно через какое отверстие туда забрался, а теперь хотел пролезть в глотку и выпрыгнуть изо рта. Наконец Фенамин мучительно отлип от ковра и поднялся, после чего выяснилось, что он так в клубе «Кошелек или жизнь» и застрял. Судя по яркому свету, что стекал по грязной деревянной лестнице в подвальное помещение, было уже утро.

Хозяин клуба сидел за другим столом, подсчитывая доход от предыдущей ночи. Его белая рубашка была сильно измята, а расстегнутая бабочка вяло свисала с шеи. Взъерошенные светлые волосы старика выглядели так, будто были лет на сорок младше усталого лица, над которым они топоршились.

Фенамин доковылял до того стола и пустился в сбивчивые извинения за то, что он так позорно напился и заснул на полу, но хозяин лишь отмахнулся.

— Дело привычное, — сказал он. — Тут многие готовы за кусок хлеба и одну ночевку выступать.

— Да-да. — Фенамин энергично кивнул и тут же об этом пожалел.

— А ты, кстати говоря, этим многим не чета, — добавил хозяин. — Между прочим, меня Кордман зовут. А ты тогда своим настоящим именем назвался?

— Угу.

— И свои собственные тексты читал?

— Угу. — Фенамин огляделся, туманным взором выискивая, чего бы выпить. Во рту у него словно целая орда дизентерийных орков повеселилась. Кордман, узнавая из многолетней практики симптомы тяжелого похмелья, прошел к стойке и налил несчастному гному кружку воды. Фенамин залпом ее осушил.

— Работаешь где-нибудь?

Вообще-то Фенамин даже не задумывался о последствиях своей выходки. Впрочем, не требовалось большого ума, чтобы понять, какие радости его по возвращении в Тор-Тарарам ожидают. Наверняка он получит краткосрочное задание послужить в качестве корма для одного из тех жутких чудовищ, которых Аминазин и его магенетики производили.

— Не-а, — ответил он.

— А жить-то есть где?

— Не-а.

— Слушай, я тут кого-нибудь на должность конферансье подыскиваю. Не хочешь пару недель попробовать? Тогда у тебя будет шанс и над собственным представлением поработать. Если получится, сможем что-то более долгосрочное обсудить. Ну, что скажешь?

Какое-то время Фенамин вообще не мог ничего сказать, поскольку твердо был убежден в том, что спит и видит сон. Но тут он вдруг нащупал в кармане брюк пять серебряных *таблонов*, приз за прошлую ночь. Боги, ведь это не сон! Он им всем показал!

— Да можно вообще-то, — небрежно отозвался он.

Следующие двадцать минут они провели в разговорах о разных деталях, а потом ударили по рукам, и Фенамин как раз подумал, что неплохо бы ему выбраться наружу и немного побродить по городу, когда с лестницы вдруг донесся стук шагов. Довольно странная и разношерстная группа из шести человек, ведомая могучим черным воином, забрела в подвал. Все они остановились у подножия лестницы, отчаянно моргая, пока их глаза приспосабливались к сумраку после яркого солнца снаружи.

— Закрыто, — опасливо бросил Кордман, но воин тут же поднял руку, демонстрируя мирные намерения.

— Все в порядке, — объявил он. — Нам с вашим другом надо потолковать. — Он подошел к столику и вопросительно глянул на Фенамина.

— Гном? — спросил воин.

— Да ну? Какой вы наблюдательный! — отозвался Фенамин, изображая, как он надеялся, дружелюбную ухмылку.

— Наблюдательный. Кстати, про наблюдательность. Этой ночью я наблюдал, как твоя гномская братва этот город чуть на куски не порвала.

«Ох-хо-хо, — подумал Фенамин. — Все это может скверно кончиться...»

— Правда?

— Ага. На них на всех были черные вальдарские доспехи, а на шлемах — вот такие вот ерундовины.

Воин взял из кармана у Кордмана карандаш и нарисовал на подставке для пива грубую руну «\$».

— Случайно не знаешь, что это может значить? — спросил он.

Фенамин заколебался, но лишь на секунду. Этот черный парень смотрелся убийственно серьезным и знающим свое дело до тонкостей. Кроме того, с точки зрения Фенамина, раз уж большой кусок дерьма вот-вот готов был упасть на вентилятор, было бы очень неплохо, чтобы Аминазин и его прихвостни как можно ближе к этому вентилятору стояли. Вдобавок что-то во взгляде худой девушки с большими глазами,

которыми она в Фенамина так и впивалась, побуждало его выложить всю правду.

— Случайно знаю. Это символ «Тарарама», гномского научно-исследовательского центра под горой Тор-Тарарам. Это где-то к востоку отсюда, но как туда добраться, я понятия не имею.

— Спасибо, — поблагодарил его воин, который полученным сведениям явно обрадовался. — Ты нам очень помог.

Он кивнул на прощание Кордману, после чего повел своих друзей обратно на улицу. Фенамин еще какое-то время сидел, задумчиво морща лоб. Затем он с улыбкой на лице подался вперед.

— Можно еще раз ваш карандашик? — спросил он у Кордмана. — Этот парень мне одну идею для номера про воинов подал...

Ронан вывел остальных в Моськин переулок, а там остановился.

— Ладно, — сказал он. — Похоже на то, что нам теперь противостоит армия из нескольких сот гномских ученых, окопавшаяся где-то под горой в северных пустошах. Армия эта вооружена магией, взрывчаткой и кое-какими на редкость гнусными тварями. Пока что нас тут пятеро. Считая Котика — шестеро. Есть идеи?

— Да, выходит так, — медленно размышляла Тусона. — Но мне хотелось бы какие-то более подробные карты севера посмотреть.

— В университетской библиотеке они наверняка есть, — сообщил ей Ронан. — Декан мне сказал, что я могу любыми его ресурсами пользоваться.

— Хорошо. Я там поищу.

— А я, пожалуй, вернусь в клуб и по душам с этим гномом побеседую, — размышляла Гебраль, снова обернувшись на вход в «Кошелек или жизнь». — Сдастся мне, он чего-то недоговорил. Увидимся в таверне.

И она потопала обратно к лестнице.

— Ну ладно, — сказала Тусона Ронану. — Почему бы тебе в «Добрый самогон» не вернуться? Поговори там с завсегда-
таями, прикинь, не получится ли поднять пару-другую бой-
цов или местную милицию. А потом расслабься на пару часи-
ков. Не бери в голову. Выпей, закуси.

Ронан кивнул.

— Теперь вы двое, — обратилась она затем к Тарлу с Мар-
вудом, которые дружно воспряли духом при звуке магических
слов «выпей-закуси».

— Да, — радостно отозвались они.

— А вы можете со мной в библиотеку пойти. Там для вас
работенка найдется...

Библиотека располагалась в большом каменном здании,
которое некогда было купеческим особняком. Там было очень
тихо и почти безлюдно, так что стук их каблуков по отполи-
рованному паркету гулко отражался по коридорам. Библиоте-
карша, пышная сорокалетняя дама, при виде которой у Тарла
с Марвудом аж слюнки потекли, сообщила им, что картохра-
нилище находится на четвертом этаже. Тогда Тусона оставила
их обоих за столом в боковой комнате с дюжиной энциклопед-
ий, велела отыскивать все ссылки на Тор-Тарарам, а сама на
поиски карт отправилась.

Через полчаса она нашла именно то, что искала. Это была
старая оркская карта Северных гор, и на ней ясно показывал-
ся не только Гутенморг с Долиной Пряшки, но и Тор-Тара-
рам, милях в сорока к северо-востоку. А что еще важнее, из
этой карты она узнала, где именно находится оркский город
Вельдис. Тусона сделала быстрый набросок некоторых клю-
чевых точек, выполнила несколько стремительных вычисле-
ний, а затем отправилась двух своих спутников проводить.
Нашла она их в той же комнате, где и оставила, только они
уже на пол перебрались. Вокруг них были разложены массив-
ные энциклопедии, а на полу между ними лежал толстенный
словарь и небольшая горка монет. Тусону они даже не заме-

тили. Тогда она помедлила в дверях и стала за ними наблюдать.

— Гонарея, — сказал Тарл.

Марвуд широко ухмыльнулся.

— Врешь, не надуешь, — сказал он. — Я знаю, что она через «о», а не через «а» пишется. Раз так, паранойю получи.

— Ах ты, засранец. Ладно, открывай.

Марвуд взял словарь, внимательно изучил его закрытые страницы, затем всунул туда ноготь и раскрыл книгу.

— Страница двести пятьдесят четвертая. Дадаизм. — Он перелистнул несколько страниц. — А гонорея на странице двести сороковой. Всего четырнадцать страниц. Попробуй побей.

— Неплохо, — похвалил Тарл, забирая у него словарь. — Ну ладно. Паранойя. Я так прикидываю, она-то как раз через «а», а не через «о» пишется.

— Каким таким клятом вы тут занимаетесь? — поинтересовалась Тусона. Два друга удивленно вскочили и виноватыми глазами на нее уставились — все равно как пара школьников, которых за поеданием леденцов на уроке застукали.

— Ну, Тарл тут такую игру придумал, — стал объяснять Марвуд.

— «Азартный словарь» называется. Каждый из игроков говорит другому слово, а потом они стараются как можно ближе к этому слову словарь раскрыть. У кого ближе, тот и выиграл.

— Вы хотите сказать, вы тут сидели и в словарь дулись? Вам же было велено все, что можно, про Тор-Тарарам откопать!

— Это страница семьсот тридцать вторая, — с готовностью сообщил Тарл. — Я всего на шесть страниц промазал. — Тут он опустил глаза и сделал вид, что закашлялся, когда Тусона гневно сверкнула на него взглядом. — Но там просто сказано, что это гора в Калидоре.

— У, помощнички клятовы. Ладно, я уже все, что нужно, выяснила. Убирайте все эти книги, и мы обратно в таверну

идем. Я хочу по-быстрому с Гебралью потолковать, а потом, думаю, можно будет и за дело браться...

Тарл принес поднос к столу и аккуратно его там поставил. Затем он раздал пять кружек «старых органов», поставил миску с пивом под стол перед Котиком и сел.

— Ладно, — сказала Тусона, тыльной стороной ладони вытирая рот. — Все по порядку. Ронан, у тебя что-то есть?

Ронан грустно покачал головой.

— К северу от гор уже сотню с лишним лет даже намек на битву не было, — объяснил он. — Народ Гутенморга вообще не знает, как воевать. Есть несколько второсортных воинов, которые телохранителями у богатых купцов работают, но это, пожалуй, и все. Городская милиция — это просто повод для ее членов свалить из дому, пару минут попритворяться, что они строевой подготовкой занимаются, а потом закатиться в кабак и на славу глаза залить.

От таких новостей Тарл, Марвуд и Гебраль потупили взоры, однако Тусона лишь кивнула.

— Я так и думала, — сказала она. — Геб, ты что-нибудь еще из того гнома вытянула?

— Да, и немало, — ответила Гебраль. Она сидела рядом с Тарлом, держа его за руку. При этом она казалась единственной женщиной во всем Гутенморге, рядом с которой Тарл выглядел грузным. — Я к нему заклинание Правдивости применила, хотя он об этом не знает. Он будет думать, что ему просто нужно было обо всем рассказать.

Она сделала паузу, хлебнула пива, а затем продолжила:

— Он сам из Тор-Тарарама, но он сбежал. Он говорит, что у них там теперь новый вождь по имени Аминазин, который организовал все эти набеги, и что многие гномы против него настроены. Набеги, судя по всему, нужны, чтобы проверить новое оружие и всякое оборудование, которое они там разрабатывают, а еще чтобы пленников для новых исследований в Тарараме захватить. Да, и есть слух, что какие-то богатые покровители буквально их золотом засыпали.

— Так сколько там всего гномов?

— Более восьмисот.

Ронан присвистнул и покачал головой. В его понимании весь проект был безнадежен, однако Тусона почему-то улыбалась. Он заинтригованно на нее смотрел, пока она медлила в задумчивости.

Наконец она хмыкнула и спросила:

— Скажи, Геб, ты уверена, что сможешь к Тарлу заклинание Телепортации применить?

— Если его воспоминания достаточно сильны.

— Тарл?

— Кружку пива, пожалуйста, — донесся характерный ответ, прежде чем Тарл отвлекся от мечтаний о том, как бы с этими студентами снова в картишки перекинуться.

— Ты ведь в этом оркском городе, в Вельдисе, бывал?

— Бывал. Ну и дыра!

— Ты хорошо его помнишь? Подумай!

Последовала пауза, пока Тарл мысленно возвращался к проведенной там неделе. Гебраль ненадолго сосредоточилась, затем кивнула.

— Воспоминания сильные, — сказала она. — Я могу его туда доставить.

— Эй, ты что... — начал было Тарл, но Тусона тут же его перебила:

— Нам с восемью сотнями гномов надо разобраться. И времени у нас в обрез, потому что мы должны спасти тех пленников, прежде чем гномы изувечат их или убьют. Нам нужна армия, но у нас ее нет. Тем не менее я знаю одного приятеля, который может такую армию поднять.

Пока она вкратце обрисовывала свой план, на лице Тарла все сильнее проступала озабоченность.

— Так что теперь, — закончила Тусона, — нам нужен только доброволец, который сможет за орка сойти...

— Что? — переспросил Тарл, теперь уже до предела озабоченный. — Какой доброволец?

— ...который сможет запросто с орками пить...

- Эй, я надеюсь, ты не про...
- ...и который алкоголь не хуже орков переносит.
- Клят! Да ведь ты на меня намекаешь!

Тусона, Ронан и Гсбраль постарались не улыбнуться, зато Марвуд откровенно ухмылялся.

— Вовсе я не намекаю, — сказала Тусона. — Я просто говорю, что это ты. Единственный и неповторимый. Больше никто не подходит.

- Ладно, ладно! Только один я туда не пойду.
- Но ведь ты единственный, кто может за орка сойти.
- Это ерунда. Орки прирожденных убийц уважают. Им только какого-нибудь хитроумного, смертоносного душегуба покажи. Да еще если в серебристо-черных киллерских одеяниях...

Марвуд, который как раз от души прикладывался к своей кружке, вдруг поперхнулся. Затем он стал отчаянно кашлять и отплевываться, одновременно мотая головой.

— Геб, ты можешь их двоих переправить? — спросила Тусона.

- Нет проблем.
- И я так понимаю, вы оба просто горите желанием внести посильную лепту в спасение кучи народа, включая подружку Выкрутаса, малолетнего внука декана и вашего друга Ронана?

Когда Тусона так поставила вопрос, Тарлу с Марвудом уже нечего было ответить, а посему они усердно осушением своих кружек занялись. Теперь уже Тарл ухмылялся, а Марвуд волком на него смотрел.

— Итак, мы с Ронаном, Геб и Котик прямиком к Тор-Тарараму направимся. Это не больше чем в паре суток пути отсюда. Вы двое выполняете свою роль и там с нами встречаетесь. Еще вопросы имеются?

— Есть один, — медленно произнес Ронан. — У меня он прошлой ночью возник. Когда мы тех тварей увидели, которых гномы с собой притащили. Ну, тех, которые вроде помесей зайцев с волками. Они мне других тварей напомнили —

тех, которые Познера убили. Как думаешь, они с этими гномами не могут быть связаны?

— Не знаю, — пожала плечами Тусона. — Может быть. Но я бы не стала из-за них беспокоиться. Они сейчас наверняка за сотни миль отсюда. А теперь давайте допьем, что осталось, и будем двигаться, а то работенка крутая предстоит...

Брат Кропотливый с грохотом захлопнул входную дверь монастыря и надежно заложил крепкие засовы. Затем он трясущимися руками открыл глазок и пригляделся. Таких тварей, как те, что пробегали мимо, он никогда раньше не видел, но что-то в их целеустремленных скачках и мощных, холеных телах до смерти его напугало. Одна из них бросила на него косой взгляд и зарычала, обнажая ряды бритвенно-острых зубов, после чего брат Кропотливый поплотнес закрыл глазок и побегал в надежное убежище трапезной. Впрочем, ему не следовало так беспокоиться. Да, найдя себе весьма скудную добычу в заснеженных пустошах, *кобраты* были очень голодны, но они уже чувствовали, что приближаются к своему врагу, и твердо знали, что очень скоро их досыта теплый труп Ронана накормит.

ГЛАВА 11

Человеку несведущему почти невозможно оскорбить орка. Для этого нужно точно знать, как это делается. Мы, люди, склонны оскорблять своих сородичей, обзывая их бранными кличками, которые подразделяются на три категории.

В первую категорию входят другие животные (к примеру, собака или свинья). Вторая имеет отношение к половым или выделительным органам и функциям (мудозвон или засранец). Третья связана с сексуальными предпочтениями (пидор или извращенец). Для орков все эти так называемые оскорбления совершенно бессмысленны.

Причина этому такова, что, несмотря на свой безостановочный роман с алкоголем, орки вообще-то удивительно уравновешенные и гармоничные создания. Поскольку они не занимаются каким-то чрезмерным самовозвеличиванием, предполагая, что они на голову выше всех прочих животных, то если к ним применяют название другого существа, это их никак не заденет. Поскольку они не стыдятся своих тел и на них не помешаны, то сравнение их с отдельными органами тоже никак их не расстроит. Орки также ведут весьма разностороннюю и очень терпимую половую жизнь. Для них все годится. Свой пол, другой пол, другой вид, разумный, неразумный — для орка все это несущественно. Если есть хоть дырка в стене, уже полный порядок. Следовательно, если соотнести их с каким-то занятием, которое они могут считать очень приятным, это окажет крайне малый эффект. Но будьте осторожны. Есть несколько вещей, которые орки находят оскорбительными, и любой намек на то, что они имеют к этим вещам хоть какое-то отношение, вызовет невероятно бурную реакцию. Поэтому никогда, ни при каких условиях не называйте орка трезвенником, вегетарианцем или шансонье...

Моррис Лысый, «Наблюдение за орками»

Для Марвуда подобный способ транспортировки был в новинку. В одно мгновение он стоял рядом с конюшней во дворе «Доброго самогона», держа Тарла за руку и чувствуя себя крайне неловко, пока остальные едко над ними посмеивались, а в следующее Гебраль что-то пробормотала — и оба-

на! Все словно бы на миг помутнело, а потом они с Тарлом уже стояли у дверей большой, вонючей и невероятно шумной пивнухи на улице, застроенной низкими каменными домами полусферической формы, похожими на перевернутые миски. В вечернем небе со всех сторон высились могучие горы, и улица бежала к ближайшей из них, превращаясь в тоннель, который исчезал под скалистыми склонами.

— Добро пожаловать в Вельдис, — пробормотал Тарл.

— Клят! Не очень-то живописно, правда?

— А я бы так сказал: если Среднеземье геморроем страдает, то он весь здесь.

Сравнение показалось Марвуду клятски уместным, ибо пивнуха, у дверей которой они стояли, называлась «Геморрой тролля». С любопытной смесью ужаса и восхищения он стал разглядывать кабацкую вывеску. То, что она иллюстрировала название заведения, Марвуда, разумеется, ничуть не удивило, но он никак не ожидал настолько реалистичного изображения, выполненного к тому же столь яркими и в то же время точными красками. От такого реализма у него у самого в заднице засвербило.

— Вперед, — приказал Тарл. — Тусона так прикидывает, что наш объект должен именно в этом кабаке бывать. Пойдем проверим, слышали тут о нем или нет.

Распахнув дверь, он повел Марвуда внутрь. Заведение оказалось битком набито орками, и шум всей этой братии чуть ли не в буквальном смысле по ним ударил. Они стали с трудом пробиваться сквозь плотную массу орков, и тут Марвуд вдруг с изумлением заметил, что в осанке и манерах Тарла что-то слегка изменилось и теперь он стал скорее напоминать орка, нежели человека. В результате Тарла никто не замечал, зато все так и глазели на Марвуда, пока они проталкивались к стойке. Марвуд бросил на нескольких орков ответные взгляды, и хотя все они сразу же отвели глаза, он понял, что никакой враждебностью тут и не пахло — орки всего лишь проявляли к нему острое любопытство. Даже они уважали сереб-

ристо-черную униформу Гильдии Киллеров. Они оперлись о стойку, и Тарл подозвал бармена.

— Две кружки «трупных струпьев», — прорычал он.

Бармен кивнул и принялся наливать пиво.

Марвуд взял меню и пробежал его глазами. Он уже не на шутку проголодался.

— Мы здесь закусим? — спросил он.

— Вряд ли, — ответил Тарл.

— Жаль. Звучит просто классно. «Жаркое из девчатины», суп «Дядины помидоры», бифштекс «Умная Маша»...

Бармен поставил перед ними две кружки, и Тарл бросил в его когтистую лапу пару шаблонов. Затем он от души приложился к пиву, вытер рот рукавом и с серьезным видом взглянул на Марвуда.

— Послушай, — сказал он. — Я не знаю, умная эта Маша была или не очень, но бифштекс я из нее не хочу.

Тут Тарл сделал паузу, пока Марвуд в ужасе на него глазел.

— Это оркское меню, — добавил он в качестве пояснения.

— Клят! — пробормотал Марвуд. — Я и забыл, что они людей едят. — Он опять стал смотреть меню. Теперь, видя его в новом свете, он брезгливо сморщился от «Вываренных глаз» и «Селянского супчика».

— Н-да, — пробормотал он. — А что такое «Человеческий фактор»?

— Сам догадайся.

Тут вернувшийся к Тарлу со сдачей бармен заметил, что Марвуд изучает меню. Резонно предположив, что этого человека оркские деликатесы не особенно вдохновляют, он решил отвлечь его на специальное блюдо. Для клиентов из человеческой расы они всегда что-то рыбное припасали.

— Может статься, вас больше наш «Голубой карп» заинтересует? — любезно предложил он.

Марвуд побелел.

— «Голубой карп»? — в ужасе переспросил он. При воспоминании об «Умной Маше» в голове у него возникла жуткая картина. — Нет, не думаю...

Поскольку человек смотрел на него как-то странно, бармен решил не настаивать. Кроме того, он слышал, что киллеров ни в коем случае расстраивать не рекомендуется. Тогда он переключил внимание на Тарла.

— А вы, ребята, просто так зашли?

— Не-е. Мы пришли на орка по имени Чирик глянуть. Слышали о таком?

— Слышал ли я о Чирике? — переспросил орк, и сего физиономия сразу приобрела торжественный вид. — Конечно, слышал! Он герой пирушки*, вот он кто! Вы ведь про ту грандиозную военную пирушку, понятное дело, слышали? Про ту, что несколько недель тому назад от Западного Среднеземья до самого Белого моря бурей прокатилась? Так ведь Чирик ее всю от начала до конца прошел! Из этих мест он один до дома добрался! Рассказывал, что совсем рядом с Шикарой стоял, когда ее убили!

— Клятски рядом, — буркнул Тарл. — Я тоже там был.

— Ну и ну! — Бармен явно был поражен.

— Да, такие дела. Стало быть, вы знаете, где нам его найти?

— Вообще-то он был здесь в первый же вечер по возвращении... — Тут бармена вдруг осенило, и он тревожно взглянул на Марвуда. — Эй, а этот киллер, случайно, не за ним?

— Не-е... Нас тут совсем другое дельце интересует. Слышали мы, что Чирик думает еще одну пирушку провести.

— В очередь, парни, в очередь. Потому-то этот кабак такой и полный. Десятки орков сюда хлынули, думая, что Чирик вот-вот снова пойдет, но он почему-то голову повесил. Уже неделю не появляется.

— Он, надо полагать, планы строит. Наверно, сего жена знает, куда он делся. Она ведь тут рядом живет?

— Ага. У них надземное логово на Замудиловой улице. Вы его не пропустите. У них там *сад*.

Сообщая эту конкретную подробность, бармен в отчаянии покачал головой, и Тарл все же не удержался от ухмыл-

* Подробности об оркских пирушках смотрите в книге «Спасение Ронана».

ки, однако быстро сумел превратить ее в гримасу. Большинство орков не понимало человеческой увлеченности всякими там садами и цветочками. С их точки зрения, если всю эту ерунду нельзя было есть, пить, курить или трахать, на какой клят она тогда вообще годилась?

— Хотите еще по кружке? — предложил бармен. — За счет заведения. Раз уж вы в Великом Походе к Морю участвовали.

— Не-е, нам пора. Но мы еще вернемся, и непременно с Чириком. Можете всем тут сказать, что новая крутая пирушка уже не за горами.

Чирик сидел в сношательной комнате своего логова вместе с женой Пеллагрой и четырьмя друзьями-единомышленниками. Они составляли тесную группку с тех пор, как несколько лет тому назад обнаружили, что у них имеется несколько довольно постыдных общих интересов. В повседневной жизни они надевали личину и вели себя как все остальное оркское общество, мужским членам которого полагалось напиваться, а женским — по-тихому сидеть дома, готовя еду и приглядывая за орчатами. Однако время от времени они собирались у кого-нибудь в логове ради Особого вечера. Тогда, надежно заперев дверь и опустив плотные шторы, они ели человеческую пищу и пили чай, кофе или, в особенно отважном состоянии духа, фруктовый сок. А затем, после позднего обеда и светской болтовни, они чуть ли не до рассвета играли в свою любимую игру под названием ЛСД.

ЛСД (или «Любовь к Семье и Друзьям») представляла собой ролевую игру, изобретенную самим Чириком, и для орков, которые с великим трудом терпели ежедневные стрессы в виде тяжелого пьянства с весельем до упаду, это было чистое, неподдельное эскапистское наслаждение. Они разыгрывали воображаемые роли человеческих агентов по недвижимости или банковских служащих, вынуждая себя при этом сталкиваться с повседневной жизнью человеческого городка, придуманного Чириком, где он был Градоначальником. К настоящему моменту они неплохо продвинулись и уже добра-

лись до торгового центра, хотя времени у них оставалось не так уж и много.

— Ну вот, — сказал Чирик, когда Пеллагра вручила всем по кусочку сыра и убедилась, что перед каждым имеется полный стакан апельсинового сока. — Вы стоите у двери в очень большой магазин, помните?

— По-моему, мы все уже договорились, — сказал Пукан, которому выпало вести отчет. — Мы входим в дверь.

— Хорошо. Дверь открывается, и вы туда входите. Внутри расположен очень большой супермаркет. Справа от вас есть одна-единственная тележка, а слева — целый ряд таких же тележек. Прямо перед вами — проход. Слева по проходу — стеллажи с газетами, а справа — полки с овощами.

— Гм. Берем единственную тележку и движемся вперед.

— Вы беретесь за тележку и толкаете. Но у нее одно колесико не работает. Тележка виляет вбок, громко скрипит, и все на вас смотрят.

— Вот идиот! — воскликнул Гноила. — Ведь надо же было тележку осмотреть!

— Теперь уже поздно. Ничего, может, на овощи взглянем?

Все остальные кивнули и повернулись к Чирику.

— Хорошо, — сказал он. — Между прочим, у вас уже постепенно время кончается. До прибытия семьи Смитов на обед осталось ровно три часа. Гм... — Он сверился со своими ЛСД-заметками. — Ах да. Вы осматриваете овощи. Там есть горох, бобы, капуста и репчатый лук. Также кое-какие фрукты: яблоки, виноград и несколько авокадо.

— Гм. Ну, давайте дальше двигаться...

— Погодите! — возбужденно пискнула Диарея. Она лихорадочно рылась в своих заметках. — Вот. Когда мы вчера разговаривали с мистером Смитом в теннисном клубе, разве он не сказал, что его жена авокадо обожает?

— Да, верно! — хором откликнулись остальные. — Ты права! Как удачно!

— Превосходно, — сказал Пукан. — Тогда мы берем авокадо.

Чирик мысленно улыбнулся. Пора бы уже и научиться! Сперва надо было авокадо осмотреть. А так им позднее придется дважды кидать кость, и у них есть пятидесятипроцентная вероятность того, что авокадо окажутся неспелыми, что никак миссис Смит не обрадует!

Он уже собрался рассказать о следующем выборе, который предоставляет им супермаркет, но тут стало слышно, как кто-то вовсю по входной двери барабанит. Вздохнув, Чирик аккуратно отложил свои планы, заметки и карандаш, а затем встал. Он терпеть не мог, когда к ним реальный мир вторгался.

— Я на минутку, — сказал он. Это было самое неточное заявление за всю его жизнь.

Как только дверь отворилась, Тарл тут же приклеил куда надо самую свою дружелюбнейшую ухмылку.

— Привет, — поздоровался он. — Чирик, ты? Помнишь меня?

Орк в дверном проходе выглядел предельно озабоченным, но никаких признаков узнавания на его физиономии не отразилось.

— Что ж, ничего удивительного тут нет, — продолжил Тарл. — Это было после битвы при Беломорканале, но мы не очень много виделись, потому что я стрелу в плечо получил. Зато с моей подругой Тусоной ты куда больше общался.

При упоминании имени Тусоны вид у орка сделался еще более озабоченный. Он даже попытался закрыть дверь, однако нога Тарла ему помешала.

— Не волнуйся, ничего страшного, — продолжил Тарл. — Нам просто твоя помощь нужна.

— Ах, извините. — При слове «помощь» Чирик внезапно обрел дар речи. — Рад был бы вам помочь, но...

— Вот и славно, что ты рад. Понимаешь, нам армия требуется. Несколько сотен орков — самое то. Но мы их поднять не сможем. Зато у тебя отлично получится.

— Извините, я занят.

— Ты герой пирушки. В «Геморрое тролля» орков уже навалом. Все только и ждут, когда ты им веселье устроишь...

— Отпадает.

— ...и это много времени не займет. Надо кое с какими сволочными гномами разобраться, а они всего в паре дней марша отсюда. Как только мы их отоварим...

— Исключено!

— ...ты сможешь сюда во главе победоносной армии вернуться. Станешь еще большим героем, чем теперь...

— Клят тебе!

— Нам еще и Ронан с Тусоной помогут...

— А ну клятуй отсюда!

— И если ты это сделаешь, нам не придется всем вельдиским оркам рассказывать, что Чирик, герой Великого Похода к Морю, Шикару, которая тот поход возглавляла, в спину из лука застрелил...

Чирик немо на него уставился.

— Но... но ведь... ведь орки меня убьют! — наконец сумел выдохнуть он. — Они меня отклятуют и высушат! Клятами обложат!

— Вот видишь, выбор у тебя очень простой, — продолжал Тарл. — Либо ты идешь с нами и все тебя восхваляют, либо ты остаешься здесь и тебя по всем правилам поджаривают. Ну, что скажешь?

Чирик очень много чего сказал, но мало что из этого можно воспроизвести, хотя Марвуд все-таки уловил там несколько интересных слов, которых он никогда раньше не слышал. Впрочем, орк оказался в ловушке, и он это знал, а посему, утешая себя повторным заверением Тарла, что тут всего-то дней на пять и делов, он извинился перед гостями, поцеловал на прощание любимую жену, что само по себе обеспечило бы ему роскошную казнь, узнай об этом другие орки, и упаковал в пиршественный мешок свои скудные пожитки.

Через полчаса два человека уже сопровождали орка в «Геморрой тролля». Заведение к тому времени еще больше заполнилось, и когда собравшиеся орки увидели, что это Чирик

и что у него с собой пиршественный мешок, они испустили такой рев одобрения, который наверняка в Тор-Тарараме слышали. Тарл тут же вскочил на стойку и замахал руками, требуя тишины, а потом заговорил:

— Вы уже как пить дать задумывались, почему всю эту неделю великого героя пирушек Чирика видно не было. Так вот, он ожидал, пока я ему кое-какие подробности о той небольшой пирушке, которую мы запланировали, доставлю. Пирушка, конечно, так себе — всего суток на пять. Но мы готовы идти, и вы все тоже приглашены...

Снова раздался одобрительный рев. Почти все орки с энтузиазмом замахали мечами и копьями, в результате чего несколько боевых единиц пострадали от серьезных порезов.

— Сегодня вечером мы тут малость вокруг Вельдиса по кабакам поболтаемся, чтобы народу побольше набрать. Так что если кто-то хочет домой за оружием смотаться, то дайте всем друзьям знать. Времени у нас навалом, потому что для начала... для начала нам нужно выпить как следует!

Просто чтобы произвести впечатление, Тарл пустил в окно пивнушки небольшой огненный шар, однако взял чуть ниже, чем следовало, и в результате шар чиркнул по макушке одного орка, к дикому восторгу всех остальных устраивая у него на голове небольшой костер. Все радостно завопили, а Тарл спрыгнул со стойки и ухмыльнулся Марвуду. Затем орки взяли в осаду стойку, грохоча по ней кружками и требуя еще выпивки, после чего многие угостили таковой Чирика и его друзей. Марвуд взглянул на шесть кружек «трупных струпьев», которые уже перед ним выстроились, и задумался, есть ли у него хоть малейший шанс следующие двое суток пережить.

На следующее утро, к восходу солнца, Марвуд уже был так пьян, что едва на ногах держался. Они побывали еще в четырех тавернах, и теперь за ними с энтузиазмом следовали более пятисот орков, причем почти все они оружие и вещмешки с собой прихватили. Тарл справлялся с темпом попой-

ки куда успешней, однако и его этот темп уже тяготил. Он вовсе не был уверен, что их армия достаточно велика, но времени уже не оставалось. Двигаться нужно было теперь, пока он еще ходить мог. По сути, они до сих пор медлили на окраине Вельдиса только для полной гарантии, что каждый орк успел купить себе такой запас спиртного, чтобы еще двое суток продержаться.

Оставив Марвуда мешком сидеть на земле и с каким-то крупным рогатым жуком разговаривать, Тарл затолкал Чирика на большой валун и сам вслед за ним забрался. Там он закачался и чуть не рухнул, после чего туманным взором обвел свою армию. По всему было похоже, что оттуда на него по меньшей мере тысяча орков таращится, однако затем Тарл увидел рядом с собой двух Чириков, а у подножия валуна двух Марвудов, и решил, что все дело в зрении. Он икнул, громко рыгнул, сделал театральный жест, требуя тишины, и снова чуть не сверзился с валуна. Орки погрузились в молчание, и Тарл набрал полную грудь воздуха, чтобы заговорить.

— Пернешь! — крикнул кто-то из задних рядов, и некоторые к этому мнению присоединились.

«Всегда кто-то найдется», — подумал Тарл.

— Ну что, ништяк? — завопил он.

— Ништяк! — заорали в ответ орки.

Тарл приложил ладонь к уху.

— Я вас не слышу! — выкрикнул он, и на сей раз ответные звуковые волны чуть не снесли его с валуна. Марвуд же от них принял позу зародыша, судорожно обхватив голову руками.

— Теперь годится, — крикнул Тарл. — Мы с Чириком знаем один гномский город под горой Тор-Тарарам, в двух днях пути отсюда. У этих гномов там золота навалом...

Он сделал паузу. Сообщение особого восторга не вызвало.

— ...еще у них там взрывчатки и всего такого немерено...

Последовал куда более заинтересованный отклик.

— ...а еще у них там огромная пивнуха, в которой они свое пиво варят!

Тут уже все орки дружным воплем выразили бурный восторг, замахали мечами и копьями. Тогда Тарл дал Чирику кулаком под ребра, показывая, что ему пора заготовленные реплики выдавать.

— Вы со мной? — с энтузиазмом завопил Чирик. Его наконец-то захватила мысль о том, что все эти парни прибыли на пирушку только потому, что он, Чирик, ее устраивает.

— ДА-А-А!!! — Рев был таким оглушительным, что Тарлу пришлось хорошенько треснуть себя по мозгам, налаживая работу барабанных перепонок, а Марвуд всю начал под валун зарываться.

— Атас! — заорал Чирик. — Так какого клята мы ждем? Вперед!

Орки опять взревели, и Чирик прыгнул с валуна, а Тарл помахал мечом и просто с него свалился. К счастью, он приземлился на Марвуда, и тот немного смягчил его падение.

Переведя своего друга в вертикальное положение, Тарл отчаянно его затряс, пытаясь пробудить затуманенный разум. Голова Марвуда болталась взад-вперед, а глаза вращались по кругу, точно шарики на рулетке, и Тарл поймал себя на том, что ему хочется ставку сделать. Наконец они замерли, и Марвуд устоял на Тарла, а затем ухмыльнулся, понемногу его узнавая.

Раскрыв рот, бывший киллер явно хотел сказать что-то доброе и хорошее, но лишь громко икнул.

— Порядок, — бросил Тарл Чирику. — Давай двигать.

Волоча за собой Марвуда, они затопали на север, и оркская армия мигом перед ним расступилась, издавая крики восторга и размахивая оружием.

Затем орки помчались следом за своими вожаками к узкому перевалу, что змеился по голой, осыпающейся громаде горы Тор-Чок, выходя на широкие просторы Калидорской равнины.

Аминазину снилось, будто Нафталин отбивает от скалы здоровенные куски металлической руды, используя его в ка-

честве кирки. С каждым взмахом голова ученого врезалась в пласт с такой силой, что столб мучительной боли пронзал все его тело, угрожая снести макушку. Внезапно голова отвалилась, после чего взбешенный Нафталин выругался и принялся неистово его трясти...

А потом Аминазин проснулся и обнаружил, что голова его раскалывается от боли, а кто-то и впрямь его трясет. Это был сильно озабоченный на вид Азалептин. Похоже, директор научно-исследовательского центра прямо на полу своего кабинета заснул.

Держась руками за голову, Аминазин в муках поднялся и нечаянно пнул ногой пустую бутылку «Блин санцедара». Та звучно прокатилась по комнате, чтобы столкнуться с еще одной такой же у двери. Что ж, по крайней мерс становилось понятно, откуда такая жуткая головная боль...

Тут он вдруг сообразил, что Азалептин что-то безостановочно бормочет. Разобрать удалось только «Что же нам делать? Что же нам делать?». Властным жестом приказав брату заткнуться, Аминазин доплелся до раковины, пустил холодную воду и поплескал ее на лицо. Затем, чувствуя себя чуть-чуть получше, он вернулся к столу, поднял лежащее на боку кресло и осторожно в него уселся.

— Ну вот, — сказал он. — Что там стряслось?

— Научные сотрудники ушли!

— Что значит — ушли?

— Ушли! Все те, кто раньше Нафталина поддерживал, и кое-кто из наших!

— Что? Почему ты их не остановил?

— Должно быть, они ночью ушли. Они письмо оставили. Ты бы его прочел.

Аминазин раздраженно схватил протянутый ему братом листок бумаги и принялся читать.

— Да тут клятня какая-то! Негномские, недостойные эксперименты? Жестокие? Бессердечные? Боги мои! Мы же ученые, разве нет? Мы выше всей этой ерунды! — Он озадаченно покачал головой и стал читать дальше. — Так они в Миртесен

возвращаются? Скатертью дорога! Без малодушных обойдемся! А сколько их там осталось?

— Меньше двухсот, — ответил Азалептин.

— Гм. — Аминазин швырнул письмо на стол. Затем он подобрал одну из пустых бутылок и стал рассеянно с ней играть, задумчиво морща лоб.

— А от совета «Оркоубойной» сегодня утром вестей не было? — спросил он затем.

— Были, — ответил Азалептин, готовясь резко пригнуться. — Им, похоже, нас навестить не терпится.

— Очень хорошо. А теперь слушай, что нужно сделать. Закрой Отделы Биологии и Некромантии. Переведи всех биологов в Генетику, а этих магических мудозвонов — в Машины и Механизмы. Всех раненых переведи в Медикаменты, и пусть их там самый минимальный персонал обслуживает. А остальных между Физикой и Алхимией распредели. — Тут Аминазин вздрогнул. В голове у него опять с удвоенной энергией заколотило. — Если совет «Оркоубойной» что-то про закрытые отделы спросит, мы скажем, что у нас нехватка персонала из-за недофинансирования, и намекнем, что нам вдвое больше нужно. Это нам даже на пользу пойдет. А теперь давай за дело. Я хочу, чтобы мы уже через час готовы были совет принять.

— Будет сделано, — отозвался его брат и энергично рванулся к двери.

— Да, вот еще что. Азалептин?

Последовала пауза, а затем правый глаз Азалептина сумел так ловко выглянуть из-за двери, что все остальное лицо осталось скрытым.

— Что? — подозрительно спросил замдиректора.

— Достань мне пару штук аспирина, ага? А то у меня что-то так голова разболелась...

Совет «Оркоубойной» уже два часа торчал в зале заседаний, когда им наконец-то сообщили, что гномы в Тарараме готовы их принять. До этого они оживленно, почти взволно-

ванно переговаривались о предстоящей поездке и о том, чтобы посмотреть на все те чудеса, которые эти гномские ученые якобы изобрели. По крайней мере пятеро из них разговаривали. Холдей, Скороед, Зарванец, Шекель и Шнобель сидели за столом, с энтузиазмом обсуждая полученные отчеты и увиденные в этой самой комнате посредством ведьминой магии Картленды образы *кобратов*. А вот Фециант отстраненно горбился в своем кресле, ежась и непрерывно дрожа. На плечи и на колени верный Волкодав набросил ему по теплому одеялу. Ибо Фециант страдал от жутчайшей простуды. Из носа у него текло, в горле саднило, глаза слезились, а все суставы ныли. В настоящий момент он мог поднять только один вопрос, а именно: не изобрели ли гномы из Отдела Медикаментов чего-то такого, что хоть немного облегчило бы его страдания.

Фециант как раз прикидывал, не будет ли предпочтительней дожидаться, пока Ронан придет и отрежет ему голову, чтобы по крайней мере клятские пазухи так не болели, но тут словно бы зазвонил далекий колокол, и в самом центре полированного дубового стола откуда ни возьмись появилось изображение головы Азалептина. Голова медленно поворачивалась, улыбаясь и почтительно кивая всем членам совета по очереди.

— Добрый день, господа, — сказала голова. — Примите мои глубочайшие извинения за непредвиденную задержку. Нам пришлось тщательно проверять и ремонтировать передатчики, но теперь мы готовы вас переправить. Однако только три наши машины в настоящее время работают, так что троим из вас придется немного подождать. Итак, кто первый?

Все с энтузиазмом взглянули на Фецианта, но он лишь безразлично пожал плечами. Тогда Холдей, Скороед и Шекель быстро встали.

— Это займет всего секунду, — сказала голова Азалептина.

Трое мужчин нервно переглянулись, а затем над головой у каждого из них замигал красный огонек, и все они разом исчезли.

Зарванец и Шнобель изумленно охнули.

— Невероятно! — пробормотал Шнобель. — Но уверены ли мы, что...

— Они прибыли в целости и сохранности, — перебила его голова Азалептина. В голосе гнома слышалось легкое раздражение. — Однако у нас небольшая проблема с одним передатчиком. Безопасности ради мы его выключим, так что в этот раз сможем переправить только двоих.

Фециант устало махнул рукой, веля Зарванцу и Шнобелю взять на себя инициативу, после чего поплотней натянул на плечи одеяло и позорно шмыгнул носом. Два самых объемистых члена совета с трудом перевели себя в вертикальное положение и стали нервно переглядываться, пока над головами у них не замигали красные огоньки и оба они, в свою очередь, не исчезли.

Затем Фециант с любопытством уставился на голову гнома, которая возмущенно и недоверчиво смотрела на что-то, чего Фециант видеть не мог.

— Вот клятство! — пробормотал Азалептин. Затем голова повернулась и, похоже, заспорила с кем-то вне поля зрения, но Фециант уже ничего не слышал. Тогда он вытер слезящиеся глаза и снова уставил туманный взор на голову, страстно желая, чтобы она убралась куда подальше и дала ему спокойно подойти, а не торчала тут как клят над столом. Голова страшно его раздражала, так что Фециант скорчил рожу и показал ей язык, после чего она повернулась обратно и в упор на него уставилась.

— У нас тут еще одна небольшая проблема, — с ледяной вежливостью произнесла голова. — Эти два жирных убл... э-э, я хотел сказать, эти два последних члена совета оказались несколько крупнее, чем мы ожидали. Как вы, безусловно, помните, наши Передатчики Материи конструировались в расчете на гномов.

— С ними все хорошо? — поинтересовался Фециант.

— Да-да, все замечательно. Они немного застряли, только и всего. Мы используем гусиный жир и систему рычагов, так что в конечном итоге они должны оттуда выскочить. Мы

вернемся за вами, как только у нас свободный передатчик появится.

Голова Азалептина исчезла, и мрачный Фециант остался один в зале заседаний. Впрочем, ненадолго. Вскоре раздался стук в дверь, а затем он услышал, как она открывается. Зная, что это может быть только Картленда, он намеренно не поворачивал головы, пока ее знакомые шаги шуршали по комнате. У Фецианта и в лучшие времена были с ней проблемы, а теперь, когда он оказался в таком жалком состоянии, она была здесь не более желанна, чем дракон с приступом икоты в детском саду.

— Ах ты, горюшко наше горькое! — закудаhtала старая ведьма. — Никакушки загрипповал, болезный?

Так и не повернув головы, Фециант против воли кивнул. В данный момент любое сочувствие было ему желанно, хотя его несколько обеспокоила вдруг обретенная способность понимать ее неразборчивое кудаhtанье.

— Вотаньки славное зельице выпей... глядь, и полегчает голубчику нашему, — забормотала старуха, после чего костлявая длань потянулась над плечом председателя, вручая ему стакан мутной горячей жидкости желтоватого цвета.

«Горячий лимонный отвар, — подумал Фециант. — Надо же, все-таки у паршивой идиотки капля разума еще осталась!» Буркнув глухие слова благодарности, он взял стакан и поднес его к губам.

— Вотаньки треснули мы стакашечку сцаки свежанькой! — прошипела ему Картленда, когда он залпом опорожнил стакан, и ее слова дошли до него одновременно с тошнотворно-мерзостным вкусом солоноватой жидкости. Желудок его судорожно сократился, после чего председатель подался вперед и принялся бешено тошниться, пока не выдавил из себя последнюю каплю всей этой гадости.

— Ты, сука драная! — завопил Фециант, как только последний спазм улегся. — Каким клятом ты думаешь, когда больному человеку свежую мочу подаешь?

Он разгневанно повернулся, но при виде старой ведьмы его лицевые мышцы тут же застыли в маске ужаса, а челюсть отпала так низко, что он чуть пятаку себе не укусил.

На физиономии у Картленды выражалась такая откровенная похоть, что председатель до смерти перепугался. Она была густо и крайне беспорядочно накрашена, а одета всего-навсего в длинный пеньюар из тонкой, полупрозрачной материи. Видя, как он на нее пялится, Картленда радостно закудаhtала и изобразила какую-то пародию на пируэт, от которой у Фецианта в пустом желудке опять невесть что взбурлило. Он ошалело сглотнул. Чуть выше колен Картленды под материей что-то колыхалось, и у него было тошнотворное ощущение, что это ее груди. Если не груди, тогда живот...

— А какушки премиленько нам потрахалца? — спросила старуха, любовно к нему клонясь. В следующую секунду Фециант вдруг понял, что стоит по другую сторону стола от Картленды. Как он туда попал, он понятия не имел. Должно быть, сработал инстинкт раненого зверя, бессознательно спасающегося в своей норе.

— Нет! — завопил он. — Прочь отсюда, Картленда! На клят пошла! Если ты сию секунду из этой комнаты не убе-решься, я тебя... я...

Но все было тщетно. Картленда кралась вокруг стола, и на ее жуткой роже застыла кривая ухмылка голодного *ленката*, который только что себе чудненького кроличка на завтрак за-приметил. Взыв от ужаса, Фециант бросился к приоткрытой двери. Но тут за спиной у него прозвучало глухое заклинание, и дверь, громко захлопнувшись у него перед носом, наотрез отказалась откликаться на любые его рывки. Он огляделся, лихорадочно ища хоть какой-то выход, но его попросту не было. Пуская слюни от похоти, Картленда неотвратимо на него наступала. А затем, в самый последний момент, в голове у председателя вдруг возникла блестящая мысль...

Азалептин с растущим нетерпением наблюдал за тем, как две бригады потных от натуги орков селятся извлечь пару

заплывших жиром туш из двух оставшихся в работе кабинок. Но тут к нему подбежал инженер из Отдела Машин и Механизмов.

— Мы третий передатчик наладили, — сообщил он. — Там просто контакт нарушился. Теперь он работает, и им можно воспользоваться, если вы, конечно, хотите, чтобы последний человек тоже там застрял.

— Этот не застрянет, — отозвался Азалептин. — Он не такой жирный. Давайте его доставим.

Он последовал за инженером к исправленному передатчику и стал наблюдать, как тот нажимает кнопки и дергает рычаги. Лампочки вспыхнули, и машина загудела. Затем на самом верху кабинки замигал зеленый огонек.

— Все, мы его забрали, — сказал инженер.

Азалептин приклеил куда надо дружелюбную улыбку и распахнул дверцу кабинки, но слова радушного приветствия застыли у него на губах, стоило ему только увидеть переправленного председателя.

Фециант стоял к ним лицом со свободно наброшенным на плечи одеялом. Глаза его были плотно зажмурены, а лицо перекошено от страха и напряжения.

В одной руке он сжимал нож и явно намеревался всадить его в большой кочан капусты, который он держал в другой руке.

— Я не шучу! — завопил он, не открывая глаз. — Учти, вонючая карга, еще шаг — и Джон Капуста свое получит! И кончай трендеть мне про то, что его родственники все глазки выплачут! Это у картошки глазки, а у капусты их нет! Прочь, мегера! Клятуй отсюда!

Тут Фециант открыл глаза и обнаружил, что на него пялятся множество не на шутку озадаченных гномов. Человек менее значительный наверняка застыдилсЯ бы своего более чем странного поведения, но Фециант, председатель совета директоров корпорации «Оркоубойные мечи», лишь испытал сильнейшее облегчение.

— Клятски вовремя! — прорычал он Азалептину, всаживая нож в кочан и вытряхиваясь из кабинки. — Так это и есть тот самый стремительный и надежный транспорт, про который вы мне рассказывали? Просто замечательно! Как же мы раньше без него обходились?

Председатель волком глянул на капусту, затем замахнулся ножом и рассек кочан ровно на две половинки.

— Вот так! — рывкнул он, бросая обе половинки Азалептину. — Пошлите это туда, откуда я прибыл, ага?

С этими словами Фециант прошел к ближайшей скамье, сел там, надернул себе на плечи одеяло и принялся оглушительно чихать.

Когда две половинки кочана вновь материализовались на прекрасно отполированном дубовом столе в зале заседаний совета директоров корпорации «Оркоубойные мечи», Картленда по-прежнему тупо таранилась на то место, где совсем недавно стоял Фециант. Однако теперь на ее морщинистой роже застыла расстроенная гримаса голодного *ленката*, который только-только собрался броситься на беззащитного кроличка — а тот вдруг исчез в безопасном укрытии норы. Затем старуха перевела недоверчивый взор на куски кочана и несколько секунд на них смотрела, после чего ее физиономия совсем скомкалась. Она протянула руку, тронула одну из половинок и стала нежно гладить капустные листья.

Но затем скорбь Картленды вытеснил стремительно вскипающий гнев. Она отвела немигающий взор от капусты и уперла его в дубовую столешницу. Через несколько секунд оттуда потянулась струйка дыма. Еще через минуту столешницу уже вовсю лизали языки пламени. Не отводя глаз от стола, Картленда попятилась к двери, и голос ее стал подниматься в исполненном горечи и злобы кудахтанье. Языки пламени набирали мощь вместе с кудахтаньем старой ведьмы, пока не собрались в огненный столп, что вздымался до самого потолка. Затем они, точно пальцы, потянулись в стороны, жадно щупая портьеры.

Картленда пятилась дальше по устланному роскошными коврами коридору, и только когда мощная струя пламени выплеснулась из зала заседаний, на физиономии ее появилась довольная улыбка от славно проделанной работенки. Этот надменный председатель мог превратить ее любовь в кучу пепла, но когда он вернется оттуда, куда он невесть как перенесся, он увидит, что она то же самое со всем его административным зданием провернула. Да, это могло показаться слишком острой реакцией на случившееся, но, в конце концов, она была в скверном настроении, и артрит опять ее мучил. К тому же, как она любила говаривать, в адском пламени меньше ярости, чем у женщины в мозолях...

У Ронана, Тусоны, Гебралы и Котика дела шли вполне успешно. Понаблюдав за тем, как Тарл с Марвудом отбывают, они рано разбрелись по койкам и проспали аж семь часов. Затем, глухой ночью поднявшись, они быстро покинули Гутенморг. Ночь была ясная, и полная луна очень облегчала путешествие. К рассвету они выбрались из Долины Пряшки и теперь пробирались по горным подножиям к просторным равнинам западного Калидора.

Погода была чудесная, но холодная. Здесь, на дальнем севере, солнце высоко не всходило, и скудный солнечный свет давал мало тепла, зато энергичная ходьба прекрасно их согревала. Они позавтракали на ходу, поддерживая постоянный темп, и к полудню, оставив позади горы, уже направлялись на восток по слегка холмистой равнине.

Ближе к вечеру путники опять увидели далекую гору, но теперь уже впереди. Добрую милю они поднимались по пологому склону, а когда дошли до вершины, Ронан первым заметил дальше на востоке оранжевое свечение. Сперва он подумал, что там висит низкое облако, но затем разобрал, что это закатное солнце сияет на снежном пике горы Тор-Тарарам. Они уже одолели половину дороги, и время никак их не поджимало.

Впереди находилась небольшая долина, по дну которой на север бежал широкий ручей. По берегам этого ручья росло немало мелких кустарников и чахлых елей. Здесь путники решили заночевать и принялись сооружать грубое убежище, благо под рукой была масса древесины. Из города они захватили связку хорошей растопки, и вскоре у них уже вовсю пылал роскошный костер. Удобно вокруг него рассевшись, они с аппетитом принялись уминать ужин из сушеного мяса, хлеба, сыра и фруктов.

После этого Гебраль решила бросить быстрое заклинание Просмотра и проверить, как там Тарл. Всех остальных очень позабавило выражение ее лица, когда она с ним связалась.

— Ну и как он там? — поинтересовалась Тусона, когда Гебраль закончила.

— Нажрался в дугу. Но у них все хорошо. Завтра вечером мы должны с ними встретиться.

— Наверно, он там вовсю напрягается.

— Да нет, скорее оттягивается. Я могу по его мыслям судить. Идти ему тяжело, но весело.

— А как там Марвуд? — спросил Ронан.

— Гм. Так себе. Тарлу, похоже, очень весело, когда он о Марвуде думает. Есть у меня такое чувство, что бедняге сейчас туго приходится...

Вообще-то Марвуду не туго, а совсем туго приходилось. У него зверски кололо в боку, но это не могло сравниться с тем, как жутко ныли его легкие, а это, в свою очередь, не выдерживало никакого сравнения с кошмарной болью в ногах. Но все это вместе взятое даже рядом не стояло с умопомрачительной головной болью.

Мучило Марвуда вовсе не то, что они весь день безостановочно бежали, ибо киллерская тренировка подготовила его к стертым ногам и ноющим легким. Однако ни разу в жизни он еще не ощущал наступления похмелья прямо на ходу. Всегда подразумевалось, что похмелье приходит к тебе во сне и уже сидит у тебя в голове, когда ты просыпаешься. А

здесь получалось так, что похмелье незаметно к нему подкрадывалось, постепенно превращаясь из тупого нытья в голове и непрерывной тошноты в слепящую боль, что буквально пронзала его череп, и чуть ли не ежесекундные мучительные рвотные позывы.

Марвуд несколько раз останавливался, чтобы вытошниться, но все же не отстал. Все дело здесь было в том, что в любой отдельно взятый момент оркская военная пирушка традиционно состоит лишь из восьмидесяти процентов бегущих, а остальные двадцать процентов тем временем останавливаются опорожнить мочевые пузыри, немного поблевать или еще выпить. Таким образом, не имея четкого построения, оркская военная пирушка оказывается чем-то непрерывно текущим. Половина всей армии может протрюхать мимо тебя, пока ты спокойно тошнишься, но потом ты рано или поздно обгонишь ушедших вперед, когда они, в свою очередь, остановятся по-быстрому хватануть пивка или с хорошего валуна помочиться*. Марвуд держался где-то в середине, и Тарл с Чириком сбавили ход, чтобы составить ему компанию.

Откровенно говоря, Тарл уже начинал немного за него беспокоиться. Лицо Марвуда посерело, а глаза превратились в странную смесь красного, белого и желтого, точно недожаренная яичница с двумя кусками сырого мяса. Беда заключалась в том, что бедняга не обладал Тарловым опытом состязания с орками, когда ты обеспечивал себе медленный, но постоянный приток алкоголя, ни на секунду не трезвея, а все время пребывая в умеренно пьяной кондиции. Марвуд слишком круто нажрался, а потому страдал.

Впрочем, очень скоро его ожидал небольшой отдых. Поначалу Тарл безостановочно гнал военную пирушку вперед, пусть даже собственные ноги самым натуральным образом его убивали, потому что он не очень себе представлял, сколько времени у них осталось. Но теперь, после сеанса связи с Гебралью, Тарл узнал, что они могут позволить себе несколько

* Орки никогда не мочатся за валунами. Им нравится взбираться на них и стараться как можно больше народу обоссать.

ко часов отдыха, и передал вперед весть о том, что они намерены остановиться и как следует выпить. Тут было еще и то преимущество, что за время отдыха орки неизбежно должны были прикончить весь оставшийся алкоголь, так что завтра, когда пирушка прибудет к Тарараму, глотки у гуляк совсем пересохнут и они будут сражаться как демоны, только бы поскорей гномские запасы спиртного заполнить.

Передние орки уже останавливались. Когда они разбились на громогласно хохочущие компашки и стали доставать главные запасы алкоголя, Тарл схватил Марвуда за рукав, чтобы его остановить, поскольку тот уже на автопилоте топал.

— У нас привал, — сообщил он бывшему киллеру. — Поспи немного, а потом мы закусим. Тогда тебе малость полегчает.

Не успел он даже договорить, как глаза Марвуда сами собой закрылись, после чего он сложился как аккордеон и осел на землю. Озабоченный Тарл нагнулся потрясти его за плечо, но негромкий храп тут же сообщил ему, что с его другом все в порядке. Тарл завистливо вздохнул и опять выпрямился. Ему самому тоже страшно хотелось вздремнуть, но он не отважился. Кто-то должен был приглядывать за военной пирушкой и заботиться о том, чтобы она так, ни с клята сорвавшись, вдруг куда-нибудь не утонула. А посему, с усталыми глазами и ноющими ногами, Тарл побрел посмотреть, не догадался ли кто-нибудь из орков колоду карт с собой захватить.

ГЛАВА 12

Несмотря на свои достаточно скромные масштабы, Битва Под Горой заняла достойное место в оркской истории, и главным образом потому, что послужила основой одной из песен самой знаменитой оркской певицы по имени Бьорк. Недоучка художественной школы Гоблинвиля, незамужняя, но вечно беременная орчица Бьорк не слишком известна в людской среде, хотя многие легко узнают ее чудесные песни, которые она посвящает всяким своим жизненным неприятностям. Самая знаменитая ее песня основана на событиях, случившихся непосредственно перед ее исключением из художественной школы, когда после знакомства с одним юным южанином она приобрела себе небольшой сувенир. И в самом деле, какому среднеземцу не знакома волшебная мелодия песни «Венера от мальчика»...

«Розовая Книга Улай»

Ронан распластался на скальной осыпи, выглядывая за ее край в сторону Тор-Тарама. Позади него находилась небольшая лощина, где отдыхали Гебраль, Тусона и Котик. Впереди тянулась еще почти целая миля открытой травянистой равнины, прежде чем в небо уходили скалистые склоны отдельно стоящей конической горы. Будь Ронан геологом, он сразу бы распознал ее вулканическое происхождение, а так ее заснеженный кратер и трещины для выхода фумарол ни о чем ему не говорили. Он внимательно изучал ближний склон горы, где она почти на сто метров круто шла вверх, ибо в самом центре этого утеса было то, что представляло для него куда больший интерес, а именно: главные ворота гномского города. День был в разгаре, и Ронан ясно видел, что две громадные створки ворот слегка приоткрыты. Перед ними, оживленно переговариваясь, стояли четверо часовых. Вход в город показался Ронану непреодолимым препятствием, ибо ворота были метров на десять приподняты над равниной и к ним вел покатый земляной скат. Подкрасться туда было просто невозможно, а броситься в открытую означало дать часовым впол-

не достаточное время, чтобы закрыть ворота и надежно их запереть. Ночная атака тоже смысла не имела, поскольку порядок у этих гномов наверняка был тот же, что и во всех прочих гномских городах, которые Ронан навещал, где ворота закрывались с наступлением сумерек. Нет, он решительно не понимал, каким образом оркская армия Тарла собирается туда без долгой и бесцельной осады прорваться...

Ронан стал отползать назад, пока не оказался вне поля зрения с горы, после чего встал и спустился к остальным. Тусона с Гебралью пользовались возможностью немного перекусить, а Котик лакал воду из крошечного ручейка.

— Короче, никаких шансов быстро взять эти ворота я не вижу, — сказал он, садясь на камень рядом с Тусоной.

— Не волнуйся, — отозвалась она. — Гебраль, похоже, знает, как это сделать.

Гебраль кивнула:

— Думаю, я смогу телепортироваться внутрь города. Фенамин дал мне два ярких воспоминания, и я могу выбрать любое. Мы сможем открыть вам ворота.

— Мы? — переспросил Ронан.

— Да, — сказала Тусона. — Мне нужно будет вместе с ней отправиться. А тебе придется остаться с Котиком и в нужное время оркскую армию повести.

Ронан вздохнул. Ему уже начинало действовать на нервы число тех случаев, когда им с Тусоной приходилось расставаться. За время их отдыха в убалтайском отеле он открыл для себя, как чудесно бывает проводить время с любимой и плевать на все, кроме солнца и наслаждений. Припадать к влажной земле холодных лощин в глухой заднице Среднеземья и планировать взятие ворот города, полного сволочных гномских ученых, ему почему-то такого удовольствия не доставляло.

— Погодите, — вдруг сказала Тусона. — Вы ничего не слышите?

Они ненадолго прислушались. Ронан различил лишь какой-то глухой рокот. Больше всего это напоминало шум кабацкой драки, услышанный очень издалека.

— Это орки, — сказала Гебраль, но Ронан уже карабкался по склону лошины к своему наблюдательному пункту за скалой. Он подполз туда на четвереньках и с надеждой взглянул в сторону ворот, но тут же увидел, что гномские часовые уже слышали шум, поскольку все они стояли плотной группкой, пристально глядя на юг и указывая пальцами.

— Вот так партизанский наскок! — пробормотал Ронан, спускаясь обратно к остальным. Он хотел было попросить Гебраль передать Тарлу сообщение, но по отсутствующему выражению ее лица смог понять, что она уже с ним в контакте. «Тогда он присел на корточки и стал ждать. Гебраль озабоченно нахмурилась, а затем глаза ее снова сфокусировались и она тревожно переглянулась с Ронаном и Тусоной.

— Тарл совсем не уверен, что может контролировать орков, — сказала она. — Они с Марвудом уже едва ноги волочат. Им только и удастся, что вместе с толпой держаться.

— Сколько у нас еще времени?

— Пятнадцать минут. Может, и меньше. Орков жажда мучает, и они трезвеют. Теперь, когда они гору увидели, они уже во весь опор несутся.

— Клят! — выругался Ронан. — Нам надо пошевеливаться. — Он сунул правую руку себе за спину и обнажил массивный палаш, который декан Нибал специально для него изъяс из Киллерологического музея, а Тусона взяла его за другую руку, чтобы попрощаться. Внезапно Ронан ощутил в левой ладони странное покалывание, а Тусона в то же самое время поежилась от дурных предчувствий.

— Осторожней, любимый, — предупредила она его. — У меня по поводу всех этих дел какое-то скверное чувство.

Ронан в ответ ухмыльнулся и сжал ее ладонь, но у него тоже возникла внезапная уверенность, что все это обернется довольно скверно. Затем Тусона отпустила его ладонь и взяла за руку Гебраль. Она неуверенно ему улыбнулась, когда Гебраль закрыла глаза и что-то пробормотала, а потом обе они вдруг исчезли.

— Вот уж клятски полезная способность, — пробормотал голос где-то у бедра Ронана. Опустив взгляд, он увидел, что Котик скорбно глазеет на то место, где только что были две женщины. — Этим дамам теперь пешедралом топать не нужно. Что же до меня, то я за последнюю пару-другую месяцев на всю жизнь набегался. А копыта, между прочим, не восстанавливаются. Это тебе и гномские ученые подтвердят. — Тут осел поднял голову и с траурным видом взглянул на Ронана. — Слушай, тебе никто никогда не говорил, что ты просто ротозей старый? — спросил он, после чего мучительно потащился вверх по склону лошаины.

Тусона негромко охнула, когда они материализовались в совершенно темной комнате и пролетели сантиметров двадцать до пола.

— Извини, — прошептала Гебраль. — Я сделала поправку на то, что это воспоминание гнома. Но, видно, перестаралась.

Последовала краткая пауза, а затем Тусона вздрогнула, когда в ответ на заклинание Гебрали все помещение озарилось мягким белым светом. Они стояли в просторной грубой пещере со здоровенной машиной из блестящего металла в самом ее центре. Располагаясь на твердокаменном постаменте, машина издавала негромкое гудение. Толстые металлические кабели змеями тянулись от ее верха к стене, исчезая в пробуренных в скале отверстиях. В воздухе висел густой запах смазочного масла.

— Ну вот, — сказала Гебраль. — Теперь мне нужно эту штуковину вырубить. Присмотри за дверью.

Тусона неслышно пробралась к открытому сводчатому проходу у них за спиной и выглянула наружу. Голый каменный коридор по ту сторону был освещен единственным стенным факелом, воткнутым в крепление, под которым имелся пустой табурет. Держа в правой руке меч, Тусона встала там на страже, прислушиваясь к шагам.

Гебраль тем временем, задумчиво склонив голову набок, стала изучать машину. Через пару минут она, судя по всему,

пришла к какому-то решению. Она отступила на шаг, подняла руку и указала пальцем на металлические кабели. Тусоне, которая в этот самый момент быстро оглянулась, показалось, будто от указательного пальца Гебраль к кабелям тянется тонкий туманный лучик. Впрочем, что бы там ни тянулось, это возымело мгновенный эффект. В том месте, где один из кабелей выходил из машины, металл мигом расплавился и потек, после чего кабель с резким щелчком и целым снопом искр оторвался и захлопал по стене, свисая из отверстия. Гебраль чуть сдвинула палец, и вскоре порвался еще один кабель, затем еще один, пока все они, отсоединенные от машины, не повисли как плети. Тогда Гебраль перевела пристальный взгляд на саму машину, и гудение постепенно затихло.

Тут Тусона услышала быстро приближающиеся шаги. Она тут же бросила взгляд на Гебраль, а та поманила ее к себе и протянула руку. Тусона торопливо подбежала, и Гебраль схватила ее за запястье. Они опять исчезли, а буквально секунду спустя в пещеру шумно протопал гном. Отсутствие привычного гудения несколько его озадачило, но когда он увидел свободно свисающие вдоль стены кабели, челюсть его отвисла до самого пола. Вид у гнома при этом сделался такой, будто его кто-то по затылку целым Тор-Тарарамом треснул. Добрую минуту он, беззвучно шевеля губами, не спускал с кабелей выпученных глаз, а потом развернулся и во весь дух рванул по коридору.

Шагая к воротам, Ронан наблюдал за тем, как гномские часовые спорят и вглядываются вдаль. Они уже его заметили, но один-единственный человек, шагающий к воротам бок о бок с низкорослым ослом, особой угрозой им не показался. Поэтому внимания они на него не обращали, как Ронан, собственно, и рассчитывал, ибо ему требовалось добраться до ворот одновременно с орками, а никакого прикрытия, чтобы приблизиться незаметно, у него не имелось.

Ронан улыбнулся себе под нос. Эти гномы явно не могли разобрать причины шума, и видеть они тоже ничего не виде-

ли. Он в открытую приближался к ним с запада, куда были обращены ворота, а оркская военная пирушка неслась с юга и до сих пор была скрыта за низким отрогом Тор-Тарарама. Гномы видели только большое облако пыли над отрогом, какое обычно поднимает табун диких лошадей или стадо коров. Однако животные не могли производить такой шум, какой сопровождал облако. Ронан, которому уже доводилось видеть оркскую военную пирушку в действии, даже узнал кое-какие кричалки, но гномов все это совершенно озадачивало.

Затем, уже оказавшись в нескольких сотнях метров от ворот, оркский авангард наконец вырвался из-за отрога Тор-Тарарама. Увидев свою цель, передние орки испустили такой восторженный рев, от которого даже у Ронана мурашки по спине побежали, а потом к этому реву присоединилось все пока еще скрытое из виду воинство.

Увидев как по волшебству вытянувшиеся физиономии часовых, Ронан ухмыльнулся. Затем стражники попятились за ворота, явно неспособные отвести глаза от орков, и один из них протянул руку к большой кнопке на стене сразу за правой створкой. Он покрепче ее нажал, однако без всякого эффекта. Тогда он стал нажимать ее еще и еще, с каждым разом все более неистово, но по-прежнему ничего не происходило. Если эта кнопка должна была закрывать ворота, то она самым прискорбным образом не срабатывала.

— Молодцы девчата, — выдохнул Ронан. — Это у вас здорово получилось!

Но затем гномы ухватились за края створок и что было силы их потянули. К удивлению Ронана, ворота начали медленно закрываться. Должно быть, трехметровые в высоту и полуметровые в толщину створки были превосходно отбалансированы. Тогда он побежал, страшась того, что ворота закроются раньше, чем тарловские орки туда доберутся. Но затем из ворот выскользнула знакомая фигура Тусоны, а позади нее держалась Гебраль. Гномы схватились за топоры и повернулись к двум женщинам, но Гебраль подняла руку, и все четверо рухнули как подкошенные.

Тусона отчаянно замахала Ронану, и поверх непрерывного грохота орков он все же смог различить ее далекий крик:
— Скорее! Нас засекли!

Они с Гебралью снова исчезли за воротами, а Ронан вместе с напрочь забывшим про свои драгоценные копыта Котиком перешли на бешеный спринт, всеми силами стремясь поспеть к воротам раньше оркского авангарда. К сильнейшему облегчению Ронана, он добрался до ворот в доброй полусотне метров впереди орков. Часовые все-таки успели немного прикрыть створки, но он хорошенько навалился и снова их распахнул. А затем, вытаскивая меч из ножен, зашагал напрямиком в сумрак подземного города.

Шесть членов совета «Оркоубойной» проследовали за Аминазином через Передаточный зал в главную Магнетическую аудиторию. Каждый из них с головой ушел в собственные раздумья. На них произвело глубочайшее впечатление буквально все, что они за последние двадцать четыре часа увидели и услышали. Фециант размышлял о том невероятном оружии, которое «Оркоубойная» сможет производить, как только получит в свое распоряжение изобретенную гномами взрывчатку. Холдей прикидывал, сумеет ли Отдел Алхимии найти способ получения золота из цветных металлов. Скороед подумывал, не позволят ли ему гномы ближайшей ночью попользоваться той роскошной кентаврихой, которую они только что увидели в клетках для экспериментальных животных, тогда как Зарванец забавлялся аналогичными мыслями относительно парочки симпатичных пленников мужского пола. А Шекель со Шнобелем очень заинтересовались новыми лекарствами, совместно полученными Отделами Медикаментов и Алхимии, причем в особенности — некоторыми побочными эффектами этих лекарств. Топающий позади всех Азалептин размышлял, выпадет ли ему наконец шанс смотаться в «Золотую жилу» и пропустить там пару-другую кружек «мордой об стол».

Взобравшись на лекторскую трибуну, Аминазин жестом предложил членам совета рассаживаться. Он сделал паузу,

наслаждаясь моментом, ибо визит проходил просто превосходно и всех гостей явно заворожили продемонстрированные научные достижения. Уже было очевидно, что поток золота для финансирования других подобных достижений Тарараму обеспечен.

А теперь Аминазин собирался показать гостям Виварий, продемонстрировать поразительных существ, выведенных Отделом Магнетики. Это должно было окончательно их покорить...

Директор научно-исследовательского центра откашлялся, но прежде чем он успел начать, в дверях аудитории появился сильно запыхавшийся гном.

Это был Никотин. Аминазин косо на него глянул, а Азалептин, мгновенно распознав в Никотине гнома со скверными новостями, схватил его за руку и отволол обратно в Передаточный зал.

— Что стряслось? — прошипел он.

— Новый генератор! — выдохнул Никотин. — Все кабели перебиты, оплавлены! Электрика нет во всем городе, кроме Магнетики!

Азалептин изрыгнул глухое ругательство. Сборка второго генератора, аналогичного тому, что уже работал в Магнетике, и обеспечение электриком всего Тарарама было одним из первых мероприятий Аминазина после его вступления в должность директора, и он очень этим гордился. Азалептин прикинул, что если брат об этом узнает, то опять в людей бутылками швыряться начнет.

— Ладно, — прошептал он Никотину. — Я пойду посмотрю. А шефа пока гоношить не будем, ага?

И они вместе вышли в коридор, плотно закрывая за собой двери Передаточного зала.

Авангард оркской военной пирушки с грохотом пронесся вверх по земляному скату и бешеной массой одуревших от жажды гуляк ворвался в ворота подземного города. Внутри оказался громадный зал с двумя рядами колонн по обе стороны. В нескольких метрах за воротами троих людей и низко-

рослого бурого осла энергично осаждало кольцо гномов, а в дальнем конце зала еще несколько десятков гномов струились вниз по широкой мраморной лестнице, спеша присоединиться к атаке.

Передние ряды орков мгновенно разобрались в ситуации. Недаром их тем утром два чириковских приятеля, киллер и полуорк, инструктировали. Им доходчиво втолковали, что к пирушке должны еще трое человек присоединиться: большой черный воин, свирепая воительница и маленькая колдунья. Так что орки с радостным ревом накатили на гномов и за счет одной лишь инерции их смели, освобождая Ронана и его друзей от осады.

Благодаря ослу, который расчищал дорогу, злобно огрызаясь на всех, кто оказывался у него на пути, Ронан дотащился до края зала еквозь толпу возбужденных, воинственно размахивающих мечами орков, и Тусона с Гебралью за ним последовали.

Там, опершись о меч, он испустил шумный вздох облегчения. Несколько секунд назад их план чуть-чуть не провалился, однако оркская пирушка прибыла как раз вовремя. Гномы в высшей степени грозные противники, когда они свою территорию защищают, а тут их работа практически к защите ворот сводилась. Но теперь тяжесть превосходящих сил орков оказалась слишком велика для тридцати с чем-то защитников, и они были почти мгновенно обращены в бегство.

— По словам Фенамина, — сказала Гебраль, когда волна радостных орков понеслась по лестнице вслед за бегущими врагами, — ворота и первая лестница — главные оборонительные рубежи. Раз орки их прорвали, дальше их уже ничто не остановит. Они неизбежно по всем главным коридорам разольются. Гномам потребуется немало времени, чтобы хоть какую-то оборону наладить.

— Тогда нам лучше шевелиться, пока они ее не наладили, — отозвался Ронан. — Нам нужно выяснить, где гномы своих пленников держат.

Поток орков заметно редел, и через ворота уже ковыляли самые слабые, медленные и пьяные. Через некоторое время после того, как туда протрюхал последний орк, показались две знакомые фигуры.

— Тарл! — воскликнула Гебраль и подбежала его обнять. Марвуд, который поддерживал вконец обессиленного Тарла, сгрузил его ей на руки, после чего подошел к остальным. Он совсем выдохся, но в остальном выглядел вполне прилично. А вот Тарл задыхался как рыба на берегу, производя при этом шум почище дракона-астматика.

— С тобой все хорошо? — тревожно спросила Гебраль.

— Все у него в порядке, — заверил ее Марвуд. — Он просто малость запыхался, только и всего. Ему бы немного киллерской подготовки. И еще пить как следует научиться.

Тарл так возмутился, что даже плевать начал, но Ронан поднял руку, предвосхищая любые споры.

— Ну вот что, — прорывал он. — Ваши разногласия на предмет пьянок вы потом уладите. А теперь надо делом заняться. Тарл, Марвуд, найдите Чирика и попытайтесь орков в узде удержать. Мы не хотим, чтобы они тут всех подряд покروшили. Гебраль, так ты сможешь дорогу к пленникам отыскать?

— Да, — кивнула она. — Фенамин рассказал, где их держат. Нам надо в главные жилые помещения подняться, а затем через научно-исследовательские уровни спуститься к тому, что Отделом Магенетики называется.

— Порядок. Тогда веди. Котик, ты идешь с нами. Мы не хотим, чтобы ты оркам на шашлык пошел.

И с этими словами он повел их через выложенный каменными плитами зал к широкой мраморной лестнице, и они стали подниматься по ней, переступая через все еще истекающие кровью трупы орков и гномов.

Азалеппин обалдело глазел на свисающие металлические кабели. Он не мог представить себе, чтобы что-либо, кроме магии, вот так запросто оплавило их концы. Кроме того, воз-

дух здесь как-то странно покалывал кожу, что также случилось всякий раз, как Отдел Некромантии один из своих крупных экспериментов проводил. Итак, все это какой-то колдун проделал. Либо у них в Тарараме изменник, либо сюда кто-то проник!

Он повернулся к Никотину:

— Беги вниз и сообщи директору, что в наши ряды диверсант затесался. Но только прямо перед гостями об этом не треплись, усек? По-тихому ему сообщи.

Никотин торопливо выбежал из зала, а Азалептин почесал в затылке и задумчиво последовал за подчиненным, прикидывая, что же здесь все-таки происходит. Он повернул за угол как раз в тот самый момент, когда другой гном достиг конца узкого коридора и уже выбегал в главный проход. Но тут что-то словно бы выросло у него из затылка, и Никотин с мучительным вскриком осел набок.

Азалептин тут же застыл на месте от страха. Это была стрела! Он прижался к стене, и в следующее мгновение нескончаемый, как показалось ученому, поток орков стремительно потек по главному коридору. Невозможно было счесть их число, но больше полусотни там точно протопало. Азалептин выждал еще минуту после того, как они промчались, внимательно прислушиваясь к затихающему реву и выкрикам, а затем прокрался вперед. Добравшись до главного коридора, он туда выглянул.

Метрах в тридцати справа широкий проход выходил к главному залу жилых уровней. Там он смог различить семь гномских трупов, которые плотной группкой лежали на том месте, где они попытались дать захватчикам отпор, и перед ними валялись пять обезглавленных оркских тел. А затем Азалептин опять замер, ибо мимо того конца коридора прошла очень странная компания. Там был могучий черный воин и парочка женщин. Кроме того, к этим людям невесть как прибился низкорослый бурый осел, который словно бы что-то себе под нос напевал.

Азалептин убрал голову из прохода и хорошенько поразмыслил. Похоже было, что Тарарам подвергся нападению, причем раз в этом участвовали люди, то наверняка их до предела достали последние гномские экспедиции, и они явились сюда отомстить. Было весьма вероятно, что пленных они брать не станут. Хорошей мыслью Азалептину показалось смотать отсюда, пока еще есть возможность, и попытаться догнать тех гномов, что ушли вчера. Да-да, самое время было о себе позаботиться. В конце концов, бутылки «Блин санцедара» в физиономию было более чем достаточно, чтобы он уже не считал себя хоть в чем-то перед Аминазином в долгу.

Приняв твердое решение, Азалептин неслышно выскользнул в главный коридор и крадущейся походкой направился к отдаленному залу.

По всему Тарараму орки преследовали гномов, гоня их по коридорам и лестницам, рубя их и кромсая. По идее, эта битва должна была оказаться нелегкой, ибо гномы могут быть грозными противниками, однако защитникам явно не хватало воли к сопротивлению. Самые сильные и смелые уже ушли, возмущенные отвратительным режимом Аминазина. Остались в основном слабые, трусливые и эгоистичные — те, кто не мог или не желал биться насмерть. Многие сдавались, а остальные бежали, пытаясь спрятаться в разных укромных уголках, или дешево продавали свою жизнь.

Устало топая по коридорам и тоннелям с мечами в руках, Тарл и Марвуд не могли найти ни одного живого защитника. Трупов, однако, всюду было навалом, причем многие из них являли собой картину, доселе редко кем из людей виденную. Это были гномы, убитые ударом в спину.

Хотя Тарл и был вконец измотан, его пивнушный компас оставался в полном порядке. Они без труда добрались до «Золотой жилы», хотя дикий гам уже обнаруживших это местечко орков тоже очень помог. Оказавшись внутри, друзья выяснили, что цепочка орков протянулась от погреба к стойке, передавая из рук в руки бочонки. От тех, кто был в погребе,

пришла весть, что там по меньшей мере по бочонку на каждого орка.

Тарл с Марвудом остановились в дверном проходе, изучая уже нанесенный урон. Почти все столы и стулья были разбиты. В углу одна группа орков играла с барменом в «петушка», а другая затеяла отчаянную игру, которую они только-только придумали. Игра называлась «лови топор». Несколько пальцев уже валялось на полу.

— Как мыслишь? — спросил Тарл. — Вообще-то оркская пирушка — штука опасная.

— Угу, — отозвался Марвуд. — А жажда еще опасней.

Ухмыльнувшись друг другу, они радостно погрузились в общий хаос.

Гебраль вела своих спутников по коридору, пока тот изгибался вправо, минуя пустые помещения с открытыми дверями и медленно опускаясь вниз в самое сердце горы. Здесь на стенах регулярно попадались факелы, так что проход хорошо освещался. Затем он круто взял влево и внезапно закончился. Там имелись три двери: по одной с каждой стороны и большой каменный портал в торцевой стене.

— Если я правильно помню инструкции Фенамина, то нам сюда, — объявила Гебраль, кладя ладонь на каменную дверь. Та неслышно раскрылась от ее прикосновения, и они прошли дальше. За дверью находился прямой коридор метров двадцати в длину с деревянными дверями по бокам и матово-черной металлической дверью в самом конце. Голубоватый свет словно бы сочился из самих стен, придавая им зловещий металлический глянец.

Гебраль открыла первую дверь направо, и все остальные вошли за ней в ярко освещенную лабораторию. Затем, сморщив носы от резкого запаха химикатов, они мимо лабораторных столов и раковин пробрались к правой двери в дальней стене. За ней оказался узкий, скудно освещенный коридор, который тянулся метров на десять, после чего круто сворачивал влево.

— Это должно быть где-то здесь, — продолжала Гебраль. Аккуратно отодвинув ее в сторону, Ронан стал продвигаться к повороту. Наконец он за него заглянул, но коридор оказался пуст. Прямой как стрела, он тянулся дальше, и через каждые два метра по обе стороны там имелись двери. Повернувшись к остальным, Ронан поднес к губам палец, а затем напряженно прислушался. До него донеслись слабые звуки глухих рыданий, причем плакал не один человек, как ему показалось вначале, а сразу несколько. От столь безнадежного плача почти невыносимое отчаяние переполнило его сердце. Ронан снова повернулся к остальным.

— Мы их нашли, — прошептал он.

Тихонько прокравшись по лестнице мимо оркских и гномских трупов, Азалептин попал в пустынный вестибюль. Главные ворота были раскрыты и никем не охранялись. Он тут же выскользнул наружу и облегченно вздохнул. Все, выбрался! Уже стемнело, и вечерний холодок пробирался под кожу, однако это было неизмеримо предпочтительнее того, чтобы лежать на холодном каменном полу с оркской стрелой в глотке.

Азалептин бодро зашагал вперед, но затем изумленно охнул, ибо какая-то темная фигура вдруг выросла перед ним на фоне еще более темной земли. Крик ужаса вырвался из рта ученого, когда он понял, что это *кобрат*. «Боги мои! — лихорадочно подумал Азалептин. — Откуда эта клятская тварь взялась?» Он повернулся, намереваясь сбежать в сравнительно безопасное убежище Тарарама, но тут позади него вырос еще *кобрат*, и еще двое с боков. Четверо, нет, пятеро плотно его окружили. «Нет, — подумал он. — Этого просто не может быть!» Страх буквально сковал все его тело, и гном осел на землю, как будто надеясь с ней слиться.

— Прочь! — попытался крикнуть он, но голос ему отказал, и вместо крика вышел хриплый шепот. — Я же вас создавать помогал. Оставьте меня в покое.

Но *кобраты* жадно вокруг него смыкались, а потом один из них протянул переднюю лапу и оторвал гнома от земли.

— Аминазин! — заверещал он тогда. — Брат! Помоги!

Дикий вопль разом прибавил пару-другую октав, когда смертоносные когти прорвали одежду ученого и распороли ему живот.

Кобраты с живым интересом наблюдали за тем, как рывки все слабеют, вопли затихают, а струи крови иссякают. Из живота мертвого гнома свисала влажная масса горячих внутренностей, а *кобраты* были голодны, но кормежка могла подождать. Первый *кобрат* бросил все еще дергающийся труп Азалептина на землю. Остальные тоже его проигнорировали, ибо теперь они ясно чувствовали след добычи, и она была совсем близко. Переступив через труп, они энергично прошлепали за ворота в подземный город.

Аминазин был страшно доволен. Его небольшая лекция прошла просто превосходно, и совет «Оркоубойной» ловил каждое его слово. Он изложил им историю магенетических экспериментов, а также сообщил про их надежды и цели на будущее. Он объяснил, как они создали *кобратов*, и рассказал о других поразительных существах, которых они вывели. Теперь настала пора продемонстрировать им главное из его свершений, его законную гордость — Виварий. Директор быстро обрисовал гостям возможные опасности и изложил те предосторожности, которые им следовало соблюдать внутри огромной пещеры. А когда они уже были готовы, он выдал им еще одно, последнее предостережение.

— Помните, — сказал он им. — Не отходите дальше чем на семь метров от двери и оставайтесь рядом со мной. Тогда вы будете в полной безопасности, ибо все животные генетически запрограммированы на то, чтобы видеть во мне своего хозяина, и тем, кто будет со мной, они вреда не причинят.

Все члены совета с серьезным видом кивнули, и Аминазин чуть не рассмеялся, увидев, как они нервничают.

Однако вместо этого он лишь откашлялся и повел их через Передаточный зал к двери в дальней его стене.

Открыв крошечное смотровое окошко в еще одной крепкой металлической двери, Ронан внимательно вгляделся внутрь. На полу голой каменной клетки, скрестив ноги, сидели три женщины, а между ними, положив голову на колени одной из них, лежал внук декана Нибала. Со вздохом облегчения Ронан закрыл окошко и повернулся к Тусоне.

— Мальчик здесь! — сказал он.

Тусона радостно кивнула и улыбнулась, хотя внутри у нее кипел гнев. Они уже насчитали тридцать клеток, а в конце коридора была лестница, ведущая на второй уровень. Гебраль поднялась туда проверить, но Тусона уже прикинула, что если клетки и на втором уровне полны, всего здесь насчитывалось почти две сотни пленников.

Гебраль спустилась по лестнице и подошла к ним.

— Не могу найти ключей, — вздохнула она. — Хотите, я все двери заклинанием отопру?

Ронан взглянул на Тусону и помотал головой.

— Не стоит, — сказал он. — Пока мы не узнаем, как там у орков с гномами выходит, им лучше здесь побыть. Быть может, ты бы осталась и посторожила? А мы с Тусоной и Котиком пока выясним, взяли мы это место в свои руки или нет. Мы скоро вернемся.

Он повел Тусону обратно в лабораторию, где Котик терпеливо стоял на страже, после чего, с мечами наготове, они прошли дальше, к залитому зловещим голубоватым светом главному коридору. Ронан тихонько закрыл за ними дверь, но не успели они сделать и шага, как дверь в другом конце коридора открылась. Из нее вышли гном и шестеро мужчин. Не в силах поверить своим глазам, Ронан изумленно на них уставился.

— Эй! — крикнул он. — А ну стоять!

Шестеро мужчин бросили всего один взгляд на Ронана и тут же пустились улепетывать от него по коридору. Считанные секунды спустя они уже скрылись за матово-черной металлической дверью в самом конце. А вот гном улепетывать

не стал. Он просто отскочил обратно за деревянную дверь и захлопнул ее за собой.

— Просто не верится! — выдохнул Ронан, роясь в сумке у себя на поясе.

— А что такое? — спросила Тусона. — Ты их знаешь?

— Знаю ли я их? Да это же совет «Оркоубойной»! Вот, смотри!

Ронан вытащил из сумки мятый листок бумаги и передал его Тусоне. Та быстро развернула листок и выяснила, что это вырванная из газеты «Вечерний Убалтай» фотография.

— Видишь? — взволнованно воскликнул Ронан. Тусона внимательно пригляделась. Подпись под фотографией сообщала о том, что там изображены члены совета директоров корпорации «Оркоубойные мечи». По меньшей мере в двух лицах она узнала мужчин из той группы, что исчезла за дверью.

— Ты был прав, любимый! — выдохнула Тусона. — Гномы наверняка как-то с *кобратами* связаны, раз эти старперы здесь.

— Надо их взять, — прорычал Ронан. — Вперед!

Он побежал по коридору, и Тусона с Котиком постарались от него не отстать. Они в темпе подергали деревянную дверь, за которой скрылся гном, но она была заперта. Зато черная металлическая дверь легко открылась. Всего в десяти метрах за ней оказалась еще одна такая же. Ронан придержал дверь для Тусоны с Котиком и уже собирался ее захлопнуть, как вдруг услышал у себя за спиной яростное шипение. Обернувшись, он с ужасом понял, что по коридору к ним несется пятерка *кобратов*. Тогда он с отчаянным вскриком захлопнул первую дверь и мимо ошарашенной Тусоны метнулся ко второй. Рывком ее распахнув, Ронан поскорей препроводил туда Тусону и Котика. С той стороны никакой ручки на двери не было, так что он просто ухватился за край и с размаху ее захлопнул.

— Вы видели, видели? — забормотал он. — *Кобраты! Кобраты* клятовы! Они все-таки до нас добрались!

Но тут Ронан понял, что его спутники изумленно озираются, и повернулся посмотреть, что они там увидели.

— Клят! — выдохнул он. — А это еще что такое?

Хотя трое друзей наверняка знали, что по-прежнему находятся под землей, они с таким же успехом могли стоять под открытым небом. Крыша просторной пещеры была так высоко, что они ее даже не видели. Все вокруг было озарено ярким рассеянным светом, который сиял из какого-то скрытого источника, создавая полное впечатление облачного летнего дня. Они стояли на мягчайшей, роскошной траве, над которой лениво жужжали насекомые. Мимо изящно порхали бабочки, а метрах в сорока оттуда журчал ручей. Еще дальше высилась роща, и слышно было, как там на ветвях деревьев поют птицы.

— Смотри, — вдруг сказала Тусона, и Ронан увидел, как за деревьями скрываются два самых жирных члена совета. Тогда он повернулся и тревожно посмотрел на гладкую металлическую дверь без ручки.

— Как думаешь, скоро они с этой дверью разберутся? — спросил он у Тусоны.

— Скоро, — дрожащим голосом отозвалась она. — Давай-ка быстро старых ублюдков покроем, а потом другой выход отсюда найдем. Котик, пошли.

Она быстро зашагала по траве, и Котик устремился следом. Ронан замыкал шествие, причем двигался он как краб, стараясь не пропустить тот момент, когда *кобраты* откроют дверь. Ронан так сильно на этом заиклился, что когда Тусона вдруг закричала, он даже язык себе прикусил. Резко развернувшись, он обнаружил, что Тусона ничком лежит на земле, а что-то вроде двухметровой змеюги с крыльями над ней возвышается. Змеюга, похоже, собиралась ее укусить, и Ронан дико заревел, с ужасом понимая, что не успевает до этой твари добраться. Все, что он успел сделать, это, крутанув над головой меч, швырнуть его в ту сторону, но все равно он почти на полметра промазал.

Однако затем, когда тварь окончательно изготовилась к удару, на нее бросился низкорослый осел. Зубы его миглом сомкнулись на гибком хвосте змеептицы. Та неистово зашипела и хлестнула хвостом, отбрасывая осла на несколько метров. Удар о землю явно не пошел Котику на пользу, и он на какое-то время выбыл из игры. А длиннющая тварь снова повернулась к своей жертве. Но к тому времени Ронан уже успел броситься вслед за своим мечом, и змеептица вдруг обнаружила, что за нее ухватилась пара могучих рук. Озверелый Ронан сперва вскинул ее вверх, а затем со всей силы хлестнул ею о землю. Раздался громкий хруст, существо несколько раз судорожно дернулось и застыло. Ронан рухнул на колени рядом с Тусоной, отчаянно надеясь на то, что с ней все в порядке. Она была оглушена, но, к великому его облегчению, по-прежнему дышала, и Ронан нежно погладил ее по волосам. А затем, теперь уже к великому его ужасу, металлическая дверь в пещеру раскрылась и туда чинно вошли пять *кобратов*.

Фециант испытал сильнейшее потрясение, увидев Ронана в другом конце коридора. Впервые за очень долгое время он запаниковал. И только когда председатель добрался до безопасного укрытия рощи в Виварии, мозг его снова заработал с обычной методичностью. Он остановился и стал наблюдать, как остальные пятеро, точно жирные улитки, тащатся по траве. А затем попытался как-то осмыслить происходящее.

Чтобы Ронан здесь оказался, либо должно было случиться что-то воистину драматическое, либо гномы просто его дурачили. Почему-то у Фецианта было чувство, что гномы тут ни при чем. Впрочем, в настоящий момент он мало что мог поделать, так что лучше всего было, пожалуй, тихо сидеть тут и ждать развития событий. Однако Аминазин предупредил их насчет некоторых опасных тварей в этом Виварии, а потому следовало быть наготове. Председатель обнажил меч, после чего как можно тише чихнул и вытер сопливый нос рукавом, не осмеливаясь сморкаться в свой шелковый носовой платок, чтобы не привлекать внимания.

Из своего укрытия он наблюдал, как остальные, добравшись наконец до деревьев, с шумом прорываются сквозь подлесок. Они рассыпались достаточно широко, однако Холдей оказался почти рядом, и Фециант слышал, как он скулит от страха. Затем далекая дверь распахнулась, и в пещеру торопливо заскочили Ронан с женщиной и паршивым низкорослым ослом. Фециант наблюдал, как они торопливо шагают по траве, и был не меньше их самих удивлен, когда невесть откуда слетевшая змеептица сшибла женщину на землю всего метрах в десяти от него. Вслед за этим председатель, сам того не желая, уважительно подивился тому, с какой отвагой жалкий на вид осел взялся за кошмарную тварь, давая возможность Ронану ее уничтожить. А затем, когда Ронан склонился над женщиной, он вдруг понял, что его час пробил, ибо здоровенный воин был невооружен и стоял на коленях к нему спиной.

На цыпочках приближаясь к своему заклятому врагу, Фециант осторожно одолел деревянный мостик через ручей. Еще пять метров... еще три... и вот он уже на месте! Ронан, похоже, весь напрягся, пристально на что-то глядя, но Фециант целиком сосредоточился на здоровенном воине и возможности оглядываться по сторонам не имел. Едва осмеливаясь дышать, он занес меч, готовый обрушить его прямо на незащищенную голову Ронана.

Тарл до последней капли осушил еще одну кружку пива и радостно понаблюдал, как Марвуд следует его примеру. После пары кружек ему всегда намного лучше становилось — что уж о шести говорить. Тарлу уже так полегчало, что он даже начал задумываться, что там остальные поделывают. Впрочем, что бы они там ни поделывали, им наверняка тоже не помешало бы пару-другую кружек на грудь принять.

— Я так прикидываю, надо бы остальных разыскать, — сказал Тарл. — И о-бя-за-тель-но дать им выпить.

Марвуд немного подумал, затем кивнул.

— Клятская правда, — согласился он. — Они там как пить дать до смерти пива хотят. Просто умирают, до чего хотят.

С этими словами он подобрал бочонок пива, выделенный им щедрыми орками, и похлопал Тарла по плечу. Затем двое друзей, перешагивая через тела и обломки, выбрались из «Золотой жилы» и отправились на поиски своих друзей.

Не сводя глаз с *кобратов*, Ронан силился побороть прилив отчаяния, который уже угрожал его захлестнуть, когда над самым его плечом кто-то вдруг оглушительно чихнул. Он быстро повернул голову и обнаружил, что над ним с занесенным мечом навис Фециант, чья физиономия все еще кривилась после могучего чиха. Какую-то микросекунду, которая показалась вечностью, враги смотрели друг другу в глаза, после чего меч со свистом полетел вниз. Ронан инстинктивно выбросил левую руку вверх, и клинок вонзился в его кисть, с хрустом прорубая плоть и кость. Рыча от натуги, Ронан правой рукой схватил Фецианта за ту руку, в которой тот держал меч, а затем, выпрямляясь, тряхнул ею, точно хлыстом. Раздался громкий шелчок, и Фециант дико завопил, меч выпал из его безжизненных пальцев, приземляясь рядом со странной формы предметом, в котором Ронан вдруг потрясенно опознал собственную левую кисть.

Тут боль все-таки до него дошла, и он заорал. Мучительный крик мигом заглушил стоны Фецианта. Уголкем глаза Ронан видел, как *кобраты* скользят к нему. Тусона у него под ногами застонала, и ему было видно, что Котик тоже зашевелился. *Кобраты* через считанные секунды должны были на них накинуться, и шансов в бою с мощными тварями у них было примерно столько же, сколько у беспомощного пловца в схватке с акулой. Подняв левую руку к лицу, Ронан уставился на кровь, что фонтаном била из перерубленного запястья. Ярость вдруг взбурлила в нем, и в бессильном гневе он страшно зарычал, поворачиваясь к Фецианту, председателю совета, из-за которого все это и случилось. Затем, крепко зажав обрубок в правой подмышке, Ронан схватил Фецианта за

горло. Председатель вначале тупо на него воззрился, а когда нажим усилился, от страха и боли захрипел. Лицо Ронана дрожало от натуги, кровь редела у него в ушах, пока правый кулак сжимался. Руки Фецианта царапали воина, а ноги бесильно топали. Но внезапно раздался звук, как будто кто-то сапогом на яблоко наступил, и пальцы Ронана прорвали хрящ. Голова Фецианта запрокинулась, и его невидящие глаза уставились в небо. Тогда Ронан поднял председателя за горло и бросил его безжизненное тело на землю.

Затем он опять опустился на колени рядом с Тусоной и закрыл глаза, крепче сжимая обрубок левой руки в правой подмышке и перекрывая тем самым кровотечение. Ронан по-прежнему инстинктивно цеплялся за жизнь, хотя наверняка знал, что *кобраты* уже над ним нависли, и чувал их кислое дыхание. Напрягая последние силы, он ждал смертельной боли, слишком усталый и потрясенный, чтобы давать им бой. Но эта боль все медлила. Наконец Ронан снова открыл глаза и обнаружил, что пятерка *кобратов* выстроилась перед ним в полукольцо и водит взглядами с него на Фецианта и обратно. Все твари казались озадачены, чуть ли не смущены. Самый крупный нагнулся к мертвецу, ткнул его когтистой передней лапой, затем выпрямился и посмотрел на Ронана.

— Нашшш хозззяин! — прошипел он. — Ты нашшшего хозззяина убил!

«Ох-хо-хо, — подумал Ронан. — Ну вот, пошло-поехало. Хотя я его правильно убил. Всех бы этих грязных ублюдков прикончить».

— Да, — сказал он. — Убил.

Крупный *кобрат*, склонив голову набок, задумчиво на него посмотрел.

— Раззз ты нашшшего хозззяина убил, — прошипел он, — теперь ты нашшш хозззяин.

Ронан немного над этим поразмышлял. Ему было очень трудно сосредоточиться. Тут Тусона помотала головой и открыла глаза, а потом охнула от страха при виде нависших над ней тварей.

— Ты уверен? — спросил наконец Ронан у *кобрата*.

— Да, — прошипел тот. — Нашшш хозззяин убил нашшшего прежжжнего хозззяина. Вот почему он нашшш хозззяин. Теперь ты его убил. Ты был ссильнее его. Зззначит, ты нашшш хозззяин.

Четыре других *кобрата*, охотно соглашаясь, кивнули сальными мордами.

С трудом веря в происходящее, Ронан испустил огромный вздох облегчения. Затем он повернулся к Тусоне.

— Любимая, помоги мне немного, — попросил он. — Моя рука...

Тусона поглядела на его залитый кровью бок и обрубок левой руки, когда он вытащил его из-под мышки. Затем, молча протянув руку, она оторвала от белой рубашки Фецианта хороший лоскут и жгутом завязала его у Ронана на предплечье. Она не очень понимала, что происходит, но, судя по трупу Фецианта и по тому, что своим карикатурным голосом прошипел *кобрат*, Ронан казался здесь хозяином положения.

— Котик! — громко произнес Ронан. — Брось! Они теперь с нами!

Обернувшись, Тусона увидела, что низкорослый осел на негнущихся ногах ковыляет к *кобратам*, готовый на них напасть, и от такой живописной картины она вдруг вопреки всему на свете заулыбалась.

Ронан правой рукой похлопал ее по плечу и встал.

— Ну вот что, ребята, — обратился он к *кобратам*. — Это вам ваш хозяин говорит. Здесь еще пять человек прячутся. Они сюда вместе с вашим прежним хозяином пришли. — Носком ботинка он ткнул труп Фецианта. — Чуете их?

— Да!

— Значит, я из этой пещеры ухожу. Я хочу, чтобы вы подождали, пока я уйду, а потом выследили этих пятерых и убили. Потом здесь оставайтесь. Поняли?

— Да!

Ронан с довольным видом кивнул, после чего прошел туда, где в траве лежал его меч. Подобрал его, он прихромал обрат-

но к Тусоне, а она обняла его за пояс, чтобы поддержать. С Котиком под боком они устало потащились к двери. Но когда они уже были от нее метрах в десяти, новая волна боли вдруг накатила на Ронана. Пещера словно бы закружилась над его головой, он охнул и упал на колени.

— Идем, любимый! — взмолилась Тусона. — Нам надо отсюда выбраться! Я этим машинам убийства не доверяю!

— Больно, клят! — прошептал Ронан. — Вот бы мне как-то от боли отвлечься!

Тусона посмотрела на него, затем оглянулась на *кобратов*. Те немигающими взорами за ним наблюдали.

— Если он умрет, они опять за нас примутся, — радостно сообщил ей осел.

— Он не умрет! — рявкнула Тусона. Но затем, взглянув на Ронана, она засомневалась. Он потерял много крови. Лицо его посерело, а кожа сделалась холодной и влажной. Тогда Тусона решила, что должна как можно скорее доставить его к Гебрали, ибо однажды уже имела возможность убедиться в ее почти сверхъестественных целительных силах. «А, ладно, — подумала она затем. — Когда-нибудь все равно придется сказать. Почему бы и не теперь? А то он может вообще никогда об этом не узнать».

— Ронан, послушай, — прошептала Тусона. — Я беременна.

Последовала внезапная пауза, и на какое-то жуткое мгновение ей показалось, что Ронан уже не дышит, но затем он вдруг к ней повернулся. Увидев на его лице радостное удивление, Тусона почувствовала, как слезы текут у нее по щекам.

— Ах, любимая! — выдохнул Ронан. — Я... ты... это от меня?

— Еще один такой вопрос, и я тебе другую руку отрежу. А теперь пошли!

Она помогла ему встать на ноги, но едва они заковыляли к двери, как откуда-то вдруг послышался бестелесный голос.

— Весьма трогательная сценка, — произнес этот голос. — Но боюсь, вы сейчас обнаружите, что с вашей стороны дверь не открыть.

Оглядевшись по сторонам, они поняли, что за ними с интересом наблюдает тот самый гном, что скрылся за деревянной дверью. Он сидел внутри небольшой наблюдательной кабинки, вырубленной в скале в нескольких метрах справа от двери из черного металла. Кабинка, похоже, была герметично отделена от пещеры толстым стеклянным окном.

— Чрезвычайно любопытно было за вами наблюдать, — продолжил гном, и они поняли, что голос его доносится из небольшого рупора над окном. — Но, боюсь, ваше время уже истекает. *Кобраты* теперь считают вас своими хозяевами, и чтобы исправить это недопустимое положение, мне нужно попросту вас убить. Пожалуй, пришла пора запустить в Виварий новую партию *кобратов*. Когда они вас убьют, остальные примкнут к стае, и их единоличным хозяином стану я.

Тут Ронан с ужасом увидел, что гном держит руку на небольшом рычажке. Размахивая мечом, он заковылял к кабинке.

— Нет! — заорал он. — Постой!

— Стекло, между прочим, небьющееся, — сообщил ему гном. — Еще одно наше маленькое изобретение. Итак, прощайте. Совет «Оркоубойной», конечно, жаль, но я уверен, что смогу найти для своих планов других покровителей...

Ронан недоверчиво разглядывал Аминазина. Так значит, этот самодовольно ухмыляющийся гном стоял за всеми теми несчастьями, что потрясли Махон и Калидор, за смертями и разрушениями, которые они наблюдали в Гутенморге! И теперь этот клятский прыщ приговаривал не только его, но и Тусону к ужасной смерти. И не только Тусону, но и ее ребенка. Его ребенка. Их ребенка...

Ронана вновь переполнила ярость берсерка. Красный туман повис у него перед глазами, он размахнулся мечом и обрушил его на стекло с такой силой, на какую гном явно не рассчитывал. Стекло не разбилось, однако расколосось как деревянная колода, и меч Ронана прорвался в кабинку, чтобы вонзиться в грудь Аминазину, пригвождая его к креслу. Гном лишь раз вскрикнул от боли, а потом безжизненно обмяк.

Ронан с ужасом наблюдал, как рука Аминазина сползает вниз и мертвые пальцы тянут за собой рычажок.

Клят! Так этот рычажок выпускал *кобратов*? Ронан в страхе оглянулся на рощу, а затем забарабанил по окну и попытался вытащить свой меч, но стекло крепко его прихватило и отказывалось отпускать. Внезапно Ронан понял, что сил у него больше не осталось. Он лишь доковылял до двери, по которой рукоятью своего меча отчаянно колошматила Тусона, а там голова его снова поникла, и он упал на колени.

Тусона обхватила его за пояс и невесть как умудрилась снова поднять на ноги. Озираясь по сторонам, она отчаянно выискивала хоть какой-то выход. Пять *кобратов* по-прежнему стояли у рощи, наблюдая за ними. Но тут справа от них, рядом с тем местом, где в огромную пещеру втекал ручей, она заметила две другие фигуры, и сердце ее на мгновение замерло. К ним по траве стремительно двигались еще два *кобрата*, и никаких сомнений относительно их намерений быть не могло.

Тарл с Марвудом пытались обнаружить остальных при помощи заклинания Поиска, но уже долгое время у них ничего не получалось, поскольку они то и дело останавливались еще разок хлебнуть из бочонка, и Тарл всякий раз терял нить заклинания. Они как раз отворили массивную каменную дверь и с интересом глазели на освещенный зловещим голубоватым светом коридор, когда вдруг услышали, как впереди кто-то отчаянно барабанит по металлу. Тогда они в темпе доплелись до черной металлической двери в конце коридора и открыли ее. Перед ними оказалась еще одна такая же дверь, но тут удары прекратились, и они помедлили. Тарл как раз собирался предложить выпить еще пивка, раз уж остальных найти никак не получается, когда удары опять начались. Кто-то бешено колошматил по обратной стороне второй двери.

— Да ладно! — крикнул Тарл. — Уже идем.

Проковыляв вперед по изящной синусоиде, он отпер засов, и дверь мгновенно распахнулась, отбрасывая его назад и

впечатывая в стену. Котик проскочил мимо него с такой скоростью, словно его из большого лука пустили, а за ним в коридор прорвались Ронан с Тусоной. Марвуду показалось, что с той стороны к двери бросаются два *кобрата*, но тут Тусона с размаху ее захлопнула и, тяжело дыша, привалилась к стене.

— Клят, — сердито пробормотал Тарл, с трудом отлепляя себя от каменной стенки. — Что еще за спешка? Пива на всех хватит.

Он осекся, когда Тусона ядовито на него посмотрела.

— А что такое? — поинтересовался он затем. — Ты что, загрузила? На, пивка выпей.

Тогда Тусона во всех подробностях объяснила ему, что он должен со своим пивком сделать, и лицо Тарла посерело от потрясения.

Первые пять *кобратов* наблюдали, как их новый хозяин вместе со своими друзьями вытряхивается за дверь. В то самое мгновение, как дверь за хозяином захлопнулась, они повернулись к роще и начали охоту, а двое вновь прибывших, лишенные своей добычи, к ним присоединились. *Кобраты* знали, что пятеро мужчин попали в ловушку, а потому не торопились, забавляясь с ними как кошки с мышками.

Первым выпало умереть Холдею. Он визжал как свинья, пока бритвенно-острые когти распарывали его жирное брюхо на корм *кобратам*. Скороед стал следующим. Прошло десять полных дикого ужаса минут, пока *кобрата* гоняли его и мучили. Наконец тварям наскучила забава, и они за считанные секунды разорвали его на куски. Шнобель к тому времени уже был мертв, ибо один из маленьких *кролионов* нашел его прячущимся в кустах, после чего член совета, подобно его предшественнику Нафталину, умер мучительной смертью от яда.

Шекель, убегая через подлесок в задней части пещеры, попал, как ему показалось, в липкую рыболовную сеть, и только после того, как эта сеть так облепила его, что он уже никак

не мог высвободиться, Шекель понял, что это на самом деле такое. Тем не менее он отчаянно дергался, однако его усилия лишь пробудили гигантского паука, который эту паутину соткал. Пять минут спустя, когда Шекель был так опутан, что не мог даже глазом моргнуть, паук своими мощными жвалами проколол ему кожу на шее и приступил к кормежке.

Последним выпало умереть Зарванцу. Прошел почти час с начала погони, час, доверху полный ужаса и страдания, когда *кобраты* наконец приперли его к стене. Но тут слабое, изношенное сердце Зарванца сдало, и он умер раньше, чем они его тронули. Тогда *кобраты* склонились над ним, довольные тем, что успешно выполнили приказ хозяина, и стали кормиться. Их работа была закончена, и теперь они могли подождать здесь, в том месте, где они родились, пока хозяин поставит перед ними новые задачи.

ЭПИЛОГ

...и из всех, кого Ронан Однорукий и его друзья от Темных Гномов спасли, самой знаменитой следует считать кентавриху Трагату, ту самую, что в дальнейшем одной из известнейших фотомоделей Среднеземья сделалась. Прославилась она тремя годами позже, когда фотография ее обнаженной натуры бросилась всем в глаза на развороте гуттенморгского журнала «Досуг в «Морге», и, как злые языки говорили, не найти тогда было конюшни, где бы этот разворот не висел...

«Розовая Книга Улай»

Тарл стоял у входа в просторный зал и глазел на восемь металлических кабинок с толстыми стальными дверцами и панелями управления, сплошь покрытыми рычагами, циферблатами и переключателями. По верху каждой кабинки гномскими рунами была выведена какая-то надпись.

— А что, мы уже выяснили, что это за фиговины? — спросил Тарл у Марвуда.

— Согласно рунам, это — передатчики материи, — ответил Марвуд, который занимался тем, что составлял перед собой большие деревянные ящики. — Как думаешь, что вообще-то передатчик материи делает?

— Гм... всякими там тряпками торгует? — предположил Тарл.

Марвуд взломал сбоку один из ящиков и с сомнением посмотрел на его содержимое. На вид оно очень напоминало большие красные свечи, однако Марвуд резонно предполагал, что эти свечи куда как опаснее обычных.

— Ладно, — сказал он. — Здесь мы закончили. Пора на выход. Вряд ли нам стоит быть поблизости, когда вся эта ерунда рванет...

Трое суток Тарл, Тусона, Гебраль и Марвуд обследовали город Тарарам, пока Ронан с забинтованной рукой лежал на

койке в Отделе Медикаментов и выздоравливал. Он потерял столько крови, что к тому времени, как они доставили его к Гебрали, он опять впал в бессознательное состояние. Геб использовала всю свою силу, чтобы ему помочь, но с его отрубленной кистью даже она сделать ничего не сумела.

Большую часть этого времени Ронан проспал, а Тусона, сколько смогла, молча просидела у его койки. Когда Ронан просыпался, она с ним разговаривала. Им нужно было обсудить множество планов на будущее, ибо теперь, после устранения совета «Оркоубойной», их миссия была выполнена. После того как благодаря декану Нибалу Ронан стал почетным магистром киллерологии и оказался тем самым в безопасности от киллеров, он сумел выполнить и свою часть сделки. Внук декана был живым и невредимым вырван из лап гномов, а вместе с ним Трагата и остальные пленники. На следующий день после освобождения они сытыми и хорошо вооруженными группами отправились по домам.

Орки отбыли сразу же после того, как осушили все гномское пиво, на что у них ушло ровно двадцать четыре часа. Тарл с Марвудом при содействии Чирика поддерживали среди них некое подобие порядка.

Большую часть этого воинства составляли городские орки, всю жизнь привыкшие болтаться по кабакам, рассуждая о днях минувших и о легендарных устроителях пирушек вроде Газа Высокого. Для них это был первый опыт настоящей военной пирушки, и опыт этот оказался весьма успешным. В результате Чирик стал для них окончательным и бесповоротным героем, и они выполнили бы любое его требование (если он только им бросить пить не приказал).

Что касалось гномов, то их осталось совсем немного. Очень многих убили орки, а другие бежали из города. От силы сотня сдалась. Все они, похоже, искренне сокрушались по поводу клятских безобразий преступного режима Аминазина. По душам с ними переговорив, Тусона с Гебралью приняли их клятву на верность. Гномы показали им город, объясняя суть различных изобретений и открытий, однако Тусона хорошенько

позаботилась о том, чтобы никому не было позволено проникнуть в Виварий.

Как раз тогда Гебраль услышала про свойства различной взрывчатки и обнаружила, какие громадные ее количества гномы успели произвести. Немного подумав, она пришла к мысли о том, что следует сделать с Тарарамом. Оставшиеся гномы не имели ни малейшего желания надолго здесь задерживаться и собирались присоединиться к крупной экспедиции, давно планировавшейся в гномском мире, целью которой было вновь заселить заброшенный гномский город Камот под горами юго-западного Галиадора.

Было очевидно, что оставлять Тарарам на произвол судьбы слишком опасно. Требовалось что-то поделаться со смертоносным оборудованием и существами, которые там все еще оставались. Тусона со своей стороны уже твердо решила позаботиться о том, чтобы *кобраты* дневного света больше никогда не увидели. Тогда перед гномами поставили задачу разместить всю имеющуюся взрывчатку в двенадцати стратегически выбранных точках по всему городу. Через три дня работа была закончена, после чего гномов освободили от их клятвы на верность, и они покинули город, направляясь к гномским землям на юго-западе. Затем Тарл, Марвуд и Гебраль сделали все приготовления, необходимые для успешного одновременного подрыва всей взрывчатки.

План был прост. В каждой из двенадцати груд взрывчатки имелся открытый ящик, в центре которого лежала единственная шашка ТНТ. Под запалом этой шашки располагалась одна из двенадцати свечей, лично выбранных Гебралью. Она рассчитывала, что сможет одновременно зажечь все эти свечи с далекого расстояния при помощи заклинания Поджога. Не далее как через полчаса она была намерена это сделать.

Шестеро друзей стояли на гладкой равнине в миле от горы. Утро уже было в разгаре, и серые небеса угрожали снегопадом. Холодный ветер задувал с востока, но путники, заранее защищаясь от холода, закутались в теплые плащи и набили

себе желудки обильными продуктовыми запасами гномов. Гебраль посмотрела на остальных, и все они один за другим кивнули. Тогда она повернулась и посмотрела на гору, а затем пробормотала несколько слов. Сперва вроде бы ничего не случилось, но вскоре они скорее почувствовали, чем услышали низкий далекий рокот. Потом земля и впрямь затряслась, да так, что друзья зашатались. Далекая гора задрожала, и от нее стали отваливаться кусочки. Не было никаких всплесков пламени — лишь постепенное обрушение. Впечатление было такое, будто песчаный замок подмыли морские волны.

— Эх, хорошо, — резюмировал Марвуд. — И дело с концом.

Повернувшись спиной к Тор-Тарараму, они побрели на юго-запад к отдаленной горной цепи. Впереди шли Ронан, Гебраль и Котик, а за ними — Тарл, Тусона и Марвуд.

— Куда ты теперь? — спросила у Марвуда Тусона.

— Не знаю. По крайней мере к киллерам я не вернусь. Это точно. А вы куда?

— Мы с Геб хотели бы в гномский город Камот отправиться, — сказал Тарл. — То есть когда они там снова все запустят. Есть там один кабак, в котором я бы не прочь поручить... Но сперва мы в Ай'Эль заглянем. Геб хочет со своими друзьями попрощаться.

— Мы с Ронаном тоже до Ай'Эля идем, — добавила Тусона. — У Геб там есть друг, который сможет Ронану клятски удобную искусственную руку смастерить. Потом мы бы еще на убалтайских пляжах немного задержались. А то этот холод уже достал. И драться тоже пока неохота. Нам бы какое-то мирное место найти, чтобы спокойно ребенка вырастить.

— А Котик куда собирается?

— Он в развлекательный парк наймется, — небрежно ответил Тарл. — Наденет голубую попону и станет детишек катать.

Последовала краткая пауза. Затем все трое расхохотались.

— Хочешь с нами? — спросил затем Тарл у Марвуда.

— Да, — отозвался тот. — Хочу.

Тут позади них раздался словно бы далекий раскат грома, за которым последовал громкий взрыв. Обернувшись, они

увидели, что река раскаленной докрасна лавы вырвалась со склона Тор-Тарарама и пробивает себе путь на равнину.

— Ого, — сказал Ронан. — Такого даже *кобраты* не переживут.

Внезапно он вздрогнул от резкой боли в той ладони, которой у него уже не было. Тусона взяла его под руку.

— Идем, любимый, — сказала она. — Давай теперь немного жизнью насладимся. В конце концов, для этого она и создана.

Тогда они снова обратили свои лица на запад и пустились в долгое и холодное путешествие назад к Гутенморгу.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ТОР-ИСТ — главная гора Тор-Истского Гребня в северном Сидоре, возвышающаяся над Великой рекой Лено и знаменитая расположенной на ней Статуей Часового. Это массивное каменное изваяние было заказано властным и воинственным королем Сидора — Озовратом Могучим и высечено прямо в скале на самой вершине Тор-Иста. Обращенная на север к Великой реке Лено и расстилающемуся дальше Галиадору, Статуя Часового была задумана как изображение самого Озоврата, а также как памятник его силе и могуществу.

К несчастью, человеком, которому поручили изваять статую, стал Хлюппик, одаренный, но весьма безнравственный скульптор, чьи многочисленные дурные привычки почти довели его до глухоты. Озоврат Могучий выдал ему инструкции, которые включали в себя фразу: «Это должна быть такая статуя, при виде которой наши враги трепетали и тряслись бы, а еще увидеть там хорошо бы воплощение того Озоврата, которого наши солдаты знают и любят». Хлюппик усвоил для себя только «...капитальных три сиськи...» и «голую жопу, воплощение того разврата, который наши солдаты знают и любят».

Получившаяся в результате тринадцатиметровая статуя поныне являет собой ярчайшее зрелище и оставляет неизгладимое впечатление. Вполне узнаваемая бородатая физиономия Озоврата гордо оглядывает южный Галиадор, а под ней во все стороны выпирает роскошное женское тело с избыточным набором мощных грудей. На церемонии открытия, проведенной в присутствии нескольких подразделений Сидорской Армии, волосы Озоврата, как утверждают, разом побелели от потрясения, когда вся его армия полегла на землю от безудержного

смеха. Рассказывают также, что этот взрыв безумного восторга прекрасно был слышен в городе Илексе, что в нескольких милях оттуда.

Зрелище того, как его возлюбленная армия катается по земле и умирает от хохота, вогнало Озоврата во что-то вроде хандры. Он прекратил затевать бесконечные войны и всю свою оставшуюся жизнь посвятил выращиванию помидоров, которые он всегда держал в больших корзинах у своего трона и со страшной силой швырял во всех скульпторов, каким случалось оказываться поблизости.

ЗАПАХУНДРИЯ — мелкая песчаная ящерка, родина которой — тропические пляжи южного Идуина. За долгие годы *запахундрия* освоила весьма необычный способ регулировки температуры тела. Не имея потовых желез, *запахундрия*, чтобы охладиться на невыносимой жаре, поливает себя мочой. Неудивительно, что это очень одинокое существо. *Запахундрию* легко узнать по ярко-красной расцветке, главная причина которой — острое чувство стыда.

ФИНАНСИН ЭКСЦЕНТРИЧНЫЙ — гном из Тор-Тарама, который изумил и шокировал почтенное гномское общество, заявив, что страсть гномов к золоту является пороком и что капиталы самых богатых следует разделить на всех, чтобы позаботиться о бедных и голодных. Представитель одной из богатейших гномских фамилий, Финансин раздал большую часть своих денег, а остальные использовал на образование благотворительного общества «Отдадим Богатства Многочисленной Армии Нуждающихся». Из-за неподобающего звучания аббревиатуры общество в дальнейшем стали называть просто «Отдадим», и его деятельность начала привлекать к себе всеобщее внимание.

Однако все изменилось, когда Финансин, которому даже по гномским стандартам нескольких жил до золотой копи не хватало, зашел слишком далеко. Во-первых, он сбрил бороду, что у гномов является таким же вызовом общественному мне-

нию, как если бы мы предложили королеве потрахаться. Во-вторых, он стал расхаживать по Тарараму, в плане одежды имея на себе лишь старый мешок из-под угля. И наконец, в один прекрасный день он набросился на Торуна, одного из самых богатых и уважаемых ученых во всей колонии, нанеся ему серьезные увечья. На протяжении всего судебного процесса Финансин клеймил тарарамских гномов за их алчность и корыстолюбие, так что никто не удивился, когда его признали виновным в государственной измене и приговорили к немедленному изгнанию. Вслед за этим Финансин с позором покинул колонию, и больше о нем ничего не слышали. Его благотворительное общество «Отдадим», которое до той поры успешно работало, вскоре вынуждено было закрыться из-за прискорбного отсутствия Финансина...

ГИГУАНА — трехметровая прямоходящая ящерица с самым что ни на есть ужасающим набором зубов. На вид *гигуана* — холодная и отвратительная машина убийства, но это лишь подтверждает тот факт, что внешность бывает обманчива, ибо на самом деле *гигуана* — невероятно добродушное, предельно очаровательное существо, хотя и тупое как пробка. *Гигуаны* впервые были выведены во Вторую эпоху Темными Гномами из Тор-Тарарама. Они избежали содержания в клетках, подружившись со своими сторожами, после чего их даже стали нередко приглашать домой на чашечку чая. *Гигуан* чаще всего можно встретить в диких районах северного Галкифсера, где они пристают к путникам и ходят за ними по пятам, заводя учтивые беседы и кланча шоколад.

ГИЛЬДИЯ КИЛЛЕРОВ — одна из Семи Древних Гильдий и Братств, Гильдия Киллеров является древнейшей и авторитетнейшей организацией, основанной в Первую эпоху Ангером Несносным, личным профессиональным убийцей Лардо Психотика, последнего короля Идуина. Штаб-квартира Гильдии Киллеров находится в городе Абтекае, что в Лазурных горах, однако ее филиалы имеются во всех крупных городах Сред-

неземья. Девиз Гильдии звучит как «Ерехим, немандил, а валах портило». В переводе с эльфийского это значит «Знания, коварство и помыслы полного ублюдка», что является достаточно честным и откровенным резюме для каждого среднего, заурядного члена Гильдии.

КЕЛЬВИН — гномский ученый Первой эпохи, создатель науки преципитинфелицитологии (учения о полнейшем невезении) и основатель гномского научно-исследовательского центра в Тарараме. Кельвин был одним из тех горемык, которым всякий раз, как может не повезти, обязательно не везет. После целой жизни поразительного невезения он, основываясь на собственном горьком опыте, сформулировал ряд Законов о Несчастье. Законы эти некоторые более удачливые ученые порой также непочтительно именуют Кельвиновыми Законами Подлости для мазил. Туда, в частности, входят следующие законы:

Закон Пука. Если на какой-то отдельно взятый день у вас назначено важное свидание с привлекательным лицом противоположного пола, то непосредственно перед этим свиданием вы неизбежно ощутите бурление в животе, а в самый ответственный момент одна малоприятная часть вашего организма издаст характерный звук.

Правило Буравчика. Независимо от направления резьбы буравчика и степени вашей аккуратности при вкручивании его в пробку, так вы бутылку все равно не откроете, ибо пробка неизбежно раскрошится, а потому лучше сразу ее протолкнуть.

Первый Закон Механика. Вне зависимости от того, сколь незначительна поломка того механического предмета, который вы принесли в мастерскую, первое, что сделает механик, внимательно его осмотрев, это с сомнением покачает головой, прежде чем уверенно заявить: «Это вам, сударь, в копеечку влетит».

Второй Закон Механика. Счет, который вам представит механик, не будет иметь ни малейшего отношения к проделанной работе, зато будет напрямую связан с его оценкой степени вашей глупости и доверчивости.

КЛЯТ — если вы еще чего-то не поняли, должно быть, ваша жизнь очень бедна на события. Или вам уже ложиться пора. Короче, клятеньш, папину книжку на место, а сам живо на горшок и в кровать.

МАГЕНЕТИКА — наука о генетическом мутировании и изменении существ посредством магии. Тогда как обычная генетика допускает лишь взаимодействие особей одного вида, магенетика предоставляет возможность фактически любого сочетания всех известных существ. В знаменитой серии экспериментов под горой Тор-Тарарам гномский ученый по имени Митохондрин попытался скрестить домашнего кота с птицей, намереваясь получить летучую кошку. К несчастью, слабо разбираясь в птицах, Митохондрин выбрал в качестве родителя браннанского страуса. Получившееся в результате потомство, хотя и нелетное, так лихо гоняло по округе всех соседских собак, что любо-дорого было посмотреть. Впоследствии Митохондрин попытался продать своих питомцев как домашних животных, но потерпел неудачу. Никто не заинтересовался существом, которое всякий раз после выделения экскрементов пыталось голову в дерьме спрятать.

КРАНТУС — бог Неминуемой Смерти. К Крантусу обычно вызывают все те, кто оказался в страшной, смертельной опасности. Крантус — второе по степени занятости божество в пантеоне. К нему в среднем каждую минуту обращается кто-то до смерти перепуганный. Самое занятое божество — это, вне всякого сомнения, Айяйяй, бог Оргазма, к которому вызывают в среднем приблизительно каждые 0,34 секунды. Айяйяй, сутулый, седовласый божок, так загружен работой, что обычно откликается на отчаянные призывы своих приверженцев только минут через двадцать, когда они, как правило, уже благополучно храпят. Впрочем, зачастую это бывает как раз вовремя для их неудовлетворенных партнерш, которые к тому времени потихому запираются в ванной с кремовой булочкой в одной руке и богатым воображением в другой...

ПРЕЦИПИТИНФЕЛИЦИТОЛОГИЯ — просим прощения, бумага кончается. Смотрите КЕЛЬВИН.

НЕДОУТКА — нервная, до невозможности дерганая птичка, населяющая луга и пастбища по всему Среднеземью. *Недоутки* выют компактные, хорошо спрятанные гнезда в высокой траве и кладут одно-единственное яйцо, которое затем в темпе высиживают. Серовато-коричневый птенец внутри этого гнезда превосходно закамуфлирован, и его родители половину всего времени ищут корм, а половину пытаются понять, на какой такой клят их гнездо подевалось. Их легко узнать по скорбному крику «Малыш? Малыш?». В процессе взращивания своего отпрыска у взрослых птиц появляется множество белых перьев, главным образом от переживаний. Известно также, что *недоутка* — единственная птица, которая постоянно свои ногти грызет.

САРКОФИЛЫ — изысканные белые цветочки, растущие на равнинах Бехана и Сидора. Их название происходит от эльфийского термина «сарко филас», что означает «пальчики младенчика», и это просто одно из многочисленных доказательств того, что этих эльфов ни в коем случае нельзя просить что-либо называть.

СТАТУЯ ЧАСОВОГО — смотрите ТОР-ИСТ.

УКОКОС — экзотическое дерево, схожее с пальмой, произрастающее в западном Браннane. *Укокос* дает крупные золотистые плоды с твердокаменной кожурой, под которой имеется сочная мякоть, обладающая несравненным вкусом и действующая как превосходный половой стимулятор. Плоды эти находятся внутри крупных стручков нескольких метров в длину. Каждый стручок содержит в себе примерно сорок плодов, и когда они созревают, то стручки взрываются с такой силой, что плоды разлетаются как пушечные ядра и порой могут быть отброшены на добрых полмили. Столь эффективный способ

распространения семян весьма полезен для самих деревьев, однако крайне неблагоприятен для сборщиков *укокосов*, ибо делает их жизнь предельно опасной. Следует заметить, что уровень смертности у сборщиков *укокосов* уступает лишь таковому у профессиональных Игровых фишек в орквильских казино.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Общеизвестно, что сентиментальная жилка у большинства эльфов имеет несколько миль в длину и временами они могут становиться тошнотворно-слезливыми. Как результат, эльфийские игральные карты имеют весьма малое сходство с обычной колодой и куда больше напоминают карты Таро.

Для начала в эльфийской колоде имеется сто карт, разделенных на четыре масти (или гильдии) из двадцати пяти карт: сердечки, цветочки, ленточки и маленькие пушистики (да-да, знаем-знаем, но таковы уж эти эльфы). В каждой масти имеется одна старшая карта, а остальные двадцать четыре делятся на шесть подгрупп с четырьмя картами в каждой.

Например, масть ленточек делится на хлопковые, шелковые, полотняные, бумазейные, муслиновые и ситцевые, и все они могут быть четырех разновидностей: розовые, салатные, белоснежные и светло-голубенькие (да-да, именно светло-голубенькие. Мы вас по поводу эльфов серьезно предупреждали). Таким образом, у вас может быть карта под названием «салатная бумазейная ленточка» или «светло-голубенькая шелковая ленточка». Масть маленьких пушистиков делится на котеночков, кроличков, хомячков, ягненочков, щеночков и медвежонок. Они опять-таки могут быть четырех разновидностей: радостные, печальные, спящие и масясенские (если вас уже тошнит, можете дальше не читать). Сердечки делятся на добрые, разбитые, любящие, великодушные, щедрые и сладенькие с четырьмя разновидностями в виде мужчины, женщины, мальчика и девочки.

Эти объяснения могут звучать немного запутанно, однако при непосредственном знакомстве с эльфийской колодой все

становится ясно. Для того чтобы различить карты, никаких цифр или символов не используется. Подобно главным арканам в колоде Таро, здесь каждая карта обрисована картинкой. Художественное исполнение порой бывает непревзойденным — так, масть цветочков включает в себя блестящие рисунки некоторых редчайших представителей флоры Среднеземья. К сожалению, картинки также могут быть предельно слащавыми — например, изображение мальчика с разбитым сердечком или девочки со сладеньким сердечком. Впрочем, не может быть никаких сомнений, что вся самая жуть обнаруживается в масти маленьких пушистиков и такие карты, как спящий ягненок или мясенький кроличек, способны вызвать острую тошноту.

Некоторые эльфийские колоды чрезвычайно высоко ценятся в среде профессиональных игроков, поскольку с опытом они часто становятся способны по одному лишь выражению лиц их партнеров заключить, у кого какие карты. Тарл из Вельбуга владел колодой настолько слезливо-сентиментальной, что, по его словам, он всегда мог сказать, кто получил мясенького котеночка, ибо при одном лишь взгляде на свои карты брови этого игрока выстреливали вверх, а на лице его застывало смешанное выражение ужаса и недоверия. Дальше этот игрок чаще всего клал свои карты на стол и либо закрывал лицо руками, либо залпом выпивал свой стакан.

Амулет

*Перевод с тарабарского Джеймса Бибби,
стоивший ему невероятных усилий.*

*Посвящается Рико, Тиму и Аде
(которые приложили максимум усилий,
чтобы убить меня, использовав в качестве оружия
Штутгартский пивной фестиваль).*

Как прекрасна смерть!

Шелли

Смерть будет жутко грандиозным приключением.

Дж.М. Барри

Проклятие! Чьей-то заднице не поздоровится...

Тарл из Велбурга

ПРОЛОГ

Бадал любил говаривать всем встречным и поперечным, что занятие архсологией является традицией в его семье, а отец посвятил себя этой науке всего без остатка.

В определенной степени это было правдой. Отец промышлял грабежом могил: удачная карьера оборвалась внезапно и вопреки желанию достойного папаши, когда разгневанный монарх, поймав его с поличным за разграблением королевской гробницы, приказал замуровать вандала в бстонное основание новой пирамиды.

Однако это происшествие не отвратило Бадала от желания последовать по стопам отца, хотя он принял к сведению его печальный опыт, разработав более изощренные методы достижения цели. Если основатель семейного дела забирался под древние своды мавзолеев глухой ночью и попросту набивал мешки обнаруженными там сокровищами, то сын предпочел пойти в университет Кумаса и получить диплом археолога.

В составе архсологической экспедиции, занимавшейся раскопками королевских захоронений в пустыне южнее города Чи Кентика, Бадал получил прекрасную возможность незаметно присваивать дорогие находки: то золотое кольцо, то драгоценный жезл. Конечно, этот промысел баснословной прибыли не приносил, но позволял иметь приятный по размеру побочный заработок.

А теперь Бадал наткнулся на нечто такое, что при разумном подходе сулило столь умопомрачительное богатство, какое ему и не снилось.

Последние полгода археологическая экспедиция трудилась над раскопками комплекса захоронений, относившихся к Первому веку, где были найдены мумифицированные останки Приапина Четвертого, последнего правителя древнего царства Китала. Вместе с ним в могиле обнаружили несметные сокровища, и теперь, когда раскопки близились к завершению, пришлось даже вызвать отряд солдат для сопровождения бесценного груза в Кумас.

Охрана объекта была очень серьезной, и Бадал начал даже беспокоиться по поводу того, что ему лично ничего не достанется, кроме какой-нибудь завалящей золотой монетки. Но после обеда того же дня он сделал свое эпохальное открытие.

Предоставленный самому себе Бадал бился над расшифровкой иероглифов в подземном коридоре у входа на северной стороне комплекса, когда внезапно почувствовал слабое движение воздуха, сочившегося сквозь крошечный просвет в каменной стене. Заинтригованный, он засунул в дыру черенок саперной лопатки и попытался расширить отверстие.

Сегмент стены площадью около двух квадратных футов тотчас повернулся, обнаружив за собой уходящий в темноту проход. В лицо Бадалу пахнуло плесенью.

Сердце археолога бешено забилось, но он аккуратно закрыл секретную дверцу. Снедаемый острым желанием исследовать таинственный коридор, хитрец тем не менее инстинктивно чувствовал, что лучше сделать это глухой ночью, когда никого не будет рядом. По опыту Бадал знал, что древние строители не устраивали секретных двсрей для защиты нескольких десятков полуистлевших костей в саркофаге. Чутье настойчиво подсказывало ему, что, какой бы клад ни прятался в недрах тайника, он будет стоять в целом состоянии.

Однако Бадал сознавал, что предпринятые меры предосторожности по охране объекта не позволят ему вынести из лагеря ничего ценного. Поэтому он провел несколько последующих часов, выискивая все, что могло пригодиться в его рискованном предприятии: провизию на три дня пути, быстрого скакуна и надежный мешок подходящих размеров.

Настало время воспользоваться отцовской тактикой, то есть забрать деньги и сделать ноги.

Едва пробило полночь, как Бадал проник в подземный коридор и открыл потайную дверцу. Трепещущий огонь факела отбрасывал на стены пляшущие тени. Подперев дверь, чтобы она случайно не закрылась, он начал осторожно протискиваться вперед по пыльному коридору. Ярдов через двадцать коридор свернул налево, и перед Бадалом внезапно открылась просторная камера площадью около тридцати квадратных футов.

Как только дрожащие языки пламени разогнали темноту и Бадал увидел содержимое камеры, у него перехватило дыхание. Когда изумление первого момента прошло, он набрал полную грудь воздуха и разразился диким, торжествующим хохотом.

На мраморном постаменте в центре помещения покоилось тело старика, почти идеально сохранившееся, несмотря на многие сотни лет, прошедшие с тех пор, как его туда поместили. Рядом с останками лежали деревянный посох и серебряная сфера. Пол вокруг постамента был покрыт изысканной гравировкой и расписан рунами — письменами на древнем кеммальском языке. У изголовья стоял золотой сундук футов трех длиной. Созерцание именно этой емкости и повергло Бадала в состояние ажитации.

Сундук был до отказа наполнен золотыми монетами, украшениями и драгоценными камнями, которые сверкали и переливались в неверном пламени факела, словно подсвеченные изнутри. Не склонный к преувеличениям Бадал быстро подсчитал, что содержимое одного этого сундука раз в десять превышает стоимость всех обнаруженных экспедицией сокровищ.

Какое-то время он продолжал завороченно пялиться на представшее его глазам чудо, а потом упал на пол и дрожащими от возбуждения руками принялся набивать мешок.

Бадал работал быстро, безжалостно отбрасывая в сторону увесистые золотые вещи, отдавая предпочтение более легким

украшениям и драгоценным камням. Он не чувствовал при этом сожаления, так как знал, что при известном везении потайной ход в гробницу может оставаться необнаруженным еще многие месяцы, а то и годы. А раз так, то у него еще будет возможность вернуться и за другими сокровищами.

Наконец вес мешка достиг того предела, который Бадал мог осилить. Он встал, чтобы идти. Но тут что-то привлекло его внимание: расхититель гробниц повернул голову и уставился на мертвое тело.

На иссохшей костлявой груди лежал золотой амулет в виде головы орка, а сбоку — узкий кинжал с изогнутым клинком. Его рукоятка, усыпанная драгоценностями, была выполнена в форме такой же орочьей головы. Занятные вещицы как будто звали Бадала, умоляя его прикоснуться к ним и взять их с собой.

Вскинув мешок на спину, Бадал направился было к постаменту, чтобы получше разглядеть заинтересовавшие его предметы. Но, как только его ноги ступили на гравировку, покрывавшую пол, он остановился. Бадалу почудился какой-то непонятный звук, похожий на вздох облегчения — словно то, чего так долго ждали, наконец случилось.

Несколько секунд археолог стоял неподвижно, напряженно вслушиваясь в тишину, но до его ушей не доносилось больше ни звука. Тогда Бадал вплотную подошел к хрупкому мумифицированному трупу, протянул вперед руку и сорвал с тонкой кожистой шеи орчью голову, схватил лежавший рядом кинжал и покинул камеру. Как только он исчез в узком проходе, темная тень отделилась от стены и последовала за ним.

Когда Бадал достиг потайной двери, она все еще была открыта. Расхититель гробниц поставил мешок на пол, чтобы посмотреть, как устроена дверца. Ему очень хотелось вернуться сюда еще раз, но для этого нужно было убедиться, что он сумеет закрыть ее так, чтобы она оставалась незаметной до его прихода.

Занятый работой, Бадал внезапно почувствовал за спиной какое-то движение и резко оглянулся, недоумевая, что бы это

могло быть. В следующее мгновение его лицо исказилось гримасой ужаса, он пулей вылетел из узкого коридора и стал судорожно дергать дверцу, силясь ее захлопнуть. Потом Бадал начал пятиться назад, донельзя выпучив глаза и беззвучно шевеля губами.

Некоторое время ничего не происходило, но потом вдруг из еле приметного отверстия между камнями начал просачиваться некий осязаемый сумрак, или тень, или струйка черного дыма, которая постепенно стала сгущаться, приобретая столь устрашающий вид и ужасающую форму, что Бадал просто не мог на это смотреть...

Он зажмурил глаза и попятился, отступая до тех пор, пока не уперся в стену. Дальше идти было некуда. Бадал простоял так, вжавшись в древние камни и зажмурив глаза, казалось, целую вечность. Потом он почувствовал легчайшее прикосновение к шее, и столь мерзкий, отвратительный и зловонный запах наполнил его ноздри, что его чуть не вырвало.

Бадал открыл глаза, и из его горла вырвался нечеловеческий вопль.

Крик был таким пронзительным, что разбудил всю экспедицию.

Солдаты и археологи повыскакивали из палаток и, спотыкаясь, метались по лагерю в поисках источника шума. В конце концов Бадала обнаружили в заблокированном коридоре. Рядом с ним никого не было. Он лежал, скрючившись, с плотно зажмуренными глазами и конвульсивно перекошенным ртом. В руке Бадала были зажаты два предмета, вероятно, найденные в гробнице: древний амулет в форме головы скалящего в усмешке зуба орка и тонкий кинжал с изогнутым лезвием.

Археолог был мертв.

Сначала все подумали, что Бадал застал на месте преступления какого-нибудь грабителя, который и порешил его. Но потом, когда нашли оседланную лошадь и запас провизии на несколько дней пути, поняли, что он сам задумал недоброе.

Но что явилось причиной смерти, оставалось загадкой. Никаких следов насилия на трупе погибшего не обнаружили.

Марден, командир отряда охраны, приказал солдатам смотреть в оба и у входа в подземный коридор поставил трех часовых. Археологи, тихо переговариваясь, разбрелись по палаткам. Когда все разошлись, Марден присел на корточки перед трупом и осторожно вытащил из зажатого кулака покойного амулет в форме головы орка.

Он будет жалеть об этом весь остаток своей короткой жизни.

ГЛАВА 1

Смерть застала Дариана врасплох.

Фактически его можно было бы сбить с ног одним взмахом пера. Но оркский воин сражался тяжелым ручным топором. Острое как бритва лезвие раскроило шлем Дариана, словно он был из картона, и вонзилось в череп, уложив его обладателя наповал.

Еще мгновение назад это тело было подобно хорошо отлаженному механизму, который легко и непринужденно двигался в привычной обстановке рукопашного боя, а теперь вдруг оно превратилось в бессмысленную грудку теплого мяса, драматически рухнувшего на землю...

Но справедливости ради следует сказать, что сражение с самого начала приняло неожиданный поворот. Кухбадорская армия вышла в то утро из Кумаса, собираясь играючи расправиться с несколькими сотнями наглых оркских налетчиков, спустившихся с Ирридских гор. Однако армия столкнулась с хорошо организованным войском, которое состояло из отлично подготовленных солдат численностью не менее двух тысяч.

Дариан растерянно парил над собственным телом и решительно ничего не понимал. Его положение и впрямь было дурацким. Всю свою сознательную жизнь он считал себя воинствующим атеистом и весело подшучивал над теми, кто верил в загробную жизнь. И вот теперь он был мертвый — и в то же время не мертвый.

Дариан разглядывал пустую скорлупу — свое тело — с болезненным интересом. На своем веку ему довелось повидать немало искромсанных трупов, и к страшным зрелищам

Дариан был привычен. Но это было совсем другое дело. Разве мог он подумать, что в один прекрасный день будет созерцать собственное мертвое тело? Этот топор превратил его голову в кровавое месиво...

Тут до него дошло, что битва вокруг кипит с прежним пылом. Дариан с любопытством огляделся, желая узнать, какой эффект он производит на живых. Но, похоже, внимания на Дариана никто не обращал. Вероятно, живые его присутствия просто не замечали. Сам же он себя видел как некий туманный образ, повторявший очертания распростертого на земле безжизненного тела.

Более того, теперь, когда Дариан задумался на эту тему, он понял, что видит души других убитых, парящие над своими телесными оболочками. Новички эфироплавания тоже сперва недоуменно озирались по сторонам, но вот одна или две души начали медленно подниматься, нерешительно устремляясь ввысь.

Вдруг Дариана посетила мысль о Валгалле, и он с пугающей ясностью осознал, что это место действительно существует, и вспомнил, что как воин, павший на поле боя, имеет право на пожизненное, если можно так выразиться, там проживание. Вокруг него призрачные души погибших товарищей ликующей гурьбой торжественно возносились вверх. Но у Дариана с этим возникли какие-то проблемы. По неясной причине он не мог последовать их примеру.

Напрягаясь изо всех духовных сил, ибо физических у него уже не было, Дариан пытался изменить ситуацию, но ничего не получалось. В каком бы направлении он ни двигался, дальше, чем на тридцать футов, не перемещался. Казалось, он прикован к своему телу невидимой тридцатифутовой цепью.

Однако попыток освободиться Дариан не оставлял, но потом, совершенно измучившись, все же сдался. Если бы он все еще находился в своей земной оболочке, то после такого напряжения обливался бы потом и тяжело дышал, но окровавленное тело Дариана лежало на земле бесполезной не-

подвижной массой, безжизненное и холодное, и как будто не желало его отпустить, лишая шанса на вечное блаженство.

Потеряв всякую надежду, Дариан смотрел на свое тело с унынием и чувствовал себя в полном дерьме. Раньше телесная оболочка его никогда так не подводила, служила всрой и правдой. Теперь тело стало трупом, а сам Дариан, похоже, нашел приключеньице на свою задницу. А может, это было своего рода наказанием за его неверие?..

Да ничего подобного! Вон — только что на его глазах одним из первых вознесся к небу дух Торана Черного Щита. Уж кто-кто, а этот был известным святотатцем и богохульником. Его кощунствам не было предела, он сжигал монастыри и насиловал монашек и монахов.

Нет, за этим крылась какая-то иная причина...

Дариан углубился в размышления, но ничего так и не придумал. Тут он осознал, что остался один.

Битва давно закончилась, наступила ночь. Все призраки исчезли, и только по полю, усеянному трупами, ходили живые. Мерцающие факелы в руках людей делали их похожими на светлячков. Время от времени то здесь, то там над землей появлялся дух только что скончавшегося от смертельных ран солдата. Но никто из них надолго не задерживался, практически сразу поднимаясь в небо вдогонку за своими ушедшими товарищами.

Эгоистичные ублюдки, с досадой думал Дариан. Хоть бы кому пришла в голову мысль остановиться и посмотреть, нельзя ли мне помочь!..

Время шло. Над горизонтом снова встало солнце. Дариан угрюмо наблюдал за похоронными командами, подбиравшими изуродованные трупы, за санитарями, искавшими раненых, которым тут же оказывали помощь. Но он не мог смириться с судьбой и то и дело повторял безуспешные попытки последовать за счастливыми в благословенную страну.

Вскоре его внимание привлек человек, бродивший среди тел и как будто выискивавший что-то. Этим человеком оказалась молодая женщина с длинными темными волосами и блед-

ным грустным лицом. Хотя она была одета в простые брюки из коричневой кожи и такой же жилет, по тому уважению, которое ей оказывали встречные, было ясно, что это важная персона.

Дариан безучастно наблюдал за тем, как, двигаясь от трупа к трупу, она иногда наклонялась, чтобы повернуть мертвую голову или открыть застывшее в смертной маске лицо. Но, видно, ее поиски были напрасными.

И тут случилась следующая штука. Приблизившись к телу Дариана, женщина ахнула, пробормотала нечто невнятное и остановилась. Потом она присела на корточки и сорвала что-то с его залитой кровью шеи. Некоторое время женщина рассматривала свою находку, а затем, сунув ее в карман, повернула назад и уверенной походкой зашагала прочь.

В голове Дариана промелькнула злобная мысль по поводу того, какое наказание могло ждать хрупких женщин, бродивших среди трупов и занимавшихся мародерством. Как посмела она украсть то, что было у него на шее? Однако вслед за возмущением пришло недоумение. Что могла она взять? Он ничего не носил на шее...

Или носил? По непонятной причине Дариану было трудно откопать что-либо в памяти. Его собственная жизнь представлялась как бы скрытой за густой пеленой тумана. Но вот туман на какое-то мгновение рассеялся, и Дариан вспомнил.

Конечно!.. Это же был амулет, подаренный ему накануне битвы лордом Марденом. Безобразного вида вещица из черного металла в форме головы орка. Лорд Марден божился, что амулет принесет удачу. Но Дариан был уверен, что за этим стояло нечто большее. Что там еще говорил лорд?..

Только он приготовился раскрутить упрямую память на дальнейшие откровения, как почувствовал, что его резко рвануло в сторону и, как собаку на поводке, бесцеремонно потащило прочь от тела.

Какого... начал Дариан думать про себя, но тут же обнаружил, что не может вспомнить ни одного бранного слова из тех, какими обычно пользовался в подобном случае. Что за...

такое-разэдакое творится с моей памятью? — ломал он голову. Что за свистопляска происходит?

Впереди, футях в сорока, маячила осторожно пробиравшаяся среди трупов тонкая фигурка женщины, и Дариан обнаружил, что следует за ней. Он уже удалился от своего тела на порядочное расстояние и не мог различать его среди остальных. Со щемящей тоской Дариан понял, что, вероятно, больше не увидит своей телесной оболочки.

Вот... проклятие! — подумал он, все еще силясь вспомнить нужные слова. О, как там тебя, эта черто-свистка или как там еще эта ерунда называется!..

Тем временем женщина подошла к лошади, привязанной к кустарнику у края дороги. Дариан с беспокойством наблюдал за тем, как она отвязала поводья и легко вскочила в седло. Стегнув лошадь плеткой, женщина понеслась на восток, в сторону Кумаса.

В голове Дариана начали возникать вопросы, но не успели они принять конкретную форму, как невидимая сила рванула его несчастную душу вперед и потащила за неизвестным захватчиком, как невесомый несчастный шарик, привязанный к нитке.

Молодая женщина оставила лошадь на заднем дворе «Черного жезла», тихой и довольно захудалой таверны в Кумасе.

Макоби — а именно так звали девушку — одолевали тревожные мысли. Она являлась единственной дочерью регента Кумаса и прежде не знала ни забот, ни печали. В ее распоряжении всегда находился целый рой вежливых и почтительных слуг и служанок, предупреждавших любое желание Макоби, стоило ей только о чем-либо заикнуться. До недавнего времени самой большой проблемой девушки были сменявшие друг друга нетерпеливые молодые принцы, прыщавые и противные, которых приводил к ней отец на смотрины в надежде удачно сосватать...

Честно говоря, и это на самом деле не было такой уж большой проблемой. Связывать судьбу с каким-нибудь то-

щим подростком с терминальной стадией юношеских угрей в намерения Макоби не входило, и она просто взбунтовалась, хорошо зная, что любящий папочка пойдет у нее на поводу.

Однако шесть месяцев назад привычный мир внезапно рухнул, и ее спокойной жизни пришел конец. Макоби впервые по-настоящему влюбилась. Объектом нежного внимания девушки стал лучший друг ее брата Мардена Сараккан. Он служил капитаном дворцовой охраны и был прямо-таки воплощением девичьих грез: красивый, умный, компанейский...

К несчастью, в глазах отца Макоби парень был наименее желательной партией для дочери, так как происходил из крестьянской семьи и имел денег меньше, чем обанкротившийся попугай. В это же время к ней начал проявлять недвусмысленный интерес Миал из Минас Лантана, старший сын последнего правителя города. Вечно поглощенный какими-то мрачными думами, он производил на окружающих довольно зловещее впечатление.

Макоби хотела сразу дать ему от ворот поворот, как и остальным претендентам на ее сердце и руку, но на этот раз отец, к ужасу девушки, не позволил ей артачиться. Не проходило дня, чтобы он не восхвалял заслуг жениха, рассказывая про его богатство, связи, происхождение, власть... и еще раз про богатство. Но заставить Макоби повиноваться было не так-то просто. Она не поддавалась давлению.

Потом ее отец пал жертвой какой-то странной болезни, в одночасье превратившей сильного и могущественного властителя в слабого брюзгливого старикашку. Чувствуя, что силы покидают его, регент начал настойчиво уговаривать Макоби согласиться на столь выгодный брак.

Отказывать отцу с каждым днем становилось все труднее. Сначала девушка опиралась на поддержку брата, но неделю назад с ним приключилась непонятная перемена. Из жизнерадостного и уверенного в себе человека, каким она знала его с детства, Марден превратился в угрюмую, замкнутую, молчаливую личность. Даже Сараккан не мог достучаться до его сердца. Именно тогда брат начал носить тот безобразный амулет...

Тут грянуло еще одно несчастье, послужившее последней соломинкой, сломавшей крепкую верблюжью спину, — нашествие орков. Первоначально было получено сообщение о том, что около двух сотен разгулявшихся вражин перешли реку Аловак в районе Лампа Санды и взяли небольшой городок Клинтхилл. Весть о вторжении достигла соседних городов. Срочно были мобилизованы солдаты и милиция. В Кумасе из них сформировали армию, получившую, казалось, простое задание — навести после визита непрошенных гостей порядок.

Орков всерьез никто не воспринимал. Кое-кто из друзей Макоби даже предложил поехать вслед за армией, чтобы с удобного места понаблюдать за военными действиями, обещавшими стать зрелищными.

Но в ту ночь Марден зашел в комнату сестры в замке и предупредил об одолевавших его дурных предчувствиях. Он опасался, что армия попадет в ловушку. Еще брат сказал Макоби, что ощущает влияние какой-то скрытой силы и что девушка тоже находится в опасности. Марден просил ее никому не доверять, кроме него. Больше Макоби не смогла вытянуть из него ни слова, как ни старалась.

На другой день по Кумасу разнесся слух, что численность армии неприятеля в десять раз превышает первоначальную цифру. Макоби недолго думая сменила богатый наряд на простую одежду для верховой езды и незаметно покинула город. Она скакала всю ночь в надежде нагнать брата, но к тому времени, когда достигла поля боя, сражение закончилось. Орки были обращены в бегство, но армия понесла тяжелые потери.

Макоби искала Мардена среди живых и среди мертвых, но безрезультатно. Зато она нашла странный амулет, который брат носил последнее время, не снимая. Правда, вещица почему-то висела на шее у солдата, которого она не знала.

Макоби остановилась, чтобы снять амулет с залитого кровью тела, но едва прикоснулась к нему, как по ее спине пробежал неприятный холодок. В то же мгновение девушка поняла, что ее брат мертв и что она сама, как Марден и предуп-

реждал, тоже в опасности. Поэтому, вернувшись в Кумас, Макоби решила затаиться и попробовать разобраться, что же все-таки творится.

Пока оставленный Макоби скакун бранских кровей подозрительно поводил ноздрями у яслей с залежалым сеном, заготовленным, вероятно, еще до его появления на свет, его хозяйка вышла из полуразвалившегося хлева и пересекла грязный, выложенный булыжным камнем двор, направляясь к таверне. Толкнув дверь и сделав несколько шагов вперед, девушка очутилась в зале с барной стойкой, тут же едва не задохнувшись от вони.

Смрад, ударивший в нос, мог бы свалить с ног дюжего детину. Среди обрушившихся на нее ароматов Макоби различала запахи дыма, тушеной капусты и мочи (или, может быть, капусты, тушенной в моче), но все это перебивал дух, исходящий от здоровенной бочки с явно прокисшим пивом и огромного волосатого тела, принадлежавшего владельцу заведения. Он стоял, положив голое, толстое и покрытое обильной растительностью брюхо на стойку, и разговаривал с неряшливой женщиной таких же необъятных габаритов.

Звук хлопнувшей двери отвлек внимание хозяина от предмета флирта. Явно раздосадованный кабатчик повернул голову. При виде хрупкой фигурки Макоби испещренное оспой лицо ощерилось в плотоядной ухмылке, обнажив гнилые зубы, сильно смахивавшие на два ряда могильных камней в процессе разрушения. Макоби невольно содрогнулась.

Но, поборов желание сбежать, взяла себя в руки и постаралась не выказать страха.

— Мне нужна комната, — смело обратилась Макоби к трактирщику.

Тот опять улыбнулся. Теперь его лицо походило на кладбище в День, Когда Протрубили Трубы.

— Отлично! — Он не скрывал своей радости. — И кто это нас посетил?

— Э-э-э... Лона. — Макоби решила сохранить инкогнито.

— Что ж, Лона, следуй за мной!

С этими словами хозяин таверны скрылся за дверью в конце зала, где винтовая лестница вела на второй этаж.

Макоби, стараясь не дышать, шла за ним. Наверху ее глазам открылся темный коридор с рядом едва различимых деревянных дверей, который был освещен единственной сальной свечой, уже оплывшей, в жестяном подсвечнике. Свеча сильно чадила, испуская кольца черного дыма и еще более мерзкий запах, чем давно немытое тело трактирщика.

Когда здоровяк остановился у последней двери и бросил на Макоби косой взгляд, девушка вся напряглась, готовая оказать яростное сопротивление.

— Это удовольствие стоит два серебряных таблона за ночь, включая завтрак. — Он снова плотоядно ощерился и приблизил к Макоби лицо. — Но мы всегда можем прийти к альтернативному решению и вовсе обойтись без денег...

— Думаю, что нет.

Макоби была рада, что ее голос не выдал страха. Она демонстративно опустила глаза, и трактирщик проследил за ее взглядом. Он побледнел как смерть, когда увидел в руках у девушки маленький, но острый как бритва кинжал, который она держала на уровне его паха.

— И если ты еще раз позволишь подумать что-нибудь подобное, — продолжила она, — я обещаю, что, уходя из этой вшивой дыры, повешу твои яйца себе вместо сережек. Понял?

Трактирщик кивнул и медленно попятился назад, не спуская глаз с отточенного лезвия. Цвет его лица напоминал окрас личинки мухи.

Стараясь не рассмеяться, Макоби открыла дверь и, переступив порог комнаты, плотно прикрыла ее за собой. Оказавшись одна, она облегченно вздохнула и осмотрела свое временное прибежище.

Кроме деревянной кровати и такого же стула, другой мебели в комнате не было, но по крайней мере она оказалась относительно чистой. Голый дощатый пол и простые деревянные стены не имели никаких украшений. Тот, кто проек-

тировал интерьер, вероятно, полагал, что дерева в спальне не может быть много.

Макоби подошла к кровати и пощупала рукой матрас. Тот был мягок, как гранит. Девушку передернуло. В комнате царил промозглый холод, хотя в камине горел слабый огонь.

Сев на стул, Макоби вытащила из кармана черный металлический амулет, принадлежавший недавно ее брату, и принялась рассматривать уродливое лицо орка, пялившееся на нее слепыми провалами глаз. Лицо было таким страшным, что больше походило на жуткую карикатуру — человек, жестоко избитый и до крайности обезображенный.

В действительности большинство орков выглядели подобным образом, словно и на самом деле их сильно били и уродовали. Так что в этом плане амулет отличался удивительной жизненной правдой.

Как это не похоже на Мардена — носить такую мерзость, подумала Макоби. Хотелось бы мне иметь что-нибудь более элегантное на память о нем.

К изумлению девушки, черный амулет в ее ладони вдруг расплылся, стал текучим и начал на глазах преобразаться, меняя цвет и форму до тех пор, пока не превратился в изящный золотой кулон в форме головы льва.

Макоби как замороженная уставилась на вещицу, не в силах оторвать от нее взгляда. В следующее мгновение она почувствовала в комнате какое-то непонятное движение и увидела, как сквозь дверь медленно просачивается неясная тень.

Нечто до тошноты повторяло все детали того мертвого тела, с шеи которого девушка сняла амулет, вплоть до разрубленного надвое металлического шлема — с той разницей, что было нереальным, призрачным, и оно было похоже на тень, на кошмар, на ужас предрассветных сновидений... тварь смогла проникнуть в помещение сквозь толщу дерева, не открывая двери. Так дождь просачивается сквозь ткань дешевого пальто.

Макоби вжалась в стул, стараясь стать незаметной. Призрак медленно проплыл мимо и виноватой тенью повис у едва теплившегося камина.

— Что вам надо? — еле слышно прошелестел голос Макоби.

Призрак смерил ее несколько озадаченным взглядом и пожал плечами.

— Чтоб мне сдохнуть, если я знаю, — сказал он и тут же расплылся в счастливой улыбке. — Память, кажется, возвращается.

И, к удивлению Макоби, призрак начал исторгать ругательства и брань, от которых у девушки моментально завяли уши. Наверное, он не остановился бы до утра, не запусти Макоби в него ночным горшком.

ГЛАВА 2

Монастырь Магических Исследований в восточном Кухбадоре основал в 921 году святой Седрик Обреченный.

Седрик был глубоко верующим монахом, от природы одаренным магической силой. Он намеревался сделать монастырь религиозным центром и одновременно местом сбора и хранения — с целью последующего изучения — всевозможных чар, заклинаний и аспектов волшебства.

Официально монастырь назывался «Архивное Хранилище Таинственного» (АРХРАТА). В скором времени седриканские монахи обнаружили, что за глаза их называют архаровцами. Несмотря на то что такое нелестное прозвище мешало общественности относиться к ним с достаточным почтением, которого монахи, как им самим казалось, заслуживали, седриканцы взялись за работу с огромным энтузиазмом, кропотливо внося в анналы для будущих поколений каждую крупницу магических знаний, какая только им попадалась.

Однажды молодой, но подающий большие надежды послушник, записывавший сидорийскую версию заклинания для магии Шаровой Молнии, попросил брата Синагмуса, назначенного старшим над послушниками, пояснить, как заклинание действует. Брат Синагмус строго велел любопытному заниматься своим делом, но вопрос засел у него в голове.

Все представлялось элементарным. Нужно было произнести вслух несколько слов, и, если ты один из счастливчиков, обладающих врожденными способностями, именуемыми в простонародье Силой, то в воздухе появляется шаровая молния. Но как это происходило? Это был действительно хороший вопрос.

В тот же вечер брат Синагмус задал его святому Седрику. Возникла длинная пауза, пока основатель и аббат монастыря обдумывал ответ.

— Не имею ни малейшего представления, — сказал он наконец. — Но, возможно, есть смысл попробовать в этом разобраться.

Практически сразу монастырь сменил имя на Университет магии святого Седрика, и братья приступили к экспериментальным исследованиям, ознаменовавшим новый этап развития обители.

Но монахам снова не повезло. Общественность тут же обозвала университет УНИВЕРМАГом и начала над ними потихоньку потешаться. Не выдержав насмешек, братья отправили в офис своего патриарха депутацию и попросили изменить наименование.

— Хорошо, — согласился святой. — Полагаю, это было слишком эгоистично с моей стороны. Давайте назовем себя просто Университетом магии.

— Но это ничего не изменит. Мы все равно останемся УНИВЕРМАГом, — возразил брат Педант.

Он относился к тому типу людей, кому до всего было дело.

— Хорошо, хорошо, — замахал руками святой Седрик. — Если вас так волнует название, давайте придумаем что-нибудь грандиозное. Как насчет Научно-исследовательского института чудес и магии?

Но когда ему вежливо указали, что сокращенно это будет НИИ ЧУМА, святой Седрик взорвался и запустил в присутствующих чернильницей, а потом заперся у себя в комнате и два часа не выходил. За дверьми было слышно, как он бушует. После этого вернуться к вопросу о смене наименования никто не осмелился.

В 934 году монастырь прославился. Случилось это после того, как святой Седрик волей случая стал первым мучеником Среднемирья. В попытке обратить взор короля Кемала к религии и воспроизвести хорошо известное чудо горящего

куста, описанное в Святой книге монахов, он прибег к помощи магии.

К несчастью, Седрик не совсем верно прочитал заклинение и, вместо того чтобы вызвать легкое возгорание никому не нужного кустарника, подпалил растительность на интимном месте королевы. Не успел патриарх и глазом моргнуть, как шпага разгневанного придворного (к тому же писаного красавца) снесла его бедную голову. Такая несдержанная реакция со стороны кавалера вызвала у короля серьезные подозрения, и, как выяснилось впоследствии, не напрасно.

За прошедшие годы монастырь разросся, превратившись из скромной обители для двух десятков братьев и послушников в крупный конгломерат. В 986 году его размеры удвоились. Однако это произошло не в результате выполнения многомесячной строительной программы, а моментально, благодаря чрезмерному усердию брата Лемми в изучении новых атрибутов магии, только что поступивших в монастырь.

Монах с любопытством вертел в руках жезл из слоновой кости, найденный недавно на раскопках старой гробницы. В следующее мгновение блеснула ослепительная вспышка пламени, и на теле брата Лемми не осталось ни одного целого волоска.

Тотчас к нему на помощь сбежались другие монахи и доставили пострадавшего в лазарет, где его успокоили бутылкой лучшего сидорийского бренди. Когда суматоха улеглась, было обнаружено, что у каждого монастырского здания без исключения появился рядом двойник. Теперь монастырь имел два храма, две трапезные, две крытые аркады, два хранилища рукописей и два лазарета.

Но самым интересным было то, что постройки-близнецы оказались каким-то чудесным образом связаны со своими оригиналами. Если, к примеру, ты входил в новый лазарет, то выйти мог из старого. Вещи, оставленные в келье одного спального корпуса, порой исчезали, появляясь в соответствующей келье близнеца. Монахи, ложившиеся спать в свои постели в старом здании, проснувшись, часто обнаруживали, что были

таинственным образом перенесены в чужие постели в новом. Во всяком случае, так они объясняли это аббату...

Подобное удвоение монастырских владений в значительной степени способствовало укреплению репутации монастыря как центра магических знаний. Слава его росла и ширилась. Наконец он стал известен в Среднемирье как Аббатство Рачительного Колдовства, Ассимиляции Демиургической Адекватности, Безусловной Репликантности и Абсорбции, или, менее почтительно, АБРАКАДАБРА. Утраченные ранее таинственные знания обретали здесь новую жизнь. Вскоре седриканские монахи были признаны авторитетами в области колдовства и магии.

По прошествии некоторого времени у седриканских монахов, обладавших большими способностями к магии, появилась традиция странствовать по миру и своей чудодейственной силой помогать нуждавшимся, получая взамен еду и питье. Человек в синей седриканской рясе считался добрым гостем в городах и деревнях всего Востока.

Среди людей, ограниченных в средствах и мечтавших о хорошем образовании и надежном будущем для своих детей, распространился обычай отправлять мальчиков послушниками в монастырь, где они могли посвятить свою жизнь ордену. Мало кто из этих послушников возвращался в мир, предпочитая сохранять тесную связь с братством. Но одного из них ждали великие дела, хотя догадаться об этом было трудно, так как до сих пор он преуспевал только в одном — причинении хлопот окружающим...

Был вечер. Аббат Теллоу отдыхал в своей келье, когда в дверь настойчиво постучали. Вздохнув, он отложил в сторону экземпляр саги Велбуга «Волшебник Антракс: всемогущий маг или печальный молодой извращенец?».

— Входите, — сказал он, откашлявшись.

Дверь открылась, и на пороге появился брат Бенидормус. Это был один из старых монахов, обычно спокойный и сдержанный. Но теперь он выглядел непривычно возбужденным.

Бенидормус переминался с ноги на ногу и не знал, куда девать руки. В глазах его блеснул лихорадочный огонь.

— Чем могу помочь тебе, брат мой?

— Прошу прощения, что прервал ваши размышления, святой отец, — начал монах, — но я обнаружил нечто такое, что вам нужно увидеть! Это... как бы это сказать...

Он запнулся и замолчал, потому что не мог подобрать нужных слов, и только беззвучно открывал рот и нервно перебирал пальцами в воздухе. Теллоу смотрел на него, тсясясь в догадках. Что могло так сильно взволновать этого спокойного и флегматичного человека? Он знал, что брат Бенидормус был простым переводчиком, занимавшимся последнее время расшифровкой документов и свитков, найденных недавно на раскопках ряда захоронений Первого века близ древнего города Чи Кентика, что на кеммальской границе.

— Может быть, ты мне лучше все покажешь? — предложил он вкрадчиво.

— Конечно, отец! — воскликнул Бенидормус с облегчением и, повернувшись, вышел из кельи.

Теллоу последовал за ним по холодному каменному коридору, соединявшемуся с хранилищем старых рукописей посредством короткого крытого перехода. Бенидормус толкнул тяжелую дубовую дверь, и петли протяжно скрипнули.

Монахи оказались в темном тихом зале с рядом маленьких деревянных дверей, за которыми скрывались тесные рабочие кабинеты. Бенидормус открыл одну из них и, заглянув внутрь, облегченно вздохнул. Этот вздох облегчения сказал аббату, что они попали в нужное хранилище.

Теллоу переступил порог комнаты следом за монахом и плотно прикрыл за собой дверь. Почти все пространство кабинета занимал рабочий стол. Кроме стола, там было еще два простых деревянных стула. Аббат сел на один из них.

— Хорошо, Бенидормус, — начал аббат, опустив привычное обращение «брат». Это значило, что беседа будет неформальной. — Скажи, что именно тебя так встревожило?

Бенидормус шумно плюхнулся на соседний стул, протянул аббату свиток и пододвинул пухлый блокнот, испещренный корявыми записями. Рука монаха слегка дрожала.

Перед тем как развернуть свиток, Теллоу окинул записи беглым взглядом. Комната тускло освещалась огарком свечи. Дрожащее пламя окрашивало пергамент в золотистый цвет, придававший свитку таинственный вид.

— Немного терпения, Анкос, — сказал Бенидормус.

Он относился к числу немногих монахов, имевших право называть аббата по имени в неформальной обстановке. Они всегда были друзьями и пришли в монастырь в одно и то же время, когда были еще неоперившимися юнцами.

— Этот документ был найден при раскопках могилы Приапина Четвертого, — продолжил он. — Мы получили его два дня назад вместе с партией других находок. Здесь дан подробный список вещей, помещенных с ним в гробницу, а также имеются ссылки на два соседних захоронения с указанием имен тех, кто там лежит.

Бенидормус на секунду умолк.

— Один из них Адомо. Тот самый черный маг...

Теллоу понимающе кивнул. Этого легендарного колдуна знали все, кто интересовался магией. Он был придворным магом короля Приапина и широко использовал свою волшебную силу для удовлетворения малейших капризов и желаний владыки. Имя этого колдуна символизировало зло в практически чистом виде, и даже теперь, сотни лет спустя после его смерти, люди говорили о нем со страхом и только шепотом.

Бенидормус бережно развернул свиток и положил его на край стола, потом наклонился вперед и пододвинул к себе маленькую книжицу, лежавшую на столе возле подсвечника. Тускло поблескивая в желтом свете свечи черным кожаным переплетом, она выглядела абсолютно новой. Открыв ее, он принялся листать страницы, которые тоже, казалось, светились. Аббат Теллоу видел, что их покрывает тонкая вязь ажурных иероглифов, делавших страницы похожими на легкую морскую зыбь.

— Книга была обнаружена в могиле Приапина рядом со свитком, — произнес Бенидормус. Аббат бросил на него вопрошающий взгляд. — Да, я знаю. Это значит, что книге более шести веков, хотя она выглядит так, словно была написана вчера. — Бенидормус сделал паузу. — Смотри.

Он наклонился вперед и без предупреждения задул свечу. Комната мгновенно погрузилась в темноту, но аббат поймал себя на том, что продолжает видеть. От страниц книги исходило слабое свечение.

— Теперь я начинаю понимать, почему ты пришел ко мне, — произнес он.

Бенидормус фыркнул.

— Я еще ничего тебе не сказал! — буркнул он.

Некоторое время монах возился с огарком свечи, пытаясь зажечь фитиль. Когда ему это удалось, он снова обратился к книге.

— Я перевел примерно половину, — продолжил Бенидормус свой рассказ. — Похоже на то, что книга была написана Джейпом. Он был, как ты, вероятно, знаешь, придворным магом Альфара Чистого, последователя Приапина на троне. Как гласит легенда, к моменту смерти Приапина Адомо почти полностью растерял бусины магических четок и практически лишился колдовской силы. Говорят, он перестал отличать искусство черной магии от собственного носа. Однако перед тем как умереть, Адомо будто бы сделал несколько любопытных предсказаний. Джейп записал их для своего короля. Вот эти записи.

Бенидормус снова сделал паузу и нервно облизнул пересохшие от волнения губы. Только тут аббат Теллоу понял, что на самом деле монах был не просто встревожен, а напуган. Судя по тому, как дрожали руки Бенидормуса, пока он листал книгу, бедняга был испуган до смерти.

— Короче говоря, — голос монаха выдавал его взвинченное состояние, — некоторые из этих предсказаний поражают точностью. Не могу ручаться за правдивость их всех, потому что там полно всякого, как бы это помягче выразиться, бреда.

Например, мы теперь уже никогда не узнаем, на самом ли деле король Прон из Сидора разгневался на мойщика окон в 824 году и был ли 917 год плохим для горностаев. Однако среди сделанных Адомо предсказаний нет ни одного, о котором можно было бы уверенно сказать, что оно ошибочно. Зато полно тех, которые сбылись. Причем достаточно точно.

Бенидормус открыл книгу посередине и протянул аббату, возбужденно ткнув в нужное место пальцем.

— Посмотри на это. Здесь говорится о налете орков в 785 году. Он не только правильно указал год, но и безошибочно назвал имя их предводителя — Газ Длинный — и перечислил названия разоренных городов. И все это было написано за три столетия до упомянутых событий!

Теллоу взял книгу и попытался прочитать аккуратный, четкий почерк. С тех пор, как он занимался переводами, прошло много времени. Однако описательные иероглифы древнего китальянского языка все еще были легкоузнаваемы, и скрывавшиеся за ними слова послушно приходили на ум.

— В 944 году, — начал он неуверенно, — будет неурожай... да, неурожай моркови во всех северных землях. И других... хм... основных овощей, так, что ли? Да нет же, корнеплодов! Господи боже мой! Как давно это было. И другие корнеплоды будет трудно отыскать. И тот, кто будет искать пастернак, его не найдет...

Теллоу прервал чтение. Он оторвал взгляд от рукописи и с удивлением посмотрел на монаха, комически приподняв одну бровь.

— Итак, он предсказал печально знаменитый на весь мир неурожай моркови 944 года, правильно? — произнес он лукаво.

Бенидормус смутился.

— Я же говорил, что у него не все было в порядке с шариками, — пробормотал он. — И некоторые из его предсказаний кажутся легким бредом...

— Легким?

— Ладно, абсолютным... Но пропусти их. Меня же беспокоят другие. Когда касается крупных, глобальных событий,

Адомо никогда не ошибается. Вплоть до Шикарских войн и того прошлогоднего дела, связанного с корпорацией «Орбанский меч». Одним словом, я пытаюсь сказать, что если в книге написано, что что-то должно случиться, то это случится непременно. Голову даю на отсечение.

— Хм-м... — Аббат закрыл книгу и задумчиво погладил мягкую кожу обложки. Потом вернул ее монаху. — Тогда это, должно быть, подделка.

— Археологи клянутся, что этого не может быть. В гробнице до них никого не было. Она простояла запечатанная все эти столетия.

— А углеродный анализ* проводили?

— Да. Он показал, что книга относится к 462 году Первого века. Дата полностью совпадает.

— Что ж, — задумчиво произнес аббат, — возможно, она и подлинная. Если так, то, безусловно, это ценная находка. Но я не вижу никаких причин для беспокойства.

— Потому что ты не прочитал ее. Простудировать ее от корки до корки... ведь это все равно что учебник истории Среднемирья. Единственное, что отличает эту инкунабулу от других исторических книг, — большая точность. Но самое страшное в ней то, что привело меня в такой ужас, — последняя глава. Строго говоря, это не история. Во всяком случае, пока.

Бенидормус замолчал и глубоко вздохнул. Его голос, похоже, снова начал ему изменять. Незаметно для самого себя монах так сильно вцепился в книгу, что у него побелели костяшки пальцев.

— Продолжай, — приободрил его аббат.

— Там сказано, что колдовские чары Адомо оживут вновь и будут серьезной угрозой для всего Среднемирья. Дальше идет описание точных событий, которые затем последуют.

— И что это за события?

— Ты знаешь. Война, смерть, страдания, голод, болезни. Торжество зла, возвышение негодяев, избиение праведников.

* Информацию об углеродном анализе и других реалиях Среднемирья можно получить в Приложении.

Пожары и пепелища, потопаы и разорение всех земель, какие только есть под небесами. И насильственное разъединение. Похоже, что это заботило его больше всего.

— И ты веришь, что все это произойдет?

Бенидормус понуро кивнул. Свеча догорела почти до основания, и в ее призрачном свете кожа на лице монаха казалась желтым пергаментом, натянутым на голый череп.

— В книге сказано, когда это случится?

— Да. Ровно пять с половиной лунных месяцев спустя после третьего годового солнечного затмения Тысячелетия, наблюдаемого из района города Чи Кентика.

— Снова совпало?

— В прошлый вторник.

Внутри у аббата как будто разверзлась бездонная пропасть. Но он приказал себе не поддаваться панике и оставить эти глупые суеверия. Должно же быть этому какое-то более разумное объяснение...

— Вот что, Бенидормус, — сказал он и деланно улыбнулся. — Принеси-ка вина и замени свечу. И давай посмотрим книгу вместе. Я должен прочитать все это собственными глазами.

Наступила ночь, и дрова в крошечном очаге почти догорели, но мужчины продолжали сидеть, углубившись в изучение рукописных сведений. Расшифровка мелких рисованных символов продвигалась медленно и трудно. Чем больше аббат читал, тем яснее осознавал поразительную точность жутких пророчеств и содрогался.

Но еще больший ужас наводило описание тех бедствий, которые обрушатся на мир после того, как чары Адомо вырвутся на свободу. Вскоре Теллоу признал обоснованность опасений коллеги и не сомневался, что мир стоит накануне страшной катастрофы.

Но книга давала один лучик надежды. В заключительных параграфах рассказывалось о добродетельном молодом человеке, который один мог предотвратить грозные события. Из

повествования явствовало, что юность он проведет послушником в одном из восточных монастырей. Из его описания аббат понял, что имеется в виду именно их монастырь, то бишь АБРАКАДАБРА.

Дрожа от волнения, Теллоу попросил брата Бенидормуса помочь ему с переводом последней страницы, желая как можно быстрее выяснить, что за добродетельный послушник обрелся в его обители. Книга давала восемь признаков, по которым можно было опознать избранника.

Взяв журнал регистрации послушников, они вдвоем начали внимательно сопоставлять характеристики, постепенно отбрасывая юношей, которые не подходили. Мало-помалу в голову Теллоу закралась уверенность, что избранником, вероятно, является Рудольфо, эрудированный и благочестивый послушник из Минас Оргуна, его любимчик, из которого аббат надеялся воспитать себе надежную замену.

После того, как седьмая характеристика совпала, уверенность аббата в своем предположении окрепла окончательно. Но последний признак вычеркнул Рудольфо из списка кандидатов и вверг Теллоу в уныние.

— Ты уверен?..

— Боюсь, что это определенно, Анкос, — пробормотал Бенидормус, проверяя верность перевода. — Этот иероглиф означает «к западу от». Другого мнения быть не может. Что касается остальных трех, то первый читается как ирри, тот, что стоит в конце слова, означает гору, а этот, графически неприличный, в середине...

— Да, да, я понимаю, что он значит.

— Что ж, у нас есть только четыре послушника с запада Ирридских гор. Трех мы уже отсеяли.

— Так кто ж остался? Кто этот избранный?

Возникла пауза. Теллоу заметил, что его друг испытывает какую-то неловкость и старается не смотреть ему в глаза. Взгляд Бенидормуса бегал, как у человека, пришедшего сказать, что он только что случайно персежал повозкой вашу любимую собачку.

— Ну, так кто же это?

— Гларт, — едва выдавил из себя Бенидормус. Было видно, что это стоило ему громадных усилий.

Звук выпавшего из рук аббата карандаша прозвучал в тихой комнате, как удар грома. Он смерил монаха таким взглядом, словно только что получил по физиономии удар гнилой рыбиной, потом закрыл лицо руками.

Некоторое время оба молчали.

— Гларт?... — повторил аббат еле слышно, не отнимая от лица ладоней.

— Гларт...

Комната снова погрузилась в тишину. На этот раз пауза затянулась несколько дольше. Наконец аббат оторвал от лица руки.

— Что ж, тогда тебе лучше найти его и срочно прислать ко мне в кабинет, — проговорил он. — Я вкратце посвящу его в суть вопроса. А потом...

— Что потом, святой отец?

Аббат глубоко вздохнул. Будущее, каким он себе его представлял, не сулило ничего хорошего.

— А потом... потом я пойду и удавлюсь.

Когда Гларт должен был появиться на свет, а это произошло двадцать лет назад, его родители, крестьяне, планировали дать ему имя Каледор, означавшее «прекрасный дар». К несчастью, когда мальчик родился, он не совсем соответствовал этому идеалу. В действительности он, вероятно, был самым безобразным ребенком в округе. Повитуха, пожалев родителей, посоветовала им избавиться от младенца. Но те были людьми твердых устоев и решили любить свое дитя, несмотря ни на что.

Правда, осуществить это намерение оказалось не очень-то легко. Если к ним приходил гость и с улыбкой склонялся над колыбелью, чтобы похвалить малыша, то фраза, начинавшаяся словами «О, я просто поражен красотой этого...» после минутного замешательства получала продолжение — «одеяльца!». Гость в ужасе пятился и просил чего-нибудь выпить.

Вопреки обстоятельствам, родители все же хотели оставить ребенку имя, которое выбрали — то есть Каледор, — но судьба распорядилась по-своему. В самый ответственный момент на крестинах в раззявленный рот священника залетела муха, и ребенок стал Глартом.

Первые годы жизни не добавили малышу красоты, а, напротив, сделали его еще безобразнее. Родители пропускали мимо ушей издевки соседей и сдавленные смешки, не чая в сыне души. Но, как известно, капля камень точит. Злые языки и косые взгляды сделали свое. Понимая, что не могут предложить своему отпрыску ничего, кроме нищеты, и обеспокоенные беспечной жестокостью окружающего мира, родители приняли трудное решение — отправить мальчика в монастырь.

Так, в возрасте трех с половиной лет Гларт со слезами на глазах простился с родными и переступил порог замкнутого мира религиозной общины, став послушником седриканского монастыря. Даже здесь его безобразная внешность не осталась незамеченной, но аббат пресек насмешки в корне, запретив дразнить новичка под страхом сурового наказания. Гларт рос в полном неведении, что его лицо может вызвать столбняк даже у стрелок часов.

Однако к моменту полового созревания начались положительные изменения. Казалось, природу наконец замучили угрызения совести. Сыграв с ребенком дурную шутку, она как будто решила опомниться и хоть немного исправить положение. По мере взросления черты юноши потихоньку менялись, и к двадцати годам Гларт преобразился в лучшую сторону.

Большой крючковатый нос уже не выглядел комически на вытянувшемся лице. Густые кустистые брови, вызывавшие раньше сходство с обезьяной, теперь придавали его облику мужественность. Перекошенная линия толстых губ скорее напоминала кривую усмешку, чем врожденный дефект. Хотя в целом даже при хорошо развитом воображении внешность Гларта трудно было назвать красивой, черты его лица были

не лишены своеобразия и шарма, что делало юношу интересным и даже привлекательным.

На самом деле, думал аббат, усаживаясь за массивный деревянный стол в своем кабинете, сдается мне, что многие женщины найдут Гларта более чем очаровательным.

Конечно, все это не имело бы значения, если бы парень был обречен провести всю жизнь за стенами монастыря — как и в том случае, если б он был, как большинство молодых монахов, тихим и скромным. Но у Гларта развились и другие черты характера, проявление которых буквально сводило аббата с ума, особенно в последние годы.

Первое, что беспокоило настоятеля, — беспримерный энтузиазм Гларта, проявлявшийся во всем, что бы он ни делал, и страстная любовь к жизни. Юноша с таким рвением брался за любую работу, что доводил ее до абсурда. К примеру, однажды он провел несколько месяцев на монастырской пивоварне, помогая в изобретении нового сорта пива, неизменно-го спутника вечерней трапезы монахов.

В результате созданное Глартом варево оказалось таким крепким, что ужин, во время которого его подали первый и последний раз, превратился в разнузданную гулянку с песнями и танцами, закончилось же все походом особо наклюкавшихся к девочкам, а потом и всеобщей дракой.

Вторая тревожная особенность личности Гларта впервые дала о себе знать с началом полового созревания и в последний год заявляла о себе наиболее часто. У монаха появилась склонность к видениям. Причем это были не простые видения религиозного порядка, а яркие, живые, красочные, волновавшие воображение. Эти видения были своего рода окнами в жизнь других людей. Гларт описывал возникавшие сцены с мельчайшими подробностями всем, кто находился рядом. Эти видения вызывали у других монахов смятение.

В результате спокойной жизни в монастырских стенах пришел конец. Гларт вносил разлад в привычный уклад монашеской жизни, превосходивший даже эффект, произведен-

ный делегацией Сестер Вечного Возбуждения, посетившей обитель несколькими годами раньше.

Аббат Теллоу неоднократно подумывал о том, чтобы перевести проблемного молодого монаха в более подходящий орден вроде Седьмого Дня Гедонистов или Братьев Смертных. Возможно, он давно сделал бы это, не обладай Гларт природным талантом к магии.

Одному Богу известно, что случится, когда Гларт вырвется на свободу, думал Теллоу, когда его размышления прервал стук в дверь, и на пороге появился сам возмутитель спокойствия в сопровождении брата Бенидормуса.

Последнее время Гларту удалось немного усмирить свою пылкость. И теперь он стоял перед аббатом с виноватым видом шаловливого щенка, который думает, что, вероятно, нашкодил, но не слишком этим опечален, потому что знает, что его все равно любят.

Юноша взял предложенный табурет, на удивление ничего при этом не опрокинув, и сел к столу напротив настоятеля с выражением вопроса на лице. Теллоу жестом пригласил Бенидормуса подойти к нему и начал рассказ о том, что им двоим пришлось узнать.

— Конечно, это все может быть простым совпадением, — сказал он в заключение. — Возможно, Среднемирью ничто не угрожает. Но я не хочу рисковать. К предсказанию Адомо нужно отнестись со всей серьезностью. Ты, Гларт, похоже, являешься избранником, и таким образом...

Аббат умолк, не договорив. Взгляд Гларта, слушавшего святого отца с явным вниманием, вдруг стал рассеянным, а лицо отрешенным — верный признак того, что его посетило видение.

— Я вижу женщину... — начал он.

У аббата внутри все похолодело. Последнее видение, связанное с женщинами, случилось у Гларта за чтением молитвы во время мессы. Оно было тут же озвучено в таких красочных откровенностях и, очевидно, преувеличенностях, что молодых монахов пришлось отправить под холодный душ и про-

держат там несколько часов кряду, пока помешательство не улеглось.

— Она в опасности... в городе Кумас, — продолжал Гларт. — Кто-то хочет ее убить. Он рядом с ней, даже сейчас. Она прячется, но он ищет. Она одна у себя в комнате. Я вижу ее лежащей в кровати... длинные темные волосы разметались по подушке, губы слегка приоткрыты, высокая грудь ровно вздымается и опускается. Она спит... тонкое покрывало соскользнуло на пол... ее длинные ноги... все, от маленьких ступней и узких лодыжек до округлых бедер и потаенного бутона пл...

— Довольно! С нас хватит! — взорвался Теллоу, не сдержавшись.

Глаза Гларта широко распахнулись и с удивлением уставились на аббата. Священник понял, что, сам того не желая, говорил чересчур строго. Раздосадованный, он покачал головой. После длительного периода воздержания эти слишком живые описания начали оказывать на него странное влияние. Он не сомневался, что его снова ждет ночь, полная экзотических снов и похотливых желаний.

Но самое печальное состоит в том, что я жду их с вождением... — подумал он устало.

В нижнем ящике стола у аббата была припрятана бутылка вина для причастия. Произведенный Глартом напиток был крепким и терпким. С трудом поборов искушение, Теллоу заставил себя вернуться к реальности.

— Тебе нужно отбыть в Чи Кентику, — сказал он. — Ясно, что события, которые произойдут, будут связаны с теми древними захоронениями. Не знаю, что ты сможешь сделать, но предлагаю, чтобы вместе с тобой отправились в путь несколько наших более опытных братьев, на тот случай, если...

— Нет! — категорически возразил послушник.

Не привыкший к тому, чтобы его безапелляционно перебивали, аббат смерил его вопросительным взглядом.

— Эта женщина — ключевая фигура, — продолжил молодой монах, — и она находится в Кумасе. Я должен идти туда. И должен идти один.

Минут десять аббат старался убедить послушника изменить решение. Но, несмотря на уговоры, угрозы, предупреждения и мольбы, упрямец оставался непреклонен.

В конце концов аббат сдался. Об этом своевольном парне он знал наверняка только то, что все его предсказания имели неприятное свойство сбываться.

— Если эти пророчества лгут, то нам нечего бояться, — предположил он вслух. — Если они говорят правду, тогда ты единственный человек, кто может предотвратить ужасные события. Поэтому мы все должны тебе довериться. Если по каким-то причинам, каких ты сам не понимаешь, ты чувствуешь, что должен идти один, мне ничего не остается, как согласиться с этим.

Гларт кивнул, но ничего не сказал. Этого было вполне достаточно. Что он мог сказать? Что хорошо понимает, почему хочет идти один?..

Гларт был уверен в том, что, если бы он проболтался аббату, что единственной причиной, по которой ему хочется идти одному, является желание получить максимум удовольствий от вседой экскурсии по внешнему миру, то Теллоу наверняка собственноручно обвязал бы его веригами и дал в сопровождение усиленный отряд наиболее аскетичных братьев, презирующих мирские утехы. Тогда у Гларта не было бы надежды на веселое времяпрепровождение, а у Среднемирья — на добрые времена...

ГЛАВА 3

Дверь распахнулась, и Макоби влетела в обеденный зал трактира, как разъяренная маленькая фурия.

Трактирщик, застигнутый врасплох, вздрогнул и виновато вытащил руку из-под платья своей толстомясой подружки. Неловко переминаясь с ноги на ногу, он стоял перед Макоби, которая свирепо сверлила его взглядом.

— Что-то не так? — пробормотал он.

— Да. Моя комната! Она меня не устраивает!

Хозяин изумленно захлопал глазами. Он был привычен ко многому, и постояльцы, которые сквернословили, орали, дрались, блевали и лапали его прислугу, не вызывали у него удивления. Но еще никто ни разу не осмеливался ему жаловаться прямо в лицо, да еще с таким великолепным произношением.

— Чиво случилось-то? — спросил он.

— Во-первых, кровать. Я хочу, чтобы кровать была кроватью, а не бревном с матрасом, набитым сеном. Во-вторых, камин. Я желаю, чтобы там горел нормальный огонь, а не тлели несколько жалких прутиков, по сравнению с которыми свечка — это жаркая топка. Еще мне нужен удобный стул, вино и еда.

Макоби замолчала. Боковым зрением она заметила, как мерзкий призрак из ее спальни медленно просочился сквозь стену над головой чучела медведя.

— А чего я не хочу, так это его. Он меня уже достал, — добавила она, указав драматическим жестом на призрак.

Трактирщик и толстая тетка проследили взглядом за ее рукой.

— Это голова чучела вас достала? — спросил хозяин.

— Нет. Вот он.

Макоби укоризненно ткнула пальцем в призрак Дариана, вившийся со смущенным видом под потолком.

— Стена? Вас беспокоит стена? Вы чиво, хотите, чтобы я ее убрал? А на чем будут держаться полы второго этажа?

— Да при чем здесь стена?! — заорала Макоби. — Я говорю об этом призраке! Неужели вы его не видите?

Но не успели эти обличительные слова сорваться с ее языка, как по озадаченным лицам она поняла, что ее собеседники ничего не видели. Ни трактирщик, ни тетка-барменша не имели ни малейшего представления, о чем она говорит.

— Хорошо-хорошо, — заговорил хозяин миролюбиво. Таким тоном обычно обращаются к психам, от которых неизвестно чего можно ожидать в следующую минуту. — Ах, призрак! Хорошо! Вы только не волнуйтесь. Шас я его прогоню. Иде он? Здесь, да? — добавил он с надеждой, указывая на место в шести футах правее призрака Дариана, перекочевавшего теперь в угол помещения.

— Забудьте! Я лучше поищу другую таверну.

Макоби твердым шагом пересекла зал и скрылась за дверью. Хозяин, убедившись, что она ушла, облегченно вздохнул и запер за ней дверь на засов.

— Мы откроемся через полчаса, — шепнул он своей даме. — У нас есть немножко времени. Мы по-быстрому. Иди сюда!..

Толстуха расплылась в улыбке и начала расстегивать одежду.

С высоты своего положения призрак Дариана наблюдал за последовавшей сценой со всевозрастающим любопытством.

Наверное, не так уж плохо быть привидением, подумал он. Эти двое вряд ли стали бы заниматься тем, чем занимаются, если бы знали о моем присутствии. Особенно в этом месте. Ой! Что это она собирается делать? Только не это!..

Внезапно его потянуло в сторону и к двери.

О нет!.. — подумал призрак Дариана. Ну не сейчас же, когда стало так интересно!..

Но он совершенно ничего не мог поделывать. Его снова против воли куда-то потащили, и он растворился в толще стены, оставив трактирщика и его подружку в одиночестве, хотя о присутствии призрака они и не подозревали.

Двадцать минут спустя Макоби уже расположилась в номере первого этажа другого трактира под названием «Чудаковатый двор».

Сидя на несколько более удобном стуле, чем было в предыдущем месте ее пребывания, она вынула амулет брата, чтобы получше рассмотреть его. Вещица каким-то образом могла изменять форму по желанию владельца и теперь имела вид камеи из слоновой кости. Не успела Макоби углубиться в изучение амулета, как увидела, что сквозь запертую дощатую дверь протискивается с виноватым видом уже знакомый ей призрак.

— Снова ты! — процедила она сквозь стиснутые зубы и, сунув амулет в карман, огляделась по сторонам в надежде найти что-нибудь тяжелое.

— Нет, пожалуйста! — услышала Макоби приглушенный голос призрака, доносившийся словно из-под земли.

Просьба опоздала. Свежий горшок со свистом пронесся сквозь его газообразную голову и ударился о дверь.

Призрак страдальчески сморщился.

— Я не нарочно. Честное слово! Я ничего не могу с этим поделывать! Меня просто... тянет за тобой.

Макоби бросила на него сердитый взгляд. Она не переставала размышлять по поводу странности слов Мардена, его исчезновения и оставшегося после него таинственного украшения. Не хватало только, чтобы ее преследовал, гоня из одной паршивой таверны в другую, какой-то мерзкий фантом.

— Отлично, — сказала Макоби. — Можешь оставаться здесь. Мне нужно подумать, но я не могу сосредоточиться, когда ты постоянно вылезает из стены. Я пошла! А ты не смей меня преследовать!

С этими словами девушка выскочила из комнаты, хлопнув дверь. Дух Дариана остался парить в воздухе. Ему тоже было трудно сосредоточиться. Сомнения и мысли роились в его голове клубами редкого неосязаемого тумана и были практически неуловимы. Он потихоньку привыкал к этому типу существования после смерти...

С точки зрения призрака реальный мир теперь представлялся ему сном. Стены и двери были для него проницаемы, как вода, а твердые предметы — как газовые облака, которые невозможно схватить. Впрочем, призрак обнаружил, что при определенном напряжении воли он все же мог ими манипулировать. Люди, кроме Макоби, его, похоже, не видели. Но вот животные, особенно собаки и лошади, чужали его присутствие.

Но самой большой странностью для фантома была эта до боли знакомая вещица, которую Макоби небрежно сунула в карман. Призрак Дариана отчетливо видел ее сквозь ткань платья. Амулет горел огнем и был, вероятно, самым ярким предметом в том подлунном мире, где он теперь обитал. Но почему вещица казалась ему такой знакомой? Дариан рылся в памяти, но она отказывалась подчиняться.

Тут все та же неведомая сила снова бесцеремонно потащила его к стене. Надо сказать, что призраку это уже порядком надоело.

О черт! — подумал он. Опять то же самое.

Призрак отчаянно сопротивлялся, желая остаться там, где находился. Он попытался ухватиться за столбик кровати, но прозрачные пальцы прошли сквозь дерево, как сквозь воздух. И в следующую минуту, грязно ругаясь, он растворился в стене.

Решив проветриться и заодно сбежать от противного видения, которое начало действовать ей на нервы, Макоби вышла из гостиницы и побрела вдоль Оспенной улицы, которая вывела ее на старый рынок.

Это было самое беспокойное место в городе, но девушка чувствовала себя здесь в относительной безопасности. Если

Марден говорил правду и ей действительно грозит беда, то никому не придет в голову искать ее здесь. Простое платье было надежной защитой. В этом одеянии прохожие не узнавали в ней дочь правителя города.

Макоби шла вдоль рядов, уставленных прилавками с пряностями, фруктами, дешевыми побрякушками, стеклянными украшениями и тканями. Густой специфический запах щекотал ей ноздри, но даже он не мог заглушить богатство аромата жарившихся кофейных зерен, который шел из крошечного павильончика в самом конце переулка.

Макоби примостилась за одним из столиков у входа в павильон. В томительном ожидании прошло несколько минут, прежде чем владелец кофейни обратил на девушку внимание и она смогла заказать маленькую чашечку крепкого, горького на вкус китальянского кофе и пару байкладок — миниатюрных сладких пирожных. Потом девушка откинулась на спинку стула и погрузилась в раздумья.

Какого лешего носится она по всему городу из одной вшивой таверны, кишашей привидениями, в другую, где призраки тоже имеются, когда могла бы вернуться к себе во дворец и получить беспрепятственный доступ в самые роскошные апартаменты? Что она делает здесь, в этой поганой кофейне, когда могла бы сидеть в обеденном зале дворца в окружении предупредительных слуг? Да, приходится признать, что она явно поступила несколько опрометчиво, когда приняла слишком близко к сердцу глупые страхи брата...

Попивая кофе, Макоби продолжала размышлять над создавшимся положением, и в ее душу закрались смутные сомнения. Что случилось с телом Мардена? Почему амулет оказался на груди у другого человека? Отчего и почему произошло вторжение орков? Оно совсем не походило на привычные налеты неорганизованных отрядов разболтанной оркской армии... И почему, выиграв сражение (как потом сказали ей солдаты, с которыми она беседовала), орки внезапно отступили?

О боги! Как жаль, что Марден держал в секрете свои страхи! Для него это было нехарактерно. Обычно брат рассказывал ей обо всем. Что помешало ему быть откровенным на этот раз? Вероятно, он подозревал кого-то из близкого окружения, кого-то, кого не хотел называть, пока не был всецело уверен в его вине. Кто бы это мог быть?

— Макоби! — услышала она громкий голос рядом с собой.

Подпрыгнув на месте от неожиданности, девушка чуть не сбила красно-белый полосатый зонт, затенявший столик. Ее рука непроизвольно выхватила кинжал. Еще секунда — и Макоби рванулась бы в ближайший переулок, но тут она узнала высокую мускулистую фигуру мужчины, шагавшего навстречу к ней с распростертыми объятиями.

— Сараккан!..

Облегченно вздохнув, она убрала клинок в ножны и бросилась к своему возлюбленному. Сияя от радости, Сараккан крепко прижал девушку к груди. По его радостно-смущенному виду было очевидно, что такое проявление чувств со стороны Макоби обрадовало его.

— Что это вдруг на тебя нашло? — спросил он и, отодвинув принцессу на расстояние вытянутой руки, посмотрел на нее изучающим взглядом. — Где тебя носило последние два дня? Я тут с ума сходил от беспокойства! Искал тебя повсюду. Обшарил тут все углы, абсолютно все!

Его глаза светились радостью, но когда первая волна эмоций от встречи схлынула, Макоби заметила, что Сараккан нервничает и чем-то озабочен. Казалось, он хотел что-то сказать.

— Если ты это насчет Мардсна, то я уже знаю.

Ее слова вызвали у Сараккана удивление.

— Что ты слышала? — спросил он.

— Слышала? Ничего. Но сердце мне подсказывает, что он мертв.

— Это так. Говорят, видели, как он пал в бою, — с печалью в голосе сказал Сараккан. — Правда, его тела не нашли. Однако я хотел сообщить тебе не эту новость...

Он покачал головой и отвел взгляд в сторону, потом провел рукой по коротко стриженным каштановым волосам.

— Нет, дело в твоём отце, — начал Сараккан медленно, избегая смотреть девушке в лицо. — Он решил, что... Не так-то легко сказать тебе это, Макоби.

Сараккан взял ее руки в свои и посмотрел прямо в глаза девушки. Выражение его лица вдруг стало серьезным. Макоби и без этого видела, что, несмотря на непринужденную улыбку, с которой он ее встретил, Сараккан был чем-то глубоко встревожен.

— Нашими силами, сражавшимися вчера с орками, командовал Миал из Минас Лантана, — продолжил он. — Он возвратился назад как герой, во главе победоносной армии. Твой отец сказал, что это идеальный момент, чтобы объявить о вашей с Миалом свадьбе... Ай!

Сараккан вскрикнул от неожиданности. Макоби непроизвольно сжала его руку так сильно, что острые ногти впились ему в ладонь.

— Нет! — закричала она. — Как мог он сказать такое? Я же говорила, что не выйду замуж за этого... за эту холодную мерзкую жабу!

Сараккан грустно улыбнулся и нежно погладил ее мягкие волосы.

— Любимая, — сказал он, — я не думаю, что твой отец согласится с этим. Он тоже считает, что Марден погиб и что теперь ты его наследница. Регент хочет этим браком объединить два города. Еще твой отец сказал, что, если тебя не будет, чтобы принять предложение Миала, он сам даст ответ вместо тебя. Регент намерен официально объявить о брачном соглашении завтра вечером на банкете в честь Миала... Сомневаюсь, что его можно будет переубедить.

— Я не выйду замуж за этого человека, пока у меня есть ты. Я не могу тебя так обидеть!..

— Макоби, ты не должна принимать меня в расчет, когда речь идет о государственных делах! Я никто! Если наш

город выиграет от вашего союза с Миалом, я должен уйти в сторону.

— Но я не хочу выходить за него замуж! — закричала Макоби. — Пожалуйста, Сараккан, помоги мне!

Ее вопль, полный отчаяния, заставил Сараккана тяжело вздохнуть.

— Послушай, — Макоби взяла юношу за руку и потянула к столику, за которым сидела до встречи с ним, — что-то случилось. Марден предупредил меня об опасности. Он был убежден, что против нас зреет какой-то заговор.

— Я знаю.

— Ты тоже? — удивилась Макоби.

Сараккан кивнул.

— Неделю назад он сказал мне, что кто-то хочет его убить. И тебя, кстати, тоже. Сначала я не поверил ему. Но эта мысль не покидала меня. Есть многое, что наводит на размышления...

Он замолк и уставился на крышку стола. Макоби изучала его лицо. У Сараккана был усталый и измученный вид. Плотное сжатый рот, мешки под покрасневшими глазами, неровное дыхание и нездоровый цвет лица свидетельствовали о тяжелой душевной борьбе, которая явно происходила в нем и днем, и ночью. Кожа была грязной от пыли, а лоб пересекала глубокая царапина.

— Вчерашний бой... — продолжал он тоном человека, углубившегося в воспоминания, — все шло не так. Орков было слишком много, мы чувствовали, что они превосходят нас по численности. Тогда Миал начал принимать странные решения.

Я находился на правом фланге, с полковником Де Венчасом и его кавалерией. Он был заместителем главнокомандующего. По мнению Де Венчасы, Миал отдавал неверные приказы, из-за которых мы едва не проиграли сражение. Он даже подумал, не заколдовали ли Миала.

Холодные мурашки пробежали по спине Макоби, и внутри у нее все опустилось. Она знала, что Миал был превосход-

ным командиром, выигравшим не одну битву. Неужели злые чары коснулись и его? Что за клатт творился вокруг?

Внезапно неясные сомнения, не дававшие ей покоя, сложились в единое целое, и ум Макоби судорожно принялся искать объяснение происходящему. Охваченная возбуждением, она стиснула руку Сараккана, и солдат снова поморщился от боли. Только сейчас Макоби заметила на тыльной стороне его ладони еще один свежий порез.

— Ты ранен?

— Это только царапина. Послушай, нам нужно вернуться во дворец. Если ты все же намерена ответить отказом, то должна поставить отца в известность об этом до того, как он объявит о твоём замужестве. И ты должна увидеть Миала и сама сказать ему об этом. Он — человек условностей. Нам не нужна война с Минас Лантаном, развязанная из-за того, что сын правителя посчитал себя оскорбленным.

— Нет, я пока не могу вернуться... Мне нужно время, чтобы подумать.

— Но у нас нет времени, — начал Сараккан. — Твой отец обещал дать ответ Минасу сегодня после обеда. Нужно принимать решение. Миал ожидает...

— Послушай! — перебила его Макоби. — Марден когда-нибудь показывал тебе вот это?

С этими словами она сунула руку в карман и вытащила амулет. При этом боковым зрением девушка уловила какое-то движение и едва не задохнулась от охватившего ее гнева. У стены кофейни маячил все тот же досадный призрак. Вжавшись в стену, он старательно делал вид, что его тут напрочь нету.

— Что ты шляешься за мной как тень? — завопила Макоби в ярости.

Сараккан вытаращил на нее в изумлении глаза и некоторое время не мог произнести от обиды ни слова.

— Я не могу сосредоточиться, когда за мной ходят по пятам, — добавила она уже спокойнее. — Господи, как бы я хотела быть отсюда подальше!..

В то же мгновение Макоби оказалась посередине обширного капустного поля. Вокруг не было ни души, если не считать нескольких застигнутых врасплох гусениц. Городской шум сюда не доносился, было только слышно пение птиц и далекое мычание домашней скотины.

— Ну вот, — раздался голос, — все и утряслось.

Она перевела взгляд на руки и увидела, что держит в руке амулет. Теперь он имел форму усмехающегося свиного рыла, отлитого из олова, с горящими, как рубины, глазами.

— Так это был ты, не так ли? — сказала она укоризненно. — Я позволила обвести себя вокруг пальца какой-то дешевой побрякушке!

— Дешевой? Что ты имеешь в виду, говоря «дешевой»? — сердито спросил амулет. — Я только выполняю твои приказы, — добавил он обиженно. — Я отчетливо слышал, как ты сказала: «Хочу быть отсюда подальше». Ты и получила, о чем просила.

Амулет замолк.

— Кое-кто был бы благодарен, — произнес он страдальческим тоном после томительной паузы.

Макоби хотела было швырнуть побрякушку в кучу навоза, сваленного на краю поля, но любопытство взяло верх, и она передумала.

— Так как мы сюда попали? С помощью волшебства?

— Я не вправе говорить, — сказал амулет почему-то довольно жеманно. — И не думаю, что нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы догадаться. Тут даже твоих куриных мозгов хватит, чтобы сообразить. Так что, полагаю, можешь смело считать, что с помощью волшебства. Точнее говоря, с помощью чар Перемещения. А теперь, если не возражаешь, я бы хотел отдохнуть.

Макоби взглянула на небо, а потом по сторонам. Хотя солнце клонилось к закату и начинало темнеть, она узнала место, в котором оказалась. Однажды жарким днем, а случилось это прошлым летом, она останавливалась здесь на пикник. До Кумаса было миль пять.

По крайней мере Макоби была одна и могла наконец подумать без помех.

Но в следующее мгновение, издав слабый вздох замученного донельзя человека, рядом с ней объявился дух Дариана. После секундного замешательства Макоби взорвалась. Если на свете существовали какие-то бранные слова, которые призрак забыл и хотел бы вспомнить, то он, несомненно, попал в нужное место и в нужное время.

ГЛАВА 4

Детектив Трасса, сколько себя помнил, всю жизнь мечтал внести свою лепту в борьбу с преступностью.

В то время как малышня на многолюдных улицах Минас Оргуна, где он жил, играла в оркских бандитов, нападавших на города и грабивших удачливых искателей сокровищ, Трасса носился за ними с возмущенными воплями и пытался всех арестовать. Это не укрепляло чувство любви к нему со стороны других детей и собственных родителей, которым приходилось потом отмывать кровь с его одежды. Но Трасса не перживал. Он знал, что воюет за правое дело.

Происшествие, случившееся в тот день, когда ему стукнуло восемь лет, превратило просто призвание во всепоглощающую страсть. Родители повели Трассу в местную таверну, чтобы отпраздновать знаменательное событие. Когда они вернулись домой, то обнаружили, что в их маленький домик с террасой проникли воры и вынесли все скромные пожитки, включая подарки, преподнесенные юному имениннику. С этого момента мальчик решил посвятить свою жизнь преследованию и наказанию преступников. Так начался его личный крестовый поход.

В день окончания школы Трасса вступил в городское подразделение национального отряда спецназа Минас Оргуна, исполнявшее функцию городской полиции. Сокращенное название отряда, НОС, породило лозунг: «Держи НОС выше — и завоюешь мир». Молодой человек искренне верил, что принадлежит к числу честных людей, чьим долгом является охрана правопорядка. Трасса наивно полагал, что можно одержать победу над преступностью, переловив и упрятав за решетку всех правонарушителей.

К своему великому разочарованию, он вскоре обнаружил, что его коллеги имеют несколько иной взгляд на эту же проблему. Не утруждая себя поиском действительных преступников, они хватали первого встречного, признавали его виновным, несмотря на отсутствие доказательств, и бросали несчастного в тюрьму. Если мест в исправительных учреждениях не находилось, то беднягу, ничтоже сумняшеся, предавали казни. Это не совсем справедливо, но Трасса был вынужден признать, что подобный метод быстр, дешёв и высокоэффективен — в плане процента раскрываемости преступлений.

Однако он продолжал придерживаться своих принципов. Прослужив восемь лет рядовым полицейским, он перешёл в отдел серьёзных преступлений. Спустя ещё два года он снискал славу детектива, работающего больше головой, чем ногами. В отличие от своих сослуживцев он добивался результатов не многочасовыми допросами и избиением подозреваемых, а силой интеллекта.

Трасса очень гордился репутацией детектива, отказавшегося пользоваться рекомендациями учебника, в то время как настольной книгой основной массы его коллег было пособие Рогаша Колосажателя «Классическая техника проведения пыток».

Но не все полицейские жаловали этот учебник. Некоторые, преимущественно офицеры-женщины, отдавали предпочтение исследованиям Колина Зловещего пыток для женщин, обстоятельно описанных в «Дочерях боли». А вот Толстяк Планкет, ветеран отдела, однажды отозвал Трассу в сторону и предложил два массивных фолианта научного труда Велбуга «Анатомия человека, карлика и эльфа». Толстяк рекомендовал их как исключительно действенное средство получения признаний, если между ними поместить и прихлопнуть самую уязвимую часть мужского достоинства. Он назвал свой метод безболезненным убеждением.

— Безболезненное? — переспросил наивный Трасса. — Наверняка это очень больно.

— Если только не успеешь вовремя убрать палец, — прозвучало в ответ.

Постепенно у Трассы развилась стойкая неприязнь к тем безобразиям, что творились у них в отделе. Видя, что возможностей для приложения его таланта нет, Трасса понял простую вещь: если он не хочет стать таким же жестоким, как его коллеги, то лучше перевестись в другое место.

Не слишком долго думая, он подал заявление о переводе в город Кумас.

Служба в городском подразделении национальных городских десантников, бесспорно, обладала рядом недостатков. Призыв вступить в местный отряд звучал для новичков малопривлекательно. Но город имел устоявшуюся репутацию чистого места, где среди чиновников местной администрации преобладали честные люди, и Трасса полагал, что лучшего места для торжества справедливости в отдельно взятом райотделе не придумать. Он был уверен, что офицер, одаренный талантом отслеживать настоящих нарушителей закона, найдет там достойное применение своим способностям.

К сожалению, репутация города соответствовала действительности, и на протяжении первых четырех лет службы Трассе довелось участвовать в расследовании лишь трех убийств. Но так как в каждом случае убийцы сдавались сами в течение нескольких часов после совершения преступления и полностью признавали вину на суде, нужды напрягать извилины у Трассы не было, и он изнывал от желания применить свой недюжинный интеллект в борьбе с каким-нибудь гигантом криминальной мысли. Желая поразмять свой ум, детектив уже начал подумывать, не совершить ли преступление самому, когда ему представился случай проявить свои способности.

Как-то после обеда Трасса сидел у себя в кабинете и был занят чрезвычайно важным делом: выдергивал из ноздрей волосы, упрямо вылезавшие наружу. Мысль детектива работала напряженно. Почему, удивлялся он, поросль в носу делается все гуще, в то время как шевелюра на голове становится все реже?..

Вдруг дверь распахнулась, и в комнату ввалился его помощник сержант Раси. В самом его появлении ничего необычного не было. У них так мало было работы, что у сержанта образовалась привычка проводить обеденный перерыв в «Сапоге и мошне» — пабе, расположенном по соседству. Обычно назад он возвращался часа в три, производил по пути много шума, падал на пол позади своего стола и спал пару часов как убитый.

Трасса посмотрел на него снизу вверх. Раси стоял перед ним с перекошенным багровым лицом и беззвучно разевал рот, словно хотел что-то сказать, но не мог. Но и в этом не было ничего необычного. Последнее время он пристрастился к ратбанскому пиву, известному своей крепостью и злополучными побочными эффектами. После нескольких пинт он начисто утрачивал дар речи.

Потеряв к напарнику интерес, Трасса снова вернулся к изучению растительности в своем носу. В ту минуту его больше волновал вопрос, почему, когда вырываешь эти противные волоски, из глаз текут обильные слезы. Но предаться любимому занятию он не успел, так как Раси, похоже, нашел слова, которые так судорожно искал.

— Инспектор, у нас есть дело! У армейских барачников на площади Ниро! Шеф приказал прибыть туда немедленно!

— Правда? — Трасса лениво окинул взглядом потрепанного помощника.

Снова нажрался, подумал он. Но не могу его винить. Я и сам не прочь побаловаться пивком, но это не отражается на моей работе. Этому паршивцу подошло бы больше работать звонарем где-нибудь в готическом кафедральном соборе. Он так же годится для службы в полиции, как тролль для балета...

— И что у них за спешка сегодня? — спросил он. — У кого-то из генералов styрили карандаш, как в прошлый раз? Или что-то поважнее, вроде того дельца, что нам пришлось решать два месяца назад? Новое Дело о Пропавшем Стульчаке?

Раси так сильно затряс головой, что поднял вокруг себя легкое облачко перхоти.

— Нет, сэр. На этот раз все гораздо серьезнее. Убит один из командиров конного отряда. Говорят, вокруг все залито кровью!

Трасса от неожиданности едва не выпал из кресла. Убийство?!

Детектива охватило лихорадочное возбуждение. Наконец-то! Теперь у него будет возможность показать, на что он способен. Но на смену волнению тут же пришла природная осторожность. Не следует радоваться прежде времени. Сначала он поедет на место происшествия и посмотрит на все собственными глазами. В армии всегда все преувеличивают. Военным выгодно, чтобы все думали, что окружены врагами. Это дает им шанс чувствовать себя полезными, делает их существование осмысленным. Очень может быть, что произошло самоубийство, несчастный случай или кто-то устроил розыгрыш. Но тогда, возможно...

— Хорошо, Раси, — скомандовал он, вскакивая на ноги. — Срочно иду к шефу. Поддай лошадей к подъезду... Нам лучше двигать туда, не мешкая, пока эти вояки не затоптали все важные улики. Кто-нибудь на место преступления уже выехал?

— Констебль уголовной полиции Кратаван, сэр.

— Кратаван? Хорошо, этот парень знает, что делать. Надеюсь, что он сумеет держать ситуацию под контролем. Что ж, поехали.

Когда Трасса и Раси прибыли в казармы, расположение воинской части со снующими взад-вперед армейскими офицерами напоминало растревоженный муравейник. Перед ними толпа расступилась, уважительно пропуская полицейских вперед.

Их встретил старый полковник. Выглядел он очень озадаченным и озабоченным. Вместе с ним детективы поднялись по лестнице на второй этаж, оказавшись в коридоре, обшитом дубовыми панелями. Коридор охранялся двумя дюжими полицейскими.

— Кратаван еще здесь? — поинтересовался Трасса.

— Да, сэр, — ответил один из них. — Последняя дверь направо. Полицейский патомакер тоже только что появился.

— Отлично! — обрадовался Трасса. — Мне больше ничего и не надо. Кого они прислали?

— Мадам Мин, сэр.

Трасса тяжело вздохнул и пошел прямо по коридору, сокрушенно качая головой.

Сам он поклонником магии не был, так как не владел ею, и для установления причин и времени смерти потерпевшего предпочитал пользоваться надежными научными методами, а не оккультной ерундистикой, практикуемой мадам Мин и ей подобными.

— Держите ее от меня подальше, сержант, хорошо? — попросил он напарника.

Шагавший рядом Раси нерешительно кивнул. Он относился к магии и волшебству с благоговейным трепетом обычного человека и цинизма Трассы не разделял.

Подойдя к последней двери, детектив толкнул ее и остолбенел.

В воздухе стоял густой приторно-сладкий запах крови. Кровь была повсюду: на дорогом столе из ценных пород дерева в центре комнаты, на лежавших на нем бумагах, на толстом шерстяном ковре на полу, на шикарном гобелене, украшавшем стену за столом. Кровь заляпала даже потолок. Но больше всего ее оказалось на форме кавалерийского офицера, в которую был одет труп, расположившийся на стуле перед столом.

Внезапно побелевший сержант Раси издал звук, характерный для человека, которого тошнит.

— Только не здесь, сержант! — строго приказал Трасса, и его напарник опрометью бросился вон из комнаты.

А Трасса принялся внимательно изучать место происшествия. В центре комнаты возвышалась закутанная в черное массивная фигура мадам Мин, которая совершала какой-то магический ритуал. На бумагах возле вытянутой левой руки трупа стояла зажженная свеча. Рядом со свечой в тигельке из черного камня курились благовония, испускавшие едкий за-

пах, от которого у Трассы зашекотало в носу и захотелось чихнуть.

Мин тем временем произносила невнятные заклинания и производила правой рукой странные колющие движения. Рядом, прислонившись к стене, стоял Кратаван и, улыбаясь во весь рот, читал экземпляр «Кумасской газеты».

— Радостно видеть, что вы находите это смешным, — невольно вырвалось у Трассы.

Кратаван вытянулся в струнку и виновато заморгал.

— Прошу прощения, инспектор, — пробормотал он. — Но я не смеялся. Вы видели это?

Он протянул Трассе газету. Тот бегло просмотрел страницу. Газета была открыта на колонке криминальных новостей, которую вел Колин Зловещий. Писатель, строгоющий детективы, он был родом из Орк Форда, но сейчас проживал в Кумасе.

«Детектив Кратаван берет троих!» — гласил заголовок передовицы.

Не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы сообразить, почему улыбался сыщик. Любой бы на его месте расплылся в улыбке, увидев свою фамилию напечатанной крупными буквами в связи с удачным арестом трех фальшивомонетчиков.

— Интересно, что бы он сказал об этом деле? — позволил себе высказаться Кратаван, и Трасса ухмыльнулся.

Колин Зловещий никогда не упускал случая выступить с критикой в адрес полиции, стоило ей замешкаться с раскрытием того или иного преступления.

— Так что мы имеем? — спросил он и бросил взгляд на тело.

Кратаван свернул газету и принялся перечислять собранные факты, загибая пальцы.

— Первое: этот жмурик был при жизни кавалерийским офицером, звали его Де Венчас. Он участвовал во вчерашнем разгроме орков. Был заместителем командующего. Второе: кто-то огрел его по макушке деревянным шаром для боулинга, а потом так зверски полоснул по горлу, что едва не отхватил голову. Рана проходит до...

— Ладно, хорошо. Не нужно подробностей! — Трасса с отвращением посмотрел на труп.

— Третье. У него, похоже, не было врагов. Разве что орки. А так его все любили.

— Видно, не все...

— И четвертое: трое из его подчиненных видели Де Венса сегодня в девять утра живым и невредимым. Потом его никто не видел до часа дня, когда денщик принес ему обед, — закончил он.

Трасса обратил внимание на рвотные массы возле двери.

— Я ничуть не удивлен, что его вывернуло наизнанку. Меня тоже чуть не вывернуло.

С этими словами он бросил косой взгляд на мадам Мин, продолжавшую бормотать заклинания. Ее камлание как будто подходило к концу.

«Ладно, посмотрим, что нам выдаст эта старая перечница...» — решил он.

— Итак, чем вы нас обрадуете, мадам Мин? — спросил Трасса вслух. — Можно ли уже сказать что-либо об оружии убийства?

Сморщенная патомакерша задула свечу и принялась деловито укладывать атрибуты колдовства в большой черный сак-воляж.

— Суть ясна, — бросила она через плечо. — Духи сообщили, что оружие было тонким и очень острым.

«В отличие от тебя», — невольно подумал Трасса.

— Так, значит, он не бананом перерезал жертве глотку? — ядовито спросил он.

— Нет. Кинжалом. И к тому же очень старым.

— Вот как? Насколько старым?

— Не могу сказать точно...

— Вы никогда ничего не можете, Мин.

— ...но могу предположить, что ему около семи сотен лет.

«Ага, так у вас все-таки есть что-то общее с оружием преступления», — прокомментировал про себя детектив.

Кратаван за его спиной изумленно присвистнул.

Мадам Мин, упаковав свое добро, тяжелой поступью направилась было к двери, но вдруг остановилась и смерила инспектора недобрым взглядом.

— Что-то еще? — спросил он холодно.

— Да! — проскрипела мадам. — Духи только что сообщили, что он снова совершит убийство. Люди будут гибнуть один за другим. Кровь потечет рекой. Живая плоть будет рваться на куски... Что-что, не поняла?

Она замолчала, нахмурилась, словно пыталась расслышать какой-то невнятный шепот. В следующую секунду ее лоб разгладили.

— Ах, черт! — воскликнула мадам Мин. — К тому времени, как я доберусь до дома, мой обед сгорит начисто!..

С этими словами она исчезла за дверью.

Несколько минут спустя в комнату тихо вошел сержант Раси. У него был несчастный вид, и он старался не смотреть на залитый кровью труп. Трассе стало его жалко.

— Раси, вали отсюда, пока тебя не приняли по ошибке за труп и не закопали, — приказал он. — Поговори с Кратаваном, а потом возвращайся в отделение и доложи шефу обо всем, что мы тут нарыли.

— Хорошо, сэр.

Сержант развернулся и зашагал к двери. Кратаван последовал за ним. Мгновение спустя голова напарника просунулась в дверь.

— Сэр?..

— В чем дело, сержант?

— Что мне сказать шефу о вас, сэр? Чем вы занимаетесь?

— Скажи, что я собираю улики.

Раси кивнул и снова исчез. Трасса облегченно вздохнул. Интересно, подумал он, есть ли в Среднемирье другой инспектор сыскной полиции, которому повезло бы так на сержанта, как ему. По сравнению со скоростью мыслительных процессов напарника улитка перемещалась просто молниеносно.

Трасса снова устремил задумчивый взгляд на мертвое тело и подошел к столу поближе.

Итак, это и есть — то бишь был — знаменитый полковник Де Венчас... Высокий мужчина могучего телосложения с черными вьющимися волосами. Волосы длинные, как это модно среди кавалеристов. Полковник имел репутацию лучшего боевого командира в Кумасе.

Трасса присел рядом на корточки и подобрал лежавший на полу увесистый шар для боулинга. По всей вероятности, он принадлежал пострадавшему, так как второй такой же шар находился в мешке у стены.

Трасса некоторое время рассматривал гладкую поверхность дерева, а затем поднес его к голове полковника. На затылочной области черепа имелась вмятина, полностью совпадавшая с размерами шара. Кратаван оказался прав! Кто-то ударил его сначала тяжелым шаром по голове, а потом перерезал горло.

Аккуратно положив деревянную сферу назад в мешок, инспектор встал и наклонился над столом, чтобы понять, что за бумаги устилают его. Но это было почти невозможно. На столе поверх бумаг лежала голова полковника, и все вокруг было залито кровью. Трасса не рискнул прикоснуться к труп. Зияющая рана была так велика, что он боялся, как бы голова не осталась у него в руках.

Тут у вытянутой правой руки Де Венчас он заметил листок, лишь слегка запачканный кровью. Присмотревшись, Трасса увидел чистый четырехугольник, который мог остаться после того, как убрали другой лист бумаги, лежавший сверху.

Слабый кровавый след на чистом поле говорил о том, что лежавший сверху листок взяли, когда кровь на нем была еще совсем свежей. Этот факт его заинтересовал. Лист, вероятно, взяли непосредственно после убийства. И сделал это не кто иной, как преступник.

Трасса подошел к столу с другой стороны и изучил положение руки полковника, затем взял из чернильницы перо, вытер его о волосы жертвы и поднес к глазам. Эврика!.. Даже кончик пера был в крови. Значит, кто-то опустил его в чернильницу уже после убийства. Сделать это могли с единствен-

ной целью — скрыть тот факт, что в момент смерти Де Венчас писал. Это, в свою очередь, свидетельствовало о том, что убийца хотел сохранить написанное в тайне.

Трасса отошел к двери и попытался представить картину происшествия. Де Венчас, должно быть, знал своего убийцу, потому что положение стола не позволяло приблизиться к нему незаметно. Он писал что-то, что могло бы навести на след преступника. Убийца застал свою жертву врасплох, потому что следов борьбы не было. Следовательно, это был некто, кого он знал и кому доверял.

Трасса, довольный собой, улыбнулся. На столе стояла мраморная шкатулка с дорогими сигарами полковника, скрученными вручную. Детектив позволил себе взять одну из них. Прикурив, он выпустил в сторону безжизненного тела кавалериста струйку ароматного дыма и улыбнулся во второй раз.

Картина как будто вырисовывалась. Трасса нутром чувствовал, что это дело его прославит, и уже представлял свое имя, набранное крупным шрифтом, на первой странице «Ку-масской газеты».

Как это ни странно, но предчувствия его не обманули.

ГЛАВА 5

Как только массивные деревянные ворота монастырских стен закрылись, Гларт, с трудом поборов искушение оглянуться, устремил взгляд вперед, на лежавшую перед ним дорогу.

Впервые за семнадцать лет он покинул место своего заточения, и душа его ликovala. Гларту хотелось петь и плясать от радости, но он не мог себе этого позволить, так как боялся, что со сторожевой башни за ним наблюдают. Теперь в предвкушении нескольких бесценных недель свободы ему меньше всего хотелось, чтобы приспешники аббата Теллоу пустились за ним в погоню и снова водворили на место, надежно заперев в замкнутом пространстве аббатства.

Гларт отогнал от себя грустные мысли и сосредоточился на пыльной дороге, вившейся между полей и садов и уходившей на запад, в сторону невысоких гор Кухбадора.

Все его чувства, казалось, обострились. Утреннее солнце ласково грело спину. В многоголосом хоре птиц Гларт различал голоса каждой из них. Он вдыхал и не мог надышаться сладким ароматом диких цветов, росших вдоль обочины дороги. Гларту было так хорошо, что хотелось смеяться. Наконец-то! Он был свободен и мог познакомиться с окружающим миром. То, что это продлится недолго, его не смущало.

Нельзя сказать, что затворнический образ жизни не нравился Гларту. Напротив, он был всем доволен, потому что не знал другого. Он просто жаждал новых ощущений и нового опыта, всего того, чего не доставало в монастырских стенах.

Теперь весь мир раскинулся перед Глартом как на ладони, и голова шла кругом от нежданно свалившегося счастья.

Если повезет, то, может статься, он приобретет опыт общения с женщинами!

По сравнению с другими послушниками Гларт относился к противоположному полу с равным интересом. Благодаря своим видениям он по крайней мере знал, как женщины выглядят, так что их существование не было для него загадкой. Но визит двух монашенок из ордена Сестер Вечного Возбуждения несколько лет назад, оставшихся на ночь в комнате для гостей, и его не оставил равнодушным.

Аббат Теллоу принял все меры предосторожности, чтобы дамы не попали на глаза послушникам, но Гларт дежурил на воротах в тот день, когда они прибыли. Во взглядах женщин из-под полуопущенных ресниц, в их полных губах, в легкой походке было что-то такое, что задело его за живое и пробудило настоящее желание.

Однако девушки — потом. Пока что Гларт наслаждался тем, что просто шел по дороге, не обремененный обычными обязанностями, и радовался жизни.

Вскоре дорога пошла в гору, и пейзаж несколько изменился. Поля уступили место виноградникам. Солнце стояло теперь высоко, и Гларту захотелось пить. Он остановился, достал припасенную бутылку с водой и, сделав несколько глотков, обернулся назад, окинув взглядом пройденный путь.

К востоку, насколько хватал глаз, раскинулась равнина. Только у самой кромки горизонта темнели едва различимые силуэты Тиллурских гор. Хотя монастырь находился гораздо ближе этих гор, он больше не был виден. При мысли, что теперь его никто не остановит, душа Гларта воспарила в небо беспечным весенним жаворонком. Он был по-настоящему свободен!

Его лицо расплылось в широкой улыбке. Гларт присел на валун и вытащил сверток с едой, решив посмотреть, что ему там собрали в дорогу.

Он обнаружил небольшую краюшку хлеба, кусок сыра и яблоко. Этого едва могло хватить на один раз, но седриканцы принадлежали к нищенствующему ордену, так что это Гларта

не испугало. Отныне ему предстояло самому заботиться о своем пропитании и ночлеге. Все это Гларт мог получить в обмен за практические экзерсисы в гадании, колдовстве и магии.

С собой он нес свои седриканские пожитки, врученные ему на торжественной церемонии самим аббатом. Они включали бутылку воды, подстилку для сна и маленький кожаный свиток, содержащий *Minitiae Carmenorum*, где были записаны заклинания и молитвы, которыми он имел право пользоваться.

Жадно проглотив еду, Гларт снова поднялся на ноги и вдохнул полной грудью пьянящий воздух свободы. Солнце светило все так же, но по едва уловимым признакам он понял, что погода вскоре переменится к худшему.

«Вечером будет дождь, — подумал он. — Мне нужно подыскать себе подходящий ночлег».

Бросив прощальный взгляд в сторону монастыря, Гларт возобновил свой путь на запад.

К вечеру он был уже далеко. Дорога тянулась извилистой лентой по холмам и долинам, среди виноградников и оливковых рощ, порой пересекала редкие лесные участки. Хотя земля вокруг была ухоженной и возделанной, Гларт до сих пор не встретил ни одной живой души, с кем можно было бы переброситься словечком, ни одной жилой хижины или дома, где можно было бы попросить воды и передохнуть.

Порядком уставший путник едва переставлял сбитые ноги. Перспектива провести холодную ночь под открытым небом заставила Гларта неуютно поежиться. Когда солнце начало клониться к западу, а на горизонте собрались темные грозовые тучи, спрятавшие его прежде времени, Гларт наконец набрел на человеческое жилье.

Подъем в гору имел в длину не менее мили. Вскоре дорога сузилась и юркнула в ущелье между двумя темными, низко нависшими утесами. Почва вокруг была болотистой, со скудной растительностью, представленной преимущественно неприязательным вереском.

Через некоторое время тропа оборвалась, открыв перед путником плавный спуск вниз и широкие просторы западной Кухбадорской равнины. Перевал остался позади. Сгустившиеся сумерки не позволяли окинуть равнину взглядом, но Гларт мог видеть, что дорога ведет к группе строений, образовавших небольшое поселение, до которого оставалось идти мили две. Облегченно вздохнув, монах устремился к долгожданному ночлегу.

Когда Гларт вошел в деревню, уже почти совсем стемнело. Начинал накрапывать дождь. Тяжелые крупные капли предвещали приближение настоящего ливня. Гларт брел между двумя рядами каменных домов однообразного желто-коричневого цвета. Маленькие окна, забранные ставнями, и кособокие дощатые двери были плотно заперты на ночь.

Дальше деревенская улица вела, петляя, к изогнутому каменному мостику, переброшенному через ручей, на другой стороне которого примостился большой постоялый двор с соломенной крышей.

Со всех сторон к нему стыдливо прильнули полуразрушенные домишки, похожие на робких ребятишек, цепенящихся за материнскую юбку. Окна гостеприимно светились теплым светом. Над дверьми харчевни висела вывеска, изображавшая, как монаху показалось, пару массивных шаров для боулинга в гессенском мешке. Однако, прочитав название постоялого двора — «Яйца тролля», — Гларт понял, что немного ошибся.

При виде близкой цели он ускорил шаг, насколько позволяли уставшие члены. Поднявшись на крыльцо, Гларт перевел дух. Ему предстоял первый контакт с людьми из внешнего мира, и вполне естественно, что он волновался.

Сжав крепче свои пожитки, Гларт приказал себе сохранять спокойствие.

Это самая обыкновенная харчевня, думал он. Нужно просто войти и пообщаться с завсегдатаями. Что тут особенного? Представь, что это такие же послушники, как и ты, только что вернувшиеся в монастырь после дальних странствий. Толь-

ко не позволяй им тебя задевать. Не забывай, что ты седриканец, монах ордена магов. Аббат Теллоу сказал, что большинство людей трепещут перед нами, так что бояться нечего. Главное, держаться уверенно!

Позитивное мышление помогло преодолеть нерешительность. Гларт развернул плечи, распрямил спину и, толкнув дверь, уверенной походкой вошел в харчевню. Но картина, представшая его глазам, заставила Гларта остановиться как вкопанного. Он до такой степени опешил, что его челюсть отвисла чуть ли не до пола, а собранное с большим трудом мужество мгновенно куда-то испарилось.

Гларт стоял в дверях, ошарашенно пялясь по сторонам, наверное, не меньше минуты. Потом сделал глубокий вдох и нетвердым шагом направился к барной стойке. Что же могло повергнуть монаха в такое замешательство? Не завсегдатаи. По правде говоря, их оказалось всего двое — эльф и пещерный тролль. Они сидели в углу и тихо выпивали. И не хозяйка заведения, возившаяся за стойкой. И не сама таверна. Гларта ошеломило ее убранство.

Подобно многим постоянным дворам и харчевням Среднемирья, данный, с позволения сказать, интерьер соответствовал тематике названия.

Постоялый двор назывался «Яйца тролля». Можно догадаться, что художественные вариации на заданную тему спокойствием и сдержанностью не отличались. Бедный Гларт не знал, куда девать глаза. Чего только не вытворяли нарисованные на стенах фигурки, Седрик святой!..

У Гларта порозовели щеки, хотя он старательно отводил глаза от смущавших его картинок. Повсюду на стенах висели в рамках эстампики с изображением парочек в разнообразных костюмах и позах. Но когда его взгляд упал на ряды полук, сплошь уставленных статуэтками, к тому же нагло обращенными в его сторону, лицо Гларта из порозовевшего стало пунцовым.

Чего там только не было! Орки с невероятных габаритов достоинствами, эльфы в состоянии возбуждения, божки

сверхприапического вида... На этом дело не заканчивалось. Богатая коллекция всевозможных кожаных, металлических и деревянных приспособлений и механизмов для фантазийной любви украшала стены и свешивалась с почерневших от копоти потолочных балок. Гларт был готов провалиться под землю от стыда при мысли о том, как все это добро можно было бы использовать.

Опустив глаза, он приблизился к стойке бара и положил руки на прохладное дерево. Тут его взгляд встретился со взглядом хозяйки, и Гларт ощутил новый прилив жара к и без того багровым щекам. Он бы не удивился, если бы в эту минуту из его ушей со свистом начал вырываться пар.

Гларта смутила не столько ее томная улыбка, глубокие зеленые глаза или низкое декольте, щедро открывавшее пышные округлости, сколько то, как она ласкала один из пивных кранов, который с шокирующей правдивостью воспроизводил форму огромного фаллоса. Остальные краны тоже были выполнены в аналогичной манере. Целый ряд из десяти или более торчащих кранов.

Картина напомнила Гларту другую сцену, когда однажды в душе он описывал послушникам одно из своих видений.

— Здравствуйтесь, брат! — Хозяйка поприветствовала монаха таким ласковым голосом, что у него уши едва не растаяли. — Итак, о чем мы мечтаем?

Гларт оторвал взгляд от ее руки и уставился в пространство над головой женщины, но в следующую минуту пожалел об этом. Прямо перед ним на стене висела полка с гипсовыми изваяниями членов в состоянии эрекции.

— Вижу, вам нравится моя коллекция, — прошелестела хозяйка.

Гларт так громко сглотнул слюну, невесть откуда собравшуюся во рту, что мог поклясться, что слышал, как задрожали оконные стекла. Хозяйка обворожительно улыбнулась и издала звук, похожий на мурлыканье кошки, пригравшейся на солнышке.

— Вы, похоже, разгорячились, — заметила она. — Не желаете ли освежиться бокалом свежего лимонного сока?

Хозяйка опустила руку под прилавок, а потом, наклонившись вперед, протянула ему. Гларт увидел, что она держит большой лимон.

— Не хотите ли, чтобы я... выжала его для вас? — спросила она.

В голове у Гларта слегка помутилось.

— Похоже, что вы справитесь и с... твердым, — продолжала она. — Хотите попробовать... что-нибудь покрепче?

Комната поплыла перед глазами, и Гларту показалось, что он не может дышать. Потом все встало на свои места. Конечно! Он просто столкнулся с тем, что аббат Теллоу называл «*innuendo*», инсинуацией, и это являлось нормой ежедневного общения. В голове у монаха прояснилось, и комната обрела обычный вид. Приступ страха прошел. Он знал, что делать.

Уверенно улыбнувшись, он посмотрел хозяйке прямо в глаза.

— Чем крепче, тем лучше, — сказал он и после короткой паузы добавил: — Мне, пожалуйста, большой.

Хозяйка ответила улыбкой. Похоже, она проверяла Гларта на прочность, и он выдержал тест.

— Думаю, что бутылка эля будет вам, брат, в самый раз, — сказала она самым обыденным тоном.

— Отлично, — ответил Гларт с некоторым сомнением в голосе. — Боюсь только, что... дело в том, что я седриканец, и у меня нет денег...

— О, не волнуйтесь. Нас уже посещали братья вашего магического ордена. Вы можете есть и пить вдосталь, а потом у меня найдется для вас кое-какая работенка. Поможете нам своей магией?

Гларт кивнул. Пока события развивались так, как ему говорили. Никаких неожиданностей во внешнем мире он не встретил. У него отлегло от сердца: значит, система работала. Ему ничего другого не оставалось, как надеяться, что с работой он справится и его знания магии хватит.

Гларт слышал, что в харчевнях и на постоянных дворах просили всегда о простых вещах — сделать, к примеру, чтобы местное пиво стало отменного качества. Заклинания такого рода относятся к первому уровню сложности и под силу даже новичку.

Как только хозяйка взялась за непристойный кран, чтобы налить эля, Гларт отвел взгляд, не желая смотреть. Чтобы занять себя чем-то, он уткнулся в меню, стоявшее на стойке бара. К своему удивлению Гларт обнаружил, что это список цен на коктейли. Он пробежал столбцы слов глазами и пожалел об этом. Некоторые названия напитков были еще более вызывающими, чем выставка откровенных статуэток на полках.

О боги! — подумал он. Конечно, карлики на это не способны. А если даже и способны, то кому бы пришло в голову назвать подобным именем коктейль?..

Барменша поставила перед ним пиво.

— Пожалуйста! — И после некоторой паузы добавила: — На кухне на огне варится куриная похлебка. Сейчас я принесу вам немного. Боюсь, сегодня у нас здесь слишком тихо в смысле компании и пообщаться не с кем. Но я уверена, что те двое не будут возражать, если вы к ним присоединитесь.

Гларт повернул голову в сторону эльфа и пещерного тролля. Они, очевидно, выпили уже изрядно, так как их стол был уставлен пустыми стаканами.

— Может быть, позже, — сказал он. — Сейчас мне нужно немного отдохнуть и собраться с мыслями.

Гларт взял пиво и пошел к столику у очага. Удобно устроившись, он уставился на пляшущие языки пламени и погрузился в раздумья по поводу своей миссии. Несмотря на решимость получить от своего похода максимум и досыта насладиться свободной жизнью, Гларт в душе был честным и преданным делу человеком. Он уже поклялся себе, что из кожи вон вылезет, но задачу свою выполнит. Вся беда была в том, что Гларт до сих пор не знал, что конкретно от него требуется.

Как юноша понял со слов аббата, на него возлагалась миссия остановить действие пробудившихся к жизни злых чар какого-то давно почившего в бозе колдуна, грозивших миру страшными бедствиями. Кроме этого, у Гларта было видение прекрасной девушки, которой, по его твердому убеждению, предстояло сыграть ключевую роль. После продолжительных размышлений и попытки рассмотреть вопрос под новым углом Гларт пришел к неизбежному решению.

Должно быть, я свихнулся, подумал он.

Когда хозяйка заведения принесла ему еду, они немножко поболтали. За разговором Гларт выяснил, что звали трактирщицу Малендой. Поскольку других посетителей в зале не было, Гларт, взяв вторую бутылку пива, некоторое время спустя поднялся и перешел за столик к эльфу и пещерному троллю. Как он и предполагал, они были в стельку пьяными, но его появлению в их компании как будто обрадовались.

Эльф по имени Безногий был стройным жилистым парнем с характерной для эльфов приятной наружностью, заостренными ушами и кремневым взглядом зеленых глаз, которые никак не хотели фокусироваться.

Пещерного тролля звали Угман. Он оказался совсем не похожим на своих собратьев. Гларт был наслышан, что тролли отличались невиданной свирепостью и неумейной силой и предпочитали сначала пускать в ход кулаки, а потом задавать вопросы. Вероятно, этому они учились у своих воспитателей в детском саду. Но Угман был настоящей киской. Несмотря на приличный рост — почти семь футов — и могучее телосложение, он был очень добрым и мягким. Угман быстро сообщал и имел достаточно развитый интеллект, в то время как большинство его соплеменников не могли без головной боли сосчитать до десяти.

Хотя языки у эльфа с троллем здорово заплетались, разговор получился увлекательным, несмотря на то что велся вокруг одной и той же темы. Гларт выяснил, что парни были студентами Кумасского университета. Угман только что гостил у своих родных в подземельях Теллурских гор, а Безногий

составлял ему компанию. Теперь они возвращались в Кумас, чтобы продолжить учебу. После еще нескольких бутылок пива собутыльники предложили Гларту продолжить путешествие вместе с ними. Потом компания снова заказала пиво, после чего его новые друзья потребовали, чтобы Гларт присоединился на завтра к ним. Высосав еще пару литров пива, монах согласился.

Стрелки часов приближались к полуночи, когда он нетвердым шагом поднялся на второй этаж в отведенную ему комнату. Гларт ополоснул лицо водой и собирался лечь в постель, но вдруг услышал легкий стук в дверь. Удивившись, кому бы это он мог понадобиться в такой поздний час, монах открыл дверь.

На пороге стояла Маленда, хозяйка таверны. Она тихонько прошмыгнула в комнату. В руках у нее был поднос, накрытый белым полотенцем.

— Вы любезно согласились оказать мне кое-какие услуги, — напомнила она.

— А, ну да, конечно, — кивнул Гларт. — Но что я должен...

Однако он не договорил, потому что Маленда сняла с подноса полотенце, и он увидел, что под ним скрывается миска с водой, банка ароматического массажного масла, два бокала игристого вина и блюдо с неким составом, подозрительно похожим на только что разведенный гипс.

Маленда села на кровать и уставилась на монаха немигающим взглядом. На ней была только одна белая сорочка, едва прикрывавшая бедра. В теплом свете свечи ее кожа отливала перламутром, а в зеленых глазах танцевали лукавые огоньки.

— Я хочу добавить вас к своей коллекции, — произнесла она.

Гларт пытался собраться с мыслями, но в голове у него все смешалось. Он пожирал хозяйку жадным взглядом, напоминая голодного хоббита, перед которым поставили тарелку с кремовыми пирожными. В свои двадцать лет он еще ни разу не прикасался к женщине, и все происходящее казалось ему

сном наяву. Но седриканские монахи должны жить, соблюдая обет целомудрия...

Не забывай, что ты всего лишь послушник, промелькнуло у него в мозгу, и ты еще не давал никаких клятв...

И снова Гларт вспомнил слова аббата Теллоу. Мысли обрели кристальную чистоту и ясность. На него возложены определенные обязательства, и он должен их выполнять, нравится ему это или нет.

У седриканских монахов имелся свод правил, которым они должны были безоговорочно подчиняться. Из курса обучения Гларт знал, что во внешнем мире, получив еду, питье и ночлег, он связывал себя обязательствами отплатить своему благодетелю тем, чем может.

Я пил ее пиво, ел ее еду, думал он. Я должен сделать то, что она просит. Тем более что от этого, как я полагаю, не умирают...

— Хорошо, — сказал он, расплываясь в улыбке, хотя его душа ушла в пятки.

Лицо Маленды озарилось радостью.

— Хороший мальчик, — похвалила она его и спустила бретельки сорочки. Легкая ткань послушно соскользнула с загорелых плеч.

Покидая «Яйца тролля» следующим утром, троица путешественников была тише воды ниже травы. У каждого из них имелись собственные основания для этого.

Безногий так сильно страдал от похмелья, что дал зарок никогда больше не употреблять горячительных напитков.

Угман из чувства солидарности присоединился к клятве приятеля и уже горько жалел об этом.

Что касается Гларта, то он всл себя сдержанно — в первую очередь, из уважения к грустному настроению попутчиков, еще потому, что ему нужно было заранее обдумать, что он будет делать по прибытии в Кумас, но главным образом Гларт боялся, что если раскроет рот, то либо запоем, либо

будет беспричинно хихикать. Жизнь представлялась ему прекрасной и удивительной.

Идти оказалось легко, так как дорога не петляла и ландшафт был ровным. По обе стороны от дороги тянулись ухоженные плодородные поля. День стоял солнечный, теплый, но не жаркий. После вчерашнего дождя воздух был упоительно свеж и насыщен восхитительными ароматами трав. Постепенно настроение путников улучшилось, как и самочувствие Безногого. Они зашагали веселее.

Хотя в течение дня они останавливались, чтобы пообщаться с другими странниками или местными жителями, к вечеру до Кумаса оставалось полпути. Гларту не терпелось найти укромную таверну с симпатичной хозяйкой, но его новые приятели объяснили, что постель и завтрак обычно не включают маленькие дополнительные услуги, которые так понравились ему предыдущей ночью. Поскольку вечер был теплым и дождя не предвиделось, путешественники решили ночевать под открытым небом. Обескураженный Гларт был вынужден согласиться.

Вскоре они заметили вблизи от дороги уютную лошину, защищенную со всех сторон порослью. Лучшего места для ночлега было трудно придумать. Безногий развел костер, на котором Угман сварил яйца, полученные в подарок от благодарного фермера, которому монах вылечил магией охромевшую лошадь. Яйца они заели хлебом, которым булочник отблагодарил Гларта за то, что тот изгнал крыс, кишмя кишевших в его маленькой пекарне.

После того как они подкрепились, монах развязал бурдюк с вином. Вино дала Маленда в награду за интересные забавы прошедшей ночи. Безногий не стал отказываться от угощения, решив, что напиток пойдет ему на пользу и излечит от последних остатков похмелья. Угман последовал его примеру, обосновав свой поступок тем, что хочет подбодрить друга.

Они сидели вокруг костра, передавали из рук в руки бурдюк, наслаждались вином и рассказывали друг другу всякие

небылицы. Над ними на черном бархате неба перемигивались звезды...

Перед мысленным взором Гларта возник монастырь и другие послушники. В это время суток они должны находиться в продуваемой всеми ветрами трапезной и есть свою немудреную пищу, а после вечера разойтись по кельям, где их ждали одинокие жесткие постели. При мысли о том, что в будущем ему предстоит вернуться в монастырские стены, Гларта охватил леденящий ужас.

Некоторое время спустя Гларт поднялся и отошел от костра, чтобы справить малую нужду. Когда он вернулся, то обнаружил, что Безногий и Угман курят по очереди толстую самокрутку. Гларт впервые закурил прошлой ночью, и ему это понравилось, поэтому, когда спутники предложили ему затянуться, он с удовольствием принял угощение.

— Это и правда классное дерьмо, парсень, — заверил его Безногий.

Заявление эльфа насторожило и удивило Гларта. Он не подозревал, что сигареты делают из такой мерзости, но, затянувшись, признался, что вкус гораздо лучше, чем он ожидал. Наслаждаясь курением, он старался не думать о столь низком происхождении сигарет.

В ту ночь Гларт спал беспокойным сном, и тело от жесткой постели к утру занемело. Во сне его посетило видение. Оно было ярким и реалистичным. Гларт снова увидел женщину с длинными темными волосами, а заодно и себя самого.

Их встреча произошла в маленькой таверне Кумаса. Название таверны он прочел на вывеске над дверью — «Вайверн». Женщина была чем-то обеспокоена и напугана. Потом, к своему смущению, Гларт увидел ее в постели в объятиях какого-то мужчины. В его облике было что-то знакомое, но окончательно Гларт узнал человека только тогда, когда мужчина во сне повернулся. Монах понял, что это был он сам.

Потом перед глазами Гларта прошло нечто, что заставило его проснуться и вернуло к действительности. Он рывком сел

и, обливаясь от страха потом, всмотрелся в темноту. Сон сняло как рукой.

Гларт постарался воспроизвести в памяти только что увиденные события. На этот раз ставшая уже знакомой женщина красовалась в кожаном костюме для верховой езды. Она попала под дождь и была мокрой с головы до ног. Каким-то образом он знал, что должно было состояться ее бракосочетание. Женщина вошла в церковь, чтобы встретиться со своим будущим мужем. Счастливая и красивая, она была одна. Гларт видел лицо человека, прятавшегося в тени церкви. Этот человек караулил женщину, чтобы убить ее.

ГЛАВА 6

Макоби сидела за столиком таверны под названием «Чудаковатый двор», прихлебывая из кружки напиток, который называли здесь кофе, хотя на самом деле он скорее походил на варево из дохлой кошки, и преспиралась с призраком Дариана и амулетом.

Ситуация была, мягко говоря, странной. Никогда прежде Макоби не чувствовала себя в таком нелепом положении. К несчастью, несмотря на утро, в харчевне было многолюдно, а привидения, кроме нее, никто не видел. В результате со стороны казалось, что девушка ведет жаркий спор с оловянной вещницей в виде свиного рыла. Она уже попала в поле зрения посетителей, нарочито громко возмущавшихся, почему это по городу разгуливают сумасшедшие женщины, и никто за ними не присматривает.

Макоби поднялась бы к себе в номер, но за последние двадцать четыре часа у нее во рту и маковой росинки не было, поэтому она твердо решила, что без завтрака не тронется с места. Откладывать разговор на потом девушка тоже не хотела, потому что у нее возникло слишком много вопросов. Макоби не терпелось получить на них ответы, и она боялась, что ее необычные собеседники могут с минуты на минуту бесследно исчезнуть.

Вопросы хлынули лавиной накануне вечером, когда она сидела в сгущавшихся сумерках на капустном поле вдали от людской суеты. Ругая призрака — который побелел как полотно — последними словами, Макоби наконец исчерпала свой словарный запас и надолго замолчала.

Дариан надулся и парил по соседству жалкой тенью, в то время как амулет, воспользовавшись паузой, заснул и смачно засопел. Не в силах подавить свой гнев, Макоби выместила его на двух несчастных гусеницах, припечатав их на месте первым попавшимся под руку камнем.

Неблаговидный поступок тут же заставил девушку раскаяться, в результате чего она еще больше рассердилась. Уставившись в землю, она дала себе клятву, что тот, кто устроил все это, жестоко поплатится.

Когда она наконец подняла глаза, то увидела, что дух виновато вьется рядом и выглядит так, словно вот-вот расплывается.

— Я правда очень сожалею. Честное слово, — лепетал он, — но я ведь ничего не могу с этим поделать. Меня тянет за тобой какая-то необъяснимая сила!

Тут Макоби осенила мысль, показавшаяся ей логичной.

— Пойдем со мной, — приказала она духу.

Положив храпящий амулет на капустный лист, девушка спокойно пошла прочь. Призрак нехотя поплелся за ней. Однако ярдов через десять он вдруг остановился.

— Я застрял! — пожаловался он печально.

— Вот оно! — вскричала Макоби и захлопала в ладоши. — Ты не ко мне привязан, а к этому дурацкому амулету!

Несколько секунд она колебалась, не будет ли лучше уйти, предоставив призраку и этой таинственной безделушке довольствоваться компанией друг друга, но потом передумала. Ее новые знакомцы, похоже, тесным образом были связаны с происходящими событиями, и Макоби хотела вывести, что они знают.

Она вернулась к амулету, подняла его и бесцеремонно потрясла, чтобы разбудить. После негодующего словоизвержения он признал, что может снова произнести заклинание Перемещения. Не успела девушка моргнуть глазом, как оказалась у себя в комнате в «Чудаковом дворе». Еле живая от усталости, Макоби рухнула на кровать.

Спала она беспокойно, часто просыпаясь. Сны о счастливых днях детства с Марденом перемежались кошмарами, населенными неведомыми монстрами.

Проснувшись — внезапно, — Макоби почувствовала себя готовой к бою (почти что) и голодной. Организм требовал пищи для желудка и ума. Спустившись в таверну, девушка заказала кофе и приступила к допросу амулета.

В ответ на первый вопрос (кто ты такой, гнусная штука-вина?) она услышала многословный поток, который никак не могла остановить. Единственное, что Макоби поняла из странного объяснения, что вещица явно наслаждалась звуком собственного голоса.

Амулет доложил, что по химическому составу он состоит на семьдесят девять целых и четыре десятых процента из олова, на девятнадцать целых и шесть десятых процента — из свинца, ноля целых и девяти десятых — из противоречий, а остальное приходится на ряд других элементов. Затем амулет приступил к короткому сообщению на тему атомной теории (что бы это могло значить?). Но с Макоби услышанного было довольно.

— Заткнись, — попросила она.

Свиное рыло насупилось. Было видно, что амулет уязвлен.

— Я только отвечал на...

— Заткнись! Идет хозяин!

Амулет обиженно замолчал. Макоби торопливо надела цепочку на шею и опустила в вырез безрукавки, после чего спокойно устала на приближавшегося хозяина харчевни. Тот был мал ростом, худощав и сухопар. Его безобразную шершавую кожу покрывали бородавки. Гладкие жирные волосы и клыковидные зубы хозяина указывали на родственную связь с орками. Макоби подумала, что могла бы сказать, где и как он с ними породнился.

Хозяин прошел сквозь призрак Дариана, вызвав у последнего состояние, близкое к шоковому, и остановился у столика Макоби. От зловонного дыхания, каким можно было бы заколачивать гвозди в стену, принцесса поморщилась.

— Барменша сказала, что вы заказали завтрак, — рявкнул он.

— Именно так, — подтвердила Макоби. — Если можно, я бы хотела омлет с лососем и черемшой. Но не переборщите с перцем. Немного слегка поджаренного пшеничного хлеба с маслом. И, если можно, маленькую баночку абрикосового джема.

Хозяин смерил ее взглядом и снисходительно приподнял бровь. У него был вид человека, у которого только что заказали бургер из единорога с яйцами грифона.

— Да, и, пожалуйста, принесите другой кофе, — продолжала Макоби. — Этот сорт напоминает по вкусу грязь.

— Конечно, — прозвучало в ответ. — Ее только сегодня утром смолотили.

И хозяин, довольный собственной шуткой, расхохотался. Пока он трясся от смеха, Макоби смотрела на него с отвращением.

— Очень смешно, — сказала она. — А теперь насчет моего завтрака...

— Послушайте, мисс, — перебил ее трактирщик. Слово «мисс» в его устах прозвучало для Макоби как оркское «зуд в заднице». — Мы и впрямь подаем здесь завтрак. Я сам его жарю. Без всяких там выкрутасов и дамских штучек. Получается дешево и сердито. Так будете брать или нет?

Макоби уже имела счастье видеть, что едят посетители на завтрак. Выбор был ограничен четырьмя блюдами: яичница на сале, стейк, жаренный на сале, стейк и яичница на сале и стейк и яичница, жаренные на сале и обильно политые топленым жиром сверху.

Ни один из этих деликатесов принцессу не привлекал.

— Хотелось бы мне, чтобы вы умели готовить что-нибудь приличное, — упрекнула она хозяина заведения.

В ту же секунду Макоби показалось, что она увидела слабую вспышку света, но все произошло так быстро, что она ничего не успела осознать. Одновременно глаза трактирщика цвета болотной жижи блеснули неясным внутренним огнем.

Последовала длинная пауза. Похоже, в голове мужчины происходили какие-то мыслительные процессы.

— Вот что я вам скажу, — наконец пробормотал он. — Я мог бы подать вам омлет и копченого лосося с парой свежеспеченных бриошей. Или, если вы передумали, могу предложить рыбное кеджери с мсльбой и тостами. Нет, не желаете? Так, значит, омлет?

С этими словами он исчез на кухне. Макоби проводила его изумленным взглядом, потом украдкой вынула амулет. Вещица имела весьма самодовольный вид.

— Но ведь это не ты, а? — строго спросила она.

— Отчего же? Плевое заклинание Просветления, — ответил амулет, стараясь держаться скромно. — Ничего особенного. Твое желание — для меня закон, как говорится. Ой!..

Вдруг амулет почему-то принял смущенный вид, если подобная характеристика применима к оловянному свиному рылу.

— Ага! — воскликнула Макоби, ловя его на слове. — Оказывается, ты можешь не только колдовать, но и обязан удовлетворять мои желания, так?

— Послушай, не стоит торопиться с заключениями только потому, что я ляпнул что-то, не подумавши...

— Хочу, чтобы ты сказал, обязан или нет исполнять мои желания.

— Вот зараза! — Амулет, пытаясь выкрутиться, пытался подобрать подходящие слова, но безрезультатно. После нескольких секунд замешательства он сдался. — Ладно! Да! Пока есть волшебная сила, я должен исполнять твои прихоти.

Макоби снова спрятала амулет под безрукавку и, откинувшись на спинку стула, задумалась. С такой силой принцесса еще не сталкивалась. Похоже, ее могущество не имело границ. Где, интересно, брат раскопал эту драгоценность?

Она перевела взгляд на тень Дариана, опустившуюся на соседний стул в попытке усесться. Но бедняга напрасно мучился, потому что всякий раз проваливался сквозь сиденье и, раздраженно выругавшись, поднимался вверх.

— Эй, привидение, — позвала она.

Призрак с беспокойством посмотрел на нее.

— Привидение, — отозвался он удивленным эхом. — Да, похоже, что теперь я привидение. Тяжко. — Он погрузился в раздумье. — Бездельник и тунеядец, — добавил он философски.

О боги! — подумала Макоби. Нужно поговорить о смерти и душах.

— Послушай... — Она не договорила, потому что не знала, как в светском обществе следовало обращаться к духу усопшего. — У тебя есть имя?

— Дариан.

— Послушай, Дариан... — Макоби снова замолчала. — Мой брат Марден знал одного Дариана. Он был, кажется, солдатом.

Призрак впился в нее взглядом.

— Господин Марден — ваш брат? — переспросил он. — Следовательно, вы — принцесса... о господи, что с моей памятью...

— Макоби, — подсказала она.

— Да-да, конечно, Макоби...

Призрак опять погрузился в раздумье. Он так увлекся мыслительным процессом, что забыл о стуле и не заметил, что снова проваливается.

— Господин Марден очень часто вспоминал ваше имя в тот последний вечер, моя госпожа, — промолвил он наконец. — Похоже, он очень переживал и непрестанно говорил о вас, когда давал мне этот амулет на сохранение.

Макоби окаменела.

— Какой амулет? — поинтересовалась она. — Как он выглядел?

— Трудно вспомнить... — Дариан взмахнул бесплотными руками, словно пытался рассеять туман, плотной пеленой окутавший его воспоминания. — Это была страшноватая металлическая штучка, изображавшая лицо орка...

Макоби извлекла амулет. Свиное рыло неприятно ухмылялось.

— Там так тепло и уютно, — прохрюкало оно, бросив многозначительный взгляд на вырез безрукавки девушки, — у тебя между...

— Заткнись! Хочу, чтобы ты снова стал таким, каким был, когда я тебя нашла.

— А нужно ли?

— Делай, что тебе велят.

Кулон с тоской вздохнул и расплылся в ее руке, превратившись в текучую темную массу. Ее очертания постоянно менялись, пока наконец не приняли форму безобразного сплющенного лица орка. Таким он был, когда Макоби его впервые увидела.

— Мой брат дал тебе это? — Она показала кулон призраку.

— Да, — кивнул дух Дариана. — Господин Марден попросил меня сохранить его. Но это не все. Мне кажется, он дал мне еще какое-то поручение. Но я никак не могу вспомнить...

Дариан снова окунулся в мир своих воспоминаний. Макоби снова опустила амулет за пазуху, но тут же опомнилась и рывком извлекла его наружу.

— Хочу, чтобы глаза у тебя были постоянно закрыты, пока ты там, — сказала она строго амулету. — Понятно?

Лицо орка нахмурилось.

— Подумаешь! — буркнул амулет неприязненно, когда девушка спрятала его на груди.

Еще долго слышала она недовольное ворчание, доносившееся из-под кожного платья.

Макоби перевела взгляд на призрак Дариана. Тот продолжал сражаться со своей непослушной памятью и был так поглощен борьбой, что забыл о проблемах со стулом и сидел сейчас на полу. Над сиденьем возвышалась только голова и плечи.

— И ты взял амулет, как просил Марден? — спросила она.

— Да.

— Должно быть, тяжело было видеть свое тело там, на поле боя?

Дух кивнул, и Макоби уставилась на него со смешанным чувством жалости и страха.

— Нас много погибло, — продолжал призрак, — но все остальные вознеслись. А я не смог. Вероятно, потому что эта штукавина держит меня здесь. Но я не знаю, как или почему это происходит.

— Давай спросим его, — предложила девушка.

Но в этот момент снова появился хозяин трактира, на этот раз с завтраком.

— Позже, — шепнула она призраку и повернулась к трактирщику с приветливой улыбкой.

Тот шел через зал с подносом в руках.

К удивлению принцессы, в шербатой деревянной тарелке, которую хозяин поставил перед ней на столе, дымились приличная порция аппетитного омлета с копченым лососем и перьями черемши, рядом в хлебнице лежала аккуратная горка поджаренного хлеба и стоял горшочек масла.

— Очень сожалению, но джема у нас нет, — извинился он. — Я позабочусь, чтобы к завтраму его раздобыли.

— Благодарю вас, — ответила Макоби, потрясенная вновь открытыми возможностями амулета.

Хозяин поклонился и ретировался. Несколько минут спустя к девушке подлетел услужливый половой с кофейником, полным свежесваренного кофе. Он ни в какое сравнение не шел с тем, который Макоби пила только что.

Наслаждаясь превосходной едой, Макоби продолжала обдумывать свое положение. С удовольствием выпив вторую чашку кофе, она снова обратилась к призраку.

— Пойдем, — сказала девушка, — поговорим у меня в комнате.

Направляясь к двери, ведущей на лестницу, Макоби боковым зрением заметила недоуменные взгляды нескольких посетителей, уставившихся на свои тарелки. У стойки бара два здоровенных солдата горестно жаловались трактирщику на слишком маленькие порции изысканно сервированного блюда из яиц, которое им подали.

Этот бедолага, думала она, усмехаясь про себя, хочет он того или нет, оглянуться не успеет, как завоюет потребительский рынок. Если только один из этих солдат прежде не покажет сму, где раки зимуют...

Поднявшись к себе, Макоби уселась на стул возле окна с видом на людную улицу. Вскоре в комнату сквозь стену просочился дух Дариана.

— Вы не поверите, что собираются делать в соседней спальне, — начал он вздохом. — Их там четверо: такой здоровяк и три девицы, они его...

Но тут он увидел лицо Макоби и понял, что продолжение рассказа будет серьезной ошибкой.

— Если ты закончил... — произнесла Макоби голосом, похожим на сухой треск ломаемого льда.

Возникла неловкая тишина.

— Ладно, — снова заговорила она и извлекла амулет наружу. — Думаю, пора бы нам выяснить, каким образом ты связан с этой мерзкой побрякушкой.

Но амулет не мог или не пожелал дать им исчерпывающего ответа. Единственное, чего от него сумели добиться, — это подтверждения, что Дариан связан с кулоном чарами Оков Души. Как Макоби с призраком ни старались, но голова орка так и не сообщила, кто совершил колдовство и как его снять.

— Послушай, — отчаянно запричитал амулет, когда Макоби пригрозила, что расплавит его и превратит в гвоздь, — я ничего не могу с этим поделать. Я такой же подневольный, как и ты. Как ты не можешь снести яйцо, так и я не могу нарушить закон, который управляет мною!

Затем наступила гнетущая тишина.

Макоби тоже сидела молча и задумчиво крутила амулет в руках. Будучи дочерью регента Кумаса, она имела много украшений, но никогда не слышала о таком могущественном и болтливом, как эта штуковина. И безобразном.

— Не мог бы ты превратиться во что-нибудь менее отталкивающее? — нарушила она тишину некоторое время спустя.

Амулет фыркнул.

— Милостивые небеса! — буркнул он. — Какие мы привередливые!

— Пожалуйста!

— Ладно. Что можете предложить?

— Что-нибудь более... скажем так, женское.

Амулет вздрогнул и начал менять форму. Когда процесс закончился, он предстал в виде изящного серсбряного единорога с крохотными изумрудными глазками.

— Довольна теперь? — поинтересовался единорог брюзгливо.

Макоби кивнула и посмотрела на призрак Дариана. Тому надоело слоняться без дела, и он, просунув голову в стену, наблюдал за тем, что происходило в соседней комнате.

— Дариан!.. — рявкнула принцесса.

Призрак испуганно подпрыгнул и втащил голову в комнату. Выглядел он виновато.

— Это несправедливо, — захныкал он. — При жизни я никогда не встречался сразу с тремя дамами... Я серьезно говорю, с тремя! Да это ненасытность какая-то!

— Заглохни, — приказала Макоби. — А теперь слушай. Ты сказал, что Марден дал тебе этот амулет на сохранение?

Дух кивнул.

— Но почему он выбрал именно тебя? Почему у себя его не оставил?

— Думаю, господин Марден знал, что за этой штукой кто-то охотится и что ему грозит опасность. Я не слишком хорошо его знал. Но он мне доверял. Никто не мог догадаться, что ваш брат отдаст амулет мне.

— Не можешь вспомнить, что еще он говорил тебе?

Призрак Дариана медленно покачал головой.

— Было еще что-то, но... я никак не могу вспомнить.

На ум Макоби пришли вопросы, поднятые Саракканом, и его сомнения относительно сражения.

— Хочу, чтобы ты сосредоточился на бое. Соберись, пожалуйста.

Призрак сразу стал очень серьезным. Подперев одной рукой подбородок, он всем своим видом показывал, что усиленно думает.

— Было ли что-нибудь странное?

— Орков оказалось слишком много. Нам сказали, что их всего несколько сотен, но на деле их насчитывалось в десятки раз больше. Они нас сильно теснили... Потом, когда я умер, наши, должно быть, получили подкрепление, иначе мы бы не победили. Враги превосходили нас силой... во много раз.

Голос привидения дрогнул, и черты призрачного лица исказились и затряслись. Макоби вдруг поняла, что дух плачет невидимыми слезами.

— Послушай, прости, — начала она, но дух только безмолвно махнул светящейся рукой.

— Не волнуйся, — успокоил он девушку. — Просто трудно свыкнуться с умиранием. Но я привыкну.

— Живи! — проворчал амулет.

Макоби строго зашипела на него и снова спрятала в вырез безрукавки.

— Главное — не падать духом, — сказала она духу и прикусила язык, но тот, похоже, не обратил внимания на невольный каламбур.

Макоби снова откинулась на спинку стула и помассировала виски. Вздыхнув, она уставилась в окно. На улице внизу было многолюдно.

Девушка совершенно не понимала, что происходит. Чем больше ответов она находила, тем больше возникало новых вопросов. Не был ли этот кулон причиной смерти Мардена? Но если брат умер, что случилось с его телом? Не он ли виноват в том, что дух Дариана не может обрести свободу?

И еще был целый ряд вопросов, поставленных Саракканом. Кто сказал, что армия орков насчитывала всего несколько сотен, когда на самом деле их было не меньше двух тысяч? Почему они вдруг напали? Почему полковник Де Венчас был недоволен действиями Миала? И почему, если верить воспо-

минаниям Дариана, орки отступили в тот момент, когда могли победить?..

Поразмыслив еще немного, Макоби пришла к выводу, что у нее есть два выхода. Во-первых, можно, отбросив страхи и сомнения, вернуться во дворец и попробовать докопаться до истины, используя вес своего авторитета, или затаиться и тихо проводить собственное расследование.

Раздираемая сомнениями Макоби вдруг поняла, что занимается полнейшей ерундой. Какого черта прячется она в этой вшивой, забытой богом харчевне? Неужели из-за того, что ее брата преследовали какие-то страхи, а потом он бесследно исчез? Какая опасность может грозить ей во дворце, в окружении стражи и друзей? К тому же ей нужно вернуться к отцу... он тяжело болен и, возможно, при смерти. Сараккан прав. Она должна вернуться домой!

Но в следующий момент, когда решение уже было принято, принцесса увидела за окном отряд солдат, пробиравшийся по улице. Время от времени вояки останавливались и о чем-то расспрашивали торговцев и прохожих. У них на головах были шлемы, украшенные красными значками Минас Лантана.

Узнать солдат не составило для Макоби труда. Они были из личной охраны Миала. Интересно, что это они делают в этой части города? Но вопрос отпал сам собой, когда девушка увидела, что один из лавочников указал на «Чудаковатый двор». Этого человека Макоби узнала. Он был одним из тех, кто смеялся в таверне, когда она заказала завтрак.

Командир отряда, благодарно кивнув ему, громко отдал солдатам приказ. Расталкивая толпу, они тотчас двинулись в сторону укрытия Макоби. Шестое чувство подсказывало принцессе, что предметом их вожделения был не превосходный завтрак вроде того, что ей подали в это утро в таверне, а нечто другое. Они явно искали кого-то, кто прятался. Кто мог это быть? Да она сама.

Принцесса испуганно отпрянула от окна, зажав ладонью рот, чтобы ненароком не вскрикнуть. Интересно, что сказал ее отцу Сараккан? Неужели ее уже обручили с Миалом про-

тив воли? Неужели Миал послал солдат, чтобы доставить непокорную невесту во дворец силой?

Тут Макоби вспомнила о сомнениях, одолевавших Саракана. Кто знает, может быть, Миал действительно находился под влиянием колдовских чар. Или, возможно, происходило нечто еще более таинственное и злое. А что, если и впрямь кто-то хочет навредить ей? И кто это может быть? И почему? Какие у него могут быть причины? Но думать об этом в данный момент у принцессы не было времени. Нужно было срочно решать, что делать.

Макоби быстро перебирала в уме варианты. Она может спрятаться — но если лавочник сказал солдатам, где девушка, то они перевернут все вверх дном и не отступятся, пока не найдут ее. Она может встретить стражников лицом к лицу и отказаться идти с ними. А что, если им приказано убить принцессу? Эти солдаты служат Миалу верой и правдой и без колебаний выполняют любой его приказ...

Надо бежать! Но она потеряла слишком много времени и если воспользуется лестницей, то ее увидят. Остается окно!..

Макоби вскочила на ноги и выглянула на улицу. Последний солдат скрылся за дверью таверны. Принцесса вцепилась в скользкую раму и попыталась ее приподнять, но чертова штукавина застряла и не поддавалась. Макоби выхватила из-под кровати горшок и собиралась уже высадить с его помощью стекло, как увидела более надежный путь к отступлению.

Выдернув амулет из-под кожи безрукавки, она гаркнула:

— Немедленно помоги мне скрыться!

— Куда? — спросил единорог.

— Куда угодно! Постой... в кабинет полковника Де Венчаса!

— Боюсь, я не могу сделать это.

Охваченная ужасом Макоби уставилась на упрямую вещицу недоуменным взглядом. Неужели это заговор? Неужели и амулет против нее?..

— Ну почему же нет? — взмолилась она.

— Потому что ты там никогда не была. Я могу доставить тебя в любое место, в каком ты бывала раньше. Для определе-

ния конечного пункта транспортировки я использую твои зрительные воспоминания.

В дверь тяжело забарабанили.

— Доставь меня к Сараккану!

— Прошу прощения, но и это я не могу выполнить.

— Хорошо, доставь меня на площадь Ниро, — прошипела она. — Живо, клатт твою за ухо!..

— Ну и выраженьице! — присвистнула подвеска.

Раздался оглушительный треск, дверь распахнулась, но уже было поздно.

Ослепленная внезапной вспышкой Макоби зажмурилась. Когда она снова открыла глаза, то обнаружила, что стоит возле вековой липы, одной из тех, что окружают огромную площадь, и все еще держит в руках ночную вазу. Девушка прислонилась спиной к прохладному стволу и облегченно вздохнула.

— Слишком коротко стрижешь! — упрекнула она амулет сквозь зубы, но он даже не удосужился ответить.

Не успела Макоби опомниться, как услышала звук, к которому уже начала привыкать.

Упс!

Рядом материализовался дух Дариана. Как всегда, его присутствия никто из людей не заметил, но небольшая свора бездомных собак, рывшихся в мусоре поблизости, подняла страшный вой, лай и визг.

Этот внезапный шум не мог не привлечь внимания, и со всех сторон на девушку устремились любопытные взгляды. Сама того не желая, она оказалась в центре внимания, в то время как мечтала быть как можно незаметнее.

— Давай двигать отсюда! — буркнула Макоби, забыв, что амулет и призрак будут неотступно следовать за ней.

— Куда мы идем? — спросило привидение.

— К военным казармам, — ответила она, пересекая площадь. — До меня дошли интересные слухи, что полковник Де Венчас остался не слишком доволен армейской тактикой во

время вчерашнего сражения. Хочу получить дополнительную информацию.

— Каким же образом?

— Конечно, может быть, это звучит глупо, но я бы хотела попробовать поговорить с самим полковником. Может, я чересчур оптимистична, но кто знает? А вдруг он поможет?

Дух Дариана задумался над ее словами.

— Вы что, издеваетесь? — спросил призрак обиженным тоном.

— Не говори ерунды! — ответила Макоби.

Они дошли до конца липовой аллеи. Впереди слева возвышалась высокая стена из песчаника, отделявшая казармы от внешнего мира. Макоби направилась к воротам.

Шагая по стертым булыжникам, она внезапно почувствовала, что за ней следят, и огляделась, но ничего подозрительного не заметила. На нее никто не обращал никакого внимания. Сказать по правде, на площади народу было негусто — старая цветочница и три пьяных забулдыги, споривших о чем-то заплетавшимися языками у поворота в переулок.

Принцесса встряхнула головой и приказала себе не поддаваться панике. Однако, войдя в ворота, Макоби застыла как вкопанная при виде странной картины. Здание казармы, стоявшее в глубине огороженной территории, отделял от площади широкий двор. Обычно там было полно солдат. Они занимались строевой подготовкой — маршировали, бегали, прыгали, отжимались, размахивали оружием, словом, тратили время на бессмысленную муштру, которую так обожают армейские командиры.

Но сегодня назвать двор многолюдным было бы сильным преувеличением. Главное здание со всех сторон было обнесено красно-белыми переносными барьерами. У одного из них толпилась небольшая группа офицеров. Бросая безнадежные взгляды на окна кабинетов, откуда их по неизвестной причине выдворили, они походили на растерянных цыплят, потерявших квочку. Персд дверь у главного входа

дежурили два рослых полицейских. Двое других охраняли временную ограду.

Макоби поняла, что ее план требует пересмотра. Вероятно, произошло что-то из ряда вон выходящее, раз высокопоставленные офицеры выставлены на улицу и слоняются без дела, как неприкаянные. Естественно, что охранник ни при каких условиях не впустит в здание неизвестную девчонку. Придется раскрывать инкогнито.

Из потайного кармана безрукавки принцесса достала кольцо с печаткой и, надев его на указательный палец, смело направилась через двор к барьеру.

Охрана посмотрела на нее сверху вниз с нескрываемым презрением. Такие взгляды полицейские обычно берегут для тех, кто не носит аналогичную форму или, еще хуже, принадлежит к противоположному полу.

— Мне нужно увидеть полковника Де Венчаса, — сообщила Макоби.

— Это вам не развлекательное шоу, дорогуша, — фыркнул один из стражников, тот, кто был покрупнее. — Шли бы вы лучше домой варить обед.

Макоби сладко ему улыбнулась и протянула руку с кольцом. В лучах утреннего солнца печатка блеснула золотым огнем. Едва взглянув на нее, полицейский стушевался. Он узнал выгравированный на кольце герб королевской семьи Кумаса.

— Дочь регента Кумаса обедов не варит, — сказала Макоби с королевским достоинством. — У нее большой штат поваров, кухарок и посудомоек, специально нанятых для этой цели. Еще у нее есть масса мальчиков на побегушках, чтобы выносить горшки и делать другую грязную работу. Среди них есть несколько бывших полицейских, разжалованных за серьезные ошибки, похожие на ту, которую вы сейчас совершаете...

Оба полицейских побледнели, напомнив цветом лица застиранное старое белье.

— Ваше высочество, — выдавил из себя один из них. — Простите, я не узнал вас! Конечно, вы можете увидеть полковника!

— Так он на месте?

— Пока да...

Он повернулся и подал сигнал своим товарищам, дежурившим у входа в здание. Минутой позже в сопровождении офицера Макоби шла по длинному извилистому коридору, ведущему в глубь казармы.

В конце коридора офицер снял висевший на стене факел, запалил его, открыл дверь и предложил принцессе проследовать за ним по каменным ступеням вниз, в подземелье. Макоби нерешительно пошла следом. Куда это он ведет ее? Сомнительно, чтобы кабинет такого выдающегося командующего находился в погребе...

Теперь они двигались вдоль холодного темного коридора, вымощенного каменными плитами. Единственным источником света был их факел. Голые гипсовые стены отличались простотой и отсутствием каких бы то ни было излишеств, с потолка свисала паутина.

Макоби нервным движением вынула из ножен, прикрепленных к предплечью, маленький, но острый кинжал, готовясь к защите, если окажется, что она в западне. Но когда полицейский пригласил ее пройти в облицованный мрамором морг и она увидела на каменном столе окровавленное тело, девушка все поняла.

Полковник был мертв!

— Мне нужно побыть одной, чтобы воздать ему дань уважения, — сказала она полицейскому. — Оставьте мне свет.

— Но... хорошо, госпожа. — Офицер протянул ей факел. — Я буду за дверью, если вдруг понадобится.

Как только дверь закрылась, Макоби подошла к столу и приподняла факел, чтобы разглядеть полковника. Установить причину смерти труда не составило. Убийца добросовестно размозил несчастному череп и располосовал горло.

— Это произошло не в бою, — сообщил призрак.

Он парил по другую сторону каменной глыбы и смотрел на покойного с нескрываемой грустью.

Макоби едва сдержалась, чтобы не заметить, что будь Де Венчас убит во время боя, то вряд ли смог бы позже повесить Сараккану о своих сомнениях.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что это было позавчера. А он был убит ровно двадцать пять часов назад.

— Ты уверен? — удивилась принцесса.

— Да. Похоже, привидениям это дано от природы... Стоит мне взглянуть на труп, и я могу сказать, как давно он умер.

— А ты не можешь сказать, кто это сделал?

— Нет.

— Отлично!..

Макоби на минуту задумалась.

— А как насчет тебя? — спросила она у амулета, мирно дремавшего у нее на груди. — Можешь помочь?

— Что? — сонно пробормотал тот. — Помочь? В чем? Кому? Где?..

— Ты что, спишь?

— Послушай, ты сама приказала мне закрыть глаза! — В голосе амулета было столько оскорбленного достоинства, что девушка сжала зубы. — Как, интересно, я могу знать, что происходит?

— Я хотела задать полковнику Де Венчасу несколько вопросов, но кто-то его убил. Ты можешь помочь?

— Что ж, думаю, нужно попробовать прочитать заклинание Оживления Мертвых.

— Что?.. Ты хочешь сказать, что можешь вернуть его к жизни?

— Ну, не совсем. Он останется мертвым, но превратится в зомби и сможет разговаривать, ходить, выполнять простые задания. Хотя эти зомби такие медлительные. Эти чары весьма популярны среди нечистоплотных хозяев, которым нужна дешевая рабочая сила. Ты найдешь их в избытке на почте.

— Что нам это даст?

— Возможно, ничего. Обычно мертвецы не слишком хорошо помнят, что случилось с ними, пока они были живыми.

— Уж кто-кто, а я-то это знаю! — буркнула Макоби, бросив косой взгляд на призрак Дариана.

В этот момент дверь в морг открылась, и в помещение вошел другой полицейский, констебль из следственного отдела. Габаритами он был поменьше своих товарищей и даже имел печать ума и проницательности на лице.

— Чем могу помочь вам, моя госпожа? — спросил он тоном, далеким от любезного.

Если бы королевский протокол позволял, то принцесса, вероятно, услышала бы то, что он на самом деле думал: «Какого клатта вы тут делаете?»

— Нет, спасибо, — ответила Макоби милостиво. — Я уже отдала дань уважения полковнику.

— Тогда позвольте проводить вас до двери, моя госпожа.

Вежливые слова скрывали решительную просьбу убираться восвояси. Макоби показалось, что офицер понял действительную причину ее появления здесь.

— Это было бы весьма любезно с вашей стороны, констебль...

— Кратаван, моя госпожа. Кратаван.

Макоби кивнула и позволила вывести себя из комнаты.

— Вы уже знаете, кто мог это сделать? — спросила она на прощание.

— У нас есть несколько зацепочек.

— Другими словами, ничего нет. — Макоби с трудом сдержала гнев. — С момента гибели полковника прошло уже двадцать пять часов, а у вас до сих пор нет ни одной...

— Откуда вам это известно? — перебил ее детектив.

— Что?..

— Откуда вы знаете, сколько времени прошло с момента убийства?

— Я слышала, как об этом говорили ваши офицеры, — солгала Макоби, разозлившись на себя за то, что совершила такую глупую промашку.

Кратаван кивнул, но по его виду она поняла, что ее слова его не убедили.

Пора уносить ноги, пока меня не арестовали по подозрению в убийстве, подумала она и торопливо зашагала по холодному коридору.

Кратавану, чтобы не отставать, пришлось едва ли не бежать за ней вприпрыжку.

У центрального входа Макоби остановилась и повернулась к констеблю, чтобы поблагодарить. Выражение его лица поразило ее. На нем большими буквами было написано, что он ей не доверяет.

— Что ж... — начала она.

— Полагаю, что инспектор будет вам очень признателен, если вы согласитесь побеседовать с ним, моя госпожа, — перебил ее Кратаван.

— Передайте ему, что я к его услугам. Пусть запишется на аудиенцию во дворце, — сказала Макоби надменно и скрылась за дверью.

Как принцесса и рассчитывала, констебль не посмел остановить ее. Девушка стремительным шагом пересекла двор и выскочила на площадь. Быстро пробежав по мощеной мостовой, она свернула в первый попавшийся переулок, рассчитывая услышать звуки погони. К ее удивлению, за ней никто не гнался.

Как глупо! — сказала себе Макоби. Не сегодня-завтра ты станешь правительницей Кумаса, а шмыгаешь по подворотням, как какой-нибудь жалкий воришка! Возьми себя в руки, детка!

Принцесса огляделась в поисках привидения, но его нигде не было видно. Кроме трех бесчувственных забулдыг у стены, она никого не заметила. Алкоголики не обращали на Макоби никакого внимания.

Отойдя в сторонку, она вытащила амулет из-за пазухи.

— Послушай, — обратилась принцесса к кулону, — меня тут интересует кое-что.

— Хорошо, — кротко отозвался амулет. — Сорок два. Перейти на другую сторону. Три, точка, четыре, один, пять, девять. Цыплячья тикка.

— Что ты такое несешь?

— Даю тебе кое-какие ответы на вопросы о кое-чем, — по-прежнему кротко ответил амулет. — Если это не совсем то, что бы ты хотела услышать, тогда, быть может, вы соблаговолите задать мне ваш вопрос.

— Хочу, чтобы ты объяснил мне, что происходит, — яростно фыркнула Макоби.

— У-ху. Начнем с самого простого. Тебя собираются убить.

Лицо Макоби передернуло от ужаса. Эта дрянная побрякушка говорит страшные вещи. Тут до слуха принцессы донесся звук приближающихся шагов. Она резко повернулась и обнаружила, что амулет был прав. Смерть дышала ей в ухо.

На нее медленно и неотвратно наступали трое мужчин, вооруженных кинжалами, которых она приняла поначалу за алкашей. Они были совершенно трезвы, собраны и холодны, и встреча с ними ничего хорошего не сулила.

Их разделяло уже всего несколько футов. Под жалким тряпьем разбойников принцесса отчетливо различала галуны Гильдии Наемных Убийц. Макоби поняла, что попала в ловушку. Внутри у нее все оборвалось.

Едва девушка открыла рот, чтобы позвать на помощь, как бандиты ее атаковали. Мгновенно выхватив кинжал, она отразила первый смертоносный удар — скорее по счастливой случайности, чем благодаря умению. Охнув от страха, когда острое лезвие скользнуло всего в дюйме от ее шеи, принцесса инстинктивно сделала ответный выпад, вонзив свой клинок в грудь ближайшего противника. В ту же секунду она увидела два других тесака, нацеленных на ее незащищенное тело.

— Спаси меня! — что есть мочи закричала Макоби.

Тут же раздался приглушенный звук взрыва. Двух оставшихся убийц разорвало на мелкие кусочки, и по переулку во все стороны разлетелись фрагменты расчлененных тел и внутренностей, оглашая округу сочными шлепками.

Пока бушевала кровавая вьюга, Макоби уперлась спиной в стенку и медленно сползла на землю, уставившись невидящим взглядом в страшные сизо-красные комочки, усеявшие

переулок. Один убийца лежал перед ней с торчащим из груди кинжалом. Двое других исчезли, оставив после себя на стенах и булыжной мостовой кровавые следы.

С трудом сдерживая рвоту, Макоби перевела взгляд на амулет.

— Какого клатта ты с ними сделал? — прошептала она.

— Шарахнул по ним Шаровой Молнией, — сообщил амулет с гордостью. — У меня не было времени, так что я действовал из-за пазухи. Впечатляет, правда?

По возникшей паузе Макоби поняла, что единорог любит творением своих рук.

— Я не слишком перестарался, как ты думаешь? — спросил он осторожно.

— Нет, — заверила принцесса дрожащим голосом. У нее дрожал не только голос, но и тело. — Ты отлично справился. А теперь хочу убраться отсюда.

— Нет проблем. Куда?

Макоби задумалась. Есть ли в Кумасе такое место, где она чувствовала бы себя в безопасности, где бы ее никто не знал и где никто не стал бы ее искать. По неизвестной причине девушка вспомнила то время, когда они с Марденом были детьми. Их нянька была помолвлена с каким-то солдатом и иногда брала детей с собой на свидание. Они встречались у маленькой харчевни, где служивый обитал.

— В таверну у южных ворот. Мне кажется, она называется «Вайверн». Можешь устроить это?

Амулет погрузился в раздумье.

— Слишком старые воспоминания, — пожаловался он, — но, наверное, пойдет. Если место не изменилось, мы можем попробовать его найти.

— Подожди минуточку, — попросила Макоби и наклонилась над мертвым телом, чтобы вытащить свой кинжал.

Потом девушка, к удивлению старой цветочницы, в страхе глазевшей на нее из-за угла, растворилась в воздухе.

Переулок опустел, став соблазнительной приманкой для бесчисленных мушиных орд, слетавшихся отовсюду на богатое пиршество.

ГЛАВА 7

Мирно устроившись в уютном баре под названием «Сочные пастбища», инспектор Трасса с наслаждением потягивал горькое пиво «Старые органы» и читал «Кумасскую газету».

Газета была открыта на колонке криминальных новостей. Внимание инспектора приковала серия репортажей Колина Зловещего о наркокартеле, скрывавшемся под вывеской импортера молочных продуктов («Сыроварня Чеддар К°», — гласил заголовок), и о нелегальной драке на шпагах, продолжавшейся все утро («Многочасовая дуэль»). К вящей радости детектива, информация об убийстве полковника Де Венчасы в прессу пока не просочилась.

Отлично! Для следователя это означало выигрыш во времени. Суперинтендант Причуда терпением не отличался и имел привычку санкциями и угрозами требовать скорого раскрытия преступления.

Трасса уже осушил один бокал и пребывал в раздумье, не взять ли ему второй, когда в бар влетел взволнованный сержант Раси. Своим возбужденным видом он напоминал маленького мальчика накануне долгожданного дня рождения.

— Инспектор! — выдохнул он с порога. — Еще одно! Вернее, не одно, а целых три!

— Три чего, Раси? Нельзя ли поконкретнее, старик?

— Убийства, сэр! И Крапеван видел того, кто это сделал. Он говорит, что этот человек слишком большая для него шишка. Он просит вас незамедлительно прибыть туда, сэр.

— У тебя проблемы с грамматикой, Раси.

— Прошу прощения, сэр, — пролепетал сержант и потушил взгляд, внимательно рассматривая складки на брюках.

На самом деле он пытался вспомнить, что такое грамматика и с чем ее едят.

С трудом подавив желание купить бутылку пива и разбить ее о голову своего напарника, Трасса встал и направился к двери. Сержант потрусил следом.

— Знаешь, тебе что-то нужно делать с твоей грамматикой, — сказал детектив.

Раси живо кивнул.

— Нет нужды говорить, сэр! Она просто невыносима последнее время. Все время сидит на своем стуле и бурчит весь день. А стоит ее затронуть, кидается в вас объедками. Папа говорит, что собирается выпустить ее на травку.

— Раси?

— Да, сэр.

— Брось нести эту клаттню.

Кратаван ждал прихода Трассы, сидя в «Поганой нелепости» — тихом гостеприимном баре на площади Ниро.

Нянча в руках стакан виски, он опасливо озирался по сторонам, словно боялся, что с минуты на минуту случится какая-нибудь неприятность. У Трассы сложилось впечатление, что констебль чем-то до смерти напуган.

Кивнув в знак приветствия, инспектор прошел напрямик к стойке бара и заказал бутылку «Бадмута», оркского пшеничного пива. Он чувствовал себя виноватым в пристрастии к спиртному со стороны младших по званию. Те его уважали и во всем стремились походить на своего офицера. И привычка детектива решать следственные задачи с бокалом-двумя пива на столе не осталась незамеченной. Порой было трудно найти в отделении человека достаточно трезвого, чтобы написать рапорт.

Решив — не в первый раз — пить меньше, Трасса вразвалку подошел к столу Кратавана и сел напротив.

— Сержант Раси сказал, что у вас есть для меня новости, — начал он.

Кратаван кивнул и опрокинул в себя почти половину порции виски.

— Еще три убийства, сэр. В переулке за углом. Мы считаем, что жертвы являлись членами Гильдии Наемных Убийц, хотя насчет двоих нельзя быть уверенными наверняка. Их нынешнее состояние больше напоминает последствия взрыва на мясокомбинате.

Кратаван замолчал и допил свое виски, потом жестом позвал бармена и попросил принести еще.

— Есть подозреваемые? — поинтересовался Трасса.

— Да. Женщина. С темными волосами, стройная, лет двадцати. Пяти футов ростом.

Трасса со вздохом закрыл лицо руками. Насколько он мог судить, Кратаван уже принял критическую дозу алкоголя.

— Сержант, — промолвил он страдальческим тоном, — женщина ростом в пять футов, лишившая жизни трех лбов из Гильдии Убийц, не подпадает под категорию умышленного убийства. Это самооборона. Если только это не чудо. Есть мысли относительно личности женщины?

— Да, сэр. Это госпожа Макоби.

— Что-о?! Дочь правителя? Вы уверены?

Кратаван кивнул с безнадежным видом.

— Да, сэр. Я сам ее видел перед тем, как все произошло. Она приходила в казармы и, воспользовавшись своим положением, потребовала встречи с полковником. Один из дежуривших констеблей вызвал меня. Я нашел ее в морге у тела Де Венчаса. Принцесса вела себя подозрительно. Но что особенно примечательно, она знала точное время смерти потерпевшего.

— Неужели?

— Кроме шуток! Она сослалась, что подслушала разговор охранников, но они клянутся, что этого не могло быть. Да они не знают, в какой день это случилось, не говоря уже о времени смерти полковника.

Кратаван сделал паузу, так как бармен принес заказанную выпивку. Разбираемый любопытством Трасса попросил кон-

стебля изложить историю еще раз и желательно со всеми подробностями. Потягивая пиво, инспектор постепенно входил в раж ищейки.

— Вы уверены, что принцесса и женщина в переулке — одно и то же лицо? — спросил он, когда констебль закончил рассказ.

— Абсолютно, сэр. Охрана видела, как она вышла на площадь, а старая цветочница была свидетельницей всего остального.

Трасса откинулся на спинку стула и с наслаждением вдыхал тонкий аромат пенистого пшеничного напитка.

Эта новость показалась ему действительно радостной. Все это походило на коррупцию в высших сферах. Чудненько! Он ждал такого дела всю жизнь. Он превзойдет самого себя! Но придется проявить осторожность. У Кратавана имелись все основания бояться. Если правители города замешаны в убийстве, тогда всем, кому предстоит раскрыть их незавидную роль, грозит смертельная опасность.

— Хорошо, Кратаван, — изрек он. — Сержант Раси — на улице. Он бьется над значением слова «наблюдение». Пойдите и объясните ему. И скажите ему, чтобы организовал пост у тела полковника. Потом можете показать мне пострадавших.

Кратаван встал.

— Где вас найти, сэр?

— Я буду здесь. Хочу допить пиво в спокойной обстановке.

Двадцать минут спустя Трасса стоял в переулке, стараясь не обращать внимания на тучи мух и приступы тошноты. То и другое представляло для него в настоящий момент серьезную проблему, с которой он мог и не справиться.

Трасса привык к виду трупов жертв, встретивших жестокий конец, но он никогда прежде не видел, чтобы с человеком покончили так радикально, тем более с двумя. Кровавые куски человеческого мяса валялись по всему переулку.

У выхода на площадь согнувшийся в три погибели Раси звучно освобождался от остатков не успевшего усвоиться обеда. Смерив его сочувственным взглядом, инспектор осторожно,

стараясь не наступать на склизкие ошметки плоти, приблизился к относительно целому труп.

Сомнений не было, человек принадлежал к Гильдии Наемных Убийц. Из-под рванины, в которую он был одет для маскировки, виднелось черное с золотом платье, а в вытянутой руке он держал ритуальный кинжал наемника. Он скончался от колотой раны в грудь. Возможно, фатальный удар был нанесен в порядке самообороны. Но даже если это и так, в деле все равно было много странного. Каким образом такая девушка, как госпожа Макоби, могла разделаться с тремя членами Гильдии Наемных Убийц?

Отогнав навязчивых мух, облюбовавших его нос, Трасса выпрямился. Осмотрев место происшествия, усеянное меси-вом из человеческих останков, он нахмурился.

— Вы уверены, что их было двое?

— Абсолютно, сэр, — ответил Кратован, завершивший допрос пожилой цветочницы.

— Хм... не много же осталось для похорон. Мадам Мин уже видела это?

— Да, сэр.

— И?..

— Все это ее сильно встревожило. Двое, как явствует из ее заключения, были убиты с помощью колдовства. Очень сильного к тому же.

— Какого колдовства?

— Она полагает, что это заклинание Шаровой Молнии.

— Есть еще что-нибудь полезное для нас?

— Я поинтересовался, нет ли у нее соображений насчет того, кто мог тут колдовать. — Кратаван на минуту замолчал и задумчиво почесал голову. — А она в ответ сказала, что это был не кто, а что.

— Что?

— Именно так она и говорила...

— Вы понимаете, что это значит, не так ли, Кратаван?

— Нет, сэр, — поспешно отозвался констебль.

— Это значит, что старая перечница окончательно повредилась умом.

Трасса наклонился, чтобы счистить с колена прилипший кусок человеческих внутренностей, и с нескрываемым отвращением осмотрел свои испачканные кровью туфли. Затем, разогнувшись, похлопал Кратавана по спине.

— Тогда заканчиваем, дружище. Кстати, пойдете-ка все переобуемся. Потом соберемся в отделении и подготовим рапорты и сообщения для прессы. После чего снимем показания у главной подозреваемой. Надеюсь, что она будет во дворце.

Кратаван удивленно захлопал глазами.

— Но мы... Я хочу сказать, что она... Но мы же не можем так запросто войти во дворец и...

— Почему же? Мы можем все. Она же сказала, что если мы захотим допросить ее, то связаться с ней можно во дворце.

— Да, но... госпожа Макоби, сэр!

— Послушайте, Кратаван, меня не волнует, кто убил полковника — вонючий бродяга или дочь самого правителя. Тот, кто это сделал, совершил тяжкое преступление, и я намерен его арестовать. Если это госпожа Макоби, что ж, ты вправе так переживать. Будь уверен — на нас спустят всех собак.

— Так что же нам делать, сэр?

— Свою работу.

— Но нам не позволят, сэр! Мы слишком глубоко завязли!

— Конечно, они могут попробовать остановить нас, Кратаван. Тогда мы откроем ящик Пандоры. Возможно, кое-кто захочет замять дело. Может, они постараются подкупить нас. Как ты думаешь, что мы в таком случае сделаем?

— Возьмем деньги? — с надеждой спросил сыщик.

— Нет, Кратаван. Откроем сундук.

ГЛАВА 8

Мужчина нервно ходил по балкону комнаты для гостей, то и дело останавливаясь и бросая вопросительные взгляды в сторону армейских казарм, словно пытаясь разглядеть, что там происходит. Хотя отведенное для него помещение находилось высоко, в одной из главных башен дворца, многочисленные городские постройки закрывали обзор. К этому часу все должно было уже закончиться.

Мужчина отвернулся, проклиная свое нетерпение. Он сознавал, что действовал крайне поспешно и опрометчиво. Ну и что, что Макоби убежала? Это не значит, что она заподозрила его в чем-то. План созрел в его голове много лет, и он хладнокровно и последовательно претворял в жизнь пункт за пунктом изощренной схемы.

В случае удачи он станет абсолютным правителем всего государства Кухбадор. Женитьба на Макоби была неотъемлемой составляющей его замысла, однако, когда принцесса исчезла, его охватила паника, он боялся, что девушка каким-то образом узнала о его намерениях и может встать на пути. Чтобы спасти ситуацию, оставалось одно — убить принцессу.

Мужчина чувствовал, что брат принцессы почему-то перестал ему доверять, но ничуть не сомневался, что Марден не мог сказать сестре ничего определенного. Принц был слишком благороден, чтобы обвинить человека без достаточно веских на то оснований. Но он стал опасен, потому что в своей догадке чересчур близко подобрался к истине. К тому же принц владел амулетом, поэтому-то он и умер. Как бы то ни было, эта смерть являлась важной частью хитроумного плана. Осуше-

ствить все во время сражения оказалось просто и легко. Комар носа не подточит!

Мужчина остановился и положил руки на холодный камень балконных перил. Здесь, похоже, он допустил первую ошибку. Ему нужно было позаботиться о том, чтобы не спускаться с Мардена глаз до самой его смерти, тогда бы он знал, что он сделал с клаттерной побрякушкой. Он видел драгоценность у принца вечером, накануне боя. Должно быть, принц передал ее кому-то. Но вот кому?..

В дверь тихо постучали. Мужчина на балконе вернулся в полумрак роскошной гостиной, которую занимал.

Нужно начинать все заново, подумал он, бесшумно ступая по мягкому ковру. Придется поискать другой способ взять под контроль этот город...

Он приоткрыл дверь и, выглянув в коридор, распахнул ее шире. Внутрь проскользнула неясная тень в солдатском мундире. Таинственный гость поклонился и протянул хозяину небольшой бумажный свиток. Красный значок на его шлеме казался в сумраке неосвещенной комнаты почти черным.

— Новости из Гильдии, мой сеньор! — прошептал солдат.

Человек вздохнул и взял протянутый свиток.

— Поручение выполнено? — спросил он негромко.

— Нет, мой сеньор. Все провалилось. Госпожа Макоби скрылась. Трое наемных убийц мертвы, и Гильдия не может нигде найти принцессу.

Мужчина уставился на вестника немигающим взглядом. Блеснул новый луч надежды.

— Ты уверен, солдат?

— Да, господин! Я сам видел их останки!

— Тогда немедленно разорви контракт! Пусть она живет. Пока что!

Солдат кивнул и собрался было идти. Но человек поймал его за рукав.

— Ты уверен, что мое имя нигде не фигурирует в связи с этим контрактом?

— Уверен, мой господин. Гильдия считает заказчиком другого. Ни один след не ведет в вашу сторону.

Человек кивнул, и солдат молча скрылся за дверью. Оставшись один, мужчина направился к окну и снова вышел на балкон.

В этот раз нужно сохранить самообладание во что бы то ни стало, приказал он себе. Я должен найти Макоби и жениться на ней. Потом, и только потом, настанет для нее время встретиться с братцем...

И снова он устремил задумчивый взгляд над крышами города, где в один прекрасный день рассчитывал стать абсолютным монархом.

ГЛАВА 9

Гларт влюбился в Кумас с первого взгляда, как только фантастический силуэт города замаячил на горизонте.

В лучах полуденного солнца тонкие высокие башни сверкали и переливались, как сказочные дворцы. Место представлялось невероятно романтичным, особенно тому, кто всю сознательную жизнь провел под гнетущими сводами безликого монастыря.

Чем ближе путники подходили к цели своего путешествия, тем яснее Гларт представлял размеры огромного города. Монах ожидал, что столица окажется чуть побольше какой-нибудь деревни — того единственного типа поселения, что ему довелось пока посетить. Но масштабы Кумаса поразили его воображение. Городские стены протянулись на многие мили. За ними плотно теснились многочисленные здания, вмещавшие невероятное количество людей. Настоящий человеческий улей, беспокойный и жужжащий.

На подходе к Восточным воротам Гларт замедлил шаг, а потом остановился вовсе и с беспокойством обвел взглядом грозные бойницы. На деревенского парня, выросшего в монастыре, их вид производил устрашающее впечатление.

Заметив его замешательство и тревогу, Угман дружески похлопал Гларта по плечу огромной чешуйчатой ладонью.

— Первый раз в большом городе, да? — участливо спросил пещерный тролль. — Не принимай близко к сердцу. Я чувствовал себя так же, когда попал сюда впервые. Мне тоже пришлось столкнуться с фактором страха.

— Каким фактором страха?

— Ты вел замкнутый образ жизни, правильно? — пустился в пространные объяснения Угман. — Дело в том, что люди боятся пещерных троллей. Неудивительно. В большинстве своем мы норовим ударить человека при встрече.

— А если тебя ударил пещерный тролль, — ввернул Безногий, — то это на всю жизнь.

— Так что люди обходили меня стороной, — продолжал Угман. — Жизнь среди троллей не очень хорошо подготовила меня к выходу в свет и не научила заводить друзей. Пещерные тролли, как известно, общительностью не отличаются.

— Это правда, — снова встрял Безногий. — От простого тролля трудно добиться членораздельной речи, обычно слышишь: ух, ух, ух. Хрю, ух, ух, ух, хрю. Так может продолжаться минут тридцать.

— Одно время я просиживал в университетском баре в надежде, что ко мне кто-нибудь подойдет и заговорит. Но никто не подходил. Как потом выяснилось, люди ждали, когда я уберусь. Много позже они поняли, что я угрозы не представляю.

— Тогда он начал отращивать волосы, — вставил эльф. — Люди почему-то придерживаются мнения, что хиппующий тролль не может быть столь же свирепым, как остальные.

Угман усмехнулся и хлопнул эльфа по спине так, что бедняга отлетел футов на шесть.

— Все началось с Безногого. Он первый приблизился ко мне и предложил выпить, потом сел рядом и познакомился, — пояснил он.

— Это было не так-то легко, — заметил эльф, поднимаясь на ноги. — Он никак не хотел вылезать из своей раковины. Единственное, что я мог из него вытянуть, — это ух, ух. Зато когда волосы у Угмана отрасли и он пообтерся в студенческой среде, его словарь обогатился. Теперь он вворачивал в разговоре два слова: ух, ма. С тех пор его прозвали Угман.

— А как тебя зовут по-настоящему? — спросил заинтеригованный Гларт.

— Костолом, — буркнул Угман.

— Ага. Очень мило, — пролепетал Гларт, слегка побледнев.

— Хорошее старинное имя для тролля. Костолом!.. — с негодованием произнес его владелец. — Проблема в том, что людям имена троллей не очень-то нравятся. Можешь мирно трепаться с мужиками в баре, но стоит проболтаться, что тебя зовут Потрошитель или Мозгодав, как они вспоминают о каких-то срочных делах и тут же линяют, даже не купив тебе выпивку. А что такого? Потрошитель и Мозгодав — очень даже распространенные имена у троллей.

— Лично меня такое имя вполне устроило бы, — с печалью в голосе сказал Безногий.

Угман ухмыльнулся и нежно ткнул Гларта в подреберье, так что у того перехватило дыхание.

— Догадываешься, почему? — поинтересовался он у монаха.

— Нет, — прохрипел Гларт, проверяя, все ли ребра целы.

— Спроси у него, как его настоящее имя, — не унимался тролль. — Давай, не стесняйся!

Гларт бросил на эльфа вопросительный взгляд. Последний делал вид, что увлечен созерцанием зубчатого силуэта города.

— Ну так как? — осторожно полюбопытствовал Гларт.

Безногий насупился.

— Дело в том, — произнес он с достоинством, — что мои родители давали имена своим детям, следуя старинной традиции эльфов называть новорожденных в честь стихий и красот природы. Мою сестру, к примеру, зовут Заря, а братьев — Кедр и Ливень.

Сказав это, эльф демонстративно повернулся к собеседникам спиной и целеустремленно направился к Восточным воротам. У ворот, прислонившись к стене, грелась на солнышке группа из пяти стражников, бессмысленно глазевших на путешественников.

Тролль и монах последовали за Безногим.

— Спору нет, эти имена довольно красивы, — бросил эльф через плечо.

— Несомненно, — подтвердил Гларт. — А как зовут тебя? Возникла пауза, продолжавшаяся несколько секунд.

— Примула, — буркнул юноша. — Поэтому я предпочел быть Безногим. Теперь, если вы не возражаете, я бы пошел домой, помылся, переоделся, завалился бы в ресторанчик и чего-нибудь выпил бы.

— Как много «бы», — пробормотал Гларт, обращаясь к Угману.

— Осторожно, малый! — предупредил один из солдат охраны угрожающим тоном.

Но он вовремя заметил спутника Гларта — здоровенного пещерного тролля семи футов ростом.

Троица вошла в город и оказалась на улице с незамысловатым названием — улица Восточных ворот. Она сплошь состояла из магазинов, лавок, павильонов, лотков и киосков. Лоточники и лавочники всех мастей на разные голоса расхваливали товар, зазывая покупателей. Многоликая толпа тскла непрерывным потоком. В воздухе стоял густой запах цветов, пряностей, жареного мяса. Среди соблазнительных ароматов Гларт уловил даже знакомое благоухание ладана, доносившееся из какой-то дальней курильницы.

Он на минуту остановился у фруктовой лавки, и хозяин, улыбнувшись, вложил в его ладонь увесистое яблоко.

— Господь тебя благослови, брат! — сказал он.

Гларт удивился и обрадовался. Вероятно, его монашеский наряд пользовался популярностью и народной любовью. То же самое повторялось у каждого лотка, к которому он приближался. Пять минут спустя троица шагала вдоль улицы, дружно уплетая куски жареной баранины, завернутые в свежие лепешки. Фрукты приятной тяжестью оттопыривали карманы.

— Так куда ты теперь направляешься? — спросил Безногий, с трудом ворочая языком.

— Здесь где-то есть постоянный двор под названием «Вайверн», — сказал Гларт. — Я должен идти туда.

Ногтем, больше похожим на коготь, Угман выковырнул из зубов застрявший ломоть мяса и швырнул его бродячему псу, рывшемуся в мусоре у перевернутой урны.

— Здесь только одна пивная с таким названием, — сообщил он своему спутнику. — Я думаю, нам нужно отметить в этом городе в каждой клаттовой пивнушке. Таверна, о которой ты говоришь, находится у Южных ворот. В нее заходят преимущественно путешественники.

Пройдя еще несколько сотен ярдов, они вышли на перекресток. Дорога, ведущая к Южным воротам, сворачивала налево. Там друзья распрощались. Угману и Безногому не терпелось вернуться домой и встретиться с университетскими товарищами. Они попробовали было уговорить Гларта присоединиться к ним, но тот твердо отказался. Видения требовали от него незамедлительных действий, и он понимал, что как можно быстрее должен найти незнакомку с длинными темными волосами.

— Что ж, будет нужна помощь — обращайся, — сказал Угман при расставании. — Надеюсь, что ты встретишь свою женщину.

— Тогда, — вставил Безногий, — спроси, нет ли у нее парочки подружек...

На этом они и разошлись, растворившись в людской толчее. Гларт повернул на юг, исполненный решимости отыскать таверну «Вайверн».

Макоби сидела за столиком в темном углу полупустой харчевни и пила двойной бренди.

Руки девушки дрожали. Она никак не могла справиться с только что пережитым потрясением. Принцесса заметила, что дрожь в руках проходит, если хорошенько сосредоточиться, но тогда начинало колотиться все тело. После безуспешной борьбы она сдалась. Пусть будет что будет.

Мысль о том, что брат мертв, а ее саму кто-то хочет убить, не покидала девушку. Волна скорби захлестнула ее, но Макоби заставила себя не думать о Мардене. У нее еще будет время

оплакать его, а сейчас надо было понять, что же такое кругом происходит.

Нападение в переулке не было случайным, это понятно. Под тряпьем на ее обидчиках она разглядела одежду Гильдии Наемных Убийц. Принцесса хорошо знала, сколько стоит такой заказ. Ей страшно повезло. Не будь амулета — лежать бы ей сейчас мертвой на каменных плитах заплеванного переулка.

Несмотря на то что ей удалось сбежать, Макоби сознавала, что опасность не миновала. Наверняка Гильдия не оставит ее в покое. При следующей встрече, может статься, ей уже так не повезет, даже при наличии амулета. Теперь, когда трое наемников убиты, они проявят большую осторожность. Возможно, ей даже не придется увидеть своего убийцу, не то что защититься...

Зубы Макоби лязгали о край стакана, пока она допивала бренди. Мысль лихорадочно работала: что делать дальше? Вернуться во дворец сейчас она не могла. Искать ее будут первым делом именно там. Оставалось решать эту головоломку самостоятельно, опираясь на помощь магического амулета, на который можно было положиться, и духа, от которого пользы было не больше, чем от козла молока.

Макоби задумчиво посмотрела на своего невольного спутника. Дух Дариана парил у стены, высунув голову наружу. Он получил строгий приказ нести наблюдение и в случае появления в окрестностях таверны наемников или солдат сообщить ей без промедления. Возможно, она сумеет подослать его во дворец, чтобы призрак мог разузнать, что там происходит. Принцессу интересовало многое, а особенно то, было ли официально объявлено о ее помолвке с Миалом.

Клатт! Что я могу сделать? — размышляла девушка. С чего начинать?..

Чувствуя себя ужасно одинокой, принцесса пришла к выводу, что больше всего на свете нуждается в Сараккане. Если бы только она могла найти его и обратиться за помощью и советом!..

Внезапно Макоби показалось, что за ней наблюдают. Душа у нее ушла в пятки, и девушка в испуге огляделась по сторонам. Однако немногочисленные посетители таверны не обращали на нее никакого внимания.

Тут принцесса увидела его. У самой двери.

Это был молодой монах, одетый в примечательный синий балахон седриканского ордена. Он таращился на нее с нескрываемым восхищением, граничившим с благоговейным страхом. Когда их взгляды встретились, щеки монашка зарделись, а лицо тут же расплылось в широкой улыбке. Он двинулся ей навстречу.

Макоби охватила паника. Она сунула руку за пазуху за спасительным амулетом и не спускала с монаха глаз. Ее взгляд испуганно блуждал по его платью в поисках скрытого оружия. Он нес в руках какой-то деревянный предмет, и у принцессы мелькнула мысль, не собирается ли монах использовать его как оружие. Но, оценив обстановку, девушка велела себе расслабиться. Честное, открытое лицо монаха притягивало взгляд и располагало к доверию. Инстинктивно девушка решила, что угрозы молодой человек не представляет.

Пока монах приближался к Макоби, у принцессы было время внимательно его рассмотреть. Сначала ей показалось, что монах еще совсем ребенок, но теперь она видела, что седриканец, вероятно, ее ровесник. Под одеждой свободного покроя угадывалось крепкое тело.

Но ее внимание главным образом приковало лицо юноши. Безобразное и одновременно обаятельное, оно было воплощением добродушия и дружелюбия.

Когда монах приблизился к столику Макоби вплотную, его улыбка стала еще шире. Принцессе доводилось видеть в жизни такие глупые улыбки, но, если бы был объявлен конкурс на самую глупую улыбку года, то этот парень ушел бы с призом победителя. Вдруг выражение лица юноши резко переменялось и стало серьезным, как у актера, вошедшего в роль.

— Меня зовут Гларт, — представился он. — Моя госпожа, вам грозит страшная опасность! Один человек решил вас убить.

Тоже мне новости! — подумала она.

— С чего ты взял? — все же спросила она, заинтригованная тем, что и откуда знает этот юнец.

Коротко Гларт поведал ей о монастыре и своих видениях, аккуратно обойдя момент постели и страстных объятий. Затем он сообщил ей, что аббат выбрал его для выполнения ответственной миссии, сделав, правда, основной упор на то, что его цель состоит в спасении Макоби.

— Так что я пришел, чтобы защитить вас, — подытожил монах.

Макоби, наверное, расхохоталась бы, если бы глаза у нее не были на мокром месте.

— Мой брат Марден, один из лучших воинов Кумаса, мертв, хотя знал, что кто-то хотел его смерти, — печально произнесла она. — Я сама с большим трудом избежала его участи, когда Гильдия Наемных Убийц подослала трех человек, чтобы разделаться со мной. Они от своего не отступятся и ошибки второй раз не допустят. Как простой монах сможет защитить меня от такой опасности?

— Не знаю. Но уверен, что смогу это сделать.

Гларт замолчал и уставился на призрака, который втянул голову в помещение и с интересом прислушивался к разговору.

Монах внимательно изучил его и повернулся к принцессе.

— Он с вами?..

— Ты видишь дух Дариана? — поразилась Макоби.

— Да, вижу. Я также ощущаю присутствие неких магических сил, что удерживают его в этом мире... а еще магию, исходящую от украшения в вашей ладони.

Макоби вытаращила на Гларта глаза. Ее изумлению не было предела. Может, он и правда обладает какой-то скрытой силой? Вдруг монах ей действительно поможет?..

Но вправе ли она доверять ему? Макоби хорошо помнила совет Мардена...

Гларт вдруг снова расплылся в обаятельной улыбке и весело подмигнул девушке. Последние сомнения Макоби рассеялись, и она приняла решение. Она отчаянно нуждалась в помощи, но не смела вернуться во дворец, чтобы найти Сараккана, который, по всей видимости, будет занят приготовлениями к вечернему банкету, устраиваемому в честь Миала. К тому же в облике монаха было нечто такое, что ей очень нравилось.

— Так что же ты предлагаешь? — спросила она.

Гларт обвел взглядом посетителей харчевни.

— Здесь кто-нибудь вас знает? — поинтересовался он.

— Нет.

— А кому-нибудь известно, что вы здесь?

— Нет.

— Вы уверены?

— Уверена.

— В таком случае нам лучше задержаться здесь и пропустить по рюмочке. Тем временем вы посвятите меня в дело и расскажете обо всем, что вам известно, и подумаете, кто мог бы желать вашей смерти. Если, конечно, вам некуда спешить.

— Мне нужно присутствовать на официальном приеме в честь человека, за которого отец хочет выдать меня замуж. Но полагаю, что могу пропустить это событие.

— Отлично. Тогда пируем!

Гларт снова улыбнулся и со знанием дела направился к стойке, чтобы посмотреть, какое розливное пиво имсется в наличии.

ГЛАВА 10

На пороге кабинета суперинтенданта Причуды Трасса на минуту замер, смахнул с брюк невидимые соринки и застегнул верхнюю пуговицу рубашки.

Он знал, что суперинтендант особенно придирчив к внешнему виду своих подчиненных. Незастегнутый ворот для него значил то же, что бочонок бренди для орка, и служил хорошей предпосылкой для разноса. Трасса чувствовал, что, хотя начальнику упрекнуть его пока было не в чем, расследование убийства Де Венчасы затягивается.

Набрав в грудь побольше воздуха, он постучал в дверь и вошел. Суперинтендант Причуда сидел за своим рабочим столом. Увидев, что командир читает дневной номер «Кумасской газеты», Трасса судорожно сглотнул слюну.

— Вы хотели меня видеть, сэр?..

Суперинтендант поднял на него глаза.

— Трасса. Проходите. Присаживайтесь.

Осознав, что шеф в добром расположении духа и не собирается устраивать ему выволочку (во всяком случае, не сейчас), Трасса облегченно вздохнул и мысленно поблагодарил Транна, бога Утерянных Возможностей.

Взяв стул, он уселся напротив Причуды.

— Вы читали это? — спросил суперинтендант, протягивая офицеру прессу.

— Нет, сэр, — ответил он и, взяв предложенную газету, пробежал глазами передовицу.

Ему одного взгляда хватило, чтобы понять, что сведения о случившемся отрывочны и разрознены.

«Де Венчас мертв!» — кричал заголовок на первой странице. Ниже Колин Зловещий деловито излагал известные ему факты, комментарии и предположения.

Суперинтендант подался вперед и угрожающе забарабанил пальцами по статье, озаглавленной «Жена метнула шар».

— Что это за чушь насчет его супруги, Трасса?

— Прежде чем перерезать полковнику шею, его оглушили одним из его же шаров для боулинга, сэр. Я попросил Раси распространить слух, что, по нашей версии, жена убила мужа, швырнув в него в порыве гнева шар.

— Зачем вам это понадобилось?

— Во-первых, чтобы ввести убийцу в заблуждение. Пусть она думает, что мы на ложном пути. Во-вторых, чтобы выиграть время.

— Но вы выставили нас законченными идиотами, Трасса. Его жена умерла три года назад.

— Вы знаете об этом, и я знаю, а пресса — нет.

— Но они докопаются до этого, любезный, будь уверен.

— Тогда я подброшу им информацию о зомби и живых мертвецах, сэр.

Суперинтендант вздохнул и с сомнением покачал головой, потом, откинувшись на спинку стула, задумался, уставившись на инспектора. Сейчас он походил на растерянного орка, только что услышавшего от человека признание, что тот не пьет.

— Я был уверен, что в мире нет совершенства, — проговорил он. — Но я ошибался, Трасса. Вы — совершенный идиот! Почему бы вам не арестовать кого-нибудь, все равно кого? Seriously, парень, в подвале нашего полицейского участка видимо-невидимо камер пыток. У нас работают такие высококлассные профессионалы в этой области, что им ничего не стоит выудить признание у самого упрямого задержанного. Эти люди внизу способны заставить заговорить бетонные плиты!

— Прошу прощения, сэр. Я считал, что важно задержать настоящего преступника, совершившего убийство.

— Вы и ваша левацкая политика... — Суперинтендант внезапно замолчал, и в его глазах мелькнуло любопытство. — Вы сказали «пусть она думает»... Вы что, подозреваете женщину?

— Да, сэр. Мы подозреваем женщину и хотели бы ее допросить.

— Это связано как-то с девушкой, сбежавшей из гостиницы?

— Какой девушкой?

— О которой упоминает Колин Зловещий. Вот здесь, внизу колонки.

Трасса снова взял газету и, наскоро просмотрев передовицу, нашел статью, на которую ссылался начальник. Она называлась «Девушка из «Чудаковатого двора». В ней автор живописал, как отряд солдат из личной охраны Миала ворвался в таверну, чтобы арестовать какую-то молодую женщину, но она при загадочных обстоятельствах умудрилась сбежать у них из-под носа.

— Я не уверен, что это имеет какое-то отношение к делу Де Венчаса, сэр, — пробормотал он.

— Вот как? — фыркнул суперинтендант. — А вот Колин Зловещий другого мнения. Он ошибается редко. Наверняка его кто-то проинформировал. Вам бы следовало узнать кто.

— При всем моем уважении, сэр...

— Бросьте вы это, Трасса. Даю вам три дня, после чего хочу услышать, что у вас есть признание в совершении этого убийства. В противном случае я арестую вас как подозреваемого. Понятно?

— Сэр.

— Ступайте. Да, и вот еще что...

— Слушаю, сэр.

— В другой раз перед тем, как сюда явиться, потрудитесь привести свой костюм в порядок, инспектор. Вы что, спите в нем?..

Трасса нашел сержанта Раси и констебля Кратавана в полицейской столовой.

Кратаван решал кроссворды в «Кумасской газете». Раси, потрясенный эрудицией товарища, наблюдал за ним, разинув рот, и безуспешно пытался оказать посильную помощь. Трасса прислонился к дверному косяку и молча наблюдал за сценой.

— Четыре по горизонтали, — прочитал Краатаван. — Рабочий инструмент. Семь букв.

— Э-э-э... отвертка, — ляпнул Раси.

— Семь букв, сержант, — напомнил ему Краатаван.

— Тогда гвоздь.

Трасса устало покачал головой. Со стороны казалось невероятным, что Раси был сержантом, в то время как смышленный и симпатичный Краатаван все еще ходил в констеблях. Откуда постороннему наблюдателю знать, что Краатаван сын бедного крестьянина, а Раси — дальний родственник суперинтенданта.

— Думаю, что это молоток, — сказал Краатаван и вписал буквы в нужную строчку.

— Круто! — взревел Раси, впечатленный силой интеллекта коллеги.

— Теперь четыре по вертикали. Домовой типа поросенка в хвосте. Семь букв.

— Фиговое дерево.

— Нет, начинается с буквы «п».

— Прыщи.

— Поросычье рыло орка внутри сосны, — раздался голос Трассы, все еще стоявшего в дверях. — У нас есть еще одна загадка из восьми букв. И тоже начинается с буквы «п». Подсказываю, сержант Раси — ключевая фигура.

— Ой, я что, попал в газету? Вот мамочка обрадуется!

Раси выхватил газету и принялся изучать подсказки кроссворда в надежде обнаружить ссылку на свое имя.

— Ответ — придурок, — сказал Трасса.

Краатаван усмехнулся, но тут же постарался скрыть ухмылку. Раси явно расстроился.

— Ничего страшного. Краатаван, будьте любезны, закажите мне кофе. Нет, лучше виски. Раси, договорись, чтобы нам

прислали парочку констеблей, да поздоровее. Как только я здесь справлюсь, мы поедем допросить нашу даму.

— Очень хорошо, сэр.

Раши вскочил на ноги и, довольно скалясь, направился к двери. В практических делах он был незаменим — особенно если речь шла о том, чтобы договориться насчет дюжих полицейских.

— Да, вот еще что, Раши.

— Да, сэр?

— Сделай что-нибудь со своей формой, хорошо? Ты что, в ней спишь?.. Мы идем в королевский дворец, а не в какую-нибудь третьеразрядную забегаловку.

Час спустя Трасса в сопровождении Раши, Кратавана и пары крепких молодцов входил в ворота, за которыми начиналась территория королевского дворца Кумаса.

Это было грандиозное строение с множеством башен и башенок, стоявшее в окружении аккуратно подстриженных деревьев, шелковистых лужаек и петляющих дорожек, посыпанных гравием.

Подъездная аллея, по которой они шли, вела их мимо группы декоративных фонтанов со всевозможными мифологическими существами, выполненными из камня. Фигуры похотливо прижимались друг к другу, изрыгая струи воды из всех мыслимых и немыслимых отверстий. Вдали виднелась широкая лестница главного фасада дворца, увенчанная крытой галереей.

Предусмотрительно запасшись всеми необходимыми бумагами, стражи закона благополучно миновали многочисленные кордоны охраны и наконец достигли мраморных ступеней центрального входа.

Трасса во главе своего скромного отряда гордо поднялся к стеклянным дверям. Через пять минут после сердитых препирательств с капитаном королевской гвардии разъяренный Трасса вместе со своей группой спускался вниз. Им было

предложено пройти на задний двор, уложенный каменными плитами, откуда во дворец входила прислуга и торговцы.

Двор был наводнен телегами, повозками, подводами и деловито сновавшими между ними слугами, перетаскивавшими во дворец бесконечный поток продуктов питания и товаров в мешках всевозможных размеров.

Ловко лавируя в толпе и искусно обходя неприятные неожиданности, оставленные выючными животными, Трасса пробрался ко входу. Его встретил управляющий, наблюдавший за разгрузкой. Он держал длинный список заказов, где ставил стилем галочки. Трасса хотел было обойти его, но управляющий схватил детектива за рукав и жестом позвал ближайшего охранника.

— Чем могу помочь вам, сэр? — спросил солдат обманчиво сладким тоном.

Однако Трасса заметил, что его рука многозначительно лежала на рукоятке меча.

— Инспектор следственного отдела Трасса, — представился детектив и предъявил свои документы. — Я расследую убийство полковника Де Венчаса, в связи с чем мне нужно задать несколько вопросов регенту и членам его семьи.

Управляющий смерил его взглядом, полным такого презрения, словно перед ним был не человек, а дымящаяся кучка навоза.

— Ну а я чем могу вам помочь? — спросил он с нажимом.

— Думаю, что ничем, — ответил детектив, с трудом сдерживая гнев. — Вижу, у вас хлопот полон рот. Не могли бы вы пригласить кого-нибудь, в чьей это компетенции...

Еще через пять минут ливрейный лакей вел Трассу и сержанта Раси по скудно освещенному коридору. Кратавану и двум констеблям, ввиду незначительности их положения, войти во дворец не разрешили, зато, чтобы они времени даром не теряли, привлекли к разгрузке бочек с пивом.

Трасса с любопытством глазел по сторонам. Они проходили мимо кухни, где что-то шипело и скворчало, в посудомоечных стелился туман и капало с потолка, повсюду бурли-

ла жизнь и сустились люди. Все это напоминало Трассе гигантский муравейник, только местные муравьи выглядели удивительно беззаботными.

Свернув направо, лакей повел их по другому коридору, который, похоже, вел во чрево дворца.

В конце коридора их остановил очередной пост. Опять стражник спросил, чем может быть полезным, таким же обманчиво сладким тоном, в то время как его рука крепко сжимала рукоятку меча.

Трасса, еще раз приказав себе сохранять спокойствие, заново пустился в объяснения.

— Я расследую дело об убийстве полковника Де Венчаса...

Прошло еще пятьдесят минут, прежде чем Трасса и Раси оказались в роскошной приемной на втором этаже под пристальными взглядами двух королевских гвардейцев.

По дороге туда их семь раз останавливала охрана, и семь раз повторяли они свой нехитрый рассказ. Трасса был вне себя от ярости, Раси держался куда спокойнее, но без конца жаловался, что хочет в туалет. Его нытье едва не довело инспектора до белого каления.

Но створки двойных дверей вовремя распахнулись, и на встречу им вышел представительный лорд-канцлер. Это был высокий мужчина атлетического телосложения, одетый в пурпурную мантию. На голове у него был белый парик с туго завитыми локонами и золотая замысловатая цепь на груди — символ высокого ранга.

— Господа! — раздался его приветливый голос. — Пожалуйста, примите мои извинения. Вас заставили ждать неоправданно долгое время. Это непростительно. Но сегодня вечером у нас официальный прием, и мы все сбились с ног.

Речь канцлера подействовала на Трассу умиротворяюще, и его гнев улетучился.

— Ничего. Не беспокойтесь, — шаркнул он ножкой. — Мы вас понимаем.

— Вы сама любезность. — Лицо лорда-канцлера просияло. — Итак, чем могу быть полезен?..

Трасса собрался было изложить суть вопроса, заставившего его прийти во дворец, но тут его внимание отвлек отчаянный шепот Раси.

— Простите, — обратился он к высокопоставленному чиновнику, — нельзя ли отвести сержанта в туалет?

Лорд-канцлер кивнул и подал знак одному из охранников, в сопровождении которого сержант вышел из комнаты.

— Еще раз прошу прощения, — со вздохом извинился Трасса, — но мне иногда кажется, что Раси скорее дефективный, чем детективный агент. А теперь насчет причин моего визита в резиденцию...

Инспектор торопливо изложил основные моменты дела. Канцлер выслушал его, не перебивая.

— ...так что у нас есть причины полагать, что госпожа Макоби могла бы помочь следствию, — закончил Трасса, — если бы согласилась дать мне короткую аудиенцию. Уверен, мы решим все успешно.

— Я понимаю ваши доводы, — промолвил лорд-канцлер, — но, боюсь, это невозможно.

— Послушайте... — начал было Трасса. Отказ вызвал у него в груди бурю ярости.

— Если бы принцесса была здесь, то помогла бы вам с радостью, — перебил его сановник. Вкрадчивый тон его голоса снова обезоружил рассерженного сыщика. — Однако, полагаю, госпожа Макоби уже два дня как отсутствует. Регент места не находит от беспокойства, и господин Миал тоже.

— Миал из Минас Лантана?.. При чем тут он?

Лорд-канцлер огляделся по сторонам, словно боялся, что его подслушивают, и понизил голос до шепота.

— Надеюсь, что такому офицеру, как вы, можно довериться, и это останется сугубо между нами, — интимным тоном сообщил он. — Видите ли, господин Миал, как мы считаем, ждет... э-э... кое-каких новостей от госпожи, если так можно выразиться.

Ого-го, подумал Трасса. Насчет чего, интересно? Может, о Де Венчасе? Миал возглавлял армию, а Де Венчас был его

заместителем. Не было ли между ними профессионального соперничества?..

— А не мог бы я переговорить с Миалом? — спросил он. — Полагаю, есть один-два момента, которые он мог бы прояснить.

— Я спрошу, — ответил лорд-канцлер, разводя руками. — Не сомневаюсь, что он уделит вам некоторое время. Пройдемте со мной.

Он открыл перед Трассой двойные двери, и инспектор совершил еще один марш-бросок по лабиринту коридоров дворца.

Сержант Раси чувствовал себя хуже некуда в течение всего дня, но в последние полчаса состояние его стало невыносимым, словно внутри сидел кто-то клыкастый и зубастый и кромсал его бедные внутренности, норовя вырваться наружу. Если бы ему не удалось добежать до туалета, то все могло бы закончиться весьма плачевно.

Он двигался за стражником по коридору, казавшемуся бесконечным, думая только о том, как бы не оконфузиться. Когда человек наконец указал на нужную дверь, Раси скрылся за ней в мгновение ока, пролетев мимо охранника, как камень, выпущенный из пращи. Хлопнув дверью, он скорчился над унитазом и застонал от резкой боли в животе. Чувство было такое, будто прорвало плотину.

Раси догадывался, что служило причиной его страданий. Он даже начал привыкать к этому. Проблема состояла в том, что сержант до сих пор жил с родителями, и его слегка тронувшая старая бабка раз в несколько дней испытывала кулинарный зуд и острое желание стряпать для всей семьи. Однако кулинарными талантами она не блистала, и ее блюда были, мягко говоря, нестандартными. Особенно она отличилась в прошлое воскресенье, когда поджарила дохлую кошку, которую подобрала на помойке возле рыночной площади.

В это утро, спустившись вниз, сержант обнаружил, что она колдовала на кухне, готовя завтрак. Обуреваемый дурны-

ми предчувствиями, он собирался проشمыгнуть мимо незамеченным, но старушка оказалась проворнее внука и, схватив незадачливого парня за ухо, втащила на кухню. Поставив перед ним тарелку с беконом, яйцами и колбасой, она приказала все съесть, пообещав в противном случае вздрючить его как следует.

Раси нехотя подчинился. На этот раз бабка использовала самые обычные продукты, и будь они приготовлены правильно, то завтрак получился бы питательным и вкусным. К несчастью, она забыла включить плиту, и поданная ею еда осталась полуфабрикатом. С сырыми яйцами Раси разделался легко, а вот сырая колбаса и бекон не первой свежести представляли серьезную проблему.

Ситуация усугублялась еще и тем, что бабка хранила колбасу в ящике у себя под кроватью. За два месяца хранения в подобных условиях колбаса приобрела странный цвет и воняла, как корма протухшей канализационной крысы.

Так что в очередной раз Раси пал жертвой слабоумия своей бабки, предоставив патогенным микробам свой желудочно-кишечный тракт в качестве испытательного полигона.

Не менее получаса провел сержант, скрючившись в уединении персональной кабинки пыток, напрочь забыв о существовании внешнего мира. Поглощенный агонией, он не слышал, как охранник ушел, предупредив, чтобы в приемную сержант возвращался самостоятельно. Не слышал он и того, как заведение посетили еще два человека, но жуткие звуки, доносившиеся из-за двери, заставили их забыть о своих намерениях. Его телом владела боль, а умом — мечта сбросить бабку с высокого утеса и завалить сверху камнями.

Мало-помалу боль отпустила. Кишечник опорожнился и получил облегчение. Сержант продолжал сидеть на стульчаке и пыхтеть, чувствуя себя не более активным, чем овечий выкидыш. Только тут он сообразил, где находится, и вновь ощутил биение жизни вокруг. Дверь в туалет открылась, и кто-то вошел в умывальную. После непродолжительной паузы незнакомец чиркнул спичкой и, смачно затянувшись табачным

дымом, удовлетворенно хмыкнул. Немного погодя дверь снова открылась, и кто-то сказал:

— Ах вот ты где.

В приглушенной интонации говорившего прозвучала неприкрытая угроза. Таким тоном обычно произносят «Чего вылупился?» или «Гони кошелек!».

Раши не видел обладателя голоса, но четко представил себе его облик: бритый череп со шрамами на лице, безумный буравящий взгляд, сфокусированный на вашей переносице перед нанесением решающего удара с целью сровнять досадный выступ на вашем лице со щеками.

— Я искал тебя повсюду, — продолжил тот же голос.

Сержанту очень не хотелось бы оказаться на месте того, к кому были обращены слова. Но тут в разговор вступил второй собеседник.

— Да? — прорычал он, и Раши пробрала дрожь.

Второй голос показался еще ужаснее. Он мог принадлежать человеку, который в детстве развлекался тем, что отрывал паукам ноги, а став взрослым, понял, что проделывать это с людьми куда интереснее.

— Да. Шеф просил проинформировать, что легавые кое-что пронюхали. Если будут спрашивать, в «Чудаковатом дворе» мы никогда не появлялись, понял? И за ее высочеством не гонялись. И даже никогда ее не видели. Мы вообще ничего и никогда не видели. Усек?

— Усек. Чисто без проблем.

— Ладно.

Дверь закрылась, а Раши сидел, затаившись, в своей зловонной кабинке, прислушиваясь к доносившимся снаружи звукам. Второй мужчина, по всей вероятности, что-то мыл в раковине. Раши боялся дышать. Хотя сержант не отличался сообразительностью, но даже он понимал, что после разговора, содержание которого заговорщики хотели бы сохранить в тайне, внезапное появление полицейского их вряд ли обрадует.

Он слышал, как мужчина, возившийся в умывальной, закрыл кран, и раковина с шумом засосала остатки воды. Разда-

лись шаги, и Раси перестал дышать совсем, потому что шаги направлялись в его сторону. Мужчина остановился перед дверью его кабинки. Сержанту повезло, что он успел освободить кишечник, иначе сработал бы оборонительный инстинкт. В следующее мгновение, описав в воздухе дугу, на его голое бедро приземлился дымящийся окурок.

Сержанту каким-то образом удалось не отреагировать на полет сигареты. Продолжая сидеть неподвижно на унитазе, он напряженно вслушивался в звуки по ту сторону двери, стараясь угадать, что там происходит. Занятый этим делом, он не заметил, как затлели его лобковые волосы. Тем временем его мучитель энергично выдохнул из себя воздух, обдав Раси облаком густого табачного духа. Затем, к его облегчению, человек повернул обратно. Дверь открылась, и шаги стихли.

Раси, подогреваемый языками пламени, объявшими низ живота, вылетел из кабинки со скоростью молнии и, путаясь в спущенных штанах, в четыре огромных прыжка достиг умывальников.

Когда минутой позже в туалет наведалься один из королевских лакеев, его глазам открылось любопытное зрелище: сержант следственного отдела кумасской полиции сидел в наполненной водой раковине, свесив через край ноги с болтающимися ниже колен брюками, и на губах блуждала счастливая улыбка человека, получившего наконец долгожданное облегчение...

Инспектор следственного отдела Трасса проникся к Миалу неприязнью с первой минуты, как только они поздоровались за руку.

Принц стиснул пальцы полицейского с такой силой, что у последнего хрустнули суставы. Подобное рукопожатие выдавало в нем человека, желающего доказать свое физическое и моральное превосходство. Его холодность, недоброжелательность, высокомерная манера держаться и привычка взирать на всех свысока, словно перед ним не люди, а более примитивная форма жизни, дополняли портрет. С такой характе-

ристикой он едва ли мог рассчитывать на победу в конкурсе «Самый популярный представитель аристократии».

Миал встретил Трассу в неприлично роскошных апартаментах, предоставленных в его распоряжение и расположенных в одной из самых высоких башен дворца. На беседу с сыщиком он отвел несколько минут.

После обмена дружескими рукопожатиями он уселся в мягкое кресло, обитое пурпурным бархатом, по одну сторону от которого находился советник, по другую — капитан личной охраны. Другие стулья в помещении отсутствовали, так что Трассе пришлось стоять.

Сначала инспектор задавал вопросы в тактичной и уважительной форме. Миал давал бесстрастные, но учтивые ответы. Говорил он коротко и сжато. Речь шла о Макоби и Де Венчассе. Но маска благовидности продержалась недолго.

Чутье подсказывало Трассе, что Макоби каким-то образом причастна к убийству полковника. Более того, он считал ее чуть ли не главным действующим лицом. После того, как Миал подтвердил намерение жениться на принцессе, уверенность инспектора в своей правоте значительно выросла, поскольку нашлось объяснение поведению девушки. Принцесса обладала прямолинейным и решительным характером. Если полковник Де Венчас представлял угрозу для ее будущего мужа, то, по мнению Трассы, она могла взять на себя функцию правосудия.

По мере того как подозрения инспектора получали подтверждение, его вопросы делались жестче и откровеннее. В конце концов Миал не выдержал и, вскочив с места, непроизвольно схватился за рукоятку меча.

— Вы что, обвиняете меня в причастности к убийству? — рывкнул он.

— Нет, сэр, — ответил Трасса спокойно. На самом деле интонация, с которой он произнес «нет», на языке полицейских означала прямо противоположное. — Мы просто хотим исключить вас из объектов будущих допросов.

Глаза Миала продолжали метать молнии, хотя меч по-прежнему надежно сидел в ножнах.

— Это вас нужно исключить, — начал он, но тут советник проворно наклонился к своему господину и горячо зашептал что-то на ухо.

Миал сразу как-то сник, и от его спеси не осталось и следа.

— Допрос окончен, — объявил он. — Со мной так не разговаривают. Будьте уверены — ваша наглость не останется без внимания. О последствиях узнаете позже.

— Очень хорошо, сэр, — ответил Трасса. — Я сожалею, что моя работа вынуждает меня задавать вопросы, которые могут показаться дерзкими, и приношу извинения, если нечаянно нанес вам обиду.

Он низко поклонился и, не разгибаясь, как того требовал строгий протокол, попятился к двери, внутренне довольный собственной вежливостью.

Бросив на Миала исподлобья взгляд, Трасса заметил, что такое проявление уважения произвело на принца соответствующее впечатление. Черты его лица смягчились.

— Не будете ли так любезны держать меня в курсе ваших перемещений... — добавил он и, повернувшись, вышел из комнаты, прежде чем Миал успел отреагировать.

За дверью инспектора ждал охранник, который провожал его до покоев принца. Часовой жестом пригласил Трассу следовать за ним вниз по винтовой лестнице, по которой они пришли ранее. Гулкий звук их шагов эхом разносился под сводами темного лестничного пролета.

Этот Миал чересчур нервничает, подумал он. Боюсь, он что-то скрывает.

На следующем этаже их встретил молодой капитан королевской гвардии. Стражник, сопровождавший Трассу, отсалютовал ему. Капитан, ответив коротким приветствием, остановил взгляд на инспекторе. Судя по всему, он хотел что-то сказать. Это был красивый молодой человек с непослушной копной каштановых волос и улыбчивым лицом. Однако, не-

смотря на внешнее спокойствие капитана, детектив понял, что того что-то тревожит.

— Инспектор Трасса из следственного отдела? — спросил он.

Трасса кивнул.

— Меня зовут Сараккан, — представился офицер. — Можно с вами переговорить? С глазу на глаз?

Охранник тотчас козырнул и заспешил вниз по лестнице, оставив мужчин одних.

— Мне сказали, что вы расследуете дело об убийстве полковника Де Венчаса и что вы подозреваете Макоби в причастности, — начал капитан без предисловия.

— Мы просто хотим установить...

— Она здесь ни при чем! — взорвался Сараккан. — Могу вас заверить! Я слишком хорошо ее знаю. Уверен, она никого не может убить!..

— Господин Сараккан, ее никто не обвиняет в убийстве. Однако убийство имело место, и госпожа Макоби не проявляет доброй воли в общении с нами. Более того, она...

— Она очень боится! Я видел ее вчера в городе. Она прячется от чего-то или от кого-то. Макоби считает, что ее брат Марден тоже был убит и что его убийца теперь охотится за ней. Инспектор, она перепугана насмерть!

Жаркая волна возбуждения обдала Трассу с ног до головы. Неужели господин Марден мертв? Неужели это правда? Он знал, что Марден вместе с армией отправился на войну с орками. Никаких официальных сообщений о погибших пока не поступало. Но если он все же мертв, было ли это убийство? Два убитых военачальника — не слишком ли много для простого совпадения?.. Наверняка эти преступления связаны между собой.

Инспектор опрометчиво прислонился к стене. Она оказалась холоднее и сырее, чем выглядела. Недовольно буркнув, он снова выпрямился и смахнул с рукава влажную зеленую плесень.

— По моим сведениям, принцесса Макоби исчезла два дня назад, — заметил он. — А вы утверждаете, что видели ее вчера.

Сараккан в смущении отвел взгляд.

Хм, а ведь что-то между ними такое есть, смекнул инспектор. Похоже, девушка благоволит к нему, и теперь молодец ходит сам не свой...

— Я же вам сказал, что очень хорошо ее знаю, — повторил Сараккан. — Когда Макоби исчезла, я подумал, что знаю, где ее искать, и оказался прав. Я нашел ее в таверне возле старого рынка. Но принцесса имела вид насмерть перепуганного человека. Мы немного поговорили, а потом она... исчезла.

— Но какого клатта понадобилось принцессе искать укрытия в какой-то вшивой дыре, когда она могла спокойно жить у себя во дворце в окружении королевской гвардии?

Сараккан уставился на инспектора в недоумении.

— Возможно, она боится кого-то во дворце, — проговорил он. — Быть может, Макоби чувствует, что опасность грозит ей именно здесь.

— Но с какой стороны?

Сараккан ничего не сказал и молча показал взглядом на самый верх лестницы — туда, где располагались апартаменты Миала.

— От будущего мужа? — засмеялся Трасса. — Да бросьте вы!

— Она не выйдет замуж за этого человека, даже если ей придется выбирать между свадьбой и смертью, — тихо и очень серьезно сказал Сараккан.

Теперь настал черед Трассы удивиться. Его ум лихорадочно работал, и он снова ощутил знакомый прилив горячей волны возбуждения. Первоначальная версия рассыпалась. Детектив понял, что охотился не за тем человеком! Макоби не могла влюбиться в Миала ни при каких обстоятельствах... Значит, их женитьба была браком по расчету.

Насколько Трасса мог судить со своей колокольни, такой тип, как Миал, не способен вызвать положительные эмоции у кого-либо. Брак выгоден только Миалу. Если Марден дей-

ствительно мертв, то через некоторое время Миал станет правителем обоих городов.

Если госпожа Макоби права по поводу того, что кто-то и впрямь преследует ее, то этот кто-то и есть Миал. У этого надменного, самоуверенного человека имелись все основания желать смерти молодой женщины, лишь бы избежать позора быть ею отвергнутым. Отказ уязвил бы его гордость и расстроил планы.

— Вы знали полковника Де Венчаса? — спросил Трасса у Сараккана.

— Да, во время сражения с орками я был в его кавалерийском эскадроне.

— Они ладили с Миалом?

Сараккан отрицательно покачал головой.

— У них были некоторые разногласия, — ответил капитан и понизил голос до шепота. — Полковник сказал мне по секрету, что, по его мнению, Миал совершил несколько крупных просчетов в руководстве войсками на поле боя...

Трасса удовлетворенно кивнул.

— Можно спросить у вас, сэръ... вы проживаете во дворце?

— Да, у меня есть разрешение. Я близкий друг Мардена. Здесь, в башне, у меня комната.

— И вы хотите помочь госпоже Макоби?

— Я готов умереть за нее!

О господи! — подумал Трасса. — Он просто без ума от этой девицы.

— Тогда я попрошу вас кое-что для меня сделать, — сказал полицейский и шепотом обрисовал капитану план действий.

Молодой офицер нахмурился и резко вскинул голову.

— Вы хотите, чтобы я шпионил за Миалом? Почетным гостем регента?!

— В самое яблочко!

Лицо Сараккана прояснилось и расплылось в широкой улыбке.

— С превеликой радостью, — согласился он.

* * *

Трасса без труда нашел дорогу обратно и вскоре присоединился к Кратавану и двум констеблям, беспечно болтавшим с одной из кухарок.

Они сидели вокруг перевернутого ящика и пили пиво из бочонка. Кто-то нечаянно уронил емкость, повредив ее, и, как заметил Кратаван, тару надлежало осушить, пока содержимое не прокисло.

Трасса отправил констеблей в полицейский участок и налил себе пинту пива. Обеспокоенный отсутствием сержанта Раси, он снарядил на его поиски команду ребят из здешней прислуги.

Оставшись одни, Трасса и Кратаван затеяли оживленный спор на интересную тему: развяжет ли правитель Минас Лантана глобальную войну, если его сына вздернут на виселице?

Двадцать минут спустя, когда инспектор допивал вторую пинту пива, поисковая партия, успешно выполнив задание, вернулась. Сержанта отловили на цокольном этаже при выходе из туалета, куда он забился после второго приступа кишечных колик. Раси спал с лица и больше походил на собственную тень, напоминая цветом физиономии прошлогодний сыр.

Трасса подумал, что сержанту было бы неплохо взбодриться, да и ему самому не помешал бы еще один бокал, поскольку легкий алкоголь всегда плодотворно влиял на его умственную деятельность. Минутой позже он решил, что закуски тоже была бы нелишней, и распорядился подать им поднос с холодным мясом, хлебом, сыром и фруктами, предназначавшимися для вечернего торжества.

— Поверь мне, Кратаван, — сказал он, приступив к трапезе, — этот тип увяз в дерьме по самые уши.

— Но я просто не понимаю, зачем ему понадобилось убивать своего заместителя, сэр, — возразил детектив.

— Давай вернемся к самому началу, — гнул свое инспектор. — Попробую показать тебе это на таком примере. Давай представим, что это яйцо — Макоби, а это яблоко — Миал. Итак, он хочет жениться на ней...

Он поставил яблоко рядом с яйцом, взял еще один фрукт и ухмыльнулся.

— А вот это яблоко, — продолжил Трасса, — Марден, ее брат. Он намерен помешать женитьбе, потому что ему известно, что сестра против... Какого клатта, Раси! Это Макоби, а ты запихнул ее в свой поганный рот!

— Прошу прощения, сэр, — пробормотал сержант, тщательно пережевывая сваренное вкрутую яйцо.

— Ладно, пусть этот жареный цыпленок будет Макоби.

Трасса пододвинул птицу к яблоку, представлявшему Миала.

— Хорошенькие ножки, — похвалил Кратаван.

— Заткнись, дурень! Так... на чем я остановился? Ах да. Марден хочет помешать свадьбе. Во время сражения с орками Миал посылает войска Мардсена на самый опасный участок.

— А где орки, сэр? — спросил Раси.

Было похоже, что он упустил нить повествования.

— Это блюдо с пловом подойдет? Этих орков тут много... Во время битвы Марден исчезает — возможно, убитый орками.

Трасса погрузил яблоко в плов, так что оно почти полностью скрылось в густой массе. Несколько рисинок прилипло к его пальцам, и он рассеянно вытер руку о рубашку Раси.

— Но Де Венчас знает, что не было нужды отправлять войска Мардсена на тот участок сражения, — продолжал он. — Он высказывает свои сомнения Миалу. Раси, пока ты не спросил, вот этот персик — Де Венчас. Доволен?.. Ладно. Миал проникает незаметно в кабинет полковника и убивает его, чтобы тот не успел поделиться своими сомнениями с кем-нибудь еще.

Трасса шарахнул по персику кулаком, чтобы наглядно проиллюстрировать процесс убийства. Расплющенный плод обрызгал полицейских кусочками мякоти.

— Но у Макоби зарождается подозрение, — возобновил инспектор свое повествование. — Она считает, что сама станет следующей жертвой... Раси, пожалуйста, не делай этого с

цыпленком. Смотрится глупо и пошло... Нам предстоит срочно найти принцессу, возможно, она представит нам свидетельства против Миала, тогда мы сможем его арестовать.

Инспектор взял яблоко, символизирующее Миала, и откусил от него здоровенный кусок. Кратаван с сомнением покачал головой, не совсем удовлетворенный убедительными доводами Трассы. Раси сначала передвигал по импровизированному столу куриные ножки, так что казалось, что цыпленок убегает, а потом заставил его танцевать.

— Я все же полагаю, что Макоби причастна к убийству, — вставил Кратаван. — Вы бы видели ее лицо, когда я встретил ее у тела полковника. Она выглядела такой смущенной, словно попала на месте преступления.

— Нет, Миал — преступник. Я знаю это наверняка, — возразил Трасса. — И он знает, что я знаю. В какой-то момент мне показалось, что он проткнет меня мечом.

Услышав эти слова, Раси перестал играть с цыпленком.

— Это потому, что вы задавали не деликатные вопросы, сэр, — сказал он.

Трасса вытаращил на сержанта глаза.

— Что, клатт твою налево? Откуда тебе знать, сержант? Ты весь день проторчал в клозете!

— Во всяком случае, так утверждали эти быки, сэр. Которые чисто базарили в умывальной.

— Какие такие быки?

— Да те двое, которым приказали не говорить, что они были в «Чудаковатом дворе» и пытались поймать ее высокочество.

— Так это принцесса была в «Чудаковатом дворе»?! Хм-м...

Новость повергла Трассу в задумчивость. Неужели Миал пытался доставить свою упрямую невесту во дворец силой? Боги, нельзя мешкать ни минуты! Нужно найти Макоби раньше, чем это сделает Миал. Похоже, что Колин Зловещий все правильно отразил в своей статье. Наверняка ему кто-то подсказал. Но кто? Не пора ли нанести ему визит?..

Он встал и взглянул на часы.

Почти четыре часа пополудни! Если Колин Зловещий похож на остальных продажных писак, то я найду его тепленьким в какой-нибудь кофейне рядом с ихней газетенкой. Клатт с ним, разберусь с ним завтра утром. Спешить некуда...

— Ну что, парни, — сказал он и снова сел, — еще по одной? Думаю, у нас есть немного времени...

ГЛАВА 11

Утром следующего дня, когда Макоби проснулась, она не сразу сообразила, где находится.

Спросонок принцессе показалось, что она спит на бетонной плите, а рядом кто-то пилит дрова. Девушка протянула руку к звонку, чтобы позвать фрейлину, но шнурка на месте почему-то не обнаружила. Она с удивлением открыла глаза и все сразу вспомнила.

Макоби лежала одетая на старинной кровати в одной из комнат таверны «Вайверн». Гранит по сравнению с матрасом на ее постели был бы, наверное, мягче. Монотонный звук, который она приняла за визг пилы, исходил от молодого монаха, неожиданно возникшего в харчевне накануне. Он спал на стуле, невероятным образом скрючившись, и громко храпел.

Вчера, когда они поднялись в комнату, монах сказал, что собирается бодрствовать всю ночь и караулить принцессу, хотя Макоби пыталась убедить его, что такой необходимости нет, так как дух Дариана никогда не дремлет и всегда на часах.

Макоби вставать не торопилась и, пользуясь возможностью, изучала лицо юноши. На губах принцессы блуждала снисходительная улыбка. Они весело провели вечер, молодой монах смешил ее, рассказывая забавные истории, и ее настроение улучшилось. Было приятно, проснувшись, обнаружить, что парень рядом.

Пока Макоби не знала, чем он может быть полезен в случае повторного нападения наемников из Гильдии Убийц, но молодой человек действительно обладал магической силой, и девушка чувствовала, что может на него положиться. Фактически она уже ему доверилась.

Когда лежать надоело, Макоби проворно вскочила и, пробежав к окну, выглянула на улицу. К ее удивлению, за окном было многолюдно, только вот толпа выглядела подавленной и печальной. Народ переминался с ноги на ногу, как будто ожидая какого-то тревожного объявления. Флаги на зданиях на противоположной стороне улицы не развевались на ветру, как обычно, а были приспущены. Это наблюдение поразило Макоби. Что-то было неладно.

Принцесса отошла от окна, взяла плащ и, завернувшись в него, набросила на голову капюшон, чтобы избежать случайных взглядов. Осторожно, чтобы не потревожить спящего Гларта, она прокралась к двери, поманила привидение и тихо выскользнула наружу, чтобы выяснить, что происходит.

Молча двигаясь среди скопления людей и стараясь держаться незаметно, принцесса внимательно прислушивалась к разговорам. Ей хватило нескольких минут, чтобы оказаться в курсе последних событий. Информация о сражении, имевшем место два дня назад, наконец-то стала общедоступной. Народ, похоже, осознал, что столкновение с неприятелем, вопреки предсказаниям, не было легкой прогулкой.

Судя по слухам, армия понесла тяжелые потери, и среди убитых упоминалось имя Мардена. Поэтому в воздухе веяло скорбью и трауром.

Эти новости были уже известны Макоби. Но две другие, передаваемые из уст в уста, показались ей весьма любопытными.

Во-первых, всеми превозносилась военная доблесть Миала. Говорили, что его действия позволили обратить неминуемое поражение в победу. В это утро Миал во главе своего отряда должен был выехать из Кумаса домой, в Минас Лантан, поэтому жители города высыпали на улицу, чтобы с почестями проводить героя.

Второй слух более точно соответствовал истине. Теперь ни для кого не было секретом, что Миал хотел жениться на Макоби, но, к ее большой радости, официальная помолвка пока не состоялась. Однако, согласно молве, претендент на

руку принцессы намеревался вернуться в Кумас через три дня, чтобы услышать ответ на свое предложение. Макоби с ужасом узнала, что люди в подавляющем большинстве надеялись на ее согласие.

Вслушиваясь в восторженные вопли, Макоби ловила себя на том, что начинает испытывать к Миалу непреодолимую ненависть. Но может быть, она его недооценивает? А вдруг он и в самом деле герой? Разве не мог Сараккан ошибиться?

Неподалеку Макоби заметила небольшую группу людей, которым дородный мужчина рассказывал о сражении.

Рассказчик был одет в крестьянское платье, но по выправке и стати в нем безошибочно можно было узнать солдата. Макоби догадалась, что человек этот был, вероятно, в милицейском отряде, скомплектованном непосредственно перед боем.

— Да, я видел, как он убил двух здоровенных орков, — говорил он. — Наши поредевшие ряды дрогнули, но генерал Миал дрался как одержимый! Его пример воодушевил наших солдат, он повел их в атаку, и орки обратились в бегство. Уж поверьте, меня распирает от гордости, что я стоял рядом с ним! Он — настоящий герой!

Среди зевак в толпе возникло оживление, со всех сторон посыпались вопросы. Ответив на два-три из них, мужчина выбрался из плотного кольца людей и пошел своей дорогой. Макоби, желая докопаться до правды, догнала его и вцепилась в рукав.

— Вы и в самом деле видели... — начала она, но, как только он повернулся к ней лицом, принцесса узнала его.

Этот человек возглавлял отряд солдат, ворвавшихся в «Чудаковатый двор», чтобы схватить ее.

— Моя госпожа! — произнес он и обнажил в ухмылке зубы. — Какой приятный сюрприз! Ну и карусель вы завертели!..

Макоби выругалась и бросилась было бежать, но пальцы негодяя сомкнулись вокруг ее запястья, и он увлек девушку в тень безлюдного проулка. Свободной рукой принцесса выр-

вала из потаенных ножен кинжал, но не успела замахнуться. Мужчина, оказавшись проворней, опередил ее и вывернул вооруженную руку так, что кинжал выпал, звякнув о мостовую.

— Ничего у вас не выйдет, — прошипел он. — Меня насчет вас предупреждали!

Застонав от боли, Макоби хотела отдать приказ амулету, но детина зажал ей рот ладонью с такой силой, что она почувствовала во рту привкус крови.

— М-м-м, — промычала она.

— Что-что? — раздался слабый голос из-за пазухи, и Макоби с ужасом поняла, что амулету не осуществить ее желание, если она не сумеет произнести его вслух.

В конце переулка она увидела еще пятерых солдат. Ей не составило труда понять это, хотя и они были одеты как крестьяне. Теперь был понятен источник промиаловских настроений... При виде принцессы один из солдат сплюнул на булыжник жвачку, и вся группа, отвратительно шерясь, направилась в их сторону.

Понимая, что ей грозит большая опасность, принцесса резко мотнула головой. Грязный палец удерживавшего ее мужчины, соскользнув, попал девушке в рот, и она впилась в него зубами. Взыв от боли, миаловец отдернул руку.

— Вы об этом жестоко пожалеете, моя госпожа, — взревел он.

— Я не пожалею, а пожелаю снова быть в постели! — воскликнула Макоби.

За этими словами последовала короткая вспышка света, легкое головокружение, и в следующее мгновение она снова очутилась на громоздкой старой кровати в комнате в таверне «Вайверн».

Некоторое время девушка лежала неподвижно, не в силах прийти в себя после перенесенного. Волчий взгляд обидчика у самого ее лица, вонючая рука, зажавшая ей рот... Макоби вздрогнула от отвращения. Она все еще чувствовала его прикосновение, его мерзкое дыхание. Спасибо амулету за то, что спас!..

Она вытащила из-за пазухи изящную серебряную вещицу и с благодарностью посмотрела на нее. Единорог выглядел страшно самодовольным и глупо улыбался.

— Признайся честно, — проговорил он, — что бы ты без меня делала?

Не успела Макоби ответить, как раздался знакомый хлопок, возвещавший появление призрака Дариана. Его колеблющаяся тень обиженно замерла у порога. Призрак был раздосадован и не скрывал этого.

— Будешь в другой раз так драпать, предупреждай, — пробурчал он. — Ты не представляешь, как это унижительно, когда тебя таскают, как собачонку на поводке!

— Прости, пожалуйста! — извинилась она. — В другой раз...

— В другой раз, — перебил ее кто-то, — вам может не повезти.

Макоби бросила взгляд на стул, где спал Гларт. Он сидел все в том же положении, но глаза его были открыты, а лицо выражало озабоченность.

— В чем дело? — спросила она вызывающе.

— Вы ушли, не предупредив меня. Вот в чем дело!

— Послушай, приятель, я знаю тебя без году неделю, и это, клатт тебя возьми, не дает тебе право...

— Вы не понимаете! — перебил монах нетерпеливо, но тут же сдержался.

Поднявшись, Гларт приблизился к кровати и сел рядом с девушкой.

— Вы в опасности, — продолжил он, тщательно выговаривая слова, словно пытался объяснить это не только ей, но и самому себе. — Я могу вам помочь, но только в том случае, если буду с вами рядом. Это украшение уже трижды спасало вас, но если его силу использовать по-другому, то амулет обернется для вас еще более страшным бедствием. Я чувствую его могущество...

Монах молча протянул руку, и Макоби машинально положила кулон на его ладонь.

Ощувив прикосновение металла, он отшатнулся, как от боли.

— Так вот где заключена вся сила! — Гларт сомкнул пальцы вокруг единорога и заглянул Макоби в глаза. — Его вручили вам на хранение, — сказал он почти укоризненным тоном, — и все же вы доверили драгоценность незнакомцу. Любой проходимец может выманить его у вас хитростью и обманом. А с этой штукой какой-нибудь маг-недоучка способен стать всесильным и непобедимым! Даже такой неумеха, как я!

Макоби смотрела на монаха, как девочка, наивно попросившая подругу поддержать мороженое, пока она завяжет на ботинке развязавшийся шнурок, а эта самая подружка нагло сунула лакомство в рот и тут же сожрала вместе с оберткой.

— Но он реагирует только на меня, — воскликнула она. — Он исполняет только мои желания!

Гларт усмехнулся, и в его голосе внезапно послышались суровые нотки.

— *Naes vincula inice*, — приказал он.

Тут откуда ни возьмись появились железные кандалы и сковали Макоби по рукам и ногам. К своему ужасу, она поняла, что не может сдвинуться с места.

— Останови его! — взвизгнула девушка, обращаясь к амулету в руке монаха. — Освободи меня!

— Вот видишь? — сказал Гларт. — *Illos solve!*

И в то же мгновение оковы исчезли. Макоби растерянно растирала запястья.

— Амулет подчиняется тому, кто им владеет, — пояснил Гларт, поднимая вещицу над головой. — Пока он у меня, я всемогущ.

С этими словами он бросил кулон смущенной принцессе. Поймав драгоценный талисман, та прижала его к груди и с облегчением вздохнула. От счастья у нее даже слегка помутилось в голове.

— Я думала, что ты уже не вернешь его! — вырвалось у нее.

— О боги! Но что бы я с ним делал? Нет, по всей видимости, он предназначен для вас. Только будьте осторожны и благоразумны!

Макоби в изумлении покачала головой.

— Не слишком ли это большая для меня честь? — спросила она у Гларта. — Я даже не знаю, что кругом творится, не говоря уже почему.

— Возможно, что в этом я помогу разобраться.

Принцесса снова уставилась на монаха в удивлении. Гларт сидел рядом с дружеской улыбкой на лице и рассуждал так, словно ему предстояло исправить подтекающий кран, а не предупредить убийство или увечье, словно не было волшебства и магии, а все дурное было сном.

Девушка не понимала, как мог он оставаться таким здравомыслящим и хладнокровным. Она была готова рассердиться на монаха за это, но его открытая улыбка в который раз обезоружила Макоби.

— Ладно, — произнесла она примирительным тоном и тоже улыбнулась. — Что будем делать дальше? Есть предложения?

— Надо сделать важное дело.

— Какое же?

— Пошли завтракать.

Теперь, когда Дариан стал привидением, ему было все труднее и труднее общаться с представителями реального мира.

Время после смерти текло для него неравномерно, то растягиваясь, то сжимаясь, как резинка. Люди двигались порой то замедленно, то начинали мелькать, как шарики в пинг-понге. Иногда они произвольно исчезали, а потом вдруг появлялись неизвестно откуда, словно из целостной картины вырезали отдельные куски.

Еще у Дариана возникло странное ощущение непричастности. То, что казалось когда-то интересным и забавным, больше не привлекало внимания. К примеру, если бы при жизни ему предложили подглядывать за мужчиной и тремя

женщинами в постели, то он с радостью согласился бы и получил бы массу удовольствия. Но теперь Дариана это почти не трогало. Более того, зрелище не вызывало в нем прежних эмоций и естественных реакций. Было похоже, что некоторые части его тела отмерли прежде остальных...

Став импотентом, он часто задумывался, является ли это прямым следствием смерти или же объясняется тем, что живые его больше не волнуют. Что будет, гадал он, если ему доведется встретиться с духом женщины, к тому же обнаженной? Произведет ли она должное впечатление? А что, если ему повстречаются другие привидения? Ведь должны же они где-то существовать. При жизни Дариан часто слышал, как люди рассказывали о призраках. Наверняка в старых домах Кумаса обитают жуткие призраки и пугают обитателей своим внезапным появлением и металлическим звоном цепей...

В большинстве случаев людям попадались одинокие духи. Пары были большой редкостью. Все же был ли у него шанс встретить женское привидение? И смогут ли они заниматься любовью? Ему не приходилось слышать, чтобы кто-нибудь встречал влюбленные парочки духов, не говоря уже о том, чтобы кто-то оказался свидетелем их сексуальных утех.

После продолжительных раздумий на эту тему Дариан решил запретить себе подобные мысли, ибо они угнетали его и наводили тоску. Немудрено, что призраки, по свидетельству очевидцев, обычно стонут и причитают. В условиях бестелесного существования и святые завоюют!

Тут Дариан вспомнил о Макоби и Гларте. Что с ними? Не пора ли отправиться на их поиски? Но смысла в этом не было, так как они не могли уйти далеко, ведь он неотступно следовал за ними, как пес на поводке. Призрак снова задумался. На этот раз над тем, что сказал Гларт прошлой ночью.

Сомнений не оставалось, его держали чары Оков Души. По мнению монаха, эти чары налагались в том случае, когда кто-то хотел передать с помощью призрака какую-то информацию. Дариан полагал, что именно это с ним и произошло. Он был убежден, что Марден сказал ему что-то, что он дол-

жен был сообщить Макоби. Но на свою беду он никак не мог вспомнить текста послания...

Призрак парил под потолком комнаты, как мрачная грозовая туча, и отчаянно пытался заставить свой ленивый мозг шевелиться. Вдруг в мутных водах его памяти что-то всколыхнулось и вынырнуло на поверхность, как махонькая рыбка...

Теперь Макоби, наученная горьким опытом, была более осторожной.

Она не стала заказывать в харчевне изысканный завтрак, боясь обратить на себя внимание. Она только попросила амулет, чтобы хозяин принес ей что-нибудь съедобное. В результате Макоби и Гларт получили по порции яиц с беконом и колбасой, слегка обжаренных в жире, в то время как у остальных постояльцев завтрак утопал в топленом сале.

— Отлично, — произнесла она, снимая жир с яичного белка кусочком подсушенного хлеба. — Из нас двоих ты соображаешь лучше, ну и что теперь? Куда мы двинемся дальше?

— Итак, — произнес Гларт после минутного раздумья, — у нас есть несколько вариантов. Можно попробовать узнать об амулете больше. Уверен, что у него есть для нас ответ. Проблема состоит в том, что мы не знаем вопроса.

— Весьма мудро.

— Я бы хотел проверить это, но не сейчас и не здесь. Есть еще нечто, что нам нужно сделать в первую очередь.

— О чем ты?

— Хм... Говорите, орки выигрывали сражение, потом ни с того ни с сего отступили... И, возможно, захватили в плен или убили вашего брата, так?

— Да.

— Еще вы сказали прошлой ночью, что не понимаете, почему орки вдруг вторглись в Кухбадор после стольких лет мира, правильно?

— Все так.

— Так попробуем выяснить почему.

— Превосходно! И каким же образом?

— Очень просто. Спросим кого-нибудь из орков.

— Думаешь, они нам скажут?

— Очень может быть. Во всяком случае, если мы спросим, хуже нам от этого не станет. Полагаю, в Кумасе у них есть консульство?

— Несомненно, хотя я там никогда не бывала. Говорят, у них там проходят восхитительно буйные пирушки, но отец приказал мне обходить их стороной.

— Что ж, похоже, теперь у вас есть шанс наверстать упущенное. Остается найти Дариана — и в путь.

Когда Макоби и Гларт поднялись наверх, призрак пребывал в состоянии сильнейшего возбуждения и со свистом носился по комнате. Им пришлось помучиться, прежде чем они сумели отловить его. Дариана постоянно заносило на выражах, и он проскакивал сквозь стены.

Наконец, когда удалось его тормознуть, принцесса с монахом узнали, что дух восстановил еще один кусок памяти.

— Я вспомнил, что господин Марден говорил мне об амулете, — сообщил Дариан, захлебываясь от восторга. — Он сказал, что эта старинная вещица была найдена в древней гробнице. Армейское подразделение, которым он командовал, получило приказ прибыть на место археологических раскопок на юге. Им надлежало сопровождать сокровища, обнаруженные в захоронениях Первого века.

— Правильно, — подтвердила Макоби и уселась на кровать. — Это было всего пару недель назад. Когда он вернулся домой, его было не узнать. Он стал замкнутым и угрюмым. Именно тогда он начал носить этот амулет.

Она поднесла руку к груди, где под безрукавкой висел кулон.

— Господин Марден рассказал, что однажды ночью его солдаты нашли мертвого грабителя могил, — продолжил призрак Дариана, — Они не поняли, что послужило причиной смерти, но господин Марден был убежден, что несчастный умер от страха. Он держал в одной руке старинный кинжал, а

в другой — амулет. Поскольку по сравнению с другими находками большой ценности эти предметы не представляли, господин Марден решил оставить их себе. Однако он не мог объяснить, почему сделал это...

Дух замолчал и с сомнением посмотрел на Макоби, словно раздумывал, стоит ли развивать данную тему.

— Продолжай, — потребовала она.

— Он сказал, что это было самое неосмотрительное решение в его жизни, — прошептал призрак. — Еще он говорил, что, как только надел амулет, начали твориться всякие странные вещи. Господин Марден был уверен, что эта вещица обладает магической силой. Кроме того, кто-то украл у него кинжал и теперь охотится за амулетом. И еще ваш брат добавил, что, вероятно, он скоро умрет...

— Так он знал?.. — воскликнул Гларт, удобно устроившийся на стуле.

Призрак Дариана кивнул.

— Он думал, что этот неизвестный воспользуется тем, что идет сражение, чтобы его гибель не вызвала подозрений, — продолжал Дариан. — Господин Марден знал, что, когда его убьют, амулет заберут. Поэтому он и отдал его мне на сохранение. Никто не знал, что драгоценность у меня. Он просил после его смерти передать амулет его сестре.

Некоторое время все молчали.

Макоби первой нарушила тишину. Ей не хотелось задавать следующий вопрос, но она понимала, что должна сделать это.

— Он сказал, кто украл кинжал? — спросила она, собравшись с силами. Возможный ответ пугал ее.

— Да, — ответил дух.

— Кто это был?

Снова возникла пауза. Гларту показалось, что еще немного — и призрак разрыдается.

— Не помню, — выдавил он наконец из себя.

— О, Дариан! — взорвалась Макоби. — От тебя толку что от козла молока!

— Не нужно на него сердиться, — предостерег монах. — Он не виноват и со временем все вспомнит.

— Надеюсь, — пробормотала Макоби, остывая. — Во всяком случае, ответ нам практически известен. Люди Миала, похоже, повсюду. Хотелось бы мне знать, какую выгоду он ожидает извлечь из всего этого.

— Прошу прощения, но ничем не могу помочь, — раздался из-за пазухи голос амулета.

— Возможно, разговор с орками даст нам какие-то зацепки, — бросил Гларт, поднимаясь со стула. — Пора идти.

Он выждал несколько секунд, но Макоби не двинулась с места. Принцесса все так же сидела на кровати и нервно перебирала пальцами одеяло.

— Что случилось? — поинтересовался он.

Девушка неопределенно пожала плечами.

— Не знаю, — сказала она с сомнением в голосе. — Я теперь боюсь выходить на улицу. Люди Миала — повсюду. И я не уверена, кто им нужен — я или этот клаттовый амулет. Если он такой ценный, его могут сорвать с меня.

Она сидела на огромной постели такая несчастная и одинокая, что сердце Гларта наполнилось жалостью. Ему захотелось броситься к принцессе, обвить ее хрупкую фигурку руками, прижать к груди и...

подавив эти греховные мысли, Гларт подошел к кровати и, усевшись на почтительном расстоянии от принцессы, посмотрел на нее с улыбкой уверенного в себе человека.

— О, думаю, эта проблема разрешима, — сказал он твердо. — Если вы позволите мне взять вещицу на время...

Макоби бросила на него недоверчивый взгляд, но потом вспомнила, что если бы он захотел, то давно мог бы завладеть талисманом. Она сняла украшение с шеи и протянула Гларту.

— Что нам нужно сделать, — произнес он нараспев, — так это замаскировать нас обоих. Так, посмотрим.

Юноша на минуту задумался, и его лицо приняло выражение крайней сосредоточенности. Макоби наблюдала за ним как загипнотизированная. Черты лица Гларта несли печать

его характера и были столь своеобразны, что принцесса до сих пор не могла понять, было ли оно обаятельным или уродливым.

Когда она решила, что парень обаятельно уродлив, Гларт щелкнул пальцами.

— Есть, — сообщил он обрадованно. — *Facies Barbara Plaustriterrae habe!*

Макоби ждала, но ничего не происходило, если не считать легкого жжения кожи на лице. В то время как взгляд Гларта исполнился благоговейного ужаса.

— Что случилось? — спросила она.

— Послушайте, — начал он предостерегающе, — не пугайтесь. Эти чары временные. Но я могу вас расколдовать немедленно.

— Какие чары?

— Я вас заколдовал с помощью амулета. Теперь вас никто не узнает. Мы вернем все обратно, как только будем в безопасном месте.

Гларт был доволен, как слон, только что пришедший с водопоя. Сердце Макоби ушло в пятки. Она медленно встала, подошла к маленькому треснутому зеркалу, висевшему над камином... И замерла перед ним в изумлении.

Лицо, смотревшее на нее из зеркала, принадлежало одной из тех пожилых дам, которые считают, что килограммы косметики способны исправить следы, оставленные беспощадным временем. Оно словно вышло из-под кисти художника, у которого много красок, но мало таланта. Черная тушь на глазах, голубые тени на веках и красная помада на губах бросали вызов ярким румянам и розовой пудре. Вся эта палитра красок вела смертельный бой между собою не на жизнь, а на смерть. В этой войне не брали пленных.

— Позаботься о том, чтобы потом снять колдовство, — с угрозой сказала принцесса Гларту, — иначе умереть тебе страшной смертью. В самом ближайшем будущем.

— Не беспокойтесь, — утешил ее Гларт, хотя не мог пожелать себе аналогичного. — Я справлюсь. Зато теперь вас никто не узнает.

Макоби смерила его сердитым взглядом, и он поспешно отвернулся, переключив внимание на амулет, лежавший у него на ладони.

— Вот и славно, — проговорил монах. — Марден нашел амулет, так что люди Миала будут искать нечто в таком же роде. А мы попробуем превратить его во что-нибудь другое...

Он тихо что-то прошептал амулету, так тихо, что принцесса не разобрала слов. Серебро снова начало течь и видоизменяться. Оно потемнело и сгустилось, превратившись наконец в простое золотое кольцо в форме головы льва.

— Готово, — подытожил юноша. — Ну как?

Макоби нехотя улыбнулась и протянула монаху руку. Он осторожно надел украшение ей на палец. Перстень ехидно захихикал, и только тут Гларт сообразил, что надел его на безымянный палец левой руки.

— Я теперь обручальное кольцо, — заходилась он. — Обручальное кольцо! В твоих мечтах, парень!..

Гларт смущенно отвел взгляд, ему захотелось схватить молоток и расплющить ненавистный кусок тщеславного металла. Но Макоби, похоже, ничего не замечала. Она опять погрузилась в изучение своего отражения в зеркале.

— Мне положено испытывать благодарность, как я понимаю, — начала она, оторвавшись наконец от зеркала, — но я что-то ее не чувствую. Ладно! Пошли!

Девушка (хотя... в нынешнем-то ее состоянии...) гордой походкой направилась к двери, но на полпути остановилась.

— Послушай, вернешь мне мое лицо до того, как мы войдем в консульство, — предупредила она Гларта. — Я не желаю сидеть в комнате с орками и быть самой безобразной из них...

По пути в консульство никаких неожиданностей не приключилось.

Духу было велено держаться от них на почтительном расстоянии, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания злобным собачьим лаем, испуганным шипением кошек и ржанием лошадей. Хотя на улицах было полно народу, никто ими

не заинтересовался, ибо в это самое время воинский контингент Минас Лантана во главе с Миалом покидал город.

Командир отряда гордо восседал на коне и бросал по сторонам холодные взгляды, как будто не замечая ликующей толпы и восторженных приветствий благодарных граждан, провозжавших своего героя.

Макоби и Гларт тоже остановились, чтобы поглазеть на красочное зрелище. В какой-то момент глаза Макоби и Миала встретились, и она испуганно сжалась, но тень узнавания не тронула его черты. Маскировка оказалась удивительно эффективной. Однако происшествие не прошло для девушки бесследно, и она поймала себя на том, что дрожит от страха. Гларт взял ее за руку, и, чтобы не толкаться в толпе, они свернули в тихий проулок.

Пять минут спустя они достигли темной грязной улицы, где располагалось оркское консульство. Оно размещалось в жалком каменном здании, порядком обветшавшем, с прохудившейся шиферной крышей и облупившейся краской на стенах. Здание консульства отделяла от улицы узкая полоска неказистого сада, заросшего ежевикой и крапивой и засоренного старыми пивными бутылками.

На улице было пустынно и спокойно, если не считать двух кошек, обменивавшихся на дальнем дворе взаимными упреками. Поскольку никакой опасности не предвиделось, Макоби не терпелось вернуть свой прежний облик, и она уговорила Гларта расколдовать ее.

Они зашли в ближайшую подворотню, монах снял с пальца девушки кольцо и, зажав его в кулаке, прошептал заклинание. Знакомые черты восстановились, но, видя испуганный взгляд принцессы, Гларт не мог сдержать улыбки.

— Не волнуйтесь, — сказал он, возвращая кольцо. — Вы так же прекрасны, как и были.

Его голос прозвучал вполне искренне, и Макоби ответила ему благодарным взглядом.

В этот момент Гларт впервые понял, какой красавицей она была в действительности, и у него возникло непреодоли-

мое желание тут же обнять девушку и поцеловать. Пока юноша боролся с охватившим его чувством, принцесса потянулась к нему и сама чмокнула его в щеку.

— Спасибо, — поблагодарила она. — Ты удивительно талантлив. Это так замечательно — иметь рядом человека, на которого можно положиться.

Гларт едва не лишился чувств от счастья. В ушах у него зазвенело, и мир вокруг стал солнечным и ярким. Он мог поклясться, что слышал даже далекую небесную музыку.

Гларт смущенно откашлялся, и этот звук прокатился гулким эхом по пустынной улице.

— О, это сущий пустяк, — пробормотал он. — Я рад помочь.

— А теперь ты можешь помочь мне с орками, — сказала она. — Идем!

Они вышли из подворотни и зашагали по потрескавшейся дорожке с пробивающейся местами сорной травой.

Дорожка привела их к деревянной двери оркского консульства. Дверь была слегка приоткрыта. Гларт толкнул ее, и они вошли внутрь.

Монах и принцесса очутились в убогом помещении, занимавшем практически всю длину первого этажа. По своей обстановке зал напоминал харчевню. Вдоль левой стены тянулась неизменная барная стойка, стояло несколько столов с хромоногими стульями и табуретами. В дальнем углу виднелась лестница с деревянными ступенями, ведущая на второй этаж.

На одном из столов остались недопитые бокалы с пивом. В воздухе висел густой запах табачного дыма, но кругом не было ни души.

Макоби и Гларт остановились у двери и прислушались. Тем временем дух Дариана проплыл мимо и замер у стойки.

— Это не похоже на орков. Они не из тех, кто стесняется и прячется по углам, — заметил Гларт. — Я думал, что здесь будет оживленнее.

— Это в порядке вещей. Они стараются держаться незаметно, — ответила Макоби. — Их войска только что наруши-

ли наши границы, нам пришлось туго, многие были убиты. Возможно, орки боятся возмездия. По правде говоря, я удивлена, что толпа не устроила из их консульства небольшой костер.

— Может, толпа здесь и побывала. — Гларт принялся. — Судя по запаху, здание слишком сырое, его было бы трудно поджечь.

Он подошел к ближайшему столику и взял один из бокалов. На вид и по запаху пиво было свежим. Он сделал большой глоток и удовлетворенно хмыкнул.

— Не знаю, когда точно они ретировались, только произошло это совсем недавно, — констатировал монах.

Макоби подняла глаза вверх, словно надеялась что-то увидеть сквозь толщу обшарпанного потолка.

— Что ж, Дариан, — промолвила она, — наступил твой черед быть полезным. Загляни наверх и посмотри, есть ли там кто.

Дух кивнул и, взмыв туманным облаком под потолок, исчез из виду. Не прошло и минуты, как он высунул голову.

— Думаю, вам лучше подняться и увидеть все своими глазами, — сообщил он.

Вскрабавшись по лестнице, они оказались в длинном узком коридоре, лишенном какого-либо убранства. Вдоль одной его стороны тянулся ряд закрытых комнат. Голова Дариана торчала из двери третьей из них.

— Сюда, — позвал он и юркнул обратно. Макоби толкнула дверь, и они вошли внутрь.

Это был небольшой мрачный кабинет, служивший, очевидно, главным офисом консульства. Основное пространство занимал большой письменный стол, заваленный бумагами, документами и огромным количеством пустых стаканов и пивных бутылок. Стены увешаны картами оркских городов — Высокий Менил, Великий Тошнотик, Город Домовых...

Над маленьким камином красовалась аккуратно выведенная старинная оркская пословица: «Четыре пинты — хорошо, две пинты — плохо». А перед камином имелася куча убитых орков.

В куче было пятеро. У каждого на груди в области сердца зияла колотая рана, как от удара мечом. Причем раны были нанесены с такой хирургической точностью, что крови почти не было. После такого ранения смерть должна была наступить мгновенно. Гларт наклонился и пощупал одного из пострадавших. Его тело еще не остыло. Судя по всему, он умер минут тридцать назад.

— Похоже, он снова опередил нас, — воскликнула Макоби в отчаянии. — Если бы только мы пришли часом раньше!

— А теперь давайте посмотрим на дело с оптимистической точки зрения, — предложил монах. — Если бы мы явились на полчаса раньше, то, возможно, лежали бы здесь рядом с этими бедолагами. Нам нужно найти какие-нибудь зацепки, которые могли бы указать на личность преступников. Надо отворить окно, а то здесь темновато.

Макоби нахмурилась и направилась к окну. Стекол на нем не было, но деревянные ставни были плотно закрыты. Ей показалось, что она услышала снаружи звук шагов. Повозившись немного со шпингалетом, она распахнула створки и выглянула на улицу.

По дорожке, ведущей к парадной двери консульства, шли несколько офицеров полиции. Один из них поднял голову и увидел Макоби. В нём принцесса узнала человека, сопровождавшего ее к телу Де Венчаса.

Это был констебль Кратаван.

— Клатт! — выругалась Макоби. — Полиция, Гларт! Нам нужно убираться отсюда!

— Но...

— Не спорь! Куда?

— Хм... Вот что, думаю, было бы неплохо, если бы вы могли на какое-то время скрыться из города. И, раз мы хотим побеседовать с кем-нибудь из орков, может, стоит сразу тронуться в один из оркских городов?

— Ладно, — согласилась девушка. — Но прежде чем мы покинем город, мне нужно попасть во дворец. Надо кое-что там сделать. Ты готов, Дариан?

— Полагаю, что да, — отозвался призрак трагическим тоном.

Они услышали топот ног в таверне внизу, и принцесса загадала желание. Последовала ослепительная вспышка, и Макоби с Глартом очутились в темном проеме под какой-то лестницей. Немного погодя раздался знакомый хлопок, и к маленькой компании присоединился призрак.

— Ну, как ты? — участливо спросила Макоби.

— Никак, — отозвался он уныло. — Такой способ передвижения мне не импонирует. Меня от него мутит.

— Послушайте, вы оба останетесь здесь и сидите тихо. Через пару минут я вернусь.

— Что?.. — переспросил Гларт, который думал совершенно о другом: его снова одолело желание заключить Макоби в объятия и долго целовать.

О чем еще можно было мечтать, находясь с девушкой в укромном месте? Из-за этих сумасбродных мыслей он чувствовал себя весьма неловко.

— Хорошо, — спохватился он. — Ни о чем не волнуйтесь.

Макоби выскользнула из-под лестницы и бесшумно взбежала по ступенькам. Наверху она остановилась у запертой двери и легонько постучала, хотя застать обитателя комнаты на месте почти не надеялась.

К ее радости, дверь открылась, и Сараккан выглянул наружу.

— Макоби!.. — выдохнул он. Его удивлению не было границ. — Ты где была?

— У меня нет времени на разговоры, Сараккан. Скажи, говорил ли полковник Де Венчас кому-нибудь о своих сомнениях насчет поведения Миала во время сражения?

— Что? Какая теперь разница? Что с...

— Сараккан! — перебила девушка офицера и схватила его в волнении за рукав. — Неужели ты не понимаешь, как это важно? Так говорил или нет?

Сараккан замолчал и на минуту задумался.

— Нет, — твердо ответил он. — Он сказал мне это конфиденциально и просил на эту тему не распространяться.

— Тогда ты в опасности! — воскликнула она с тревогой. — Думаю, что за всем этим стоит Миал. Уверена, это он убил полковника, чтобы тот никому не рассказал, как Миал опростоволосился во время боя. В глазах жителей нашего города Миал хочет выглядеть героем, чтобы принудить меня согласиться выйти за него замуж. Если он узнает, что Де Венчас поделился с тобой своими мыслями, то убьет!..

Эти слова принцессы заставили Сараккана улыбнуться, что в свою очередь сильно раздосадовало девушку.

— Это серьезно! Ты что, мне не веришь? Миал опасен!

— Я знаю, — кивнул Сараккан, и лицо его помрачнело. — Полиция поручила мне вести за ним наблюдение.

Он опасливо огляделся по сторонам, словно боялся, что их могут подслушать. Потом, понизив голос до шепота, сообщил:

— Вчера вечером, пока Миал был на приеме, я обыскал его апартаменты. Знаешь, что я нашел?

Макоби отрицательно покачала головой.

— Кинжал, который был у Мардена, тот самый, из древней гробницы на юге...

— Тот, который у него украли?

— Так ты знаешь об этом? — изумился Сараккан.

— Да.

— Возможно, именно им и был убит полковник Де Венчас. Но я никак не возьму в толк, что за всем этим стоит? Зачем понадобился Миалу этот кинжал? Какая ему выгода в смерти Мардена?

Макоби недоверчиво встряхнула головой. Как бы сильно она ни любила Сараккана, но его детская наивность порой доводила ее до бешенства.

— Ты идиот, — вырвалось у нее в сердцах. — Ты же знаешь, что он хочет жениться на мне! Но не из любви, а из жажды власти! Моего брата нет в живых. Когда отец умрет, мы с ним станем правителями Кумаса!

Она видела, как изменилось лицо Сараккана, когда до него дошел смысл сказанного.

— Мы должны остановить его! Нужно собрать больше улик!

— Может быть, я сумею раздобыть что-нибудь. — Макоби поднялась на цыпочки и быстро поцеловала офицера в щеку. — Я скоро свяжусь с тобой. Береги себя, Сараккан!

В следующее мгновение она уже стремглав мчалась вниз по ступенькам.

— Макоби! Постой! — закричал Сараккан и бросился за ней.

Но девушки простыл и след, словно она растворилась в воздухе. Ему ничего другого не оставалось, как чесать затылок и гадать, что она затеяла и чем, клатт все поберет, это закончится.

Гларт стоял, притаившись в тени лестницы, когда внезапное появление принцессы нарушило его одиночество. Но он не успел и глазом моргнуть, как девушка сжала его руку, и яркий сноп света разорвал мглу.

Когда зрение восстановилось, монах обнаружил, что они вдвоем стоят в широком поле у реки, а в небе сияет солнце. От обилия света он зажмурился и тут же услышал привычный хлопок. Рядом материализовался дух Дариана и судорожно всхлипнул. Он выглядел еще более несчастным, чем всегда.

— Прости! — извинилась Макоби. — Мне просто хотелось как можно быстрее убраться оттуда...

— Не думай... — призрак икнул и сморщился, — не думай об этом.

— Где мы? — полюбопытствовал Гларт.

— На западной границе Кумаса, возле Лампа Санды, — пояснила Макоби. — Видишь ли, я никогда раньше не бывала на земле орков, поэтому амулет не может доставить нас туда. Это самая западная точка наших земель, которую я видела своими глазами.

— Все правильно, — пробурчал золотой перстень в виде головы льва на пальце принцессы. — Прошу прощения и все такое, но дальше вам придется топтать самим. За горами лежит Тошнотик. До него идти дня два, не больше.

Гларт устремил взгляд на запад, где за рекой вздымался поражающий своим великолепием Ирридский хребет. Ему предстояло провести в компании с Макоби целых два дня.

— Что ж, мы постараемся, — промолвил он наконец, едва не рассмеявшись от счастья по поводу открывшейся перспективы.

Человек начал немного беспокоиться.

Не все шло как было задумано. Пока ничего серьезного не случилось, но вмешательство полиции не сулило ничего хорошего. С ними нужно держать ухо востро. С этим придурком Трассой проблем не будет, но внезапное исчезновение Макоби настораживало. Теперь он не имел представления, где она скрывается. Если она догадается о его причастности ко всему происходящему, то никакие посулы не заставят ее согласиться на брак с ним. Нужно поторопиться и ускорить события. Проявить чуточку больше настойчивости и жениться на ней в ближайшее время. Что будет потом, значения не имеет. Ее судьба уже предreshена...

ГЛАВА 12

Трасса проснулся с тяжелой головой и кислым привкусом во рту.

Эти признаки свидетельствовали, что накануне он явно перебрал. Лежа без движения в своей холостяцкой постели, детектив пытался угадать, который час и не пора ли уже находиться в полицейском участке.

У большинства офицеров имелись жены, вовремя будившие мужей на работу. У сержанта Раси эту функцию исполняла мать. Но Трасса, будучи законченным холостяком, по собственному опыту знал, что лучшим средством от синдрома похмелья является сон. По этой причине он приходил на работу с непростительным опозданием.

Инспектор перебирал в уме факты, собранные по текущему делу. Чем больше он размышлял над ними, тем больше склонялся к выводу, что за всем стоял Миал. Трасса полагал, что при наличии достаточно веских доказательств без труда сумеет убедить суперинтенданта в своей правоте. Главная загвоздка, однако, состояла в том, как заставить его согласиться выдать ордер на арест столь важной персоны. Да и улики пока было маловато...

Поскольку туман в голове потихоньку рассеивался, Трасса встал и оделся. С куском гренка в руке он вышел из дома и направил стопы в штаб-квартиру «Кумасской газеты», находившуюся в Солодовом переулке.

Он решил, что должен встретиться с Колином Зловещим. Было похоже, что журналист напал на нужный след раньше полиции. По всей видимости, репортер располагал надежным

источником информации. Трасса надеялся убедить последнего в пользе сотрудничества.

В конце улицы инспектор остановился, чтобы купить свежий номер газеты в надежде познакомиться с последними изысканиями проворного журналиста. Сначала он подумал, что Колин утратил интерес к его делу, так как первая страница целиком и полностью была посвящена убийству одного из деревенских старост из соседнего поселка. Его нашли с колотой раной в груди за несколько минут до обедни, которую он должен был проводить, так как служил в местном приходе священником. Заголовок гласил: «Богослужение отменяется — церковный староста мертв!» Далее Колин Зловещий точно, но цветисто вел репортаж с места преступления.

В правом нижнем углу внимание Трассы привлек заголовок поскромнее: «Арест девицы, или Деревянные колодки». Прочитав содержимое маленькой статьи, Трасса замер посреди улицы, как столб, и грязно выругался.

«Вчера вечером, — говорилось в заметке, — суперинтендант Причуда из национального отряда спецназначения города Кумаса объявил, что в связи с убийством полковника Де Вен-часа в скором времени будет арестована некая женщина.

Инспектор следственного отдела Трасса идет по пятам подозреваемой, сообщил суперинтендант корреспонденту. У него есть приказ арестовать упомянутую особу в ближайшие три дня, в противном случае на него самого наденут деревянные колодки и выставят у Ворот преступников, где каждый сможет выразить ему свое презрение!»

Вне себя от негодования Трасса скомкал газету и со злостью швырнул ее в подвернувшегося на свою беду бродячего пса.

За долгие годы карьеры детектив, безусловно, сталкивался со всякими эксцентричными формами поведения, но самой необычной, конечно, была манера суперинтенданта обращаться с подчиненными как с преступниками, если первые не успевали вовремя отловить настоящих. Трасса ничуть не сомневался, что шеф сдержит слово, если в указанный срок он кого-нибудь не арестует.

Трудно также было ожидать, что шеф обрадуется, когда услышит имя ключевой фигуры в этом деле. Он и так был недоволен, когда узнал, что Трасса намеревался допросить госпожу Макоби. Причуда, вероятно, совершенно рассвирепеет, когда Трасса доложит ему, что хочет арестовать старшего сына правителя Минас Лантана.

Проклиная себя за то, что не держал суперинтенданта в курсе расследования дела, детектив с упавшим сердцем двинулся в полицейский участок. Внезапно ему показалось, что отныне все пойдет наперекосяк.

В столовой полицейского участка Трасса задержался.

Только пропустив два стаканчика отменного виски, он почувствовал, что к встрече с начальством готов и может смело идти на ковер. Но перед дверьми кабинета Причуды он, как всегда, замешкался, собираясь с духом.

Постучав, детектив вошел. К своему удивлению, он нашел босса в неожиданно приподнятом настроении.

— Доброе утро, Трасса, — пророкотал Причуда. — О господи, ты в своем костюме спишь, что ли?.. Ну что, уже арестовал госпожу Макоби по поводу убийства Де Венчасы?

— Нет, сэр. Я думаю, что она тут ни при чем.

— Вот как? Интересно. — Суперинтендант откинулся на спинку кресла, сомкнув за головой ладони. — А детектив Кратаван считает ее виновной.

— Кратаван ошибается, сэр.

— Правда? Тогда кто же преступник, если не она, Трасса? Инспектор нервно сглотнул слюну и пошел напролом.

— Миал из Минас Лантана, сэр.

— Ну-ка быстро скажи, что пошутил!

Трасса, не теряя времени даром, коротко изложил начальнику причины, по которым заподозрил Миала в убийстве.

— Он надеется стать правителем обоих городов, — подытожил инспектор. — Но Де Венчас мог ему помешать. Я поручил одному офицеру из дворцовой стражи — капитану армии Сараккану — вести за ним наблюдение. Он может подтвер-

дить, что Миал и Де Венчас относились друг к другу с подозрением и недоверием. Мне нужно проверить еще пару фактов, после чего хотелось бы доставить Миала для проведения допроса.

Суперинтендант расхохотался, как гиена, и радостно забарабанил ладонью по крышке стола.

— Тебе придется как следует потрудиться! — сказал он, вытирая слезы. — Миал только что выехал из Кумаса во главе нескольких сотен солдат, которые боготворят землю под его ногами. Можешь, конечно, отправляться следом. Но если осмелишься арестовать его, охрана изрубит тебя в мелкие кусочки. Если же они этого не сделают, то я сам исправлю это досадное упущение!

Внезапно смех суперинтенданта стих. Он вскочил на ноги, обошел стол и низко склонился над Трассой, глядя ему прямо в глаза.

— Так ты подозреваешь Миала в убийстве! — закричал он. — Что ж, тогда я подозреваю, что один из моих инспекторов полный болван и тупица! Что ты о себе возомнил? Что собираешься сделать? Втянуть город в войну с ближайшим соседом и союзником? Миал, клатт твою, — герой!

— При всем моем уважении к вам, сэр, он клаттерный негодяй.

Суперинтендант ткнул Трассу пальцем в грудь.

— Ты не можешь арестовать Миала. Найди кого-нибудь более подходящего, кого мы могли бы обвинить в этом преступлении. Как насчет этого, как там его, Сараккан, что ли? Говоришь, он воснный человек?

— Да, сэр.

— Что ж, он подойдет. У него влиятельные или знаменитые родители?

— Не думаю, сэр. Он — крестьянских корней.

Трасса неловко замолчал и поморщился, вспомнив об обещании Причуды, данном Колину Зловещему, расправиться со своим инспектором в случае неудачи.

— Вот и отлично. Никто не пожалуется на его задержание и не поднимет шума.

Суперинтендант разогнулся и удовлетворенно потер руки.

— Он сказал, что дружил с господином Марденом. И, насколько я могу судить, ухаживает за принцессой, — добавил Трасса.

— Еще лучше! Всегда можно сказать, что он пытается очернить Миала, чтобы не допустить его брака с Макоби. Из ревности. Вот и хорошо, инспектор. Дело, кажется, близко к завершению. Поздравляю! Похоже, позорные колодки вам пока не светят.

Суперинтендант пожал Трассе руку и проводил до двери.

— Сообщите мне, когда произведете арест, хорошо? — ласково попросил он.

Трасса очутился в коридоре, дверь за ним закрылась.

Горестно качая головой, он отправился на поиски сержанта Раси.

Мысль об аресте Сараккана не оставляла детектива. Искушение было почти непреодолимым, но Трасса еще сохранил юношеский идеализм, заставивший его в свое время переехать в город Кумас. Он обязан арестовать настоящего преступника, если это только возможно.

К тому же если Миал в самом деле убийца, то он не годился на роль мужа Макоби и правителя Кумаса. Более того, он представляет собой угрозу для всего города. Если Трассе удастся: раздобыть неопровержимые доказательства вины Миала, Причуда никуда не денется. Он будет вынужден отдать приказ об аресте преступника хотя бы из чувства простого патриотизма.

Однако если у детектива ничего не получится, то колодок не избежать, если только он не подставит кого-нибудь вроде Сараккана...

Сержанта Раси инспектор отыскал в полицейском лазарете. Ему только что произвели промывание желудка, и малый выглядел совсем больным.

— Доброе утро, сержант, — поздоровался Трасса. — Ничего не говори, попробую отгадать. Бабушка снова дежурила по кухне, верно?

Раси обреченно кивнул.

— Что же было на этот раз? — участливо поинтересовался следователь.

— Вчерашний пирог, сэр. Вероятно, она собирала тараканов и клопов целый месяц и...

— Достаточно, Раси. Не надо подробностей. — Трасса закрыл глаза, чтобы подавить чувство подступившей тошноты. — Не знаешь, куда запропастился Кратаван?

— Думаю, что он в оркском консульстве. Его проинформировали, что там не все благополучно.

— Немудрено после вторжения. А у них мозгов не хватило, чтобы собрать манатки и вовремя унести ноги. Но не будем об этом. Лучше пойду и сам узнаю, что там творится.

Инспектор прибыл в консульство в тот момент, когда полицейский патмахер уже уходила с места происшествия. Полную фигуру мадам Мин, задрапированную в черные одежды, он узнал издали.

— Доброе утро, Мин, — поздоровался инспектор, надеясь, что она не разразится словесным поносом.

— Доброе утро, инспектор, — произнесла госпожа Мин и замолчала, устремив взгляд куда-то в пространство словно в ожидании ответа из далекого астрала. — Вижу, вы на завтрак ели гренки, верно?

— Отлично, — ответил он, невольно проникаясь уважением к колдунье. — Ваши экстрасенсорные способности сегодня в рабочем состоянии.

— К черту экстрасенсорные способности, — фыркнула мадам. — У вас вся грудь и живот в крошках, а на подбородке — следы масла.

— А-а-а... — протянул Трасса, ликвидируя столь очевидные улики. — Пришлось завтракать на ходу. Да вы и сами

знаете, как это бывает. Так что здесь произошло? Удивите меня, Мин.

— Орки.

— В оркском консульстве? Идите-ка вы отсюда!

— Не нужно вести себя так, даже если у вас похмелье.

Госпожа Мин снова замолчала и прижала ладонь ко лбу детектива. Она закрыла глаза и свободной рукой принялась рисовать в воздухе непонятные узоры.

— Так, что это там?.. Вижу вас в ближайшем будущем... Что-то связано с деревом. Похоже, что на вас деревянные колодки — на руках и ногах... вы сидите, а народ смеется... Вижу много спелых помидоров...

Трасса побледнел как полотно.

— Просто превосходно! Но боюсь, что я спешу, — пробормотал он. — Много работы. До свидания, Мин.

Он торопливо зашагал к зданию и проворно юркнул в дверь, у которой дежурил рослый полицейский. Мин открыла глаза и довольно захихикала. Старый пень будет знать, как отпускать в ее адрес ехидные шуточки! Иногда полезно быть экстрасенсом, но еще более полезно читать газеты, особенно если там напечатаны комментарии шефа...

Когда Трасса поднялся наверх, трупы орков были аккуратно разложены перед письменным столом.

Кратаван сидел на крышке стола и заинтересованно листал порнографические манускрипты, обнаруженные в одном из ящиков. Увидев инспектора, он вскочил на ноги, и по его виду Трасса догадался, что Кратавану не терпится поделиться какой-то новостью. Но он жестом велел детективу помолчать и склонился над распростертыми телами.

— Нетрудно догадаться, что послужило орудием убийства, правда, Кратаван?

— Нетрудно. А вот отгадать, кто...

— Что нам сказала мадам Мин?

— Хм... — Кратавану стоило больших усилий побороть желание рассказать все, что он думает по поводу сенсхи. —

Все они были убиты опытными бойцами, безукоризненно владеющими холодным оружием. Возможно, армейскими ветеранами. Каждый орк убит разным оружием. Вероятно, здесь было не менее пяти солдат.

— Я и сам умею считать! Продолжай!

— Смерть в каждом случае была мгновенной. Дух второго орка слева особенно несчастен, считает Мин. Он перед этим выиграл у своих товарищей кругленькую сумму, но они не успели с ним рассчитаться. Дух хочет, чтобы мы сложили все их деньги в его кошелек, чтобы он мог покоемиться с миром.

— Черт с ним! Пусть идет и удавится. Время смерти?

— Около часа назад.

— Что-нибудь еще?

— Да! — ответил Кратаван. — Она просила передать это слово в слово.

Он прокашлялся и продекламировал:

— «Будь осторожен, Трасса, когда станешь брать своего преступника, иначе у тебя могут возникнуть большие неприятности. Зри в корень».

Кратаван замолчал и в недоумении посмотрел на инспектора.

— Что бы это значило, сэр?..

— Это значит, что я сейчас же отправлюсь к этой старой перечнице и надеру ей задницу, если она не прекратит свои издевательства, — взорвался инспектор. — Валяй, Кратаван, выкладывай, что там у тебя еще? Вижу, что сгораешь от нетерпения.

— Сэр, когда мы уже входили в здание, в этой комнате еще кто-то находился. Они открыли окно. Я был как раз внизу и хорошо рассмотрел одно лицо...

— Кто это был? Человек, которого ты знаешь?

— Да, сэр. Госпожа Макоби, сэр!

Трасса уставился на Кратавана в немом недоумении.

— Ты уверен, старина?

— Так точно, сэр!

— Хм...

Трасса помрачнел, но в следующее мгновение его лоб прояснился. Этот факт ни в коей мере не влиял на его версию. Более того, она как будто получила подтверждение.

— Послушай, Кратаван, это не значит, что она имеет к убийству какое-то отношение.

— Но, сэр! Она находилась в этой самой комнате...

— Они все были убиты опытными солдатами, а не хрупкой девушкой из королевской семьи. Мы знаем, что Макоби скрывается где-то в городе и до смерти боится, что неизвестные хотят ее убить. Колин Зловещий установил, что кто-то пытался схватить принцессу в таверне. Но кто станет искать ее в оркском консульстве? Никто. Лучшего места не придумать! Вероятно, ее предали. Эти же самые солдаты пришли сюда, поубивали всех и забрали ее с собой. Почему ты их не остановил?

— Мы их не видели, сэр. Мы сразу поднялись наверх, но они испарились. Иного пути отсюда нет. Должно быть, они применили магию.

— Вот то-то и оно... Вероятно, здесь происходит нечто более серьезное. Надеюсь, что с бедной девочкой все в порядке.

Трасса окинул бесстрастным взглядом мертвые тела и начал задумчиво мерить комнату шагами.

— Послушай, — произнес он наконец. — Нам нужно в первую очередь выяснить, с чем мы имеем дело. Верни обратно мадам Мин и разузнай, не обошлось ли здесь без колдовства... Жду от тебя вестей. Если здесь замешан какой-то могущественный чародей, то это не в нашей компетенции.

— Правильно, сэр. Где вас найти?

— У Колина Зловещего. Мне нужно с ним переговорить. Похоже, что он один накопал материала больше, чем мы все.

— Так где вас обоих искать, сэр?

Трасса посмотрел на Кратавана долгим взглядом и раздосадованно покачал головой.

— Он журналист, господи боже мой. Как ты думаешь, где нас можно найти? Конечно, в пивнушке! В пивнушке, где же еще!

* * *

Колин Зловещий вылил в бокал остатки пинты горького пива под названием «Старая пуста» и одним залпом осушил его, после чего протянул посуду Трассе.

— Послушайте, инспектор, раз уж вы иссушаете мои мозги, может, угостите еще одной пинтой того же напитка? — попросил он.

Трасса со вздохом принял протянутый бокал и пошел к стойке бара, чтобы наполнить его заново и заказать пинту пива себе. Он вернулся назад с двумя кружками, поставил их на маленький столик у камина, после чего, устроившись на табурете напротив журналиста, повторил вопрос.

— Как вы узнали о попытке похищения девушки в таверне?

— Должен признаться, что мне бы хотелось сказать, что обязан этим своему журналистскому интеллекту и способности мыслить логически, — ответил Колин Зловещий, опустошив сразу полбокала. — Но в данном случае это, к сожалению, не так. Хозяин этого вшивого заведения пришел к нам в отдел и сказал, что в его таверну ворвались солдаты и пытались захватить хорошенькую молоденькую девчонку. Он спросил, не хотим ли мы купить исключительные права на эту историю, за наличные? Я ответил отказом, но предложил ему взамен две пинты пива.

— А почему вы решили, что это связано с убийством Де Венчаса?

— Выдал желаемое за действительное. Солдаты были из личной охраны Миала. Земля полнилась слухом, что Миал и Де Венчас не очень хорошо ладили друг с другом.

Колин Зловещий поболтал пиво в бокале, с интересом наблюдая за вращением жидкости, словно ожидал увидеть какое-то предзнаменование. Потом лениво улыбнулся и перевел взгляд на Трассу. Инспектор не мог не заметить, что, несмотря на жалкий и потрепанный вид журналиста, в усталых глазах писака светится глубокий проницательный ум.

— Скажу только, что лично я не хочу, чтобы этот брак состоялся. Я не доверяю Миалу и не желаю, чтобы он стал

правителем нашего города. И если, со своей стороны, я могу сделать что-то, чтобы развенчать эту героическую личность, то я свой шанс не упущу.

Журналист замолчал, продолжая изучающе рассматривать полицейского. Мелкие черты лица Зловещего, острый гипнотический взгляд и клювообразный нос придавали ему сходство с опасной хищной птицей. Немудрено, что он носил такое многозначительное имя. В его присутствии Трасса чувствовал себя как провинившийся ученик, распекаемый строгим директором.

— Но вы наверняка интересуетесь Миалом неспроста, инспектор, а? — спросил Колин, склонив голову набок. — Нет ли у вас случайно оснований считать его причастным к убийству Де Венчаса?

— Вы бы еще спросили, не собираюсь ли я арестовать столь выдающуюся фигуру, — парировал Трасса. — Однако мне сказали, что он отбыл в Минас Лантан.

— Ходят слухи, что через несколько дней он вернется. Если вы намерены арестовать его, это будет настоящая сенсация. С подачи толкового журналиста офицер, осуществивший арест, как пить дать станет героем дня.

— Боюсь, нам еще предстоит много работы в этом деле.

— Другими словами, прежде чем предпринимать какие-либо действия против Миала, вы хотите получить неопровержимые доказательства его вины, потому что в случае неудачи вашу голову насадят на кол у ворот Минас Лантана. Так?

Трасса кисло улыбнулся.

— Что-то вроде этого.

Инспектор замолчал, обдумывая недвусмысленное предложение Колина Зловещего напечатать о нем хвалебную статью на первой странице местной газеты в обмен на эксклюзивную информацию о ходе расследования. Сделка выглядела, бесспорно, заманчивой.

— Не для протокола... — начал он.

Журналист радостно подался вперед.

— Только никаких записей, — предупредил его Трасса, — иначе вам придется нанести краткосрочный визит сержанту Свину и его малоприятным товарищам. Они проводят аудиенцию в роскошной, хорошо оборудованной лаборатории по применению болевых стимуляторов в подвале нашего полицейского участка...

— Даю слово, если вам этого достаточно.

— Миал — в дерьме по самые уши. А бедная девушка, за которой охотились молодчики Миала, — это принцесса Макоби.

— Мать моя женщина! Но почему?

Трасса торопливо изложил ему свои подозрения. В глазах журналиста вспыхнул огонек возбуждения, как у охотника, идущего по следу крупного зверя. Пальцы нервно отбивали на крышке стола барабанную дробь.

— Если бы, — подытожил Трасса, — я мог сцапать одного из его приспешников, то ребятам Свина хватило бы одной минуты, чтобы вытащить из него всю правду. Но все они ушли в Минас Лантан...

— Миал, безусловно, уехал домой, но как пить дать он оставил в Кумасе своих людей! Вы же слышали байки про его подвиги. Кто-то этим дирижирует. Кто-то здесь на него работает, распространяет слухи, подогревает чувства горожан.

— Но они занимаются не только этим. Засланные... э-э-э... солдатики также устроили кровавую бойню в оркском консульстве. И мы подозреваем, что на этот раз им удалось захватить Макоби.

— Что? Когда?!

Колин Зловещий вскочил на ноги, готовый сорваться и бежать куда-то сию же минуту. Руки его привычно шарили в поисках блокнота. Но Трасса остановил его за рукав и посадил на место.

— Послушайте, — сказал он рвущемуся в бой журналисту, — теперь вы знаете все, но я прошу, чтобы вы выждали дня два. Мне бы не хотелось, чтобы люди Миала предупредили его. Пусть этот подонок вернется в Кумас, думая, что

ему ничто не угрожает. Напечатайте то, что посчитаете нужным, в день его приезда, но не раньше. А я позабочусь о том, чтобы другие репортеры ни о чем не пронюхали.

Колин Зловещий несколько секунд всматривался в лицо инспектора, затем нехотя кивнул.

— Ладно, — согласился он. — Два дня. Но если я хоть краем уха услышу, что сведения просочились в другую газету, то срочно даю материал в печать. Идет?

— Идет!

Трасса отпустил журналиста, и тот бросился вон из таверны, даже не допив пиво. Трасса рассеянно придвинул к себе чужой бокал и перелил его содержимое в свою почти опустевшую кружку. Взяв со стола меню, он принялся его изучать, раздумывая, не заказать ли сандвич. Затем откинулся на спинку стула, решая, что делать дальше.

Было ясно, что времени у него не так много. Чтобы получить необходимую информацию, детективу требовалось разыскать одного из пособников Миала и расколоть его. Но у него не было времени на проведение тщательных, искусных, но беспристрастных допросов, и Трасса не без сожаления понял, что вынужден будет прибегнуть к услугам Свина и его банды садистов в камере пыток.

Ладно, подумал он, омлета не приготовишь, не разбив яиц. Хотя позор, что Свин считает, что нельзя заставить арестованных говорить, предварительно не переломав им ребра. И пальцы. На руках и ногах. Не расквасив им носы и яйца. Свин — большой мастер в последнем изуверстве...

Глубоко вздохнув, Трасса положил меню на стол и встал. Есть ему почему-то расхотелось...

ГЛАВА 13

Небо было безоблачным, и ночь стояла безлунная. Бесчисленные звезды мерцали в вышине таинственным блеском.

Гларт лежал на спине и любовался величественным видом, выискивая знакомые созвездия. Так далеко на юг он раньше не забредал, поэтому обнаружил в юго-западной части небосвода два или три новых. Прямо над горизонтом Гларт различал четкие очертания Герпеса Большого и рядом с ним маленькое скопление далеких светил, известное под именем Геморроидов, зловеще сверкавшее красноватыми всполохами.

Он опустился на землю — конечно, фигурально выражаясь, — когда в расселину, где они разбили свой лагерь, вернулась Макоби. Девушка принесла хворост и, наклонившись, начала подкладывать дрова в очаг, сложенный Глартом из собранных камней. Справившись с этой незамысловатой работой, она присела рядом с молодым послушником.

— Этого хватит, — сказала она. — Буду очень удивлена, если в радиусе полумили найдется еще хотя бы одна сухая ветка.

Гларт согласно кивнул. В горах, где они находились, древесная растительность была скудной. Им потребовался час, чтобы насобирать хвороста и развести огонь.

— Как там дух?

— Дариан? В норме. Похоже, ему нравится нести дежурство. Во-первых, он не нуждается в сне, во-вторых, не чувствует холода.

Облюбованная ими расселина находилась ярдах в пятидесяти от главной дороги, ведущей из Лампа Санды в Великий

Тошнотик, оркский город, расположенный под Ирридскими горами.

Дорога эта редко использовалась путешественниками, и за все время пути монах с принцессой не встретили ни единой живой души, хотя видели несколько трупов орков, случайно убитых сородичами в пылу азартных игр — наиболее распространенного в их среде времяпрепровождения. Однако выставить караул было разумно.

Макоби протянула к импровизированному очагу окочевшие руки и потеряла ладошки, стараясь согреться, потом плотнее закуталась в одеяло.

— Хотелось бы мне, чтобы у нас было больше дров, — сказала она.

В ту же минуту послышался грохот, и со стороны входа в расселину дождем посыпались поленья.

Гларт и Макоби вскочили на ноги и, подхватив свои пожитки, перебрались на другую сторону костра, откуда наблюдали за неожиданно привалившим счастьем. Постепенно поток пошел на убыль, и наконец последнее полено, подпрыгивая и крутясь, с глухим стуком упало возле самого костра. Стало неожиданно тихо. Теперь всю северную часть и выход из укрытия загромождали дрова.

Гларт наклонился вперед и, подобрав несколько поленьев, подбросил в огонь. Сухое дерево сразу занялось, взметнув вверх жаркие языки пламени. Радостно улыбаясь, монах вернулся на место.

— Вам нужно быть более осмотрительной в своих желаниях, — сказал он. — В другой раз какое-нибудь неосторожное желание убьет нас прежде, чем вы успеете опомниться.

Выругавшись про себя, Макоби сорвала с пальца перстень и уставилась на золотую львиную голову с немым вопросом в глазах. Вид у кольца был невыносимо самодовольный.

— Хотелось бы мне знать, кто тебя сделал, — проворчала она.

Ей показалось, что львиная голова вот-вот лопнет от собственной многозначительности.

— Прошу прощения, — сказал перстень с показным смирением. — Я бы хотел помочь тебе, но боюсь, что не могу. Не дозволено. Правила и все такое.

Гларт протянул к кольцу руку.

— Можно мне посмотреть на него еще раз? — спросил он.

Макоби без колебаний передала ему драгоценность. Получив вещицу, Гларт принялся разглядывать ее со всех сторон. В свете костра золото внушительно поблескивало.

— Ты обладаешь необыкновенной силой и, как я полагаю, знаешь об этом, — поделился он с перстнем своим наблюдением.

Кольцо попыталось изобразить из себя самое скромность, но эта попытка с треском провалилась.

— Сомнений нет, я очень стараюсь, — сообщило оно.

— Наверняка тебе известны все существующие на свете заклинания. Причем они тебе не только знакомы, но и подвластны. Я никогда прежде не слышал о таком безграничном могуществе.

Гларт замолчал, в то время как перстень из всех сил тужился принять скромный вид, но, похоже, эту науку ему еще предстояло освоить.

— Думаю, что твой создатель передал тебе всю свою силу и могущество, — продолжал Гларт, — и сделал он это, вероятно, с какой-то целью.

— Умозаключение не лишено смысла, — согласился перстень.

— Мне кажется, я догадываюсь, зачем он это сделал, — объявил монах и умолк.

— Ну, давай же, выкладывай, — нетерпеливо попросило кольцо, поскольку пауза затянулась. — Ты такой умный. Поделись своей догадкой.

— Мне представляется, что с годами его память ослабела, и он не мог помнить все заклинания наизусть. Чтобы сохранить свое невероятное могущество, он начал делиться своими познаниями с тобой, превращая таким образом в интерактивную энциклопедию магии и колдовства.

— Очень хорошо, — изрек перстень. — Нет, правда хорошо.

— Так сколько лет было Адомо, когда он тебя выковал? — спросил Гларт деланно равнодушным тоном.

— Далеко за семьдесят, — ответил перстень, — хотя он все еще был...

Внезапно он осекся, и звук его голоса растаял в тишине, как дым от дуновения ветра.

— Ах ты, хитрый подлец, — наконец произнес амулет, и монах услышал в его интонации плохо скрытое восхищение.

— Так, значит, тебя сделал Адомо.

Кольцо ответило молчанием. Похоже, что оно дулось.

— Перестань, — заметил Гларт. — Вот позорище-то получится — колечко из дутого золота!

— Кто такой Адомо? — вмешалась Макоби.

Поскольку кольцо по-прежнему отказывалось отвечать, Гларт взял на себя труд пересказать принцессе историю, услышанную от брата Бенидормуса.

— Аббат считает, что Адомо восстанет из мертвых, — закончил он. — Но если память мне не изменяет, то в книге говорится только о его волшебной силе, вышедшей из-под контроля. Амулет и есть сгусток его могущества. Об этом упоминается в пророчестве. Если амулет попадет в дурные руки...

Взглянув еще раз на золотую голову льва, монах передал кольцо Макоби.

— Нам нужно найти способ его уничтожить, — сказал он, — а до тех пор вам суждено быть его хранительницей, как я разумею.

— Наверняка это не очень трудно, — предположила Макоби. — Мы можем бросить его в огонь, расплавить или еще что-нибудь.

Гларт с сомнением покачал головой.

— Мы же не знаем пределов его могущества, — возразил он. — Мы даже не сумеем его расплющить. Как знать, может, он способен к самоликвидации.

— Ты хочешь сказать, что, если я прикажу ему самоуничтожиться, он послушается?

— Послушайте, давайте полегче, а? — сказал перстень удрученно. — Забудьте обо всем, ладно? Подумайте, как бы вам самим не опростоволоситься.

Макоби уставилась на кольцо, задумчиво прищулив глаза.

— Можно тебя спросить кое о чем? — любопытствовала она примирительно.

— Валяй! — ответило оно, явно расстроенное.

— Какого черта этот Адомо наделил тебя способностью говорить? Прости меня за тупость, но я не понимаю. Не вижу в этом ни малейшего смысла.

Перстень на минуту погрузился в размышления, не уверенный, стоит ли отвечать на заданный вопрос, но потом, вероятно, решил, что ничего предосудительного не случится, если он ответит.

— Если вам так уж интересно, то скажу, что первоначально это в его замысел не входило. Я был немым. Но однажды он меня потерял. В определенном возрасте Адомо начал все терять. Клал вещи куда-то и забывал, куда именно. Я три месяца провалялся на полу под кроватью. Позже, когда он наконец меня обнаружил, дал мне голос, чтобы я мог откликнуться и сообщить о своем местонахождении в том случае, если снова потеряюсь. Должен признаться, что ему не пришлось сожалеть об этом...

В голосе амулета прозвенели мечтательные, почти ностальгические нотки, когда он предался воспоминаниям о былых временах.

— У нас были такие восхитительные дебаты, — пробормотал он. — Ну, не совсем дебаты, конечно... Скорее споры типа «да — нет», «ты сделал — я не сделал», «так — не так», «заткнись — сам дурак»... Признаюсь, маг был ворчливый старый хрыч.

Амулет с нежностью вздохнул и предпринял видимое усилие вернуться в реальность.

— Во всяком случае, у него хоть имелись какие-то зачатки интеллекта, — с горечью добавил он. — И он мог отличить настоящий спор от тех спор, которыми размножаются грибы.

Макоби бросила на него сердитый взгляд и снова надела на палец.

— Ты знаешь, что можешь менять форму и внешность по желанию... — проворковала она.

— М-м-м?..

— А характер ты сменить не можешь?

Голова льва помрачнела.

— Что тебя не устраивает в моем характере? — жалобно захныкал он. — Могу сообщить, что, когда мой хозяин...

— Изменись!

Возникла пауза.

— Ну? — требовательно повысила голос Макоби.

— Довожу до вашего сведения, что имел честь выполнить ваше компетентное распоряжение, согласно повелению, — сообщило кольцо хорошо поставленным, но слегка запинаящимся голосом престарелого актера классической драмы, принявшего перед спектаклем своеобразную дозу хереса. — Какие еще будут пожелания у вашего досточтимого высочества?

— Э-э-э... никаких.

— Тогда, наипрекраснейшая из прекрасных, — снова завело волынку кольцо, — самая благороднейшая из дам, восхитительная и несравненная...

— ЗАТКНИ КОРОБОЧКУ!

Перстень обиженно замолчал.

— Не стоит на него сердиться, — сказал Гларт. — Адомо вдохнул в него такие типы личностей, с которыми ему хотелось общаться.

— Тогда он и вправду был несчастным стариком! — крикнула Макоби в сердцах.

Вскочив на ноги, она выхватила из кучи пару поленьев и с силой запустила их в костер. Успокоившись, принцесса вновь опустилась подле Гларта и, подтянув колени к подбородку, уставилась на пляшущие языки пламени.

— Уверена, что должен быть способ заставить эту клаттерную штуковину рассказать нам, что происходит и кто за

всем этим стоит, — произнесла она, — а не гоняться за непонятными химерами.

Гларт посмотрел на нее широко раскрытыми глазами, полными благоговейного трепета.

Когда он впервые встретил девушку и узнал, что она дочь правителя Кумаса, то ожидал увидеть чопорную благовоспитанную барышню, однако принцесса оказалась весьма практичной особой, не лишенной здравого смысла, с которой было приятно и весело проводить время.

И, клатт, она была божественно красивой!..

Гларт окинул взглядом ее забрызганные грязью брюки и попытался представить, как бы она выглядела в платье. Потом он попробовал представить ее без платья...

— О чем ты думаешь? — услышал он голос девушки и едва не проглотил язык.

— М-м-м... я размышляю над планом наших действий в Великом Тошнотике, — соврал он, заикаясь. — Полагаю, что дочери правителя Кумаса будет нетрудно добиться аудиенции у мэра орков... Но о чем мы спросим его? Сомневаюсь, что при виде нас он разразится слезами и признается во всем, что знает.

— Я думала над этим, — сказала Макоби. — Мне кажется, что нам нужно найти кого-нибудь из орков, кто принимал участие в сражении. Было бы здорово побеседовать с одним из командиров и узнать, почему они отступили. Может, если повезет, мы найдем кого-то, кто видел, как умер мой брат, или того, кто его убил. Если бы только нам удалось встретить этого орка, чтобы узнать, куда делось тело...

Ее глаза наполнились слезами, и Гларту захотелось обнять ее, прижать к себе и успокоить. Но вместо этого он просто взял принцессу за руку и осторожно сжал в своей.

— Может быть, нам поможет эта драгоценность Адомо, — предположил он.

Макоби с сомнением посмотрела на кольцо.

— Не мог бы ты нам показать лицо орка, убившего Мардена? — спросила она недоверчиво.

— Все зависит от того, что ты имеешь в виду, — ответила голова льва. — Если хочешь, чтобы я доставил его сюда, то никаких проблем. Я могу это сделать.

— Пожалуйста, сделай! — воскликнула Макоби, прежде чем Гларт успел ее остановить.

Раздался легкий свист рассекаемого воздуха, и у ног принцессы появился распластавшийся на спине орк.

Это был довольно крупный индивид, вероятно, из племени утуков, с длинными кривыми ногами и мощной мускулатурой. Но он был мертв, и это не вызывало никаких сомнений. Меч или топор раскрыл ему ключицу, несколько ребер и легкое, оставив огромную зияющую рану.

Вид орка позволил Гларту заключить, что солдат был убит во время сражения и остался лежать на поле брани. Судя по всему, смерть наступила дня два назад. Об этом говорили и признаки тления, и полчища мясных мух, облепивших гноющуюся рану, а больше всего — мерзкий запах разлагающейся плоти.

— Убери его! — воскликнула девушка, и мертвое тело в тот же миг исчезло.

В расселине, где Гларт и Макоби нашли себе приют, воцарилась звенящая тишина, нарушаемая озадаченным жужжанием двух-трех трупных мух, неожиданно лишившихся трапезы.

После минутного замешательства принцесса разразилась слезами. Она рыдала так горько, словно мир вокруг нее рухнул и жизнь потеряла всякий смысл. Гларт обнял ее хрупкое тело и прижал к своей широкой груди, стараясь успокоить. Постепенно всхлипывания умолкли, и Макоби забылась спокойным сном.

Когда Гларт проснулся, было уже светло.

Солнце, вероятно, взошло, но свинцовые тучи, тяжело нависшие над горными вершинами, скрывали его присутствие. Поднялся холодный пронизывающий ветер. Он то и дело задувал в расселину, разметаю остывшую золу погасшего костра.

Гларт сел и огляделся вокруг. Макоби тоже не спала. Она сидела на соседнем камне, отрезая ножом полоски вяленого мяса и засовывая их в рот. Монах понял, что она встала уже давно, так как рядом с ним стояла бутылка, наполненная заботливыми руками принцессы чистой, прозрачной водой.

Он поднес бутылку к пересохшим губам и сделал несколько жадных глотков, потом налил воды в ладонь и сполоснул лицо.

— Вот так-то лучше, — произнес Гларт. — Хотелось бы предстать перед орками в лучшем виде, — добавил он.

— Это ты называешь лучшим видом? — спросила девушка. — Не дай бог увидеть тебя в худшем виде.

Гларт усмехнулся. Положительная перемена в ее настроении радовала. Но девушка почему-то избегала смотреть на него и выглядела несколько смущенной.

— Послушай, — сказала Макоби, — насчет прошлой ночи...

— Не думайте об этом, — оборвал ее Гларт. — Я и сам мог разрыдаться. Этот труп был таким страшным. Вы столько пережили за последние дни, что на вашем месте и камень расплакался бы.

— Но...

— Никаких «но»! — Гларт вскочил на ноги и потянулся.

Он обвел взглядом горизонт и не мог не залюбоваться открывавшимся зрелищем. Впереди высились горы, цеплявшие гонимые ветром тучи. Гларт перевел глаза на Макоби.

— Когда все закончится, — заговорил он, — я вернусь в монастырь и проведу в его стенах всю оставшуюся жизнь. Года через три я состарюсь и поседею, мне будет что вспомнить. Воспоминания о вчерашнем дне, когда, пытаюсь утешить отважную женщину, я сжимал ее в объятиях, согреют мою душу.

Юноша лукаво улыбнулся, давая девушке понять, что шутит, и молил бога, чтобы она не догадалась, что он говорит чистую правду. Она застеснялась, но улыбнулась в ответ и протянула ему полоску вяленого мяса.

— Как поживает Дариан? — спросил монах. — Все еще стоит на карауле?

— С ним все в порядке. Он не спускает глаз с дороги на тот случай, если появятся какие-нибудь путники.

— Жаль, что ему не представилась вчера возможность взглянуть на труп. Как знать, может, он сумел бы кое-что прояснить.

— По правде говоря, такая возможность у него была, — возразила Макоби. — Сегодня утром я попросила перстень предъявить тело опять, чтобы он мог посмотреть на него.

Гларт посмотрел на нее с уважением. Сам он вряд ли отважился бы на такое повторно.

— И?.. — Ему не терпелось услышать продолжение рассказа.

— Он, как и в случае с Де Венчасом, смог сказать, когда наступила смерть.

— Во время боя?

— Нет. Два часа спустя. Вероятно, орка зарубили свои же. Похоже, кто-то тщательно стремится замести все следы.

Гларт нахмурил лоб и задумался над словами Макоби.

Кто-то и впрямь проявляет удивительную предусмотрительность, словно действует в соответствии с заранее подготовленным планом.

— Надеюсь, что нас не заманивают в капкан, — пробормотал монах.

Макоби покачала головой.

— Никто не мог предугадать твое появление, — заметила она. — Тот, кто все это затеял, не допустил бы такой промашки. Ты — мой козырной туз.

Гларт, польщенный, отвел взгляд в сторону. Ему было приятно это слышать. И вновь, как прошлой ночью, юношей овладели неприличные мысли, впервые посетившие его, когда он держал Макоби в объятиях.

Принцесса вздохнула, и ее лицо стало отрешенным и мечтательным.

— Надеюсь, что Сараккан прав, — пробормотала она.

Слова девушки вернули Гларта к реальности. Его словно ушатом ледяной воды окатили.

— Не сомневаюсь, — сказал он охрипшим голосом и, нагнувшись, принялся с остервенением скатывать свою постель.

Широкая дорога, лежавшая перед ними, поднималась в горы извилистой лентой.

Мощенная отполированным миллионами ног камнем, она была построена в Первом веке, когда по ней маршировали буйные орды орков под предводительством таких знаменитых царей, как Удок Зеленый Клык и Загаш Напыщенный, чтобы сровнять с землей богатые, но упадочной культуры города на равнинах древнего Китала.

Теперь этой дорогой практически не пользовались, ибо то там, то сям пробивалась между булыжниками трава и другая поросль, не оправившаяся еще после недавнего прохождения сил вторжения оркского воинства. Сейчас старая дорога была безжизненной, о чем свидетельствовали висевшие над ней безмолвие и тишина, как будто она понимала, что дни ее славы миновали и что со временем она сольется с местной природой и превратится в часть горного ландшафта.

Макоби и Гларт продолжали путь, натянув капюшоны, чтобы защититься от резкого ветра и промозглой сырости, окружавшей их водянистым облаком мелкого дождя. Размытая тень Дариана двигалась впереди на расстоянии дюжины ярдов, чтобы предупредить странников о появлении малейших признаков жизни, но до сих пор они не встретили ни единой живой души, хотя мертвые попадались на их пути постоянно — вдоль дороги валялись распухшие трупы орков, скончавшихся от боевых ран или убитых в раже варварских азартных игр.

Призрак Дариана начал немного волновать Макоби, ибо с каждым шагом он делался все отрешенней. Было похоже, что он всецело поглощен собой и мир живых его больше не интересует. Мрачное настроение призрака усугублялось также безуспешными попытками вспомнить, какое сообщение ему оставил Марден.

Хотя Макоби сказала, что это больше не имеет значения, поскольку они знают, что за всеми убийствами и во главе заговора стоит Миал, Дариан не успокаивался. Он был уверен, что должен что-то вспомнить, прежде чем рухнуть Оковы Души, не отпускавшие его дух на покаяние. Эта мысль терзала его бесплотные нервы.

Макоби для себя решила, что орки прояснят ситуацию и, возможно, освежат память Дариана, поэтому старалась не обременять голову лишними проблемами.

Так они и шли, погруженный каждый в свои мысли.

Дождь лил не переставая, и путники промокли до костей. Все чаще им приходилось шлепать по лужам, а мелкие ручьи сменились на бурлящие потоки жидкой грязи. Когда накануне ночью Макоби увидела труп орка, убившего ее брата, она подумала, что ничего хуже быть не может. Теперь она знала, что ошибалась.

Когда в очередной раз путешественники наткнулись на мертвое тело орка, Гларт остановился и наклонился, чтобы разглядеть его получше. Это было маленькое уродливое существо, павшее жертвой типичного для его племени развлечения под названием «Поймай кинжал». Миниатюрный игровой нож до сих пор торчал из одной глазницы. Гларт обшарил труп и, сняв что-то с его шеи, повернулся к Макоби. Он держал на шнурке вращающийся кулон из черного металла, изображавший фигурку в непристойной позе.

— Вот, — протянул он девушке вещицу, — наденьте.

— Ты что, смеешься?!

— Послушайте! Если мы угодим в ловушку, то орки обыщут вас в поисках амулета или подвески. Этот кулон введет их в заблуждение, и они могут не обратить внимания на кольцо.

Макоби нехотя согласилась. Взяв гадкий предмет, она с отвращением надела его на шею.

— Хорошо, — согласилась она, — но если тебе взбредет в голову сказать, что эта штука мне идет, я засуну ее тебе в нос.

— Кому, мне?... — удивился Гларт, собиравшийся сказать, что он пока еще в своем уме.

Макоби достала из заплечного мешка хлеб. Хотя нудный дождь промочил девушку насквозь, прочный кожаный мешок, произведенный эльфами, надежно защищал хранившиеся в нем продукты от сырости. Принцесса разломилла хлеб пополам и отдала один кусок монаху. Жуя хлеб, они продолжили путь.

К вечеру путешественники вышли к развилке. Одна дорога вела на юг, где находился Восточный Тошнотик и другой оркский город, Зам. Вторая уходила на север и, змеясь по горным перевалам, спускалась на просторную болотистую равнину между реками Аловак и Большой Лено. Там располагался оркский городок Малый Тошнотик-на-Болоте.

Поскольку конечным пунктом их следования был Великий Тошнотик, подземная столица Ирридской земли орков, путники выбрали третью дорогу, идущую прямо. Сделав короткий привал, они наполнили бутылки свежей водой из ручья, почти вертикально падавшего со скалы, и устало побрели дальше.

Начало смеркаться, когда перед путешественниками вырос крутой утес, и они поняли, что достигли цели.

Далее дорога сворачивала влево, обходя скалистый выступ, а затем поднималась в горы и устремлялась на запад. Однако Гларту с принцессой нужно было идти прямо, а туда вела вторая дорога, исчезающая в широком темном тоннеле.

Этот тоннель и был входом в Великий Тошнотик.

Подойдя поближе, они обнаружили, что кто-то выставил стражу. Охрана, вооруженная копьями, состояла из нескольких мелких орков с мрачными лицами. Сбившись в кучу у обочины дороги внутри тоннеля, они развлекались игрой в кости, громко орали и время от времени колотили друг друга тупыми концами копий.

Хотя Гларту прежде не доводилось наносить визиты в оркские города, из монастырского учебного курса он хорошо разобрался в племенах и традициях орков.

Ему было известно, что такие тривиальности, как сторожевой пост, их никогда не волновали, так как орки знали, что никто в здравом уме в оркский город не сунется. По всей видимости, местного городского старшину заботила высокая вероятность акта возмездия в ответ на непрошеное вторжение. Но может статься, что его кто-то предупредил о возможном появлении двух неожиданных гостей...

Макоби догнала призрак Дариана и шепотом приказала ему держаться в тени и как можно дальше от них с Глартом. Затем вместе с юношей принцесса бодро направилась к караульным.

Раззадоренные игрой и бранной перепалкой орки не сразу заметили приближение людей и обнаружили присутствие посторонних только тогда, когда расстояние между ними сократилось до трех десятков ярдов. Охранники выпрямились, образовав неровную шеренгу, и ошетинились копиями.

Обдавая незнакомцев зловонным дыханием, орки недоверчиво пялили на них глаза.

— Э-э-э... Шта вам двоим нужна? — прорычал самый рослый из них, оказавшийся командиром отряда.

— Мы — официальная делегация из города Кумаса. Пожалуйста, передайте наш поклон вашему городскому старшине и скажите, что мы просим об аудиенции.

— Вы что, парочка заплутавших комедиантов? — гаркнул другой орк, и все рассмеялись.

Звуки их смеха больше напоминали вой схватившихся в смертельной схватке гиен.

— Очень забавно, — сказала Макоби голосом, походившим на угрожающее потрескивание ломающегося льда.

Смех умолк.

— Зачем это старшине Болотному Духу принимать какую-то официальную дегли... дули... дегила... как это вы сказали? — переспросил начальник караула.

— Почему бы вам не спросить у него? — предложила Макоби ласковым тоном.

Орки переглянулись. Хотя их и поставили нести дежурство, никто не удосужился предупредить, как поступить в том случае, если кто-то появится.

— Ладно, — сказал начальник. — Блсб, Мегрим, оставайтесь на посту, остальные следуют за мной.

Он пробурчал еще что-то себе под нос, и группа снова покатилась со смеху, бросая многозначительные взгляды на Макоби. Гларт был рад, что принцесса не поняла смысла отпущенной шутки, иначе, подумал он, ей это не понравилось бы.

Тоннель вел в самое сердце горы.

Он имел ярдов пятнадцать в ширину, ярдов десять в высоту и был освещен вонючими коптящими факелами, закрепленными в грубых каменных канделябрах, тянувшихся вдоль стен по обе стороны. Углубляясь в подземелье, Макоби и Гларт слышали несмолкаемый далекий гул, похожий на рев многотысячной толпы. Казалось, что где-то в полумиле от них идет лихая, прямо-таки отвязная гулянка. Впрочем, так оно и было.

В оркском обществе никто не станет тратить время на такие пустяки, как погоня за богатством и накопление имущества. Орков всегда интересовала только одна вещь — веселое времяпрепровождение. Их жизнь — один бесконечный праздник, подогреваемый обильными алкогольными возлияниями. У них есть очень убедительный метод воздействия, обеспечивающий выполнение таких необходимых работ, как строительство, уборка, производство продуктов питания и напитков; более сильные орки принуждают мелких и слабых работать. Пока громилы сами прохлаждаются и пируют, малявки вкалывают, а потом присоединяются к общему веселью.

Звуки, доносившиеся до ушей странников, оказались гулом столичного города орков, обитатели которого пили, орали, горланили песни, жрали, пукали, рыгали и опять пили и еще громче кричали. Чем ближе было поселение, тем слышнее становился шум. Когда Гларт и Макоби наконец достигли

первой пещеры невероятных размеров, из которых состоял город, гул сделался невообразимым.

Гларт повернулся к принцессе, чтобы что-то сказать, но она его слов просто не расслышала. Девушка пожала плечами и показала на уши, давая понять, что не слышит. Юноша кивнул. Улыбка не покидала лицо монаха. Его выдержка и самообладание восхищали Макоби. Она считала большим везением иметь такого спутника. В знак благодарности принцесса взяла его под руку и доверчиво прижалась к его плечу.

Орки свернули в низкий боковой проход и ускорили шаг. По пути они сделали еще ряд поворотов в боковые ответвления тоннеля, и Макоби совершенно утратила представление о своем местонахождении.

В конце концов путешественники в сопровождении эскорта очутились в длинном прямом коридоре, который привел их к круглому дверному проему, плотно закрытому хорошо подогнанной дверцей. Последняя удивительным образом смахивала на донышко огромной пивной бочки. Фактически так оно и было.

Шум стал потише, и можно было слышать друг друга, если сложить ладони рупором и что-нибудь гаркнуть в самое ухо.

— Приятное место для отпуска, — заорал Гларт, приложившись к изящному ушку принцессы.

— Я бы предпочла что-нибудь более пустынное, — ответила Макоби.

Рослый орк из их сопровождения остановился перед дверью и, указав на Макоби узловатым пальцем с кривым длинным ногтем, сказал:

— Городской старшина Болотный Дух примет тебя. Без монаха. Он пойдет с нами, пока ты будешь на этой своей аудиенции. Болотный Дух просил тебя подождать здесь. Он придет, как только сумеет.

Макоби посмотрела на Гларта с сомнением, но он ободрил ее улыбкой.

— Идите, — прокричал он. — Я попробую что-нибудь вывести у этих ребят.

Макоби сделала глубокий вдох, но тут же пожалела об этом, потому что орки воняли так, словно в целях личной гигиены принимали ежедневно не душ, а ванны в бочках с тухлой рыбой трескухой. Потом она сделала шаг вперед и, постучав в дверь, вошла внутрь.

Помещение, в котором очутилась принцесса, представляло собой круглую каменную пещеру двадцати футов в поперечнике с голыми стенами, освещенную огарком свечи, прилепленном на шатком стуле. Этот стул был единственным предметом мебелировки. Макоби, не понимая, что происходит, хотела было выразить возмущение, но дверь за ее спиной захлопнулась, и она услышала звук задвигаемого засова.

Хорошо, подумала девушка, я дам этому городскому старшине Болотному Духу ровно один час...

Безжалостно отогнав от себя страхи и сомнения, принцесса поставила свечу на пол и, сев на стул, приготовилась ждать, стараясь не думать, сможет ли что-либо сделать в случае опасности.

Прошло около пятидесяти минут, прежде чем дверь открылась и внутрь с милой улыбкой на безобразном лице ввалился огромный орк.

Он был одет в угольно-черные одежды, сшитые из бородавчатой шкуры какого-то создания, происхождение которого Макоби предпочла не узнавать. В левой руке незнакомец держал меч с длинным кривым лезвием.

— Добрый вечер, моя госпожа, — сказал он, протягивая для пожатия правую руку.

Макоби, сжав зубы, ответила на пожатие в соответствии с дипломатическим этикетом, изо всех сил стараясь не выдать охватившего ее отвращения.

— Вас приветствует регент Кумаса, — сообщила девушка. — После недавнего... неприятного происшествия между двумя городами мы считаем, что пора начать процесс оздоровления обстановки и укрепления дружбы между народами. Многие наши люди погибли в сражении. Другие, такие, как я, потеряли своих

любимых и не знают об их судьбе. Я прибыла сюда, чтобы навести справки об этих пропавших без вести. Я бы хотела получить ваше разрешение поговорить с теми, кто в тот день принимал участие в сражении, — например, с вашим генералом.

Все это время Болотный Дух ходил вокруг Макоби кругами, и ей пришлось вертеться, чтобы его видеть. Она чувствовала себя лотом на каком-то невообразимом аукционе.

— Боюсь, что это невозможно, — наконец произнес орк с глубоким грудным рыком, что на языке орков выражало высшую степень елейности тона. — Дело в том, что генерал Калазар был наказан и понижен в должности. К тому же весьма существенно. Но я передам ему, что вы о нем справлялись.

Макоби неосторожно шагнула вперед, чтобы попробовать уговорить городского старшину, но орк угрожающе выставил меч, и принцесса застыла как вкопанная.

— Может быть, вы хотели бы немного отдохнуть, — предложил он. — Надеюсь, ваши покои... придутся вам по вкусу.

— Мои — что?..

— Разве вам ничего не сказали? Какая промашка! — Болотный Дух обвел жестом голые стены пещеры. — Эта очаровательная комната будет вашими покоем в ближайшие несколько дней. Ваш приятель присоединится к вам чуть позже... если выживет.

При виде выражения ужаса на лице Макоби Болотный Дух громко расхохотался. Затем медленно поднял меч, пока острие не коснулось горла девушки, и быстрым движением руки сорвал кончиком клинка с ее шеи кулон, который Гларт снял с мертвого орка. Вещица взвилась в воздух и мгновение спустя приземлилась на его ладонь.

— Спасибо, — прорычал он. — Приятных сновидений.

С этими словами Болотный Дух попятился к выходу и, захлопнув дверь с другой стороны, запер ее на засов. Макоби осталась одна.

ГЛАВА 14

Когда Трасса проснулся, он увидел сквозь спущенные занавески свет утреннего солнца.

Несколько секунд детектив не шевелился, таращась на выцветшие и местами отставшие от стены обои и размышляя, стоит ли еще немного понежиться и переждать синдром похмелья в постели. Но в следующую минуту понял, что нынче никакого похмелья нет, и тут же решил подниматься.

У Трассы было слишком много забот, чтобы бить баклуши. Сегодня он надеялся закрыть дело Де Венчаса, поэтому ему не терпелось приступить к работе.

Не удусужившись даже поджарить гренки и вскипятить чайник, Трасса выскочил на улицу, чтобы купить свежую газету. В душе инспектор не верил, что Колин Зловещий сдержит слово и не проболтается о том, что узнал от следователя по поводу виновности Миала и о кровавом убийстве на территории оркского консульства.

Купив очередной выпуск «Кумасской газеты» в магазине на углу улицы, детектив дрожащими руками развернул листы и увидел, что журналюга остался верен данному слову. Никакого упоминания о деле Де Венчаса не было.

В передовой статье рассказывалось об аресте известной балерины, подрабатывавшей в ночные часы дорогой проституткой. Она родилась в дворянской семье вместе с другими четверьмя близнецами. Своих клиентов балерина завлекала, выступая на сцене без нижнего белья. Факт этот становился общеизвестным, когда при выполнении стремительных пируэтов ее юбки взмывали вверх. Зловещий поместил историю на

двух страницах под заголовком «Соблазнительный вихрь танца. Близняшки без исподнего».

Трасса прочитал историю от начала до конца по дороге в офис. Содержание истории так сильно поглотило его, что он едва не угодил под колеса телеги. Подобные щекотливые аспекты полицейской работы привлекали инспектора гораздо больше, чем убийства, так что раз или два Трасса всерьез думал подать заявление о переводе в отдел нравов.

В дверях полицейского участка мысль о переводе снова посетила его, и инспектор решил, что, если расследование дела Де Венчас закончится для него поражением, он подыщет себе более подходящее занятие.

Захватив в служебной столовой чашку кофе, Трасса прошел в кабинет и плюхнулся на стул. Инспектору предстояло определить план работы и подобрать веские слова, с которыми он обратится к своим подчиненным. На это утро Трасса назначил совещание у себя в кабинете, пригласив двадцать офицеров, работавших по другим делам. В данный момент перед инспектором стояла задача срочно задержать для дачи показаний одного из агентов Миала.

Однако детектив не имел ни малейшего представления, где и как он его найдет. Теперь, когда основной контингент войск из Минас Лантана ушел домой, секретные агенты сняли форму и, запрятав ее подальше, скрывались в толпе обычных граждан. Поиск нужного человека был равнозначен поиску иголки, замаскированной под соломинку, в стоге сена.

А вдруг мне повезет, размышлял Трасса. Вдруг хоть один из них окажется достаточно тупым, чтобы носить форму гвардейцев Минас Лантана. Но нет. Это из области фантастики, парень. Может, кретины среди них есть, но не до такой же степени.

Рядовой Борон из гвардии Минас Лантана очень гордился тем фактом, что был удостоен чести служить в личной охране господина Миала.

За три года армейской службы ему впервые доверили столь важное дело. Но в этом не было ничего удивительного. Раньше Борон был хилым, тщедушным, неуверенным в себе и трусливым от природы. Единственная черта его характера, которая была полезна в жизни, заключалась в горячем стремлении угождать. Одного взгляда на Борона было достаточно, чтобы сказать, что для солдата он не подходил, не говоря уже об офицерском чине.

Так думали все, кроме его бедной старой вдовой матери. Исполненная решимости дать сыну хороший старт в жизни, она выбрала для него армейскую карьеру. Отказывая себе в последнем, старушка наскребла нужную сумму и купила ему погоны. Так Борон стал лейтенантом гвардии.

Три года неисчислимых несчастий и четыре последовательных понижения в звании привели его на низшую ступень рядового. Он бы мог покатиться вниз и дальше, если бы было куда. Стоило создать специальный ранг для такой бестолочи, как боец Борон, и его командиры успокоились, поручая солдату выполнение самой грязной и наименее престижной работы вроде чистки картофеля на кухне.

Немного позже, после того, как Борон уронил в чан счищенным картофелем гранату и не заметил этакой безделицы, им пришлось пересмотреть свою тактику. Признать его виновным в последовавшем взрыве не удалось, тем более что сержант, непосредственный начальник Борона, в результате этого происшествия погиб, однако никто не сомневался, на чьей это совести.

Пару недель Борон просидел в заключении, размышляя, какое дальнейшее понижение изобретут для него армейские чины. Он провел уже два месяца, присматривая за мулами, пока бедолаги все не передохли. Целую неделю Борон убирал отхожие места, пока несколько офицеров не отравились парами сероводорода. Потом его назначили охранником в тюремный блок, но заключенные устроили грандиозный побег, и охранять стало некого. Других занятий в армии для него, пожалуй, уже не существовало.

Потом однажды ночью к Борону в камеру тайно проник сержант по имени Кишкорез и спросил, не хочет ли он перевестись в личную охрану Миала. Безжалостно подавив в себе страх по поводу того, что служба может оказаться опасной, Борон ухватился за представившийся ему шанс. Он решил, что настал момент сделать что-то, чтобы его мать смогла гордиться сыном.

Кишкорез незаметно вывел его через заднюю дверь во двор, где ожидала небольшая группа всадников. Все это вызывало удивление, но солдат не задавал лишних вопросов.

Борон удивился еще больше, когда всадники выехали за пределы Минас Лантана, и даже немного обеспокоился. Но Кишкорез объяснил, что у господина Миала есть работа в городе Кумасе. Повелитель намерен прибыть туда в ближайшее время, а пока отбирает людей для своей охраны, которые должны все подготовить к его встрече.

Борон очень обрадовался, когда услышал, что его работа заключается в том, чтобы беседовать с людьми в барах, тавернах, харчевнях и рассказывать всем о том, какой славный парень Миал. От него требовалось только не проговориться, что он принадлежит к личной охране Миала. Кишкорез дал ему тяжелый кошелек, набитый золотыми монетами, чтобы он мог покупать выпивку себе и своим собеседникам.

Но за этим произошло нашествие орков. Миал прибыл в Кумас во главе войска Минас Лантана, и Борон впервые с гордостью надел гвардейскую форму и шлем с красной кокардой. Правда, беднягу не покидал страх, что его могут отправить туда, где шло сражение, но Кишкорез заверил новоиспеченного гвардейца, что он нужен для выполнения более важной задачи.

На другой день армия Миала ушла на войну, а Борон и еще несколько гвардейцев тайно остались в Кумасе. Нарядившись в штатское платье, Борон следующие двадцать четыре часа не уставал радоваться жизни. Он толкался в харчевнях, покупал людям выпивку и просил их не волноваться за исход

сражения, так как Миал превосходный полководец, отлично знает свое дело и элементарно заставит орков драпать...

Вскоре армия вернулась, поредевшая, вымотанная, но победоносная. В связи с этим Борон получил новые указания. Теперь, болтаясь в пивных, ему следовало рассказывать каждому встречному и поперечному, что военная победа одержана только благодаря генералу Миалу, что он был настоящим героем и что гражданам Кумаса здорово повезет, если принцесса Макоби согласится выйти за отважного воина замуж. Борон получил приказ вести пропаганду, одевшись как простой гражданин. В первый день он повиновался, хоть и нехотя.

В ту ночь он сидел в комнате, которую снимал, любовался своей красивой формой, нежно гладил красную кокарду и впервые в жизни ужасно собой гордился. Он очень сожалел и печалился, что не имел возможности носить всю эту красоту. Приказ замаскироваться казался Борону совершенно бессмысленным и глупым. Почему нельзя демонстрировать свою принадлежность к личной гвардии Миала, если надлежало говорить, что он сражался рядом с храбрым генералом? Форма могла бы только усилить правдивость его рассказа.

Итак, в тот день, когда инспектор Трасса собирался приказать своим подчиненным хоть из-под земли достать кого-нибудь в форме гвардии Миала, такой замечательный умник в Кумасе нашелся...

После ночи, проведенной в полицейском лазарете, сержант Раси чувствовал себя гораздо лучше. Впервые за несколько последних недель он понял, что голоден, и с удовольствием съел бы завтрак. Хотя каша из столовой вряд ли могла удовлетворить изысканный вкус гурмана, все же она была горячей, питательной и относительно безвредной для здоровья.

После завтрака полицейский доктор подверг его ряду строгих тестов: осмотрел язык, пощупал пульс и поинтересовался, стаскивал ли он с себя штаны последние двенадцать часов.

После осмотра медик объявил своему пациенту, что к службе он пригоден и должен явиться к половине одиннадцатого в конференц-зал на совещание, куда инспектор Трасса приглашал всех свободных офицеров.

Раши на собрание опоздал на несколько минут, так как зал находился на втором этаже. Он был еще слаб и через каждые четыре-пять ступенек должен был останавливаться, чтобы перевести дух. Он открыл дверь в тот момент, когда инспектор Трасса инструктировал два десятка младших чинов о необходимости выявить и допросить хотя бы одного члена личной охраны Миала.

— Если вам показалось, что вы его вычислили, — говорил Трасса, — то следуйте за ним, но старайтесь, чтобы он вас не видел. Держите объект в неведении. Работайте группами. Слушайте и наблюдайте. Когда вы будете уверены, что ваш подозреваемый — человек Миала, арестуйте его и доставьте... о господи, это что за горе такое!

Трасса увидел Раши и уставился на него, не веря своим глазам. Тотчас двадцать голов повернулись, следуя его взгляду. Двадцать лиц дружно вытаращили на него глаза, в которых сквозило неподдельное удивление. Раши в растерянности пялился на них. Он понимал, что после тридцати шести часов страданий, вероятно, выглядит не вполне здоровым, но вызванная реакция его шокировала. Такого он не ожидал.

— Святые силы, Раши! — воскликнул Трасса. — С тобой все в порядке, дружище?

Раши кивнул:

— Да, сэр. Все хорошо. То есть не так плохо, как вчера. И доктор говорит, что я годен для активной деятельности. Лишь бы туалет был неподалеку.

— Годен? Да ты выглядишь как покойник, которого зарыли, а через неделю снова откопали.

Раши слабо шевельнул губами, пытаясь изобразить улыбку, и, шаркая, прошел в конец зала, где бессильно опустился на стул. Инспектор покачал головой и продолжил инструк-

таж. Раси, устроившись поудобней, тем временем наслаждался покоем привычной обстановки.

Жесткое сиденье стула, карта улиц Кумаса на стене, густо утыканная цветными булавками, изображавшими невесть что, непочтительные комментарии и непристойные шуточки его товарищей, кислый запах пота двадцати мужиков, собравшихся в одном тесном помещении, — все это давало сержанту ощущение принадлежности гораздо в большей степени, чем стены родного дома. Полицейский участок и был его настоящим домом. Он чувствовал здесь свое единство с остальными сослуживцами, здесь была его жизнь и его радость.

Минут через двадцать собрание закончилось, и все разошлись, кроме Трассы. Инспектор подошел к сержанту, взял стул из переднего ряда и уселся верхом на него, положив локти на спинку.

— Ты уверен, что готов к выполнению задания, сержант? — спросил он не без доброго участия. — Личинки мух и то выглядят куда бодрее и крепче, чем ты в данный момент.

— Нет, я в порядке, сэр. Честное слово! Я очень хочу выбраться отсюда и приступить к своим обязанностям.

Трасса скривил губы, выражая сомнение.

— Ладно, посмотрим, — сказал он. — Но не перенапрягайся. Забурись в какую-нибудь многолюдную харчевню, сядь в уголке и держи ушки на макушке. Если поймешь, что обнаружил одного из агентов Миала, сходи за кем-нибудь из товарищей, чтобы тот произвел задержание. А теперь шагом марш отсюда, пока не провалился в щель между половыми досками.

Раси отдал честь и нетвердой походкой пошел к двери. Искреннее участие инспектора его тронуло и несколько ошеломило. Обычно, выражая симпатию, инспектор бил несчастного по спине, приговаривая, что не стоит быть соплей, а потом отправлял в бар напиться.

Сержант открыл дверь и остановился.

— Можете на меня рассчитывать, сэр, — сказал он. — Я вас не подведу.

Затем с чувством, что все нормализуется, сержант Раси, пошатываясь, отправился на задание.

Рядовой Борон, взглянув на свое отражение в потрескавшемся, засиженном мухами зеркале своей комнаты, раздулся от гордости. Черная кожа, как ему всегда казалось, придавала мужчине невероятно мужественный вид, а в форме личной охраны Миала этого материала имелось в избытке. Единообразие цветовой гаммы нарушала только красная кокарда на сверкающем металле шлема.

Борон повернулся к зеркалу боком и принял важный вид, затем повернулся другим боком и сменил позу, больно ударившись при этом локтем о дверцу буфета. Но это не имело значения. Возможно, кто-то увидит в нем тощего недоростка, одетого в черный кожаный костюм с чужого плеча и металлический шлем, который сидел на голове, как угольное ведро, но в собственных глазах он был пуп земли, достойный из достойных. Сливки общества. Сливки сливок.

С гордостью в сердце и жутким синяком на локте рядовой Борон вышел из комнаты навстречу разочарованиям и обломам.

Сержант Раси сидел в баре под названием «Синий василиск» и думал про себя (в который раз!), какой же инспектор умный.

Людам, которые неважно себя чувствовали, многоопытный Трасса для поправки здоровья неизменно советовал выпить. Раси считал такую установку ошибочной, но теперь с тремя пинтами эля «Перламутровый свет Гобо» в желудке ощущал себя как никогда великолепно.

Расслабившись, он не сразу вспомнил, что находится на задании. С трудом оторвав взгляд от глубокого декольте барменши, Раси огляделся. Интересно, каким образом можно узнать агента из Минас Лантана, если на нем не будет формы, думал он, сожалея, что был не совсем внимательным на инструктаже...

И тут его словно молнией поразило. За соседним столиком сидел человек в форме.

Более того, Раси был абсолютно уверен, что это форма личной охраны Миала. Он видел нескольких Миаловских охранников во время того злополучного визита в королевский дворец, который ему не забыть до конца своих дней.

Сержант встал, вспомнив указание инспектора позвать на помощь кого-нибудь из сослуживцев, ежели что случится. Но Раси заметил, что человек вот-вот допьет пиво.

Он может исчезнуть к тому времени, когда я вернусь. Лучше я сам его арестую.

Сержант сделал глубокий вдох, собираясь с мыслями. Самочувствие Раси значительно улучшилось, но все же он был еще очень слаб, и парню за соседним столиком, хоть он и имел весьма тщедушный вид, достаточно было ткнуть сыщика-мизинцем, чтобы свалить беднягу с ног. Однако Раси решил выполнить свой долг. Выпив залпом остатки пива, он встал и неверным шагом направился к соседнему столу.

Несмотря на мужественный вид, который придавала ему черная кожа и металлические заклепки, Борон, выйдя из дома, испытал сильный приступ сомнения.

За три года армейской службы он хорошо усвоил одну вещь — нарушать приказы нецелесообразно. Если сержант Кишкорез обнаружит, что, вопреки распоряжению, Борон напялил форму, то военного трибунала ему, вероятно, не избежать. Поэтому он намеревался выпить в тихой таверне, не засиживаясь, и пойти домой переодеться.

Незадачливый послушник выбрал место под названием «Синий василиск», что находилось сразу за углом его конспиративной квартиры. Но выпивка удовольствия не доставила. Каждый раз, когда открывалась дверь, он ожидал увидеть на пороге сержанта Кишкореза.

Борон допивал пиво и собирался уже идти домой и переодеться, когда к его столу подошел, покачиваясь, бледный

и ужасно худой мужчина с наружностью смертельно больного человека.

Облокотившись о стол, чтобы не упасть, доходяга растерянно уставился на Борона.

— Извините, что обращаюсь к вам, добрый человек, но мне нужно, чтобы вы сопроводили меня до конторы, — промолвил мужчина. — Сам я болею сильно, и вообще...

Если бы Бороп сообразил, что незнакомец на самом деле полицейский, его бы сдуло как ветром в ту же секунду. Но обратившийся за помощью выглядел действительно никудашно. Его бледное как полотно лицо покрывала болезненная испарина. Несомненно, он нуждался в посторонней помощи, чтобы добраться до этой самой конторы, где бы она ни находилась. Бороп был от природы добрым и отзывчивым.

— Хорошо, — согласился он. — Скажите только куда, и я провожу вас.

Сержант Раси не мог поверить своим ушам. Раньше, когда он производил аресты, задержанные оказывали жестокое сопротивление, заканчивавшееся персонально для него обязательно какой-нибудь травмой, начиная с подбитого глаза и заканчивая сломанным пальцем.

А этот идиот из Минас Лантана мало того что отнесся к услышанному со спартанским спокойствием, так еще согласился помочь ему добраться до полицейского управления. От подобной душевной широты у Раси слезы на глаза навернулись.

— Благодарю вас, — сказал он. — Век не забуду.

— Пожалуйста, пожалуйста, — ответил Бороп, и вдвоем, шаркая и пошатываясь, они вышли из «Синего василиска» и побрели по улице в сторону полицейского участка.

Констебль уголовной полиции Кратаван стоял у главной лестницы в вестибюле полицейского управления, стараясь толковать сержанту Свину, как проводить допрос задержанного в соответствии с инструкциями инспектора Трассы.

Это дело осложнялось рядом факторов.

Во-первых, Кратаван терпеть не мог пыток, полностью разделяя в этом вопросе взгляды Трассы по поводу того, что это негуманно и нецивилизованно. Во-вторых, он ненавидел тех, кто проводил пытки, особенно Свина, которого считал жирным тупорылым садистом. В-третьих, Свин был сержантом, в то время как Кратаван — только констеблсм.

Это значило, что ему надлежало быть вежливым с этим жирным тупицей и молча слушать его разглагольствования о намерении разделаться с несчастным заключенным по заслугам, хотя на самом деле Кратавану хотелось сказать, что, если палач не будет следовать его распоряжениям с точностью до запятой, он, констебль Кратаван, привяжет гада Свина к его же собственной лавке и отходит раскаленной кочергой.

Кратавану было тяжело.

— Кто этот невезучий парнишка? — спросил с ласковой снисходительностью Свин.

— Мы еще не знаем, — ответил констебль. — Мы пока что ищем агента из личной охраны Миала. Как я уже сказал вам, инспектор Трасса просит, если мы сцапаем кого нужно, чтобы вы...

— Это он — там, с Раси?

— ...не переборщили. Что? Где?..

Кратаван резко повернулся на сто восемьдесят градусов и недоуменно уставился на странную пару, поднимавшуюся по ступенькам парадного крыльца. Один из них действительно был сержант Раси, а второй...

У Кратавана отвисла челюсть. Второй парень был одет в форму гвардейца из личной охраны Миала. Клатт! Он-то в душе надеялся, что арестовать никого не удастся и не придется с содроганием в сердце наблюдать за изуверствами Свина в подвале.

— Да, — вздохнул он. — Боюсь, что это так.

Борон помог бедному больному мужчине пересечь широкий коридор и подвел его к столу дежурного. Только тут он

огляделся и, к своему ужасу, понял, что находится в холле полицейского управления.

— Послушайте, — заикаясь, обратился он к Раси. — Уверен, что здесь за вами присмотрят, а мне нужно бежать.

— Но вы не можете, — ответил Раси с удивлением. — Я вас арестовал.

Борон в испуге отпрянул от своего спутника и посмотрел на него такими глазами, словно, спасая тонущего ягненка, обнаружил, что маленькое беззащитное существо оттапало ему руку.

— Могу, очень даже могу, вонючий ублюдок, — выругался он. — Поди поймай меня!

Раси невесомо вцепился в его рукав. Борон с легкостью стряхнул его, но в ту же минуту ахнул и захрипел, потому что какая-то сила схватила его сзади за горло и оторвала от пола.

С трудом повернув голову, он увидел прямо перед собой злобную харю, лоснящуюся от пота и жира. На него пахнуло зловонным дыханием. Маленькие свинячьи глазки, почти заплывшие салом, пожирали его безумным взглядом, ухмыляющийся рот в предвкушении пиршества буквально истекал слюной.

— Я сержант Свин, — произнес рот... нет, не рот, а хайло чудовища. — Сейчас мы немного повеселимся. Пошли со мной, и я покажу тебе свои игрушки.

Борон извивался, как червяк, насаженный на крючок, но это не помогало. Сжимавшая шею рука была крепка, как тиски. В мгновение ока Борон очутился у лестницы, ведущей вниз, в темный коридор. По выражению лиц присутствующих полицейских офицеров он понял, что ничего хорошего его там не ожидает. До слуха бедняги долетело одно только слово «пытка», неосторожно оброненное кем-то.

Внутри у Борона все похолодело. Он отчаянно пытался заставить свой мозг работать и придумать какой-нибудь хитроумный план бегства из этого кошмара. Время шло, а на ум ничего не приходило. Но тут решение созрело, и все пришло в стремительное движение.

Борон потерял сознание.

* * *

На верхней ступеньке лестницы, ведущей в подвал, инспектор Трасса помедлил и, бросив косой взгляд на своих спутников, с удовлетворением отметил, что Раси и Кратаван разделяют его отвращение.

— Идемте, сэр, — поторопил его Кратаван, — нам лучше сойти вниз. Свин мучает его всего десять минут, возможно, парень еще не совсем лишился рассудка.

Трасса кивнул и, взявшись за перила, стал спускаться в подвал. Он ненавидел эту лестницу. Ее конструктор, по всей видимости, хорошо знал, что такое страх и ужас. Лестница начиналась с мраморного пролета в ярко освещенном вестибюле и спуск по ней, казалось, не предвещал ничего дурного. Но через десяток ступеней коварная лестница круто поворачивала в противоположную сторону, делалась неровной, скользкой и, постепенно сужаясь, шла вниз по спирали, закрученной против часовой стрелки.

Жизнеутверждающий белый цвет стен менялся сначала в серый, затем густел до угольно-черного, холодные каменные стены покрывались конденсатом, а освещение меркло, приобретая зловещий красноватый оттенок. Замысел архитектора состоял в том, чтобы, спускаясь по лестнице, человек понимал, что впереди его ждет нечто малоприятное.

На нижней площадке имелась массивная деревянная дверь с многочисленными стальными запорами. Трасса толкнул ее и пригласил остальных проследовать за ним по мрачному коридору с дверьми по обе стороны.

Вымощенный каменными плитами коридор вел в самое сердце безраздельных владений Свина. По воплям несчастной жертвы было нетрудно догадаться, где проходил допрос.

Трасса открыл третью дверь справа и вошел в помещение в сопровождении Кратавана, в то время как Раси нерешительно топтался у порога.

Сомневаться не приходилось, источник криков находился здесь. Человек, арестованный Раси, сидел, привязанный к стулу пыток. Его черная форма была покрыта пятнами пота и

мочи. Широко раскрытые глаза бедняги молили о пощаде, поток бессвязных слов перемежался с жалобными стонами, пронзительными воплями и невнятным бормотанием.

За спиной жертвы Свин и два его помощника устрашающего вида готовили набор инструментов, применение которых даже маркиз де Сад признал бы чрезмерным. На раскаленной докрасна жаровне лежали щипцы, клещи и кочерги, а на столике рядом поблескивала не менее интересная коллекция жуткого вида зондов, ножей и ланцетов.

— Силы всевышние! — воскликнул Трасса. — Свин, что вы с ним сделали?

— Ничего, сэр, — пожал плечами садюга. — Мы еще к нему и не прикасались. Просто привязали его к стулу и сказали, что сейчас произойдет. Он тут же начал вопить без умолку.

Покачав головой, Трасса наклонился вперед и, опершись на одну из ручек кресла, к которому был привязан бедолага, заглянул испуганному насмерть человеку прямо в глаза.

— Все в порядке, — проговорил он. — Ничего с вами не случится, если вы согласитесь помочь нам.

— Я согласен, — ответил арестованный с жаром новообращенного, обещающего быть фанатичным поборником новой веры.

— Отлично. Нам нужно, чтобы вы всего-навсего ответили на несколько вопросов. Итак, как ваше имя?

— Борон!

Свин поднес к лицу допрашиваемого кулак величиной со свиной окорок.

— Только не вздумай сквернословить, — предупредил он мрачно.

— Я и не думаю. Меня зовут Борон! Честное слово!

— Ладно, ладно! Пусть будет так. Что это за форма такая, Борон? Она твоя?

— Да!

Парень яростно замотал головой, подняв настоящую метель перхоти, осевшей белыми снежинками на его коленях.

— На кого ты работаешь?

— На Миала из Минас Лантана. Я служу в его личной охране.

— Хорошо... очень хорошо. А теперь... не расскажешь ли нам подробнее о работе, которую выполнял для него последнее время.

— Да! Расскажу! Все расскажу! Не сомневайтесь!..

Лицо Борона выражало неподдельную искренность и честность.

Трасса, удовлетворенный ответом, выпрямился и повернулся к Свину, прислушивавшемуся к диалогу с возрастающей тревогой.

— Полагаю, ваши таланты сегодня не понадобятся, сержант, — сообщил инспектор.

— Что?..

Свин не верил своим ушам. Выглядел он удрученным.

— Вы слышали.

— Совсем не понадобятся?

— Совсем.

— Но... Нельзя ли его помучить хотя бы чуточку?

— Ради забавы, хотите сказать?

— Ага.

Свин ухмыльнулся. Он не уловил нотки иронии в вопросе инспектора.

— Свин, вы чудовище, безжалостный садист, бессердечный варвар.

— Сэр, благодарю вас, сэр!

Трасса устало пожал плечами. Ему хотелось как можно быстрее вырваться из этих жутких застенков, где сама атмосфера действовала на него удушающе.

— Кратаван, отвяжите задержанного и приведите его ко мне в кабинет, — приказал он. — И чтобы ни один волос не упал с его головы. Свин, вы видите эту раскаленную докрасна кочергу в руках одного из ваших приспешников?

Свин обернулся.

— Да, сэр!

— Примерь ее к своему сидалищу и покрутись, умник. Это приказ.

Десять минут спустя Трасса сидел у себя за рабочим столом.

Примостившийся напротив Борон нервно ерзал на стуле. Хилое тело арестованного была крупная дрожь. Похожий на загнанную дичь (невеликого размера), он был готов разразиться рыданиями в любую секунду.

Инспектор в очередной раз пожалел, что занимается такой грязной и неблагодарной работой.

— Итак, солнышко, — сказал он, — ты видел, что эти ублюдки в подвале собирались сделать с тобой. Но если расскажешь мне все как было, они тебя пальцем не тронут. Это единственный способ сохранить свою задницу и другие жизненно важные органы. А теперь я хочу услышать как можно более обстоятельный рассказ о том, что ты со своими друзьями натворил.

Несчастный открыл рот, и тут его понесло.

Сбивчивая речь продолжалась минут тридцать, прежде чем Трасса понял, что допрашиваемый — простая пешка, рядовой солдат, к тому же, мягко говоря, не очень сообразительный, и мало что знает о заговоре, в который оказался вовлеченным.

Тем не менее арестованный сообщил много полезной информации, подтвердившей подозрения инспектора.

— Так ты не знаешь, где проживает Кишкорез и другие агенты? — спросил Трасса, когда Борон иссяк.

— Нет, но через два дня я должен кое с кем из них встретиться в харчевне.

— А ты слышал, чтобы кто-нибудь из них упоминал имя полковника Де Венчаса? Или чтобы говорили об убийстве?

Борон на минуту задумался, представляя, что Кишкорез сделает с ним, если поймает, но тут же в его памяти всплыл Свин, любовно поглаживавший металлические зонды.

— Однажды в пивной состоялся разговор об убийстве, — поспешно сказал он. — Только речь шла не о людях, а об орках. Я решил, что это было связано с войной.

Трасса вздохнул с облегчением. Наконец-то появилось звено, которое связывает Миала с убийцами! Теперь действовать придется суперинтенданту.

— Отлично. Ты вел себя превосходно. Теперь поговорим немного о расправе над орками. Расскажи мне детально все, что слышал...

Суперинтендант Причуда сидел за письменным столом и читал какой-то пергамент, похожий на официальный документ, когда в кабинет шефа вошел инспектор Трасса.

Босс, не поднимая взгляда, жестом указал офицеру на стул. Последний повиновался и, присев, терпеливо ждал момента, когда начальник освободится.

Дочитав документ до конца, Причуда раздраженно тряхнул головой и начал скручивать пергамент. Потом, все еще погруженный в свои мысли, поднял глаза на инспектора и несколько секунд вопросительно глядел на него.

— Что, арестовали этого... как там его, Таракана, что ли?

— Сараккана, сэр. Нет, не арестовали.

— Нет? Так какого клатта вы тут делаете?

Трасса поморщился. Шеф, похоже, был не в лучшем расположении духа.

— Открылись новые обстоятельства, сэр. Мы только что допросили одного из гвардейцев Миала, сэр. Одного вида Свина хватило, чтобы у него развязался язык.

— Прелестно!

Суперинтендант стукнул пергаментным свитком по ладони.

Трасса про себя отметил, что шеф, вероятно, предпочел бы отхлестать этим свитком его по щекам.

— У меня здесь, — продолжал Причуда, — письмо из королевского дворца. Пару часов назад в Кумас прибыл гонец из Минас Лантана. Они подали официальную жалобу на дурное обращение с Миалом. Далее цитирую: «чересчур ретивого, грубого и наглого офицера полиции». Во дворце требуют, чтобы с Миалом обращались с максимальным почтением. А вы посмели передать одного из его личных ох-

ранников в ласковые руки заботливого сержанта Свина? Скажите, что это не так.

У инспектора Трассы внутри все похолодело. Он надеялся на иное развитие событий. Все же он решил стоять на своем.

— Миал виновен, шеф. Он причастен к убийству пяти орков, а также полковника...

— Мне плевать, даже если он убил дюжину орков и полковников, два десятка майоров и вашу дорогую седоволосую матушку в придачу! Мы не станем его арестовывать, потому что нам не нужна война между двумя городами. А теперь убирайтесь отсюда, найдите себе другую невинную жертву, которую можно будет обвинить в убийствах. Я понятно изъясняюсь?

— Да, сэр, — пробормотал Трасса.

Он встал и, стараясь сохранять достоинство, твердым шагом направился к двери.

— Послушайте, инспектор, — сказал ему в спину суперинтендант.

Трасса остановился и обернулся к шефу.

— Миал будет во дворце послезавтра. Я хочу, чтобы к этому времени вы арестовали другого подозреваемого, иначе вам светит чин сержанта и деревянные колодки. Понятно?

— Сэр...

Трасса закрыл дверь с другой стороны и медленно побрел вдоль коридора.

Детективу было о чем подумать. Судя по всему, ему все же придется арестовать Сараккана. Или по крайней мере он будет всем в управлении так говорить...

Трасса про себя улыбнулся. У инспектора созрел собственный план — план, который он будет держать в секрете до поры до времени. А когда Миал въедет в город, его будет здесь ждать неприятный сюрприз.

ГЛАВА 15

Когда дверь за Болотным Духом плотно закрылась, Макоби даже не сомневалась, что они с Глартом в конце концов попались на удочку.

Однако девушка старалась не терять самообладания. Итак, ее заперли в подземной пещере, а Гларта повели на какое-то неизвестное испытание. Так что?

Он присоединится позже — если выживет, — пообещал Болотный Дух.

Гларт, насколько Макоби успела его узнать, был прирожденным борцом. Он непременно выживет и вернется. Принцессе было важно в это верить.

Пока благодаря дальновидности молодого монаха она имела одно веское преимущество — драгоценность Адомо. Кольцо с львиной головой по-прежнему мирно сидело на ее пальце. Пустить его в дело сейчас или позже? Макоби знала, что с его помощью она выйдет из темницы в мгновение ока. Но предупреждение Гларта и предыдущий не слишком удачный опыт с трупом орка научили ее пользоваться могуществом амулета с большой осторожностью. Положение девушки не такое уж и безвыходное. Есть еще кое-кто, кто может ей помочь. Если, конечно, он тоже не пострадал...

Но тревожилась принцесса напрасно. Довольно скоро сквозь толстые двери просочилась бесплотная тень Дариана и подплыла к ней.

— Господи, как же я рада тебя видеть, — сказала Макоби. — Я уже начала волноваться! Я даже подумала, а вдруг орки тебя видят и нашли способ поймать.

— Не видят, — прошептал дух.

— Не знаешь, куда они повели Гларта?

— Нет. Я пытался следить за ними, но они ушли слишком далеко, а я все еще привязан к этой штуке.

Понурый вид призрака свидетельствовал, что он чувствует себя виноватым перед Макоби в том, что не оправдал ее ожиданий.

— Не беспокойся, — утешила она Дариана. — Может, пока суд да дело, ты проведешь разведку? Проверь другие пещеры и помещения, куда сможешь проникнуть. Послушай, о чем там говорят.

Привидение горестно кивнуло и растворилось в толще потолка.

Макоби опустила на пол и погрузилась в раздумья. Что делать?..

После недолгих размышлений она решила, что будет лучше сперва дожидаться Гларта, а уже потом устраивать побег. Но откуда ей знать, что с юношей все в порядке?

Слегка нервничая, принцесса постучала по львиной голове пальцем.

— Ты спишь? — прошептала она.

— О нет, — ответило кольцо напыщенным тоном, — прекраснейший цветок...

— Брось это! Горе ты мое...

— Если вашей щедрости угодна тишина, тогда я, безусловно...

— Я же сказала: БРОСЬ ЭТО!

Перстень умолк, и Макоби смерила его сердитым взглядом.

— Сделай две вещи. Во-первых, пожалуйста, стань таким, каким был раньше.

— Отлично, радость моя, — ответило кольцо самодовольно, — я знал, что здравый смысл в конце концов победит.

— Во-вторых, есть ли способ узнать, где сейчас Гларт и как он себя чувствует?

— Да масса способов. Но если ты действительно хочешь знать, как он себя чувствует, тогда лучше попробовать заклятие Соединения Умов.

— Что это?

— Соединение Умов было впервые изобретено магом Первого века по имени Багазалд в 474 году, — ответил перстень. — Он придумал это заклятие, чтобы следить за своей новой юной и ужасно хорошенькой женушкой, которая, как он полагал, флиртowała с младшим сыном царя.

— Это помогло?

— По всей видимости, да. Пару месяцев спустя Багазалд был предан смерти за то, что по Злому Умыслу взорвал Пятого Наследника Трона с помощью Шаровой Молнии.

— О господи! Так как это работает?

— Я произнесу заклятие и мысленно свяжусь с Глартом, после чего смогу сообщить, что он видит и как себя чувствует.

— Он поймет, что происходит?

— Если его обучили основам магических знаний, то да.

— Звучит оптимистично. Но нет ли в этом каких побочных эффектов, о которых ты умалчиваешь? Не вредно ли это для Гларта? Не скажется ли это на его умственных способностях?

— Ничуть. Он останется каким был.

— Тогда ладно. Давай попробуем.

— Хорошо. А теперь посмотрим. Иду на контакт... у-у-у!..

Голос перстня вдруг изменился, и он начал запинаться.

— Я шижу... тьфу ты, сижу... в прошторном баре, где много-много орков. О боги, им несть числа... Мноха, мноха, мноха, мноха... Их больше, чем... больше, чем... можешь себе представить. Представь тьму орков и умножи... умножи, фу ты... умножь на... пять, потом... потом... э-э-э...

Тут Макоби сообразила, что Гларт, вероятно, пьян.

— С тобой все в порядке? — спросила она озабоченно.

— Мне хорошо. Хорошо. Хорошо, хорошо, хорошо, хорошо. Эх-ма, как хорошо!.. Они дали мне мноха-мноха выпивки, а теперь вопрошут с пристосами... пристаю с вопросами. Но я-то знаю, что им нужно. Я тут чуточку их закодал... заколдовал и узнал больше, чем они... ик...

Возникла длинная пауза. Когда перстень снова заговорил, он не мог скрыть отвращения.

— Ну вот, получила что хотела, — сказал он. — Пока мы с тобой сидим тут взаперти, твой приятель в ус не дует и водку жрет с орками. И плевать он на все хотел.

— Раз ему хорошо и с ним все в порядке... — неуверенно пробормотала Макоби.

Она уселась на пол и принялась расстилать свою походную постель.

Принцесса была уверена, что за амулетом охотятся люди Миала, а не орки, и что Болотный Дух забрал кулон для них, а не для себя. В этом состояло преимущество драгоценности — амулет мог видоизменяться по собственной воле, и никто не знал, как он выглядит в настоящий момент. Была надежда, что никто не догадается, что оркский кулон не имеет отношения к амулету Адомо, до тех пор, пока вещь не попадет в руки Миала.

Макоби решила, что, возможно, имеет в запасе по меньшей мере двадцать четыре часа, прежде чем орки поймут, что амулет все еще у нее. Тем временем она сумеет немного отдохнуть.

Расстелив подстилку, она задула свечу, легла и закрыла глаза.

Макоби пробудилась внезапно, как будто ее толкнули.

Испуганная, она села. Вокруг было темно, хоть глаз коли. До ее слуха донесся отдаленный смех и рычание. В следующее мгновение дверь широко распахнулась, и внутри стало чуточку светлее. Это позволило девушке увидеть группу из четырех орков. Они тащили Гларта. Его руки болтались безвольными плетями вдоль тела, ноги не слушались, голова висела на груди, и глаза были закрыты.

Один из орков швырнул Макоби заплечный мешок Гларта. Макоби поймала его и принялась вытаскивать постельные принадлежности монаха. Тем временем провожатые отпусти-

ли юношу, и Гларт с тихим стуком повалился на пол, где и остался лежать в неподвижности.

— Боюсь, твой приятель набрался, — засмеялся второй орк. — Смотри, он не так уж плохо для человека справился с испытанием.

Потоптавшись еще немного, они вышли, захлопнув и надежно заперев за собой дверь на засов. Девушка нащупала в своем мешке трут, добыла огонь и зажгла крошечный огарок свечи.

Аккуратно поставив свечу на стул, она повернулась к Гларту, чтобы подтащить его на подстилку. К ее удивлению, он сидел.

— С тобой все в порядке? — спросила она.

Его губы тронула легкая улыбка, озарившая лицо радостью, подобно восходу солнца.

— Да, — сказал он, продолжая улыбаться.

Выражение его лица не менялось, и Макоби терпеливо ждала, что за этим последует. Молчание затягивалось.

— Ну, что случилось? — не выдержала она.

— Мы выпивали, и они задавали мне всякие вопросы. Я много чего узнал... Как здесь темно.

— У тебя глаза закрыты.

Гларт сумел с трудом приоткрыть один глаз. Второй, похоже, был задраен на ночь.

— Думаю, мне лучше немного поспать, прежде чем мы тронемся в путь. Спокойной ночи.

Он повалился на раскатанный матрас, как подрубленное дерево. Мгновение спустя он отключился, и Макоби услышала его сладкое посапывание. Принцесса поискала взглядом призрак Дариана, безмолвно паривший в дальнем углу пещеры.

— Дариан, стой на карауле в конце коридора. Разбуди нас, если кто-нибудь появится, хорошо?

Дух послушно просочился сквозь дверь, и девушка снова легла и сомкнула глаза.

«Едва ли я смогу уснуть в таком шуме», — подумала она, имея в виду набиравший силу храп монаха.

Но не прошло и минуты, как принцесса провалилась в забытье.

Когда Макоби проснулась, она поняла, что проспала всю ночь.

Помещение было освещено странным белым сиянием, исходившим от кончика деревянной палки из вещевого мешка Гларта, прислоненной к стулу. Гарт сидел, скрестив ноги, на полу и шепотом переговаривался с призраком Дариана.

Увидев, что девушка не спит, он поздоровался.

— Доброе утро. Как спала?

— Похоже, что нормально. Сколько времени?

Внезапно ее охватило волнение. Как долго она спала?

Вскочив на ноги, принцесса начала лихорадочно скатывать постель.

— Торопись! — бросила она через плечо. — Нам пора смытываться отсюда!

— Не стоит спешить, — успокоил ее Гарт. — Насколько я понял из вчерашнего разговора, орки подадут нам завтрак. Нам лучше не исчезать, пока они не уйдут, а то стражники поднимут тревогу.

Признав логичность его рассуждений, Макоби взяла себя в руки и села напротив юноши. Его привычная уже улыбка была на месте, и девушка не понимала, как может он выглядеть таким свежим и здоровым. Если на свете была справедливость, то он должен был бы тяжело страдать от абстинентного синдрома, в просторечии именуемого похмельем.

Однако единственным признаком, выдававшим то, что юноша давеча хорошо нарезался, были красные прожилки белков его глаз, похожие на крупные магистрали дорог, нанесенные на карту перенаселенного города.

— Что ж, тогда выкладывай, что ты разузнал вчера. Если, конечно, ты еще что-нибудь помнишь.

— Да, конечно. Я все помню. Но я расскажу об этом позже. Мне кажется, кто-то идет.

Монах был прав. Макоби тоже услышала приглушенный рокот голосов и звук приближающихся шагов.

Последовал лязг отворяемых замков, дверь открылась, и на пороге появились четыре настороженных, вооруженных копьями орка. Один из них поставил на пол поднос с едой.

— Вот ваш завтрак, — буркнул он и попятился назад.

Дверь тотчас захлопнулась, и заклацали засовы.

Макоби поднялась и, приблизившись к подносу, с сомнением взглянула на его содержимое. Заплесневелая буханка хлеба, пара вареных змей, нечто зеленое и волосатое — по-видимому, бывшее когда-то сыром, — четыре большие кружки вина и бутылка бренди.

— Странно, — пробормотала она. — Но мне есть почему-то расхотелось.

Она вернулась на место и снова села напротив Гларта.

— Так что ты узнал? — повторила она свой вопрос.

— Во-первых, их внезапное вторжение не являлось частью долгосрочного плана военной кампании, разработанного заранее. Большинство орков считают, что идея принадлежала их генералу, или, как они его называют, вождю партии, Кала-азару. Он провел пару ночей в местном кабаке, рассказывая о великих партийных лидерах прошлого, вроде Газа Высокого, и заразил остальных орков своим энтузиазмом. Потом Кала-азар снова пришел и сказал, что может совершить все то же, что совершил Газ Высокий, и спросил, пойдут ли они с ним. Они еще выпили, ну и пошли.

— Так, значит, это была идея Кала-азара?

— Вовсе нет. От одного-двух орков я слышал, что эту мысль ему подал кто-то из людей. Но после битвы городской старшина Болотный Дух узнал об этом. И Кала-азар был уволен со службы. Я не стану вдаваться в подробности оркской процедуры, потому что это не очень приятно, но она сродни срезанию медных пуговиц.

— Обалдеть!

— А теперь, похоже, Болотный Дух сам сотрудничает с человеком и его агентами. А бедного Кала-азара низвели до самой низшей ступени в иерархии города.

— Почему бедный? Злодей вторгся в нашу страну во главе вооруженной банды! И что эта низшая ступень значит?

— Он ухаживает за кажавогами.

— Бедняга.

Макоби сочувственно покачала головой. Она слышала о кажавогах, огромных вонючих ящерицах весьма скверного нрава, которых некоторые правители орков держали в качестве домашних питомцев.

Гларт быстро собрал пожитки в вещевой мешок и закинул его за плечи.

— Ну что, готовы? — спросил он.

— Готова. Что теперь?

— Думаю, что мы сможем узнать все, что нам нужно, если поговорим с самим Кала-азаром. Итак, отправляемся к нему. Амулет может вызволить нас из пещеры с помощью заклинания Перемещения.

— Нам нужно соблюдать осторожность. Возможно, охрана видит вход в нашу пещеру.

— Не беспокойтесь. Прошлой ночью по дороге в таверну я выбрал идеальное место для перемещения. Не одолжите мне на минуту кольцо?

Макоби сняла перстень с пальца и передала монаху, затем взяла его за руку.

— Готов, Дариан? — спросила она, помня о просьбе привидения предупреждать его о резких перемещениях в пространстве.

Призрак, находившийся в состоянии, близком к трансу, встрепенулся. Последнее время он все чаще и чаще пребывал в оцепенении.

— Да, — прошелестел его слабый голос.

Последовала характерная вспышка, свидетельствовавшая о том, что амулет свою работу сделал, и маленькая компания

очутилась в вырубленной в скале нише, где хранились пустые пивные бочонки.

К несчастью, они материализовались позади рослого орка, деловито вгонявшего в один из бочонков деревянную пробку.

Макоби едва не взвизгнула от неожиданности, но Гларт во избежание нежелательных последствий сделал стремительный бросок вперед и, выхватив из-за спины тяжелый мешок, что есть силы огрел детину по затылку. Тот на секунду замер, а потом рухнул на землю как подкошенный и больше не подавал признаков жизни.

— Здорово! — воскликнула Макоби. — Как только его обнаружат, орки поднимут тревогу!

— Не волнуйтесь! Он нас не заметил, и стража не видела, чтобы мы выходили из пещеры. Так что все в порядке.

— Но его непременно найдут. Бездыханного!

— Да, но как это можно связать с нами? Прошлой ночью мне то и дело попадались бесчувственные тела орков. Похоже, что ничто не доставляет им большего удовольствия, чем тихо подкрасться к своему собрату и послать его в нокаут ловким ударом по голове лопатой или бейсбольной битой. Они считают это чрезвычайно потешным занятием.

Они дождались, пока печальный дух Дариана не выплыл из скалистой стены, образовывавшей нишу. Призрак выглядел таким несчастным, что у Макоби возникло желание обнять его.

Но не так-то просто обнять кого-то, чья плоть представлена туманным облаком. Поскольку из ее затеи ничего не получилось, принцесса довольствовалась тем, что провела рукой по его призрачному плечу.

— Дариан, все очень скоро закончится. Я обещаю. Мы найдем способ, как освободить тебя от заклятия Оков Души, правда, Гларт?

— Не сомневайся.

Ободряюще улыбнувшись призраку, Гларт осторожно высунулся из ниши. В коридоре никакого движения не наблюдалось.

— Похоже, все спокойно. Но нам лучше не рисковать, — прошептал он. — Воспользуюсь-ка я Аурой Сходства. В таком случае ни один орк не отличит нас на расстоянии от себе подобных. Дариан, ты нам очень поможешь, если будешь двигаться впереди шагах в двадцати и предупредишь о появлении многочисленной группы. Тогда в путь. Нам нужно нанести визит генералу.

— Минуточку, пока мы еще здесь... Каким образом мы собираемся отыскать генерала? — спросила Макоби с недоумением.

— Очень просто, — ответил монах. — Мы пойдем на запах.

Действительно, аргумент Гларта показался убедительным. Макоби могла бы и сама додуматься до этого.

Они двигались по петляющему темному коридору минут пятнадцать, потом вышли к перекрестку, где остановились, и Гларт шумно втянул носом воздух.

— Чувствуете? — спросил он девушку.

Макоби принялась, и ее тотчас обдала волна жуткой вони, накатившая со стороны левого поворота.

— О боги! — воскликнула она. — Что это?

— Кажавоги, надо полагать. Похоже, что найти их будет нетрудно. Идем!

Они повернули налево и зашагали вселее. Дух Дариана дрейфовал впереди. Изредка в боковых проходах мелькали одиночные орки, спешащие куда-то по своим делам. Один раз им все же пришлось прятаться, когда Дариан, испуганно размахивая руками, предупредил их об опасности.

Юркнув в ближайший из мрачных коридоров, принцесса с Глартом молча наблюдали, как мимо галопом пронеслась орда из двух десятков орущих и рычащих орков, увлеченных какой-то захватывающей игрой, после чего, озираясь по сторонам, выползли наружу. Зловоние тем временем сделалось непереносимым.

В конце концов Макоби поняла, что больше не вытерпит. Многократно сложенный кусок толстой ткани, который она

прижимала к носу, уже не защищал от густого запаха фекалий, и принцесса испытывала мучительную тошноту. Она остановилась и жестом показала Гларту, что сейчас ее вырвет. Он понимающе кивнул.

— Ладно, — пробормотал он. — Теперь мы найдем его и без помощи обоняния. Попробуем чары...

Юноша задумчиво замолчал, затем прошептал несколько слов. К великой радости Макоби, зловоние исчезло, но вместе с ним и все остальные запахи. У девушки было такое чувство, будто ей отключили нос.

Путешественники продолжили путь, следуя по извилистой каменистой тропе, полого уходящей вниз. Боковые ответвления попадались все реже. Но каждый раз им приходилось останавливаться и прислушиваться.

Теперь до них доносились далекие крики кажавогов, больше походившие на громовое шипение, от звука которого волосы вставали дыбом. Однако эти звуки указывали им верную дорогу.

Постепенно коридор выравнился и, сделав еще один поворот направо, закончился просторной пещерой. Гларт и принцесса остановились и с опаской выглянули из-за угла. Похоже, что своей цели — логова ящеров — они достигли.

Пещера была круглой и имела около сорока ярдов в поперечнике. Вдоль стен тянулись расположенные на одинаковом расстоянии друг от друга большие арочные дверные проемы, семь из которых были закрыты решетчатыми металлическими воротами.

В двух клетках можно было различить массивные раскачивающиеся тела дремавших гигантских ящеров. Восьмые ворота, ближайшие с левой стороны, заперты не были. Оттуда исходил унылый однообразный свист.

— Вот и пришли, — прошептал Гларт. — Идем поговорим с нашим списанным генералом.

— С чего ты взял, что он захочет с нами разговаривать? — спросила Макоби с сомнением.

— А как же мое неотразимое обаяние, открытый, дружелюбный характер? Кроме того, я кое-что припас.

У Гларта в руках мелькнула бутылка бренди, любезно предложенная им на завтрак.

— Знаете, что они говорят? — продолжил он. — Орк за бутылку бренди готов продать родную мать. Дариан, оставайся на страже и предупреди нас, если кого увидишь.

Гларт и Макоби вышли из укрытия и осторожно двинулись к открытым воротам. У порога они предусмотрительно остановились и заглянули внутрь. Открывшееся их глазам зрелище вызвало у Макоби приступ дурноты, и она едва не упала в обморок.

Помещение буквально утопало в навозе ящеров. Толстый слой липкой массы покрывал большую часть пола, влажно поблескивая в свете факелов. В центре, увязнув по колено в фекалиях, высилась фигура орка, вооруженного маленьким совком. С его помощью он черпал образцы дерьма и после внимательного осмотра сбрасывал через плечо к стене в непрерывно растущую кучу.

Сделав глубокий вдох, Гларт аккуратно ступил на относительно чистый участок пола в дверном проеме.

— Генерал Кала-азар, доброе утро, — сказал он.

Орк, обернувшись, уставился на них в немом оцепенении.

— Чего вы хотите? — спросил он подозрительно.

— Задать вам несколько вопросов, — ответил Гларт. — После чего в знак дружбы и благодарности мы оставим вам небольшой подарок.

Он поднял над головой бутылку бренди, и орк впился в нее жадным взглядом. Бросив совок и не спуская с бутылки глаз, он устремился к ним, как железные опилки, притягиваемые магнитом.

— Спрашивайте, — разрешил он.

— Вы генерал Кала-азар?

— Да, я Кала-азар. Я был генералом, но теперь смотритель кажавогов.

— Это вы стояли во главе армии, совершившей нападение на Кухбадор?

— Так точно.

— Насколько нам известно, это была не ваша идея.

— Нет. Ага! — Орк нехотя оторвал взгляд от вожака и выпил из кружки. — Так вы хотите узнать о человеке и его великом замысле?

Монах кивнул.

— Что ж, он прислал ко мне своих гонимых пару недель назад. Они сказали, что их хозяин, Миал из Минас Лантана, имеет ко мне тайное предложение...

Макоби похолодела от ужаса и вздрогнула. Итак, все это спланировал Миал. Сомнений не оставалось. И это человек, за которого отец хотел выдать ее замуж!..

— Я должен был подвести армию к стенам Кухбадора и разграбить город Лампа Санду, — продолжал разжалованный генерал, — а затем начать штурм Кухбадора. Мне было сказано, что люди окажут сопротивление и что наши войска встретятся в открытом бою. Но Миал обещал распространить ложный слух о малочисленности оркских сил, чтобы выставленная против нас армия была заведомо слабее. Выполнив задание, мы должны были отступить.

Взгляд орка снова застыл на бутылке, и он облизнул кроваво-красным языком пересохшие губы.

— Что за задание?

— Мы должны были убить или взять в плен одного из людей. Агенты Миала точно описали, где его можно будет найти, и даже дали нам его маленький портрет. Нам нужно было снять с него амулет и передать Миалу.

В пещере воцарилась мертвая тишина, нарушаемая только свистящим дыханием спящих чудовищ.

— Марден! — воскликнула Макоби.

— Да. Его звали именно так, — подтвердил орк и покачал головой. — Но все пошло не по плану. Наши солдаты дрались лучше, чем ожидали люди. Еще немного, и мы бы победили.

Когда я приказал отступить, меня чуть не раздавили. Потом Миал обнаружил, что амулета у Мардена не было. Он пришел в ярость и обвинил меня в воровстве.

Существо умолкло, горестно вздохнуло и вытерло мокрый нос тыльной стороной чешуйчатой ладони.

— Потом обо всем узнал городской старшина Болотный Дух. Он заключил договор с Миалом, а меня разжаловали и послали вот сюда...

Он обвел жестом заваленное навозом помещение.

— Вот моя нынешняя армия, — сказал бывший генерал, — сплошные какашки.

— А что вы здесь делаете? — полюбопытствовал Гларт.

— Вполне правомерный вопрос. После сражения мы привели домой двух пленных. Они погибли при весьма печальных обстоятельствах в угаре пьяной игры, и Болотный Дух скормил их трупы своим любимым ящерам. Потом один из стражников вспомнил, что видел на одном из них амулет. Болотный Дух решил, что, возможно, это именно то, что ищет Миал. Так что мне велено копаться в этом дерьме, пока я не найду этот самый амулет...

Услышав о таком устрашающем наказании, Гларт поморщился и протянул бедняге бутылку с бренди. Орк принял ее с благодарностью и откупорил.

— Какая ужасная работа, — произнесла Макоби с состраданием.

— Да я тут особенно не надрываюсь, — возразил орк. — Только делаю вид.

Он поднес бутылку ко рту и начал с жадностью пить. Макоби взяла Гларта за руку и сжала ее.

— Гларт! Думаю, что чары теряют силу, я уже чувствую запах. Мы уже узнали все, что хотели, давай убираться отсюда. Быстрее!..

— Хорошо. Идите. У меня остался еще один вопрос, потом я присоединюсь к вам.

Кивнув, Макоби опрометью бросилась вон из помещения. Кажавоги все еще мирно дремали, и принцесса на цы-

почках пересекла открытое пространство пещеры, где у выхода из нее терпеливо ждал дух Дариана. Минутой позже к ним подошел монах с задумчивым выражением на лице.

— Хорошо, — произнес он. — Не хотите пересговорить с другими орками, принимавшими участие в сражении?

— Нет. Пора из этой дыры выметаться.

— Значит, возвращаемся в город?

Макоби отрицательно покачала головой. Она хотела обдумать полученную информацию и решить, что делать дальше. Для этого ей нужно было время и подходящее место.

— Вернуться завтра еще не будет поздно. А сегодня я бы еще раз переночевала под открытым небом. На севере Кухбадора есть одно местечко на Большом Лено. Мы ездили туда, когда я была ребенком, чтобы спастись от полдневного летнего зноя. Там, у реки, мы устраивали замечательные пикники. Там я хочу переночевать сегодня...

Кольцо с легкостью, как и всегда, выполнило ее желание, и странники очутились на берегу широкой плавной реки.

Яркий солнечный день был в полном разгаре. Эта часть Кухбадора являла собой холмистую равнину с обширными плодородными пастбищами и виноградниками на пологих склонах, где основным занятием населения было сельское хозяйство. После подземного мрака и пещерной тесноты оркского города это место казалось самым прекрасным уголком на планете.

Наслаждаясь тишиной и покоем, Гларт и Макоби шли вдоль реки и разговаривали. Вскоре они набрали на маленькую деревушку, где Гларт совершил несколько простейших чудес для фермера, четы лавочников и булочника, получив в знак благодарности еду и питье в таком количестве, что припасов с избытком хватило бы на пару дней, а не то что на ужин.

К вечеру они нашли идеальное место для лагеря. Участок берега, густо покрытый сочной травой, был окружен с трех сторон рощей из ольхи и буков, шелестевших на легком ве-

терке листвою. С четвертой стороны протекала река, поросшая у края камышом. За рекой виднелись далекие холмы севера.

Расположившись на ночлег, Макоби и Гларт устроили пир, поедая сыр, хлеб и фрукты и запивая все белым вином. Дух Дариана реял неподалеку, погруженный в собственные мысли.

Насытившись, путешественники заспорили о планах на следующий день.

— Когда будете в Кумасе, необходимо продолжать вести себя осторожно, — твердо сказал Гларт. — Думаю, неразумно появляться там, где вас могут узнать. В студенческом квартале у меня есть два приятеля — эльф и пещерный тролль. У них вы будете в безопасности, пока все не решится.

— Мне нужно увидаться с Саракканом и удостовериться, что с ним все в порядке, — возразила Макоби.

Печаль в голосе девушки при упоминании имени возлюбленного вызвала у Гларта приступ ревности, но он постарался отогнать бессмысленное чувство прочь.

— Какой он, этот ваш Сараккан? — спросил монах.

— О, с ним так здорово... он надежный... и красивый. Очень красивый. Он всегда смеется. Он тебе понравится.

В душе Гларт усомнился в этом, но ничего не сказал, позволив Макоби выговориться.

Принцесса рассказывала о Сараккане, об отце, сообщала, что он сделает с Миалом, когда узнает о заговоре... Вскоре она умолкла и искоса взглянула на юношу.

— Мне немного жарко, — произнесла она после некоторого колебания. — Пойду-ка я искупнусь.

— Хорошая идея, — поддержал Гларт и встал.

Макоби прищурилась и уставилась на него многозначительно. Он понял намек и сел на место.

— Ступайте, — сказал он. — Я останусь здесь.

Макоби облегченно вздохнула и весело вскочила на ноги.

— Только не подглядывать, — бросила она на бегу, — или я попрошу кольцо превратить тебя во что-нибудь мерзкое.

Девушка исчезла в зарослях, а Гларт повернулся к Дариану, призрак которого висел под буковым деревом в нескольких футах от него с застывшим выражением благоговейного ужаса на лице, словно только что испытал какое-то глубокое потрясение.

— Эй, кажется, я знаю, — сказал он монаху голосом, заметно повеселевшим по сравнению с последними днями.

— Ты что, вспомнил все, что говорил Марден? — спросил Гларт.

Привидение выглядело озадаченным.

— Как ты об этом узнал? — воскликнул Дариан изумленно.

— Потому что последние два дня ты ни о чем другом не мог и думать.

Дух Дариана задумался над этим на минуту. Он не мог не видеть логичности рассуждений монаха.

Пожав плечами, он рассказал Гларту о поручении, полученном от Мардена. Гларт спокойно кивнул.

— Я знаю. Молодец, что все-таки вспомнил. Но давай сегодня не будем беспокоить Макоби. Мы попробуем уличить бессовестного заговорщика завтра, тогда обо всем ей и расскажем. Хорошо?

— Хорошо. Надеюсь, что так...

Призрак с удивлением огляделся по сторонам.

— Куда подевалась принцесса? — спросил он.

— Купается. Нельзя. Не ходи туда. Мы останемся с тобой здесь.

С этими словами Гларт взял бурдюк с вином и отхлебнул немного, отчаянно стараясь гнать прочь мысли об обнаженной девушке, плескавшейся в реке за деревьями всего в каких-нибудь двадцати ярдах от него. Но у него ничего не получалось.

Человек недоуменно уставился на безобразный кулон с непристойным изображением, который вручил ему гонец, и выругался.

Это не амулет! Разразившись потоком брани, он швырнул вещь в стену, и она разлетелась на куски.

— Отправляйся назад к Болотному Духу, — крикнул он посланнику, — и скажи, что это не тот амулет. Еще передай, пусть даже не пытается надуть меня! Макоби должна быть в Кумасе завтра, как я уже говорил. В случае чего я не успокоюсь, пока его уродливая голова не будет красоваться на копье у ворот города.

Гонец поспешно удалился, и мужчина перевел взгляд на осколки разбитого кулона, валявшиеся под ногами. Когда-то они представляли мужской член в состоянии эрекции. Почему-то это показалось ему дурным предзнаменованием. Он снова выругался и в сердцах ударил по осколкам сапогом, они отлетели под кровать.

Проклятая чертовка!..

Ему было жизненно важно, чтобы завтра принцесса была в Кумасе, потому что в этот день Миал обещал вернуться в город, чтобы услышать ответ на свое предложение. Но сдержат ли орки слово доставить принцессу обратно? Не выведала ли она у них больше, чем нужно? Не нарушит ли это его планы?

Он затряс головой, желая отделаться от гнетущих мыслей. Орки вернут Макоби, и она согласится выйти за него замуж, ибо не сможет противостоять оказанному на нее давлению. Завтра его планы осуществляются. Непременно! В противном случае жизнь будет потрачена впустую.

Но ждать было настоящей пыткой! День был еще в полном разгаре, а он уже сгорал от нетерпения. Следующие двадцать четыре часа будут ползти бесконечно долго...

Он нащупал на стене шнурок звонка и раздраженно дернул, намереваясь попросить принести бутылку спиртного. Спустя минуту в дверь легонько постучали. Когда он отворил ее, то вместо ожидаемого слуги увидел другого курьера...

ГЛАВА 16

Остаток дня инспектор Трасса провел, стараясь не попадаться на глаза суперинтенданту Причудс.

Это было нелегко, поскольку большую часть дня шеф проверял Трассу, желая убедиться, что тот делает именно то, что ему велено. Поэтому, чтобы себя обезопасить, инспектору пришлось запустить механизм, который должен был привести его к поимке и аресту Сараккана по обвинению в убийстве полковника Де Венчаса.

Сержант Раси, как обычно, был рад слепо подчиняться приказам, в то время как детектив Кратаван, услышав об этих планах, возмутился.

— Но почему мы не можем трогать Миала? — спрашивал он настойчиво. — Мы же знаем, что это его рук дело!

— Это политика, Картаван. Шеф скорее арестует невинного человека, чем огорчит власти. Если мы пойдем против воли шефа, то нас разжалуют в пешие дозорные и назначат дежурить по ночам на улицах.

Кратаван нехотя кивнул, признав неоспоримость фактов.

Трасса оставил его, нагрузив до отказа бумажной работой, появившейся вследствие возникновения новых обстоятельств в расследуемом ими деле, а сам ушел. Чтобы избежать встречи с суперинтендантом, он был вынужден несколько минут скрываться в чулане с рабочим инвентарем под центральной лестницей в вестибюле, но в конце концов ему удалось выскользнуть из здания управления незамеченным.

Теперь, сидя в одной из таверн старого города в ожидании Сараккана, он старался подобрать слова, которые ему придется сказать. Похоже, что разговор предстоял тяжелый.

О, привет! Очень сожалею, но я должен вас арестовать за то, что вы не совершали. В результате вас скорее всего казнят, но это сушая ерунда. В качестве компенсации я угощаю выпивкой...

Он криво усмехался, бессмысленно пялясь в свой бокал с пивом. В норме пинта «Мантикора» могла поправить любое горе, но, к сожалению, в данной ситуации темно-коричневый эль оказался бессильным. Однако ломать голову было нечего. Трасса знал, что нужно делать.

Дверь открылась, и в таверну вошел Сараккан. Он обвел взглядом помещение, увидев Трассу, слегка приподнял в знак приветствия руку и двинулся к нему через зал. Выглядел он озабоченным и скованным, и Трасса подумал, уж не догадывается ли офицер о том, что должно произойти.

По дороге Сараккан взял два бокала пива — для себя и инспектора. Аккуратно поставив их на стол, он уселся напротив полицейского.

— Я получил ваше сообщение, инспектор, — начал он, — но я очень занят и не смогу уделить много времени. Итак, что за вопрос, который нам надлежит обсудить, и чем я могу помочь?

— Вопрос очень простой, — сказал Трасса, — ваш арест по поводу убийства полковника Де Венчаса.

Лицо офицера стало пепельно-серым, и он ошалело вытирашил на инспектора глаза. Губы Сараккана шевелились, но он не мог издать ни одного членораздельного звука.

Офицер был так ошарашен, что Трасса едва не рассмеялся, впервые за весь день.

— Прошу прощения, — продолжил он. — Мы хорошо знаем, что это дело рук Миала, но суперинтендант во избежание инцидента не разрешает мне задержать его. Он считает, что вы — весьма подходящая фигура на роль козла отпущения. Я должен произвести арест завтра. Но я твердо обещаю, что никто меня не заставит сфабриковать обвинение против невинного человека.

В бессильной ярости детектив стукнул кулаком по столу, и пиво из нетронутого бокала Сараккана выплеснулось через край. Несчастный человек тупо уставился на образовавшуюся лужицу и опрокинул стакан в горло, опустошив его одним глотком наполовину.

— Однако с вашей помощью я намереваюсь преподнести суперинтенданту сюрприз, — снова заговорил инспектор. — Вы, несомненно, в курсе, что Миал завтра возвращается в Кумас, чтобы получить ответ на сделанное принцессе Макоби предложение. Нетрудно догадаться, что вы бы предпочли, чтобы девушка ответила отказом.

— Конечно, клатт подери!

— Я хочу, чтобы вы мне помогли. Я уже предпринял кое-какие действия. В прессе появится материал о Миале. Этого будет достаточно, чтобы посеять сомнение в умах граждан. Но арестовать его на глазах у всех будет чрезвычайно проблематично. Если я буду один. Вот если бы была обеспечена поддержка со стороны армейских офицеров...

— Сколько солдат вам нужно?

— Думаю, десятерых хватит. Миала, вероятно, будут сопровождать трое или четверо гвардейцев из его личной охраны. Здесь, правда, есть его тайные агенты, но благодаря информатору я поутру их нейтрализую.

Сараккан рассеянно кивнул.

— Значит, десять.

На обсуждение деталей операции у них ушло несколько минут. Нужно было решить, как вооружить людей и как их проинструктировать.

Вскоре Сараккан извинился и распрощался. По его хмурому виду было ясно, что шок еще не вполне прошел.

Трасса, опорожнив второй бокал, хотел было заказать третий, но передумал.

Он встал, чтобы уйти, подхватил свой пустой стакан и направился к стойке бара. У Трассы была теория, согласно которой бармены должны уважать клиентов, убирающих за

собой посуду, а раз так, то могут в добром расположении духа налить дополнительную пинту пива за свет заведения.

Из таверны он направился в сторону Северных ворот.

День клонился к вечеру, и приготовления к завтрашнему прибытию Миала шли полным ходом. Хотя визит носил частный характер, его собирались превратить во всенародное торжество. На улицах вывешивали флаги, плакаты и транспаранты со словами приветствия. Лавочники и лоточники подбирали наиболее ходовой товар и заранее занимали места для грядущей ярмарки.

Наблюдая за предпраздничной суетой, Трасса чувствовал себя не в своей тарелке. Агенты Миала потрудились на славу, ибо он слышал самые лестные отзывы о герое сражения и видел счастливые лица горожан, громко выражавших радость по поводу предстоящей свадьбы. В том, что она состоится, даже никто не сомневался. Наблюдая за происходящим, Трасса сделал неизбежный вывод, что арест Миала найдет не менее горячий отклик среди общественности, чем введение налога на занятия любовью.

Дойдя до Северных ворот, он двинулся тем маршрутом, по которому должен был проехать на следующий день Миал. Минут через пять он нашел то, что искал. В этом месте улица резко поворачивала влево, затем принимала вправо и выходила на центральную магистраль, ведущую ко дворцу. Находясь на этом отрезке пути, Миал будет вне поля зрения людского скопления. Только здесь инспектор имел шанс арестовать его без риска быть растерзанным толпой.

Осмотрев окрестности, Трасса принял соответствующее решение и отправился домой. Он сделал все, что намечал. Оставалось только ждать завтрашнего утра и надеяться, что все пойдет по плану.

По пути домой инспектор зашел в лавку и купил бутылку хорошего красного вина, намереваясь поджарить себе на ужин отменный кусок мяса и запить его перебродившим виноградным соком. Однако, переступив порог своего скромного жилища, Трасса понял, что желание хлопотать на кухне пропа-

ло, поскольку в голове бродили иные мысли. Бесцельно слонаясь из угла в угол, он пытался найти занятие, которое могло бы развеяться.

Кроссворд! Как это он не сообразил сразу? Порывшись среди бумаг на столе, он отыскал дневной номер «Кумасской газеты», стараясь забыть на время о статье, которую Колин Зловещий планировал напечатать в утреннем выпуске. Открыв газету на странице с кроссвордами, инспектор вспомнил, что одалживал ее в обеденный перерыв сержанту Раси, пристрастившемуся недавно к разгадыванию кроссвордов...

Напарник хорошо постарался. Чистыми оставались только три строчки. К сожалению, ни один ответ сержанта не был верным. На вопрос по горизонтали «животное, содержащееся в садке», он ответил «лошадь» вместо «кролика», а в столбик по вертикали со значением «ерунда» он вписал «чушь» вместо «бред», что было в общем-то правильно, потому что у него стояла буква «ш», а не «р». Дальше удача ему изменила.

Трасса с горечью смял газету, но тут же спохватился и разгладил помятые листы. Может быть, есть что-то интересное среди объявлений о развлечениях. Достойная пьеса или художественная выставка... Ага! Вот то, что нужно! В тот вечер в оперном театре Кумаса Люцелла Да Гросс исполняла избранные оперные арии. Он мог бы пойти послушать. Чудный голос певицы поможет забыться.

Однако этот план имел один существенный недостаток. Трасса не относился к числу ценителей вокального искусства, считая оперу ничуть не лучше кошачьего концерта. Классическому концерту он скорее предпочел бы драку бродячих котов.

Детектив снова скомкал газету, на этот раз подойдя к делу более обстоятельно, и запустил ее в мусорный бак. Однако инспектор промахнулся, и большой бумажный комок угодил в сушку для посуды, сбив тарелку, которая, в свою очередь, свалила в мойку единственный фужер для вина.

Трасса мрачно выругался. Вот зараза!..

Потом он решил, что можно пить вино из большой пивной кружки, но подобная перспектива его не вдохновила. Похоже, что у детектива оставался лишь один выход.

С чувством неотвратимости надвигающихся событий инспектор нехотя простился с мыслями о спокойном вечере в домашней обстановке и направился к двери, намереваясь пройти до соседнего бара и пропустить пинту-другую пива.

Час спустя после двух с половиной пинт «Мантикора» настроение Трассы значительно улучшилось.

Он убедил себя в том, что грядущий день станет судьбоносным в его служебной карьере. Инспектор как раз прикидывал, как скоро ему предложат должность суперинтенданта, когда кто-то приблизился к его столику в углу зала.

Оторвав взгляд от стакана, инспектор обнаружил перед собой Кратавана.

— Я так и знал, что найду вас здесь, — сказал констебль, присаживаясь.

— Кратаван! Какими судьбами? Только не говори, что... — Трасса не мог не обратить внимания на встревоженный вид подчиненного, который, сам того не сознавая, уже рвал в руках бумажную салфетку. — Суперинтендант весь день совал нос в наши дела, — продолжал он, — с намерением выяснить, не собираюсь ли я арестовать Миала вопреки нашей договоренности. Наверняка он сообщил, что нам грозит, если мы не предъявим ему какого-нибудь несчастного вместо истинного преступника. Действительно, есть причина дрожать за свое место. Ты полагаешь, я полезу на рожон, и пришел узнать о моих планах...

Кратаван тоскливо кивнул.

— Я понимаю, что не совсем прав, сэр, — начал он. — Но арест Миала, как он говорит, может спровоцировать войну между нашими городами, тогда...

— Не переживай, констебль. — Трасса предостерегающе поднял руку. — Когда завтра придешь на работу, то обнаружишь приказ об аресте человека по имени Сараккан. Но Миал просто так не отделается!

В знак доказательства серьезности своих намерений он погрозил невидимому врагу пальцем.

— Благодаря нашему маленькому информатору мы знаем, что группа тайных агентов Миала встречается завтра утром в «Черном жезле». Их всех нужно повязать. Отправляйся туда со Свином и его самыми крутым ребятами. По крайней мере Миал будет знать, что он у нас на крючке.

Кратаван удовлетворенно кивнул. Теперь он выглядел куда счастливее.

— Что-нибудь еще, сэр?

— Только одно. Но это очень важно. Хочу, чтобы ты кое-что мне принес.

— Что именно, сэр?

— Пинту «Манतिकора».

Когда инспектор наконец добрался до кровати, он обнаружил, что не может уснуть, несмотря на снотворный эффект употребленного алкоголя. Он беспокойно метался в кровати, не в силах отогнать прочь воображаемые картины расправы над ним разгневанной толпы. Окончательно убедившись, что уже не уснет, Трасса проснулся и понял, что наступило утро.

Вскочив с постели, он с трудом поборол желание тотчас выбежать из дома. Еще не было семи, и можно было не торопиться. Детектив умылся, побрился, сварил кофе и даже съел на завтрак кусочек поджаренного хлеба, после чего вышел на улицу.

Вырвавшись из четырех стен, он испытал прилив возбуждения и бросился к газетному киоску за свежей прессой.

Протянув продавцу медяки, Трасса схватил утренний номер «Кумасской газеты» и дрожащими пальцами развернул криминальную колонку. Нервное возбуждение сменилось ликованием. Да! Коварный интриган и предатель получит по заслугам!

Колин Зловещий превзошел самого себя, представив на суд читателя шедевр журналистики. Под крупным заголовком «Загадка ожидания Миала» он рассуждал на тему непозволи-

тельно долгой задержки с ответом жениху со стороны принцессы Макоби. Почему она медлит? Вероятно, для этого у госпожи есть веские причины...

Затем Зловещий высказывал предположение, что принцесса, должно быть, что-то такое знает о Миале, о чем широкой публике неизвестно.

Далее повествование трансформировалось в хитроумное сплетение инсинуаций, аллюзий и тонких намеков, из которых следовало (без малейшей тени клеветнических наветов), что Миал вовсе не такой очаровательный парень, каким его считают. Просмотрев статью, читатель не мог отделаться от мысли, что Миал в какой-то степени — темная лошадка.

Одной страницы текста оказалось достаточно, чтобы превратить героя войны и спасителя отечества в сомнительную фигуру, представляющую к тому же потенциальную опасность. Только действительно гениальный автор мог с такой легкостью и изяществом разрушить миф о достоинствах Миала.

Трасса внезапно обрел внутреннюю уверенность, что все пройдет как по маслу, и со спокойной, благодушной улыбкой зашагал на работу.

Город постепенно приходил в движение. Утро было ненастным, и флаги, такие праздничные накануне, на фоне свинцово-серого неба висели безжизненными лоскутами и выглядели уныло. В довершение невеселой картины начал накрапывать дождь. Судя по всему, радостного торжества не получится.

Последние несколько ярдов до полицейского участка инспектор преодолел вприпрыжку. Укрывшись под козырьком парадного крыльца, он обвел взглядом улицу. К этому времени дождь хлестал по булыжнику мостовой, как розги. Трасса вспомнил образное сравнение, часто используемое его отцом. Город сразу опустел, нигде не было видно ни души. Инспектор усмехнулся. Если ненастная погода продержится еще некоторое время, то Миал и он сам станут единственными свидетелями задержания.

Толкнув дверь, инспектор вошел в здание управления. Как он и ожидал, внутри было безлюдно. В кабинете, кроме сер-

жанта Раси, никого не было, да и тот спал, положив голову на сложенные руки.

Раси наконец усвоил ту простую истину, что, ночуя в участке и питаясь в полицейской столовой, он избавляет себя от опасности пищевого отравления. Несложный по своей сути урок вернул сержанта к активной жизни.

Трасса на цыпочках пересек комнату и положил на стол Кратавана лист с перечнем заданий и ордер на арест Сараккана. Было важно, чтобы все думали, что он следует указаниям шефа. Затем инспектор тихо выскользнул из кабинета и, перепрыгивая через ступеньки, взлетел на второй этаж, где находился офис Причуды.

Дверь, на счастье, была незаперта. Приоткрыв ее, он юркнул в комнату и бросился к столу. Выдвинув нижний ящик, Трасса достал лист бумаги.

Это был официальный бланк — пустой ордер на арест, заранее подписанный и скрепленный печатью суперинтенданта (что строго запрещалось правилами, но шеф любил иметь под руками готовые экземпляры в целях экономии времени). Оставалось только подставить нужное имя. Трасса выбрал одну из ручек начальника, обмакнул перо в фиолетовые чернила, какими любил пользоваться Причуда, и отчетливыми буквами заполнил пустую строчку.

Миал из Минас Лантана.

Отлично! Готово! Инспектор промокнул чернила, задвинул ящик, на цыпочках вышел из кабинета и сбежал вниз по лестнице.

Ливень на улице не прекращался. Сунув ордер во внутренний карман плаща, детектив накинул капюшон и шагнул под дождь. Теперь желательно было до поры до времени не попасться на глаза суперинтенданту, а потом, когда пробьет час, произвести арест.

С надеждой в сердце и голодным урчанием в животе инспектор Трасса двинулся по мокрой улице в поисках харчевни, где подают ранний завтрак и приличное пиво.

Впервые с момента знакомства Гларт и Макоби повздорили.

Проснувшись, они обнаружили, что ясная теплая ночь сменилась мрачным, серым, холодным утром. Походная постель Макоби промокла от выпавшей росы. Девушка продрогла, тряслась от холода и была голодна. В эту минуту она вдруг осознала, что ей все надоело.

Три дня ее гоняли и преследовали по всему Среднемирию. И виной всему был злобный, помешанный на власти негодяй Миал. Больше она бегать не станет. Теперь его черед беспокоиться. Сегодня наступил день, когда он собирался вернуться в Кумас... Макоби решила с помощью амулета перенестись прямо во дворец и, заручившись поддержкой Сараккана и его людей, арестовать Миала, как только он появится. Все просто!

Но Гларт настоятельно просил не торопиться. Он считал, что, прежде чем предпринимать какие-либо шаги, следует отправиться в Кумас инкогнито и посмотреть, что там творится. Монах сказал, что в городе у него есть два приятеля, которые живут в студенческом квартале, и что будет разумно двинуться к ним.

После продолжительных споров и дебатов Гларт вспомнил, что имеет дело с дочерью правителя Кумаса, привыкшей поступать по-своему. Он не стал больше спорить, порывисто схватил девушку за руку, заглянул в глаза и попросил довериться ему еще один раз. От прикосновения к Макоби у него зашло сердце и зазвенело в ушах.

Принцесса нехотя подчинилась. Она согласилась войти в город незаметно, но все же заставила Гларта пообещать, что они встретятся с Миалом безотлагательно.

Немного повспоминав, девушка представила тихую улочку в студенческом квартале, куда амулет мог бы их транспортировать. Предупредив Дариана о перемещении, Макоби с Глартом взяли за руки, и перстень перенес их в город.

Обнаружив на рабочем столе ордер на арест Сараккана, констебль уголовной полиции Кратаван вздохнул с облегче-

нием. В ту ночь он так и не смог уснуть. Его не покидала тревога, что инспектор не отступится от задуманного и наломает дров.

Вчера при встрече Кратаван не сказал Трассе, какие санкции грозил применить против него суперинтендант в случае посягательства на свободу Миала. Наименьшим злом было разжалование инспектора до ранга констебля. Но это понижение в чине беспокоило Кратавана больше всего. С одной стороны, для него это было бы неплохо, так как его повысили бы до сержанта уголовной полиции. С другой стороны, сержант Раси стал бы инспектором, а у Кратавана не было ни малейшего желания работать под начальством человека, не способного правильно произнести слово «расследование», не говоря уже о том, чтобы провести его.

Поэтому у него гора с плеч свалилась, когда он увидел список заданий на день. Ему предстояло отправиться в «Черный жезл», захватив с собой Раси, Свина и несколько дюжих молодцов из бригады последнего. Они должны были арестовать человека по имени Кишкорез и его товарищей, у которых там на десять утра была назначена встреча. После допроса задержанных нужно было препроводить в камеры. В четыре часа пополудни Кратавану надлежало явиться во дворец, чтобы арестовать Сараккана по обвинению в убийстве полковника Де Венчаса. Однако после этого пункта следовало короткое дополнение, не оставлявшее сомнений относительно истинных намерений Трассы. Беспокойство снова овладело Кратаваном.

Сараккан немного сомневался в честности намерений Трассы, но выбора у него не было.

Офицер все же склонялся к мысли, что инспектору можно верить. Его сомнения относительно искренности мотивов полицейского окончательно рассеялись, когда тот попросил солдат.

Сараккан обвел взглядом лица десяти верных гвардейцев, с которыми прослужил не один год. Они собрались в тесном караульном помещении, расположенном под его комнатой.

— Сегодня, если все пойдет по плану, — сказал он, — вы станете свидетелями прибытия хорошо известного и всеми любимого лица королевской крови на его, как он надеется, веселую, хоть и наспех устроенную свадьбу. — Сараккан сделал паузу и улыбнулся. — Их ждет, как вам известно, западня. Ваша работа состоит в том, чтобы никто не улизнул и никто из посторонних не успел вмешаться. Нужно позаботиться, чтобы операция прошла не на глазах у широкой публики. Мне бы не хотелось, чтобы наша жертва сбежала. Что делать в случае чего, вы знаете. Приступайте! Увидимся позже.

Солдаты выслушали инструктаж и, отсалиютовав командира, вышли. Сараккан молча наблюдал, как, стуча подкованными каблуками, они спускались по ступенькам вниз, после чего опрометью бросился наверх, в свою комнату. Там он сел на кровать и постарался взять себя в руки. Все было готово. Оставалось терпеливо ждать. Сараккан очень надеялся, что не совершил никакой ошибки и что его расчеты правильны...

Зрелище было удручающим. Бесчувственные тела лежали на полу и на трех траченных молью диванах с пятнами засохшего пива, которые вместе с двумя хромоногими столами составляли единственные предметы скудной мебелировки комнаты.

Столы и все свободное пространство пола покрывали следы недавнего пиршества. Картину опустошения довершали груды грязных тарелок и невымытых стаканов, горы пустых бутылок, набитые окурками пепельницы и остатки еды. Утро после студенческой попойки мало у кого способно вызвать вдохновение.

Одно тело пошевелилось. Это был парень со второго курса философского факультета по имени Шлигол. Он очень страдал от головной боли и не знал, куда от нее деться. В висках стучало. Мутило. Студент чувствовал себя совершенно разбитым.

Он сел и с трудом разлепил глаза. Стук не прекращался, и было похоже, что голова тут ни при чем. Кто-то молотил в дверь квартиры, находившуюся в каких-нибудь двух шагах от

него. Дурнота не проходила, хотя была вызвана не гулками ударами в дверь, а, вероятно, тремя бутылками вина, опорожненными накануне вечером. Однако посторонний шум облегчению мук Шлигола никак не способствовал.

— Убирайтесь прочь! — крикнул он слабым голосом.

Стук на минуту стих, но тут же возобновился с новой силой.

— Клатт вас так! — рявкнул студент. — Проваливайте к едрене фене!

Площадная брань как будто возымела нужное действие, потому что воцарилась относительная тишина, нарушаемая храпом и сопением дюжины носов и глоток. Шлигол уже собирался поздравить себя с одержанной победой, когда увидел, что сквозь дверь что-то стало просачиваться.

В помещение медленно втекала непонятная субстанция, для которой запертая дверь не была помехой. При виде призрачной тени у Шлигола отвисла челюсть и зашевелились волосы, вслед за чем его начала бить дрожь.

В страхе он пополз назад, размазывая по мокрому от вчерашних возлияний ковру попадавшие на его пути объедки и пепел, пока не уперся спиной в стену. Дальше отступать было некуда. Дух с любопытством наблюдал за ним, потом, к ужасу Шлигола, начал приближаться. Студент зажмурил глаза и закрыл лицо руками, стараясь отогнать жуткое видение, но светящаяся тень зависла над ним, призрачный рот открылся и заговорил.

— Прошу прощения за беспокойство, — произнес он. — но не видел ли ты где-нибудь парня по имени Угман?

Шлигол открыл глаза и, парализованный страхом, уставился на газообразный сгусток. Не в силах вымолвить ни слова, он вытянул дрожащий палец и указал на массивную фигуру, примотившуюся на одном из диванов. Спящий с нежностью любовника, вновь обретшего давно утраченную возлюбленную, обнимал пивной бочонок.

— Благодарствую, — сказал дух Дариана.

Он повернулся, собираясь направиться к тому, кого должен был по просьбе Гларта разыскать, но замешкался. Сегодня ут-

ром призрак обнаружил, что люди, когда он того желал, могли его видеть. Эффект, по его мнению, был потрясающим.

Дух наклонился к Шлиголу и завыл:

— У-у-у!..

Студент пронзительно завопил и вжался в стену, словно хотел ее продавить. На его лице застыла маска ужаса. Призрак Дариана усмехнулся. Он явно освоился с новым положением и впервые после смерти почувствовал, что и бесплотное существование не лишено маленьких радостей.

— У-у-у! — завыл он снова и, воздев руки к потолку, затряс головой.

Шлигол сидел ни жив ни мертв и только беззвучно шевелил губами. Верхняя часть туловища его не слушалась, а нижняя, к счастью или несчастью, продолжала функционировать. В том числе и мочевого пузыря.

Студент вскочил на ноги и, оставляя за собой мокрый след, кинулся к двери. Распахнув ее, он бросился вон, едва не сбив с ног молодого монаха в синей рясе, и помчался по улице, не разбирая дороги и не обращая внимания на проливной дождь.

Опешивший Гларт изумленно проводил беглеца взглядом, после чего повернулся к стоявшей рядом Макоби.

— Что это на него нашло? — спросил он. Девушка недоуменно пожала плечами.

Они переступили порог дома и, откинув мокрые капюшоны, огляделись.

День стоял пасмурный и серый, отчего в помещении было сумрачно, и поначалу принцесса с Глартом ничего не могли разобрать. В нос им ударил резкий запах прокисшего пива, табачного дыма и пота, слегка приправленный кислыми испарениями блевотины. Когда глаза привыкли к темноте, они увидели жалкую картину опустошения.

— Святые небеса! — воскликнула Макоби. — Вот это пирушка!

— Ничего особенного, — отозвался чей-то голос с дивана. — Обыкновенный уик-энд.

Всмотревшись в темноту, они заметили, что кто-то на диване, массивный и большой, пытается привести себя в вертикальное положение. Наконец гигант сел, бережно опустив рядом с собой на подушку пивной бочонок. В гиганте Гларт узнал Угмана.

— Привет, Гларт! — спокойно сказал пещерный тролль. — Ты немного опоздал! Вечеринка закончилась четыре часа назад.

— Да нет же, — отпарировал Гларт, — мы слишком рано для сегодняшней попойки.

Угман хмыкнул и, приподняв бочонок с пивом, отхлебнул из него. Утерев рот огромной ладонью, он громко рыгнул. Произведенный звук походил на рев дракона, заточенного в подземелье.

— Прошу прощения, — обратился он к Макоби. — Проблема в том, что у меня манеры пещерного тролля. Этот призрак с тобой?

Макоби озиралась по сторонам, не веря своим глазам. Принцесса слышала, что многие волей обстоятельств вынуждены жить в нищете и убожестве, но она впервые столкнулась с тем, что кто-то живет так, потому что им это нравится. Качая головой, она двинулась к окну и отдернула занавески.

Хлынувший в комнату поток света вызвал хор стонов и недовольных возгласов со стороны гуляк, чьи тела были разбросаны по всему помещению.

При свете серого дня обиталище студентов выглядело еще более убогим. Унылое однообразие голых стен с облупившейся краской скрашивали оставленные то там, то здесь следы прошлых трапез. Принцесса старалась не смотреть вниз, боясь, что мягкий зеленый ковер окажется на самом деле плесенью.

— Так вот как ты представляешь себе безопасное и укромное место? — спросила она Гларта с сомнением в голосе.

— Поверьте мне, здесь вы будете в полной безопасности, если не станете ничего есть из местной стряпни. Кому, скажите на милость, придет в голову искать вас в таком месте?

Макоби вынуждена была признать, что Гларт прав. Миал ни за что не поверил бы, что она может скрываться в подобной дыре. Он ведь считал ее нормальной.

Девушка неопределенно пожала плечами, и Гларт, улыбаясь во весь рот, присел на ручку дивана рядом с зевающим пещерным троллем.

— Скажи, Угман, — начал он, — где мы можем поговорить с глазу на глаз?

Угман как будто его не понял и некоторое время недоуменно моргал глазами.

— Ах да, — спохватился он после минутного замешательства. — Прикольно! Идемте со мной!

Тяжело поднявшись на ноги, тролль двинулся к двери в конце комнаты, аккуратно выбирая дорогу среди груд мусора и перешагивая через сонные тела. Гларт и Макоби последовали за ним, а Дариан остался позади, развлекаясь тем, что пугал постепенно просыпавшихся весельчаков.

За дверью оказалась деревянная лестница с почти отвесными пролетами. Лестничная площадка наверху была настолько крошечной, что богатырская фигура Угмана едва в нее вписывалась. На площадку выходили три двери. Тролль толкнул среднюю, и компания очутилась в спальне еще более захламленной, чем помещение внизу. Кучи неряшливо разбросанной повсюду одежды поднимались на высоту матраса просторной деревянной кровати. На кровати лежало лоскутное одеяло, под которым кто-то сладко храпел.

Утопая в море тряпок, Угман добрался до окна и снял картон, служивший жалюзи. Серый безрадостный свет наполнил серую безрадостную комнату.

— Безногий, просыпайся, — пророкотал Угман. — У нас гости.

Поскольку реакции не последовало, он не мудрствуя лукаво уверенным движением стрел в охапку одеяло и стянул его с постели.

Белье, по всей видимости, никогда не меняли, и решительные действия Угмана, не побоявшегося замараться, вызвали у Макоби восхищение.

Первое, что они увидели, были ноги, покоящиеся на подушках. Храп стих.

— Пшел вон! — донесся из постели невнятный голос, и откуда-то из середины вылезла голова со всклокоченными волосами и, часто мигая от непривычного света, уставилась на них.

— Это мой друг и сосед по жилью Безногий, — обратился тролль к Макоби. — В отличие от остальных эльфов он по утрам и по вечерам, если угодно, не в лучшем расположении духа.

— Привет, Гларт! — пробормотал заплетающимся языком Безногий, к которому вернулось чувство реальности. — Рад тебя видеть. А кто эта малышка?

— Малышка? — повторила Макоби. — Малышка?!

— Простите его, — торопливо вмешался в разговор Угман. — Может, он и неряха, но добрый и надежный парень. Итак, чем можем помочь?

— Нам нужно где-то на время остановиться, — сказал Гларт. — Одна очень неприятная личность преследует... — Он запнулся.

— Лону, — подсказала Макоби.

— ...Лону. Сегодня все кончится, но было бы здорово, если бы вы могли присмотреть за ней, пока я разужаю, что вокруг творится.

Угман живо закивал.

— Пожалуйста, — согласился он. — Можете занять свободную комнату. Оставайтесь хоть на час, хоть на неделю. Мы к вашим услугам, верно, Безногий?

— С-с-с, — издал эльф нечленораздельный звук. Он снова клевал носом.

Угман проводил гостей из комнаты и открыл вторую дверь. Макоби с тоской во взоре заглянула внутрь.

Приготовившись увидеть нечто худшее, чем уже здесь видела, она была приятно удивлена, когда обнаружила, что отведенная ей комната чистая, опрятная и красиво убранная. Там имелась кровать с новым лоскутным одеялом и два стула. На окне висели занавески под стать одеялу, а стены украшали

небольшие картины с сельскими пейзажами. Здесь даже стояла ваза с цветами.

— Она мне не совсем по вкусу, — сказал Угман, как бы оправдываясь, — но я знаю, что вы, люди, это любите.

— Отличная комната, — сказала Макоби с неподдельным удивлением и мысленно поморщилась по поводу того, что не смогла скрыть свои эмоции. — Правда-правда. Здесь очень мило, — добавила она искренне. — Спасибо.

— Пожалуйста, Лона. — Угман расплылся в улыбке. — Пойду пока разгоню всех этих дармоедов вниз. Дайте знать, если что-нибудь понадобится.

Тролль вышел, прикрыв за собой дверь.

Макоби присела на постель. Ее охватило безотчетное беспокойство. Прошлой ночью она решила во что бы то ни стало вернуться и встретиться с Миалом лицом к лицу. Но вот она — в чужой спальне и снова прячется... А Миал въезжает открыто в город, и его чествуют, как героя.

Обуреваемая желанием действовать принцесса не могла сидеть сложа руки.

Гларт, заметив, что девушка нахмурилась, опустил перед ней на колени.

— Послушайте, — сказал он, — будет разумно, если, прежде чем вы покажетесь на улице, я сначала выйду и осмотрюсь. Мы правда должны знать, что происходит. Дайте мне пару часов, потом вы сможете вернуться во дворец. Ладно?..

Макоби нехотя кивнула. Гларт в порыве чувств схватил ее ладонь и сжал. И снова прикосновение к девушке обожгло его огнем, и он отдернул руку.

— Можно мне взглянуть на амулет еще раз? — спросил он, заливаясь румянцем.

— Хм? О... да. — Макоби сняла перстень с пальца и протянула юноше.

Он принялся внимательно изучать вещицу, а Макоби встала. Погруженная в тягостные раздумья, она никак не могла избавиться от чувства тревоги.

Принцесса подошла к окну. Внизу Угман разгонял последних задержавшихся с вечера гостей. Он вытаскивал их за шкуру по двое одновременно, по одному в каждом кулачище, и швырял в лужу посреди дороги, где уже возвышалась гора из четырех полусонных тел..

Пока девушка смотрела, тролль приволок еще двоих.

Гларт что-то тихо пробормотал за ее спиной.

— Что ты сказал? — спросила она.

— Э-э-э... я? Ничего.

Он вернул девушке кольцо, и она надела его на палец.

— Послушайте, — сказал он, — это штука в самом деле обладает огромной силой. Пожалуйста, не пользуйтесь ею в мое отсутствие и будьте осторожны в своих пожеланиях, пока она с вами. Договорились?

Макоби нехотя кивнула. Ей не нравилось, когда ей говорили, что делать. Но за короткое время знакомства с монахом она поняла, что он, пожалуй, имеет на это право.

— Я скоро, — продолжал Гларт. — Угман за вами приглядит. Безопаснее места не придумаешь. Увидимся позже.

С этими словами он оставил принцессу.

Девушка снова посмотрела в окно и увидела, как Гларт вышел из дома и торопливым шагом устремился вниз по улице, низко наклонив голову, отворачиваясь от хлеставшего в лицо дождя.

Как только Гларт исчез из поля зрения, Макоби почувствовала себя одинокой и беззащитной. Мысли ее перенеслись к Сараккану. Она очень по нему скучала и надеялась, что с молодым офицером все в порядке. Интересно, чем он сейчас занимается, подумала девушка. Было бы неплохо навестить его и рассказать обо всем, что они разузнали о Миале.

Перстень с золотой львиной головой как магнитом притянул ее взгляд. Она только что обещала Гларту, что не будет им пользоваться, но перемещаться с помощью амулета в пространстве представлялось ей вполне безобидным. Последние несколько дней она только и делала, что сновала туда-сюда, с места на место. До сих пор все проходило без сучка и задор-

ринки. К тому же ей было просто необходимо увидеть Саракана...

И она закрыла глаза и загадала желание.

— Кишкорез?.. — спросил бармен. — Да, я знаю его. Он регулярно наведывается сюда пропустить пинту-другую пивка. Но сегодня еще не приходил.

Кратаван кивнул.

Он, Раси, Свин и восемь здоровенных полицейских в гражданской одежде сидели за столиком в дальнем углу таверны с момента ее открытия и ждали визита тайных агентов Миала. Пока что единственными посетителями были пожилой священник и две дамы в годах. Раси предложил арестовать их, решив, что это переодетый Кишкорез с друзьями, но Кратаван уговорил его воздержаться от столь опрометчивого поступка.

Он бросил нетерпеливый взгляд на часы, назойливо тикавшие на стене. Интересовавшие его лица должны были объявиться час назад. Может быть, они задерживались. Однако Кратаван так не считал. Инстинкт подсказывал ему, что засада была пустой тратой времени.

Неужели их пленник солгал? Но и эта мысль вызывала у Кратавана сомнение. Он, как и Трасса, был убежден, что Борон не скрыл от них ни единой детали. Из этого следовало, что либо Кишкорез изменил планы, либо Борону дали заведомо ложную информацию. Но существовала еще и третья версия. Констебль боялся, что инспектор знал об этом и намеренно повел их по ложному следу, чтобы в то утро никто не мешался у него под ногами.

Потягивая из бокала пиво, Кратаван мысленно перебирал всевозможные варианты, и вывод, к которому он волей-неволей склонялся, не вызывал у него радости. Если инспектор задумал убрать их с дороги, значит, планировал какую-то операцию, в которой его коллеги могли бы послужить помехой, если бы были в курсе его затей. Что это могло быть? Ответ напрашивался сам собой — арест Миала...

Кратаван встал.

— Сержант, мне нужно кое-что сделать для инспектора, — сказал он Раси. — Я вернусь позже. А вы оставайтесь здесь еще на час, а потом возвращайтесь в управленис. Хорошо?

Раси выслушал предложение с улыбкой и в знак одобрения поднял большой палец. Кратаван вышел из таверны и скрылся за пеленой дождя.

Угман обвел взглядом комнату и удовлетворенно хмыкнул.

Без мертвецки пьяных товарищей, валявшихся по всему полу, помещение выглядело гораздо опрятнее. Правда, еще оставались грязные тарелки, пустые бутылки и прочий мусор, но Угману они не мешали. Без этого комната не имела бы жилого вида.

Довольный, он повернулся к призраку Дариана, молча наблюдавшему за уборкой, и хотел спросить, как дух познакомился с Глартом, когда тот неожиданно стремительно рванулся в сторону, словно его дернули за веревку.

— О клатт, — воскликнуло привидение, — ее опять куда-то понесло!

Призрак исчез, растворившись в стене, и голос его замер.

Угман остался стоять, тупо уставившись на то место, где секунду назад витала тень. Что случилось? Ее опять куда-то понесло? Уж не о Лоне ли речь? Девушка была наверху. Наверное, она и сейчас там.

Охваченный непонятной тревогой, Угман в несколько прыжков пересек комнату и неуклюже взбежал по лестнице. Дверь в спальню для гостей была закрыта. Он вежливо постучал. Не получив ответа, тролль открыл ее и заглянул в комнату, но никого там не обнаружил. Лона исчезла.

Угман проворно бросился к двери напротив, за которой размещалась его собственная спальня. Может, девушка решила осмотреть дом, а бардак и вонь в его комнате повергли ее в обморок. Но и там никого не оказалось, если не считать четвероногих тварей. Почесав затылок, он закрыл дверь и направился в комнату приятеля. Там Лоны тоже не было.

— Безногий, — позвал он, — у нас беда.

— Хр-р-р-р-р...

— Наша гостья испарилась.

— С-с-с-с...

Угман вздохнул и своей сильной ручищей приподнял изголовье кровати до почти вертикального положения. Безногий съехал с матраса на пол.

Трюк, похоже, сработал, ибо эльф затряс головой и, часто моргая сонными глазами, вытаращился на Угмана.

— Что такое? — пробормотал он.

— Наша гостья Лона, помнишь ее? Малышка?

— Ага.

— Она исчезла. Гларт перед уходом просил не упускать ее из виду. Она вроде как во что-то влипла. Нам нужно ее найти.

И друзья отправились на поиски.

Инспектор Трасса провел полчаса в ожидании солдат Сараккана, прежде чем до него дошло, что делать этого больше не нужно.

Сначала он отказывался в это поверить, полагая, что люди по какой-то причине задерживаются и появятся с минуты на минуту. Осознав наконец свое положение, детектив задумался, не зная, как поступить дальше.

Конечно, он мог отказаться от идеи арестовать Миала. Но Трасса был человеком решительным и упрямым. Принц совершил преступление, и инспектор был намерен действовать сообразно букве закона, даже если толпа его растерзает. Внутренний голос подсказывал, что шанс уцелеть был весьма невелик.

Обуреваемый дурными предчувствиями Трасса шагал по мокрой от дождя улице. Однако постепенно его настроение улучшилось. Из-за мерзкой погоды народ предпочел сидеть по домам, а не толпиться под открытым небом. Из обрывков доносившихся до него разговоров немногочисленных зевак он уяснил, что свадьба Макоби с Миалом уже не так жела-

тельна, как раньше. Статья Колина Зловещего сделала свое дело.

Трасса наконец достиг места, заранее выбранного им для ареста. К счастью, там собралось не более пяти-шести человек. Он подумал, что с легкостью справится с задачей, но тут вспомнил, что Миал — сын правителя Минас Лантана, а члены королевской фамилии в одиночку в город не въезжают. Наверняка его будет сопровождать свита из слуг и официальных лиц, а также отряд личной охраны. Они не станут пассивно наблюдать, как какой-то фараон уводит их повелителя и господина. И их вмешательство не обойдется без применения тяжелых, остро отточенных мечей.

Не будет ли разумнее произвести задержание в королевском дворце, размышлял Трасса. Возможно, там удастся встретиться с Миалом один на один.

В этот момент инспектор услышал за спиной знакомый голос.

— Я так и знал, что найду вас здесь, сэр.

Он резко обернулся и увидел Кратавана с мокрыми от дождя, прилипшими ко лбу прядями волос и выражением недоверия на лице.

— О, какая встреча, Кратаван! Я как раз собирался... э...

— ...арестовать Миала, сэр?

Трасса уставился на подчиненного с неподдельным удивлением. Он вдруг четко понял, что операция не состоится. Без поддержки солдат Сараккана он был бессилен.

— Не думаю, Кратаван, что это возможно. Во всяком случае, здесь и сейчас.

— Может, тогда лучше вернуться в управление, сэр? Сегодня днем нам еще предстоит кое-кого арестовать.

Трасса вздохнул. Ситуация выглядела безвыходной.

— Ты прав, Кратаван. Идем.

Вдали послышался слабый гул приветственных возгласов. Полицейские повернули назад и, шлепая по лужам, торопливо пошли прочь, давая Миалу возможность беспрепятственно добраться до королевской резиденции.

Макоби бесшумно поднялась по тускло освещенной лестнице и постучала в дверь на верхней площадке.

Дверь тут же распахнулась, и Сараккан устался на нее круглыми от изумления глазами. Не успела девушка сделать и шага, как молодой человек заключил ее в объятия, но тут же опомнился и отпустил, выразив вслух раздражение по поводу собственной глупости.

Отступив в комнату, он схватил принцессу за руку и втащил за собой, прикрыв плотно дверь.

— Тебя не должны видеть! — прошептал Сараккан с жаром. — Миал сегодня возвращается за ответом на свое предложение. Твой отец настроен самым решительным образом.

Макоби слушала возлюбленного с расширенными от ужаса глазами, когда он рассказал о гонце из Минас Ланта-на, который доставил официальный протест по поводу неправомерного обращения с Миалом со стороны какого-то офицера кумасской полиции. В связи с этим ее отец желал укрепить отношения между городами бракосочетанием дочери с Миалом.

— Я никогда не пойду на это! — воскликнула девушка, едва он закончил говорить. — Он не может меня заставить! Сараккан, я скорее сбегу из города, чем выйду замуж за Миала!..

Он улыбнулся и снова прижал принцессу к груди.

— Я тебя не оставлю! — пообещал офицер. — Но я не могу оставаться здесь. Меня хотят арестовать по ложному обвинению в убийстве Де Венчасы.

В нескольких словах офицер поведал ей об инспекторе Трассе. Макоби не верила своим ушам.

— О, Сараккан, — прошептала она. — Что же нам делать?

Он еще сильнее сжал девушку в объятиях, потом отстранил от себя и заглянул в глаза.

— Есть только одно средство.

Жесткая нотка, появившаяся в его голосе, испугала Макоби.

— Какое? — спросила она слабым голосом.

Молодой офицер отвел взгляд, и принцессе показалось, что он смутился.

— Мы могли бы... — начал Сараккан, но запнулся, потом сделал глубокий вдох, словно собираясь с духом перед принятием важного решения, и снова встретился с ней глазами. — Стань моей женой! — выпалил он. Потом словно прорвало плотину, и слова полились сами собой. — Если мы поженимся, Миал не сможет претендовать на тебя, и твой отец тоже не сможет ничего сделать. Тогда никто не посмеет обвинить меня в преступлении, которое я не совершал!

Страсть, с которой Сараккан говорил, потрясла Макоби, хотя неожиданное предложение застало врасплох. Стать его женой? Да, она его любила, но...

— Макоби, это не сиюминутное решение! — Он не сводил с принцессы глаз. Пальцы Сараккана больно впились в ее плечи. — Я люблю тебя уже много лет и всегда хотел жениться на тебе, еще с тех пор, когда мы были детьми.

Макоби кивнула. Она догадывалась об этом. Выйти замуж за Сараккана не так уж плохо. Внезапно ее охватило радостное возбуждение. Да! Почему бы и нет!

— Но я хочу, чтобы все было по закону, в церкви, — сказала она. — Тебе потребуется разрешение и все такое, на это уйдет много времени, а у нас его практически нет!

Офицер отпустил девушку и уставился в пол. Он снова выглядел смущенным.

— Я давно хотел просить тебя об этом, — признался он виновато. — Я хотел предложить тебе бежать со мной. Я даже подготовил все на тот случай, если удастся убедить тебя... Нас могут обвенчать в течение полчаса, если ты согласна. У меня есть разрешение...

Макоби посмотрела на Сараккана с нескрываемым удивлением, потом, не в силах сдержать эмоции, бросилась к нему на шею.

— Согласна! — сказала она, счастливо улыбаясь. — Давай поженимся! Посмотрим, понравится ли это Миалу!

Сараккан был несколько ошеломлен ее реакцией. Он испытующе посмотрел на нее.

— Так решено? — спросил он, все еще не веря.

Макоби кивнула.

— Скажи, где и когда, — попросила она.

— Через полчаса в Часовне Регистраций на улице Оков.

— Я приду!

С этими словами она бросилась к двери.

— Постой! — крикнул Сараккан.

— Сначала я должна кое-что сделать, — сказала она, не оборачиваясь. — Встретимся на месте!

— Макоби, мне нужно...

Но девушка уже хлопнула дверью и неслась вниз по лестнице, не обращая внимания на отчаянный зов возлюбленного.

Принцесса очень спешила. Ей не терпелось поделиться новостью с Глартом и успеть в Часовню Регистраций.

Погруженная в мир приятных переживаний, она не заметила паривший у стены дух Дариана и не подумала, что все это время он стоял за дверью и слушал ее разговор с Саракканом. Впрочем, если бы и подумала, то это уже не имело значения.

Ход событий встревожил призрака. Нужно было срочно обсудить все с Глартом. Но как его найти? К несчастью, он все еще был привязан к амулету и был вынужден следовать за ним повсюду.

Дариан, если так можно выразиться, стиснул зубы, ожидая, что принцесса опять прибегнет к помощи амулета и неведомая сила увлечет его за собой... Ждать долго не пришлось.

Оставшись в одиночестве, Сараккан ругал себя на чем свет стоит. Он хотел задать Макоби еще один вопрос. Жизненно важный! Но она сбежала, не дав ему и рта раскрыть. Что ж, придется спросить об этом прямо у алтаря...

К тому времени, когда полицейские достигли управления, самочувствие Трассы значительно улучшилось.

Он возлагал слишком большие надежды на солдат Саракана и, когда те не появились, запаниковал. Не следовало говорить парню о намерении арестовать его. Вот где он совершил промашку... Ясно, что офицер испугался и решил зайти.

Тем временем в голове у инспектора родился другой план, даже несколько планов. Но на этот раз он ни о чем не расскажет Кратавану. Пусть Трасса понапрасну потратил утро, но он все еще был инспектором со всеми вытекающими полномочиями и административными обязанностями. Единственное, что сейчас требовалось, так это держаться подальше от суперинтенданта, а после обеда детектив нанесет неожиданный визит во дворец и посмотрит, как Миал его встретит.

Трасса распахнул настежь двери парадного крыльца полицейского управления и поднялся по ступенькам. Кратаван, как и полагается младшему по чину, следовал за командиром. Поглощенный разработкой новой операции инспектор не заметил суперинтенданта и столкнулся с ним нос к носу.

— А, Трасса! — услышал он как во сне радостный голос Причуды. — Я искал вас повсюду. Жду вас у себя в кабинете. Немедленно!

— Но я собираюсь...

— Сейчас же! — повторил шеф тоном, не терпящим возражений.

— Слушаюсь, сэр, — сказал Трасса удрученно и послушно двинулся за начальником к центральной лестнице. Его охватило недоброе предчувствие, что разговор будет не из приятных.

Макоби материализовалась в комнате первого этажа квартиры Угмана посреди взметнувшегося вихря сора и пыли.

Принцесса обвела взглядом помещение, но, к своему удивлению, никого не обнаружила. Недовольно ворча, она вышла из комнаты и поднялась на второй этаж.

Мгновение спустя в комнату внизу со свистом ворвался призрак Дариана и застыл на месте. Как обычно после ско-

ростных перемещений в пространстве, он чувствовал себя скверно, но сейчас жаловаться было некогда, да и некому. Нужно было срочно отыскать Гларта, чтобы рассказать ему о последних событиях.

Времени оставалось мало. На полу все так же валялись грязные тарелки и стаканы, пустые бутылки, окурки и пепел. При виде этой картины у духа возникла одна идея, но он не знал, сумеет ли осуществить ее. Однако попытаться стоило. Призвав на помощь всю свою призрачную энергию, Дариан начал сосредоточиваться.

Макоби обследовала наверху все спальни, но никого не нашла, хотя под кроватью Угмана кто-то скребся и попискивал. Девушка на минуту задумалась, решая, что предпринять.

Бесспорно, венчание с Саракканом избавит ее от этого ужаса, поэтому меньше всего на свете хотела бы она опоздать на брачную церемонию. Конечно, было бы здорово поделиться радостью с Глартом, но времени на это не было. Она расскажет ему обо всем позже.

На мгновение девушка представила кривую улыбку монаха и подумала виновато, как он отреагирует на известие о ее скоропалительном замужестве. Макоби сознавала, что Гларт привязался к ней, да и сама она полюбила его. Но размышлять на эту тему смысла не имело. Решение принято. Лучшее и единственно верное.

Безжалостно подавив в себе первые признаки сомнения, принцесса выбежала на лестничную площадку и, перепрыгивая через ступеньки, бросилась вниз. Несмотря на традицию, опаздывать на собственную свадьбу она не намеревалась.

Призрак Дариана почти закончил работу, когда появилась Макоби, стремительно пересекла комнату и скрылась за входной дверью.

К счастью, мыслями девушка уже находилась в другом месте, поэтому ничего вокруг не видела. Она не заметила ни призрака, ни его приготовлений.

Как только дверь за принцессой закрылась, дух Дариана удвоил усилия, понимая, что в любую секунду его как ветром сдует отсюда. Пыхтя от напряжения, он...

Клатт!.. Раздраженно ругаясь, Дариан полетел за своей хозяйкой.

Гларта постигло тяжелое разочарование.

Хотя юноша и сказал Макоби, что хочет изучить обстановку, на самом деле у него теплилась слабая надежда, что он сумеет разобраться со всем самостоятельно. Гларт не мог позволить Макоби увидиться с человеком, пытавшимся ее убить и завладеть амулетом. Идея представлялась безрассудной. Еще он понимал, что не сможет больше служить ей поддержкой.

Гларт уже почти дошел до королевского дворца, вокруг которого было полно стражи, когда внезапно у него появилось тоскливое чувство, что с Макоби не все в порядке. Тоска быстро сменилась уверенностью, что девушка что-то затевает. У монаха защемило сердце. Проклиная себя за то, что посмел оставить принцессу одну, Гларт торопливо повернул в сторону студенческого квартала.

Молодой монах бежал по улице, когда кто-то окликнул его по имени. Обернувшись, Гларт увидел гнавшихся за ним Угмана и Безногого. Внутри у него все словно оборвалось. Макоби с ними не было.

— Мнс показалось, что я попросил вас...

— Она пропала, — перебил Угман. — Растворилась в воздухе.

— Клатт! Она снова использовала амулет!

— Какой амулет?

— Не важно. Это мощное магическое средство. Она может находиться где угодно! И это после того, как обещала не прибегать к нему!

Гларт напряженно задумался, стараясь представить, куда принцесса могла отправиться. Сараккан!.. Точно! Как пить дать она решила навестить сго.

— Послушай, — вмешался Безногий неуверенно, — если этот амулет может перенести малышку куда угодно, то с таким же успехом он может вернуть ее назад. И если она обещала, что не воспользуется его силой в твое отсутствие, то наверняка захочет вернуться в квартиру до твоего прихода, чтобы никто ничего не узнал, верно?

Гларт уставился на эльфа в изумлении. Конечно! Он абсолютно прав! Макоби вернется с минуты на минуту и расскажет, что произошло. Если только... нет, лучше об этом не думать. Не буди лиха, пока оно тихо.

— Возвращаемся домой! — воскликнул он, и троица с монахом во главе возобновила бег под проливным дождем.

Они неслись по улице, разбрызгивая лужи и скользя по предательски мокрым каменным плитам. Гларт первым достиг цели. Распахнув дверь, он стремглав пересек комнату, выкрикивая на ходу имя девушки, но тут что-то привлекло его внимание, и он резко остановился.

Кто-то написал на стене сигаретным пеплом странное сообщение. Разъезжающиеся письма гласили:

МАКОБИ ВЫХОДИТ ЗАМУЖ ЗА САРАККАНА ЧАСОВНЯ РЕГИСТРАЦИИ ПОЛДЕ

— Что за черт?! — возмутился Угман.

— О нет! — выдохнул Гларт в отчаянии. У него перехватило дыхание, будто от удара дубиной в солнечное сплетение.

— Что это такое Часовня Регистрации Полде, а? — спросил Безногий.

— Должно быть, это полдень, — пояснил Гларт. — Клатт! В нашем распоряжении всего десять минут! Угман, ты знаешь, где эта часовня?

— Будет лучше, если я покажу, — сказал пещерный тролль. — Бегом за мной!

Он повернулся и пулей вылетел из дома. Гларт метнулся за ним. Безногий на секунду задержался, чтобы прихватить с собой длинную увесистую палку, подпиравшую дверь, после

чего присоединился к компании. Троица снова помчалась под проливным дождем по улице, словно вопрос шел о жизни и смерти.

Суперинтендант сел за стол и положил перед собой руки ладонями вниз.

Причуда посмотрел на Трассу и нахмурил брови. Инспектор искал взглядом стул, чтобы присесть, но не нашел. Придется стоять. Такое многозначительное начало не предвещало ничего хорошего.

— Инспектор, — пророкотал суперинтендант, — где вы все утро пропадали?

— Так, бегал по делам, знаете ли. Уточнял кое-какие детали относительно... относительно ареста Сараккана, сэр.

— Это ордер на его арест торчит у вас из внутреннего кармана?

— Э-э-э... — Трасса бросил взгляд на компрометирующий документ. — Да, сэр.

— Покажите. — Суперинтендант протянул руку.

— Он в порядке, сэр, если вас беспокоит это. Я сделал...

— Дайте его сюда!

Трасса понял, что дальнейшее сопротивление бесполезно. С упавшим сердцем он вытащил листок и передал шефу. Причуда развернул его и углубился в изучение.

— Ну и почему здесь вашим почерком написано Миал, а, инспектор?

— Я собирался изменить...

— Вы собирались арестовать Миала, не так ли? Несмотря на мои четкие указания, вы намеревались ввергнуть наш город в распрю с Минас Лантаном.

Гордость заставила Трассу выпятить грудь и попытаться объясниться.

— Со всем уважением, сэр, я полицейский офицер...

— Уважь лучше мою задницу. Ты болван, Трасса, вот кто ты. И с этого момента ты больше не полицейский офицер, а

полицейский констебль. Отныне будешь нести дежурство на улице. А теперь пошел вон отсюда!..

Трасса повернулся на сто восемьдесят градусов и нетвердым шагом направился к двери. Когда он открыл ее, суперинтендант снова заговорил:

— Да, вот еще что...

Бывший инспектор обернулся в надежде услышать, что все произошедшее было милой шуткой.

— Если я узнаю, — произнес Причуда, — что ты выписываешь штрафы за стоянку лошадей из Минас Лантана, особенно тех, что принадлежат людям Миала, отрежу тебе башку вот этими самыми руками. Я ясно выразился?

— Да, сэр.

— А теперь — чтоб духу твоего здесь не было! Увидишь Раси, скажи, чтобы явился ко мне. Хочу сообщить ему приятную весть. Отныне он инспектор.

Макоби шла по улице, радуясь каплям небесной влаги на щеках.

Ливень прекратился, сменившись мелким теплым дождем. Принцесса не боялась, что редкие прохожие могут узнать ее, и капюшон не набросила, подставив лицо под освежающее дыхание влажного ветра.

Девушка была спокойна и безмятежна. Наконец-то будет положен конец ее мытарствам, этому бесконечному кошмару! Больше ее не будут преследовать, как испуганного кролика, гоня с места на место. Конечно, замужество — это радикальный шаг, но за последние месяцы они с Саракканом очень сблизились. Макоби удивлялась, почему такая простая мысль не посетила ее голову раньше.

Дойдя до Часовни Регистрации, принцесса замедлила шаг. Часовня стояла в стороне от дороги в окружении густых деревьев, обнесенных высокой каменной стеной. В сторожевой будке у входа никого не было. По-видимому, сторож присоединился к зевакам, вышедшим поглазеть на въезд Миала в Кумас.

Девушка миновала ворота и направилась к зданию часовни. Дождь омыл сад и освежил воздух. Листья деревьев и кустарника лоснились влагой. По обе стороны от тропинки, ведущей к зданию, торчали из травы кособокие, источенные временем надгробия и памятники. Изображения ангелов и воинов на могилах вблизи часовни были увиты плющом. Вокруг не было ни души. Интересно, Сараккан уже здесь, или придется его ждать, подумала Макоби.

У входа в часовню принцесса остановилась. Ей вдруг показалось, что за ней следят.

Действительно, Макоби увидела призрак Дариана, который с виноватым видом реял у сторожевой будки. Судя по всему, он чувствовал себя неловко и не хотел попадаться девушке на глаза.

Она улыбнулась и, толкнув массивную дубовую дверь, вошла под своды часовни.

Когда дверь за Макоби закрылась, Кишкорез выпрямился во весь рост и вышел из-за густого кустарника, за которым прятался.

— Все в порядке, парни, — сказал он, обращаясь к своим людям, выбиравшимся из разных укрытий, где они поджидали принцессу. — Ее клаттово высочество прибыло. Приказ Сараккана сегодня утром вы слышали. Никого сюда не впускать. И помните, что мы снова гвардейцы Миала, так что наденьте шлемы.

Он и сам нахлобучил шлем с недавно прикрепленной красной кокардой, тщательно вытер лезвие меча об одежду убитого сторожа и во главе отряда двинулся к часовне. Западня захлопнулась за Макоби, а она ничего не подозревала.

Из темноты часовни Сараккан наблюдал, как девушка неуверенно идет по проходу между рядами.

Наконец-то!.. После стольких лет вынашивания своих планов он был близок к цели. Однако на груди принцессы не было амулета!..

Сараккан нахмурился. Если Макоби его где-то оставила, придется искать способ вывести у нее, где именно.

Пора начинать брачную церемонию — тем более что все было подготовлено заранее. Регистратор, связанный по рукам и ногам, как каплун, сидел в подсобном помещении и трясся от страха. Сомневаться не приходилось, что он сделает все, что ему прикажут.

Нежно улыбаясь девушке, Сараккан вышел из-за каменной колонны.

— Макоби! — воскликнул он. — Я думал, ты не придешь.

Принцесса бросилась к офицеру и повисла у него на шее. Они обнялись.

Потом девушка отстранилась и обвела настороженным взглядом часовню.

— Здесь что, больше никого нет? — спросила она.

— Регистратор у себя, готовит бумаги. — Сараккан широко улыбнулся, желая приободрить невесту. — Пойду предупрежу его, что мы уже здесь...

— А разве нам не нужны свидетели и все такое?

— Очевидно, нет. И я не решился посвятить в наш план кого-нибудь еще. Не знаю никого, кому можно было бы довериться. Кроме тебя, конечно...

Это признание вызвало у Макоби прилив нежности к любимому и радостную улыбку. Сараккан ей так предан...

Тем временем молодой офицер обдумывал, как задать следующий вопрос, не вызвав у девушки подозрений. На ум пришло наиболее простое решение — начать издали.

— Милая, помнишь, я говорил тебе, что Марден взял у грабителя гробницы кинжал? — спросил он обыденным тоном.

— Да. Ты потом обнаружил его в покоях Миалà.

— Верно. Тогда он взял у того несчастного еще одну вещь, какой-то кулон и...

— Амулет! — подсказала Макоби.

Сараккан смерил ее внимательным взглядом, стараясь придать лицу выражение вежливого любопытства и удивления.

— Амулет? — повторил он рассеянно.

Макоби живо кивнула.

— Да, он обладает большой силой. Марден передал его мне на хранение.

— Он все еще у тебя?

— Да. Он способен менять форму, и мы... я подумала, что так будет безопаснее.

Она подняла руку, и Сараккан заметил на ее пальце перстень в форме головы льва. При виде драгоценности его сердце бешено заколотилось, но он не выдал своих чувств ни единым движением.

— Потрясающе, — сказал он. — Можно взглянуть поближе? С этими словами он протянул Макоби руку.

Девушка инстинктивно попятилась, вспомнив совет Гларта не позволять никому прикасаться к амулету. Но нежная, бесхитростная улыбка Сараккана обезоружила принцессу. Она знала, что ему можно доверять — тем более что они собираются обвенчаться. Если сомневаешься в собственном женихе, то у тебя в жизни большие проблемы.

— Конечно, — сказала она, более не раздумывая, и, сняв кольцо с пальца, протянула Сараккану.

Ощувив драгоценность у себя на ладони, Сараккан едва не пустился в пляс, столь велико было охватившее его ликование. Он чувствовал магическую силу амулета. Офицер знал, что обладание им вкупе с его врожденным талантом к чародейству сделают его величайшим магом из ныне живущих. Наконец-то он получил вожаемое!..

Макоби не спускала с Сараккана встревоженного взгляда. Она видела, что происходит что-то неладное. Глаза молодого человека озарились странным блеском. Чем дольше рассматривал он волшебное кольцо, тем ярче разгорался в его глазах алчный огонь. Девушка непроизвольно охнула, когда заметила, что кольцо в ладони возлюбленного снова трансформировалось в подвеску. На этот раз амулет обратился в ухмыляющуюся страшную рожу. Злобный, пугающий образ заставил Макоби похолодеть.

— Не могла бы я получить свою вещь назад? — попросила девушка, мысленно проклиная себя за то, что ее голос дрогнул, как у испуганной школьницы.

Но Сараккан отступил назад, надел амулет на шею и расхохотался. Это был жуткий смех безжалостного негодяя, торжествующего победу. У Макоби по спине пробежал ледяной холод.

— Сараккан, не сходи с ума! — воскликнула она. — Ты меня пугаешь!

Слова повисли в воздухе. Принцесса с ужасом осознала, что совершила страшную, неисправимую ошибку. Не амулет оказывал воздействие на Сараккана, а наоборот. Новая отталкивающая форма амулета отражала сущность личности Сараккана...

— Дорогая, милая, доверчивая крошка Макоби, — в устах Сараккана ласковые прилагательные звучали как оскорбление, — ты все еще ничего не поняла?

Напротив, она осознала все с пугающей ясностью, и все встало на свои места. Внезапно она увидела всю глубину лицемерия этого человека.

Он обманул ее доверие, воспользовался ею...

— Марден, когда заподозрил, что амулет магический, — заговорила она медленно, — обратился к тебе, не так ли? Конечно! К кому еще мог он пойти за советом, как не к лучшему другу?

— Он знал мой секрет — то, что я самостоятельно обучался магии, и решил, что это будет мне интересно. Интересно?! Ха! Не то слово! Я почувствовал невообразимое могущество амулета в первую же секунду, как только Марден показал его. Но, наверное, я был неосторожен и выдал свое нетерпение, потому что Марден вдруг замкнулся и не позволил даже прикоснуться к вещице. Потом он убрал ее куда-то и перестал доверять мне.

Сараккан отвернулся от Макоби и начал сердито расхаживать по проходу. Макоби в страхе наблюдала за ним. Ей

хотелось убежать, но почему-то она не могла сдвинуться с места.

— Однако твой брат просчитался... У меня были далекоидущие планы. Марден не мог помешать претворению моих замыслов и не заметил расставленной западни. Потом я устроил это нашествие орков, и его убили.

— Так это ты организовал его убийство?! Ты работаешь на Миала?..

Сараккан громко рассмеялся и, приблизив к ней лицо, отрицательно покачал головой.

— О, Макоби, — произнес он, — ты меня разочаровываешь. Ты до сих пор не догадалась, что этот болван и идиот не имеет к делу ни малейшего отношения? Все это — моя работа!..

Принцесса в испуге попятилась назад, а Сараккан надвигался на нее, и мерзкая дьявольская рожа на его груди ритмично покачивалась при каждом шаге.

— Но почему? Что тебе надо?..

— Ты, Макоби! — Он расхохотался. — Ты — в центре всего. Теперь, когда твоего брата больше нет, в один прекрасный день ты станешь правительницей Кумаса. А если ты выйдешь замуж за Миала, то вдвоем вы будете править и Минас Лантаном. Однако если Миала признают виновным в убийстве Мардена, то его сместят, а ты получишь абсолютную власть. Тогда тебе понадобится крепкое плечо, близкий друг, к которому в случае чего можно обратиться за помощью, мужчина, который станет для тебя другом, любовником и супругом, наконец...

— Ты!..

— Таков был мой первоначальный план. Я вынашивал его чуть ли не с детства, после того как твой отец поднял меня на смех, когда я признался, что хочу жениться на тебе. Он, так сказать, доступно объяснил, что человек моего происхождения не может вступить в брак с принцессой крови. Но амулет все резко изменил. С его помощью я могу ускорить события, потому что теперь мне никто не помешает. До сего момента

Миал нужен был как стрекало, фигура устрашения, как нечто, что толкнуло бы тебя ко мне.

— Так это ты убил полковника Де Венчаса?..

— Конечно. Я сказал тебе, что он критиковал Миала. Я должен был убить его, пока ты не выяснила, что он ничего подобного не говорил. Это напугало тебя, и вот ты здесь.

— Но орки сказали, что имели дело с Миалом!

— Боюсь, я поступил с ними не совсем честно. Но их нужно было убедить, что они в сговоре с человеком могущественным, и я выдал себя за Миала, нарядив своих людей в украденную форму его гвардейцев.

Разум Макоби отказывался верить в размах злодейских деяний Сараккана. Она и сейчас продолжала надеяться, что произошла какая-то чудовищная ошибка.

— А те люди, которые хотели схватить меня в таверне, тоже были твоими?

— Конечно. Дважды они были очень близки к цели.

Лицо Сараккана стало мрачнее тучи, и девушке показалось, что он ее ударит.

— Но тут все пошло наперекосяк, — прорычал он. — Ты вдруг исчезла, и я не мог понять, что творится. Может, Марден о чем-то проговорился... Я едва не запаниковал.

Он покачал головой и горестно улыбнулся. На мгновение принцесса снова увидела человека, которого любила.

— А вот вчера я пережил настоящий страх, — продолжал Сараккан. — Этот клаттовый полицейский прислал записку, в которой просил встретиться с ним. И первое, что детектив сказал при встрече, это то, что он собирается меня арестовать по обвинению в убийстве Де Венчаса. Я подумал, что все кончено. Однако я ошибся. Он, как и все, считал преступником Миала.

— А разве он не виноват на самом деле?

— Он виноват в том, что слишком самоуверен и напрочь лишен чувства юмора. И все. Но мы теряем время...

Сараккан холодно улыбнулся девушке и протянул руку.

— Регистратор ждет, чтобы соединить нас брачными узами, — сказал он. — Если мы замсшкаемся, он может задохнуться. Или умереть от страха. Так почему бы нам...

— Я не выйду за тебя замуж!

— Боюсь, что у тебя нет выбора, милая. Ты не можешь мне сопротивляться. Иди сюда!..

Тон его голоса не терпел возражений. Макоби перестала пятиться. Усилием воли она пыталась заставить тело повиноваться, но сейчас оно словно жило собственной жизнью. Медленно девушка сделала шаг вперед, за ним другой...

Сараккан взял принцессу за руку и подтащил к себе.

Призрак Дариана, ставший свидетелем сцены в часовне, не знал, как помочь Макоби.

Он мог бы привлечь внимание прохожих, но эта идея имела два недостатка. Во-первых, этих самых прохожих не было; во-вторых, десять дюжих солдат, охранявших вход в часовню, служили серьезным препятствием. Их остро отточенные клинки не оставляли сомнения, что бойцы изрежут на куски любого, кто попытается войти.

Может быть, стоило поискать способ, как помочь принцессе самому? Но как?.. На ум призраку ничего не приходило.

Он клубился у сторожевой будки наподобие мрачной грозовой тучи, не решившей, то ли пролиться дождем, то ли разразиться молнией, когда внезапно увидел знакомую компанию — Гларта, Угмана и Безногого.

Троица пронеслась мимо и устремилась к зданию в глубине сада. Призрак едва успел выкрикнуть вдогонку предупреждение о засаде. Гларт остановился, в то время как Угман и Безногий помчались дальше как ни в чем не бывало.

Заметив приближающуюся пару, Кишкорез и его молодчики плотоядно заулыбались и обнажили мечи. Поведение незнакомцев, решившихся на них напасть, представлялось безрассудным. Пещерный тролль вовсе не имел оружия, а у эльфа в руках имелась только длинная палка.

Но, как только Угман врезался в ряды приспешников Сараккана, ситуация им веселой не показалась, потому что столкновение с пещерным троллем равносильно встрече с камнепадом.

Вопреки ожиданиям солдат, Угман оказался не только сильным, но и подвижным, умным, опытным бойцом. Рядом с другом ловко орудовал жердиной Безногий. С одного взгляда было ясно, что этим видом оружия эльф владеет в совершенстве.

Двум солдатам он проломил черепа одним взмахом своей дубины, двух других обезвредил Угман, столкнув лбами. Еще двое упали бездыханными, после того как Угман своими огромными кулачищами съездил каждому из них в подреберье. Следующему солдату тролль сломал спину, перебросив мощным ударом через стену, а другому, швырнув его о дерево, свернул шею. Еще одного тролль сгрел в охапку и метнул в Кишкореза, когда тот кинулся наутек. Живой метательный снаряд в цель не попал, но, ударившись о землю, остался лежать неподвижно. Кишкорез, пытаясь увернуться, споткнулся о безжизненное тело и растянулся во весь рост. Тут его оглушил жердиной Безногий.

Гларт наблюдал за сражением с разинутым ртом и неподдельным изумлением. Раньше ему не доводилось быть свидетелем столь блистательной демонстрации боевого искусства. Сражение длилось не более десяти секунд, а в результате на лужайке остался лежать десяток неподвижных тел.

С интересом изучая эту картину, монах не сразу заметил призрака, наполовину высунувшегося из двери и отчаянно торопившего его войти в часовню.

Бросив на ходу друзьям, чтобы они оставались на месте и дали отпор другим солдатам Сараккана, если они появятся, Гларт направился ко входу в здание, открыл тяжелую дверь и скрылся внутри.

В часовне было темно и тихо. Гларт медленно двигался в проходе между рядами, стараясь ступать беззвучно по мра-

морным плитам пола. Вдали, озаренный свечами, тускло светился алтарь. Во всю длину часовни тянулись каменные колонны, подпиравшие кровлю.

Сначала Гларт подумал, что опоздал и Сараккан и Макоби покинули часовню, воспользовавшись черным ходом, но в следующее мгновение он их увидел.

Макоби стояла на ступенях с правой стороны алтаря. Рядом с ней возвышался рослый улыбающийся мужчина. Он держал кинжал, приставленный к горлу третьей фигуры живой картины. Этим третьим был маленький толстый монах в летах, служивший, вероятно, регистратором.

Монах стоял напротив пары и, дрожа всем телом, что-то бубнил себе под нос. Гларт с трудом различил слова брачной церемонии.

Юноша понял, что успел вовремя, и вышел из тени.

— Прекратите этот фарс, — громко сказал он.

Троица уставилась на него в немом удивлении.

— Гларт!.. — прошептала Макоби.

Сараккан перевел взгляд с невесты на незваного гостя, затем снова посмотрел на девушку. Его губы искажала сардоническая улыбка.

— Итак, Макоби скучать не доводилось. В приключениях вместе с ней участвовал спутник, — протянул он нараспев. В голосе его послышалась почти осязаемая угроза. — Ей повезло. Как мило с вашей стороны прийти на свадьбу, но, боюсь, вас сюда не звали.

— Гларт, уходи! — всхлипнула Макоби. — У него амулет! Ты ничего не можешь сделать! Пожалуйста, уходи!..

— Сараккан, у тебя есть только один шанс уцелеть, — сказал Гларт твердо. — Я пришел из Аббатства Рачительного Колдовства, чтобы забрать амулет Адомо и поместить его в безопасное место. Отдай амулет мне!

— Так он принадлежал Адомо? — рассмеялся Сараккан и любовно провел пальцами по талисману на своей груди. — Неудивительно, что его могущество беспредельно. Каждая минута приносит все более и более приятные новости.

— Только один шанс, — повторил Гларт. — Любительщина в делах, в которых ничего не смыслишь, опасна. Я обучался магии специально.

В глазах Сараккана вспыхнул недобрый огонь, и он двинулся в сторону молодого монаха.

— Неужели ты и в самом деле думаешь, что я возьму и спокойно отдам власть и могущество какому-то выскочке, желторотому птенцу вроде тебя? — выпалил он. — О да, я узнаю твою синюю рясу, узнаю я и серебряную булавку на капюшоне, означающую, что ты — всего лишь послушник. Ты вляпался по самые уши. Уйди, молокосос, пока я не разорвал тебя в клочья!

— Беги, Гларт! — закричала Макоби в отчаянии.

— Что ж... не говори только, что я тебя не предупреждал, — сказал Гларт, стараясь не показывать страха. — А теперь посмотрим, как ты справишься с заклинанием Шаровой Молнии...

Юноша знал, что с помощью амулета Сараккан мог бы взорвать часовню целиком, не говоря о нем самом. Но монах надеялся, что негодяй не обладает такой магической силой, какой, как казалось Гларту, обладал он сам.

Молодой монах поднял ладонь и направил ее на Сараккана. Рука дрожала, как осиновый лист на ветру. Последовала пауза, но ничего не произошло, словно Гларт забыл слова заклинания.

Сараккан откинул назад голову и злорадно рассмеялся.

— О боги! — сказал он. — Бедняжка Макоби!.. Это и все, чем ты можешь защитить себя?

Офицер лениво поднял руку и направил ее в сторону монаха.

В это время из тени выплыл дух Дариана.

— Сараккан, — произнесло привидение. — Марден просил передать тебе кое-что перед смертью...

Несколько секунд Сараккан молча пялился на призрака, силясь понять, что бы это значило. Потом выругался и, направив на Гларта указательный палец, выкрикнул магическое заклинание.

На кончике пальца, шипя и рассыпаясь искрами, вырос ослепительно яркий желтый шар и, описав дугу, ударил его в спину. Сараккан, издав короткий предсмертный крик, отозвавшийся гулким эхом в каменных стенах часовни, взорвался.

Внезапно стало очень тихо. Первым нарушил тишину стук упавшего на пол амулета. За ним последовали глухие шлепки тысяч мелких ошметков плоти, окропивших мраморные плиты пола, ряды скамеек, алтарь и людей.

Макоби, не мигая, смотрела на то место, где только что находился Сараккан. Потом девушка перевела изумленный взгляд на Гларта.

Монах был бледен как полотно. Несчастный регистратор, не выдержав выпавших на его долю испытаний, лишился чувств. Опомнившись, девушка подбежала к Гларту и бросилась к нему на грудь.

— Так это ты?.. — всхлипнула она. — Это ты сделал?..

Гларт задумчиво кивнул и вытер брызги крови Сараккана, попавшие на лицо.

— Помнишь, я брал у тебя амулет в спальне Угмана? — От растерянности монах обратился к принцессе на «ты». — Тогда из предосторожности я зарядил его заклинанием Шаровой Молнии, в соответствии с которым каждый, кто вздумал бы обратить колдовство против другого человека, должен пострадать от него сам. Дело было рискованное, потому что Сараккан мог обнаружить ловушку. Но я тогда не знал, что ты убежишь и отдашь ему амулет...

Макоби, смутившись, уткнулась монаху в плечо. Но любопытство взяло верх, и она, заглянув юноше в глаза, спросила:

— Ты знал, что это был он?..

Гларт устало кивнул. Взяв принцессу за руку, он подвел ее к алтарю.

— Знал.

— Откуда?..

— На основе некоторых фактов у меня зародилось подозрение, которое переросло в уверенность после разговора с орком Кала-азаром. Напоследок, когда ты ушла, я задал ему

один вопрос: «Как выглядел Миал?» Орк ответил, что у мужчины были каштановые волосы и что он постоянно улыбался. К Миалу подобное описание не подходило, зато соответствовало внешности Сараккана. К тому же прошлой ночью дух Дариана окончательно вспомнил, что ему сказал Марден, вручая амулет.

— Но почему ты утаил это от меня?

— Ты бы все равно не поверила. Сараккан околдовал тебя, применив чары Обождения. Поэтому ты в него и влюбилась...

Макоби на минуту задумалась. Теперь, когда колдовские чары потеряли свою силу, она вспомнила, что всегда считала Сараккана лстивым лгуном и старалась обходить его стороной. Но несколько месяцев назад все изменилось.

— Он был не таким уж плохим магом, — добавил Гларт.

— Но до тебя ему было далеко!..

Макоби обвила его шею руками и обняла, потом подошла к тому месту, где лежал амулет. Он снова принял первоначальную форму, и на нее смотрело страшное в своей уродливости ухмыляющееся лицо орка.

— Мы так и не решили, что с ним делать, — заметила она.

— Можешь до поры до времени оставить амулет у себя. Только никому не говори об этом и не показывай драгоценность всяким посторонним парням.

Макоби горестно улыбнулась, потом подобрала вещицу с пола, надела на шею и спрятала кулон в вырез платья, тотчас ощутив на груди прохладу металла.

— Эге! Снова дома!.. — услышала она радостное восклицание наглеца. — Так-то лучше! У того мужика было не очень-то уютно на его волосатой груди.

— Заткнись! — прошипела Макоби и огляделась вокруг. — Нужно поблагодарить привидение, — добавила она. — Куда это пропал призрак?

Они обыскали часовню, но безуспешно. Дариана и след простыл. Вероятно, он покинул грешную землю.

Так, в сущности, оно и было.

Как только шаровая молния поразила Сараккана, Дариан почувствовал, будто у него гора с плеч свалилась. Цепи, связывавшие его с амулетом, пропали.

Призрак ощутил необыкновенную легкость и взмыл вверх, подобно ракете. Материальный мир вдруг стал осколком призрачной мечты и вскоре исчез из виду. Дариан слышал зов.

Внезапно впереди он увидел ослепительное золотое сияние, наполнившее его восторгом. Внутренний голос подсказывал призраку, что это Валгалла. По мере приближения к цели Дариан все яснее различал высокие стены из плотных клубов тумана с массивными железными воротами. За ними он увидел своих павших товарищей по оружию. Они ждали его. Вот Торан Черный Щит, а рядом с ним — Анкас Отважный... Воины пили вино и веселились. Возле них вились высокие, стройные белокурые валькирии.

Когда Дариан подлетел еще ближе, ворота распахнулись, товарищи обратили к нему просветленные лица и приветственно замахали руками.

Душа Дариана, хоть и с опозданием, наконец прибыла в Рай.

ЭПИЛОГ

Макоби ехала верхом на лошади среди ликующей толпы, радостно улыбалась и кивала в знак признательности.

Рядом на лошади восседал угрюмый Миал. За ними следовала целая когорта гвардейцев и знати. Миал возвращался в Минас Лантан. На его брачное предложение ответили вежливым, но твердым отказом, зато организовали пышные проводы.

Принц был разочарован, но Макоби, пытаясь его утешить, сказала, что, хотя его предложение является для нее большой честью, она считает, что выходить замуж ей пока рано. Ее отец, правитель Кумаса, сделал официальное заявление, в котором принес извинения по поводу неловкой ситуации, в которую попал Миал во время последнего визита, и подтвердил, что узы дружбы между двумя городами остаются неизблевыми.

Чтобы Миал не чувствовал себя обиженным, в его честь закатали роскошный пир и устроили праздничную церемонию прощания. Тысячи людей высыпали на улицы, чтобы проводить героя.

Правда, торжественную процедуру омрачило одно небольшое происшествие, когда какой-то явно чокнутый констебль транспортной полиции выскочил из толпы и вцепился в ногу Миала. Назвавшись инспектором Трассой, безумец орал, что должен арестовать принца по обвинению в убийстве полковника Де Венчаса. Но дюжина рослых гвардейцев тут же повалила сумасшедшего наземь, а потом увела с глаз долой.

Макоби украдкой взглянула на Миала. Как это ей могло прийти в голову, что он способен на заговор? В его облике,

не лишенном достоинства и благородства, полностью отсутствовали признаки глубокого ума. Он мог быть отличным полководцем, но заговорщиком — вряд ли.

Принцесса улыбнулась про себя.

Было так приятно снова вернуться во дворец, опять наслаждаться солнцем и радостью, носить изысканные туалеты и украшения, ехать верхом в ликующей толпе верных подданных... Но прошедшие дни пробудили в ней жажду приключений. Ей хотелось быть...

Нет! Макоби вовремя опомнилась. Желать нельзя! Она надеялась, что, может, скоро вновь отправится с Глартом путешествовать по неизведанным местам, и они будут ночевать под звездным небом... И пусть по этому поводу отец и придворные говорят, что им заблагорассудится.

Но тут девушка вспомнила об амулете, мирно покоившемся на ее груди. В конце концов, если они все же воспротивятся, она всегда сможет загадать желание...

Бывший инспектор Трасса сидел в деревянных колодках и морщился каждый раз, когда о его голову расплющивался очередной перезревший помидор.

Он провел в таком положении уже шесть часов. Еще три часа пройдет, прежде чем его освободят... Покрытый сверху донизу тухлыми объедками и следами гнилых овощей, Трасса умирал от голода и жажды, нестерпимо хотел в уборную и чувствовал себя ужасно несчастным.

Единственное, что не давало ему окончательно пасть духом, так это сознание собственной правоты. Часа два назад его навестили сержант Кратаван и инспектор Раци, выразившие восхищение его сообразительностью. Сараккан оставил чересчур запутанный след, ведущий к Миалу, и только Трасса оказался настолько умен, чтобы проглотить наживку и выйти на принца. Даже сама госпожа Макоби подозревала сначала Миала и поняла, кто истинный преступник, только тогда, когда Сараккан пытался ее убить.

Трасса увидел старушку, резво направившуюся в его сторону, и вздохнул. Ее намерения не оставляли сомнений. Интересно, что заставляет этих старых перечниц радоваться горю ближних? Подавляющее большинство людей, развлекавшихся в тот день метанием в него гнилых продуктов, были милыми седовласыми стариками и старушками.

Он мысленно содрогнулся, когда разглядел в руках у приближающейся женщины какую-то выпечку явно домашнего изготовления.

«О нет! — подумал он про себя. — Неужели она запустит этот дымящийся пирог мне в лицо?»

Но старушка жалостливо улыбалась и смотрела на него с сочувствием.

— Бедолага! — сказала она, приблизившись. — Как пить дать вы умираете с голоду. Я тут кое-что для вас припасла. Сама испекла. Надеюсь, вам понравится.

Трасса принял пирог с благодарностью, благословляя доброе создание. Старушка, ковыляя, удалилась.

Детектив понюхал угощение, пытаясь вспомнить, где видел эту женщину раньше, ибо ее лицо показалось ему знакомым. Пирог источал умопомрачительный запах, и в животе у бывшего инспектора забурчало.

Трасса поднес пирог ко рту и, откусив кусочек, принялся жевать.

Хм, подумал он, рассматривая лакомство. Вермишелевый пирог. Как необычно.

Однако когда вермишелины внезапно зашевелились, Трасса понял, что старушенция — не кто иная, как бабка Раси. Но догадался он об этом слишком поздно...

Гарт сидел на кровати в маленькой, скромно обставленной комнате, предоставленной в его распоряжение.

Вероятно, это было самое крошечное помещение во всем дворце, но, по меркам монаха, жилье можно было считать роскошным. Юноша как раз раздумывал, под каким предло-

гом задержаться во дворце еще на неделю или две, когда дверь открылась и вошла Макоби.

— Привет! — сказала она. — Занят?

Гларт вскочил на ноги. Разодетая в пух и прах, девушка теперь выглядела как настоящая принцесса и совсем не походила на заурядную путешественницу в запыленной одежде, которую он знал. Молодой монах вдруг почувствовал себя неловким и робким.

Макоби примостилась на краю кровати, жестом приказав Гларту присесть рядом. Он не заставил себя упрашивать.

— Я много размышляла по поводу этой штуки, — сказала принцесса, извлекая амулет из привычного места хранения. — Полагаю, тебе нужно забрать его в монастырь. Там он будет в большей сохранности.

У Гларта защемило сердце. Похоже, ему нснавязчиво велит отправляться восвояси.

— Несомненно, — согласился он. — Но меня беспокоит одно обстоятельство. Мне кажется, его официальная хранильница — ты.

Макоби улыбнулась.

— Как это ни странно, — согласилась она, — я испытываю то же самое чувство. Может, тогда мне пойти вместе с тобой?

— Что?.. Со всеми этими охранниками, фрейлинами и горничными?!

— Нет-нет! С ними будет не так круто. Я хочу путешествовать, как тогда, когда мы шли в Великий Тошнотик. Ночевать под звездами, получать еду в награду за твое колдовство. Вот чего мне хочется!

В этот момент Гларт внезапно почувствовал, что их колени соприкасаются.

— Я не хочу возвращаться в монастырь так быстро, — сказал он. — Как только я окажусь в его стенах, меня вряд ли выпустят когда-либо за его пределы. Было бы здорово сначала немного попутешествовать, посмотреть на мир, да и себя показать...

Гларт замолчал и посмотрел девушке прямо в глаза. По какой-то необъяснимой причине ему стало трудно дышать.

— На это уйдут недели... — добавил он, как бы невзначай.

— Или месяцы... — уточнила Макоби деловито.

— Ага! Или месяцы.

И опять, уже, наверное, в сотый раз, Гларта охватило непреодолимое желание заключить девушку в объятия и зацеловать до смерти.

Теперь он не стал ему противиться.

И Макоби тоже не стала.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Незнакомые слова и понятия, не указанные в нижеприведенном списке, можно обнаружить в приложениях к Романским книгам.

Братья Смертных — братство странствующих монахов, ведущих кочевую жизнь. Обычно они разъезжают по открытым дорогам группами на могучих ухоженных лошадях. Они также известны под именем Небесные Ангелы или Конная Братва. Главные догматы их ордена основываются на Послании святого Ставро Строгого, в котором тот провозглашает ересью модный тезис о реинкарнации и заявляет, что человек живет только один раз. Эти догматы перечислены в Трех Заповедях Братьев Смертных:

1. Помни, что в этой жизни имеешь право всего на одну попытку, так что извлеки из нее максимум пользы.

2. Пробуй все один раз. Если ты выжил, повтори попытку. Если получил при этом удовольствие, продолжай в том же духе, чтобы было о чем вспомнить.

3. Получай удовольствие.

Неудивительно, что, согласно опросу всех журналов без исключения, последние десять лет Братство Смертных неизменно занимает ведущие места среди «наиболее популярных религиозных орденов». Важно иметь в виду, что стать членами секты стремится огромное число людей, поэтому орден является единственным, где ждать очереди на инициацию приходится по шесть лет.

Углеродный анализ. Брат Углерод, монах из АБРАКАДАБРЫ, имел дар, позволявший ему с удивительной точностью оп-

ределять возраст любого предмета быта и искусства. Этот дар снискал ему большую известность среди археологов и других ученых, но сделал его крайне непопулярным среди их жен. Наука понесла тяжелую потерю, когда брат Углерод скончался после злосчастного происшествия на вечеринке по поводу (предположительно) тридцать девятого дня рождения супруги декана в результате ряда ранений, нанесенных ему шашлычным шампуром после того, как он открыл собравшимся, что имениннице на самом деле стукнуло сорок семь.

Растительная жвачка — вид табака, предназначенного для жевания, а не курения. Впервые получен в Орквилле — городе в северных горах с наиболее суровым климатом во всем Среднемирье. В условиях постоянных дождей почти невозможно уберечь что бы то ни было от влаги. Предполагается, что растительная жвачка получила распространение после того, как завзятые курильщики обнаружили, что из-за сырости больше не могут курить сигареты, и, чтобы получить привычную дозу никотина, были вынуждены жевать их.

Кажавоги — одомашненные рептилии, крайне непопулярные среди людей из-за огромных размеров и дурного запаха. Испуская газы, существа эти гадят постоянно и повсюду, причем без меры. К тому же они склонны без предупреждения откусывать головы гостям дома. Однако по этим же причинам животные являются чрезвычайно любимыми домашними питомцами в среде орков.

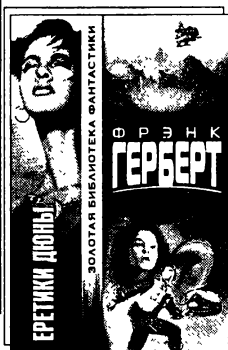
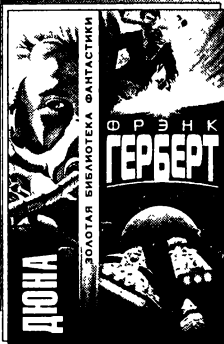
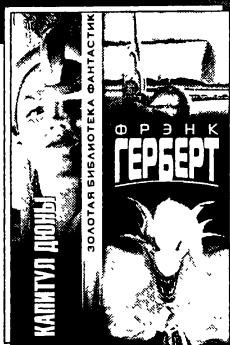
Клатт — бранное слово оркского происхождения. Но не то, что вы подумали, другое.

Сестры Вечного Возбуждения — орден монахинь, практикующий сочетание ортодоксальной религии с чувственными плотскими удовольствиями. Они были первыми, кто ввел моду на мини-облачения и просвечивающий плат. Кроме того, им приписывается слава изобретения благословенных имплантатов. Это единственные монахини, выбривающие волосы в виде тонзуры. Интересно и то, что выбриваются волосы не на голове...

СОДЕРЖАНИЕ

Местъ Ронана	5
Амулет	327

ДЮНА

В серии

«Золотая библиотека фантастики»

опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:

«Дюна», «Мессия Дюны», «Дети Дюны»

«Бог-Император Дюны», «Еретики Дюны»

«Капитул Дюны».

Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом Кевинном Андерсоном создал трилогию «Прелюдия к Дюне»: «Дом Атрейдесов», «Дом Харконнионов», «Дом Коррино». Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в 2004 году в серии «Золотая библиотека фантастики»
первый роман новой трилогии — «БАТТЕРИАНСКИЙ ДЖИХАД»!

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513
107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

Анджети Сапковски
ВЕДЬМАК

**ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ**

**СЕРИЯ
"ВЕК ДРАКОНА"**

В серии готовятся к выпуску произведения признанных мастеров жанра фэнтези — Анджея Сапковского, Роберта Джордана, Лоуренса Уотт-Эванса, Кристофера Сташефа, Глена Кука, Терри Гудкайнда, Дэйва Дункана, а также талантливых молодых авторов: Мэгги Фьюри, Марты Уэллс, Грегори Киза и других.

"Век Дракона" — это мастера мечей и волшебства, войны с кровожадными чудовищами и ошеломляющие поединки, великие герои и отважные воительницы, невероятные страны и невероятные приключения...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения
и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза,
детективы, фантастика, любовные романы,
книги для детей и подростков, учебники, справочники,
энциклопедии, альбомы по искусству,
научно-познавательные и прикладные издания,
а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

**Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать
и получить по почте в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к. 1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1,
Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «ХЛ», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru> :

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Бибби Джеймс
Месть Ронана
Амулет

Фантастические романы

Художественный редактор О.Н. Адаскина

Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев

Компьютерная верстка: Р.В. Рыдалин

Технический редактор О.В. Панкрашина

Младший редактор Е.А. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение

№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»

667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ЗАО НПП «Ермак»

115201, г. Москва, 2-й Котляковский проезд, д. 1, стр. 32

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ФГУП

«Издательство «Самарский Дом печати».

443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов

Вы можете поверить в существование фэнтези, являющей собой «гремучий коктейль» из приключений Конана-варвара и озорного «асприновского» юмора?

Нет?

Значит, вы попросту еще не читали сериал Джеймса Бибби «Ронан-варвар»!

Перед вами — истерически смешные похождения мужественного до неприличия Ронана и развеселой компании его союзников: пьяницы и недоучки-мага, воительницы, владеющей борделем, и верного боевого... ОСЛА!

А еще Джеймс Бибби написал уморительный «Амулет» — «перевод с тарабарского», как он сам его характеризует. Терри Прэтчетт и Роберт Асприн — подвиньтесь!

Ронан-варвар
Спасение Ронана

Месть Ронана
Амулет

ISBN 5-17-022726-4

9 785170 227266

ДЖЕЙМС
Бибби

Месть Ронана
Амулет